

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

**ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ,
ЭТНОГРАФИИ, АНТРОПОЛОГИИ СИБИРИ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ**

Материалы Итоговой сессии
Института археологии и этнографии СО РАН 2012 года

ТОМ XVIII

Ответственные редакторы
академик *А.П. Деревянко*, академик *В.И. Молодин*

НОВОСИБИРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН
2012

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия

*А.В. Бауло, А.Е. Гришин, Е.И. Деревянко,
О.И. Новикова, С.П. Нестеров, М.В. Шуньков*

Исследования выполнены в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», грантов Президента РФ по поддержке ведущих научных школ – НШ-231.2012.6 и НШ-4880.2012.6, грантов РГНФ и РФФИ, интеграционных и молодежных проектов СО РАН, при поддержке Министерства образования и науки РФ: соглашение № 14.В37.21.0007, соглашение № 14.В37.21.0483, НИР 6.2069.2011, НИР 6.1541.2011

Статьи публикуются в авторской редакции

Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2012 г. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – 502 с.

ББК 63.4+63.5

© ИАЭТ СО РАН, 2012
© Коллектив авторов, 2012

**АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА
ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ**

**НОВЫЕ ДАННЫЕ
О СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ИНДУСТРИЯХ
МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ РУБАС-1
(по материалам раскопок в 2012 году)***

В 2012 г. совместной экспедицией ИАЭТ СО РАН и ИЭА РАН под руководством А.П. Деревянко продолжались археологические работы на территории Республики Дагестан с целью обнаружения и изучения памятников эпохи палеолита. Одной из задач экспедиции было стационарное исследование стоянки Рубас-1, входящей в комплекс местонахождений каменного века, локализованных в среднем течении реки Рубас в районе с. Чулат (Табасаранский р-н Республики Дагестан) (подробнее см. статью А.П. Деревянко, А.А. Анойкина, М.А. Борисова «Раннепалеолитический комплекс местонахождения Рубас-1...» в данном сборнике).

Комплекс находок, содержащий артефакты различных этапов среднепалеолитического времени, ранее изучался на местонахождении в 2006 г. двумя зачистками, расположенными на расстоянии 70 м друг от друга и локализованными в верхней части террасовидного уступа, к которому приурочен памятник. Общая площадь раскопок составила 10 кв.м., а суммарное количество артефактов – 103 предмета [Деревянко и др., 2006].

Раскоп 2012 г. (раскоп 3, в общей нумерации памятника) имеет вид протяженной и глубокой врезки в склон, вдоль верхней кромки уступа, его площадь составляет около 100 кв. м (19 х 5 (5,5) м), а максимальная глубина до 5,1 м от дневной поверхности. Раскопками были вскрыты отложения слоев 1–3 в общей стратиграфической колонке памятника [Деревянко и др., 2009], при этом археологический материал был приурочен к слою 3.

Слой 3. Гравийно-галечно-валунные отложения желтовато-рыжего, реже – светло-коричневого цвета. Среди каменного материала валунов и галек преобладает разноразмерный песчаник с карбонатным цементом (более 80–90 %). В составе слоя выделяется три дополнительных литологических подразделения (горизонты 3.1, 3.2 и 3.3). В подошвенной части (горизонт 3.3) отложения на отдельных участках слабо сцементированы, встречаются также глыбы конгломерата до 2 м по длинной оси. В целом, в горизонте 3.3. в составе галечника преобладают отдельные более крупных размеров. Слой 3 разбит в средней части горизонтом тонко-слоистых желто-серых разноразмерного песков и плотного светло-серого с голубова-

*Работа выполнена в рамках проектов РФФИ (№ 10-06-00085-а, 12-06-10001-к, 11-06-12000-офи-м-2011).

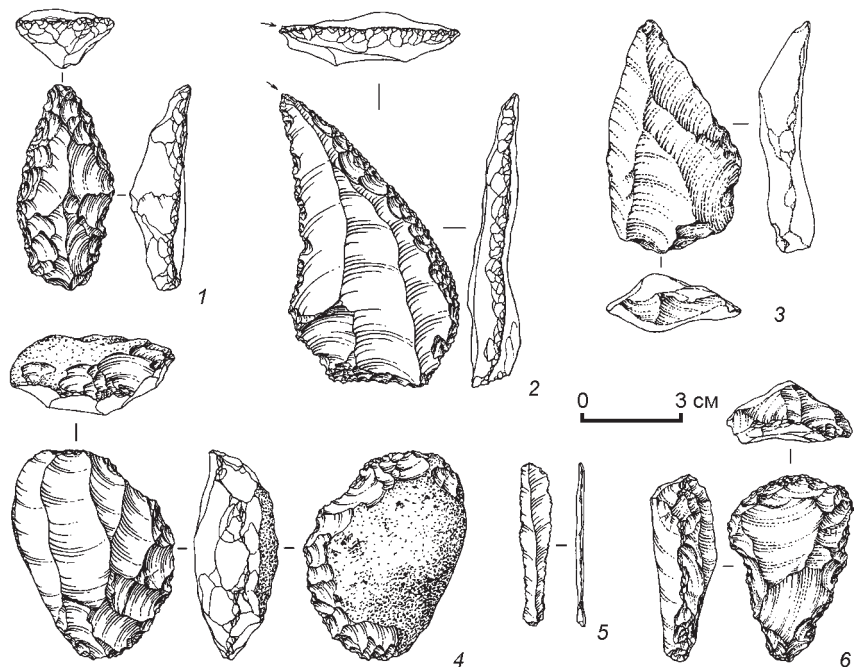
тым оттенком алеврита (горизонт 3.2). Мощность этих отложений колеблется от 0,2 до 1,5 м. Суммарная мощность слоя 3 – до 4 м. Отложения, возможно, перекрытые с небольшим перерывом, типичны для горного аллювия.

Артефакты из слоя 3 характеризуются разной степенью «сглаженности» поверхности, в основном, слабой и средней, однако, встречаются предметы, как с очень сильной ее степенью, так и совсем без следов изменений. Какой-либо закономерности в распределении артефактов с различной степенью дефляции поверхности внутри геологических тел, как в плане, так по высотным показателям не прослеживается. Даже на той части материала, которая извлечена непосредственно из разрушенных конгломератов в нижней части галечника, представлена вся шкала изменений сколовых поверхностей. Практически весь материал, из которого изготовлены артефакты, представляет собой кремь серого, желтовато-серого, желтого цвета, реже – белую фарфоровидную разность. В единичных случаях использовался кремненый известняк и песчаник. Обий для всех кремней характер включений позволяет считать, что весь материал происходит из одного источника. Исходя из анализа необработанных участков поверхности артефактов, можно утверждать, что исходным для производства изделий материалом была галька и желваки кремня. При этом, судя по невысокой степени окатанности, перенос материала был недалеким, а до транспортировки водным потоком исходный кремь подвергался интенсивному выветриванию, о чем свидетельствуют остатки корки выветривания на части предметов [Дервянко и др., 2009].

Сглаживание поверхностей артефактов после изготовления связано, скорее всего, с абразивным, обтачивающим действием среды, а не с переносом их в водном потоке. Об этом свидетельствует отсутствие или единичность на сколовых поверхностях артефактов характерных для последнего процесса серповидных трещинок. Возможно, перемещение археологического материала происходило в песчаной взвеси, или имел место перемыв отложений и абразия артефактов песком в пляжно-прибрежных условиях.

Интересным фактом является наличие на сколовых поверхностях нескольких артефактов отчетливого побеления, характерного для кремней при экспонировании их на дневной поверхности, причем, иногда такие побелевшие скалывания пересекаются более поздними снятиями. Также следует отметить, что достаточно часто на артефактах отмечаются следы поджигления.

Общая коллекция археологического материала сл. 3, полученного в ходе работ 2012 г., составила 378 экз. Их них: нуклевидные формы – 24 экз., в том числе 20 экз. типологически выраженных нуклеусов, пластины – 46 экз. (см. *рисунок*, 5), пластинчатые отщепы – 30 экз., удлиненные треугольные сколы – 17 экз., отщепы – 227 экз. Вторичной отделкой 35 предметов преобразованы в орудия.

Рубас-1. Раскоп 3 (работы 2012 г.). Слой 3. Каменные артефакты.

Художник А.В. Абдулманова.

1 – остроконечник мустье; 2 – комбинированное орудие; 3 – остроконечник леваллуа;
4, 6 – нуклеусы; 5 – пластина.

Анализ первичного расщепления в коллекции показал следующее. Среди нуклеусов (20) преобладают радиальные формы (8), как правило, монофронтальные, сильно сработанные, уплощенные, предназначенные для снятия мелких и средних широких отщепов. Следующая по массовости категория – ядрища параллельного принципа скалывания, представленные простыми одноплощадочными монофронтальными нуклеусами (5), из которых только один был предназначен для снятия удлиненных заготовок. В единичном экземпляре представлен более сложный вариант этой техники – одноплощадочное ядрище с двумя сопряженными фронтами скалывания. Также в коллекции есть леваллуазские ядрища (3), предназначенные для снятия пластинчатых заготовок, как в простом одноплощадочном варианте (1) (см. рисунок, б), так и с использованием двух площадок, при встречном чередующемся расщеплении (2) (см. рисунок, 4). Следует отметить, на одном из последних нуклеусов фиксируется прием тщательной подработки одной из латералей в бифасиальной технике. В коллекции представлены также и торцовые ядрища (2), причем одно из них выполнено на небольшом сколе. Показательным является большая степень сглаженности поверхности у всех радиальных и леваллуазских нуклеусов. Торцовые раз-

новидности практически не окатаны, остальные разновидности не имеют четкой группировки по степени дефляции поверхности.

Предварительный анализ остаточных ударных площадок сколов показывает, что среди них подавляющее большинство составляют гладкие. Двухгранные и фасетированные разновидности немногочисленны – 5 и 10, соответственно, а естественные – единичны. Среди фиксирующихся типов огранки дорсалов преобладают субпараллельные, продольно-поперечные и бессистемные. Естественных дорсалов заметно меньше, но они присутствуют в коллекции. Показательно наличие среди них некоторого количества первичных «пластин».

Орудийный набор – 35 экз., включает следующие типы изделий:

- остроконечник леваллуа – 1 (см. *рисунок, 3*);
- остроконечник мустье – 1 (см. *рисунок, 1*);
- остроконечники удлиненные – 2;
- скребла – 4, в том числе поперечные слабовыпуклые дорсальные на широких сколах – 2, угловатые, прямые дорсальные на трапецевидных отщепах – 2;
- скребки – 4, все относятся к атипичным разновидностям как по характеру обработки, так и по конфигурации рабочего элемента. Выделены следующие разновидности: концевые – 2, на остаточной ударной площадке – 1, на мелкой уплощенной галечке – 1;
- ретушированные пластины – 2, одно из изделий имеет обработку по обоим продольным краям. По характеру и интенсивности обработки лезвий орудия могут быть отнесены к категории скребел;
- шиповидные – 7, в том числе одно на крупном плоском трапецевидном обломке, с массивным округлым выступом, оформленном в медиальной части одного из протяженных краев несколькими разноразмерными сколами. Остальные изделия мелких и средних размеров, шипы короткие, трехгранные, выделены мелкими сколами на узких торцах или углах заготовок;
- выемчатые – 5, все изделия небольших размеров, выемки неглубокие, оформлены мелкими сколами и модифицирующей ретушью;
- зубчато-выемчатые – 2, в том числе одно на крупной уплощенной галке, оформленное крупными и средними сколами;
- комбинированное орудие (скребло+резец) – 1, выполнено на крупном удлиненном ассиметричном треугольном сколе (остроконечник?), выпуклое скребущее лезвие оформлено интенсивной ретушью по одному из продольных краев, резцовый элемент организован единичным продольным сколом на острие дистальной части (см. *рисунок, 2*);
- треугольные сколы с ретушью – 2, одно из изделий может быть отнесено к сколам оформления остроконечников леваллуа;
- отщепы с ретушью – 4.

Таким образом, орудийный набор коллекции 2012 г. немногочисленен, но в нем присутствуют единичные яркие формы леваллуазских и мустьер-

ских остроконечников (сильной и средней степени дефляции), интенсивно ретушированных пластин, угловатых скребел, и комбинированных орудий. Часть орудийного набора представлена небольшими замытыми шиповидными и выемчатыми формами, имеющими аналоги в раннепалеолитических мелкоорудийных комплексах Дагестана.

В целом, археологический материал из слоя 3 представляет собой смесь материалов нескольких индустрий различных культурно-хронологических этапов. Наиболее древний мелкоорудийный компонент может быть отнесен к финалу раннего палеолита, леваллуазские и мустьерские формы орудий и нуклеусов, а также основная часть археологических материалов, которые имеют степень дефляции не ниже средней, относятся, видимо, к развитому среднему палеолиту, и, наконец, слабо- и недефлированные изделия, как правило, более удлиненные и тонкие, относятся в финалу среднего палеолита и близки хронологически комплексам из подошвы венчающих разрез лессовидных суглинков (сл. 1), которые содержат материалы переходного от среднего к верхнему палеолиту времени и, видимо, имеют возраст, не превышающий 50 тыс. л.н.

Список литературы

Деревянко А.П., Анойкин А.А., Зенин В.Н., Лещинский С.В. Ранний палеолит Юго-Восточного Дагестана. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 124 с.

Деревянко А.П., Анойкин А.А., Славинский В.С., Борисов М.А., Лещинский С.В., Кулик Н.А. Новые данные о палеолитическом местонахождении Рубас-1 (Южный Дагестан) по материалам раскопок 2006 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – С. 77–82.

НОВЫЙ ЭТАП ИССЛЕДОВАНИЙ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ УСТЬ-БЕЛАЯ (ПРИБАЙКАЛЬЕ)*

В 2012 г. возобновлены археологические раскопки на известном местонахождении Усть-Белая, которое вошло в обширную археологическую и геологическую литературу как «многослойная стоянка Усть-Белая». Оно расположено в 100 км ниже от Иркутска в левой устьевой части р. Белой (левого притока р. Ангары) и занимает весь левобережный устьевой участок вдоль р. Белой (бельский участок) и прилегающую к нему территорию по левому берегу р. Ангары (ангарский участок).

Усть-Белая имеет продолжительную историю исследований, начиная с ее открытия в 1929 г. М.М. Герасимовым. Стоянка считается эталонной для понимания развития раннеголоценовых докерамических культур юга Байкальской Сибири [Мезолит..., 1971]. На территории Усть-Бельской стоянки находится также и одноименный могильник, состоящий из захоронений раннего неолита (китойская культура) и эпохи палеометалла [Георгиевская, 1989]. В последние десятилетия исследования Усть-Белой были ориентированы на определение хронологических позиций докерамических комплексов, в результате которых удалось подтвердить позднепалеолитический возраст нижних культурных горизонтов и выявить ряд неординарных природных событий конца позднего плейстоцена [Бердникова, Воробьева, Ощепкова, 1998].

Основными задачами нынешних исследований явились уточнение строения отложений и их генезиса, стратиграфической и возрастной позиции мезолитических и неолитических комплексов. Изучение отложений проведено Г.А. Воробьевой (Иркутский государственный университет), определение фаунистических остатков сделано Р. Лозеем (Университет Альберта, Эдмонтон, Канада).

Исследования проводились на двух поверхностях: 7–9-метровой и на 9–11-метровой террасах бельского участка («основная площадь» Усть-Белой) [Бердникова, Воробьева, Ощепкова, 1998; Бердникова, 2001]. На 7–9-метровой террасе к одному из раскопов 60-х гг. XX в. сделана прирезка площадью 24 м²; на 9–11-метровой поверхности заложена зачистка-врезка в пределах раскопа 9.

*Работа выполнена в рамках междисциплинарного интеграционного проекта СО РАН (№ 77).

Выработками вскрыто следующее строение отложений:

1. Профиль полноразвитой почвы – бурозем оподзоленный, состоящий из горизонтов АУ-АЕЛ-ВМ легкосуглинистого состава: горизонт АУ – бурочерного цвета, задернованный; элювиальный горизонт АЕЛ – белесовато-серый; горизонт ВМ – метаморфический, ярко-бурой окраски. Суммарная мощность профиля 0,50–0,60 м.

2. Эоловые пески. На 7–9-метровой поверхности они содержат серию погребенных примитивных почв. Поверхность их неровная, осложнена очагами выноса. Возраст этой песчаной толщи – раннеголоценовый. На 9–11-метровой поверхности пески перевеянные, рыхлые, сформировались в финале сартана. Мощность их 0,70–0,80 м.

3. Пойменные слоистые супеси – легкие суглинки, слабо переработанные почвообразованием и слабо криотурбированные, к ним приурочены XIV–XV-е к.г., ^{14}C -даты – $11\,930\pm230$ (ГИН-5329), $11\,840\pm75$ (АА-36914), $11\,765\pm70$ (АА-36951). Мощность до 0,40 м.

4. Пойменные супеси – легкие суглинки, слабооглеенные, с карбонатными и рассеянными железистыми конкрециями, слабо переработанные почвообразованием – XVIa, XVI к.г., ^{14}C -дата – $15\,300\pm800$ (СОАН-4016). Мощность до 0,30 м.

5. Пойменно-болотные супеси, в нижней части с раковинами моллюсков. В верхней части отмечается слабая переработка почвообразованием – XVII, XVIII к.г. Мощность 0,45–0,55 м.

6. Озерные тонкослоистые (слойки менее 1 мм) отложения. В кровле обогащены карбонатами в результате их подтягивания к высыхающей поверхности. Мощность 0,50–0,55 м.

7. Песчаный нанос мощностью 0,25–0,30 м с глыбками и мелкими округлыми фрагментами песков и супесей, в том числе слоистых – результат размыва и переотложения аллювия и береговых отложений, находившихся в мерзлом состоянии. Кровля со следами размыва. Залегает на толще доломитов нижнего кембрия, представленной разбором плитняком.

В кровле почвенного горизонта АУ в раскопе на 7–9-метровой террасе выделен первый уровень находок или 1/1 культурный горизонт (к.г.). Здесь обнаружено фрагменты гладкостенной неорнаментированной керамики; изделия из камня – разнообразные сколы, нуклеусы, скребки; фрагментированные кости млекопитающих; а также небольшое количество железного шлака и крицы. К средней части этого горизонта приурочены находки 1/2 к.г. Найдены фрагменты керамики как неорнаментированные, так и декорированные отступающей лопаточкой, а также фрагменты сосудов с оттисками «рубчатой лопаточки». Каменный инвентарь представлен сколами, пластинами, нуклеусами и скребками. Состав фауны 1/1 и 1/2 к.г. практически идентичен, определены бык, лошадь, косуля, благородный олень, свинья дом.?

К горизонту АЕЛ и кровле горизонта ВМ приурочены находки 2/1 к.г. Археологический материал в этом уровне смешан, что подтвердилось в процессе работ. Находки представлены каменными изделиями (сколами различ-

ных модификаций, пластинами и незначительным количеством орудий), фаунистическими остатками и фрагментами керамики. Встречаются фрагменты, декорированные в технике отступающей лопаточки, а также обломки сосудов с оттисками шнура, рубчатой лопаточки и резной ячеистой «колотушки» (т.н. вафельный декор). Разнообразие фрагментов керамики свидетельствует о том, что здесь залегает материал эпох неолита и бронзового века.

К средней части горизонта ВМ приурочен археологический материал 2/2 к.г. В составе каменного инвентаря сколы различных модификаций, пластины из кремня, кварцита, нуклеусы, скребки, абразивы. Керамический материал 2/2 к.г. представлен фрагментами сосудов усть-бельского типа, орнаментированных параллельными и зигзагообразными линиями в технике отступающей лопаточки и гребенки. На уровне 2/2 к.г. выявлены «ямы» различных размеров, которые формировались в очагах выноса (котловинах выдувания) на поверхности нижележащих песков. Самая большая из них имела округлую форму около 1,5 м в диаметре, глубина ее около 0,5 м. Контуры этой «ямы» проявились только на фоне раннеголоценовых песков (слой 2 разреза). Ее естественное происхождение, помимо особенностей строения заполнения, которое повторяет профиль полноразвитой почвы, подтверждают и археологические находки, найденные в заполнении. В верхней и средней его частях обнаружены фрагменты керамики палеометалла. На дне и в стенках ямы найдены фрагменты усть-бельской керамики, большое количество сколов, в том числе и пластин, а также скопление орудий, изготовленных из белого кремня. На дне ямы находилось кострище, перекрытое доломитовой плитой вытянутой формы, в котором найдено несколько фрагментов усть-бельской керамики. Фаунистические остатки 2/2 к.г. представлены в основном мелкими фрагментами костей, определены косуля, найден зуб собаки, кости рыб (остеровые).

В примитивных почвах раннеголоценовых песков (слой 2 разреза) выделено 4 уровня залегания находок – 3, 4, 5, 6 к.г. Археологический материал сконцентрирован вокруг трех небольших кострищ. В составе каменного инвентаря сколы различных модификаций, пластины из кремня, нуклеусы, скребки, каменная подвеска, костяной гарпун. Фаунистические остатки представлены в основном мелкими обломками, а также и костями рыб. Эти уровни находок коррелируются с верхней частью II–XIII мезолитических к.г., выделенных ранее [Мезолит..., 1971].

При изучении особенностей строения разреза выявлена следующая последовательность природных событий:

1. Предположительно в раннесартанское время (древнее 20 тыс. л.н.) сильной ударной волной, возможно, спровоцированной землетрясением, на данном участке были уничтожены аллювиальные отложения р. Белой, которые были сформированы на толще разборного плитняка доломитов нижнего кембрия, которая была ранее определена как нижний коллювиально-солифлюкционный шлейф [Бердникова, Воробьева, Ощепкова, 1998]. Событие, вероятно происходило в холодное время года, поскольку

в составе нового песчаного наноса сохранились фрагменты «первичного» аллювия, представленные остроугольными и окатанными обломками, сложенными слоистыми песками и супесями.

2. Ударная волна, вероятно, сформировала котловину и запруду перед ней. Таким образом, на данном участке сложились условия, соответствующие озерному осадконакоплению с образованием ритмичных сезонных слоев.

3. Заполнение озера осадками привело к его высыханию и изменению характера осадконакопления на пойменно-аллювиальное (в средние и позднесартанское время). Вероятно, смена режима осадконакопления дополнительно было спровоцировано тектоническим событием, маркером которого является средний коллювиально-солифлюкционный шлейф, зафиксированный в слое 5 на близлежащих площадях [Бердникова, Воробьева, Ощепкова, 1998].

4. В финале позднего сартана произошло сильное тектоническое событие, которое привело к резкому сползанию грубообломочного материала и формированию верхнего коллювиально-солифлюкционного шлейфа. Это явление сопровождалось прохождением сильной ударной волны по долине Ангары, которая размывала отложения, включающие XIV–XV-е к.г. После этих катастрофических событий изменился характер осадконакопления. Пойменное осадконакопление сменилось субэвральным, активизировалось почвообразование. Началось формирование 7–9-метровой поверхности, раннеголоценовая песчаная толща которой имеет субэвральные (эоловые) генезис.

В археологическом плане расширилась площадь распространения мезолитического материала в многослойной вариации. Установлено, что неолитические комплексы с усть-бельской керамикой приурочены к средней части почвенного горизонта ВМ и что большинство неолитических «ям» сформировано в естественных понижениях (котловинах выдувания) на поверхности раннеголоценовых песков.

Список литературы

Бердникова Н.Е. Геоархеологический объект Усть-Белая. Культурные комплексы // Каменный век Южного Приангарья: путеводитель Междунар. симп. «Современные проблемы палеолитоведения Евразии». – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 2001. – Т. 2: Бельский геоархеологический район. – С. 113–146, 210–240.

Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А., Ощепкова Е.Б. Геоморфология и стратиграфия геоархеологического объекта Усть-Белая (основная площадь изучения) // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий: (мат-лы Междунар. симп.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 2. – С. 26–36.

Георгиевская Г.М. Китайская культура Прибайкалья. – Новосибирск: Наука, 1989. – 152с.

Мезолит Верхнего Приангарья. – Иркутск: Иркут. ун-т, 1971. – Ч. 1: Памятники Ангаро-Бельского и Ангаро-Идинского районов. – 242 с.

РАСКОПКИ НЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ АВТОДРОМ-1 В 2012 ГОДУ

В 2010–2011 г. Кузбасской археологической экспедицией КемГУ и ИЭЧ СО РАН под руководством В.В. Боброва начаты раскопки поселения Автодром-1, расположенного в Венгеровском районе Новосибирской области. Предварительные результаты работ позволили датировать памятник эпохой неолита [Бобров, Марочкин, Юракова, 2012]. Судя по всему, это второй крупный неолитический памятник в данном районе (наряду с поселением Автодром-2), содержащий остатки жилых сооружений и имеющий насыщенный артефактами слой. Дальнейшее исследование Автодрома-1 определено одним из приоритетных направлений, ориентированным на изучение неолита Западной Сибири, и связанного, в частности, с накоплением источников новокаменного века на территории Барабинской лесостепи и Среднего Прииртышья.

В 2012 г. на поселении были вскрыта площадь в 91 м², уточнена планиграфия памятника и его стратиграфическая ситуация, изучены остатки двух жилых сооружений и получена относительно многочисленная коллекция находок (343 предмета).

В сводке археологических памятников Венгеровского района отражена информация о пяти жилищных западинах поселения Автодром-1, расположенных без системы [Молодин, Новиков, 1998]. Проведенная в этом году инструментальная съемка ситуационно-топографического плана памятника, позволила уточнить количество остатков жилищ и их группировку (рис. 1). Всего зафиксировано 16 западин округлой формы, диаметром от 4 до 7 м и глубиной до 0,3 м. Большая часть из них сконцентрирована у края второй надпойменной террасы (№ 1–14). Два жилища отстоят от остальных, располагаясь в глубине террасы (№ 15–16).

Выявленная стратиграфическая ситуация соответствует предыдущим наблюдениям:

- 1) дерновый слой: от 0,01 до 0,04 м;
- 2) гумусированная супесь темно-серого цвета: от 0,06 до 0,18 м;
- 3) легкая супесь светло-желтого цвета – от 0,04 до 0,5 м;
- 4) плотный суглинок коричнево-красного цвета («материк») – достоверно установленная мощность до 0,6 м.

Залегание культурных остатков и заполнение жилищных котлованов связано со слоем № 3. На межжилищном пространстве существенные ва-

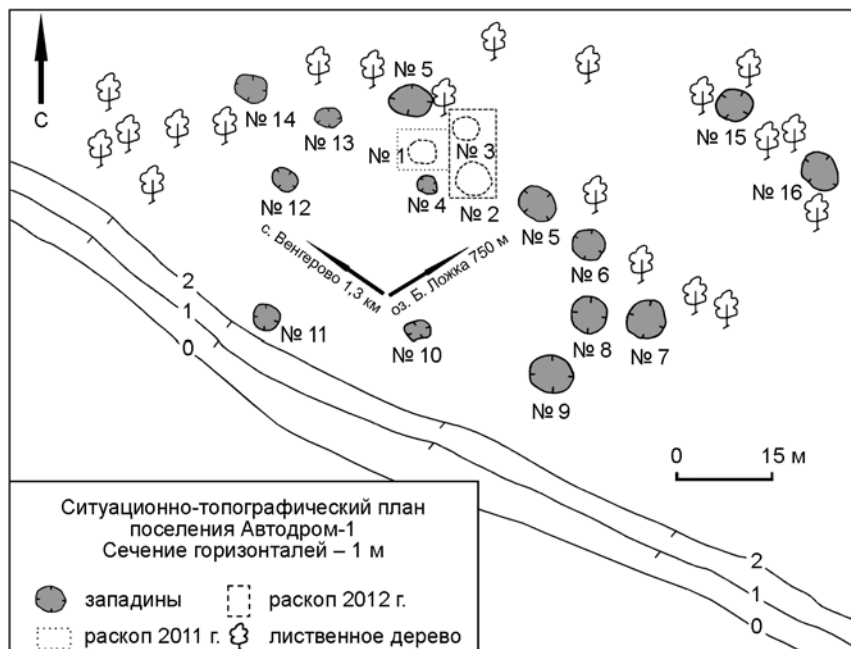

Рис. 1. Ситуационно-топографический план поселения Автодром-1.

риации в цветности слоя отсутствуют, в пределах котлованов фиксируются локальные участки с измененным оттенком цвета и многочисленные горизонтальные ортзандовые прослойки. Культуросодержащие напластования имеют эоловое происхождение, и связаны с гривными образованиями водораздельных пространств (устное сообщение Я.В. Кузьмина). Примечательно, что на памятнике Автодром-2 именно с подобными почвами связано залегание неолитических культурных остатков, тогда как артефакты более поздних периодов (эпоха бронзы – средневековье) сконцентрированы в верхнем слое гумусированной супеси.

Остатки жилищ представлены котлованами от полуземлянок:

1) жилище № 2 – котлован округлой формы, размерами 5×5,5 м, глубиной относительно материка до 0,5 м. Стенки крутые. Рядом с жилищем, по его периметру, зафиксированы шесть округлых ям разного размера;

2) жилище № 3 – котлован округлой формы, размерами 4×4 м, глубиной до 0,2 м. Форма определена условно, так как южная часть котлована сильно нарушена корневой системой деревьев.

Находки представлены в основном предметами каменной индустрии:

– нуклеусы (3 экз.) и сколы с нуклеусов (3 экз.). Все нуклеусы призматические, одноплощадочные, монофронтальные, с негативами пластинчатых снятий 5–9 мм (рис. 2, 8, 15). В одном случае зафиксирован круговой фронт скалывания;

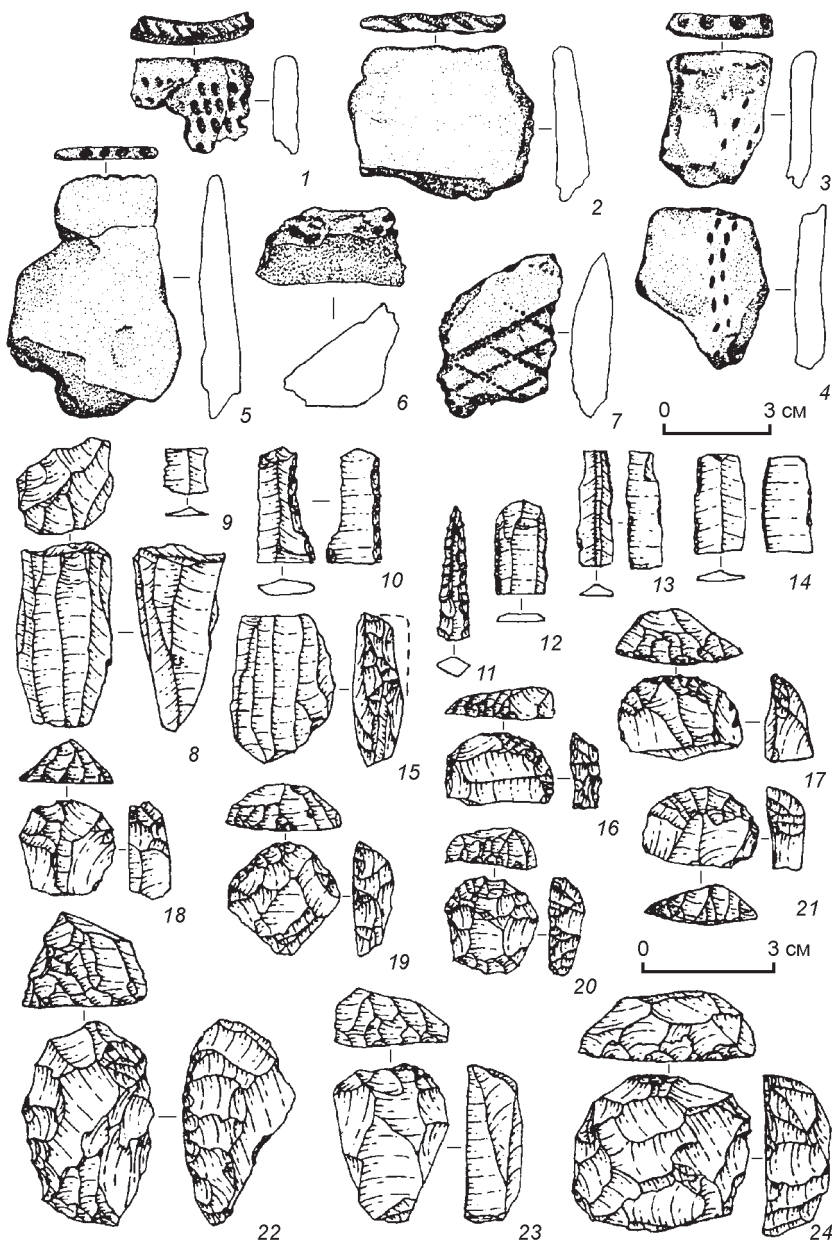

Рис. 2. Керамика и каменная индустрия поселения Автоздрорм-1.

– отщепы (69 экз.) случайной формы и разных размеров, от миниатюрных (чешуйки) до массивных. В трех случаях на отщепах нанесена мелкая локальная ретушь;

– пластины без признаков вторичной подработки (22 экз.). Основу этой группы составляют проксимальные фрагменты трапецевидных и треугольных форм шириной 7–18 мм (13 экз.), реже встречаются дистальные концы шириной 9–16 мм (6 экз.), еще реже – сечения шириной 10–15 мм;

– ретушированные пластины (15 экз.), из которых больше половины приходится на сечения треугольных и трапецевидных форм шириной 5–11 мм (8 экз.). Реже ретушь нанесена на проксимальных фрагментах шириной 9–18 мм (6 экз.) и дистальных концах шириной до 17 мм (1 экз.). Ретушь во всех случаях очень мелкая, иногда еле различимая, нанесена по одному или двум маргиналам, чаще с дорсальной стороны, но зафиксированы примеры вентрального или альтернативного нанесения (рис. 2, 10, 12–14). На пластине выполнен единственный найденный перфоратор, острие которого оформлено крупной притупляющей вентральной ретушью (рис. 2, 11);

– скребки на отщепах округлой (3 экз.), полукруглой (14 экз.), подквадратной (6 экз.), веерообразной (8 экз.), овальной (3 экз.) и торцевой (1 экз.) формы (рис. 2, 16–24). Во всех случаях крутой рабочий край оформлен крупными захватывающими фасетками. В ряде случаев непосредственная кромка рабочего лезвия дополнительно подработана мелкой непрерывной краевой ретушью;

– сколы с поверхности шлифованных орудий (10 экз.);

– абразив (1 экз.) из мелкозернистого песчаника, размерами 160×86×54 мм. Все плоскости изделия сильно вытерты. Одна из боковых кромок оббита, что можно трактовать как следы сглаживания слишком крутого точильного желоба.

Если рассматривать полученные материалы в совокупности с находками из жилища № 1 [Бобров, Марочкин, Юракова, 2012], то типологическая специфика комплекса определяется наличием пластин со скошенным торцом, преобладанием очень мелкой дорсальной ретуши при оформлении вкладышей-сечений, наличием очень крупных абразивов, доминированием скребков на отщепах правильной формы, с очень высоким и крутым рабочим краем. По ряду признаков каменная индустрия Автодрома-1 тяготеет к раннеолитическим сериям Северного Казахстана [Мерц, 2008], и даже к мезолитическим комплексам юга Западной Сибири [Молодин, 1985, с. 5].

Найденная в слое и заполнении жилищ керамика немногочисленна – 133 фр. Подавляющее большинство образуют небольшие фрагменты тулова без орнамента (100 экз.). По немногочисленным фрагментам венчиков можно выделить до шести разных сосудов, но определить их морфологию затруднительно, как и соотнести с единичными неорнаментированными фрагментами плоского и уплощенного дна (рис. 2, б). Два фрагмента вен-

чика украшены насечками по срезу венчика (рис. 2, 2, 5). Один фрагмент венчика декорирован узкими насечками по срезу, и мелкими ямочными наколами по внешней поверхности (рис. 2, 1). Еще один венчик и фрагмент тулова демонстрируют сочетание широких вдавлений по срезу и диагональных линий из мелких наколов (рис. 2, 3–4). Наконец, один фрагмент тулова декорирован сетчатым узором из оттисков мелкой гребенки или естественного зубчатого орнамента (рис. 1, 7).

Плохая сохранность керамики, немногочисленность орнаментированных фрагментов затрудняет классификацию сосудов. Предположительно, комплекс можно подразделить на две группы, различающихся по морфологии (плоскодонные сосуды и сосуды с округлым или уплощенным дном) и орнаментации (частая гребенка, насечки по венчику и линейные узоры из наколов). Дифференцировать керамику из раскопа 2012 г. по контексту залегания сложно в силу примерно равномерного распределения в слое и заполнении жилищ. Однако, прежде удалось зафиксировать перекрывание жилища № 1 развалом плоскодонного сосуда, декорированного линейным накольчатым узором [Бобров, Марочкин, Юракова, 2012, рис. 1]. На данном этапе данное наблюдение можно рассматривать в качестве косвенного доказательства одновременности двух керамических групп. В качестве аналогий фрагменту с гребенчатым орнаментом уместно привести гребенчатую керамику из могильников развитого неолита Сопка 2/1 и Корчуган [Молодин, 2001, рис. 5; Молодин, Новиков, Чикишева, 1999, рис. 3]. Очень близкие аналогии плоскодонной керамике с линейным накольчатым орнаментом видятся в материалах боборыкинской культуры, ближайшее поселение которой (Автодром-2/2) расположено в нескольких сотнях метров к востоку, на той же террасе (см. статью В.В. Боброва, А.Г. Марочкина, А.Ю. Юраковой «Новые материалы боборыкинской культуры...» в этом сборнике).

Таким образом, новые данные подтверждают неолитическую датировку поселения Автодром-1. Специфика каменной индустрии, и, отчасти, керамики позволяют, со всей осторожностью (без обращения к категориям стадильной классификации), предположить более древний возраст памятника относительно других неолитических поселений Барабы. Если данная гипотеза найдет подтверждение, материалы памятника могут стать основой для дополнения хронологических схем барабинского неолита. Раскопки поселения Автодром-1 будут продолжены, и накопленные со временем источники могут уточнить или изменить его культурно-хронологическую интерпретацию.

Список литературы

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Поселение Автодром-1 – новый памятник эпохи неолита в Барабинской лесостепи // VIII Грязновские чтения. – Омск, 2012. (в печати).

Мерц В.К. Периодизация голоценовых комплексов Северного и Центрального Казахстана по материалам многослойной стоянки Шидерты III: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2008. – 26 с.

Молодин В.И. Проблемы мезолита и неолита лесостепной зоны Обь-Иртышского междуречья // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1985. – С. 3–17.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 1. – 128 с.

Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. – Новосибирск: НПЦ по сохранению ист.-культур. наследия Новосибирской обл., 1998. – 139 с.

Молодин В.И., Новиков А.В., Чикишева Т.А. Неолитический могильник Корчуган на Средней Таре // Проблемы неолита–энеолита юга Западной Сибири. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. – С. 66–98.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ БОБОРЫКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Одним из результатов многолетних исследований поселения Автодром-2 (Венгеровский р-н Новосибирской обл.) стало выделение неолитического комплекса, идентичного по типологическим характеристикам боборыкинским памятникам Тоболо-Ишимья (подробный обзор см.: [Бобров, Марочкин, Юракова, 2012]). В рамках внутренней нумерации неолитических комплексов памятника, боборыкинское поселение (юго-западная группа жилищ) получило индекс Автодром-2/2.

В 2012 г. раскопки поселения Автодром-2/2 были продолжены. Раскопом площадью 92 м² изучены остатки трех жилищ (№ 36, 37, 57), получена коллекция из 1 129 предметов материальной культуры, новыми наблюдениями подтверждена выявленная ранее стратиграфическая ситуация [Бобров, Марочкин, 2011].

Остатки изученных жилищ представлены котлованами полуземлянок. Как и в предыдущие годы исследований, наибольшая трудность при изучении подобного рода объектов заключалась в определении дна котлованов при условии небольшой (10–15 см) мощности пачки «материкового» суглинка и визуальной однородности культуросодержащих (над суглинком) и археологически стерильных (под суглинком) горизонтов легкой супеси белого цвета. По размеру и форме изученные сооружения входят в третью группу боборыкинских жилищ Автодрома-2/2 – подпрямоугольные большие [Бобров, Марочкин, Юракова, 2012, с. 6].

– *жилище № 37* – котлован овальной или подпрямоугольной (со скругленными углами) формы, длиной (СЗ–ЮВ) до 6,5 м, шириной (ЮЗ–СВ) до 5 м, и глубиной относительно материка до 0,4 м. Стенки крутые, но не отвесные.

– *жилище № 36* – котлован подпрямоугольной формы, шириной (ЮЗ–СВ) – до 6 м, и глубиной до 0,5 м. Длину установить пока невозможно (раскопана только юго-восточная часть котлована). Стенки крутые, но не отвесные.

– *жилище № 57* – котлован глубиной до 0,4 м, с крутыми стенками. Форму и размеры пока установить сложно (исследована только западная часть котлована). Данное сооружение, не имевшее визуальных признаков на современной дневной поверхности, обнаружено при изучении слоя.

Большую часть находок (ок. 600 экз.) составляют предметы из камня:

- необработанная галька (1 экз.);
- нуклеусы: призматические одноплощадочные (рис. 1, 15) с одним или двумя фронтами скалывания (3 экз.), крупные желваки (2 экз.);
- разнообразные сколы с нуклеусов, в т.ч. сколы подживления ударной площадки (19 экз.);
- отщепы разнообразных форм и размеров (300 экз.) Подавляющее большинство отщепов не имеет признаков вторичной подработки или утилитарной ретуши, что позволяет характеризовать данную категорию предметов как отходы производства;
- пластины: без признаков вторичной подработки (102 экз.) и ретушированные (89 экз.). Целых пластин в коллекции практически нет, преобладают сечения, проксимальные и дистальные фрагменты шириной 9–11 мм. В качестве основного приема вторичной подработки доминирует

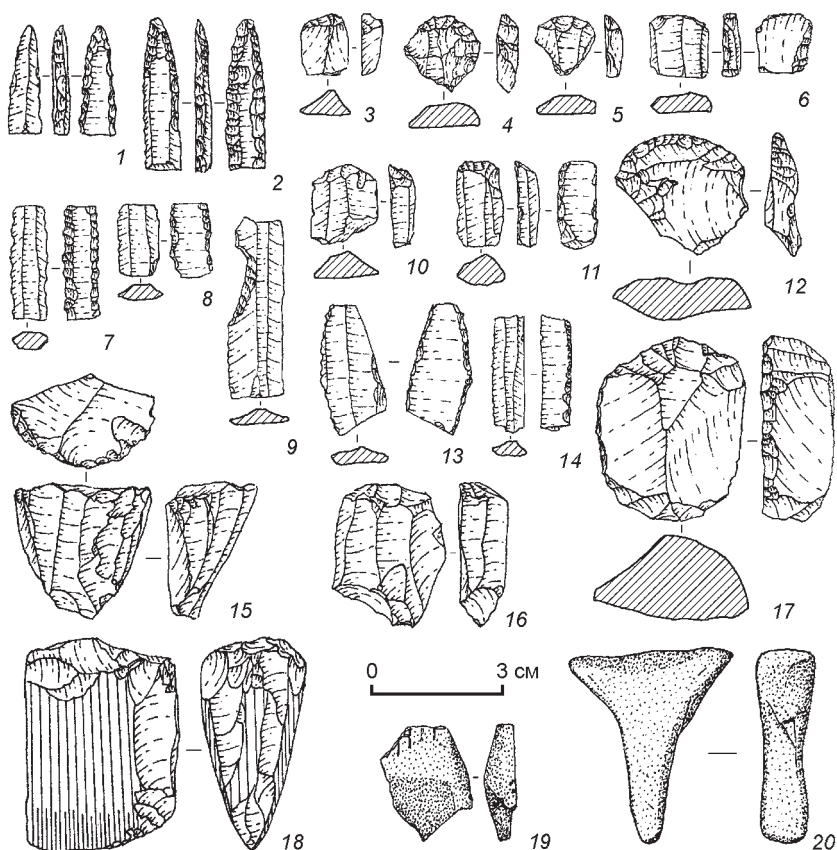

Рис. 1. Предметы каменной индустрии комплекса поселения Автодром-2/2.

мелкая непрерывная краевая ретушь по одному или двум маргиналам, чаще с вентральной стороны (рис. 1, 7–8, 13–14). Отдельная категория – концевые скребки на пластинах (рис. 1, 3, 10–11). В единственном экземпляре обнаружен резец на пластине, оформленный крупной ретушью с дорсальной стороны (рис. 1, 9);

– скребки (79 экз.), выполненные на отщепях (рис. 1, 4–6, 12, 16–17). В большинстве случаев заготовки сильно модифицированы в процессе подработки, в результате чего орудия имеют правильные формы (округлые, полукруглые, подквадратные и т.д.), но встречаются и предметы с минимальной модификацией. Рабочий край почти всегда оформлен с дорсальной стороны, но в единичных случаях зафиксировано альтернативное оформление двух противоположащих рабочих кромок;

– шлифованные тесла-топорики (2 экз.) из серо-зеленого сланца (рис. 1, 18) и сколы с поверхности шлифованных орудий (28 экз.);

– абразивы (8 экз.) из мелкозернистого песчаника, небольшие по размеру и аморфные (рис. 1, 19–20);

– перфораторы (4 экз.), выполненные на пластинах при помощи непрерывной захватывающей крутой ретуши, нанесенной с вентральной стороны (рис. 1, 1–2).

Соотнося данную серию каменных предметов с боборыкинской керамикой, нужно признать некоторую условность данного утверждения. Часть орудий могла быть связанной с артыньским этапом существования памятника, или с еще более поздними комплексами эпохи бронзы. Возможность этого подтверждается присутствием в верхних горизонтах слоя небоборыкинской керамики. Однако, комплекс по своему общему облику (доминирование вентральной ретуши, отсутствие бифасов и проколов с пришлифованным острием, сильная модификация скребков на отщепах) контрастирует с каменной индустрией артыньской культуры, в тоже время, часто демонстрируя контекстуальное единство с боборыкинской посудой.

Обнаруженная в раскопе керамика представлена 468 фр., больше половины из которых (57 %) не поддается культурно-хронологической атрибуции из-за плохой сохранности. Остальной массив включает несколько хронологических групп керамики (эпохи неолита и бронзы), в т.ч. керамику боборыкинской культуры (105 фр.).

Наиболее высокая концентрация боборыкинских фрагментов зафиксирована в слое песка белого цвета с красным оттенком (нижний культуросодержащий горизонт) и заполнении жилища № 37. По морфологическим показателям выделено 24 сосуда, 13 из которых представлены немногочисленными фрагментами венчиков, орнаментированных лишь по поверхности среза (поперечные или наклонные овальной формы оттиски, продолговатые насечки, наколы).

Орнамент остальных 11 сосудов характеризуется различными сочетаниями прочерченных отрезков, в некоторых случаях – наколов, оттисков гладкого штампа. Композиционно они образуют горизонтальные прочер-

ченные пояса-линии, вертикальные и наклонные линии, соприкасающиеся треугольные области, заштрихованные наклонными или поперечными отрезками. К часто встречающимся мотивам относятся вертикальные бордюры, заполненные различными модификациями гладкого штампа (параллельные оттиски, зигзаг) (рис. 2, 2–8). Орнаментальная композиция зачастую сочетает принципы вертикальной и горизонтальной зональности. Отдельно следует отметить обнаружение первого и пока единственного на Автодроме-2/2 археологически целого сосуда. Часть скопления *in situ* из фрагментов этого сосуда была зафиксирована в 2011 г. [Бобров, Марочкин, Юракова, 2012, рис. 3, 1–3]. В этом году на дне жилища № 37 изучена вторая часть данного скопления. Реконструкция сосуда демонстрирует типичную для боборыкинской керамики профилировку и пропорции – вытянутый горшок со слегка закрытым устьем и зауженной придонной частью (рис. 2, 1б). Орнаментальное поле горшка делится на восемь зон, вариативно заполненных одним из элементов – округлыми или семечковидными наколами, прочерченной сеткой, параллельными горизонтальными отрезками и ими же со «свисающим» зигзагом гладких оттисков, прочерченными «углами» (рис. 2, 1а).

Из керамики выполнен «утюжок», обнаруженный в заполнении жилища № 37 (рис. 2, 9). Предмет округлой формы, линзовидный в сечении, с широким поперечным желобком. Подобные изделия широко распространены в Евразии в эпоху неолита – ранней бронзы [Усачева, 2007], а применительно к боборыкинской культуре могут рассматриваться в качестве типичного элемента материального комплекса [Ковалева, Зырянова, 2010]. Примечательно, что на Автодроме-2/2 это уже вторая находка археологически целого «утюжка» [Бобров, Марочкин, Соколов, 2006], не считая мелких фрагментов от других изделий такого рода.

Таким образом, полученные материалы существенно дополняют данные о материальном комплексе боборыкинской культуры на северо-западе Барабинской лесостепи. Придерживаясь точки зрения о неолитическом возрасте боборыкинских древностей (подробный обзор дискуссии см.: [Ковалева, Зырянова, 2010]), считаем необходимым еще раз подчеркнуть нижнюю хроностратиграфическую позицию боборыкинского комплекса Автодром-2/2 относительно материалов артынской поздненеолитической культуры Автодром-2/1. Данный вывод построен на многолетних планомерных стратиграфических наблюдениях, и на современном уровне знаний определяет относительную хронологию поселенческих комплексов неолита северо-западной Барабы [Бобров, Марочкин, 2012]. В качестве рабочей гипотезы при культурно-исторической интерпретации исследуемого комплекса следует говорить о вовлеченности западного боборыкинского населения (миграционно-аллохтонный субстрат) в процессы культурных взаимодействий и культурогенеза в развитом неолите Среднего Прииртышья и Барабы [Бобров, Марочкин, 2011, 2012; Бобров, Марочкин, Юракова, 2012].

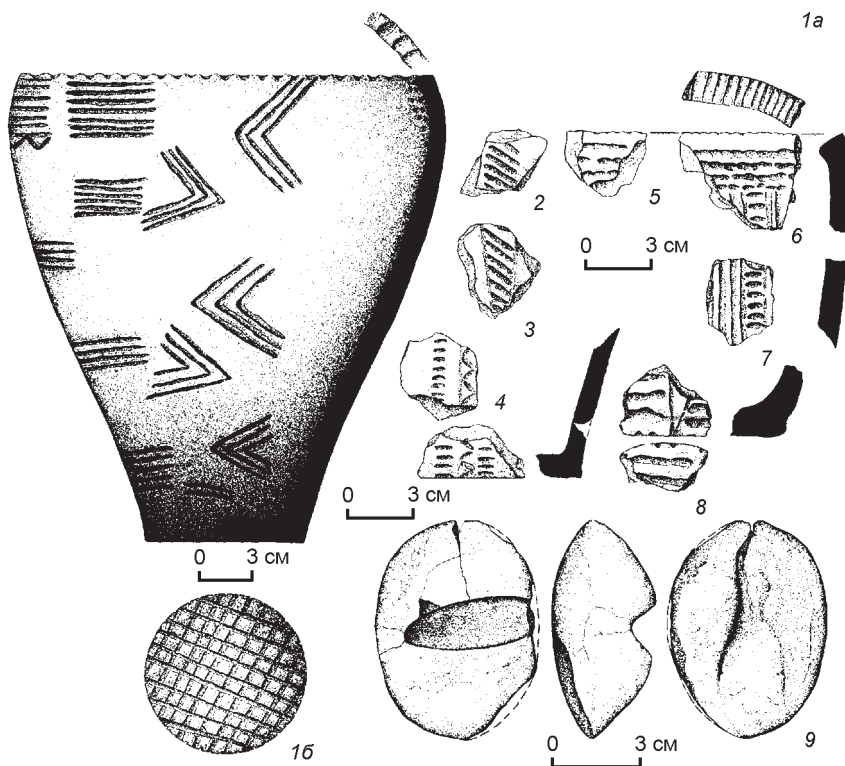
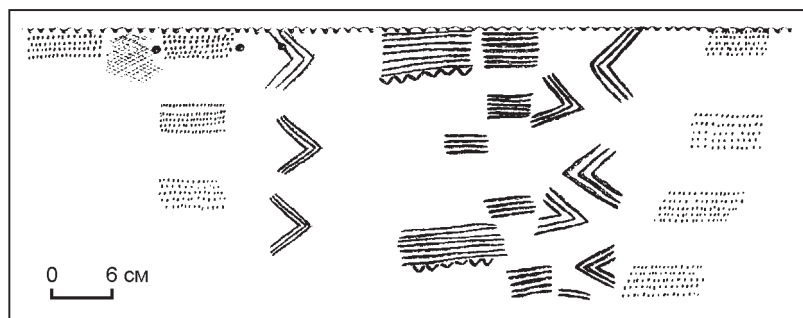

Рис. 2. Керамика боборькинской культуры поселения Автодром-2/2.

Список литературы

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Хроностратиграфия неолитических комплексов поселения Автодром-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 14–19.

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Неолит Барабы // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2012 года. – Кемерово: Изд-во ИЭЧ СО РАН, 2012. (в печати).

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Соколов П.Г. Результаты работ на поселении Автодром-2 в 2006 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII, ч. 1. – С. 269–273.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Поселение боборыкинской культуры Автодром-2/2 (северо-западные районы Барабинской лесостепи) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2012. – Вып. 3. – С. 4–13.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. – Екатеринбург: Центр «Учебная книга», 2010. – 308 с.

Усачева И.В. «Утюжки» Евразии как исторический источник: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2007. – 23 с.

*Ц. Болорбат, С.А. Гладышев, Б. Гунчинсүрэн,
Д. Одсүрэн, А.В. Табарев, А.М. Хаценович*

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ
В БАССЕЙНЕ РЕКИ АЛТААТЫН-ГОЛ
(СЕВЕРНАЯ МОНГОЛИЯ)***

В полевом сезоне этого года совместный российско-монгольский отряд осуществил разведочные работы в долине р. Алтаатын-Гол после слияния ее с левым притоком – р. Харганын-Гол. Было обнаружено три пункта локализации археологического материала, из которых особого внимания заслуживают только два местонахождения.

Алтаатын-Гол-2

После слияния рек Алтаатын-Гол и Харганын-Гол русло делает крутую петлю на запад, а затем вновь течет в северном направлении. На этом участке, на левом берегу расположено большое расширение протяженностью около 3 км, которое ограничивают с севера и юга два глубоких и протяженных оврага внедряющихся далеко внутрь водораздельного хребта. Выше первой надпойменной террасы р. Алтаатын-Гол расположена террасовидная поверхность делювиального происхождения. На южном склоне этой поверхности зафиксированы редкие отщепы. Это мелкие сколы с точечными ударными площадками снятые с кремневых галек. Скорее всего, этот комплекс относится к периоду голоценового времени. Данный комплекс получил название пункт *Алтаатын-Гол-2а*.

Далее на запад по склону этой же террасовидной поверхности примерно через 200 м на поверхности было зафиксировано скопление отщепов. Было решено заложить три шурфа на ровном участке поверхности непосредственно на бровке прямо над скоплением артефактов. Интервалы между шурфами составили 10 м. Размеры шурфов составляли 2х1 м, а ориентированы они были длинной стороной с запада на восток. Этот пункт был назван *Алтаатын-Гол-2б*. Все три шурфа дали очень бедный археологический материал. Находки были обнаружены только в первом, гумусированном слое голоценовой почвы. В первом шурфе были только отщепы (16 экз.), два фрагмента микропластин и фрагмент керамики. Керамика тонкостенная, без орнамента, тесто плотное мелкозернистое светло-серого цвета. Каменное сырье это плотный, пластинчатый кремнь хорошего качества черного цвета. В шурфе 2 было найдено всего 2 отщепа из того

*Работа выполнена в рамках проектов РФФИ (№ 12-06-00037а, 12-06-31212).

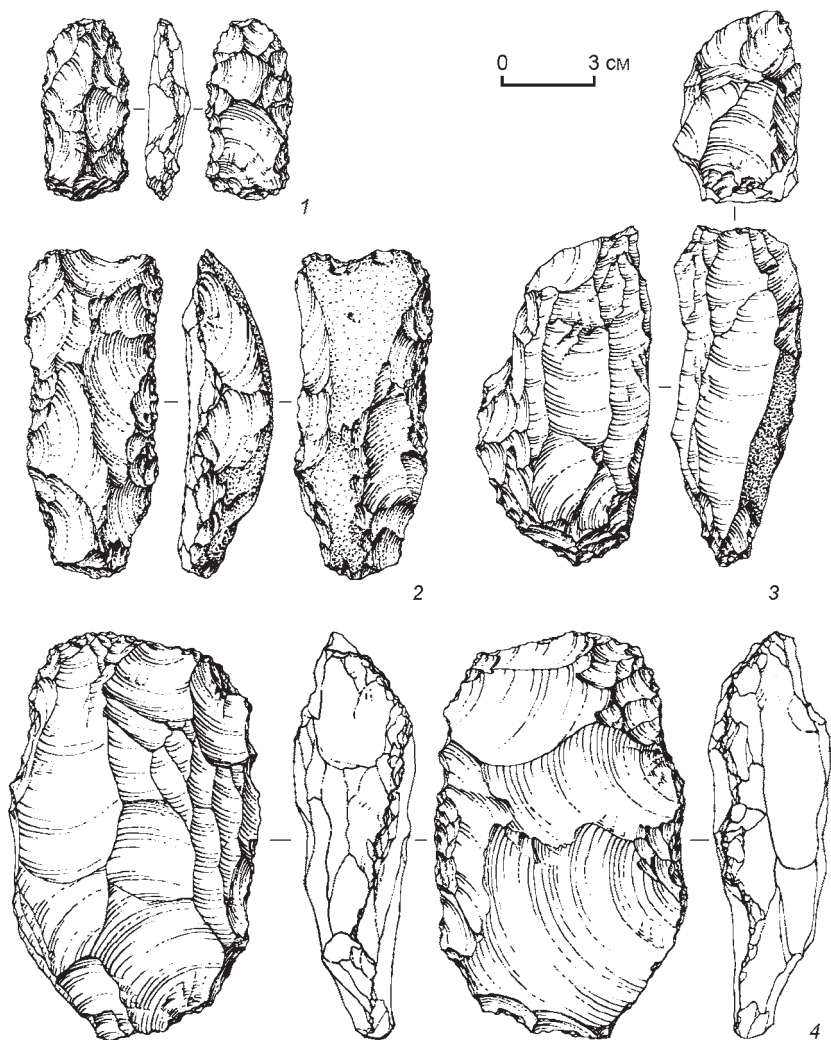
же сырья. В 3-м шурфе обнаружено 3 отщепа, 2 чешуйки, проксимальная часть микропластинки с гладкой ударной площадкой и небольшой фрагмент толстостенной керамики красного цвета.

Несмотря на малое количество материала можно с уверенностью сказать, что обнаруженные в шурфах находки относятся к позднему времени, не древнее позднего неолита – раннего бронзового века.

Алтаатын-Гол-3

При осмотре большого расширения левобережья долины р. Алтаатын-Гол в северной его части на поверхности трех шлейфов и по их склонам был обнаружен археологический материал, залегающий на поверхности. Это третий объект каменного века, расположенный в долине р. Алтаатын-Гол, поэтому он получил название Алтаатын-Гол-3. *Местонахождение Алтаатын-Гол-3а* расположено на делювиальном шлейфе, который имеет юго-восточную экспозицию. На его склонах и кое-где на поверхности располагались артефакты. Нами было отобрано несколько очень характерных изделий. Одно из них двухплощадочный монофронтальный нуклеус с противолежащими ударными площадками и встречным принципом снятия заготовок (см. *рисунок, 4*). Интересен тот факт, что заготовкой для этого ядрища служил заранее подготовленный крупный бифас. Бифасиальная обработка сохранилась на контрфронте, который был тщательно уплощен поперечными сколами. Нуклеус имеет овальную фронтальную форму и линзовидные профиль и сечение. Линейные скошенные ударные площадки подготовлены мелкими сколами. Выпуклый фронт скалывания сплошь покрыт негативами встречно направленных заготовок. Особенно интересен крупный реберчатый скол. Его длина 18 см при ширине 4,5 см. Такой крупный скол свидетельствует об очень больших размерах нуклеусов и развитой технике получения крупных пластин. На самом пологом участке шлейфа была заложена траншея длиной 5 м и шириной 1 м, ориентированная с северо-запада на юго-восток. Мощность рыхлых отложений в траншее составила 220 см. Современная почва маломощная, ее толщина составляет 12–14 см вместе с дерном. Затем идет слой серо-белого плотного лессовидного слоя при высыхании приобретающего белый цвет. Мощность этого слоя составляет 30–35 см. Далее располагался горизонт желто-коричневого суглинка толщиной 75–80 см. Следующий слой представлен коричневым оскольчатым суглинком, который постепенно переходит в кору выветривания. Толщина этого слоя 85–90 см. Все горизонты сильно насыщены обломочным материалом, размеры которого увеличиваются вниз по разрезу. Археологический материал зафиксирован на границе гумусированного слоя и в горизонте серо-белых лессовидных суглинков.

В первом археологическом слое найдено 6 артефактов. Из них пластина, 3 крупных отщепа и 2 отщепа средних размеров. Пластина трехгранная,

Каменный инвентарь из долины р. Алтаатын-Гол. Художник А.В. Абдулманова.
 1, 2 – тесла, Алтаатын-Гол-3б; 3 – нуклеус, Алтаатын-Гол-3в;
 4 – нуклеус, Алтаатын-Гол-3а.

конвергентная с поврежденной ударной площадкой. Огранка дорсального фаса параллельная однонаправленная. На дистальном конце пластины на обоих краях имеется лицевая однорядная краевая мелкофасеточная полукруглая чешуйчатая ретушь. У четырех отщепов сохранились гладкие ударные площадки, а у одного отщепа – точечная. Во втором слое найдено 3 крупных отщепа и 6 отщепов средних размеров. Из сохранившихся ударных площадок 2 гладкие и 2 двухгранные.

Археологический материал, залегающий на поверхности, был обнаружен и на склонах соседнего делювиального шлейфа, расположенного к западу от пункта Алтаатын-Гол-3, который также имеет юго-восточную экспозицию. Этот пункт получил название *Алтаатын-Гол-3б*. Коллекция, собранная там, насчитывает 7 предметов. Она состоит из струга, двух тесел и пластин (4 экз.). В качестве заготовки для изготовления одного из тесел использовали бифас (см. *рисунок, 1*). Орудие имеет небольшие размеры и овальную фронтальную форму. Обе стороны изделия обработаны поперечными выравнивающими сколами. Прямой рабочий край утончен продольным сколом, формирующим лезвие, характерное для тесла. Второе тесло имеет типичную для данного типа инструментов ассиметричную профильную форму (см. *рисунок, 2*). Орудие было сделано из первичного краевого скола. Вентральный фас изделия был уплощен поперечными сколами, а спинка его, для формирования «горба», обработана краевыми крупными сколами. Прямое лезвие тесла, возможно, было испорчено неудачным продольным сколом.

На этом делювиальном шлейфе была заложена вторая траншея длиной 5 м и шириной 1 м, которая располагалась вдоль шлейфа с северо-запада на юго-восток. Общая мощность рыхлых отложений в траншее составила 160 см. Первый слой представлен современным дерном и следующим за ним гумусированным горизонтом. Толщина этого слоя составляет 15–20 см. Следующий слой слагают плотные бело-серые лессовидные суглинки, при высыхании превращающиеся в белую пыль. Этот слой имеет мощность 20–25 см. Третий слой, толщиной 25–30 см, представлен желто-коричневыми пластичными суглинками, насыщенными обломочным материалом. Четвертый слой сложен тяжелыми оскольчатыми суглинками коричневого цвета. Он сильно насыщен обломочным материалом. Толщина этого слоя достигает 80–85 см. Далее идет кора выветривания скального цоколя шлейфа. Артефакты были обнаружены в литологических слоях 1–3.

Коллекция артефактов, обнаруженная в дерне, насчитывает 19 предметов и состоит из крупных отщепов (4 экз.), средних отщепов (6 экз.), мелких отщепов (6 экз.), пластины и двух обломков. Второй археологический горизонт залегал в слое серо-белого лессовидного суглинка. Коллекция этого горизонта насчитывает 32 артефакта. Она включает в себя отщепы (22 экз.), пластины и их фрагменты (3 экз.), пластинки (2 экз.), куски сырья со сколами апробации (3 экз.) и мелкие обломки (2 экз.). Отщепы делятся на крупные сколы – 3 экз., сколы средних размеров – 14 экз. и мелкие отщепы – 5 экз. Среди сохранившихся ударных площадок преобладают гладкие – 10 экз., 3 площадки точечные и одна – двухгранная. Из трех пластин одна целая, а две представлены проксимальными частями. Ударные площадки гладкие. Обе пластинки целые, с гладкими ударными площадками. Третий горизонт артефактов был зафиксирован в слое желто-коричневых суглинков. В нем было найдено 21 экз. каменных артефактов. Коллекция состоит

из отщепов (15 экз.), пластин (2 экз.), пластинки и обломков сырья (3 экз.). Отщепы можно разделить на крупные – 4 экз., средние – 6 экз. и мелкие – 5 экз. сколы. Обе пластины целые, это неправильные снятия с извилистыми и изогнутыми краями и неопределимыми ударными площадками. У пластинки обломан дистальный конец, ударная площадка гладкая. В отложениях, располагающихся ниже по разрезу, археологического материала не обнаружено. Все артефакты, обнаруженные в траншее, имеют мощную карбонатную корку на одной плоскости.

Следующий археологический объект был обнаружен к западу от пункта Алтаатын-Гол-3б. Он также расположен на делювиальном шлейфе, вытянутом с северо-запада на юго-восток и получил название *Алтаатын-Гол-3б*. На склонах шлейфа на поверхности лежал немногочисленный подъемный материал. Интересен нуклеус, изготовленный из гальки (см. рисунок, 3). Он принадлежит к типу одноплощадочных однофронтальных торцовых ядриц для получения пластин. Фронт скалывания расположен на узкой торцовой грани боковой поверхности. Сильно скошенная ударная площадка подготовлена одним продольным сколом. Латерали нуклеуса конвергентно сходятся, образуя контрфронт-ребро дополнительно обработанное поперечными сколами со стоны левой латерали. С этого нуклеуса получали пластины.

На этом делювиальном шлейфе также была заложена траншея длиной 5 м и шириной 1 м, ориентированная с северо-запада на юго-восток. В ней была зафиксирована та же стратиграфическая ситуация, что и в траншее на пункте Алтаатын-Гол-3б. Отличается только мощность литологических слоев. Первый слой мощностью 7–10 см представлен современным дерном и гумусированным легким суглинком. Второй слой толщиной 18–20 см это плотные пылеватые лессовидные суглинки серо-белого цвета. Третий слой (толщина 30–35 см) слагают плотные суглинки желто-коричневого цвета с большим содержанием обломочного материала. Четвертый слой (мощность 130–135 см) представлен плотными суглинками оскольчатой структуры насыщенными крупным обломочным материалом.

Археологический материал, обнаруженный в рыхлых отложениях слоев 1 и 2 траншеи, крайне малочислен. В поддерновом гумусированном слое найдено всего 7 артефактов. Это два крупных отщепа, два отщепа средних размеров, два мелких отщепа и шиповидное орудие. Орудие сделано из проксимального сегмента пластины (5). У места сечения заготовки, на краю, небольшой ретушированной выемкой выделен боковой шип. Ретушь лицевая краевая мелкофасеточная ступенчатая. Во втором археологическом горизонте найдено только 9 отщепов, 7 из них имеют средние размеры, остальные 2 отщепа имеют мелкие размеры.

На наш взгляд, археологический материал в траншеях переотложен и перемешан. В целом, археологические объекты долины р. Алтаатын-Гол кажутся менее перспективными для дальнейшего исследования, чем пункты, обнаруженные на левом берегу ее притока – р. Харганын-Гол.

С.А. Гладышев, Б. Гунчинсүрэн, Ц. Болорбат,
Д. Одсүрэн, А.В. Табарев, А.М. Хаценович

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ДОЛИНЕ РЕКИ ХАРГАНЫН-ГОЛ (СЕВЕРНАЯ МОНГОЛИЯ)*

В 2012 г. разведочными маршрутами был исследован пятикилометровый участок долины р. Харганын-Гол, расположенной к востоку от р. Их-Тулбэрийн-Гол (рис. 1). В результате работ было выявлено семь местонахождений с концентрацией каменных артефактов. Три из них дали наиболее богатый материал, о них и пойдет речь в данной работе.

Харганын-Гол-1

Стоянка расположена на поверхности делювиального шлейфа, протянувшегося с севера на юг. Среди материала, лежащего на поверхности, особый интерес представляет овальный бифас (рис. 2, 1). Выпуклый продольный край заострен, а противоположный представляет собой обушок, покрытый естественной коркой. Обе поверхности предмета обработаны сколами разных размеров. Орудие могло использоваться как обушковый нож, или продольное скребло. На этом делювиальном шлейфе было заложено два шурфа размером 2 x 1 м.

В первом слое *шурфа 1* обнаружено 16 каменных предметов. Эта коллекция состоит из средних отщепов (7 экз.), мелких отщепов (4 экз.), чешуек (3 экз.) и пластинок (2 экз.). Во втором слое шурфа были найдены нуклеус, краевой скол с нуклеуса и 7 отщепов. Нуклеус относится к типу одноплощадочных однофронтальных плоскостных ядрищ служивших для получения отщепов (рис. 2, 2). Это изделие имеет небольшие размеры, почти круглую фронтальную форму и линзовидные сечение и профиль. Нуклеус был предварительно подготовлен центростремительными сколами. На его контрфронте лишь небольшой участок сохраняет следы галечной корки. Скошенная ударная площадка подготовлена мелкими поперечными сколами. В 3-м слое шурфа 1 был найден только один отщеп крупных размеров с гладкой ударной площадкой. Ниже по разрезу артефактов найдено не было.

Шурф 2 располагался выше по склону в 20 м от первого шурфа. В 1-м слое шурфа были найдены один отщеп и фрагмент краевого скола. Во 2-м слое были обнаружены 2 отщепа и медиальный сегмент микропластины. Кол-

*Работа выполнена в рамках проектов РФФИ (№ 12-06-00037а, 12-06-31212).

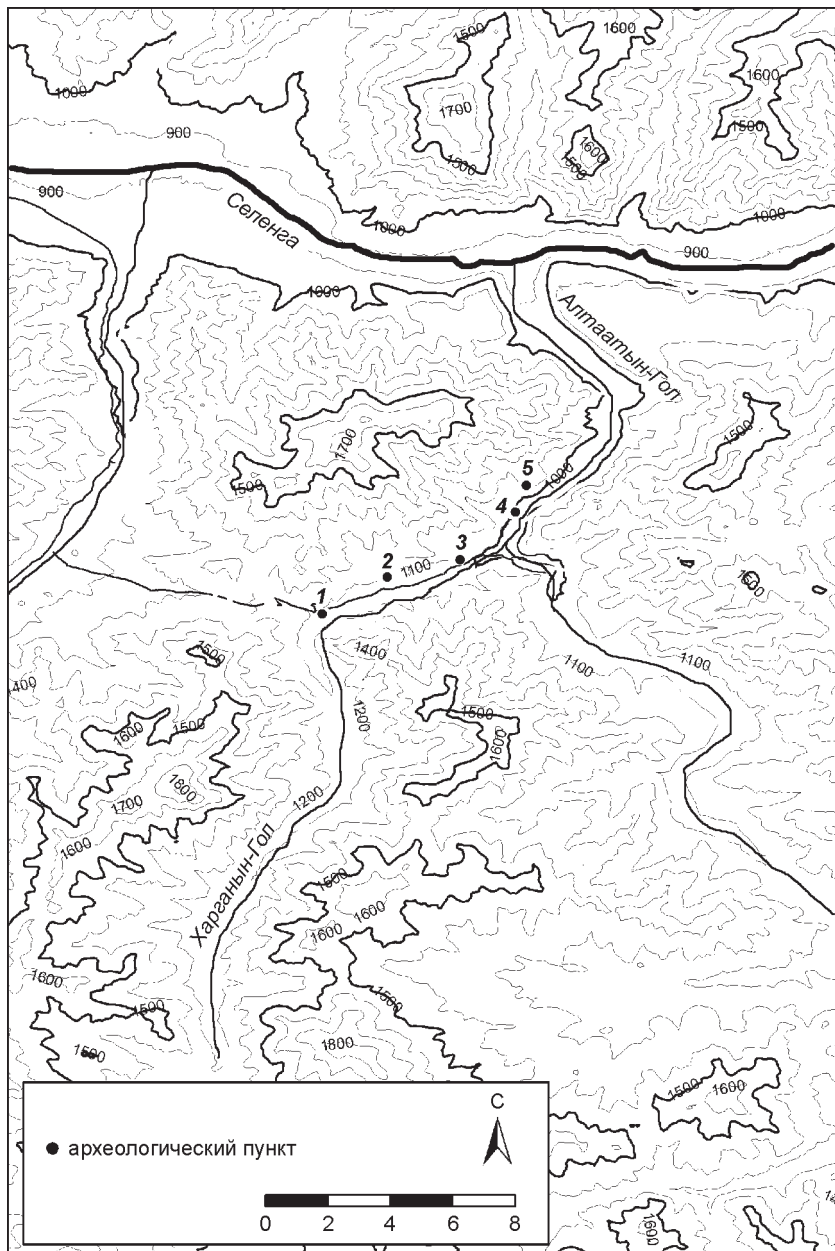

Рис. 1. Археологические местонахождения
в долинах рек Харганын-Гол и Алтаатын-Гол.
1 – Харганын-Гол-1; 2 – Харганын-Гол-5; 3 – Харганын-Гол-7;
4 – Алтаатын-Гол-2а, -2б; 5 – Алтаатын-Гол-3а, -3б, -3в.

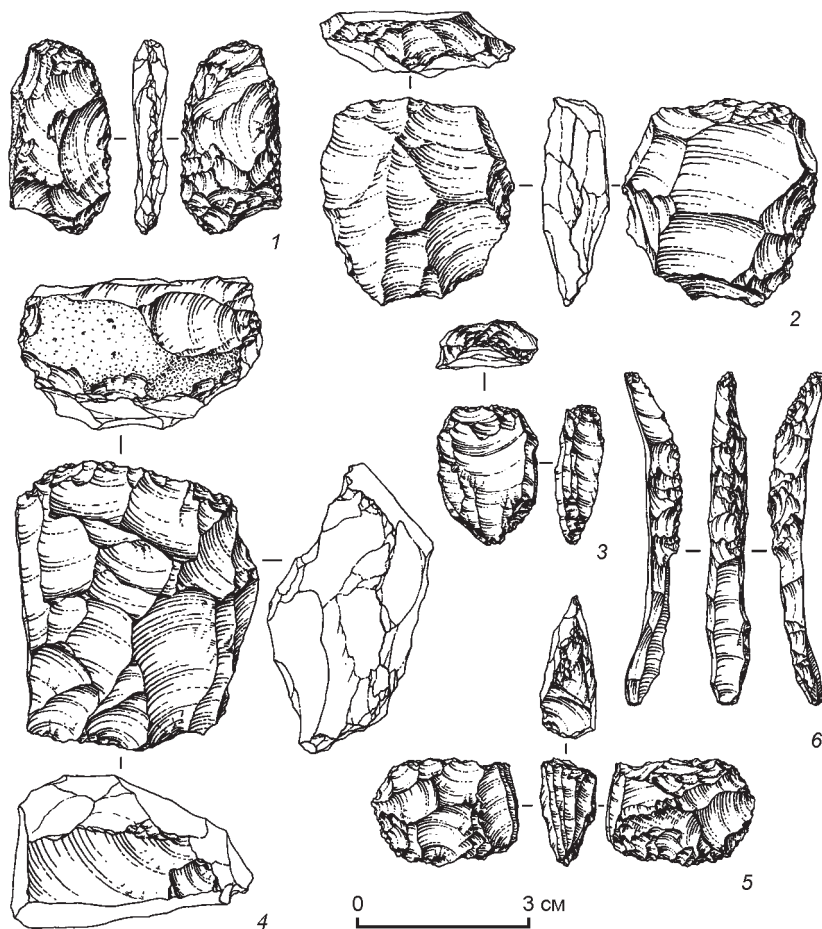

Рис. 2. Каменный инвентарь из местонахождений долины р. Харганын-Гол.

Художник А.В. Абдульманова.

1 – бифас, Харганын-Гол-1; 2 – нуклеус, Харганын-Гол-1, шурф 1; 3, 4 – нуклеусы, Харганын-Гол-5; 5 – клиновидный нуклеус, Харганын-Гол-5, седловина; 6 – лыжевидный скол, Харганын-Гол-7.

лекция артефактов 3-го слоя состоит только из крупного куска сырья со сколами апробации и из отщепов средних размеров.

Харганын-Гол-5

Делювиальный шлейф, на котором располагается стоянка Харганын-Гол-5, вытянут с северо-запада на юго-восток. На его склонах и на поверхности лежали многочисленные каменные артефакты. Один из нуклеусов (рис. 2, 4) иллюстрирует тип двухплощадочных монофронтальных бипро-

дольных ядрищ с противолежащими ударными площадками. Он сделан из крупной гальки. Фронт скалывания выпуклый, сплошь покрыт негативами снятых с него заготовок, идущими во встречном направлении. Скошенные ударные площадки подправлены только вдоль дуги скалывания. Следующее ядрище – миниатюрный плоский нуклеус, одноплощадочный однофронтальный, служил для получения пластинок (рис. 2, 3). Ударная площадка у него повреждена неудачным снятием в результате чего, по-видимому, нуклеус и был выброшен. Фронт скалывания сплошь покрыт негативами отделенных заготовок. Отдельные находки были найдены на значительном удалении от основного скопления. Например, на седловине водораздельного хребта, к которому примыкал делювиальный шлейф обнаружен клиновидный нуклеус (рис. 2, 5), сделанный из бифаса. Скошенная в латеральном направлении ударная площадка подготовлена мелкими сколами. Микропластинки с данного нуклеуса отделялись с применением отжимной техники. Подобный тип клиновидных микронуклеусов появляется в археологических комплексах в финальном палеолите. На поверхности шлейфа было заложено 4 шурфа размером 2 x 1 м.

Шурф 1 располагался у самой бровки шлейфа. Вследствие этого мощность рыхлых отложений в нем оказалась самой незначительной – 140 см. В дерне и в гумусированном слое под ним артефактов не обнаружено. Первые находки были сделаны в следующем слое 2, сложенным плотным лессовидным суглинком белого цвета. Мощность этого слоя в шурфе 1 составила 32–35 см. В нем обнаружено 16 каменных артефактов, среди которых нуклеус, орудия (3 экз.), фрагмент пластины, отщепы (10 экз.) и обломок средних размеров. Следующий литологический слой шурфа представлен толщей светло-желтых плотных лессовидных суглинков, насыщенных слабоокатанным разноразмерным обломочным материалом. Его мощность составляет 100–110 см. В нем обнаружено только два расколотых куса сырья средних размеров и один мелкий первичный отщеп. Ниже по разрезу идет кора выветривания скального основания делювиального шлейфа.

Шурф 2 был заложен в 15 м выше по склону. В дальнейшем этот шурф был преобразован в раскоп, и речь о нем пойдет в отдельной статье.

Общая мощность рыхлых отложений в **шурфе 3** составила 200–210 см. Первый слой – современный дерн и поддерновый гумусированный горизонт толщиной 13–15 см археологического материала не содержал. Второй слой представлен плотными тонкозернистыми лессовидными суглинками светло серого цвета, при высыхании приобретающими белую окраску (30–40 см). Далее залегал 3 слой, сформированный зернистыми плотными лессовидными суглинками желто-коричневого цвета с небольшим количеством слабоокатанного обломочного материала (мощность 25–30 см). Нижний, 4-й слой, сформировали плотные тяжелые суглинки темно-желтого цвета, имеющие оскольчатую структуру, насыщенные разноразмерным слабоокатанным обломочным материалом (85–90 см). Завершает разрез кора выветривания, которая была пройдена на глубину в

35 см. Археологический материал зафиксирован в слоях 2 – 4 шурфа 3. Во 2 слое обнаружено 18 экз. каменных предметов. Из них одно орудие, 13 отщепов, фрагмент пластины с ретушью, 2 краевых скола и одна микропластинка. В 3-м слое шурфа 3 обнаружено 13 артефактов. Из них пластинка с притупленным краем, сколы с нуклеусов (2 экз.), отщепы (7 экз.), чешуйки (2 экз.) и кусок сырья со сколами. В основании слоя 3, на границе с 4-м горизонтом было кострище. Оно располагалось на глубине 70 см от дневной поверхности и имело почти круглую форму диаметром 50–55 см, без обкладки и пепельной прослойки. Кострище было окружено красной, прокаленной окантовкой, которая фиксировалась и в основании очажного пятна. Слой 4 шурфа имеет значительную мощность и, возможно, состоит не из одного монокультурного археологического горизонта. Косвенным подтверждением этого предположения может служить кострище, которое было обнаружено на глубине 105 см от дневной поверхности. Пятно от огня имеет очень плохую сохранность, края его размытые и нечеткие, а мощность незначительная. Комплекс изделий, обнаруженный в 4-м слое до очажного пятна, насчитывает 22 предмета. Это нуклеус, скребок, пластинки (2 экз.), отщепы (9 экз.), чешуйки (5 экз.) и осколки (4 экз.). Комплекс артефактов, обнаруженных ниже кострища в 4-м слое, насчитывает 21 предмет. Эта коллекция состоит из преформы, нуклеуса, двух пластин, отщепов (12 экз.), трех чешуек двух некрупных кусков сырья со следами сколов апробации.

Шурф 4 был заложен в 20 м к северу от 2-го и 3-го шурфов выше по шлейфу. В целом, стратиграфическая ситуация в этом шурфе оказалась идентичной тем, которые были описаны выше. Он получился самым глубоким, общая мощность рыхлых отложений в нем составила 260 см. В этом шурфе впервые был обнаружен артефакт в гумусированной почве 1-го слоя, это полупервичный скол с нуклеуса средних размеров с гладкой ударной площадкой. Во 2-м слое было найдено три отщепа. Коллекция артефактов 3-го слоя насчитывает 54 предмета. Она состоит из отщепов, пластин и пластинки, чешуек и обломков.

Харганын-Гол-7

Во время пешего обследования участка долины р. Харганын-Гол до ее впадения в р. Алтаатын-Гол, на проселочной дороге был обнаружен комплекс археологического материала, лежащий на поверхности. В основном это были мелкие отщепы и сколы, а также фрагменты микропластинок. Нами было принято решение протестировать это место разведочной траншеей, которая была заложена на первой надпойменной террасе ближе к водораздельному хребту. Длина траншеи 5 м при ширине 1 м, ориентирована она с севера на юг. Первый слой траншеи представлен современным дерном и гумусированной почвой черного цвета толщиной 35–40 см. Далее шел слой светло-желтого легкого опесчаненного суглинка толщиной

50–55 см. Внизу залегал слой пойменного аллювия, который был пройден до глубины в 50 см. Археологические находки были обнаружены только в 1-м слое. Всего в траншее было найдено 168 экз. каменных артефактов и 2 фрагмента керамики. Коллекция каменных артефактов включает в себя отщепы (92 экз.), чешуйки (56 экз.), куски сырья (4 экз.), краевые сколы с нуклеусов (3 экз.), микропластинки (4 экз.), пластинки (2 экз.), лыжевидный скол с нуклеуса, фрагмент бифаса, сработанный микронуклеус и фрагмент орудия. Интересны отщепы, полученные с применением отжимной техники. Они очень тонкие (1–2 мм), с точечными ударными площадками. Такие отщепы получались во время изготовления листовидных бифасов.

На этом памятнике можно выделить две принципиально различные техники изготовления микронуклеусов. Первая – это техника изготовления микронуклеусов из бифасов, которая характерна для периода финального палеолита. Следы этой техники фиксируются в описываемых материалах: это лыжевидный скол (рис. 2, 6), фрагмент бифаса из культурного слоя траншеи и бифасиальная заготовка микронуклеуса, найденная на поверхности недалеко от траншеи. Вторая техника – призматические микронуклеусы различных модификаций, сделанные из галек, отщепов и других заготовок. Характерным признаком такой техники являются краевые сколы со следами желвачной корки на дорсальной поверхности, служившие для подготовки выпуклого фронта скалывания. Именно такие сколы и найдены в культурном слое траншеи. Кроме того, в траншее обнаружен сильно истощенный микронуклеус, который пытались переоформить из «таблетки» – скола с ударной площадки призматического микронуклеуса. Такая техника характерна для раннего голоценового времени. О том, что часть коллекции из траншеи принадлежит периоду голоцена, свидетельствует и наличие двух фрагментов керамики. Кусочки очень маленькие, плохой сохранности, и сейчас невозможно сказать к какому времени они относятся. Несомненно, что в отложениях траншеи залегают комплексы двух разных эпох – финального палеолита и, скорее всего, неолитического времени.

В целом, итоги полевого сезона 2012 г. весьма обнадеживающие и новый район имеет хорошие перспективы для дальнейшего исследования.

**РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС
МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ РУБАС-1
(по материалам работ в 2012 году)***

Местонахождение Рубас-1 находится на правом борту р. Рубас в ~3 км выше по течению от с. Чулат. Памятник расположен на протяженном террасовидном уступе с ровной, слабо поднимающейся столообразной поверхностью и крутыми склонами, на высоте ~30 м над урезом воды (а.в. ~270 м) и ~200 м от современного русла реки. Исследовательские работы на памятнике были начаты в 2005 г. и продолжаются по настоящее время.

В результате работ был получен сводный стратиграфический разрез памятника на глубину до 20 м от дневной поверхности. Всего на нем было выделено четыре разновозрастные пачки отложений. Пачка 1 (слой 6; тортонский век, $N_{1\text{тр}}^2$) представляет собой илы шельфа (глубина вод от 20 до 200 м). Пачка 2 (слои 5 и 4; позднеакчагыльское время, $N_{2\text{ак}}^3$) сформирована в субэзральных и субаквальных (на глубинах от 0 до 15 м – пляжная, предфронтальная и переходная зоны) условиях морского побережья, сложена галечниками и песками. При этом культуросодержащий слой 5 представлен гравийно-галечной прослойкой мощностью до 0,4 м, с зеленовато-серым алеврито-песчаным заполнителем. Пачка 3 (слои 3 и 2; поздний (?) неоплейстоцен) – речной аллювий. В слое 3 присутствует археологический материал среднепалеолитического облика. Пачка 4 (слой 1; поздний неоплейстоцен – голоцен) – субэзральные образования. В слое выявлено несколько уровней залегания каменных артефактов, относящихся к поздним этапам среднего – верхнему палеолиту. Обоснование возраста отложений базируется на совокупности геологических и палеонтологических данных [Деревянко и др., 2009].

Стационарное изучение памятника было начато в 2006 г. На склоне участка «террасы», где локализована стоянка, была заложена разведочная траншея шириной 2 м, состоящая из нескольких уступов, общей протяженностью 28 м и имеющая максимальную глубину до 18 м от дневной поверхности. На глубине около 16 м от дневной поверхности, в тонкой (до 10 см) линзовидной гравийно-галечной прослойке с примесью обломков раковин моллюсков (сл. 5), был обнаружен комплекс раннепалеолитических кремневых изделий [Деревянко и др., 2006].

*Работа выполнена в рамках проектов РФФИ (№ 10-06-00085-а, 12-06-10001-к и 11-06-12000-офи-м-2011).

В 2007–2011 гг. работы на местонахождении в месте локализации слоя 5 были продолжены (раскоп 1). Культуросодержащий горизонт изучался в 2007–2010 гг. на площади 180 кв.м. смежными раскопами, общей протяженностью 5х36 м, включившими в себя участок, вскрытый разведочной траншеей 2006 г., а также врезкой вглубь склона в 2011 г. (площадь 14 кв. м). В результате раскопок в общей сложности обнаружено около 3000 отдельностей кремня, из которых 133 определены как артефакты и возможные артефакты [Деревянко и др., 2009; Деревянко, Анойкин, Борисов, 2011].

В текущем году работы на памятнике были продолжены на новом участке (раскоп 2) расположенном в 20 м к северо-западу от северного угла раскопа 2010 г. Перенос места работ диктовался ситуацией на памятнике, а именно, направлением простираения культуросодержащего горизонта 5 и наличием большого количества глубоких трещин в рыхлых отложениях на участке склона, прилегающего к раскопу 1, что связано с угрозой обвала стенок, учитывая глубину вскрышных работ (до 8 м).

Раскоп 2012 г. имеет общую площадь 40 кв.м при протяженности стенок 6,0х7,5 м. Рыхлые отложения вскрыты на глубину до 3,2 м. Общая стратиграфическая ситуация на раскопе 2 отличается от ранее фиксировавшей на объекте. Значительная часть покровных отложений, перекрывающих слой 5, уничтожена оползевыми процессами, а сам слой имеет более сложную структуру. Гравийно-галечный компонент залегает в нем несколькими (до 4) маломощными прослойками (до 10–15 см), которые перестилаются темно-серыми (до черного) горизонтально-слоистыми, очень плотными глинами (аналог сл. 6) мощностью до 30 см.

Характер залегания галечного материала не позволяет предполагать его переотложенность, а неоднократное перестилание этих отложений более древними, возможно, объясняется особенностями осадконакопления на данном участке древнего побережья (частичное заполнение галечным материалом промоин в донных отложениях, сложенных миоценовыми глинами, с последующим размывом бортов этих промоин и последующим повторением подобного цикла).

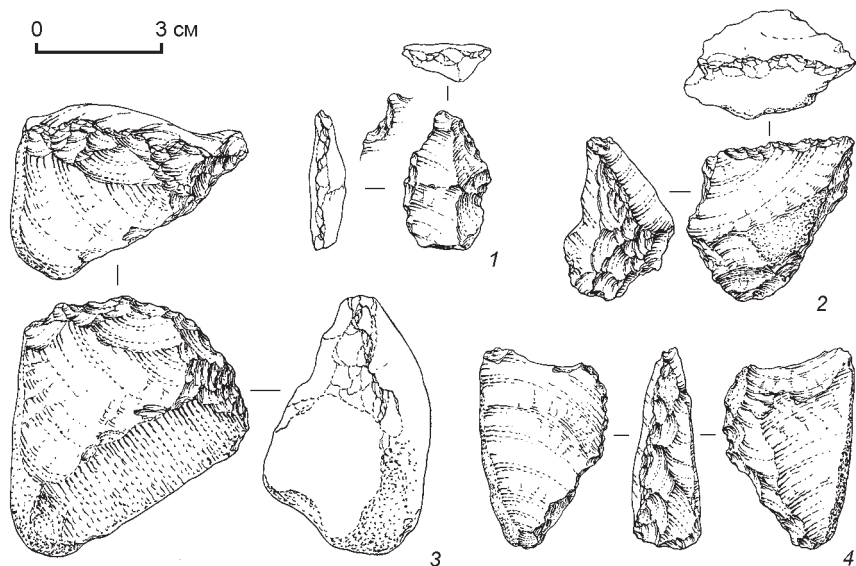
В ходе работ 2012 г. было обнаружено 14 экз. кремня, имеющих признаки искусственного расщепления разной степени выраженности. Их диагностика затруднена сильной «сглаженностью» поверхности предметов, что, скорее всего, связано с абразионным воздействием на них песка в пляжно-прибрежных условиях, в которых формировался слой, и особенностями самого кремневого сырья (сильная внутренняя трещиноватость). Сохранность и облик предметов определили разделение коллекции на две группы по степени выраженности антропогенного воздействия. Артефакты первой группы представлены сколами, теми орудийными формами, которые легко диагностируются, имеют типологическую привязку и выраженную системность обработки. Изделия второй группы представлены простыми нуклеидными формами, а также обломками и осколками, вто-

ричная отделка которых не позволяет диагностировать возможную системность обработки и выделить рабочие участки. Также в эту категорию попадает группа мелких сколов, для которых нельзя исключать возможность образования при раскалывании кремневых обломков и галек вследствие соударений, а также медиальные и дистальные фрагменты более крупных сколов, не имеющих остаточных ударных площадок.

Группа 1 – 8 экз.:

– скребловидные – 2 экз. Одно орудие выполнено на рассеченной массивной короткой гальке (см. рисунок, 3). Трансформированная вторичной обработкой заготовка имеет трехгранное сечение и выпуклую вентральную часть, на которой хорошо читается точка удара. Неровное слабовыпуклое лезвие, оформлено по короткому, более тонкому, краю серией разноразмерных широких крутых нерегулярных, накладывающихся друг на друга сколов. Второе изделие выполнено на уплощенном подтреугольном обломке (см. рисунок, 4), один из протяженных краев которого на 2/3 длины обработан мелкой и средней двухрядной отвесной чешуйчатой ретушью;

– выемчатые – 3 экз. Орудия выполнены на удлинённых уплощенных обломках среднего и крупного размера. Выемки оформлялись по протяженному краю заготовки, в его медиальной части. У более крупного изделия естественная выемка дополнительно подчеркнута продольным глубоким сколом и несет следы забитости в виде хаотичных чешуек ретуши, имеющих отрицательный угол наклона относительно продольного сечения

Каменные артефакты из слоя 5. Рубас-1, раскоп 2012 г.

Художник А.В. Абдульманова.

1 – шиповидное изделие; 2 – обломок с ретушью; 3, 4 – скребловидные изделия.

изделия. У более мелких орудий неглубокая протяженная выемка, смещенная ближе к торцу заготовки, выполнена в одном случае несколькими мелкими разноразмерными отвесными сколами, в другом мелкой и средней крутой и отвесной модифицирующей ретушью;

– шиповидное – 1 экз. Изделие представляет собой мелкий уплощенный удлинённый скол подтреугольной формы со слабоконвергентными выпуклыми продольными краями (см. *рисунок, 1*). Дистальная часть заготовки обломана, сохранившийся фрагмент имеет вид широкого плоского трехгранного в сечении выступа, дополнительно выделенного по левому краю мелкой однорядной крутой модифицирующей ретушью, формирующей неглубокую выемку. Противлежащий край несет в дистальной части следы подработки мелкой однорядной краевой крутой дорсальной ретушью;

– обломок с ретушью – 1 экз. Средних размеров трапециевидный как в плане, так и в сечении обломок, один из прямых и более тонких краев которого на всем протяжении покрыт мелкой одно- и двухрядной полукрутой чешуйчатой дорсальной ретушью (см. *рисунок, 2*). Изделие может быть отнесено к группе скребловидных орудий (?);

– отщеп – 1 экз. Средних размеров уплощенный скол подтрапециевидной формы. На вентральной части прослеживается слабовыпуклый бугорок, занимающий около половины площади, а также четко читающаяся точка удара. Остаточная ударная площадка тонкая плоская, большая ее часть уничтожена выкрашенностями забитости.

Группа 2 – 6 экз.: нуклевидный обломок (?) – 1; выемчатое изделие (?) на плоской гальке – 1; фрагменты крупных сколов (?) с нерегулярной ретушью – 2; фрагмент мелкого скола (?) с нерегулярной ретушью – 1; мелкий скол – 1.

В целом, раннепалеолитический комплекс Рубаса-1 характеризуется большим количеством изделий малых размеров (~2–4 см), а также слабой типологической выраженностью и неустойчивостью орудийных форм. Последнее может быть связано как с примитивной техникой обработки камня, так и с использованием нестандартизированных заготовок, т.к. в большинстве случаев утилизировались несколовые основы (осколки, обломки). Вместе с тем, при всем кажущемся разнообразии количество функциональных типов среди орудийных форм невелико. В основном это предметы с разнообразными выемками, шиповидными выступами и скребловидные изделия. Вторичная отделка осуществлялась преимущественно мелкими сколами и грубой, однорядной, крутой и вертикальной ретушью. Изделия крупнее 4 см малочисленны, это сколы, скребловидные и выемчатые орудия, а также единичные нуклевидные формы. Предполагаемый, на основании комплекса естественно-научных данных, возраст вмещающих отложений и специфический характер артефактов позволяют отнести эти материалы к числу мелкоорудийных индустрий начальных этапов раннего палеолита. Согласно предварительным стратиграфическим

оценкам возраста раннепалеолитический комплекс Рубаса-1 является одной из древнейших археологических индустрий на Кавказе. На сегодняшний день наиболее близкие аналогии данным артефактам прослеживаются в материалах расположенной в 30 км от Рубаса-1 стоянки Дарвагчай-1, которая датируется $\approx 800\text{--}600$ тыс. л.н. (бакинское время, Q₁b) [Деревянко и др., 2009], что свидетельствуют о длительном существовании раннепалеолитических индустрий с мелкоорудийными ассамбляжами на территории Северо-Восточного Кавказа.

Список литературы

Деревянко А.П., Анойкин А.А., Борисов М.А. Раннепалеолитический комплекс местонахождения Рубас-1 (по материалам работ в 2011 году) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 29–33.

Деревянко А.П., Анойкин А.А., Зенин В.Н., Лещинский С.В. Ранний палеолит Юго-Восточного Дагестана. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 124 с.

Деревянко А.П., Анойкин А.А., Лещинский С.В., Славинский В.С., Борисов М.А. Нижнепалеолитический комплекс местонахождения Рубас-1: предварительные результаты // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – С. 65–70.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ КЛИМАТОСТРАТИГРАФИЧЕСКОГО РАСЧЛЕНЕНИЯ ПЛЕЙСТОЦЕНОВЫХ ОТЛОЖЕНИЙ ПЕЩЕРЫ ТРЛИЦА НА СЕВЕРЕ ЧЕРНОГОРИИ

К числу самых актуальных задач изучения истории развития природной среды горных районов юга Северной Евразии в плейстоцене относится получение репрезентативных палеоботанических данных для ранне-среднеплейстоценовых толщ с целью их климатостратиграфического расчленения и выявления особенностей флоры, растительности и климата реконструируемых палеогеографических этапов.

Специалистами ИАЭТ СО РАН и Центра археологических исследований Черногории в рамках изучения древнейших эпох плейстоцена горных территорий с 2010 г. ведутся комплексные исследования отложений в пещере Трлица (43°20'38" с.ш., 19°23'00.2" в.д.), расположенной в 2,5 км юго-восточнее г. Плевля, на склоне межгорной депрессии на высоте 925 м над уровнем моря [Деревянко и др., 2011]. По результатам литологического и палеофаунистического анализов было установлено, что вскрытый в карстовой полости разрез рыхлых отложений, в котором выделено 12 литологических слоев общей мощностью до 5,5 м, представляет три фациально-генетические пачки ранне-среднеплейстоценовых осадков. Период их образования характеризовался несколькими, скорее всего, продолжительными седиментационными перерывами. Накопление осадков нижней пачки (слои 11 и 12) происходило в субаквальной обстановке, что подтверждено присутствием в них пресноводных зеленых водорослей родов *Botryococcus* и *Pediastrum*. Средняя толща (слои 5–10) формировалась преимущественно делювиально-пролювиальными процессами. Верхняя пачка (слои 1–4) представлена почвенно-осадочным красноцветным комплексом. Согласно результатам изучения палеофауны из отложений слоев 5–11, выделено два териокомплекса [Там же]. Фауна из слоев 5 и 6, обитавшая в условиях относительно теплого и сухого климата и значительного развития широколиственных лесных формаций, по своему эволюционному уровню отвечает первой половине среднего плейстоцена. Фаунистический комплекс из слоев 10 и 11 существовал в более холодных условиях и датируется в хронологическом интервале 1,8–1,2 млн лет.

Палинологическое изучение разреза пещерных отложений показало, что большинство из 23 отобранных образцов, характеризующих все слои разреза, имеют низкую концентрацию пыльцы и спор (менее 1 зерна на гр.),

что потребовало многократного выделения микроостатков из новых порций породы для сбора статистически обоснованных данных. Полученные палиноспектры позволяют охарактеризовать ландшафтно-климатические условия образования ряда слоев и выполнить предварительное климато-стратиграфическое расчленение изученной толщи.

Список таксономического состава палинофлоры из слоев 1–12 составляют около 100 видов, родов и семейств древесно-кустарниковых, травяно-кустарниковых и высших споровых растений. Присутствие пыльцы субтропических и умеренных неогеновых реликтов – *Cathaya* sp., *Podocarpus* sp., *Keteleeria* sp., *Tsuga* spp., *Cedrus* sp., *Parrotia persica*, *Celtis* sp., родов *Taxodiaceae* (cf. *Taxodium*, cf. *Sciadopitys*, *Cryptomeria japonica*), *Cupressaceae* и др., являющихся показательными компонентами межледниковых флор раннего и первой половины среднего плейстоцена разрезов Средиземноморского историко-флористического региона, подтвердило вывод о ранне-среднеплейстоценовом возрасте отложений Трлицы.

Рассматривая хронологию появления, расцвета и исчезновения экзотических таксонов в плейстоценовых флорах разрезов Средиземноморья все авторы отмечают многообразие региональных и локальных особенностей этих процессов [Suc, Popescu, 2005; Popescu et al., 2010; Bolikhovskaya, 2011; Manzi, Magri, Palombo, 2011]. В целом для ранне-среднеплейстоценовых межледниковий центральной части Средиземноморской области (разрезы Италии, Греции) было свойственно господство широколиственных и хвойно-широколиственных лесов с субтропическими элементами, а переходным периодам отвечали фазы с преобладанием темнохвойных пород (с участием тсуги, кедра и других экзотов). Климатическим ритмам ледникового ранга здесь соответствовали фазы расширения степных и травянистых элементов (полюны *Artemisia*, амарантовых *Amaranthaceae*, маревых *Chenopodiaceae* и др.) в холодных и сухих условиях, а также фазы развития хвойных лесов среднегорного и высокогорного типа при похолоданиях и увлажнениях [Joannin et al., 2007].

Согласно данным палиноспектров, на протяжении всего периода формирования отложений разреза в окрестностях пещеры преобладали лесные сообщества. В теплые этапы доминировали хвойно-широколиственные леса, а во время похолоданий – хвойные с незначительной примесью широколиственных пород или чистые хвойные леса.

Трем зафиксированным на данном этапе исследований периодам относительных похолоданий отвечают интервалы накопления отложений слоя 12, верхней части слоя 9 – нижней части слоя 8, а также верхней части слоя 5.1. (горизонт 5.1А.), насыщенной десквамационными обломками коренных пород.

Слой 12 формировался сначала в фазу господства пихтово-елово-кедровых (*Abies* sp., *Picea* sect. *Picea*, *Pinus* subgen. *Haploxylon*) и сосновых (*Pinus sylvestris*) лесов с обильным кустарниковым ярусом из можжевель-

ника *Juniperus* spp. Затем относительное потепление привело к появлению в составе древостоев сосны сербской *Picea* sect. *Omorica*, тсуги *Tsuga* type *piccolo*, бука, дуба и лещины.

Первый теплый этап, отвечающий накоплению слоев 11–9 (нижняя часть), характеризуется преимущественным развитием в исследуемом районе хвойно-широколиственных лесов с преобладанием ели, кедровидных сосен, граба обыкновенного *Carpinus betulus*, граба восточного *Carpinus orientalis* и липы *Tilia* cf. *cordata*, *Tilia* cf. *platyphyllos*, при участии бука *Fagus sylvatica*, дуба, хмелеграба *Ostrya* sp., ольхи, лещины, шелковицы и др. О значительной древности отложений свидетельствует участие в палинофлоре пыльцы ныне вымерших реликтов мелового и неогенового времени – вечнозеленых хвойных деревьев – катайи *Cathaya* sp. и кетелеерии *Keteleeria* sp., произрастающих ныне в Юго-Восточной Азии.

Климато-фитоценотическую обстановку второго похолодания (верхи слоя 9 и низы слоя 8) отражает доминирование пихтово-кедрово-еловых лесов.

В период накопления слоя 7 в условиях умеренно теплого климата преобладали елово-сосново-широколиственные (липово-дубово-грабовые из *Quercus* sp., *Quercus* cf. *ilex*, *Carpinus betulus*, *Tilia* cf. *cordata*) леса с лещиной *Corylus avellana* и шелковицей *Morus* sp. в подлеске и участками грабинниковых, березовых и ольховых древостоев. Весьма разнообразен состав хвойных – *Picea* sect. *Picea*, *Pinus* sect. *Cembra*, *P.* sect. *Strobus*, *P.* s.g. *Diploxylon*, *Pinus sylvestris*, *Juniperus* spp.

В теплый этап формирования слоев 6 (?) и 5, сопоставленный нами с первым межледниковьем эпохи Брьонес (МИС 19), на большей части прилегающей территории в условиях теплого и относительно сухого климата произрастали редкостойные широколиственные и хвойно-широколиственные леса. Ассоциации широколиственных пород составляли, главным образом, представители ксерофитной горной флоры – хмелеграб *Ostrya* sp., граб восточный *Carpinus orientalis*, каркас *Celtis* sp., липа серебристая *Tilia argentea* и др., а также *Quercus* sp., *Carpinus betulus*, *Corylus avellana*, *Corylus* sp., *Ulmus* sp., *Alnus* sp., *Alnus glutinosa*. В составе хвойных древостоев преобладали сосны – кедровидные *Pinus* s.g. *Haploxylon*, *Pinus* sect. *Cembra* и светлохвойные *Pinus* s.g. *Diploxylon*, *P. sylvestris*, постоянно присутствовали кипарисовые Cupressaceae, ель *Picea* sect. *Omorica*, *Picea* sect. *Picea* и пихта *Abies* sp. Не исключено также участие субтропических хвойных экзотов – катайи *Cathaya* и подокарпа *Podocarpus*. О наличии экотопов с увлажненными почвами свидетельствуют находки пыльцы парротии персидской *Parrotia persica*, произрастающей ныне в теплом и влажном субтропическом климате по берегам водоемов и в ущельях на сильно увлажненных почвах. На открытых петрофитно-степных биотопах произрастали маревые Chenopodiaceae, полыни, в том числе *Artemisia* s.g. *Seriphidium*, лилейные Liliaceae, астровые Asteraceae.

Третье похолодание (горизонт 5.1А.) было выражено исчезновением из состава лесов субтропических тепло-влаголюбивых хвойных и широколиственных пород.

Формирование слоев 1–4 проходило в теплую эпоху среднего плейстоцена, отвечающую интергляциалу Noordbergum (Interglacial IV, Voigtstedt, Ferdynandowian) западноевропейской шкалы или мучкапскому межледниковью схемы Европейской России, абсолютный возраст которого определен ЭПР-кластером 610–536 тыс. л.н. [Molodkov, Bolikhovskaya, 2010]. Верхний красноцветный почвенно-осадочный комплекс характеризует самая богатая по общему составу таксонов и участию неогеновых реликтов флора. В теплом и влажном климате господствовали субтропические широколиственно-хвойные леса, в которых эдификаторами выступали сосны – кедровидные *Pinus* sect. *Cembra*, *Pinus* sect. *Strobus* и светлохвойные и реликты неогеновых хвойных пород – катая *Cathaya* sp., подокарпус *Podocarpus* sp., тсуга *Tsuga* spp., кетелеерия *Keteleeria* sp., кедр *Cedrus* sp., кипарисовые *Cupressus* spp. На самых влажных местообитаниях, возможно, встречались единичные таксодиевые cf. *Taxodium*, cf. *Sciadopitys*, *Cryptomeria japonica*. Обильной была широколиственная дендрофлора – *Parrotia persica*, *Fagus* sp., *Quercus* sp., *Quercus ilex*, *Quercus pubescens*, *Carpinus betulus*, *Carpinus orientalis*, *Carpinus* sp., *Ostrya* cf. *carpinifolia*, *Corylus avellana*, *Corylus* sp., *Tilia* sp., *Tilia cordata*, *Tilia argentea*, *Celtis* sp., *Ulmus* sp., cf. *Pistacia* и др.

Первые палинологические исследования отложений разреза Трилица показали их перспективность для климатостратиграфии и реконструкции природных обстановок раннего и среднего плейстоцена. Дальнейшее изучение пещерных отложений позволит скорректировать таксономическую принадлежность палиноморф, дополнить состав флор и количество репрезентативных палиноспектров для уточнения границ идентифицированных теплых и холодных этапов и положения пробелов в геологической летописи разреза.

Список литературы

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Булатович Л., Агаджанян А.К., Вислобокова И.А., Ульянов В.А., Аношкин А.А., Меденица И. Исследования в пещере Трилица на севере Черногории // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. 17. – С. 44–47.

Bolikhovskaya N.S. The Pleistocene and Holocene of the North-Western Caspian Sea Region: climatostratigraphy, correlation and palaeoenvironments // Stratigraphy and sedimentology of oil-gas basins. – 2011. – N 1. – P. 3–30.

Joannin S., Quillévéré F., Suc J.-P., Lécuyer C., Martineau F. Early Pleistocene climate changes in the central Mediterranean region as inferred from integrated pollen and planktonic foraminiferal stable isotope analyses // Quatern. Research. – 2007. – Vol. 67. – P. 264–274.

Manzi G., Magri D., Palombo M.R. Early–Middle Pleistocene environmental changes and human evolution in the Italian peninsula // *Quatern. Sci. Rev.* – 2011. – Vol. 30, iss. 11/12. – P. 1420–1438.

Molodkov A.N., Bolikhovskaya N.S. Climato-chronostratigraphic framework of the Pleistocene terrestrial and marine deposits of Northern Eurasia, based on pollen, electron spin resonance, and infrared optically stimulated luminescence analyses // *Estonian J. of Earth Sciences.* – 2010. – Vol. 59, N 1. – P. 49–62.

Popescu S.-M., Biltekin D., Winter H., Suc J.-P., Melinte-Dobrinescu M.C., Klotz S., Combourieu-Nebout N., Rabineau M., Clauzon G., Deaconu F. Pliocene and Lower Pleistocene vegetation and climate changes at the European scale: Long pollen records and climatostratigraphy // *Quatern. Intern.* – 2010. – Vol. 219. – P. 152–167.

Suc J.-P., Popescu S.-M. Pollen records and climatic cycles in the North Mediterranean region since 2.7 Ma // *Early-Middle Pleistocene Transitions: The Land-Ocean Evidence. Special Publication-Geological Society of London.* – 2005. – Vol. 247. – P. 147–157.

*А.П. Деревянко, Л. Булатович, М. Бакович, А.К. Агаджанян,
И.А. Вислобокова, К.К. Павленок, А.В. Кандыба, А.М. Чеха*

ИССЛЕДОВАНИЯ СКАЛЬНОГО НАВЕСА БИОЧЕ (ЧЕРНОГОРИЯ) В 2012 ГОДУ

В 2012 г. были продолжены работы совместной российско-черногорской экспедиции, направленные на мультидисциплинарное исследование скального навеса Биоче [Деревянко и др., 2010, 2011]. Данные изыскания проводятся с целью ревизии постулируемых вариантов культурного развития древнейшего населения восточного побережья Адриатического моря на финальной стадии среднего палеолита.

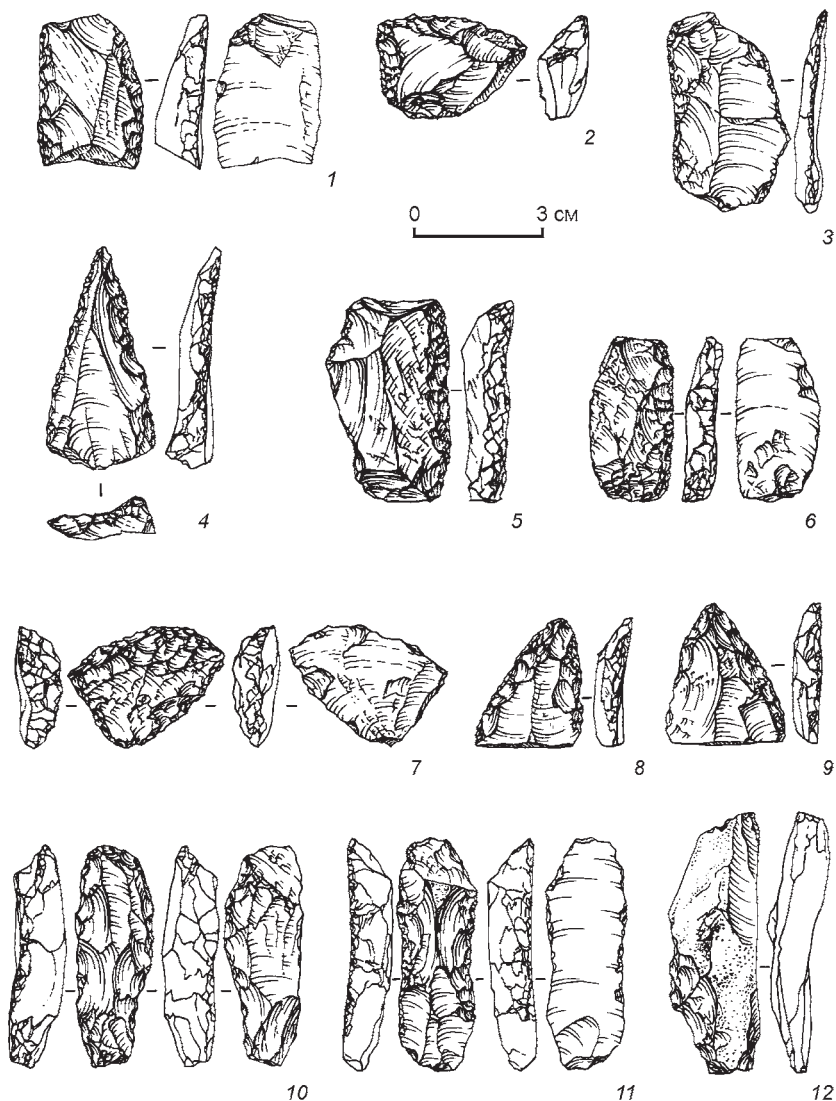
Археологические работы 2012 г. проводились в раскопе площадью 1,7 кв. м., который прирезан к вскрываемому в 2011 г. участку и раскопчной траншее прошлых лет [Деревянко и др., 2010, 2011; Đuričić, 2006] в северо-восточном направлении – 1,7 м по линии G и 1 м от линии G к линии F, в рамках квадратов G, F/17 общей сетки раскопной площади. Стратиграфия изучаемого в 2012 г. участка практически аналогична зафиксированной прежде [Деревянко и др., 2011]. Существенным результатом является разбор всей толщи отложений до скального основания навеса, который не был достигнут ранее.

Археологическая коллекция насчитывает 3 999 экз. Артефакты распределены по литологическим слоям неравномерно, демонстрируя снижение численности коллекций слоев вниз по разрезу. Основная часть находок (около 85 %) приурочена к средней части и основанию слоя 1 (прослой 1.1.2–1.4). Слой 7 не содержит археологического материала. Основу сырьевой базы индустрий Биоче составляет кремень местного происхождения, в изобилии представленный в виде небольших трещиноватых галек в русле р. Мороча и в конгломератах вдоль ее берегов. Практически половина нуклевидных форм (74 экз., 41 %) представлена нуклевидными обломками и истощенными ядрищами. Среди типологически выраженных ядрищ наиболее многочисленны радиальные нуклеусы для мелких отщепов (38 экз.). К ним типологически близки ортогональные ядрища (16 экз.). Дисковидные нуклеусы единичны. Среди однофронтальных одноплощадочных нуклеусов почти вдвое преобладают изделия, утилизируемые по длинной оси (23 экз.). Они присутствуют практически во всех слоях памятника. Нуклеусы использовались для получения отщепов, в редких случаях наблюдаются негативы пластин. Поперечные ядрища (13 экз.) практически отсутствуют в нижних слоях Биоче, но характерны для слоя 1, как и однофронтальные нуклеусы встречного скалывания (8 экз.). Два торцовых

нуклеуса зафиксированы в прослоях 1.1.2 и 1.2. Дополняют коллекцию единичные двуплощадочные бифронтальные нуклеусы с ортогональной и перекрестной ориентацией фронтов.

Коллекция технических сколов представлена несколькими категориями. Сколы декортикации, доля которых варьирует от 25 % в прослое 1.1.1 до 5 % в прослое 1.4, снижаясь от верхних слоев к нижним. В индустриях всех слоев представлены продольные краевые снятия, изредка использовались продольные и поперечные подправки площадки или фронта. Единичными экземплярами представлены полуреберчатые/реберчатые снятия. Среди сколов-заготовок всех слоев Биоче преобладают отщепы. Доля крупных невысока, мелкие и средние отщепы представлены либо в равных пропорциях (прослой 1.1.1, слои 3, 4), либо преобладают мелкие (прослои 1.1.2, 1.2, 1.4), либо средние (прослой 1.1.3). Доля пластин, чаще не имеющих правильной огранки и параллельных краев, невелика. На общем фоне выделяются индустрии прослоев 1.1.2 и 1.2, где они представлены серийно. Немногочисленные пластинки, наиболее представленные в коллекции слоя 3, вероятно, следует рассматривать как случайные.

Практически все орудийные формы (около 90 %) были обнаружены в пределах слоя 1. Доминирующей категорией являются скребла (97 экз., 37 типов). Среди однолезвийных преобладают одинарные продольные с прямым (см. *рисунок, 5, 6*) или выпуклым лезвием. Поперечные скребла чаще обладают выпуклым рабочим краем. Единичны скребла с диагонально-скошенным лезвием, а также изделия с четко выраженным аккомодационным элементом — продольные выпуклые дорсальные скребла с вентральной подтеской базальной части, диагонально-скошенное прямое дорсальное скребло с обушком и вентральным утоньшением. Примечательно продольное выпуклое скребло с бифасиально оформленным лезвием. Двулезвийные разновидности скребел (см. *рисунок, 1*) численно заметно уступают однолезвийным. Среди них преобладают конвергентные прямые дорсальные скребла (см. *рисунок, 8, 9*). Отдельную группу составляют угловатые, продольно-поперечные и скребла *déjeté*. В этой группе орудий отметим угловатое прямое скребло с вентральным утоньшением. Представлены также изделие с альтернативно-ретушированными выпуклыми краями и орудие с ретушью на 3/4 части периметра заготовки. Второй крупной категорией инвентаря являются скребки, подготовленные в той же манере, что и скребла, но несколько уступающие им по размерам. Они присутствуют только в коллекции слоя 1. Доминирующее положение занимают боковые с прямыми и выпуклыми лезвиями, серийно представлены концевые формы с выпуклым рабочим краем. Редки угловые (см. *рисунок, 2*), конвергентные скребки и изделия с ретушью, занимающей 3/4 части периметра заготовки. Два экземпляра скребков (боковой и угловой) демонстрируют следы вентрального утоньшения. В категории ножей представлены в основном однолезвийные продольные формы (см. *рисунок, 3*), чаще с выпуклым рабочим краем. Примечательны два изделия с вентральной и бифасиальной под-

Каменные артефакты из комплекса стоянки Биоче.

работкой лезвия, а также трехлезвийный нож. Острия единичны, но среди них присутствует орудие на леваллуазской заготовке (см. рисунок, 4). В многочисленной группе комбинированных орудий представлены изделия, сочетающие рабочие элементы, свойственные скреблам, скребкам, ножам, резцам, а также шиповидным, долотовидным и выемчатым формам. Сериями представлены орудия, которые могут быть определены как скребок с шипом (см. рисунок, 7) и скребло с выемкой. Дополняют орудийный

набор редкие шиповидные и выемчатые орудия, рокклеты. Представлены также резец (см. *рисунок, 12*), унифасиальное орудие. В нижних слоях обнаружено два предмета, определенные как заготовки лимасов (см. *рисунок, 10, 11*). В категории сколов с нерегулярной ретушью присутствуют только две пластины, остальные заготовки обладают пропорциями отщепов.

При просеивании породы разреза Биоче также было получено 3 105 фрагментов костных останков млекопитающих. Всего определено 87 ископаемых остатков крупных млекопитающих, представленных разрозненными зубами и их фрагментами и костями посткраниального скелета, принадлежащими хищным *Carnivora* и копытным *Perissodactyla* и *Artiodactyla*. В составе фауны присутствуют волк *Canis lupus*, пещерный медведь *Ursus spelaeus* и снежный барс *Panthera pardus*, лошадь *Equus caballus*, благородный олень *Cervus elaphus*, лань *Dama*, лось *Alces alces*, косуля *Capreolus*, бизон *Bison*, овцебык *Ovibos*, *Capra* (*C. ibex*) и *Rupicapra*. Много лесных форм (олени) и обитателей гористой местности (тур *Capra*, серна *Rupicapra* и др.). Фауна млекопитающих относится к верхнепалеолитическому комплексу.

Традиционно **среднепалеолитические индустрии Биоче, как и материалы эталонного стратифицированного памятника Черногории – скального навеса Црвена Стена (слои 11–18), относятся исследователями к микромустьерскому технокомплексу [Црвена Стијена, 1975; Đuričić, 2006; Bakovic et al., 2008], которому присущи следующие характеристики:**

- основу сырьевой базы составляют небольшие гальки;
- доминирующую роль в производстве мелких сколов-заготовок играет леваллуазская техника в ее отщеповом варианте;
- основу орудийного набора составляют скребла, мелкие мустьерские острия, рокклеты, скребки, оформленные в основном интенсивной дорсальной ретушью;
- индустрии демонстрируют отсутствие эволюционных изменений как в технологии, так и в типологии каменного инвентаря.

Индустрии с близкими характеристиками были зафиксированы в материалах скального навеса Муйна Печена (Далмация) [Karavanić, 2007], на основании чего был сделан вывод о существовании отдельной микромустьерской традиции в финальной стадии среднего палеолита восточного побережья Адриатического моря [Đuričić, 2006; Karavanić, 2007].

Как показал анализ коллекций слоев, полученных на новом этапе исследования Биоче в 2010–2012 гг., каменная индустрия памятника не в полной мере соответствует перечисленным выше признакам. Так, судя по всему, предшествующими исследователями была существенно завышена роль леваллуазской техники. Кроме того были выделены новые черты комплекса, выраженные в присутствии тронкированно-фасетированных изделий и нуклеусов верхнепалеолитических типов [Деревянко и др., 2010; 2011]. Послойное сопоставление коллекций 2012 г. позволило поставить под сомнение правомерность ранее высказанного положения о полном

технико-типологическом сходстве индустрий всех слоев Биоче [Đuričić, 2006]. Коллекция слоя 1, в отличие от нижележащих, содержит нуклеусы встречного скалывания. Только в орудийном наборе слоя 1 присутствуют скребки, и лишь в нижних слоях обнаружены заготовки лимасов. Данные наблюдения позволяют заключить, что набор атрибутов, положенных в основу выделения микромустьерской группы памятников региона, нуждается в расширении и детализации. Уточнение индивидуальных технико-типологических характеристик опорных микромустьерских объектов позволит определить их культурно-хронологическую вариабельность и правомерность объединения в единую культурную группу, а также внести большую ясность в проблему дефиниции самого таксона «микромустье».

Список литературы

Деревянко А.П., Булатович Л., Бакович М., Цыбанков А.А., Ульянов В.А., Кандыба А.В. Исследование скального навеса Биоче (Черногория) в 2011 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 34–40.

Деревянко А.П., Булатович Л., Цыбанков А.А., Ульянов В.А., Кандыба А.В., Кривошапкин А.И., Бакович М. Исследования скального навеса Биоче (Черногория) в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 52–57.

Црвена Стијена. Зборник радова. – Никшић, 1975.

Bakovic M., Mihailovic B., Mihailovic D., Morley M., Vusovic-Lucic Z., Whallon R., Woodward J. Crvena Stijena excavations 2004–2006, preliminary report // Eurasian Prehistory. – 2008. – Vol. 6 (1/2). – P. 3–31.

Đuričić L. A contribution to research on Bioče Mousterian // J. of the Serbian Archaeological Society. – 2006. – Vol. 22. – P. 179–196.

Karavanić I. Le Moustérien en Croatie // L'Anthropologie. – 2007. – Vol. 111. – P. 321–345.

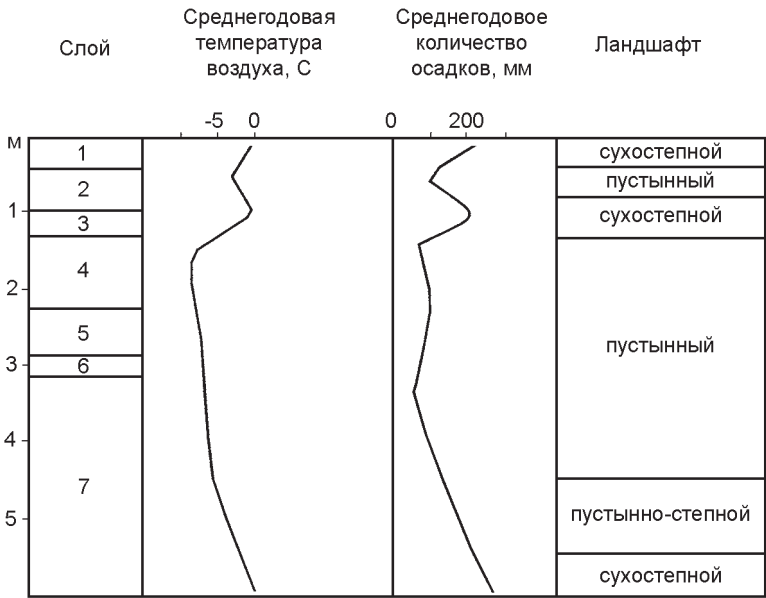
**ЭКОЛОГИЯ ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕКА
И ПАЛЕОПЕДОГЕНЕЗ В ПОЗДНЕМ ПЛЕЙСТОЦЕНЕ
НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОГО ХАНГАЯ
(по материалам памятника Орхон-1)**

Геоархеологический объект Орхон-1, расположенный на второй террасе р. Орхон, по левому его берегу, в 1 150 м выше капитального моста в районе с. Хар-Хорина [Деревянко, Кандыба, Петрин, 2010], находится в зоне экстраконтинентальных сухих степей – полупустынь. Климат региона, как и всей Монголии, характеризуется резкой континентальностью, аридностью, значительными амплитудами практически всех климатических параметров, как в суточном цикле, так и в течение года. Среднегодовая температура воздуха близка к 0 °С или несколько ниже (–0,1...–0,9 °С), что связано с низкими средними температурами января (до –24...–27 °С). При этом июльские температуры могут достигать 20 °С и более. Сумма биологически активных температур (> 10 °С) составляют за год 1 500°, а продолжительность безморозного периода – не более 100 дней. Осадков выпадает не много: 240–320 мм в год, основное их количество приходится на летний период. Все это определяет глубокое промерзание почв в зимние месяцы, вымораживание влаги из верхних горизонтов, формирование своеобразных сухостепных ландшафтов и преобладание различных подтипов степных криоаридных почв (много- и среднегумусных) в современном почвенном покрове [Волковинцер, 1978].

На геоархеологическом объекте Орхон-1 в 1986–1988 гг. тремя раскопками была вскрыта площадь 170 м² [Деревянко, Кандыба, Петрин, 2010]. Культурные остатки фиксировались на двух уровнях. Верхний культурный горизонт приурочен к кровле слоя 4, некоторая часть находок заходит в слой 3 и совсем немного – в слой 2 [Деревянко, Петрин, 1990, рис. 2]. От нижележащего третьего культурного горизонта второй горизонт находок отделен почти 1,5-метровой толщей накоплений. Нижний культурный горизонт полностью связан с отложениями поймы древнего Орхона [Там же]. В пойменной фации были обнаружены остатки двух небольших очажков, которые, несмотря на некоторые повреждения, свидетельствуют о том, что значительного перемещения вещевого материала в плане не наблюдалось. В соответствии с имеющимися радиоуглеродными датами и технико-морфологическим обликом индустрии находки верхнего культурного горизонта характеризуют средний этап верхнего палеолита [Деревянко, Кандыба, Петрин, 2010, с. 235, 247], а нижнего культурного горизонта – переходный этап между средним и верхним палеолитом [Там же, с. 233].

Образцы для палеопедологического анализа отбирались по слоям; всего проанализировано 12 образцов из 7 стратиграфических слоев. Были изучены характеристики органической и минеральной массы осадка: содержание органического углерода, групповой и фракционный состав гумуса, гранулометрический состав мелкозема, количество CaCO_3 , величина pH водной суспензии, количество поглощенных катионов Ca^{2+} и Mg^{2+} , содержание аморфного железа, удельная магнитная восприимчивость мелкозема и ряд других параметров по общепринятым в почвоведении и палеопочвоведении методикам [Качинский, 1958; Аринушкина, 1962; Петербургский, 1963; Методические указания..., 1975; и др.].

Изучение педогенных признаков отложений раскопов 1 и 2 памятника Орхон-1 выявляет их неоднородность, которая обусловлена изменениями природно-климатических условий на протяжении времени формирования толщи (см. рисунок). Весь комплекс педогенных характеристик отложений памятника Орхон-1 свидетельствует о том, что формирование изучаемых осадков происходило в достаточно суровой биоклиматической обстановке: высокой аридности климата, значительных контрастах температурных показателей, разреженной растительности и т.д. Все это обуславливало малую активность протекания процессов почво- и гумусообразования и гумусонакопления. В таких условиях преобладали элементарные почво-образовательные процессы превращения минеральной массы, а процессы,

Динамика изменений ландшафтно-климатических условий формирования отложений памятника Орхон-1 (раскопы 1 и 2) по данным палеопедологии.

связанные с преобразованием органической части, были подавлены. Теплообеспеченность территории, судя по всему, изменялась на протяжении охваченного изученным разрезом отрезка позднего плейстоцена незначительно и была близка к современной, с характерными для нее большими амплитудами суточных и годовых температур, длительным и глубоким промерзанием почвенного профиля и развитием сезонномерзлых пород. Однако характер изменения педогенных признаков отложений дал возможность выявить относительные колебания условий увлажнения.

Судя по неоднородным педогенным характеристикам отдельных частей слоя 7, можно предположить, что формирование его происходило в меняющихся климатических условиях. На фоне близкой к современной теплообеспеченности происходили постепенные изменения атмосферной увлажненности в сторону большей аридизации. Вероятно, формирование верхней части слоя происходило в менее благоприятных для почвообразования и гумусонакопления климатических условиях (в большей степени по условиям увлажнения), чем формирование его нижней части. Если времени образования нижней части слоя отвечали условия, характерные для современных сухих степей, в которых формируются светло-каштановые почвы, то затем происходила смена ландшафтов на пустынно-степные и пустынные с бурыми пустынно-степными и серо-бурыми почвами, соответственно.

Комплекс педогенных характеристик слоя 6 позволяет предположить, что его формирование происходило в немного более благоприятных по увлажнению условиях, хотя и остающихся в пределах, характерных для пустынных ландшафтов (3 культурный горизонт, переходный этап между средним и верхним палеолитом).

Во время образования осадков слоя 5 происходит дальнейшее незначительное увеличение атмосферной увлажненности при несколько меньшей теплообеспеченности, по сравнению со слоями 6 и 7, при этом условия остаются пустынными.

Характер изменения педогенных признаков мелкозема слоя 4, позволяет говорить о меняющейся природной среде в течение времени его образования. Условия формирования нижней части рассматриваемого слоя, по-видимому, близки к таковым нижележащего слоя 5, и характеризуются незначительно увлажненным и прохладным климатом, характерным для пустынных ландшафтов Центральной Азии. В конце формирования слоя 4 наблюдалась некоторая аридизация климата, сопровождавшаяся постепенным потеплением, которое затем наиболее ярко проявилось при формировании осадков вышележащего слоя 3 (2-й культурный горизонт, средний этап верхнего палеолита).

Сделанные нами выводы о климатических условиях, в которых происходило образование осадков слоя 4, несколько не совпадают с палеогеографическими реконструкциями, проведенными С.В. Николаевым, согласно которым в начале образования слоя 4 происходило некоторое увлажнение и потепление климата, а в конце – похолодание и аридизация [Деревянко,

Николаев, Петрин, 1992]. Скорее всего, это расхождение связано с тем, что образцы для палеопедологического анализа отбирались не сплошной колонкой, и довольно мощный слой (около 1 м) охарактеризован лишь тремя образцами. Однако характер изменения как педогенных, так и литологических и геохимических параметров позволяет сделать вывод о меняющихся биоклиматических условиях формирования слоя и незначительных колебаниях влаго- и теплообеспеченности.

Сочетание педогенных признаков мелкозема слоя 3 может свидетельствовать об относительном потеплении и увлажнении климата и распространении ландшафтов сухих степей с преобладанием светло-каштановых почв в почвенном покрове, хотя при образовании верхней части слоя выявляются признаки некоторого спада влагообеспеченности, который продолжается в дальнейшем при формировании слоя 2.

Условия формирования слоя 2 или, во всяком случае, той его части, которая охвачена нашим исследованием, как можно предположить из характера педогенных признаков отложений, отличалась некоторым похолоданием при низкой увлажненности, т.е. сочетание биоклиматических параметров отвечало условиям пустынных ландшафтов, в которых формировались серо-бурые пустынные почвы.

Педогенные признаки отложений слоя 1 соответствуют характеристикам степных криоаридных (светло-каштановых) почв, расположенных в сухих степях Монголии и отвечают современному сочетанию природно-климатических условий.

Список литературы

Аринушкина Е.В. Руководство по химическому анализу почв. – М.: Изд-во Мос. гос. ун-та, 1962. – 492 с.

Волковинцер В.И. Степные криоаридные почвы. – Новосибирск: Наука, 1978. – 208 с.

Деревянко А.П., Кандыба А.В., Петрин В.Т. – Палеолит Орхона. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – 384 с.

Деревянко А.П., Николаев С.В., Петрин В.Т. Геология, стратиграфия, палеогеография палеолита Южного Хангая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1992. – 61 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Т. Стратиграфия палеолита Южного Хангая (Монголия) // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки: докл. Междунар. симп. – Новосибирск, 1990. – С. 161–173.

Качинский Н.А. Механический и микроагрегатный состав почвы, методы его изучения. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 192 с.

Методические указания по определению содержания гумуса в почвах / сост. В.В. Пономарева, Т.А. Плотникова. – Л.: Изд-во Почвенного музея им. В.В. Докучаева, 1975. – 105 с.

Петербургский А.В. Практикум по агрономической химии. – М.: Изд-во сельхоз. лит., 1963. – 562 с.

СТРУКТУРА, СОСТАВ И ОСОБЕННОСТИ ТЕХНОКОМПЛЕКСОВ СИБИРЯЧИХИНСКОГО ВАРИАНТА СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА АЛТАЯ*

Районом особой концентрации среднепалеолитических объектов Южной Сибири признается Алтай, где представлены пещерные (Денисова, Усть-Канская, Страшная) и открытые (Усть-Каракол I, Ануй III, Кара-Бом, Тюмечин I, II), стоянки, сосредоточенные, преимущественно, в межгорных котловинах центральной и долинах рек северо-западной части региона. Среди них выделяется два карстовых объекта (Окладникова, сл. 7, 6, 3, 2, 1; Чагырская, сл. 6а, 6б, 6в/1, 6в/2) Северо-Западного Алтая, однотипные материалы которых сопоставимы с мустьерскими комплексами Юго-Западной Европы, Закавказья, Передней Азии [Деревянко, Маркин, 2012]. Допускается, что индустрии двух пещер образуют особый вариант регионального среднего палеолита, для обозначения которого предлагается название «сибирячихинская индустриальная линия развития» или «сибирячихинский вариант среднего палеолита» [Деревянко, 2012]. Судя по обнаруженным в пещерах антропологическим материалам, носителями данных индустрий с особыми стилистическими признаками являлись представители неандертальского антропологического типа [Медникова, 2011; Viola et al, 2012].

Структура стоянок имеет много общего, что отразилось на характере фракционирования кремневых остатков. Для них характерно небольшое количество свидетельств о расщеплении исходного сырья. Небольшой процент нуклеусов (0,3–1,6 %), краевых и полукраевых основ (5,0–12,5 %) в составе коллекций значительно ограничивает этот цикл обработки камня непосредственно в пещерах. Вместе с тем представляются немалыми объемы орудийных форм. В пещере Окладникова они превышают 12–22 %, а без учета мелких сколов отделки – 18–32%. В Чагырской пещере процент орудий колеблется от 2,4 до 19,0 %, при исключении мельчайших сколов он повышается до 13,4–25,6 %. Скорее всего, расщепление пород обитателями пещер производилось на стороне, на стоянки доставлялись заготовки, превращенные в орудийные формы. Следствием этого процесса следует считать значительные объемы сколов отделки, являющиеся производными процесса ретуширования. В индустриях пещеры Окладникова мельчайшие

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ (№ 11-06-12005-офи-м-2011), Интеграционной программы СО РАН (№ 53).

чешуйки достигают 30–40 %, в Чагырской – 19,8–82,7 %. Соотношение показателей между нуклеусами, потенциальными заготовками и орудиями свидетельствует, что каждая 2–5-я заготовка на обоих памятниках подвергалась вторичной отделке.

Для технокомплексов данных пещер характерен однотипный инвентарь, основанный, прежде всего, на радиальном расщеплении горных пород, следствием которого является обилие сколов со смещением корпуса заготовки от оси снятия. В пещере Окладникова, помимо радиальных, представлены образцы ядрищ, отражающие технологии параллельного и леваллуазского раскалывания. Соответственно, в индустриях этой пещеры представлены немногочисленные примеры удлинённых артефактов (3,9–7,3 % с учетом фрагментированных форм – 3,9–14,6 %) и изделия с леваллуазской морфологией (0,7–5,4 %) в виде треугольных сколов второго снятия и овальных отщепов с радиальной огранкой верхней поверхности. Типологической основой набора орудий являются скребла и орудия типа *déjeté*, варьирующие в комплексах пещеры Окладникова от 48,6 до 72,7 %, а в пещере Чагырской достигающие в определенных слоях 90 % всего объема вторично преобразованных артефактов. Среди скребел большинство – одинарные боковые и поперечные формы, меньше двойных параллельных и конвергентных орудий, единичны скребла с ретушью по периметру, типа полукина, ретушью с брюшка и противолежащей отделкой. Встречаются скребла со спинкой, утонченной подправкой края, противолежащего рабочему лезвию артефакта. При этом утончаться может и часть нижней поверхности заготовки путем нанесения различных по величине фасеток, ориентированных, как правило, поперек направления снятия. Немаловажным явлением представляется наличие разнообразных скребел-ножей, имеющих естественные и искусственные обушки, либо противолежащие рабочим ретушированным кромкам, либо примыкающие к ним под углом. Отметим, что обушковые формы являются одним из характерных признаков технокомплексов пещер. Орудия типа *déjeté*, представляющие один из наиболее выразительных компонентов наборов артефактов стоянок, образующие примерно 30 % всего объема орудий, двойных и тройных комбинаций, различаются по количеству и положению активных кромок (боковые, диагональные, поперечные), их ориентации, форме (прямые, выпуклые, вогнутые), отделке (лицевая, брюшковая, противолежащая) и углу схождения (острый, тупой, прямой). В целом в технокомплексах присутствуют диагонально-скошенные и диагонально-горбовидные образцы, диагонально-поперечные и продольно-поперечные формы артефактов. Леваллуазские острия, а также единичные орудия верхнепалеолитической типологии (скребки, резцы, долотовидные орудия, проколки) представлены в технокомплексах пещеры Окладникова, в Чагырской они не известны. Немногочисленные группы артефактов образуют подчас единичные зубчатые изделия, ретушированные анкоши, мустьерские остроконечники. В пещере Окладникова представлены бифасы – обушковые формы с косым утолщен-

ным краем (сл. 7, 3, 2), в Чагырской – обнаружены плоско-выпуклые бифасы овальных очертаний (подошва сл. 6б) с утолщенным основанием и уплощенной активной кромкой, образованной конвергенцией продольных краев. Из сл. 7 пещеры Окладникова происходит образец бифаса плоско-выпуклого сечения, с вытянутым рабочим участком, боковыми плечиками и забитой пяточной частью. Идентичной представляется в индустриях пещер и отделка орудий, в равной степени реализуемая при организации рабочих кромок изделий и их отдельных участков. Вторичная обработка осуществлялась в основном с помощью разнообразных ретушных отделок. Преобладает ретушь лицевая, полукрутая, средняя, полуглубокая и захватывающая, двурядная и чешуйчатая. Подчеркнем, что большинство орудий и, прежде всего, скребел образованы с помощью интенсивной, модифицирующей ретуши, очевидно, неоднократно переоформляющей артефакты в процессе их эксплуатации. Отмечается отделка, образующая обушковые части и подчеркивающая рабочие элементы орудий. Выделяются и различного рода утончения заготовок с целью удаления бугорков, подтески базальных частей, исправления кривизны профиля, уплощения кромок и угла схождения лезвий артефактов типа *déjeté*.

Временные показатели индустрий из пещеры Окладникова установлены серией датировок в интервале от 44 ± 4 тыс. л.н. для слоя 7 до 33500 ± 700 л.н. для слоя 1, что соответствует каргинскому времени. По недавно полученным радиоуглеродным датам материалы из Чагырской пещеры представляются несколько древнее. Так, возраст кровли слоя 6а определен в значения >49000 л.н. (MAMS 14957), средней части слоя 6б – >49000 л.н. (MAMS 14958), его подошвы – >49000 л.н. (MAMS 14959), >52000 л.н. (MAMS 14353, MAMS 14354), кровли слоя 6в/1 – 45672 ± 481 л.н. (MAMS 13033), >49000 л.н. (MAMS 14960), >52000 л.н. (MAMS 14355), его средней части – 48724 ± 692 л.н. (MAMS 13034) и подошвы – 50524 ± 833 л.н. (MAMS 13035), >49000 л.н. (MAMS 14961–14963), >52000 л.н. (MAMS 14356, MAMS 14357, MAMS 14358), слоя 6в/2 – >49000 л.н. (MAMS 14964).

Повторяемость технологических и типологических признаков в индустриях пещер Окладникова и Чагырская и их отличие от других памятников Алтая, объединенных в кара-бумовский и денисовский технические разновидности, свидетельствует о существовании особого мустьероидного варианта регионального среднего палеолита – сибиряхихинского. Малочисленность объектов данного варианта свидетельствует о небольшой по численности группе его носителей неандертальского антропологического типа, проникшей на Алтай, где уже сформировалась верхнепалеолитическая культура, которые в течение короткого времени были растворены в иной культурной и антропологической среде [Деревянко, 2012]. Подтверждением этого является отсутствие последствий развития данных технокомплексов в алтайских индустриальных разновидностях на стадии сложения культуры раннего верхнего палеолита. Если учитывать возрастные пока-

затели пещеры Окладникова и материалы 11-го слоя пещеры Денисовой (ок. 50 000 л.н.), где представлены верхнепалеолитические индустрии ориньякского облика, отчетливо определяется проблема взаимоотношения неандертальцев и человека иного антропологического облика в палеолите Алтая на стадии смены культур. Отметим, что на костном материале Денисовой пещеры выделена геномная последовательность, принадлежащая ранее неизвестному гоминиду [Там же]. Данные взаимоотношения одновременно сосуществовавших разных гоминидов и их отличных материальных культур в палеолите Алтая еще предстоит оценить. Тем не менее некоторые отличия комплексов артефактов двух памятников, образующих сибирячихинский вариант, скорее отражают не только их незначительную хронологическую разницу, но и воздействие на них другого, уже верхнепалеолитического типа культуры региона. Результатом такого воздействия, возможно, является появление в комплексах пещеры Окладникова элементов леваллуазской и параллельной техники, а также верхнепалеолитических типов орудий, серийно представленных в сл. 11 Денисовой пещеры, 11–8 стоянки Усть-Каракол I. Возможно, близость этих стоянок и пещеры Окладникова, приуроченных к долине р. Ануй, способствовала появлению инноваций в индустриальных последовательностях данного карстового объекта, отсутствовавших в комплексах удаленной пещеры Чагырская.

Список литературы

Деревянко А.П. Новые археологические открытия на Алтае и проблема формирования *Homo sapiens*: лекция памяти проф. Х. Мовиуса, прочитанная в Гарвардском университете. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 132 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Сибирячихинский вариант среднего палеолита как элемент культуры второй половины верхнего плейстоцена Алтая // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. – М.: Рос. полит. энциклопедия, 2012. – С. 96–100.

Медникова М.Б. Посткраниальная морфология и таксономия представителей рода *Homo* из пещеры Окладникова на Алтае. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 128 с.

Viola B.Th., Markin S.V., Buzhilova A.P., Mednikova M.B., Dobrovolskaya M.V., Le Cabec A., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Hublen J.-J. New Neanderthal remains from Chagyrskaya Cave (Altai Mountains, Russian Federation) // Am. J. of Phys. Anthropol. – 2012. – Vol. 147, suppl. 54. – P. 293–294.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПЕЩЕРЫ МАНЧИН (ВЬЕТНАМ) В 2011 ГОДУ*

Совершенно уникальные данные были получены при изучении новой пещеры Манчин. Пещера Манчин (Mang Chieng) (N 20°18'49'', E 105°35'50'') расположена в северной части Вьетнама в провинции Тхань-хоа на территории национального парка Кукфуонг и была обнаружена как научный объект в 2010 году Российско-вьетнамской экспедицией. Географически принадлежит северным предгорьям горной системы Чыонгшон-бак (северная часть Аннамского нагорья), находится на высоте 203 метра над уровнем моря. Вход в пещеру размерами 12 метров в ширину и более 3 метров в высоту ориентирован на юго-восток и большую часть дня предвходовая и входовая части пещеры освещены прямым солнечным светом. Образование данного памятника, по всей видимости, связано со сбросовой тектонической деятельностью. Впоследствии, из-за постоянного разрушения известняковых пород, составляющих основу каменной гряды, отложения в пещере стали постепенно вымываться, косвенным свидетельством чего являются кальцинированные конкреции на стенах пещеры на уровне местами более 1,5 метров от современной поверхности с содержанием ракушек лесных водных моллюсков до 95 % от состава.

Пещера представляет собой сводовую камеру площадью 160 м² и максимальной высотой около 5 м, зал которой поворачивает вправо от входа и расширяется в горизонтальном плане, одновременно сужаясь в вертикальном. Раскоп площадью 6 м² был заложен на входовой части объекта. Общая мощность вскрытых отложений составляет 50–60 см и представляет собой одно литологическое подразделение. Структурной особенностью осадков является их рыхлая, местами кальцинированная, консистенция. Отложения представляют собой красно-коричневую пылеватую супесь. Известняковый обломочник крупных размеров присутствует в верхней части отложений и уменьшается в габаритах вниз по слою. Непосредственно на контакте рыхлых отложений и скального основания окрас седимента меняется на серо-желтый.

Каменный инвентарь равномерно распространен по всей толще слоя и насчитывает 345 экз. В коллекции присутствуют 3 экз. галек крупных размеров без следов утилизации и 5 экз. обломков сланца.

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ (№ 11-06-12004 офи-м-2011).

Набор первичного раскалывания насчитывают 23 экз., в том числе шесть колотых галек и пять нуклевидных обломков.

Нуклеусы в коллекции составляют 11 предметов и все относятся к плоскостной параллельной системе расщепления. Одноплощадочные монофронтальные ядрища представлены несколькими вариантами. Нуклеус одноплощадочный монофронтальный продольной ориентации скалывания представляет собой предмет четырехугольной в плане формы. Плоская ударная площадка оформлена одним сколом. Слегка выпуклый фронт скалывания сохраняет негативы параллельных иногда заломистых сколов. Два ядрища являются вариантом поперечной ориентации скалывания. Первый артефакт представляет собой гальку трапецевидной в плане формы, и близкой к круглой форме в сечении. Расщепление велось поперек длинной оси заготовки и без предварительной подготовки ударной площадки. Полукруглый фронт скалывания сохраняет негативы параллельных коротких и укороченных сколов средних и мелких размеров. Второй артефакт представляет собой гальку с фронтом скалывания в виде выпуклой поверхности и сохраняет негативы коротких сколов средних размеров.

Исходным сырьем для двух нуклеусов послужили обломки плитки. Первый предмет треугольной в плане формы. В качестве ударной площадки была выбрана одна из плоскостей, с которой были проведены снятия укороченных отщепов по всему периметру нуклеуса. Расщепление второго ядрища велось непосредственно с плоскости разлома, ставшей ударной площадкой. Фронт скалывания содержит негативы крупных заныврывающих сколов. Последний нуклеус представляет собой истощенный вариант. Плоская ударная площадка полностью сохраняет естественную поверхность. Вогнутый фронт скалывания содержит лишь один негатив укороченного среднего скола. Одна латераль уплощена серией мелких сколов.

Три ядрища представляют собой двуплощадочный вариант расщепления. Первые два предмета представляют собой встречный принцип скалывания. Первый артефакт представляет собой предмет аморфных в плане очертаний. Две ударные площадки представляют собой плоские естественные поверхности, расположенные под прямым углом друг к другу. Относительно прямой фронт скалывания сохраняет негативы параллельных встречных, часто заломистых, сколов средних размеров. Второй артефакт представляет собой гальку четырехугольную в плане, овальную в сечении. Обе площадки представляют собой скошенные многочисленными сколами средних размеров поверхности. Попытки расщепления с этих площадок привели к образованию коротких сколов средних размеров. Обработка латералей бифасиальными сколами образовала выпуклость фронта скалывания. Последний артефакт представляет собой предмет прямоугольной в плане формы и треугольный в сечении. Противолежачие ударные площадки полностью сохраняют естественную поверхность. Плоский фронт скалывания сохраняет негативы многочисленных встречных укороченных снятий.

Два нуклеуса в коллекции, также являющиеся двуплощадочными, представляют собой бифронтальный вариант скалывания. Первое ядрище представляет собой гальку четырехугольной в плане формы. Скалывание с первой ударной площадки велось без предварительной подготовки ударной площадки. Противолежащая плоскость представляет собой плоскость разлома сырья. Выпуклый фронт скалывания сохраняет негативы параллельных коротких сколов средних размеров. После прекращения расщепления на первом участке предмета, еще одна ударная площадка была оформлена несколькими сколами на узком конце гальки, после чего были предприняты попытки скалывания вдоль длинной оси заготовки, завершившихся образованием одного негатива средних размеров и многочисленных заломов. Второе ядрище представляет собой предмет трапецевидной в плане формы. Обе ударные площадки сохраняют естественную галечную поверхность. Фронты скалывания расположены под небольшим углом относительно друг друга и полностью покрыты негативами коротких, часто заломистых, сколов среднего размера. В коллекции также присутствует один отбойник.

Индустрия сколов насчитывает 311 экз., из них отщепов 2 221 экз. Огранка дорсала отщепов преимущественно параллельная однонаправленная. Остаточные ударные площадки практически полностью представлены естественным типом.

Технические сколы представлены в количестве 15 экз. (из них целых предметов 14 экз.). Определимые снятия представлены следующими типами: продольно-краевой (9 экз.), удаленный продольный фронт (2 экз.), удаленная дуга скалывания (2 экз.). Определимые остаточные ударные площадки представлены следующими типами: естественная (11 экз.), гладкая (3 экз.)

Обломков в коллекции 49 экз., осколков – 9 экз., чешуек – 17 экз.

Орудийный набор насчитывает 14 экз., и представлен в основном скреблами. Три предмета являются одинарными прямыми скреблами. Исходной заготовкой для первого орудия служила галька овальной в плане формы, одна сторона которой уплощена многочисленными мелкими снятиями и представляет собой обушок. Лезвие на противоположной стороне оформлено бифасиальной чешуйчатой крупно- и мелкофасеточной ретушью. Следующий предмет выполнен на продолговатой гальке трапецевидной в плане формы. Рабочее лезвие находится на одном из длинных краев заготовке, первоначально образовано одним сколом и подправлено постоянной ступенчатой разнофасеточной ретушью с небольшими заломами. Последний артефакт создан на окатанном плоском куске известняка, фрагментированном поперек длинной оси. Односторонний рабочий край выполнен вдоль длинной оси с заходом на узкое окончание. Лезвие оформлено разнообразной по форме фасеток нерегулярной заломистой ретушью.

Еще один предмет является одинарным продольным выпуклым скреблом. Создано на крупном отщепе удлинённых пропорций. Рабочий край грубо оформлен постоянной сильно модифицирующей заломистой рету-

шью с фасетками среднего размера. Скребло одинарное вогнуто-выпуклое диагонально скошенное выполнено на коротком среднем отщепе. Рабочее лезвие создано постоянной среднемодифицирующей чешуйчатой ретушью с фасетками среднего размера.

Скребел с рабочим лезвием на $\frac{3}{4}$ периметра в коллекции три предмета. Первое скребло выполнено на гальке округлой в плане формы и треугольной в сечении. Рабочее лезвие оформлено по узкой части гальки постоянной чередующейся заломистой крутой ретушью с фасетками среднего размера. Другой предмет создан на окатанном куске известняка. Рабочее лезвие оформлено при помощи оббивки с небольшим перерывом в одном из участков. По всей видимости, представляет собой незаконченный вариант орудия. Последний артефакт оформлен на плоском обломке четырехугольной формы с закругленными краями на лезвии. Рабочий край создан постоянной бифасиальной крутой заломистой ретушью с фасетками среднего размера.

Единичным предметом представлен топор хоабиньского типа грушевидного вида в плане и овального в сечении, бифасиально обработанного многочисленными сколами разного размера, но, в основном, укороченных пропорций.

Галька квадратной в плане формы, конусовидная в сечение, была, предположительно, использована в качестве терочника. На узких частях предмета наблюдаются следы забитостей, в виде мелких трещин. Также имеются две плиты, предназначенные помола различных зерновых культур, предположительно риса. В коллекции присутствует пятиугольная плита известняка с углублением, немного смещенным от центра предмета, и окрашенным охрой. Интенсивность окраски падает от центра углубления к краям плиты.

Остеологический материал представлен в основном костями человека и приурочен к нижней пачке отложений. Скопления человеческих костей, в количестве приблизительно девяти особей, являют собой небольшие, часто сильно обожженные, раздробленные остатки. Из целых экземпляров только череп сапиентного вида. Все находки человеческих остатков приурочены к нижней пачке слоя, и образуют скопления, непохожие на захоронения. В качестве версии можно предположить присутствие ритуального каннибализма.

Ориентировочный возраст данного местонахождения, сделанный на основании корреляции каменной индустрии с культурными слоями пещеры Конмонг [Nguyễn Khắc Sửu, 2009], 10–15 тыс. лет, что соответствует культурно-историческому диапазону позднего Шонви – раннего Хоабинь [Ibid.].

Список литературы

Nguyễn Khắc Sửu. Con Mong cave: new data and new perceptions // Vietnam Archaeology. – 2009. – № 4. – P. 40–52.

*А.П. Деревянко, Нгуен Зианг Хай, Нгуен Хак Шу, А.А. Цыбанков,
А.В. Кандыба, А.Н. Тихонов, А.М. Чеха, Нгуен За Дой, Фан Тхан Тоан*

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ
РОССИЙСКО-ВЬЕТНАМСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО ВЬЕТНАМА В 2010–2011 ГОДАХ***

Для изучения истории заселения человеком современного вида и его дальнейшей эволюции в Юго-Восточной Азии территория республики Вьетнам представляет особенный интерес.

Впервые изучение палеолита на территории Вьетнама было предпринято французскими геологами. В 1909–1923 гг. А. Мансюи проводит исследования в пещерных объектах провинции Лангшон, и на данных материалах была выделена ранненеолитическая культура Бакшон [Mansuy, 1924; Mansuy, Colani, 1925]. В 1926–1931 гг. М. Колани проводит раскопки в пещерных памятниках в провинциях Хоабинь, Ниньбинь, Тханьхоа и Кванбинь, по итогам изучения которых была выделена Хоабиньская археологическая культура, отнесенная к финалу позднего палеолита – началу неолита [Colani, 1927]. В 1960-х гг. были начаты исследования палеолита собственно вьетнамскими археологами. Им принадлежит открытие более древней культуры позднего палеолита Шонви [Ha Van Tan, 1971; Ha Van Tan, Nguyễn Khắc Sứ, Trình Năng Chung, 1999].

Несмотря на сделанные открытия, проблема происхождения этих культур, их развития и преемственности еще далека от решения. Поэтому в качестве опорного памятника для исследований была выбрана многослойная пещера Конмонг, археологические комплексы которой относятся к выделенным ранее культурно-хронологическим диапазонам эпохи финала плейстоцена – начала голоцена. Также проводились поиски новых объектов (см. статью в настоящем сборнике).

Пещера Конмонг (N 20°40'860"; E 105°65'164"), название которой переводится как «пещера животного» в разговорном вьетнамском языке, находится на территории деревни Мо коммуны Тханьен района Тханьтхань провинции Тханьхоа и принадлежит территории национального парка Кукфьонг. Она расположена на высоте 147 м над уровнем моря и 32 м над уровнем долины безымянного сезонного водотока, протекающего перед ней и впадающий в ручей Тханьен, который в свою очередь соединяется с рекой Бай. Пещера находится в известняковом массиве, являющемся окончанием горной цепи, простирающейся вдоль реки Су в северо-западном – юго-восточном направлении примерно в 100 км западнее-юго-запад-

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ (№ 11-06-12004 офи-м-2011).

нее Ханоя. Пещера бочковидной формы, с двумя соединяющимися входами: северо-западный вход 5,2 м в ширину и 6 м высоту; ширина и высота юго-восточного входа 5,2 м и 6,2 м соответственно.

Пещера, общей площадью 230 м², была открыта в 1974 г. и исследовалась вьетнамскими археологами в 1975–1976 гг. и в 2008 г. [Nguyễn Khắc Sửu, 2009]. По результатам раскопок этих годов, а также последующих исследований российско-вьетнамской экспедиции в 2010–2011 гг., в пещере было подробно изучено три основных культурно-хронологических периода.

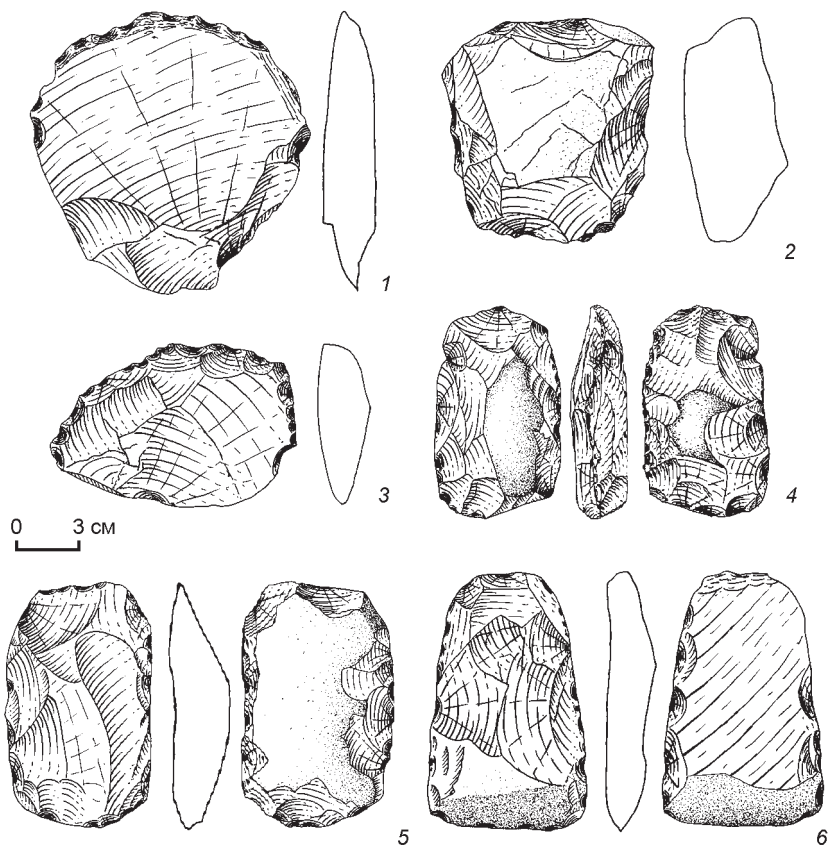
Отложения, отражающие самый ранний культурный период, обладают в среднем мощностью до 2,5 м. Слой темно-коричневого цвета, встречаются целые раковины улиток, главным образом, вида *Cycloporus*. Были найдены следующие типы артефактов, такие как чопперы, обломки гальки, ретушированные отщепы (см. *рисунк*, 1–3) и кости животных со следами обработки. Эти орудия характерны для культуры Шонви и датируются позднепалеолитическим временем. ¹⁴C-даты, полученные по нескольким раковинам из 9-го слоя, ложатся в период от 11,000 тыс. лет до 12,300 тыс. лет (см. *таблицу*).

¹⁴C-даты пещерного комплекса Конмонг

№	Образцы	Культура	Даты, тыс. л.н.	Калиброванные (BC)
1	Bln 3482	Бокшон	8,500 ± 60	
2	M15/HNK-496	Бокшон	9,840 ± 175	10,200–8,600
3	Bln 3486	Бокшон	9,510 ± 60	
4	Bln 3483	Бокшон	9,150 ± 60	
5	M11/HNK-495	Бокшон	10,660 ± 145	11,100–10,000
6	Bln 3497	Бокшон	9,110 ± 60	
7	Bln 3487	Бокшон	9,200 ± 70	
8	Bln 3484	Хоабинь	9,380 ± 60	
9	M8/HNK-494	Хоабинь	10,990 ± 210	11,600–10,400
10	Bln 3485	Хоабинь	10,330 ± 70	
11	ZK380	Хоабинь	9,905 ± 150	
12	Bln 3488-I	Хоабинь	11,830 ± 70	
13	M5/HNK-493	Хоабинь	11,240 ± 205	11,900–10,900
14	Bln 3488-II	Хоабинь	11,940 ± 70	
15	Bln 3489-II	Хоабинь	11,900 ± 70	
16	Bln 3489-I	Хоабинь	12,020 ± 70	
17	M3/HNK-492	Шонви	13,110 ± 180	14,500–12,600
18	ZK 370	Шонви	11,090 ± 185	
19	Bln 1713-I	Шонви	11,755 ± 55	
20	Bln 1713-II	Шонви	11,840 ± 75	
21	Bln 3490-I	Шонви	12,170 ± 100	
22	Bln 3490-II	Шонви	12,350 ± 70	
23	M1/HNK-491	Шонви	13,980 ± 200	15,600–14,100

Мощность отложений второго культурного подразделения в среднем составляет 1,2 м. Отложения черновато-коричневого цвета, плотно насыщены сильно сломанными раковинами, главным образом *Cycloporus*. В седьмом слое появляется желтая глина с захоронениями с разбросанной охрой, а также каменными орудиями и раковинами устриц. Скелет лежит на боку с поджатыми ногами. В отличие от шонвинских орудий первого культурного подразделения, во втором появляются орудия типа Суматра миндалевидной и дисковидной формы, короткие и длинные топоры (см. рисунок, 4, 5), костяные острия и скребла из раковин. Эти артефакты характерны для культуры Хоабинь, типичный орудийный набор для широко распространенных в этом регионе позднепалеолитических памятников. ^{14}C -даты ложатся в диапазоне от 9,300 тыс. лет до 12,000 (см. таблицу).

Мощность отложений третьего культурного подразделения в среднем составляет 1,2 м, и представлен известняковой глиной различных цветов, изменяющихся от коричневого в нижних уровнях до желтого в верхнем уровне. Следы целых и сломанных раковин представлены как включения,

Каменная индустрия пещеры Конмонг.

в особенности *Cycloporus* и *Antimelani*. В отличие от хоабинских чопперов, здесь встречаются каменные топоры с заточенным полированным лезвием (см. рисунок, б), заточенные костяные острия, ножи для резки раковин устриц и керамика. Такого вида каменный набор часто встречается в позднепалеолитическом Хоабине и на ранненеолитических Бокшонских памятниках. ¹⁴C-даты из третьего культурного периода ложатся в диапазоне от 8,500 тыс. лет до 9,200 тыс. лет (см. таблицу).

Большинство археологических признаков и артефактов, обнаруженных в пещере, включают в себя очаги, кости животных, остатки растительности, захоронения и костяные останки людей. Очаги встречаются в каждом культурном периоде. Количество очагов снизу вверх по стратиграфической колонке увеличивалось, но при этом уменьшается их размер, и их площадь распространения сдвигается в сторону входа. Наряду с такими семенами *Canarimnigrum Engler* и *Theasp.*, были выделены также споры и пыльца. В первом культурном периоде были найдены споры *Polypodiaceae*, *Cyatheaceae*. Напротив, в отложениях второго и третьего культурных периодов было найдено множество растительной пыльцы принадлежащей *Chenopodiaceae*, *Leguminosae*, *Rubiaceae*, *Myricaceae*, *Meliaceae* и *Fagaceae*, *Meretrixmeretrix*. Компоненты флоры показывают, что климат здесь на границе плейстоцена/голоцена (11,000–10,000 тыс. лет) был жаркий и влажный.

В отложениях первого культурного периода в основном были найдены *Cycloporus fulguratus*, *Camaena vayssierei* and *Hybocystis srossei*. Во втором культурном периоде были дополнительно к *Cycloporus* найдены *Antimelania swinhoei*, *Antimelania siamensis*, *Antimalania costula*, *Lanceolaria laevis*, *Lanceolaria gray*, *Lanceolaria frustorferi*, *Oxynaria diespiter*, *Oxynaia sp.* и *Sinohyriopsis cumingii*. Видовой состав меняется от моллюсков, средой обитания которых являются ручьи и реки горных районов, к морским видам, больше использовавшихся в период, относящегося к эпохе Бокшон.

Фаунистический комплекс представлен останками животных, характерных для тропического муссонного климата: *Rhinoceros*, *Cervussp*, *Rusaunicolor Kerr*, *Mintiacusmuntjac Zimmermann*, *Bividae*, *Capricornis sumatraensis Bechtein*, *Macaca of mulata Zimmermann*, *Scluridae gen et sp.* *Indet*, *Cannidae gen et sp. Indet*, *Aretoryx collaris F. Cuvius*, *Sus scrofa L.*, *Pradoxurus hermaphroditus Pllas*, *Anser. Lophurusp.*, и *Rattussp*. Кости в большинстве сломанные, иногда сильно обожжены.

Первоначально в пещере было найдено четыре захоронения (три из них относятся к первому культурному периоду, одно ко второму). Границы захоронений не ясные, кости крайне разрушены и позы захороненных почти неразличимы. Во всех захоронениях присутствует красная охра, каменные орудия и скребла из раковин устриц. Скелет из захоронения № 4 лежит на боку с подогнутыми ногами и принадлежит мужчине лет 50–60 австрало-негроидного фенотипа. В 2008 г. были найдены новые захоронения, представленные 5 скелетами, 4 взрослых и 1 ребенок. Один мужчина был

захоронен в возрасте 25–30, одна женщина в возрасте между 40–50 лет. Мужчина ростом 1,75 м, женщина – 1,61 м, оба относятся к австрало-меланезийскому фенотипу. Захоронения были оставлены *in situ*.

Опираясь на ^{14}C даты предполагается, что жители Конмонга проживали здесь в течение 8 000 лет, с. 16,000 до 8,000 тыс. лет (см. *таблицу*). Самый ранний компонент артефакты шонвинской культуры, соответствующей позднему палеолиту, за ним следует типичный ранний Хоабинь и далее бокшонский материал.

Антропологический материал свидетельствовал о расселении в ней человека современного анатомического вида, но его индустрия в первичной и вторичной обработке мало чем отличалась от индустрии типичной для палеолитических стоянок раннего палеолита Вьетнама. Дальнейшее изучение стратифицированного комплекса предполагает наличие более древних культурных слоев, относящихся к эпохе позднего палеолита, в пещере Конмонг, а также расширение фактического материала уже изученных культур.

Список литературы

Colani M. L'âge de la Pierre dans la province de Hoa-Binh // Mémoires du Service Geologique de L'Indo-Chine. – Hanoi, 1927. – Т. XIV, I.

Ha Van Tan. Văn hóa Sơn Vi // Khảo cổ học. – 1971. – Số 11-12. – Т. 60–69.

Ha Van Tan, Nguyễn Khắc Sửu, Trình Năng Chung. Văn hóa Sơn Vi. – Hanoi: Nhà Xuất bản Khoa học xã hội, 1999. – 150 т.

Mansuy H. Contribution à l'étude de la préhistoire de l'Indo-Chine. IV. Stations préhistoriques dans les cavernes du massif calcaire de Bac-Son // Mémoires du Service Geologique de L'Indo-Chine. – Hanoi, 1924. – Т. XI.

Mansuy H., Colani M. Contribution à l'étude de la préhistoire de l'Indo-Chine. VII. Néolithique inférieur (Bacsonien) et néolithique supérieur dans le Haut-Tonkin // Mémoires du Service Geologique de l'Indo-Chine. – Hanoi, 1925. – Т. XII, 3.

Nguyễn Khắc Sửu. Hang Con Mong giới thiệu và nhận xét // Khảo cổ học. – 1977. – Số 2. – Т. 26–35.

Nguyễn Khắc Sửu. Con Mong cave: new data and new perceptions // Vietnam Archaeology. – 2009. – № 4. – P. 40–52.

**ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПАМЯТНИКА ДАРВАГЧАЙ-ЗАЛИВ-1 В 2012 ГОДУ***

В отчетном полевом сезоне работы проводились на территории Дербентского района Республики Дагестан. Раскопки памятника Дарвагчай-залив-1 производились на участке, прилегающем к распаханной поверхности террасы – раскоп 3 и непосредственно на пашне вдоль линии шурфов 2009 г. [Деревянко и др., 2009] – раскоп 2 (рис. 1).

Раскоп 2 площадью 50 кв.м. был заложен на распаханной поверхности террасы на месте шурфа 2009 г. В ходе работ вскрыта толща плейстоценовых отложений на глубину до 4 м от дневной поверхности. В разрезе отчетливо фиксируются четыре геологических горизонта. Ниже приводится описание разреза (сверху вниз).

Слой 1А. Серо-коричневый лессовидный легкий суглинок с неоднородной, комковатой текстурой. Техногенная толща (пашня). Имеет относительно выдержанную мощность (в пределах раскопа). И.м. (истинная мощность) 0,3–0,4 м. Подошва субгоризонтальная, четкая. Имеет падение в 3 направлении.

Слой 1Б. Светло-коричневый лессовидный суглинок с неоднородной текстурой. По-видимому, изменен в ходе хозяйственной деятельности человека (выравнивание поверхности террасы). При высыхании серо-коричневый, трещиноватый с редкими карбонатными стяжениями (Ø до 1 см) равномерно разбросанными по всей толще горизонта. И.м. в среднем 0,4 м. Подошва резкая, четкая, субгоризонтальная (падение в 3 направлении).

Слой 2. Лессовидный серо-коричневый суглинок. Плотный, умеренно пористый. Генезис эоловый, при незначительном участии делювиальных процессов. Текстура слоя пятнистая, из-за карбонатизированных пятен (Ø до 3 см). В средней части и в подошве слоя встречаются немногочисленные ходы землеройных животных. Подошва, относительно ровная, четкая, имеет падение в западном направлении (угол падения 5–10). И.м. меняется от 0,6 до 0,85 м.

Слой 3. Буро-коричневая, гумусированная супесь (погребенная почва), пылеватая в сухом состоянии. Текстура слоя пятнистая. Нижняя часть горизонта имеет более темный черно-бурый оттенок (последние 0,1–0,2 м).

*Работа выполнена в рамках проектов РГНФ (№ 12-01-18000) и РФФИ (№ 11-06-12000-офи-м-2011).

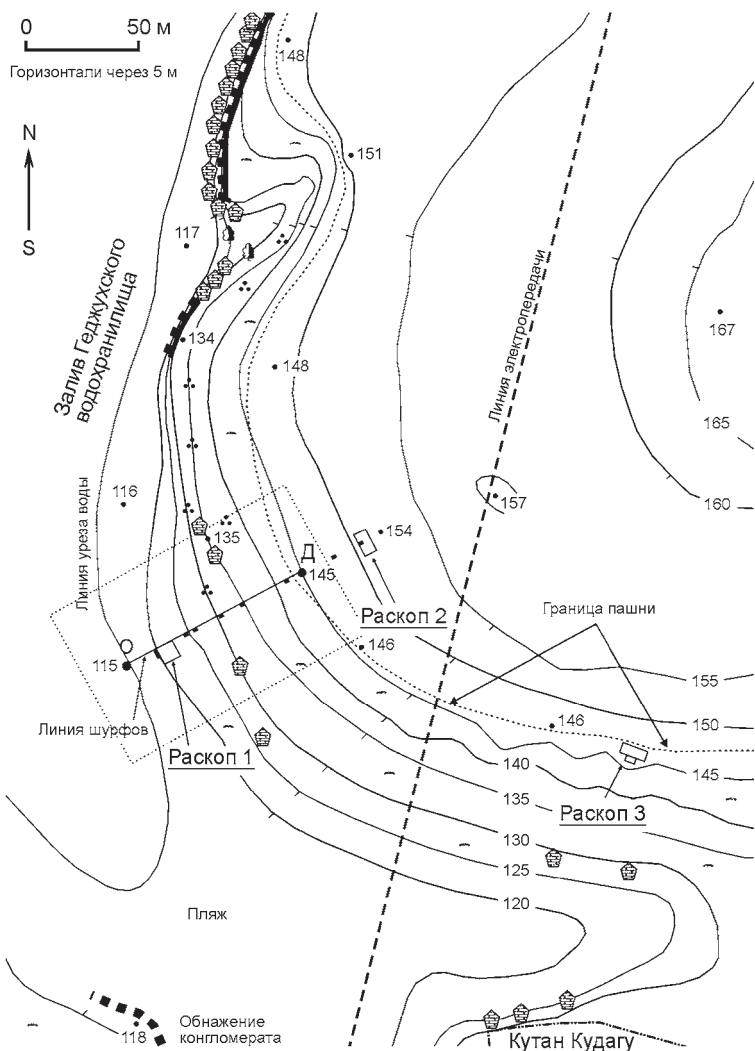

Рис. 1. Дарвагчай-залив-1. Топоплан местности с указанием раскопов.

По всему слою отмечаются многочисленные кротовины разнообразной формы и размеров, заполненные светло-коричневым суглинком. На СЗ стенке раскопа в кровле слоя отмечается карбонатизация (по корням растений). Генезис биогенный и эоловый. Подошва слоя размытая, субгоризонтальная. И.м. ~0,8–1,1 м.

Слой 4. Плотный желтовато-коричневый тяжелый суглинок. Верхняя часть слоя (первые 30–40 см) имеет красно-бурый оттенок (контактная зона). Генезис, делювиально-эоловый. Текстура пятнистая. Отмечаются карбонатные стяжения (размер 1–2 см). В кровле слоя видны трещины

усыхания (средняя ширина в устье 2–3 см, при глубине 0,2 м). Видимая мощность слоя 1,1 м.

Археологические материалы залежали в слое 3 – буро-коричневая, гумусированная супесь (погребенная почва). Немногочисленная, но выразительная коллекция артефактов насчитывает 130 экз. каменных изделий.

Первичное расщепление. Нуклеусов насчитывается 13 предметов, из них 11 ядрищ относятся к леваллуазскому принципу расщепления. Первая группа артефактов в количестве 9 экземпляров предназначена для получения леваллуазских отщепов (рис. 2, 1, 2). Все они истощены, на фронте скалывания виден негатив последнего целевого снятия, в двух случаях являющегося отраженным. Ударные площадки, как правило, выпуклые и образованы путем снятия серий средних и мелких сколов. Следы оформления латералей сохранились лишь у трех нуклеусов из них у одного латерали и основание, оформлены бифасиальными снятиями среднего размера. Обработка фронта скалывания заключалась в снятии мелких и средних сколов от латералей и основания к центру заготовки. Контрфронт, в большинстве случаев выпуклый, частично или полностью покрыт желвачной коркой. Вторая группа ядрищ, отнесенных к леваллуазской технике расщепле-

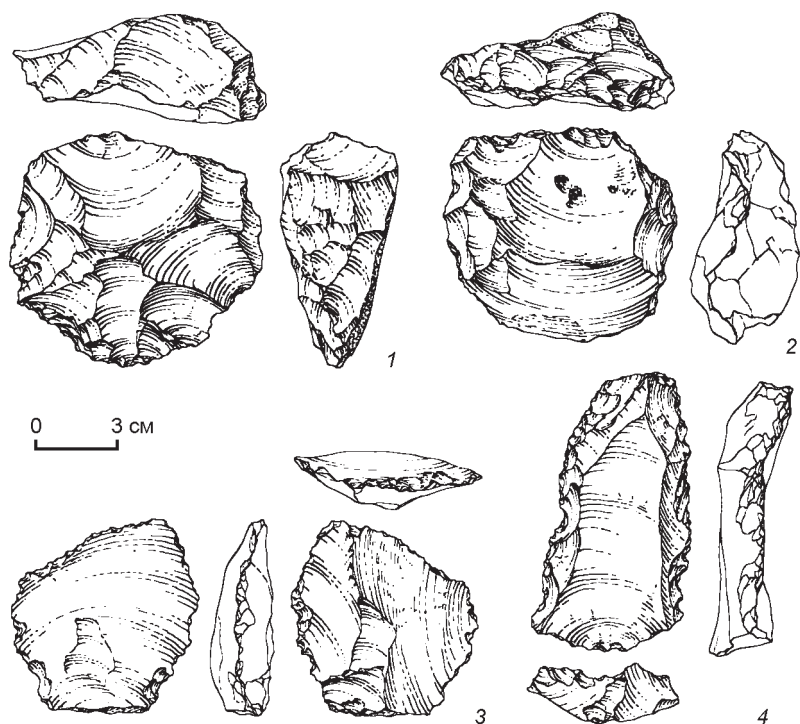

Рис. 2. Каменный инвентарь памятника Дарвагчай-залив-1, раскоп 2.
1, 2 – леваллуазские нуклеусы, 3 – скребло, 4 – остроконечник.

ния камня состоит их двух экз., изделия подтреугольной в плане формы, небольших размеров. Плоские фронты скалывания сохраняют негативы конвергентно сходящихся удлинённых сколов.

Два последних ядрища демонстрируют параллельную систему расщепления камня. Первый предмет представляет собой продолговатую гальку, на которой на одном из поперечных краев серией мелких укороченных сколов оформлена выпуклая ударная площадка. Фронт скалывания содержит негативы коротких и удлинённых сколов среднего размера, в большинстве случаев заканчивающихся заломами. Другой нуклеус сильно истощённый, мелких размеров демонстрирует вариант поперечной ориентации скалывания. Плоская ударная площадка оформлена серией мелких сколов. Также плоский фронт скалывания содержит негативы укороченных мелких снятий. У обоих ядрищ контрфронт, основание и латерали сохраняют естественную поверхность.

Нуклевидные обломки насчитывают 4 экз. Предметы аморфных очертаний, из них три артефакта являются, по всей видимости, пробой сырья, а последний представляет собой вариант нуклеуса, систему расщепления которого установить не удастся в силу своей сильной истощённости.

К нуклевидному набору также отнесены два предмета, определяемых как обломки нуклеусов.

В коллекции присутствует один отбойник, представляющий собой сильно выветрелую гальку овальной формы.

Индустрия сколов. Отщепы насчитывают 94 экз. Два предмета крупных размеров: из них один является краевым сколом пластинчатых пропорций с естественной ударной площадкой; другой предмет удлинённых пропорций обладает параллельной однонаправленной огранкой дорсала и фрагментированной ударной площадкой. Отщепов средних размеров 24 экз. (10 фрагментированных). Целые изделия имеют в 9 случаях короткие и в 5 удлинённые пропорции. 10 артефактов имеют однонаправленную параллельную огранку дорсала, остальные сохраняют большей частью желвачную поверхность. Определённые, остаточные ударные площадки представлены следующими типами: естественные (3 экз.), гладкие (7 экз.), фасетированные (3 экз.), точечные (2 экз.) и двугранные (1 экз.). Отщепов мелких размеров 68 экз. (43 фрагментированных). Целые отщепы в 19 случаях являются короткими, в 6 укороченными. В двух случаях огранка отщепов является ортогональной, в остальных параллельная однонаправленная. Определённые остаточные ударные площадки у 12 предметов гладкие, у 4 фасетированные.

Также в коллекции присутствует массивная целая пластина крупных размеров с выпуклой фасетированной площадкой и конвергентной бинаправленной огранкой дорсала.

Технический продольно-краевой скол в индустрии представлен в единичном экземпляре и имеет гладкую ударную площадку.

Обломков в коллекции насчитывается 10 экз., и по одному предмету представлены осколок и чешуйка.

Орудийный набор насчитывает 19 предметов, 8 из которых является отщепами с ретушью. Вторичная обработка представлена в виде краевой, мелкой, эпизодической ретуши. Отдельно следует упомянуть средний короткий отщеп, участок дистального края которого оформлен постоянной полукрутой субпараллельной мелкофасеточной ретушью.

Не менее многочисленна группа выемчатых орудий в количестве 7 предметов. Анкоши в большинстве случаев расположены на продольном крае медиальной части средних отщепов. Рабочие элементы оформлены регулярной чешуйчатой, ступенчатой, крутой ретушью с фасетками среднего размера. У трех предметов выемка оформлена с дорсальной стороны, у трех других – с вентральной. Отдельно стоит выемчатое орудие, заготовкой для которого послужил крупный плитчатый обломок. Анкош оформлен на продольном крае регулярной ступенчатой, среднефасеточной ретушью.

В орудийном наборе присутствует двойное угловатое скребло с противоположащими лезвиями, оформленными в медиально-дистальной части укороченного среднего отщепа. Вторичная обработка на дорсале характеризуется как постоянная чешуйчатая крутая с фасетками мелких и средних размеров, на вентрале угол наклона ретуши близок к вертикальному (рис. 2, 3).

Исходной заготовкой для удлиненного мустьерского остроконечника послужила массивная пластина, оба продольных края и дистальная часть которой оформлены постоянной чешуйчатой крутой, местами вертикальной, разнофасеточной ретушью (рис. 2, 4).

Для создания орудия с шипом использовался средний укороченный отщеп. Шип оформлен в дистальной части заготовки лицевой, постоянной, крутой мелкофасеточной ретушью.

Последним предметом орудийного набора является комбинированное орудие, исходной заготовкой для которого послужил медиально-дистальная часть короткого среднего отщепа. В дистальной части оформлен элемент зубчато-выемчатого лезвия, созданный снятием мелких попеременных сколов, в то время как небольшой участок продольного края на дорсале оформлен постоянной крутой чешуйчатой ретушью с фасетками среднего размера.

Таким образом, первичное расщепление данной каменной индустрии демонстрирует преобладание леваллуазской системы расщепления, при подчиненном положении простой параллельной системы скалывания, которая, по видимости служила для апробации сырья. Нуклеусы использовались для снятия массивных, укороченных отщепов крупных и средних размеров. Пластинчатые сколы представлены единичными экземплярами. Ударные площадки в основном гладкие и фасетированные. В орудийном наборе преобладают скребловидные, выемчатые и шиповидные изделия. Небольшое количество сколов носит следы нерегулярной, краевой ретуши.

Общий технико-типологический облик и характер залегания обнаруженных каменных артефактов позволяет рассматривать их в рамках широкого культурно-хронологического интервала – развитого среднего палеолита. Исследование нового культурно хронологического комплекса памятника Дарвагчай-залив-1 представляется перспективным для уточнения типологического облика среднего палеолита Дагестана и корреляции стратиграфических разрезов палеолитических стоянок в долине реки Дарвагчай.

Список литературы

Деревянко А.П., Зенин В.Н., Рыбалко А.Г., Лещинский С.В., Зенин И.В. Дарвагчай-залив-1 – новый многослойный памятник в Южном Дагестане // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 15. – С. 96–101.

*А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, Л. Булатович, А.К. Агаджанян,
И.А. Вислобокова, В.А. Ульянов, А.А. Анойкин, М. Живанович*

РАСКОПКИ В ПЕЩЕРЕ ТРЛИЦА, СЕВЕРНАЯ ЧЕРНОГОРИЯ*

Весной 2012 г. ИАЭТ СО РАН и Центр археологических исследований Черногогорской академии наук и искусств продолжили совместные экспедиционные исследования плейстоценовых отложений в пещере Трлица, расположенной на окраине г. Плевля в северной части Черногории [Деревянко и др., 2011]. Пещера выработана в сильнотрещинчатых известняках триасового возраста на склоне межгорной депрессии, северо-восточнее устья каньона р. Чеотина, на абсолютной высоте 925 м. Полость пещеры заполнена рыхлыми отложениями мощностью до 5,5 м, в толще которых выделено 12 литологических слоев разного генезиса. Верхние слои 1–4 сложены красноцветной корой выветривания, поступившей в пещеру по трещинам в субаэральной обстановке при слабом или умеренном увлажнении. Формирование пачки слоев 5–10 связано с делювиальными и пролювиальными процессами, при этом количество пролювиального материала заметно увеличивается вниз по разрезу. Накопление нижних слоев 11 и 12 проходило в субаквальных условиях временного локального водотока. В средней части разреза выделяется слой 7, представленный дресвяно-песчаным горизонтом с плотно сцементированными травертинами. Он маркирует продолжительный перерыв в осадконакоплении и делит отложения разреза на две хронологически разных толщи.

В процессе раскопочных работ в пещере в 2012 г. из отложений нижней половины разреза (слои 7–11) получены коллекции останков крупной и мелкой териофауны, позволившие существенно расширить источниковую базу пещерного тафоценоза. В составе останков ископаемой фауны 360 фрагментов являются определяемыми костями крупных млекопитающих. Наибольшее количество из них принадлежит копытным животным, среди которых наиболее разнообразны представители отряда парнопалых Artiodactyla. Костных останков хищных Carnivora значительно меньше, но по разнообразию видов они близки к парнопалым животным. Кроме того, обнаружено несколько фрагментов зубных пластин хоботных Proboscidea.

*Работа выполнена в рамках проектов РФФИ (№ 11-06-12030-офи-м и 11-04-00933).

Слой 7. Найдены останки древней лошади *Equus cf. stenonis*, оленя и мелкого бизона. Судя по строению коренных зубов, лошадь из этого слоя была эволюционно более продвинутой, чем *Equus cf. stenonis* из слоя 11.

Слой 8. Обнаружено несколько фрагментов зубов носорога семейства Rhinocerotidae, архаичного большерогого оленя *Praemegaceros* sp. и бизона.

Слой 9. Фаунистический материал принадлежит представителю семейства носорогов Rhinocerotidae, некрупной лошади, близкой стеновой *Equus cf. stenonis*, мелкому бизону *Bison* sp., быку *Leptobos* sp. и крупному полороговому *Megalovis* sp. трибы овцебыков. Лошадь из этого слоя по строению коренных зубов сходна с *Equus cf. stenonis* из слоев 10 и 11. Бык, мелкий бизон и овцебык также аналогичны формам из нижележащих слоев.

Слой 10. Отличается наиболее высокой концентрацией палеонтологического материала. Среди крупных хищников преобладает медведь *Ursus cf. etruscus*, на долю которого приходится 8,1 % общего количества костей из этого слоя. Присутствует гиена *Pachycrocuta brevirostris*, доля которой в тафоценозе составляет 2,7 %. Уникальной находкой является целый клык саблезубой кошки *Homotherium crenatidens*. В составе хищных животных определены также мелкие псовые *Canis etruscus*, характерная форма европейской фауны раннего плейстоцена – енотовидная собака *Nyctereutes* и представитель семейства куньих Mustelidae.

В пределах слоя обнаружено несколько фрагментов пластин коренных зубов хоботных животных, принадлежащих представителям семейства слонов Elephantidae indet.

Наиболее многочисленными (74,5 %) в этом тафоценозе являются кости копытных животных. Среди них количество непарнопалых Perissodactyla составляет 19 %, в том числе по 6 % соответственно приходится на долю носорога *Stephanorhinus etruscus* и двух видов лошадей *Equus stenonis* и *Equus cf. major*. Значительная часть (62 %) костных останков принадлежит парнопалым Artiodactyla. В их составе преобладают (17,4 %) некрупные архаичные олени мегацерин *Praemegaceros* sp. Близкую численность (16,3 %) имеет балканский эндемик *Megalovis balcanicus* из трибы овцебыков. Костные останки другого представителя этой трибы – *Soergelia* составляют 7 %. На долю архаичных крупных полорогих *Bison (Eobison)* sp. и *Leptobos* sp. приходится 13,3 % определимых костей. Кроме того, определены олень рода *Cervus* (4,3 %) и мелкие полорогие *Caprinae* (0,5 %).

Слой 11. Впервые из отложений этого слоя получен массовый палеонтологический материал. Консументов первого порядка, – хищников представляют медведь *Ursus cf. etruscus* (2,75 %), крупная гиена *Pachycrocuta brevirostris* (1,3 %), крупная кошка, близкая современному леопарду *Panthera onca cf. gombaszoegensis* (0,7 %), саблезубая кошка *Homotherium crenatidens* (0,7 %) и мелкий зверек семейства куньих Mustelidae.

В составе тафоценоза из этого слоя преобладают (95 %) костные останки копытных животных. На долю непарнопалых Perissodactyla приходится 36 % костей. Среди них доминируют (30 %) останки лошадей – относи-

тельно архаичной *Equus stenonis* и эволюционно более продвинутой *Equus* cf. *major*. Кости носорога *Stephanorhinus etruscus* составляют 6 %. В составе парнопалых Artiodactyla ведущее место занимают архаичные быки *Bison* (*Eobison*) sp. и *Leptobos* sp. (22 %) и некрупные олени мегацеринины *Praemegaceros* sp. (13 %). Кроме того, определены благородный олень *Cervus acoronatus* (2 %), древний представитель лосей *Libralces* cf. *gallicus* (1,3 %) и косуля *Capreolus* sp. Заметную роль в составе этого сообщества играют представители трибы овцебыков Ovisovini – балканский эндемик *Megalovis balcanicus* (4,7 %) и зоргелия *Soergelia* (2,7 %). Присутствуют также мелкие полорогие *Caprinae*.

Анализ останков крупных млекопитающих из отложений слоев 10 и 11 показал, что они принадлежат единому фаунистическому комплексу, элементы которого присутствуют также в материалах из слоев 8 и 9. Данный териокомплекс относится к поздневиллафранкскому этапу (1,8–1,2 млн лет) в средиземноморской зоогеографической подобласти, начало которого связано с обновлением фауны во время палеомагнитного субхрона Олдувай (1,9–1,7 млн лет). По таксономическому составу он наиболее близок фаунам первой половины позднего виллафранка Западной Европы, зоне млекопитающих MNQ 18 или псекупскому комплексу Восточной Европы. Присутствие в составе териокомплекса таких видов, как *Canis etruscus*, *Ursus etruscus* *Libralces* cf. *gallicus* и *Leptobos etruscus*, ограничивает возраст существования этой фауны первой половиной позднего виллафранка, т.е. до 1,4 млн лет.

Коллекция ископаемых останков мелких млекопитающих включает 37 определимых костей, среди которых разрозненные щечные зубы и резцы грызунов, фрагменты посткраниального скелета и нижняя челюсть летучих мышей.

Слой 8. Обнаружен только один фрагмент щечного зуба полевки рода *Mimomys*.

Слой 10. В составе тафоценоза из этого слоя преобладают полевки рода *Mimomys* (53,8 %), в числе которых установлен M^3 *Mimomys pliocaenicus*. Обнаружены верхний зуб M^2 представителя рода рыжих полевок *Clethrionomys*, щечный зуб дикобраза *Histrix* и фрагмент зуба, близкий по морфологии эндемикам Балкан *Dinaromys* sp. Важное хроностратиграфическое значение имеет находка трех моляров некорнезубой полевки трибы *Microtini*.

Обнаружены также посткраниальные кости и фрагмент нижней челюсти с зубами Chiroptera, свидетельствующие, что в период накопления этих отложений карстовая полость являлась, скорее всего, пещерой, в которой могли обитать летучие мыши.

Слой 11. Для этих отложений характерны костные останки полевок рода *Mimomys* и *Microtini*, а также дикобраза *Histrix*. Находки первого нижнего зуба M_1 *Mimomys pliocaenicus* F. Major и хорошо сохранившегося зуба M^2 полевки трибы *Microtini* указывают на сходство этой фауны с фауной из вышележащего слоя 10.

Новые материалы из раскопок 2012 г. подтвердили сделанный ранее вывод о том, что тафоценозы мелких млекопитающих из слоев 10 и 11 по таксономическому составу относятся к единому этапу осадконакопления и имеют близкий геологический возраст. Полевки группы *Mimomys pliocaenicus* характерны для возрастной зоны MNQ 18. Присутствие в данном сообществе некорнезубых полевок трибы *Microtini* определяет нижний возрастной предел его существования палеомагнитным эпизодом Олдувай, т.к. ранее этого рубежа некорнезубые полевки не встречаются. Таким образом, существование данной микротериофауны относится к интервалу 1,8–1,2 млн лет.

В целом, независимый анализ таксономического состава крупных и мелких млекопитающих показал, что время существования этого териокомплекса соответствует второй половине раннего плейстоцена по стратиграфической шкале, принятой МСК в 2012 г., или началу раннего плейстоцена по прежней шкале.

Список литературы

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Булатович Л., Агаджанян А.К., Вислобокова И.А., Ульянов В.А., Анойкин А.А., Меденица И. Исследования в пещере Трлица на севере Черногории // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. 17. – с. 44–47.

ИССЛЕДОВАНИЕ ОТЛОЖЕНИЙ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА В ВОСТОЧНОЙ ГАЛЕРЕЕ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ*

Археологические исследования в Денисовой пещере в 2012 г. проводились в центральной части восточной галереи, что явилось продолжением раскопок предыдущих лет [Деревянко и др., 2011]. На площади квадратов Г–Е/2–4 были вскрыты отложения нижней части литологического слоя 12 (горизонт 12.3) и слоев 13–17.

Горизонт 12.3. Суглинок легкий, светло-коричневый, со слабым серым оттенком. Структура неявно выраженная, мелкозернистая, непрочная, иногда субгоризонтально ориентированная, мелкочешуйчатая. Характерна неравномерная насыщенность обломочным материалом от 10 % в осевой части галереи и до 50–60 % вблизи стен. Присутствуют обломки прочных костей с патинированной поверхностью красновато-охристого цвета. Отмечены единичные включения древесного угля хорошей сохранности. Нижняя граница четкая. Мощность – 0,25 м.

Слой 13. Суглинок легкий, лессовидный, красновато-коричневый, пористый. Структура зернистая и крупнозернистая. Отмечено большое количество включений красновато-охристых костей, растертых до состояния порошкообразного детрита. Содержание обломочного материала 10–20 % проективной площади. Щебень преимущественно мелкий, с единичными включениями среднего. Нижняя граница проведена условно по щебнистой отмошке, залегающей в кровле подстилающих отложений. Мощность – 0,4 м.

Слой 14. Суглинок легкий, темно-серый с коричневым оттенком, во влажном состоянии пластичный, слабо одресвяненный. Структура заполнителя мелкозернистая и мелкочешуйчатая, текстурные особенности не выражены. Умеренно, до 20–25 % проективной площади, насыщен мелкощебнисто-дресвянистым материалом. Щебень преимущественно слабоуплощенный, сильновыветрелый, с хорошо развитой белесой реактивной каймой и заглаженными гранями. Характерны включения желтых и охристых выветрелых копролитов. Нижняя граница слоя четкая, слабоволнистая. Мощность – 0,15 м.

Слой 15. Суглинок легкий, пластичный, пористый, темно-серый и черный. Структура пылеватая и тонкозернистая, текстура линзовидно-слоистая. Отмечена высокая насыщенность крупнощебнистым материалом с

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 12-01-18040).

включением единичных глыб. Проективная площадь обломочного материала достигает 60–70 %. Присутствуют многочисленные обломки известняка с ярко-красными и вишневыми прожилками гематита, испытавшие, скорее всего, нагревание до 250–300 °С. Среди включений встречены обломки прочных костей, иногда обожженных. Нижняя граница слоя четкая, резкая. Мощность – 0,15 м.

Слой 16. Супесь темно-бурая, обильно насыщенная тонким растительным детритом, рыхлая, пылеватая, во влажном состоянии сильно пачкающая водной вытяжкой густого темно-коричневого цвета. Полностью отсутствует щебнистый и дресвянистый материал. Отмечены многочисленные сильно деформированные включения красно-охристого копролитового детрита. Мощность – 0,02–0,07 м.

Слой 17. Суглинок средний, ярко-желтый, плотный, пластичный, тиксотропный. Структура пелитоморфная, текстура линзовидно-слоистая. Насыщен обломками выветрелого известнякового щебня и специфическими «сахаристыми» включениями ярко-желтого цвета, представляющими выщелоченные фрагменты натечных внутрипещерных образований. Отмечены обломки сталактитов и натечные корки, состоящие из хорошо раскристаллизованного шестоватого кальцита. Вскрытая мощность – 0,1 м.

Коллекция артефактов из горизонта 12.3 насчитывает 2 972 изделия из камня. Значительную часть индустрии составляют гальки, обломки и чешуйки – 1359 экз. (45,7 %). Нуклеусов и нуклевидных обломков – 8 и 11 экз. соответственно. Все нуклеусы утилизировались в системе радиального расщепления, в моно- или бифронтальном (рис. 1, 1) вариантах. Заготовками служили крупные массивные сколы. Нуклевидные обломки представлены крупными угловатыми отдельностями с бессистемными единичными снятиями. Технических сколов 7 экз.: два реберчатых и пять полуреберчатых. Многочисленны отщепы – 1 532 экз. (51,5 %). Преобладают заготовки с гладкой или естественной остаточной ударной площадкой, с продольной однонаправленной или ортогональной огранкой дорсальной поверхности. Пластин насчитывается 27 экз., более половины изделий фрагментированы (рис. 1, 6). Изделий с вторичной обработкой 28 экз. – два ретушера, отбойник, пять сколов с ретушью, нож с естественным обушком (рис. 2, 2), четыре скребла (продольные и конвергентное), две пластины с ретушью, одна из которых имеет дистальное и проксимальное усечение (рис. 2, 1), четыре зубчатых орудия (рис. 2, 8), три орудия с подтеской, шиповидное и выемчатое орудия, а также три фрагментированных изделия с ретушью.

В слое 13 насчитывается 1300 каменных артефактов, количество галек, обломков и чешуек составляет 651 экз. (50,1 %). Нуклевидных обломков 3 экз., нуклеусов – 8 экз. Все ядрища радиальные, моно- или бифронтальные (рис. 1, 2), заготовками служили крупные сколы и валуны. Технических сколов 6 экз.: один реберчатый и пять полуреберчатых. Отщепов насчитывается 609 экз. (46,8 %). Большинство составляют сколы с продольной однонаправленной огранкой дорсальной стороны или с естественным дор-

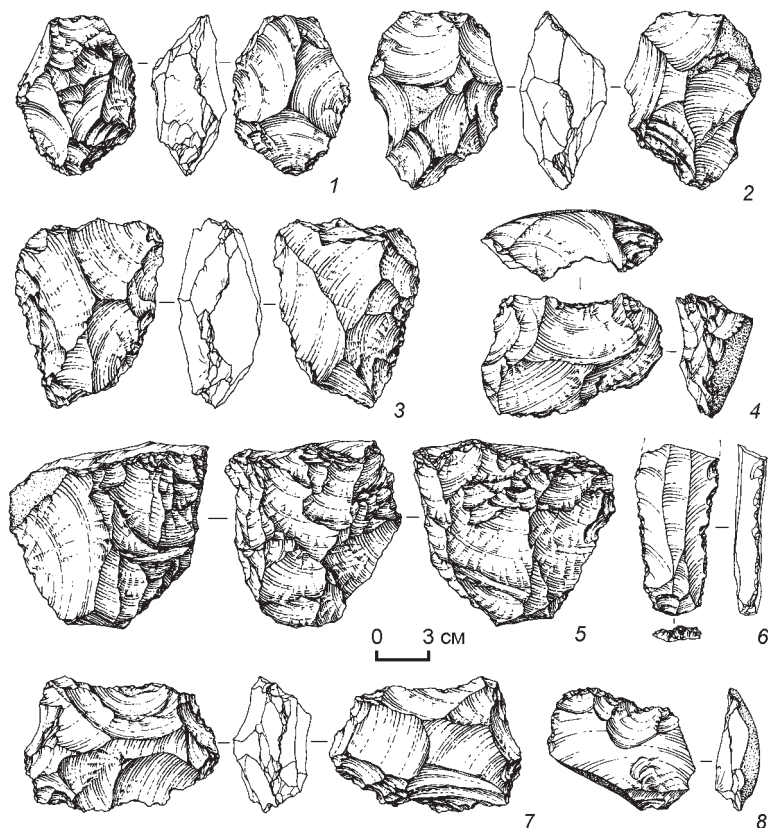

Рис. 1. Каменный инвентарь из восточной галереи Денисовой пещеры.

1–5, 7 – нуклеусы; 6 – пластина; 8 – орудие с подтеской.

1, 6 – слой 12; 2 – слой 13; 3, 8 – слой 15; 4, 5 – слой 14; 7 – слой 16.

салом и с гладкой или естественной ударной площадкой. Пластины мало- численны – 4 экз. Орудийный набор представляют 19 изделий: три скола с ретушью, нож с обушком-гранью (рис. 2, 5), поперечное скребло, шесть зубчатых орудий, три шиповидных, два выемчатых, орудие с подтеской, угловой однофасеточный резец и один фрагмент орудия.

Самая многочисленная коллекция, насчитывающая 10 436 предметов из камня, происходит из слоя 14. Более половины коллекции составляют гальки, обломки и чешуйки – 5 513 экз. (52,8 %). Нуклевидные изделия представлены крупными угловатыми обломками с бессистемными сня- тиями (22 экз.), а также массивными отщепами с негативами единичных сколов с вентральной или дорсальной стороны (26 экз.). Типологически выраженных нуклеусов насчитывается 48 экз. Преобладают радиальные ядрища: 22 монофронтальных и 17 бифронтальных, как правило, округ- лые в плане; заготовками служили крупные сколы, резе валуны. Еще

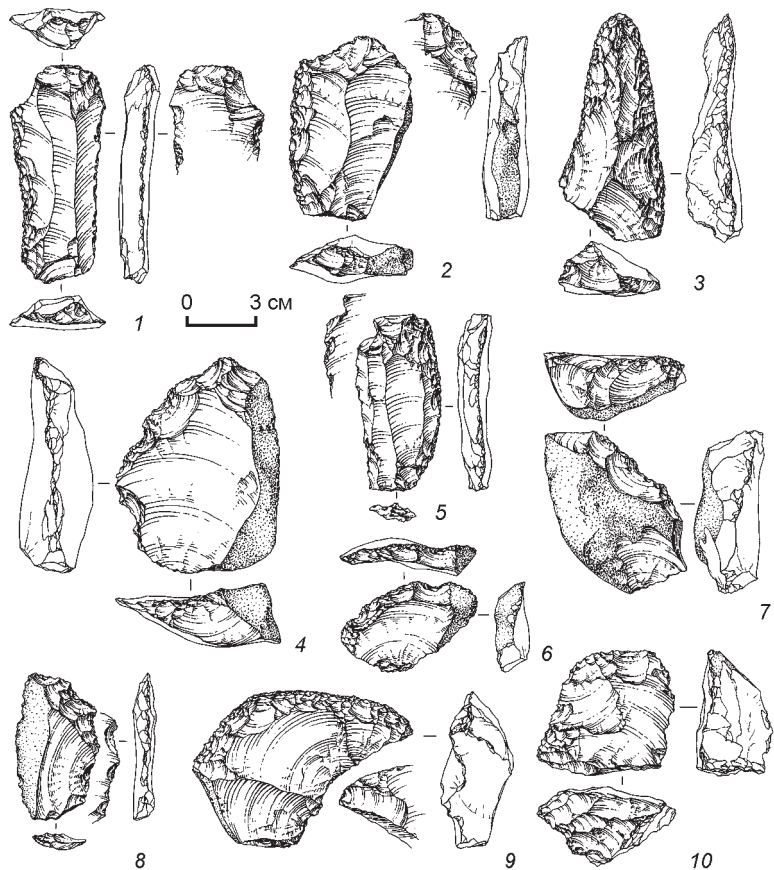

Рис. 2. Каменный инвентарь из восточной галереи Денисовой пещеры.

1 – пластина с ретушью; 2, 5, – ножи; 3, 6, 9 – скребла; 4, 7, 8 – зубчатые орудия; 10 – орудие с подтеской. 1, 2, 8 – слой 12; 3, 4, 6, 9, 10 – слой 14; 5 – слой 13; 7 – слой 15.

6 ядрищ относятся к одноплощадочным монофронтальным параллельным плоскостным нуклеусам. Один нуклеус оформлен на крупном отщепе (рис. 1, 4), остальные на валунах. Единичными экземплярами представлены двуплощадочный монофронтальный плоскостной нуклеус со встречным скалыванием и подпризматическое ядрище (рис. 1, 5), изготовленные на валунах, а также торцовый нуклеус на крупном сколе. Среди технических сколов 13 экз. являются реберчатыми и 13 экз. – полуреберчатыми. Среди заготовок значительную часть составляют отщепы – 4 668 экз. (44,7 %). По характеру огранки дорсальной стороны преобладают сколы с продольной однонаправленной огранкой, в два раза меньше заготовок с гладкой и естественной дорсальной поверхностью. Преобладающие типы остаточных ударных площадок – гладкая и естественная. В коллекции восемь пластин, из них половина имеет продольную однонаправлен-

ную огранку, остальные – ортогональную. Орудийный набор составляют 125 изделий, в том числе 6 отбойников и 6 ретушеров. Отщепов с ретушью насчитывается 12 экз. Группа скребел включает 22 изделия, среди них семь продольных, шесть поперечных (рис. 2, 6, 9), шесть диагональных и два конвергентных (рис. 2, 3). Ножи с обушком-гранью – 3 экз., в том числе два продольных и поперечный. Главное место в индустрии занимает группа зубчато-выемчатых изделий, включающая 25 зубчатых орудий (рис. 2, 4), 15 выемчатых, 10 шиповидных и два зубчато-выемчатых орудия. В коллекции также присутствует семь усеченных орудий, четыре тронкированно-фасетированных изделия, три орудия с подтеской (рис. 2, 10) и 10 фрагментов. В слое 14 был найден также желвак железной руды (определение канд. геол.-мин. наук Н.А. Кулик) со следами раскалывания.

В слое 15 найдено 1 774 каменных артефакта. К галькам, обломкам и чешуйкам относится 783 экз. (44,1 %). Нуклевидных обломков насчитывается 4 экз. Нуклеусы (7 экз.) представлены радиальными моно- и бифронтальными (рис. 1, 3) формами, выполненными на крупных сколах. Один нуклеус – двуплощадочный, бифронтальный, параллельный, плоскостной, оформленный на валуне. Технические сколы (6 экз.) относятся к полуремберчатым. Более половины коллекции этого слоя составляют отщепы – 953 экз. (53,7 %). Преобладают сколы с продольной однонаправленной огранкой или с естественным дорсалом и с гладкой или естественной ударной площадкой. К пластинчатым сколам относятся два изделия неправильной формы. Среди изделий с вторичной обработкой (18 экз.) – отщеп с ретушью, два ножа с естественным обушком, два продольных и поперечное скребла, два шиповидных орудия, семь зубчатых форм (рис. 2, 7) и три орудия с подтеской (рис. 1, 8).

Коллекция из слоя 16 насчитывает 27 находок: радиальный бифронтальный нуклеус (рис. 1, 7), 16 мелких отщепов, три гальки, четыре обломка и три чешуйки.

Из отложений слоя 17 получено 30 артефактов, среди которых три гальки, шесть обломков, три чешуйки и 18 мелких отщепов.

В целом коллекция каменных изделий из раскопа 2012 г. подразделяется на два культурно-хронологических комплекса. К первому – относятся материалы из горизонта 12.3 и слоя 13, для которых характерны относительно большое количество пластин и орудий верхнепалеолитического типа. Второй комплекс включает индустрии из литологических слоев 14–17 с развитым зубчато-выемчатым компонентом.

Список литературы

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Цыбанков А.А., Ульянов В.А., Чеха А.М. Раскопки плейстоценовых отложений в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. 17. – С. 48–53.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ В ЛАНДШАФТАХ ГРЯЗЕВОГО ВУЛКАНИЗМА*

В феврале 2006 г. на заседании Отдела каменного века ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск) был представлен доклад ученых из ИГМ СО РАН Э.В. Сокол и И.С. Новикова**, в котором была выдвинута гипотеза о возможной взаимосвязи ландшафтов грязевого вулканизма и путей первоначального расселения человека в Евразии. Основой гипотезы стали сборы кремневых орудий на поверхности обожженных пород древних грязевых вулканов в бассейне Хатрурим (пустыня Негев, Израиль) (подробнее см.: [Сокол, Кох, 2010]). Привлекательность ландшафтов грязевого вулканизма объяснялась наличием воды, выбросов из вулканов пригодных для изготовления орудий пород камня и, что очень важно, частым явлением самовозгорания метановых струй в момент извержения. Например, на Тамани за последние 190 лет каждое шестое извержение сопровождалось воспламенением газов [Шнюков и др., 2009]. Длительность «огненных» извержений, как правило, не превышает нескольких часов, но известны случаи (Апшерон), когда горение газа продолжается более ста лет [Сокол и др., 2007, 2008; Шнюков и др., 2009].

Представленная гипотеза обладала достаточно убедительными аргументами в пользу ее принятия и последующего поиска следов присутствия древнего населения в грязевулканических ландшафтах не только в Израиле, где такое присутствие могло быть случайным, но и в других регионах. Последующие изыскания на Трансиорданском плато (площадь Даба-Свага, участок Хусаим-Матрук, Иордания) позволили обнаружить в пределах древнего грязевого вулкана многочисленные кремневые орудия [Сокол, Кох, 2010], часть которых можно отнести к верхнему палеолиту. В их числе В.С. Славинским (ИАЭТ СО РАН) определены зубчато-выемчатые изделия на отщепах, концевые скребки на пластинах и отщепах, торцовые нуклеусы для снятия мелких пластин, технические сколы, пластины и отщепы.

Объективным препятствием в исследованиях древних вулканов является их плохая сохранность. Реликтовые вулканы обнаруживаются, как

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ (№ 11-06-1200).

**«Происхождение, пространственное распределение, геологическое строение областей продолжительного горения выходов природных газов, их роль в формировании микроклиматических аномалий и возможная обусловленность ими путей расселения древнего человека (на примере Восточного Средиземноморья и Черноморско-Каспийского регионов)».

правило, при наличии обожженных пород в жерловой и кратерной частях вулканов в результате горения метановых струй. Провинции грязевого вулканизма расположены в тектонически активных зонах генерации углеводородных газов и нефти. Большинство из них приурочено к Альпийско-Гималайскому и Тихоокеанскому подвижным поясам [Там же]. Грязевые вулканы известны в Восточной и Северной Африке, Пакистане и Индии, в Испании и Италии, в Турции и на Балканах [Korf, 2002]. Очень активен грязевой вулканизм в Причерноморье (Тамань) и в Прикаспийской провинции (Апшерон, Челекен). В последние годы выявлены и изучаются вулканические постройки в Казахстане (Алтын-Эмель) [Fishman et al., 2012] и в Монголии (Гоби-Алтай) [Rukavičková, Hanžl, 2008].

Сопоставление карт с расположением грязевых вулканов и палеолитических стоянок показывает, что реконструируемые направления древнейших миграций в Евразии [Деревянко, 2009] проходят через грязевулканические провинции. Ярким примером использования пород (окварцованные доломиты) из древних грязевых вулканов в качестве сырья для изготовления орудий являются стоянки раннего палеолита Богатыри/Синяя балка и Родники на Тамани [Щелинский, Кулаков, 2009; Щелинский и др., 2010]. Из аналогичного сырья изготовлена часть орудий Ильской стоянки на Кубани (Е. Гиря, устн. сообщ.). О находке скребка «палеолитической формы» на грязевом вулкане Ахтарма-Пашаминская в Азербайджане сообщает С.А. Ковалевский [1940, стр. 75]. Эта почти забытая находка позволяет надеяться на обнаружение следов пребывания древних культур в грязевулканических ландшафтах Азербайджана и, возможно, других прикаспийских ареалах грязевого вулканизма – Дагестане и Туркмении.

В 2010 году обнаружена ранее неизвестная провинция грязевых вулканов в национальном парке Алтын-Эмель (Казахстан) [Fishman et al., 2012]. На поверхности грязевулканических полей с многочисленными шлаковыми конусами были собраны артефакты из кремня (возможно, финальный палеолит-мезолит): нуклеусы для скалывания пластинок, пластинка, скреблышко и концевой скребок на отщепах, пластинка с вентральной краевой ретушью. За пределами вулканических построек артефакты отсутствовали.

По приглашению доктора Е. Вапника (Университет г. Беэр-Шева, Израиль) в октябре 2010 года мы с А.А. Анойкиным осмотрели кратерные комплексы потухших грязевых вулканов в пустыне Негев (формация Хатрурим), где ранее геологами были обнаружены каменные артефакты. В ходе экскурсии часто встречались разрозненные кремневые изделия с различной сохранностью поверхностей. На четырех площадках с кольцевыми и конусообразными структурами обожженных пород наблюдались скопления каменных изделий*. На двух площадках (Гурим 1 и 2) при-

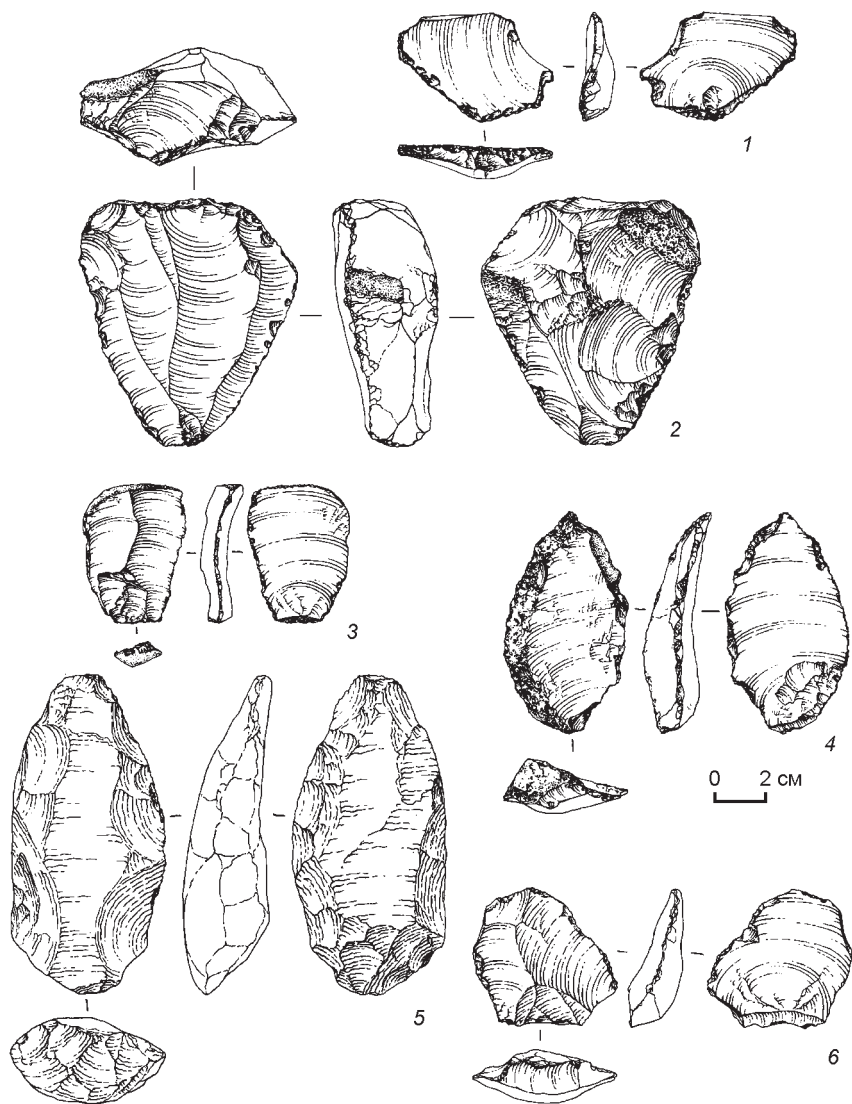
*Образцы произвольно собранных артефактов с площадок Парса 1 (9 экз.), Парса 2 (5 экз.), Гурим 1 (8 экз.) и Гурим 2 (8 экз.) доставлены нами в Еврейский университет, г. Иерусалим.

существовали слабо выветренные изделия из кремня, а на других (Парса 1 и 2) преимущественно выветренные изделия из метаморфических ларнитовых пород, обладающих высокой прочностью (вязкие, твердость 6 по шкале Мооса). Судя по выбросам терригенных материалов, извержения с ларнитовыми породами предшествовали извержениям с кремневыми породами.

По сохранности и морфологии изделий из кремня на площадках Гурим 1, 2 можно предположить их принадлежность финальному (?) этапу среднего палеолита. В индустриях явно прослеживается влияние леваллуазских технологий расщепления (см. *рисунок, 1–4*). Изделия из ларнитовых пород (площадки Парса 1, 2), в сравнении с кремневыми артефактами, резко выделяются грубыми формами и крупными размерами. Возможно, это обусловлено петрофизическими свойствами пород. Наблюдались изделия с различной сохранностью поверхностей, включая «свежие».

Среди выветренных предметов (см. *рисунок, 5, 6*) преобладали массивные, с крупными ударными бугорками укороченные сколы со скошенными гладкими ударными площадками и очень вариабельные изделия с двусторонней обработкой (бифасы), что позволило нам предположить их ашельский возраст. В группе сколов часто встречались изделия с радиальной огранкой и отщепы типа «комбева». Бифасы с симметричными формами редки, преобладали асимметричные в сечениях изделия на крупных сколах с выпуклой вентральной поверхностью. Отдельные изделия напоминают топоры-тесла. Обилие незаконченных и сломанных изделий позволяет определять площадки Парса 1, 2 как мастерские по производству двусторонне обработанных изделий.

Слабо выветренные изделия, как правило, представлены тонкими и широкими отщепами с узкими ударными площадками. На площадке Парса 1 мы наблюдали глыбу конгломерата ($\varnothing \sim 0,6\text{--}0,7$ м), целиком состоящую из ларнитовых сколов и обломков, поверхность которых испытала очень слабое выветривание. Элементный анализ цемента из конгломерата методом РФА показал высокое (до 25 %) содержание карбонатов. Выявленные в цементе мельчайшие частицы древесного (?) угля позволили определить время цементации – 6258 ± 65 BP (AA-96345). Обращает внимание полное отсутствие керамики, шлифованных изделий, типичных пластин и нуклеусов для их получения. На плоских поверхностях отдельных кусков сильно выветренной породы наблюдались искусственно прочерченные узоры [Kobi Vardi]. По мнению израильских исследователей [Vardi, Cohen-Sasson, 2012], комплексы Парсы (Har-Parsa) с бифасиальными орудиями принадлежат культурам неолита-энеолита. Дальнейшие исследования Парсы позволят разрешить имеющиеся разночтения в периодизации выявленных индустрий и, возможно, получить дополнительные сведения о привлекательности ландшафтов грязевого вулканизма для древнего населения и крупных травоядных животных.

Каменные артефакты из местонахождений в пустыне Негев,
 формация Хатрурим, Израиль.

1, 3, 4 – Гурим 2; 2 – Гурим 1; 5 – Парса 2; 6 – Парса 1.

Список литературы

Деревянко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразии в раннем палеолите. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 232 с.

Ковалевский С.А. Грязевые вулканы южного Прикаспия (Азербайджана и Туркмении). – Баку: Азгостоптехиздат, 1940. – 200 с.

Сокол Э.В., Кох С.Н. В отблесках «вечных огней» // Наука из первых рук. – 2010. – № 5. – С. 52–71.

Сокол Э.В., Новиков И.С., Вапник Е., Шарыгин В.В. Горение газов грязевых вулканов как причина возникновения высокотемпературных пирометаморфических пород формации Хатрурим (район Мертвого моря) // Докл. АН. – 2007. – Т. 413, № 6. – С. 803–809.

Сокол Э.В., Новиков И.С., Затева С.Н., Шарыгин В.В., Вапник Е. Пирометаморфические породы спуррит-мервинитовой фации как индикаторы зон разгрузки залежей углеводородов (на примере формации Хатрурим, Израиль) // Докл. АН. – 2008. – Т. 420, № 1. – С. 104–110.

Шнюков Е.Ф., Сокол Э.В., Нигматулина Е.Н., Коржова С.А., Гусаков И.Н. «Огненное извержение» грязевого вулкана Карабетова гора, 2000 г.: сценарий события, продукты извержения, минералогия и петрография плавленых пород // Геология и полезные ископаемые мирового океана. – 2009. – № 4. – С. 77–94.

Щелинский В.Е., Додонов А.Е., Байгушева В.С., Кулаков С.А., Симакова А.Н., Тесаков А.С., Титов В.В. Раннепалеолитические памятники Таманского полуострова (Южное Приазовье) // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. – С. 11–46.

Щелинский В.Е., Кулаков С.А. Каменные индустрии эоплейстоценовых раннепалеолитических стоянок Богатыри (Синяя балка) и Родники на Таманском полуострове (Южное Приазовье, Россия) // Древнейшие миграции человека в Евразии: мат-лы Междунар. симп. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – С. 188–206.

Fishman I.L., Kazakova Y.I., Sokol E.V., Kokh S.N., Polyansky O.P., Vapnik Y., White Y., Bajadilov K.O. Mud Volcanism and Gas Combustion in the Yli Depression, Southeastern Kazakhstan // Coal and Peat Fires: a Global Perspective / eds. G.B. Stracher, A. Prakash, E.V. Sokol. – Amsterdam: Elsevier, 2012. – Vol. 2. – P. 215–228.

Kobi Vardi: личный аккаунт // Google+. – URL: <https://plus.google.com/photos/105136813099313279473/albums/5530041636692015153?authkey=CLiNr6CqiqHoSQ&banner=pwa&gpsrc=pwrd1#photos/105136813099313279473/albums/5530041636692015153?authkey=CLiNr6CqiqHoSQ&banner=pwa&gpsrc=pwrd1> (дата обращения: 14.11.2012).

Korf A.J. Significance of mud volcanism // Reviews of Geophysics. – 2002. – Vol. 40. – P. 1005–1012.

Rukavičková L., Hanžl P. Mud volcanoes in the Khar Argalantyn Nuruu, NW Gobi Altay, Mongolia as manifestation of recent seismic activity // J. of Geosciences. – 2008. – Vol. 53. – P. 181–191.

Vardi J., Cohen-Sasson E. Har-Parsa: a large-scale larnite quarry and bifacial tool production site in the Judean Desert, Israel // Antiquity. – 2012. – Vol. 86, N 332. – URL: <http://www.antiquity.ac.uk/> (дата обращения: 15.10.2012).

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ УСТЬЯНКА-ВОДОПОЙ В 2012 ГОДУ*

Кулундинская степь является одной из самых интересных культурно-исторических провинций. Эта равнина приподнята над уровнем моря на 100–200 м, имеет плоскую с небольшими уклонами поверхность. Здесь встречаются многочисленные бессточные впадины, занятые солончаками и озерами, участки с бугристым и грядовым рельефом золотого происхождения [Рассыпнов, 2000, с. 25]. Реки Кулунды имеют неглубокие долины, извилистое русло, невысокие и широкие уступы террас [Ревякин, Пушкарев, Ревякина, 1989, с. 11]. В центральной части Кулундинской степи рек немного. Общее их число не более двадцати. Наиболее крупными и многоводными являются Бурла, Суетка, Кулунда и Кучук [Камбалов, 1952, с. 58]. Бурла берет свое начало в 25 км к западу от р. Оби в Приобском Увале. Верховья лежат среди целого ряда мелких озер, часть которых весной соединяется с рекой. Долина реки частично покрыта сосновым лесом, берега низкие, местами заболоченные. В среднем течении река разбивается на ряд протоков, протекает через ряд озер – Малое Топольное, Песчанное, Хомутное, Кобанье и др. и впадает в Большое Топольное [Там же]. В прошлом Бурла из озера Большого Топольного текла дальше на юго-запад и через озеро Осолодочное впадала в Ажбулат [Поползин, 1967, с. 240]. В настоящее время эти озера пересохли и наполняются водой только весной [Камбалов, 1952, с. 65]. В целом для рек Кулундинской равнины характерно снеговое питание, с весенним половодьем, в летнее время они мелеют, во многих местах пересыхают [Сидоренко, 1972, с. 30].

На территории Кулундинской степи находятся многочисленные озера, разнообразной площади – от трех-пяти до десятков тысяч гектаров. Озера мелкие, их глубина редко превышает 3–4 м [Камбалов, 1952, с. 59]. По свойствам воды озера Кулунды делятся на соленые, горько-соленые и пресные. Наиболее многочисленные в степи горько-соленые и соленые озера. К ним относятся озера Кулундинское, Кучукское, Бурлинское, Большое и Малое Яровое и множество мелких озер [Там же]. Вторую группу озер Кулунды составляют проточные пресные озера, находящиеся в системах рек Бурлы, Касмалы, Барнаулки, характерной особенностью которых явля-

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 12-01-00340а).

ется сильно удлинённая форма и последовательное расположение одного за другим. Помимо проточных озёр в системах указанных рек, на их водоразделах разбросаны небольшие замкнутые озёра, в большинстве своём не имеющие постоянной связи с рекой и соединяющиеся лишь во время больших весенних паводков [Камбалов, 1952, с. 60]. Третью группу составляют небольшие блюдцеобразные озёра, в беспорядке разбросанные по всей степи. Многие из них пресные и наполняются водой только в весенне-осенний период [Там же]. Общее число озёр в Кулундинской степи превышает две тысячи [Там же].

Озёра Хорошее, Песчаное, Хомутиное, Кабанье в системе р. Бурла относятся ко второму типу. В 1983–84 гг. В.С. Удодовым была открыта стоянка каменного века на северном берегу оз. Кабанье – Кабанье-1 [Кунгуров, Удодов, 1990]. Большую часть собранной коллекции авторы публикации отнесли к мезолиту – раннему неолиту, а часть артефактов, которая по их мнению, относится к эпохе палеолита была опубликована. В последующей публикации были введена в научный оборот «оставшаяся часть коллекции» [Кунгуров, Удодов, 1993] памятников Усть-Курья, Кабанье и Береговое. Эти материалы авторы датировали ранним неолитом. Коллекция артефактов с оз. Кабанье представлена 75 артефактами [Там же], значительная часть которых отходы производства – 31 экз. орудийный набор представлен четырьмя наконечниками стрел на отщепе, тринадцатью скребками. Орудия на пластинах представлены пластиной с ретушью и усечёнными пластинами. Наиболее интересна находка шлифованного тесла [Там же]. К сожалению, в настоящее время территория памятника затопливается водами озера, заросла камышом и недоступна для исследования.

В 1993 г. на южном берегу оз. Кабанье в 1,2 км к востоку от с. Устьянка Бурлинского района Алтайского края выявлено поселение, получившее название Устьянка-Водопой [Гельмел, 1995]. Группой школьников археологического кружка Центра детского и юношеского творчества г. Славгорода под руководством Ю.И. Гельмеля у самой кромки воды собрано 42 фрагмента керамики и 33 каменных артефакта. Собранные коллекции отнесены к неолиту и раннему металлу [Там же].

Летом 2012 г. авторами статьи проведено обследование территории памятника. На берегу озера на первой надпойменной террасе каменных артефактов не обнаружено. Небольшое количество каменных отщепов обнаружено на кромке воды. В 2012 г. в реке Бурла и в озёрах ее системы уровень воды был очень низкий. Глубина воды на расстоянии 10–30 м от берега колебалась от 0,25 до 0,7 м. На удалении от кромки воды до 30 м от берега на дне озера в воде были видны керамика, изделия и отходы каменной индустрии.

Было принято решение при помощи небольших ручных сит промыть грунт со дна озера на участке размерами 8 х 8 метров. Глубина воды в данном месте колебалась от 0,25 до 0,5 м. Используя сита, на этой площади был снят грунт на глубину 0,15–0,2 м. В результате мы можем предпола-

гать, что получена выборка, отражающая распределение каменных артефактов и керамики на какой-то части поселения.

В результате «подводной археологии» получена коллекция каменных артефактов, насчитывающая 113 предметов.

Техника первичного расщепления представлена призматическим одноплощадочным монофронтальным нуклеусом средних размеров высотой 4,3 см. (рис. 1, 1) Поверхность скалывания у данного нуклеуса расположена на торцевой части заготовки и не заходит на латерали. Ударная площадка неправильной трапециевидной формы – латерально-скошенная, выполнена одним крупным сколом. На фронте скалывания неправильной трапециевидной формы по контуру имеются заломы.

Орудийный набор 54 экз. составляют орудия на пластинах, на технических сколах с нуклеусов и на отщепах.

Орудия на пластинах – 13 экз., представлены пластинами с ретушью – 4 экз. (рис. 1, 7, 9), остриями – 1 экз., резцами – 1 экз., концевыми скребками – 3 экз. (рис. 1, 2, 13, 14) и усеченными пластинами – 3 экз. (рис. 1, 5, 8).

Орудия на технических сколах с нуклеусов – 2 экз. Это острие, выполненное на пластинчатом отщепе, и резец, выполненный на сколе фронта нуклеуса (рис. 1, 3).

Орудия на отщепах (41 экз.) представлены скребками – 18 экз., остриями – 2 экз., проколками – 2 экз., отщепами с ретушью – 13 экз., обломками орудий – 6 экз., и небольшим топориком – 1 экз.

Скребки – 18 экз. Встречены следующие типы скребков: полуовальные скребки – 5 экз. (рис. 1, 16), овальные (круглые) скребки – 5 экз. (рис. 1, 4, 17–19), двойные скребки – 3 экз., скошенные – 2 экз., веерообразные 1 экз. Своими размерами выделяется скреблышко, изготовленное на обычном отщепе, – 1 экз. Встречено пять обломков скребков (рис. 1, 20).

Острия типичные асимметричные – 2 экз.

Проколки срединные – 2 экз. Рабочие кромки оформлены мелкой модифицирующей разнофасеточной альтернативной ретушью (рис. 1, 12).

Топорик – 1 экз. (рис. 2). Выполнен на плитке крупного размера. Серией крупных и средних разнофасеточных модифицирующих сколов, обработан периметр изделия. Орудие имеет выпуклое лезвие, сильно забитое, очень сработанное.

Отщепы с ретушью – 13 экз. Представлены обычными отщепами мелких – 8 экз. и средних размеров – 5 экз.

Отходы производства – самая многочисленная категория артефактов – 73 экз. Представлены осколками, отщепами, чешуйками и фрагментами пластин без вторичной обработки.

Осколки 18 экз., из них крупного размера – 1 экз., среднего – 7 экз. и мелкого – 11 экз. Отщепы – 46 экз. Среди них вторичный отщеп мелкого размера и обычные отщепы – 45 экз., из них, среднего размера – 2 и мелкого – 42 экз. Чешуйки – 6 экз. Фрагменты пластин – 2 экз., из них один дистальный и один проксимальный фрагменты.

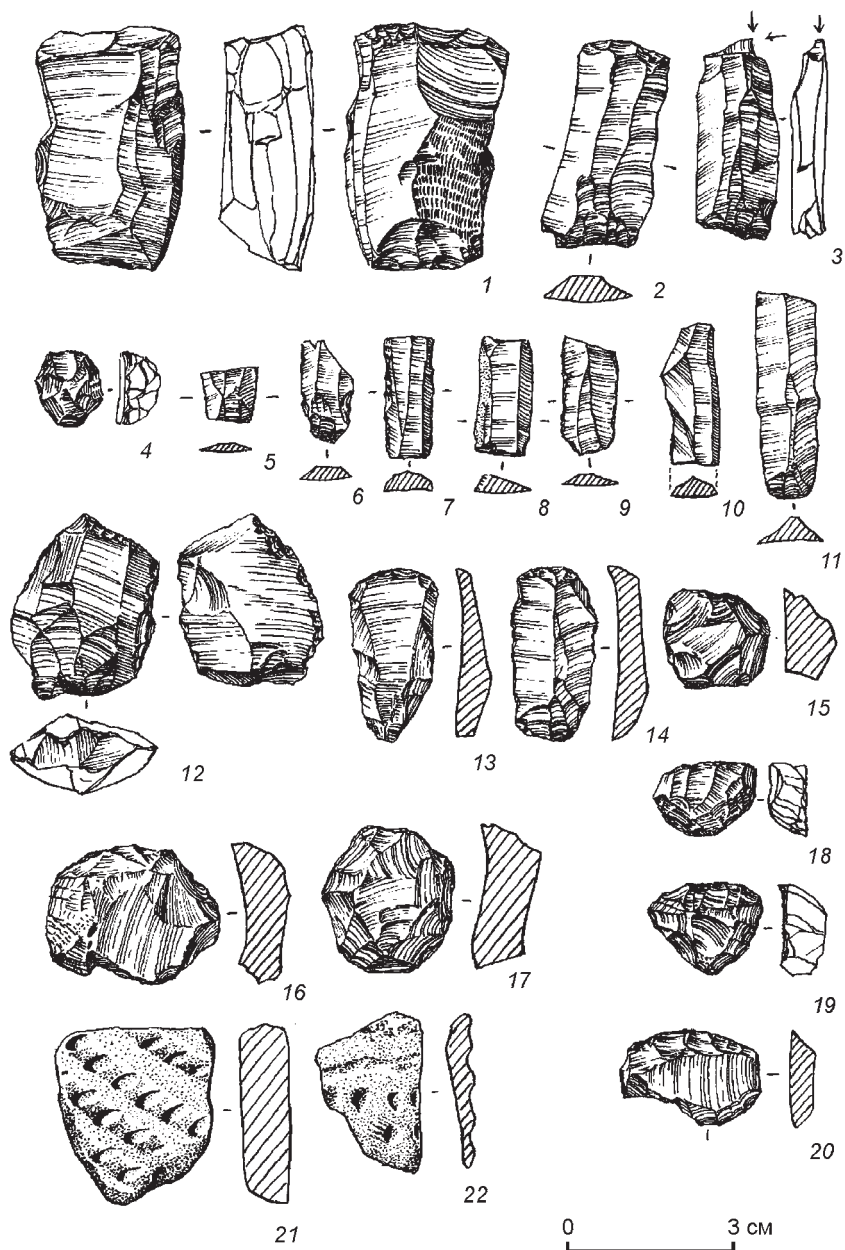

Рис. 1. Поселение Устьянка-Водопой.

1 – нуклеус; 2, 4, 13–20 – скребки; 3 – резец; 5–11 – пластины; 12 – проколка;
21, 22 – керамика.

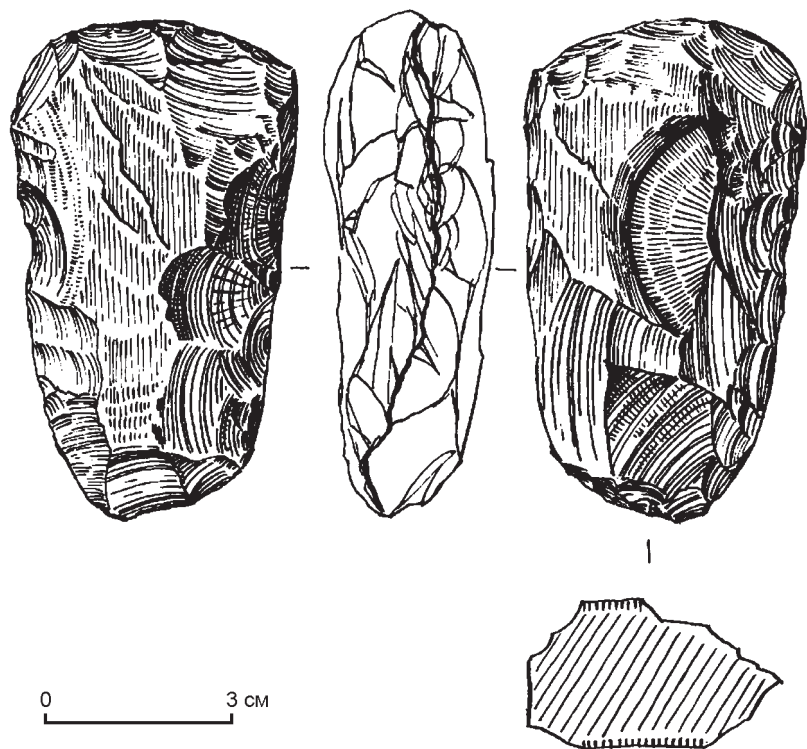

Рис. 2. Поселение Устьянка-Водопой. Каменный топорик.

Встречено 17 фрагментов керамики, в основном мелких размеров. К сожалению сохранность ее очень плохая. Орнамент замыв и плохо читается. Несколько фрагментов орнаментированные отпечатками гребенчатого штампа могут датироваться эпохой развитой бронзы. Несколько фрагментов орнаментированные каплевидными вдавлениями могут относиться к эпохе неолита (рис. 1, 21, 22).

Эпоха неолита до настоящего времени остается белым пятном на археологической карте Кулунды. После того как в 1969 г., в Карасукском районе Новосибирской области проводились работы Западно-Сибирского отряда ИА АН СССР под руководством М.Ф. Косарева [Косарев, Куйбышев, 1974], целенаправленного изучения памятников неолита Кулунды не проводилось. В ходе работ 2012 г. получены новые интересные материалы. Требуется целенаправленное исследование озер системы р. Бурла в Алтайском крае. Расположение известных памятников эпохи неолита Кулунды позволяет сделать вывод, что неолитическое население этого региона ориентировалось на использование биоресурсов водоемов. В связи с этим мы можем столкнуться с тем, что большинство памятников этого времени могут быть разрушены в результате водной эрозии. Не исключено, что стоит

рассмотреть вопрос о перспективах изучения памятников оказавшихся на дне водоемов на небольшой глубине.

Список литературы

Гельмель Ю.И. Новые материалы из Кулундинской степи // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 1995. – Вып. V, ч. 2. – С. 42–46.

Камбалов Н. Природа и природные богатства Алтайского края. – Барнаул, 1952. – 171 с.

Косарев М.Ф., Куйбышев А.В. Древние памятники Кулундинской степи // Из истории Сибири. – Томск, 1974. – Вып. 15. – С. 86–94.

Кунгуров А.Л., Удодов В.С. Находки каменного века в Кулунде // Охрана и использование археологических памятников Алтая. – Барнаул, 1990. – С. 31–33.

Кунгуров А.Л., Удодов В.С. Микролитические памятники Кулунды // Культура древних народов Южной Сибири. – Барнаул, 1993. – С. 4–9.

Поползин А.Г. Озера юга Обь-Иртышского бассейна. – Новосибирск, 1967. – 351 с.

Рассыпнов В.А. Природа Алтая. – Барнаул, 2000. – 158 с.

Ревякин В.С., Пушкарев В.М., Ревякина Н.В. География Алтайского края. – Барнаул, 1989. – 128 с.

Сидоренко М.Н. География Алтайского края. – Барнаул, 1972. – 96 с.

*А.И. Кривошапкин, К.К. Павленок, С.В. Шнайдер,
А.В. Шалагина, Г.А. Мухтаров*

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГРОТА ОБИ-РАХМАТ В 2012 ГОДУ*

В полевом сезоне 2012 г. на памятнике Оби-Рахмат были продолжены работы совместной экспедиции ИАЭТ СО РАН и ИА АН РУз [Деревянко и др., 2001; Грот Оби-Рахмат, 2004]. Изучались самые древние культуросодержащие отложения грота, включенные в литологический слой 21. Данный слой ранее был разделен на три прослоя, отличающихся по литологическим показателям, а также по насыщенности археологическим материалом [Грот Оби-Рахмат, 2004; Кривошапкин, Колобова, Исламов, 2011]. Раскопки 2012 г. проводились на площади 3 м² по линии П (квадраты П-6, П-7 и П-8). На квадратах П-6 и П-7 прослои 21.1, 21.2 были разобраны в предыдущем полевом сезоне, в 2012 г. вскрывались отложения прослоя 21.3. На квадрате П-8 исследовались отложения прослоев 21.2 и 21.3.

Максимальная мощность слоя 21 достигает 2,5 м. Верхний прослой 21.1, исследовавшийся в 2008–2011 гг., представлен плотным вязким суглинком коричневого цвета. Судя по значительному количеству обнаруженного в предшествующие полевые сезоны археологического и остеологического материала, можно сделать вывод о достаточно интенсивном использовании грота древним человеком в период накопления данного прослоя.

Прослой 21.2 представляет собой плотный суглинок желтовато-коричневого цвета с малым содержанием небольших выветрелых обломков известняка, тяготеющих к подошве прослоя. Максимальная мощность составляет 0,4 м. Прослой 21.3 представлен толщей пестроцветного окатанного известнякового щебня, грубозернистого песка с небольшим количеством мелких галечек. Прослой местами сцементирован в брекчию. Его максимальная мощность составляет 0,2 м.

Значительным результатом работ 2012 г. является достижение скального основания грота на всей площади участка, исследуемого комплексной экспедицией начиная с 1998 г., что позволило получить полный стратиграфический разрез объекта. В основании стратиграфической последовательности грота были выделены отложения литологического слоя 22, представляющего собой переработанную карстовыми водами пестроцветную кору

*Работа выполнена в рамках проектов РФФИ (№ 12-06-31235 мол_а, 12-06-33041 мол_а_вед, 11-06-12003 офи-м) и РГНФ (№ 12-31-01322).

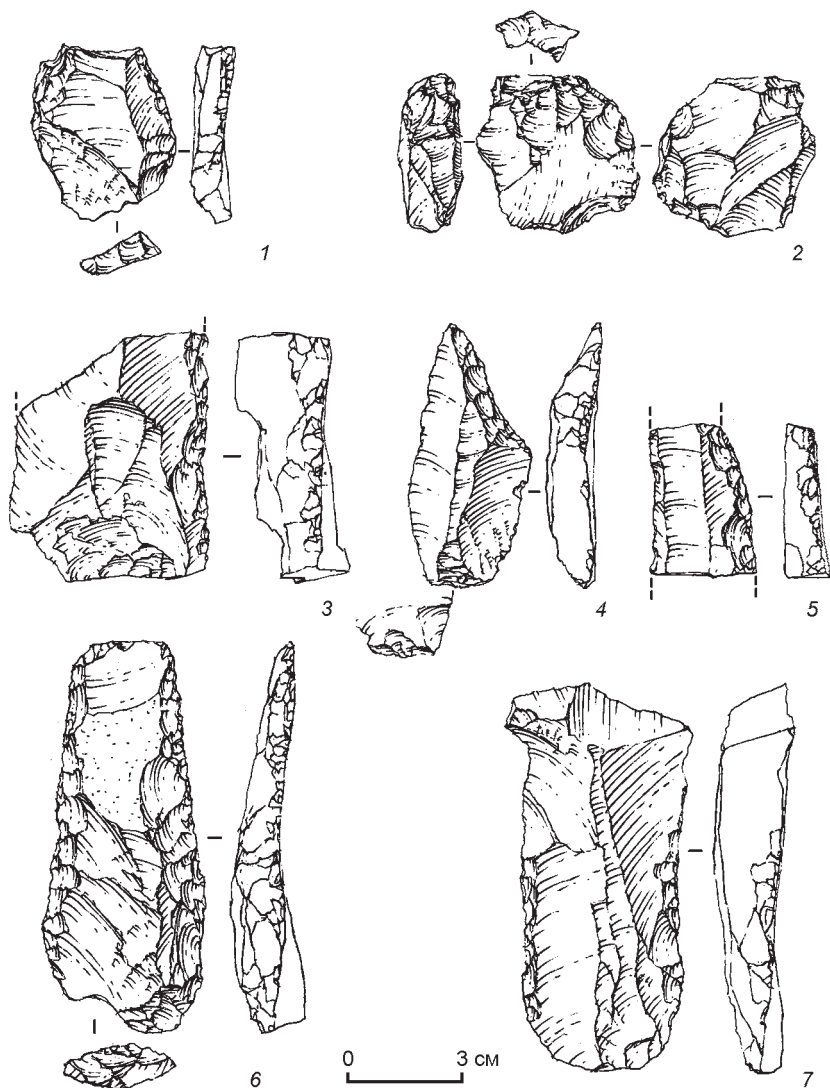
выветривания. Данный слой, максимальная мощность которого составляет 0,5 м., является полностью стерильным в археологическом отношении.

Изучавшиеся в течение полевого сезона 2012 г прослои 21.2 и 21.3, по всей видимости, фиксируют первичное освоение носителями обирахматской культуры северо-западных отрогов Тянь-Шаня. Посещение грота было эпизодическим и кратковременным, незначительными коллективами древних людей. Об этом свидетельствует характер нахождения археологического материала в данном прослое, выявленный в ходе раскопок 2011 и 2012 гг. В прослоях фиксировались единичные находки, либо скопления из нескольких артефактов, планиграфически разделенные стерильными участками древней дневной поверхности грота.

В результате работ 2012 г. была получена небольшая по количеству коллекция каменных артефактов из прослоев 21.2 и 21.3.

Коллекция прослоя 21.3 представлена продольно-краевым техническим сколом, обломком, чешуйкой и нуклевидным обломком из кремневого сырья, экзотического для индустрий Оби-Рахмата. Стремление использовать для изготовления орудий слоя 21 достаточно редкие в окрестностях грота типы сырья фиксировалось исследователями и ранее [Кривошапкин, 2012]. Это наблюдение можно интерпретировать как один из признаков первичного освоения данной местности, а именно как свидетельство неполной адаптации палеопопуляций к локальным сырьевым ресурсам. Особый интерес представляет проксимальный фрагмент продольно ограненной пластины со следами обратной редукции на гладкой ударной площадке. Использование данного технического приема в целом характерно для индустрии Оби-Рахмата. Его присутствие в древнейшем культуросодержащем слое является дополнительным аргументом в поддержку положения об относительной однородности технико-типологических характеристик всех каменных ансамблей грота.

Коллекция слоя 21.2., вскрываемого на площади квадрата П-8, более представительна. Существенную часть артефактного набора составляют отходы производства (обломки, осколки, чешуйки, отщепы менее 3 см в максимальном измерении), среди которых также встречаются изделия из кремня. Нуклеусы представлены двумя экземплярами. Показателен комбинаторный нуклеус мелких размеров (см. *рисунок, 2*), типологически определяемый как продольный альтернативный. Ядрище, уплощенное в сечении, практически полностью истощенно. На завершающей стадии расщепления заготовки производились с двух противоположащих площадок, подготовленных в схожей манере (серией небольших сколов, немного скошены к контрфронту). Скалывание велось во встречном направлении по противоположащим сторонам изделия. Расщепление было направлено на получение небольших отщепов. Непосредственно перед оставлением нуклеуса с одной из площадок также предпринимались попытки получения сколов с узкой боковой стороны предмета. Подпризматический нуклеус выполнен на крупной угловатой отдельности известковой породы. В качес-

Комплекс каменных артефактов гrotта Оби-Рахмат
(по материалам раскопок 2012 г.). Художник Н.В. Вавилина.

тве ударной площадки использовалась естественная поверхность. Слабо-выпуклый фронт расщепления несет негативы нескольких удачных снятий с пропорциями пластин и пластинок. Расщепление было прекращено после образования серии заломов на одном из участков рабочей поверхности.

Технические сколы представлены продольно-краевыми снятиями с пропорциями крупных и мелких отщепов, средних пластин. В категории сколов-заготовок преобладают удлиненные снятия с пропорциями круп-

ных и средних пластин, пластинок. Для их производства использовались приемы продольного и продольно-конвергентного скалывания, конвергентная огранка чаще встречается у пластинок. Площадки преимущественно гладкие. Отщепы средних размеров чаще обладают параллельной-однонаправленной, либо конвергентной огранкой. Среди площадок у отщепов преобладают гладкие и естественные.

Орудийный набор представлен тремя изделиями, наиболее иллюстративным из которых является остроконечник со скошенным дистальным окончанием (см. *рисунок, 4*). Заготовкой послужила крупная пластина, диагонально усеченная в медиально-дистальной зоне с помощью отвесной дорсальной краевой интенсивной ретуши с заломами. Левый продольный край и плоскость усечения пересекаются под острым углом (ок. 30°), оформляя рабочий элемент орудия. В базальной части фиксируются попытки вентрального утоньшения. Пластина с интенсивной ретушью продольного края представлена медиальным фрагментом (см. *рисунок, 5*). Правый маргинал заготовки преобразован в рабочее лезвие посредством нанесения фасеток дорсальной постоянной крутой краевой чешуйчатой среднемодифицирующей ретуши с заломами. Дополняет коллекцию отщеп с ретушью (см. *рисунок, 1*). Левый продольный край изделия несет фасетки слабомодифицирующей дорсальной краевой чешуйчатой крутой ретуши.

Помимо вскрытия культурных отложений прослоев 21.2 и 21.3, в ходе прошедшего полевого сезона велись работы по разбору рыхлых отложений из разрушенных участков стенок раскопа и их промывке. В ряде случаев оказалось возможным определить изначальное расположение обвалившихся фрагментов стенок, и установить принадлежность отложений к конкретным литологическим подразделениям. Таким образом, была получена дополнительная коллекция из слоев 13, 14, 19 и 21.1 (см. *рисунок, 3, 6, 7*).

Состав коллекции слоя 21, полученный в результате работ 2012 г., дополняет и органично вписывается в коллекцию, полученную на памятнике ранее. Анализ суммарной коллекции позволяет сделать выводы о присутствии в нижнем культурном слое грота Оби-Рахмат свидетельств важнейших технологических и культурных инноваций, позволяющих говорить об отдельном обирахматском варианте перехода от среднего к верхнему палеолиту на территории Центральной Азии, первые импульсы которого фиксируются ранее 70 тыс. л.н. [Кривошапкин, 2012].

Работами 2012 г. был завершен 14-летний цикл исследований грота Оби-Рахмат, в результате которого на стоянке было выделено 37 культуросодержащих горизонтов с различной насыщенностью археологическим материалом [Кривошапкин, 2012]. Анализ четко стратифицированных индустрий памятника позволил уточнить интерпретацию культурных событий и тенденций развития каменных индустрий Западного Памиро-Тянь-Шаня в верхнем неоплейстоцене по ряду принципиальных позиций:

– проведенная ревизия культурно-хронологических схем развития среднего палеолита региона привела к переосмыслению (в сторону значи-

тельного уменьшения) роли леваллуазского компонента в местных средне-палеолитических индустриях;

- проведенный анализ репрезентативных пластинчатых индустрий Западного Памиро-Тянь-Шаня позволяет говорить об их принадлежности к единой культурной традиции, существовавшей в регионе с 80–70 до 40–35 тыс. л.н.;

- был выделен оби-рахматский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту, специфической особенностью которого является раннее появление варибельного мелко- и микропластинчатого расщепления;

- сопоставление оби-рахматских индустрий с индустриями сопредельных территорий позволяет говорить о формировании оби-рахматского варианта перехода к верхнему палеолиту в результате культурного взаимодействия ближневосточных пластинчатых леваллуазских индустрий и загросского мустье;

- оби-рахматская культурная традиция послужила одним, если не основным, из источников формирования верхнего палеолита региона.

Список литературы

Грот Оби-Рахмат. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 207 с.

Деревянко А.П., Кривошапкин А.И., Анойкин А.А., Исламов У.И., Петрин В.Т., Сайфуллаев Б.К., Сулейманов Р.Х. Ранний верхний палеолит Узбекистана: индустрия грота Оби-Рахмат (по материалам слоев 2–14) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4. – С. 42–63.

Кривошапкин А.И. Оби-рахматский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту в Центральной Азии: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2012. – 37 с.

Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Исламов У.И. Ранние проявления каменноидной технологии в индустриях грота Оби-Рахмат // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 58–61.

**ЖЕЛВАК БУРОГО ЖЕЛЕЗНЯКА
ИЗ ПЛЕЙСТОЦЕНОВЫХ ОТЛОЖЕНИЙ
ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ***

В процессе раскопок отложений верхнего плейстоцена в восточной галерее Денисовой пещеры в 2012 г. в пределах среднепалеолитического слоя 14 сделана необычная находка – обнаружен желвак бурого железняка. Желвак представляет выпукло-вогнутую уплощённую отдельность размером 8,5 x 5 x 4 см, с неровной бугристой неокатанной поверхностью. На его выпуклой стороне сохранились пассивные отпечатки от двух пластинообразных включений (обломков породы) в виде отчётливых субпараллельных углублений, а на вогнутой стороне – также пассивный отпечаток: округлое углубление с валиком в середине. На поверхности желвака отмечены многочисленные мелкие (до 1 см) полости – узкие щели и каверны неправильной, с извилистым контуром, формы, выполненные тонкодисперсным глинистым материалом – лимонитом (охристой смесью гидроксидов железа). Образец не магнитен, он сложен гидроксидами железа, что исключает метеоритное происхождение обломка.

Исследование при больших увеличениях под бинокляром МБС-10 показало, что в некоторых наиболее крупных полостях стенки образованы мелкодрузовым агрегатом и отдельными изометричными темно-коричневыми, до черных, кристаллами размером 5–7 мм. Ребра кристаллов слегка скруглены, местами различимы грани треугольной и близкой к ромбической формы, часть кристаллов раздроблена с образованием удлиненных обломков. Твёрдость 5–5,5 по шкале Мооса, следы царапин выявляют полуметаллический блеск под матовой поверхностью. Густая коричневая черта и присутствие лимонита указывают, что кристаллы представляют псевдоморфозы гетита HFeO_2 по рудному железистому протоминералу.

Рентгенофазовый анализ одного из кристаллов (аналитик Л.В. Мирошниченко, ИГиГ СО РАН) подтвердил диагностику гетита и выявил также незначительную примесь гематита. При изометричной форме кристаллов это означает, что исходным рудным железистым минералом являлся магнетит, последовательное изменение которого в зоне окисления привело сначала к образованию гематита, а затем к его замещению гетитом с образованием полных псевдоморфоз.

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 12-01-18040).

Стенки полостей между кристаллами замещённого магнетита и поверхность самих кристаллов-псевдоморфоз параллельно покрыты шестоватым агрегатом игольчатого гетита – мелкими (до 0,5 мм) черными кристаллами – и гидрогетит-лимонитовым почковидным агрегатом. В некоторых полостях вместе с игольчатым гетитом в параллельно-шестоватом агрегате присутствует бесцветный полупрозрачный до белого кварц, подтвержденный также рентгенометрически. В единичных случаях наблюдался наростший на стенки полости гребенчатый агрегат пластинчатого гетита, который может быть псевдоморфозой по гематиту, образующему такие же агрегаты, а в одной полости – сферолитовый агрегат мелкочешуйчатой светлой слюды.

Часть полостей содержит охристую плёнку лимонита, покрывающую мелкопочковидный гетит. Полости на поверхности желвака за пределами пассивных отпечатков полностью или частично выполнены плотным, местами с скользящей отдельностью, светлым тонкодисперсным глинистым материалом, цвет которого меняется в зависимости от степени загрязнённости лимонитом – от светло-серого до палевого, желтовато-серого и буроватого. На глинистом заполнителе находятся мелкие остроугольные обломки розоватого кальцита и единичные хорошо окатанные зёрна кварца. В одной каверне поверх плотного глинистого заполнителя отмечен сланцеватый осколок тонкочешуйчатой, серебристо-серой слюды. Как показало рентгенографическое определение, тонкодисперсный агрегат заполнителя представляет механическую смесь с высоким содержанием кальцита и гетита и с небольшим количеством кварца, слюды, хлорита и полевых шпатов. Такой состав и тонкодисперсный характер заполнителя, учитывая присутствие окатанного зерна кварца, обломка слюдистого сланца, хлорита и полевых шпатов, наиболее вероятен для среды, в которой находился желвак на месте его находки.

Спектральный анализ образца (аналитик М.М. Игнатов, ИАЭТ СО РАН) показал преобладание в нем железа с изоморфными примесями «лёгких элементов» и отсутствие вторичных медных минералов. Эти данные означают, что желвак представляет агрегат нацело окисленных (до гидроксидов) минералов железа – железную руду. Изначальный состав руды, судя по морфологии псевдоморфоз, – магнетитовый гематит, нерудными минералами в нем были кварц и небольшое количество слюды. Наличие в агрегате обломков кристаллов замещённого магнетита и сохранившиеся на желваке пассивные отпечатки включений, по форме соответствующие плоским обломкам породы, позволяют предположить образование и окисление железной руды в зоне брекчирования, т.е. в зоне тектонического разлома. Неокатанность и высокая плотность желвака указывают на его незначительный перенос от места образования.

На желваке имеются два более поздних скалывания, – в кавернах на их сколовой поверхности нет тонкодисперсного глинистого заполнителя. Плоскости скалывания субпараллельны друг другу. Одна из них, относительно небольшая по площади, осталась после скола выступа на конце желвака. Вторая плоскость, более крупная, фиксирует скол, скорее всего, линзовидного окончания желвака с противоположной стороны.

Поверхность более крупного скалывания не совсем ровная, хотя отвечает плоскости раскалывания. При скалывании частично выкрошилась наружная часть желвака – между мелкокристаллическими псевдоморфозами гетита здесь также нет глинистого заполнителя. Сколовая поверхность более темная, постепенно светлеющая к периферии скалывания – по мере приближения к поверхности желвака. В темной части сколовой поверхности большое количество каверн – с округлыми очертаниями, удлинённых и частично извилистых. В осветленной краевой части скалывания каверн заметно меньше, они более мелкие и сколовая поверхность имеет пористый характер. В целом удлинение каверн субпараллельно и совпадает с уплощением желвака. Их стенки покрыты гребенчатым агрегатом гетита. В срезах таких гребешков видны отдельные игольчатые индивиды гетита. Они окружены плёнкой или рыхлым агрегатом гидрогетита-лимонита. Иногда гетит слагает совместный с кварцем волокнистый агрегат. В некоторых полостях гетит образует структуры близкие к «ящичным» структурам выщелачивания железистого карбоната, однако нигде полости-каверны не имеют формы, характерной для кристаллов карбонатов.

Таким образом, исследование сколовых поверхностей показало, что внутри желвака также состоит из гетита и гидрогетита с примесью кварца, образуя в пористых участках структуру кварцевых «сухарей», характерную для зон окисления. Оно подтвердило также, что тонкодисперсный глинистый заполнитель характерен только для каверн и полостей, открытых на поверхности желвака до его раскалывания. Эти данные показали искусственный характер скалывания, т.е. желвак является артефактом.

Желвак, состоящий из гидроксидов железа, по своим петрофизическим характеристикам не мог использоваться человеком в качестве сырья для производства орудий. Вместе с тем известно, что гидроксиды железа – природные лимонитовые охры в эпоху палеолита специально растирались в порошок и использовались в качестве красителя. Например, применение растертого гетита в виде краски отмечено в материалах ранней стадии верхнего палеолита на стоянке Кара-Бом [Дервянко, Рыбин, 2003]. Эти данные позволяют предположить, что желвак, представленный гидроксидами железа, мог использоваться среднепалеолитическими обитателями Денисовой пещеры для получения натурального красителя. Согласно геологическим данным, ближайшее к Денисовой пещере местонахождение этого минерала находится в 30 км южнее, в долине р. Марчета, левого притока р. Келей (бассейн р. Ануй), в зоне разломов засурьинской свиты, где известны обохренные проявления по исходно железистым ассоциациям.

Список литературы

Дервянко А.П., Рыбин Е.П. Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3. – С. 27–50.

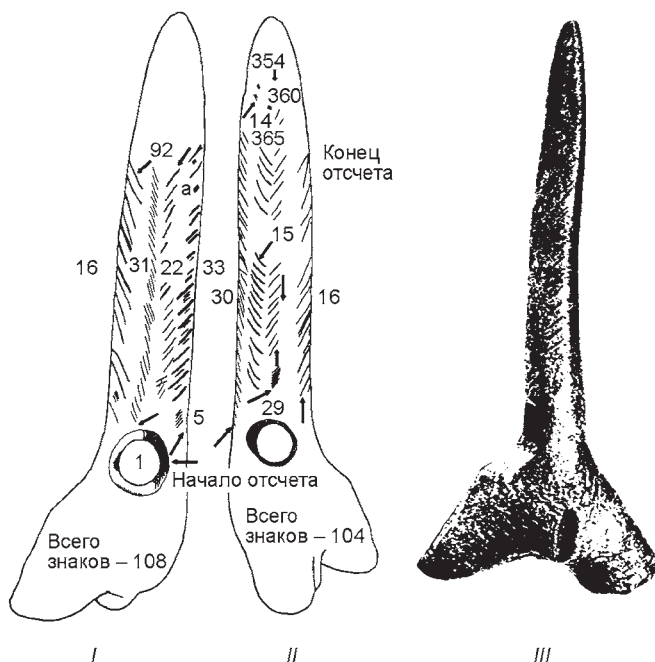
**ДРЕВНЕКАМЕННЫЙ ВЕК ЕВРОПЫ:
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЕ ВРЕМЯ
(реконструкция календарных систем
Крайнего Запада Евразийского континента)**

Вводные замечания. Доклад завершает первую часть исследовательского проекта, начатого десятилетие назад с публикации календарной пластины палеолита Камчатки [Ларичев, Кирыак, 2002]. Задача проекта заключалась в следующем – подтвердить идею наличия систем счисления времени в любой из культур древнекаменного века северной части Евразии от Тихого океана до Атлантики и, тем самым, сдвинуть с мертвой точки негативное отношение искусствоведов палеолита к этой «непопулярной научной традиции» (подробности см.: [Ларичев, 2009]).

Постановка проблемы и программная цель поиска. Палеолитические культуры западной окраины Европы предоставляют множество материалов, подходящих для мировоззренческих реконструкций. Они связаны, большей частью, с т.н. «изобразительным искусством» человека ледниковой эпохи. Представлю один из самых впечатляющих экземпляров такого вида источников. Выбор именно его определяло желание в очередной раз продемонстрировать оптимальный путь раскрытия смысла образов и знаков т.н. «первобытного художественного творчества» с использованием методических установок астроархеологии.

Источник. Описание, датировка и презентация образно-знаковых структур. Первые семантические оценки изделия. «Орнаментированный» насечками скульптурный объект представляет собой bâton de commandement, «жезл начальника» (см. рисунок, III). Он обнаружен на стоянке Ле Плякар (Южная Франция, Дордонь, регион, расположенный к северу от долины р. Везер). Изделие датировано временем мадлен III. А. Маршак провел исключительную в детальности фиксацию знаков на поверхности «жезла», отметил «лунный характер отдельных записей», высказал предположение о связи их с «женскими циклами» (беременность и прочее), но не представил целостной реконструкции систем счисления времени [Marshak, 1991]. Далее излагаются расшифровка «записей» и варианты реконструкций порядка счисления лунного, лунно-солнечного и солнечного годов. Допустимый объем доклада не позволяет изложить расшифровку «записи» сезонов солнечного года и синодических оборотов планет.

Двуобразность «жезла». Числовая составляющая отдельных строчек и всего текста. Тестирование чисел на предмет определения их информационного характера. При вертикальном позиционировании скульп-

I, II – числовая знаковая система двух сторон bâton с указанием количества насечек в каждой из сторон и порядка считывания их. Отмечены насечки, определяющие финальные сутки годовых циклов 354, 360, 365 и финал астрономической зимы (92-е сутки); *III* – bâton de commandement из Ле Плякар (Южная Франция). При вертикальном позиционировании верхняя часть изделия представляет туловище антропоморфа, а нижняя часть – короткие ноги с изображением vulve; при горизонтальном позиционировании bâton превращается в скульптурное изображение фаллоса с тестикулами.

птура воспринимается подобием лишенного рук и головы антропоморфа женского пола (имеется изображение vulve), а при горизонтальном – фаллосом с тестикулами (в них превращаются укороченные ноги).

Со стороны I жезла (см. рисунок, *I*) размещены 4 (помимо 1+5) строки насечек: 33→22→31→16. Всего знаков на стороне I: 1 (отверстие)+5+33+22+31+16=108. Это число календарно значимо, ибо оно кратно синодическому обороту Луны (смещению ночного светила относительно Солнца) – 108 сут.: $29,5306 \text{ сут.} = 3,6572 \approx 3 \frac{2}{3} \text{ син. мес}^*$. Синодичность «записи» числа 108 дополнительно подтверждают две строчки: 1 – 22 сут.: $29,5306 \text{ сут.} = 0,7449 \approx \frac{3}{4} \text{ син. мес}$; 2 – 16 суток. Это период первой, «светлой» половины синодического месяца, по окончании которого глаз на следующие, 17-е сутки замечает ущерб диска Луны (начало второй, «темной», половины месяца). В строчке 33 окончание синодического месяца *заметно*

*Как свидетельствует опыт календарных реконструкций, палеолитические астрономы стремились фиксировать лунные циклы с точностью 0,02–0,03 сут.

позиционирует насечка *a* ($30 \approx 29,5306$ сут.) (она размещена между двумя и тремя предельно сближенными миниатюрными насечками). Строчка 31 обретает календарную значимость при суммировании со знаками строчки 16: $31+16=47$. Такое количество суток кратно лунному циклу, но не синодическому, а сидерическому (оборот ночного светила на фоне звезд) – 47 сут.: $27,32$ сут. = $1,7203 \approx 1 \frac{3}{4}$ сид. мес. Помимо того, особая календарная значимость строчки 31 проявляется при завершении ее счисления: от начала счета с отверстия на последний знак «записи» придется число 92 ($1+5+33+22+31=92$), которое определяет в календаристике длительность летнего астрономического сезона. Это означает, что за новогодие жрецы Ля Плякар принимали летнее солнцестояние, ибо именно столько суток длится астрономическое лето.

Со стороны II жезла (см. рисунок, II) по левому краю размещено 30 знаков, по правому 16 ($12+4$); в средней зоне верхний блок составляют ($2+2+4+2+4$)=14, средний блок – ($6+9$)=15, нижний блок – ($13+7+9$)=29 знаков. Всего знаков на стороне II $-30+14+15+29+16=104$. Это число календарно значимо, ибо оно кратно синодическому обороту Луны – 104 сут.: $29,5306$ сут. = $3,5217 \approx 3 \frac{1}{2}$ син. мес. Обе краевые строчки и все блоки средней зоны подтверждают синодическую значимость записи $104 - 30 \approx 29,5306$; 14 и 15 составляют вместе $29 \approx 29,5306$; такое же число знаков (29) образуют нижний блок.

Значимость числа 16 описана выше. К сказанному ранее о 16 следует добавить следующее: при считывании числа 16 ($12+4$) после блока 29 обе «записи» составят $29+16=45$, что кратно синодическому обороту Луны – 45 сут.: $29,5306$ сут. = $1,5238 \approx 1 \frac{1}{2}$ син. мес. По-видимому, А. Маршак прежде всего имел в виду знаковые записи стороны II, когда писал о том, что на жезле зафиксированы лунные циклы.

Всего знаков на жезле $108+104=212$. Это число календарно значимо. Но оно кратно не синодическому, как можно подумать, а сидерическому обороту Луны – 212 сут.: $27,32$ сут. = $7,7598 \approx 7 \frac{3}{4}$ сид. мес.

Реконструкция порядка считывания записей на обеих сторонах жезла. Выявление знаков, которые определяли окончание годовых периодов Луны и Солнца. Проигрыш разных вариантов последовательности считывания числовых строчек позволил, в конечном счете, выявить оптимальный: сначала считывались записи I-ой стороны в последовательности $1 \rightarrow 5 \rightarrow 33 \rightarrow 22 \rightarrow 31 \rightarrow 16$; затем II-ой стороны в последовательности $30 \rightarrow 14 \rightarrow 15 \rightarrow 29 \rightarrow 16$. Для выхода на рубеж окончания годовых оборотов Луны и Солнца следует провести повторное считывание записей на двух сторонах в установленной последовательности. В итоге получим число $[108+104]+[108+104]=424$. Оно кратно синодическому и сидерическому оборотам Луны – 424 сут.: $29,5306$ сут. = $14,3579 \approx 14 \frac{1}{3}$ син. мес.; 424 сут.: $27,32$ сут. = $15,5197 \approx 15 \frac{1}{2}$ сид. мес. Такой длительности период достаточен, чтобы выявить в нем знаки, которые определяли окончание лунного (354 сут.), лунно-солнечного (360 сут.) и солнечного (365 сут.) годов.

На *рисунке (III)* представлено позиционирование финалов: 354 – определяет окончание лунного года (*размещение знака финала заметно – последняя черточка двух верхних двоиц верхнего блока 14*).

360 определяет окончание лунно-солнечного года (цикл этот – средний от длительности лунного и солнечного годов) : $(354,367 \text{ сут.} + 365,242 \text{ сут.}) : 2 = 359,8045 \approx 360 \text{ сут.}$ «Год» такой продолжительности, известный как «майский», «хозяйственный» или «жреческий», широко использовался в культурах ранних цивилизаций Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока. Знаки, определяющие финал 360-и дней, – *заметны* (явно выделены) – две *длинные* черточки правого края верхнего блока 14, выше и ниже которых располагаются *короткие черточки*;

365 определяет окончание солнечного года. Эта черточка в среднем блоке 15 *заметна* – она одиночная, длинная, сравнительно широкая и глубоко врезанная.

Подведем итоги. На жезле из Ле Плякар размещен эргономичный числовой текст. Он структурирован по строчкам и блокам так, что при последовательном и в определенном порядке считывании «записей» на поверхностях I и II можно было выйти на четко (*заметно*) позиционированные рубежи окончания годовых оборотов Луны и Солнца. Основу каждой из систем счисления времени жезла составляли *лунные циклы* – *синодический и сидерический*. Стремление включить в предельно короткий числовой текст максимально обширную календарно-астрономическую информацию очевидно. Та же задача была блестяще решена на востоке Евразии палеолитическим жречеством Сибири, что подтверждают аналогичной емкости тексты на объектах искусства малых форм мальгинской культуры [Ларичев, 1993].

Возникает вопрос – как могли практически использоваться 3 календаря, зафиксированные на жезле Ле Плякар? Надо полагать, *каждый из них копировался на отдельный информonosитель* и далее использовался в соответствии с назначением.

Список литературы

Ларичев В.Е. Лунные и солнечные календари древнекаменного века // Календарь в культуре народов мира. – М.: Наука; Изд. фирма «Восточная литература», 1993. – С. 38–69.

Ларичев В.Е. Астроархеология: «Сквозь тернии – к звездам!». Начало становления «непопулярной научной традиции» // Астроархеология – естественно-научный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древних культур Хакасии. – Красноярск: Город, 2009. – С. 7–35.

Ларичев В.Е., Кирьяк М.А. Древнекаменный век Северной Азии: Дальневосточное время (лунно-солнечная календарная система ушковской культуры) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – С. 130–138.

Marshak A. The roots of Civilization. The cognitive beginning of Men's first Art, symbol and notation. – N.Y.: Mount Kirco, 1991. – 445 p.

**ПОЗДНЕПЛЕЙСТОЦЕНОВАЯ ТЕРИОФАУНА
С РЕКИ ЧУМЫШ (АЛТАЙСКИЙ КРАЙ) И НОВЫЕ ДАННЫЕ
ПО МЕСТОНАХОЖДЕНИЮ НА РЕКЕ ЧИК
(НОВОСИБИРСКАЯ ОБЛАСТЬ)***

Поездки и сплавы по р. Чумыш для сбора палеотериологического материала осуществлялись авторами неоднократно, начиная с 1991 г. Наиболее обилен остатками мегафауны участок между с. Мартыново и Кытманово. Первоначально собирались преимущественно метаподии бизонов и кости относительно редких видов – оленей и хищников. Целью поездок 2011–2012 гг. был, напротив, тотальный учет и сбор на пляжах и перекатах р. Чумыш всех определимых остатков мегафауны. В 2011 г. было собрано и учтено 249 костей, в 2012 г. – 1 488, всего 1 737 остатков, относящихся к 18 видам крупных млекопитающих (табл. 1). В 2012 г. был обследован участок русла протяженностью приблизительно 20 км.

Единичные остатки млекопитающих удавалось находить *in situ* в песчано-галечных толщах в основании невысоких, 12–15-метровых разрезов, а уже переотложенные кости – в воде, непосредственно под ярами. Однако подавляющая часть находок была собрана на песчано-галечных пляжах, образующихся на излучинах реки, где концентрируются и оседают транспортируемые паводковыми водами костные остатки, вымытые из толщ береговых разрезов. Часть костей была найдена в русле реки, особенно в районе перекатов.

Радиоуглеродное датирование древесных остатков из оснований 5 разрезов в долине Чумыша указывает на их позднекаргинский, в пределах 24–28 тыс. лет, возраст [Панычев, 1979]. Сходная дата (31,6 тыс. л.н.) была получена позднее по кости мамонта с пляжа (табл. 2). Единообразная сохранность и морфологическая однородность подавляющего большинства остатков крупных млекопитающих, собранных на р. Чумыш, позволяет предположить, что они также могут быть отнесены ко второй половине позднего плейстоцена, вероятнее всего к каргинскому времени.

На пляжных ориктоценозах Чумыша преобладают остатки бизона (47,1 %), лошади (21,1 %), мамонта (10,4 %) и шерстистого носорога (10,3 %). Олени составляют в сумме 9,7 %, хищники – 1,1 %. Подобное соотношение фоновых видов позволяет реконструировать лесостепные ландшафты с относительно теплым климатом и увлажненными грунтами, на что указывает единичность находок костей сайгака и северного оленя.

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ (№ 12-04-00165).

Таблица 1. Видовой состав и количество костных остатков млекопитающих в местонахождениях на р. Чумыш и Чик.

Таксон	Чумыш (2011–2012 гг.)		Чик (2011–2012 гг.)	
	экз.	%	экз.	%
<i>Lepus tanaiticus</i>	1	0,06	–	–
<i>Castor fiber</i>	1	0,06	1	0,11
<i>V. vulpes</i>	1	0,06	–	–
<i>Canis lupus</i>	3	0,17	2	0,22
<i>Ursus arctos</i>	4	0,23	2	0,22
<i>Ursus savini</i>	3	0,17	2	0,22
<i>C. crocuta spelaea</i>	1	0,06	–	–
<i>Panthera leo spelaea</i>	7	0,40	3	0,33
<i>Mammuthus primigenius</i>	180	10,36	97	10,67
<i>Equus ex. gr. gallicus</i>	367	21,13	471	51,82
<i>E. (Sussemionus) ovodovi</i>	3	0,17	3	0,33
<i>Coelodonta antiquitatis</i>	178	10,25	72	7,92
<i>Megaloceros giganteus</i>	55	3,17	11	1,21
<i>Cervus elaphus sibiricus</i>	78	4,49	20	2,20
<i>Alces cf. alces</i>	35	2,01	15	1,65
<i>Rangifer tarandus</i>	1	0,06	2	0,22
<i>Bison priscus</i>	818	47,09	203	22,33
<i>Saiga borealis</i>	1	0,06	5	0,55
Всего костных остатков	1737	100	909	100

Начатый в 2011 г. на р. Чик тотальный сбор всего определимого па- леотериологического материала принес 388 находок [Лобачёв и др., 2011]. В 2012 г. коллекция пополнилась еще 522 находками, что в итоге составило 909 костей от 15 видов крупных млекопитающих. Обнаружено 2 новых в фауне Чика вида – остатки бурого и малого пещерного медведя (табл. 1). Работы 2012 г. показали, что относительно короткие (от 20–30 до 70–100 м) участки 2-3 перекатов, где и было собрано наибольшее число кост- ных остатков, к концу сезона почти полностью истощились. Сбор же мате- риала на глубоких участках русла и в омутах осложняется не только самой глубиной, но и наличием здесь более значительной, чем на перекатах, тол- щи перемытых донных иловатых отложений, в которых спорадически рас- сеяны костные остатки. Соотношение фоновых видов изменилось сравни- тельно мало: преобладает лошадь (51,8 %), бизон (22,3 %), мамонт (10,7 %) и шерстистый носорог (7,9 %). Олени составляют в сумме 5,3 %, хищни- ки – 1 %. Примечательно довольно значительное присутствие остатков сайгака (0,6 %) и таких относительно теплолюбивых видов, как гигантский

Таблица 2. Радиоуглеродный возраст костных остатков.

Проба	Материал для датирования	Возраст, лет
р. Чумыш		
СОАН-6381	Мамонт, диафиз берцовой кости	31 630 ± 365
р. Чик		
СОАН-8442	Скопление раковин моллюсков	9 260 ± 55
СОАН-8443	Мамонт, диафиз бедренной кости	32 285 ± 375
СОАН-8444	Бизон, грудной позвонок	15 060 ± 105
СОАН-8445	Бизон, поясничный позвонок	27 420 ± 175
СОАН-8446	Мамонт, диафиз бедренной кости	30 010 ± 295
СОАН-8447	Шерстистый носорог, диафиз плечевой кости	30 300 ± 290
СОАН-8448	Шерстистый носорог, диафиз бедренной кости	33 750 ± 325

олень и лошадь Оводова. Фауна с Чика обитала, очевидно, в условиях степных ландшафтов. Наиболее близок к чикскому почти одновременный ему каргинский териокомплекс из 4 слоя Красного Яра, где остатки лошади, бизона, носорога, мамонта и оленей составляют соответственно 61,4; 16,6; 10,8; 1,4 и 7,9 %.

Радиоуглеродное датирование костей с Чика показало (табл. 2), что из 6 образцов 5 относятся к концу каргинского времени (27,4–33,7 тыс. л.н.) и один – к сартанскому времени (15 тыс. л.н.). Между тем анализ скопления раковин из основания разреза [Лобачёв и др., 2011, с. 72] свидетельствует об их раннеголоценовом возрасте (9 260 л.н.). Это обстоятельство заставляет предположить, что остатки млекопитающих каргинско-сартанского возраста в раннем голоцене подверглись переотложению. Подтверждением этого служит значительное число неопределимых фрагментов. Из трубчатых костей лошадей и бизонов целиком сохранялись в основном наиболее прочные – метаподии. На почти всех без исключения зубах мамонтов отсутствуют обломки верхне- и нижнечелюстных костей. Одновременно с этим зубы отличаются великолепной сохранностью, отсутствием каких-либо признаков выветривания и окатанности. По-видимому, раннеголоценовое переотложение остатков мегафауны происходило (как и в настоящее время) не выходя из-под уреза эрозионного потока. Наряду с костями зверей мамонтовой фауны, в сборах с Чика присутствует незначительное количество остатков типично голоценовой сохранности, принадлежащие косуле, лосю, бобру, волку, лисице, выдре, мелкой голоценовой корове и лошади, птицам и рыбам. Встречены также фрагменты разновременной керамики.

Ниже приводится краткий обзор результатов исследования отдельных видов териофауны с Чумыша и Чика, и наиболее интересных находок.

На Чике обнаружены фрагмент нижней челюсти с M_{1-3} и верхняя половина локтевой кости *Ursus arctos*. Они находятся на уровне максимальных

значений промеров (mandibula) или заметно превосходят (ulna) таковые у голоценового *U. arctos* [Васильев, Гребнев, 2009].

Берцовая кость малого пещерного медведя с Чумыша имеет ширину/поперечник диафиза посередине – 21,6/22,5 мм, то же нижнего конца – 46/30,7 мм, что ниже минимальных значений *Ursus savini* позднего плейстоцена Урала [Кузьмина, 2002]. На Чике обнаружен череп *U. savini* с обломанным затылочномозговым отделом. Длина: нёба – 194,5 мм, I¹-M² – 157,5 мм, C¹-M² – 143 мм, P⁴-M² – 77,5 мм, M¹-M² – 63,6 мм. Ширина: в заглазничном сужении – 65,2 мм, в надглазничных отростках – 97,8 мм, орбитальная, min – 73,1 мм, в клыках – 85,4 мм, резцового отдела – 60,8 мм, в M² max – 83,6 мм. Высота орбиты – 50,5 мм. Длина/ширина P⁴ – 16,8/13 мм, M¹ – 23,1/16,5 мм, M² – 40,2/20,2 мм, C¹ на выходе из альвеолы – 18,3/14,4 мм. Большинство из приведенных промеров находятся на уровне, близком к средним значениям промеров черепов *U. savini* Урала [Кузьмина, 2002]. Погрызенная нижняя половина бедренной кости с Чика имеет ширину/поперечник диафиза 37,5/25,5 мм, ширину нижнего конца – 73,5 мм (67-М 73,9-80 мм, (n = 17) по данным И.Е. Кузьминой [2002]).

На Чумыше найдена правая половина верхней челюсти пещерной гиены со всеми зубами от крупной взрослой особи. Альвеолярная длина I¹-P⁴ – 132 мм; C¹-P⁴ – 111,7 мм; P¹-P⁴ – 91,6 мм. Задняя половина P⁴ обломана, но сохранилась альвеолярная часть. Находки *C. crocuta spelaea* на юге Западной Сибири чрезвычайно редки; в большом количестве ее остатки встречаются лишь в пещерных тафоценозах гор Южной Сибири.

Длина целого клыка C¹ пещерного льва с Чика 120,7 мм, поперечник на выходе из альвеолы – 27,7 мм, ширина/поперечник в средней части, max – 23,5/31,7 мм.

Найденная на Чумыше в 2003 г. целая tibia очень крупного мамонта (по которой получена ¹⁴C-дата) достигает длины 860 мм, что соответствует высоте скелета 400 см, или около 415 см в холке с учетом мягких тканей.

Из всего собранного на Чумыше и Чике материала наибольшее значение для целей биостратиграфии имеет анализ метаподиальных костей лошади по методике В. Айзенманн [Eisenmann, 1979]. Он показал, что при сохранении основных пропорций, свойственных позднплейстоценовой *Equus ex. gr. gallicus* лошади с Чумыша и Чика занимают на графике промежуточное положение между лошадьми из 4 (каргинского, W-2) и 6 (казанцевского, R-W) слоя Красного Яра. Возраст лошадей с Чумыша и Чика может быть оценен, таким образом, как постказанцевский (но не моложе каргинского времени).

Три кости с Чумыша (целые metacarpale и 2 calcanei) и две с Чика (дистальные отделы humerus и tibia) могут быть отнесены к лошади Оводова. По морфологии, размерам и пропорциям данные кости близки к средним значениям промеров серий костей *Equus (Sussemiunus) ovodovi* из пещеры Логова Гиены (Алтай) и Тараданово. Доля остатков этой лошади составляет 33 % в тафоценозе Логова Гиены, и на 1-2 порядка снижается в

аллювиальных местонахождениях Предалтайской равнины – в Тараданово (1,6 %), в 6 слое Красного Яра (0,5 %), на Чумыше и Чике (0,2 и 0,3 % соответственно).

Предалтайскую равнину в позднем плейстоцене населяла очень крупная, длиннорогая форма бизона. По размерам костей посткраниального скелета она в среднем на 1,5 % превосходила *Bison priscus* казанцевского времени из 6 слоя Красного Яра. Размеры собственно черепа также были крупнее на 4,9 %, роговых стержней – на 10,8 %, нижней челюсти – на 2,5 %. Обхват основания рогового стержня у самцов бизона с Чумыша составляет 340-М 366–388 мм (n = 10) против 278-М 345–395 мм (n = 33) у бизона из Красного Яра. Длина стержня вдоль большой кривизны соответственно 550-М 658–720 мм (n = 6) и 355-М 515,4–720,0 мм (n = 29). Очень крупными и массивными рогами отличался также позднплейстоценовый бизон с р. Чик. Длина рогового стержня вдоль большой кривизны у него составляла 595-М 623,7–635,0 мм (n = 3), при обхвате основания стержня 310-М 384,3–430,0 мм (n = 11). Таким образом, позднплейстоценовый бизон с Чумыша обладал роговыми стержнями, свойственными для длиннорогой формы, однако массивность его рогов заметно уступала среднеплейстоценовым *Bison priscus*.

Список литературы

Васильев С.К., Гребнев И.Е. Морфология костей скелета голоценового бурого медведя (*Ursus arctos* L., 1758) Кузнецкого Алатау // Енисейская провинция: альманах. – Красноярск: Краснояр. краевой краевед. музей, 2009. – Вып. 4. – С. 68–76.

Кузьмина И.Е. Пещерные медведи Урала // Плейстоценовые и голоценовые фауны Урала. – Екатеринбург: Университет, 2002. – С. 3–23.

Лобачёв Ю.В., Васильев С.К., Зольников И.Д., Кузьмин Я.В. Крупное местонахождение плейстоценовой фауны на реке Чик (Новосибирская область) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 72–77.

Панычев В.А. Радиоуглеродная хронология аллювиальных отложений Предалтайской равнины. – Новосибирск: Наука, 1979. – 102 с.

Eisenmann V. Les metapodes d'Equus sensu lato (Mammalia, Perissodactyla) // Geobios. – 1979. – Vol. 12, № 6. – P. 863–886.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ОСТРОВЕ СУЧУ (1968 год)

Статья является продолжением публикации результатов разведывательных работ отряда Дальневосточной археологической экспедиции ИИФиФ СО АН СССР (ныне ИАЭТ СО РАН) в Нижнем Приамурье, проведенных под руководством А.П. Окладникова в 1968 г. Ранее были изданы материалы с памятников, находящихся в районах сел Вознесенское [Медведев, Филатова, 1997], Малышево, Иннокентьевка [Медведев, Филатова, 2001; и др.], Калиновка.

На о. Сучу у с. Мариинского экспедиционный отряд, в состав которого входил В.Е. Медведев, в ходе работ в течение четырех дней в центральной части острова рядом с раскопанным позже (в 1973 г.) жил. 1 и разведки в окрестностях получил значительную коллекцию изделий из камня 1 041 ед.) и керамики (1 375 ед.) разной хронологической и культурной принадлежности.

Каменный инвентарь представлен орудиями (48 экз.) и их обломками (25 экз.), заготовками орудий (10 экз.), отходами производства (сколы, отщепы, в т.ч. гальки со сколами и др. – 922 экз.). Основным материалом для изготовления орудий служил алевролит, реже кремнистые и яшмовидные породы, еще реже кварцит, халцедон. Часть изделий выполнена из специальных заготовок и отщепов, часть из пластин. Ножевидные пластины (34 экз.), в т.ч. с ретушью и со следами утилизации, в основном правильных прямоугольных очертаний треугольного или трапециевидного сечения (рис. 1, 1–6). Есть в коллекции два подпризматических нуклеуса со скошенной ударной площадкой (рис. 1, 7, 8).

Кроме пластинчатой, представлена бифасиальная техника, в которой преимущественно из серого алевролита изготовлены вкладыши, остроконечники-бифасы, ножи-бифасы. Вкладыши (2 экз.) – прямоугольный и асимметричный, в сечение оба односторонне-выпуклые (рис. 1, 9, 10). Остроконечники-бифасы – наконечник стрелы лавролистной формы со слегка обломанным острием и основанием (рис. 1, 11) и довольно крупных размеров наконечник дротика лавролистной формы с чуть выделенным черешком (рис. 1, 20). Ножи-бифасы (4 экз.) овально-изогнутой формы с выделенной рукоятью (рис. 1, 12, 13). Все эти изделия с двух сторон обработаны уплощающей и краевой ретушью.

Есть проколка и провертки (12 экз.), изготовленные из пластинчатых заготовок, отщепов и небольших продолговатых галек – плечиковые

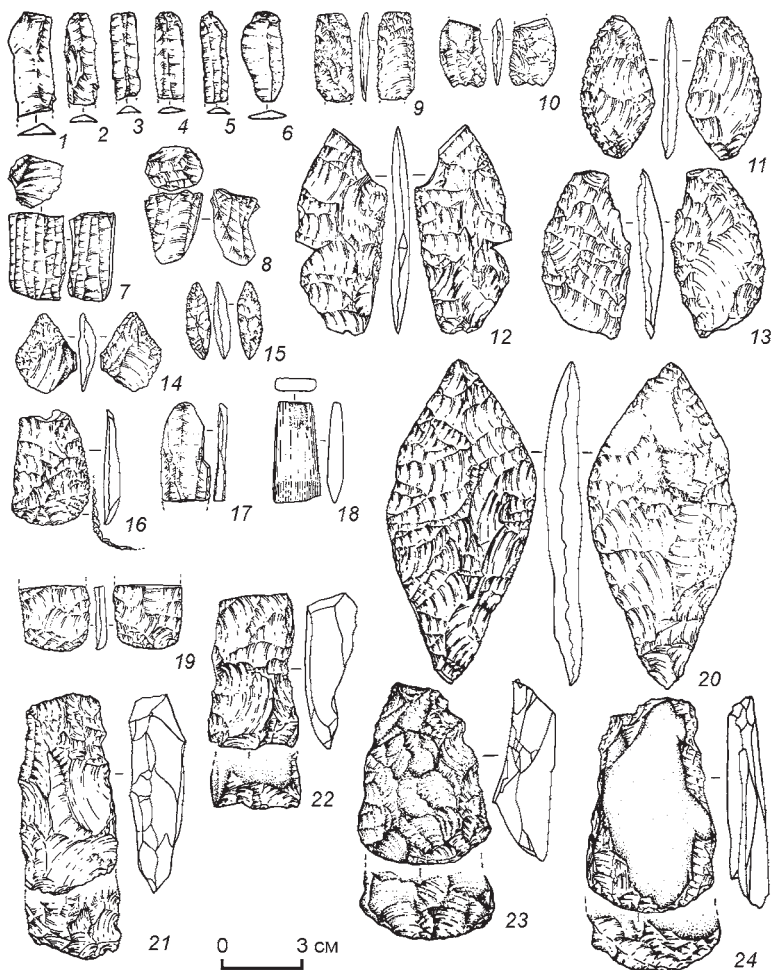

Рис. 1. Каменный инвентарь.

1–6 – ножевидные пластины; 7, 8 – нуклеусы; 9, 10 – вкладыши; 11 – наконечник стрелы; 12, 13 – ножи-бифасы; 14 – проколка; 15 – повертка; 16, 17, 19 – скребки; 18, 23, 24 – тесла; 20 – наконечник дротика; 21, 22 – тесловидно-скребловидные орудия.

(рис. 1, 14) и стерженьковые (рис. 1, 15). Скребки (10 экз.) – разнообразные по форме (языковидной, прямоугольной, подтреугольной, овальной) и типам (боковые, концевые, комбинированные) (рис. 1, 16, 17, 19). Из крупных (до 5,0 см) алевролитовых отщепов делались скребла (2 экз.).

Тесловидно-скребловидные изделия (9 экз.) и близкие им по технике изготовления тесловидные орудия (9 экз.) подтрапецевидной и подпрямоугольной в плане формы линзовидные, прямоугольные или подтреугольные в сечение со сплошь оббитой, иногда пришлифованной поверхностью (рис. 1, 21–24). Выделяется небольшое тесло подтрапецевидной формы

прямоугольного сечения, обработанное шлифовкой (рис. 1, 18). Представлены также два резца из кремнистых пород коричнево-желтого цвета с диагональными резцовыми сколами, землеройное орудие, точило и отбойник-ретушер.

Большая часть изделий из камня принадлежит малышевцам. Ножевидные пластины, вероятно, следует связывать не только с малышевской культурой, но и с кондонской, а также белькачинским комплексом. Некоторые изделия (вкладыши, шлифованное тесло) типичны для вознесенцев.

Изделия из обожженной глины представлены обломками двух стержней (рис. 2, 1, 2), и реконструированными сосудами, их фрагментами (рис. 2, 3–21) разной культурной принадлежности. Керамика малышевской культуры (рис. 2, 3–10) составляет большую часть коллекции (711 ед.). Сохранился археологически целый сосуд, фрагменты верхних и нижних частей пяти поддающихся реконструкции сосудов, а также разрозненные венчики (65), стенки (598) и донца (41). Керамика плоскодонная, изготовлена ленточно-кольцевым налепом (ситулы, горшки, вазы, корчаги, шаровидно-сферические). Венчики прямые, отогнутые наружу или загнутые внутрь с приостренным, прямым или закругленным внешним краем и верхней поверхностью, есть обломок с валиком-карнизом на внутреннем бортике. Тесто довольно плотное с примесью шамота. Цвет черепков от черного и коричневого до желтого, в изломе – черный, коричневый, серо-желтый. На поверхности нередко следы задымления, нагара. Изнутри черепки заглажены или залощены. Есть фрагменты (151 экз.) крашенных сосудов.

Основные технико-декоративные элементы керамики представлены в *таблице*. Ведущим элементов выступают оттиски дву- (32 экз.), трех- (45 экз.) и четырехзубчатой (20 экз.) «гребенки». Меньшее количество насчитывают оттиски угольчатые и скобковидные отступающей лопаточки, зубчатого колесика различной формы, фигурного штампа.

Технико-декоративные элементы на керамике

Перечень элементов	Сосуды (реконструкция)	Фрагментированная керамика	%
Оттиски «гребенки»	1 (3)	250 (32)	35,3 (4,9)
Оттиски скобковидные	—	19 (12)	2,7 (1,7)
Оттиски угольчатые	0 (2)	14 (25)	2,0 (3,8)
Оттиски зубчатого колесика	1 (0)	14 (7)	2,1 (0,9)
Оттиски фигурного штампа	0 (1)	14 (11)	2,0 (1,7)
Оттиски шнура	—	12 (3)	1,7 (0,4)
Ямочные вдавления	—	5 (11)	0,7 (1,5)
Налепной валик (волнистый)	0 (1)	4 (9)	0,6 (1,4)
Налепной валик (прямой)	0 (1)	0 (8)	0 (1,2)
Пальцевые вдавления	0 (1)	0 (10)	0 (1,5)
Ногтевые вдавления	—	0 (5)	0 (0,7)

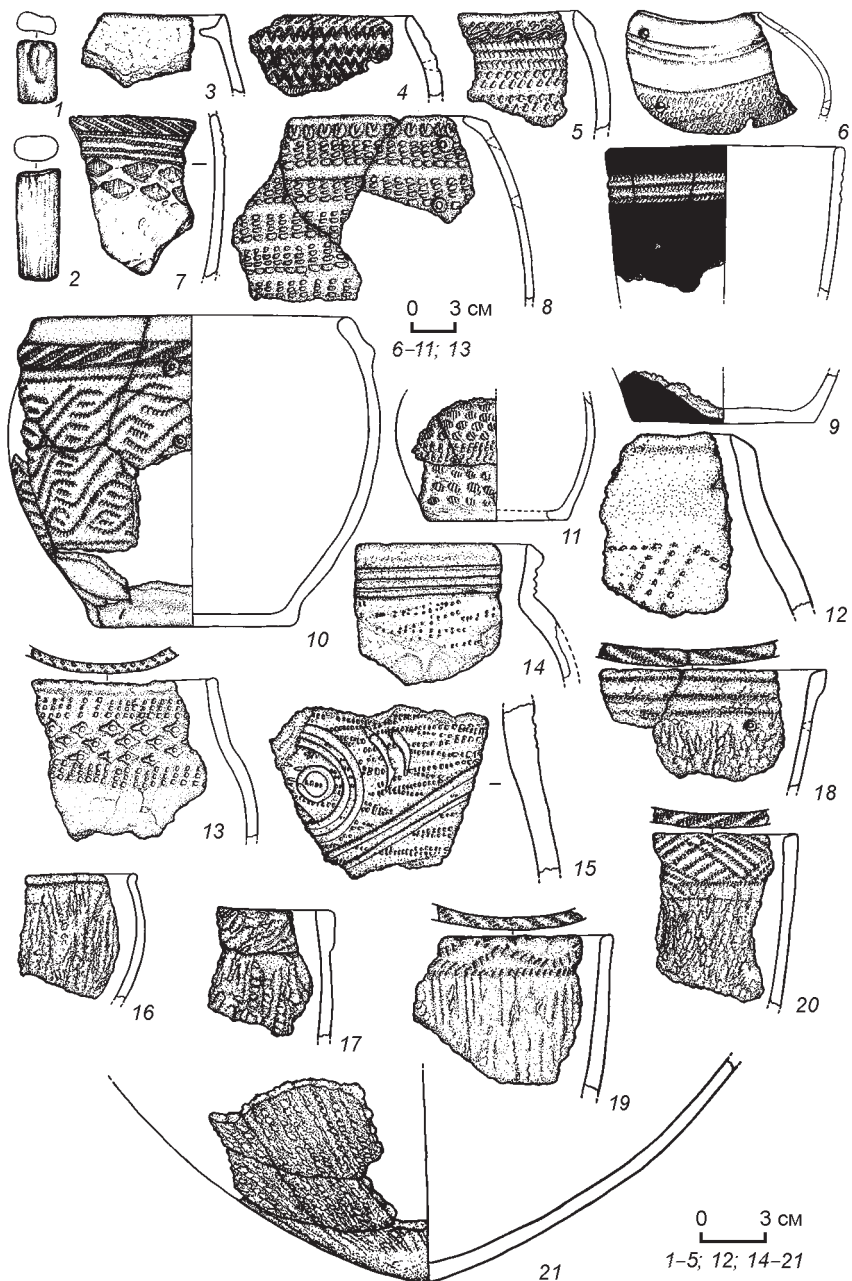

Рис. 2. Керамика.

1, 2 – фрагменты стержней; 3–10 – малышевская культура; 11–13 – кондонская культура;
14, 15 – вознесенская культура; 16–21 – белькачинский комплекс.

Элементы составлялись в мотивы различной сложности: прямые параллельные горизонтальные и наклонные линии, углы, сетку-«плетенку», меандр, спираль. Поскольку при декорировании нередко использовались несколько элементов и мотивов, орнаментальные композиции отличаются сложностью. В целом, представленная керамика данной коллекции типична для орнаментального комплекса малышевской культуры.

В коллекции имеется нижняя часть небольшого бочонковидного сосуда и 12 обломков венчиков с частью стенок горшковидных изделий, принадлежащих кондонской культуре (рис. 2, 11–13). Нижняя часть сосуда оформлена рассеченными овальными оттисками и вдавлениями двузубчатой «гребенки». Овальные оттиски нанесены на плечики, верхнюю и придонную части сосуда, два ряда «гребенки» вписаны между ними. Семь фрагментов венчиков декорированы горизонтальным рядом подпрямоугольных вдавлений ниже внешнего бортика. Еще один венчик орнаментирован вдавлениями дву- и трехзубчатой «гребенки» и ромбовидными оттисками фигурного штампа. Другой украшен с помощью многозубчатой «гребенки». Мотивы и композиции орнамента типичны для раннего этапа кондонской культуры (сходные образцы есть в материалах поселения Кондон-Почта). Примечательно, что это одно из немногих свидетельств пребывания носителей кондонской культуры на о. Сучу.

Двенадцать обломков венчиков сосудов, 40 стенок и 5 донцев связано своим происхождением с вознесеновской культурой (рис. 2, 14, 15). Практически все фрагменты (53 экз.) от небольших горшковидных сосудов, плечики и тулово которых декорированы гребенчато-накольчатый вертикальным зигзагом, а внешний бортик венчика прочерченными желобками. Тесто черепков рыхлое с примесью раковин. Отмечены также три небольших фрагмента стенок от красно-крашенных сосудов, два из которых оформлены спиральным орнаментом, и один обломок стенки с характерным сочетанием вертикального зигзага из оттисков шагающей «гребенки» с прочерченными по нему спиралями, кругами. Эти фрагменты аналогичны материалам из вознесеновских жилищ о. Сучу.

От керамики белькачинского комплекса (рис. 2, 16–21) сохранился фрагмент нижней части сосуда яйцевидной формы с приостренным дном высотой сохранившейся части 24,5 см. Предположительный диаметр по экватору 40,0 см, толщина стенок 0,4–0,5 см, придонной части и дна – 1,0 см. Найдены также обломки 69 венчиков и 447 стенок. Керамика остродонная, вылеплена вручную ленточно-кольцевым налепом (фиксируются следы распейки по лентам шириной 6,0–8,0 см). Диаметр сосудов по экватору примерно 15,0–40,0 см. Венчики прямые, отогнутые наружу или загнутые внутрь с приостренным или закругленным внешним краем. Верхняя поверхность уплощенная (в основном), реже округлая. Плотное тесто с примесью шамота. На поверхности фрагментов нередко видны следы задымления, иногда очень плотный нагар. Изнутри – заглажены, снаружи – заглажены и орнаментированы. Внешний бортик и верхняя поверхность

венчиков (64 образца) украшены прямоугольными, подквадратными, подтреугольными, фигурными оттисками зубчатого колесика. Композиции по внешнему бортику – параллельные горизонтальные прямые ряды, сетка, сегменты, «елочки» и пр.; по верхней поверхности – параллельные наклонные прямые ряды. Очень редко на венчике имеется шнуровой орнамент. Плечики, тулово, придонная часть основной массы изделий покрыты вертикальными «шнуровыми» оттисками длиной 2,0–3,0 см. В целом, белькачинская керамика надежно стратиграфически зафиксированная в слое, лежащем выше материалов малышевской культуры, составляет единый комплекс, отличный от комплексов нижеамурских неолитических культур. Коллекция этой керамики была практически первой из собранных в Приамурье при раскопках.

Кроме артефактов эпохи неолита в коллекции представлены реконструкции двух сосудов и 74 разрозненных фрагмента керамики раннего железного века (польцевская культура).

В результате работ на о. Сучу в 1968 г. был получен один из первых значительный по объему разнородный по культурной принадлежности материал. Стационарные исследования ИАЭТ СО РАН на нем начались в 1972 г. и продолжались (с перерывами) до 2002 г.

Список литературы

Медведев В.Е., Филатова И.В. О соотношении керамики из культурных слоев поселения у с. Вознесенского (Приамурье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – Т. III. – С. 117–122.

Медведев В.Е., Филатова И.В. Керамика из поселения у с. Иннокентьевка // Традиционная культура Востока Азии: Археология и культурная антропология. – Благовещенск: Изд-во Ам. гос. ун-та, 2001. – Вып. 3. – С. 62–67.

УНИКАЛЬНЫЙ ПОГРЕБАЛЬНО-РИТУАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ЭПОХИ НЕОЛИТА В БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ*

В полевой сезон 2012 г. были продолжены исследования памятника Венгерово-2 (Венгеровский р-н НСО) [Молодин, 1977; Молодин, Полосьмак, 1978]. В 2011 г. в ходе изучения жилища № 3 на краю террасы было обнаружено захоронение, включающее человеческие кости минимум от пяти индивидов, а также две ямы, являющиеся сегментами разомкнутого рва. Погребение было изучено полностью, остальной комплекс законсервирован [Молодин и др., 2011, с. 203–204; Чикишева, Зубова, Поздняков, 2011, с. 253–264]. В 2012 г. с юго-западной стороны участка, исследованного в 2011 г., был заложен раскоп площадью около 115 кв. м. Изученный погребально-ритуальный комплекс состоял из могильной ямы, окруженной рвом.

Ров имеет округлую форму и состоит, вероятно, из четырех разомкнутых сегментов (рис. 1, 2). Разрывы между отдельными частями рва ориентированы по сторонам света. Вдоль южного участка рва располагались пять ям, образующих внутреннюю систему оконтуривающих могильную яму сооружений.

Центральная часть погребально-ритуального комплекса представляла собой чашеобразное пологое углубление. Стратиграфический разрез конструкции позволил предполагать наличие земляного сооружения над этим углублением. Характер заполнения рвов указывает на то, что после сооружения они специально не засыпались.

Основная масса полученных артефактов приурочена к заполнению чашеобразного углубления (около 40 фрагментов керамики, микропластины, отщепы, нуклеусы, гальки и абразивы). С юго-восточной стороны от могильной ямы зафиксирован развал грушевидного по форме сосуда с приостренным (или округлым) дном. Срез венчика уплощен, орнаментирован овальными вдавлениями. Вся поверхность сосуда покрыта рядами волнообразных линий, выполненных в технике «отступающей палочки». В самой широкой части тулова расположен горизонтальный ряд парных оттисков угла лопаточки. Подобные приемы орнаментики характерны для целого спектра культур эпохи неолита лесостепной и таежной части Западной Сибири [Молодин, 1977; Чернецов, 1968; Бадер, 1970; Старков, 1980; Ковалева, 1989, и др.] и относятся к так называемой «линейно-накольча-

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ (№ 11-06-12002-ОФИ-М-2011).

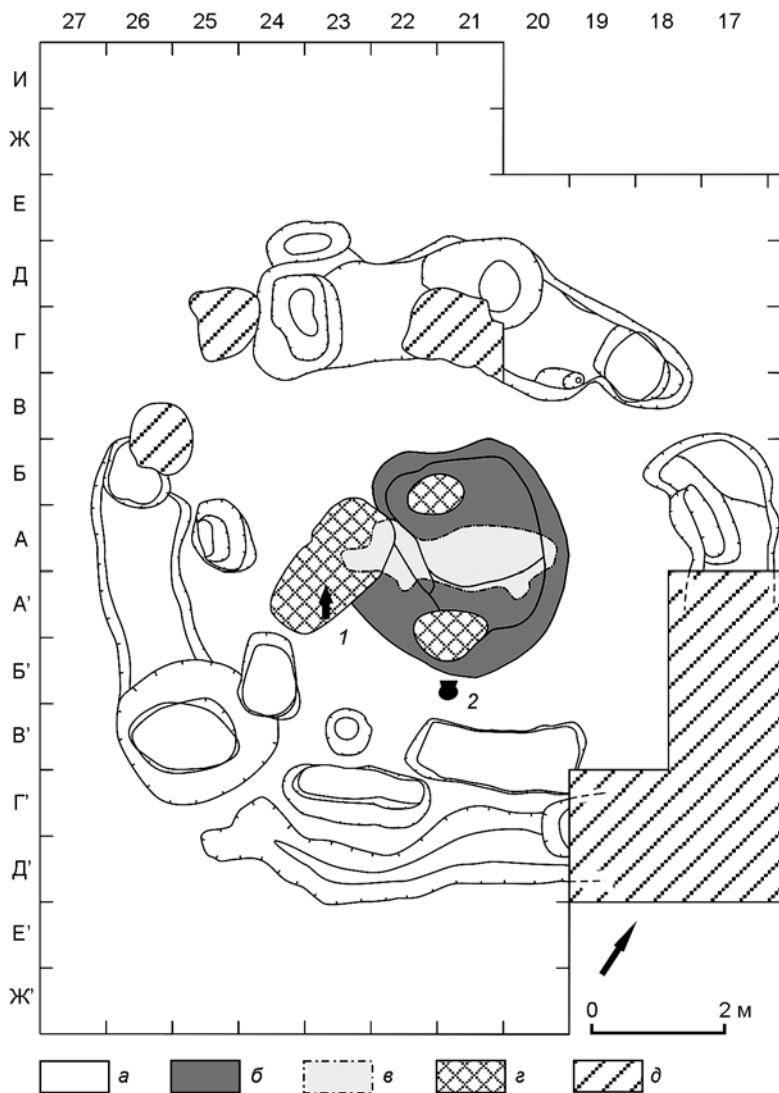

Рис. 1. Венгерово-2. План погребально-ритуального комплекса.

a – границы рвов; *б* – границы могильной ямы; *в* – граница захоронений; *г* – области прокаленной супеси; *д* – нераскопанные участки, занятые деревьями.

1 – костяное острие (кинжала?); *2* – развал сосуда.

той» традиции орнаментации сосудов, выделенной М.Ф. Косаревым [1973, 1974].

Несколько необычной выглядит форма сосуда, не позволяющая определить ему полные аналогии: хорошо профилированное тулово, вытя-

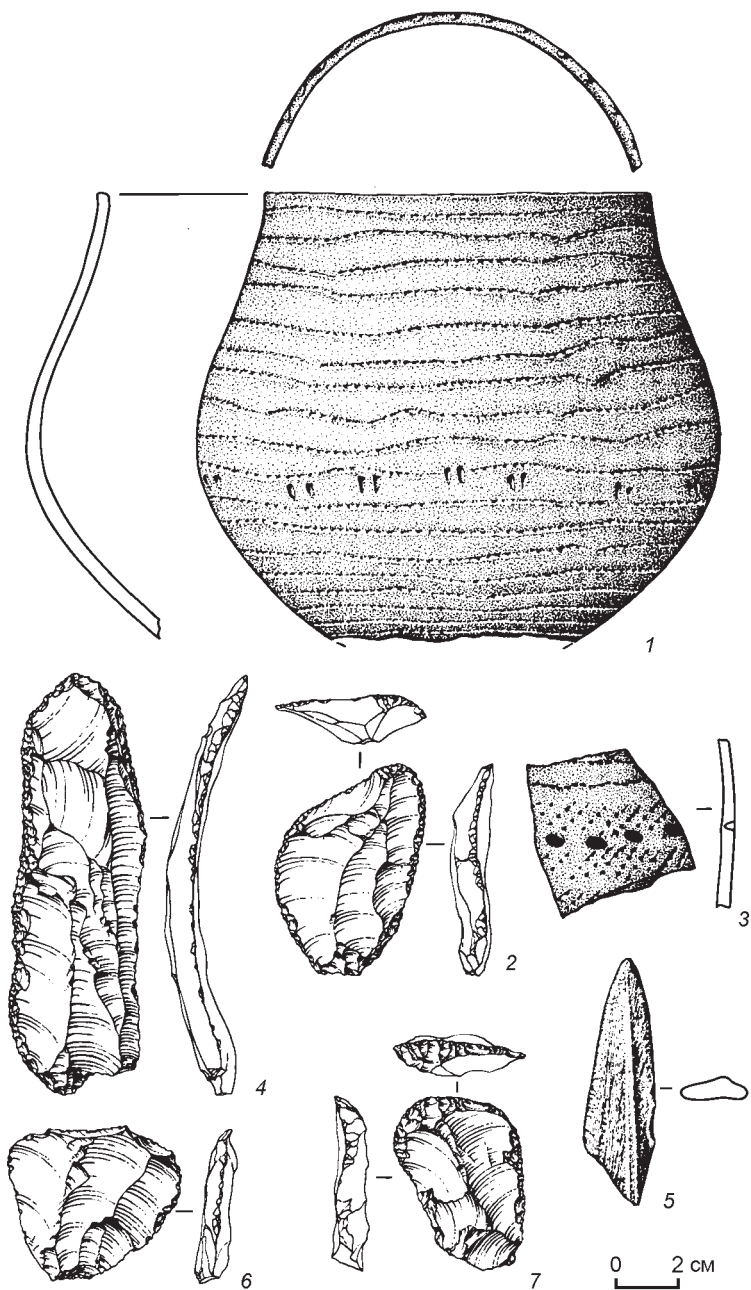

Рис. 2. Венгерово-2. Погребальный-поминальный инвентарь.
 1 – сосуд; 2, 4, 6, 7 – орудия из камня; 3 – фрагмент керамики из заполнения рва;
 5 – костяное острие.

нутая верхняя часть изделия, расположение максимального диаметра по тулову в нижней трети высоты, тогда как для неолитической керамики западносибирского региона характерны открытые сосуды баночной формы. Некоторое морфологическое сходство можно отметить с неолитическим керамическим материалом Горного Алтая поселения Тыткескень-2 [Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008, с. 254]. Любопытно, что во рвах и ямах встречены фрагменты, орнаментированные и в «гребенчато-ямочной» традиции, по М.Ф. Косареву [1973, 1974]. Ближайшие аналогии ей можно видеть в изделиях с упрощенной горизонтально-волнистой орнаментацией в сочетании с ямочными наколами, встречающихся в керамических комплексах артынской культуры [Бобров, Марочкин, 2011, с. 106].

Могильная яма округлой формы, диметром около 3 м, располагалась в центре сооружения. С южной стороны к ней примыкала подпрямоугольная яма, ориентированная по линии север-юг, на дне и по стенкам которой фиксировался мощный прокал. В верхней части ее заполнения найден фрагмент костяного острия (кинжал?). Подобные изделия появляются в Западной Сибири еще в эпоху верхнего палеолита [Генинг, Петрин, 1985].

Всего в могиле зафиксированы останки около 8 индивидов. Не останавливаясь на их детальном описании, предлагаем итоговую характеристику комплекса.

Основным захоронением было погребение взрослой женщины, помещенной в могилу полусидя, ориентированной головой на северо-восток. На костях скелета прослежены охристые пятна. С нею же был найден яркий сопроводительный инвентарь, состоящий из трех массивных скребел и крупного пластинчатого отщепы с ретушью, по-видимому, функционально также скребла. Последнее было зажато в пальцах левой руки покойной. Основное погребение сопровождалось останками не менее семи особей, похороненных по обряду вторичных захоронений. Сохранившиеся в анатомическом порядке части скелетов свидетельствуют также о северо-восточной их ориентации.

Стратиграфический и планиграфический анализы комплекса позволяют реконструировать следующую хронологическую последовательность погребально-поминального обряда. Сначала было приготовлено основное чашеобразное углубление и ров, ограничивающий сакральное пространство. Могильная яма и сопутствующий ей объект со следами мощного воздействия огня были следующим этапом сооружения комплекса. Затем в могильной яме было совершено основное захоронение. Вероятно, после этого яму засыпали рыхлым грунтом до уровня черепа. На этом уровне слева от погребенного был уложен второй человек, часть правой стороны туловища которого отсутствовала. Следующим этапом было размещение вторичных захоронений над погребенными, а также совершение ритуалов, связанных с огнем, следы которых были зафиксированы в виде прокалов, помещение глиняного сосуда и костяного острия. Только после этого весь

комплекс был засыпан до образования земляной конструкции, часть которой заполнила оставшийся объем рва.

Таким образом, исследованный погребально-ритуальный комплекс по стратиграфическому расположению, предметному набору, организации сакрального пространства на сегодняшний день можно отнести к разряду уникальных, не имеющих прямых аналогий [Молодин, 2012, с. 19]. Определенные семантические параллели по организации используемого пространства можно провести с поселением быстринского типа эпохи неолита таежной зоны Сургутского Приобья – Быстрый Кульёган-66, где два жилища обнесены овальными прерывистыми ровиками [Косинская, 2004], не несущими оборонительных функций. Комплексы близки и по площади. Также есть сходство в орнаментации ритуального сосуда из рассматриваемого комплекса с ранненеолитической керамикой поселения Быстрый Кульёган-66, которая принадлежит, по определению Ю.П. Чемякина, к прочерчено-отступающе-накольчатой традиции [2008, с. 13, рис. 7, 2, 4 и др.].

Наибольшее сходство с рассматриваемым погребально-ритуальным комплексом демонстрируют материалы неолитического могильника Протока, расположенного в северо-западной Барабе [Полосьмак, Чижишева, Балужева, 1989]. Именно на Протоке зафиксировано земляное сооружение и выявлено ограничение погребального пространства рвом, разомкнутым по оси север-юг. Кроме того, объекты сближает наличие в обоих случаях захоронений, совершенных по обряду вторичных погребений, а также фрагментов керамики, имеющей несомненные параллели с посудой, именуемой артынской.

Наличие в венгеровском комплексе северо-таежных (быстринских) черт, а также сочетание в его пределах двух керамических традиций, позволяет допускать возможность присутствия в местной автохтонной среде лесостепного неолита (гребенчато-ямочного или артынского) северных мигрантов.

Поселение Быстрый Кульёган-66 относится к VI–V тыс. до н.э. [Косинская, Чемякин, Зайцева, 2002, с. 141], а могильник Протока-1 – ко второй половине VI – середине V тыс. до н.э. [Марченко, 2009, с. 14]. По погребальному комплексу памятника Венгерovo-2 получены две даты по ^{14}C cal BC: CO AH-8738 – 5363–5001 г. до н.э. и CO AH-8739 – 5358–4864 г. до н.э.

Список литературы

Бадер О.Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. – М.: Наука, 1970. – С. 157–171. – (МИА; № 166).

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Артынская культура // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. – Т. I. – С. 106–108.

Генинг В.Ф., Петрин В.Т. Позднепалеолитическая эпоха на юге Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985. – 90 с.

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескен-2 (итоги работ 1988–1994 г.) – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2008. – 335 с.

Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья: учеб. пособие по спецкурсу. – Свердловск: Изд-во Ур. гос. ун-та, 1989. – 80 с.

Косарев М.Ф. О преемственности орнаментальных традиций в древнем изобразительном искусстве Западной Сибири // Тез. докл. сессии, посвящ. итогам полевых исслед. 1972 г. в СССР. – Ташкент, 1973. – С. 230–232.

Косарев М.Ф. К проблеме западносибирской культурной общности // СА. – 1974. – № 3. – С. 3–13.

Косинская Л.Л. Жилища поселения Быстрый Кульёган-66 // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. – Сургут: Диорит, 2004. – С. 226–241.

Косинская Л.Л., Чемякин Ю.П., Зайцева Г.И. Радиоуглеродные даты с археологических памятников из окрестностей Сургута // Барсова Гора: 110 лет археологических исследований. – Сургут: МУ ИКНПЦ «Барсова Гора», 2002. – С. 141–146.

Марченко Ж.В. Культурная принадлежность, хронология и периодизация археологических памятников среднего течения р. Тары: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2009. – 27 с.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 174 с.

Молодин В.И. Послание из новокаменного века // Наука из первых рук. – 2012. – № 3. – С. 14–19.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Борzych К.А., Марочкин А.Г. Исследование поселения кротовской культуры Венгерово-2 и открытие неолитического могильника Венгерово-2А // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 199–205.

Молодин В.И., Полосьмак Н.В. Венгерово-2 – поселение кротовской культуры // Этнокультурные явления в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1978. – С. 17–29.

Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балужева Т.С. Неолитические могильники Северной Барабы. – Новосибирск: Наука, 1989. – 104 с.

Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. – М.: Наука, 1980. – 220 с.

Чемякин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. – Сургут-Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. – 224 с.

Чернецов В.Н. К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. – М.: Наука, 1968. – С. 41–53.

Чикишева Т.А., Зубова А.В., Поздняков Д.В. Характеристика палеоантропологических материалов из неолитического погребения на поселении Венгерово-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 259–264.

**ФАУНИСТИЧЕСКИЕ ОСТАТКИ
ИЗ МНОГОСЛОЙНОГО ПОСЕЛЕНИЯ САГАН-НУГЭ
(ОЗЕРО БАЙКАЛ)***

В последние годы изучению фаунистических материалов с археологических объектов побережья оз. Байкал уделяется большое внимание, связанное с построениями моделей реконструкции систем жизнеобеспечения древнего населения [Горюнова, Оводов, Новиков, 2007; Номоконова, Лозей, Горюнова, 2009; Номоконова и др., 2011; Номоконова, Горюнова, 2012 и др.]. В этом плане значительный интерес представляют комплексы (даже небольшие по количеству материалов) стратифицированных и, особенно, многослойных памятников. В предлагаемой статье изложены полные результаты анализа костных остатков с многослойного поселения Саган-Нугэ, полученные в результате раскопок 1982, 1983, 1990, 1994, 1997 и 2006 гг. (О.И. Горюнова), выполненные Т.Ю. Номоконовой.

Многослойное поселение Саган-Нугэ находится в одноименной бухте ЮВ побережья залива Мухор Малого моря оз. Байкал, в 4 км к СЗ от п. Сахюртэ (МРС). Местонахождение открыто Б.Э. Петри в 1916 г. Первые раскопки проведены отрядом Иркутской экспедиции ЛО ИА АН СССР (Ю.Д. Баруздин) в 1959 г. (выделен один культурный слой). Многослойность объекта определена в 1982 г. в результате работ Маломорского отряда Комплексной археологической экспедиции Иркутского госуниверситета (Н.А. Савельев, Г.А. Воробьева, О.И. Горюнова). Стационарные раскопки проводились тем же отрядом в 1983, 1990 гг. (О.И. Горюнова). Небольшие работы выполнялись отрядами экспедиции Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН – ИГУ в 1994, 1997 и 2006 гг. (О.И. Горюнова). Археологические комплексы привязаны к темным гумусированным слоям, отделенным друг от друга стерильными прослойками. Мощность рыхлых отложений, включающих культурные остатки, 3–4 м. Выделено 11 культурных слоев, датируемых: XI–VI – разными периодами мезолита, V–III – неолитом, II и I – бронзовым и железным веками соответственно.

Исследованные фаунистические материалы не многочисленны и представлены 1 259 костями. Из них 22 % фаунистических остатков недиагностичны и 57 % отнесены только к классам млекопитающих и рыб (см. *таблицу*). Среди млекопитающих определены копытные (благородный олень,

*Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (№ П363).

Видовое определение животных со стоянки Саган-Нугэ

Таксон	Название	Культурный слой											Всего
		XI	X	IX	VIII	VII	VI	V	III	II	I		
Mammalia (неопределимые)	Млекопитающие	187	90	15	35	14	214	6	17		4	582	
Mammalia (крупные)		2			2							4	
Artiodactyla	Парнокопытное	4				1						5	
Artiodactyla (крупные)			2									2	
Artiodactyla (небольшого размера)		2				1						3	
Equus spp.	Род лошадей	1										1	
Cervidae	Семейство оленей	1	6	1						1		9	
Cervidae (крупные)			4	1								5	
Cervus elaphus	Благородный олень	1										1	
Capreolus pygargus	Косуля						3	1				4	
Caprinae	Семейство коз и овец	3		1								4	
Sus scrofa	Кабан		3									3	
Phoca sibirica	Байкальская нерпа	1	15			25			1			42	
Lepus spp.	Род зайцев		1									1	
Urocitellus undulatus	Суслик		3									3	
Anatidae	Семейство уток		1									1	
Esox lucius	Щука						8					8	
Perca fluviatilis	Окунь						8	1				9	
Acipenser b.baicalensis	Осетр	65	59	30	2							156	
Cyprinidae	Семейство карповых						3					3	
Pisces (неопределимые)	Рыбы			2			137					139	
Неопределимые		126	148									274	
Всего		393	332	50	39	14	400	8	18	1	4	1259	

косуля, коза/овца, лошадь, кабан), нерпа, заяц и суслик. Остальные отнесены к уровню семейства оленьих и отряду парнокопытных. Также найдена кость от семейства уток. Кости рыб принадлежат осетру, окуню, щуке и представителям семейства карповых. Следы разделки животных и погрызы единичны. Более чем 19 % костей – со следами жжения особенно в слоях мезолита.

Материалы XI слоя (радиоуглеродные некалиброванные даты, полученные по сажистой почве, – $9\,815 \pm 80$ (СОАН-3058) и $9\,360 \pm 95$ (СОАН-3337) л.н.). Костный материал составил 393 экз. (см. *таблицу*). Преобладают неопределимые битые кости (313 экз.). В числе определимой фауны: 2 фрагмента подработанного рога от благородного оленя и представителя семейства оленьих, головка левой лопатки, дистальная часть лучевой и проксимальная часть локтевой костей от представителя семейства коз или овец, лопатка лошади, дистальный и проксимальный фрагменты метаподии среднего парнокопытного, 4 обломка зубов парнокопытных, фрагмент клыка нерпы, эпифиз и проксимальная часть плечевой кости крупного млекопитающего. На 69 фрагментах зафиксированы следы жжения: на зубе парнокопытного, дистальной части метаподии среднего парнокопытного, сесмоиде и 67 неопределимых костей млекопитающих. На одном эпифизе млекопитающего отмечены следы порезов от разделки животного. В слое найдено 65 фрагментов костей осетра.

Остатки фауны X слоя зафиксированы в скоплениях вокруг кострищ. Всего отмечено 332 фрагмента (см. *таблицу*); преобладают битые неопределимые кости (238 экз.). В числе определимых костей: обломок верхней челюсти зайца, 15 костей нерпы от минимум двух особей, из которых одна – до 8 лет, судя по степени сращения эпифизов (среди элементов – 2 фрагмента черепа, зуб, 5 ребер, 2 обломка позвонков, тазовая и большая берцовая кости, метаподия, кость запястья и фаланга), 6 фрагментов рога (один из них с подработкой) представителей семейства оленьих, два фрагмента рога (один с подработкой), проксимальная часть метакарпала (обломок вкладыша) и дистальная часть метаподии (следы погрыза хищником) представителей семейства оленьих крупного размера, фрагмент метаподии и два резца кабана, астрагал и фаланга крупного парнокопытного, 2 фрагмента черепа и бедренная кость суслика, правая локтевая кость представителя семейства уток и 59 костей осетра. Часть костей сильновидоизменены в результате изготовления орудий. На 73 фрагментах отмечены следы жжения (19 – от осетра и 54 неопределимых костей млекопитающих).

Комплекс IX слоя (радиоуглеродная дата (по почве) – 8620 ± 65 (СОАН-4011) л.н.). Кости представлены 50 фрагментами, из которых 15 недиагностичных обломков млекопитающих и 2 рыб (см. *таблицу*). Определимая фауна состоит: из правого метакарпала представителя семейства коз или овец, левой кости запястья и фрагмента обработанного рога представителя оленьих и 30 костей осетра.

Культурные комплексы VIII–VI слоев (радиоуглеродная дата (по почве) по VIII слою – 7620 ± 900 (СОАН-3056) л.н.). Археологический материал планиграфически сконцентрирован отдельными пятнами, центральными элементами которых являлись очаги или кострища. В комплексе VI слоя обнаружены хозяйственно-бытовые ямы, заполненные костями рыб. Возможно, они представляли собой ямы для хранения или консервации рыб в заквашенном виде. Всего в слоях финального мезолита обнаружено 453 остатка фауны, большую часть из которых (400 экз.) составляют неопределимые фрагменты (см. *таблицу*). К млекопитающим относятся 295 кости, к ихтиофауне – 158. Среди млекопитающих определены: 3 кости запястья косули, проксимальная часть метоподии парнокопытного, трубчатая часть метаподии среднего парнокопытного, фрагменты трубчатой кости и черепа крупного млекопитающего, 25 костей нерпы (4 фрагмента черепа, 12 зубов, 5 фаланг, 2 локтевые, лучевая и большая берцовая кости) от минимума одной особи. По дентину клыка нерпы определен ее возраст – более 4 лет [Weber et al., 1998]. Это подтверждается также несросшимся дистальным эпифизом лучевой кости и проксимальных эпифизов ее фаланг (приблизительно между 4 и 8 лет) [Stora, 2000].

В числе 263 неопределимых костей млекопитающих: обломки черепа (9 экз.), фрагменты трубчатых костей (14 экз.), и костяных изделий (9 экз.). На некоторых костях отмечены следы жжения (на 88 недиагностичных костях млекопитающих, 6 – щуки и 5 – неопределимых рыб). Практически все остатки рыб – из VI слоя; они принадлежат: 8 – окуню, 8 – щуке, 3 – семейству карповых и 137 – неопределимые фрагменты, включая 55 ребер и 5 позвонков. В VIII слое зафиксировано 2 жучка осетра.

Комплексы верхних слоев (V–I) поселения Саган-Нугэ немногочисленны (см. *таблицу*), что, вероятно, свидетельствует о малом использовании бухты в периодах неолита – железного века. Общее количество фауны V слоя – 8 экз. (фрагмент верхней челюсти косули, нижняя челюсть окуня и 6 неопределимых костей млекопитающих), III слоя – 18 экз. (фрагмент левой локтевой кости нерпы и 17 недиагностичных костей млекопитающих). В слое II (бронзовый век) найден фрагмент метакарпала от крупного представителя оленых, а в слое I (железный век) – 4 неопределимых кости млекопитающих.

В целом бухта Саган-Нугэ использовалась древним человеком с периода среднего мезолита; ее наиболее активное освоение отмечено в течение всего раннего голоцена. Судя по остаткам костей, мезолитическое население занималось рыболовством, охотой на диких копытных, нерпу, зайцев и птиц. Вероятно, поселения использовались как временные стоянки, преимущественно для рыболовства. Это подтверждается их расположением в удобной для этого промысла мелководной бухте, наличием ихтиофауны и орудий рыболовства [Номоконова, Лозей, Горюнова, 2009; Номоконова, Горюнова, 2012]. Среди добываемых рыб преобладает осетр; присутствуют окунь, щука, представитель семейства карповых. Последние виды

являются круглогодичными обитателями мелководных зон Малого моря и подразумевают постоянное прибрежное направление рыболовного промысла.

Несомненно, что охота играла значительную роль в хозяйственной деятельности населения. Среди костей млекопитающих присутствует несколько видов копытных (благородный олень, косуля, лошадь, представители семейства коз и овец, кабан), нерпа и род зайцев. Птицы немногочисленны (представитель семейства уток). В количественном отношении млекопитающие представлены единичными особями, что указывает, вероятно, на случайное добывание животных, а не специализированное направление. На протяжении всего раннего голоцена не наблюдается какого-либо изменения в добывании тех или иных видов животных. Население занималось рыболовством, охотой на нерпу, копытных и других млекопитающих, а также птиц, характеризуя комплексное использование природных ресурсов [Номоконова, Горюнова, 2012].

Список литературы

Горюнова О.И., Оводов Н.Д., Новиков А.Г. Анализ фаунистических материалов с многослойного поселения Тышкинэ III (оз. Байкал) // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. – Иркутск: Оттиск, 2007. – Т. 1. – С. 168–174.

Номоконова Т.Ю., Горюнова О.И. Промысловая деятельность населения раннего голоцена Приольхонья (оз. Байкал) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. – Вып. 3, ч. 1. – С. 94–102.

Номоконова Т.Ю., Горюнова О.И., Лозей Р.Дж., Савельев Н.А. Использование бухты Улан-Хада на озере Байкал в голоцене: по результатам анализа фаунистических материалов // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – № 46. – С. 30–36.

Номоконова Т.Ю., Лозей Р., Горюнова О.И. Реконструкция рыбного промысла на озере Байкал (анализ ихтиофауны со стоянки Итырхей) // РА. – 2009. – № 3. – С. 12–21.

Stora J. Skeletal development in Grey seal *Halichoerus gryps*, the Ringed seal *Phoca hispida botnica*, the Harbour seal *Phoca vitulina vitulina*, and the Harp seal *Phoca groenlandica*: epiphyseal fusion and life history // Archaeozoologia. – 2000. – № XI. – P. 199–222.

Weber A., Link D.W., Goriunova O.I., Konopatskii A.K. Patterns of prehistoric procurement of seal at Lake Baikal: a zooarchaeological contribution to the study of past foraging economies in Siberia // J. of Archaeological Science. – 1998. – Vol. 25. – P. 215–227.

НОВЫЙ ВИД ПЛЕЙСТОЦЕНОВОГО ВОЛКА – CANIS SUBTILIS (N. OV.)

Известного всем серого волка (*Canis lupus* L.) Карл Линней описал как вид в 1758 году. В последующее время палеонтологи дали несколько описаний «ископаемых» видов рода *Canis* в Северной Евразии древностью от раннего плейстоцена до голоцена. Нельзя сказать, чтобы основанием для описаний большинства этих новых видов служили полноценные материалы.

Анализ ископаемых остатков волков из пещер Разбойничья, Белый Город и, главным образом, из пещеры Фанатиков позволили обособить новый вид волка.

Пещера Фанатиков открыта в 1970-х годах. Расположена она в Аскизском районе Хакасии и приурочена к Саксырскому карстовому участку в междуречье рр. Бейки и Большие Сыры, притоков Базы и Камышты. Координаты входа 53° 19' 45 "с.ш. и 90° 20' 193" в.д. Малоприметный горизонтальной формы вход в полость размером 70 x 25 см находится на привершинной части Саксырского хребта. 15-метровой длины наклонный тесный канал приводит к 8-метровому отвесу, после которого попадаешь в основной грот Стрела. Отсюда через узкое отверстие можно проникнуть в соседний Тронный зал, – основное место скопления плейстоценовых остатков млекопитающих в приповерхностном слое грунта. Среди животных среднего и крупного размера удалось собрать в 1983 году кроме костей волков, включая типичных *Canis lupus*, остатки бизона (определение С.К. Васильева), лисицы, пещерной гиены, соболя, лошади, косули, марала. Тафономическая картина полностью не ясна. Понятно, что попавшие в эту природную ловушку звери не могли выбраться наружу. На ряде костей, в том числе и «нашего героя» заметны следы зубов, скорее всего также волчьих. Ни одной радиофизической даты по ископаемым костям зверей из пещеры Фанатиков, к сожалению, пока нет. Судя по внешнему облику, костные остатки волков из поименованной пещеры имеют геологический возраст не менее 40–50 тыс. лет. Костное вещество их плотное темно-серого цвета, эмаль зубов гладкая и имеет темно-серую, но более насыщенную окраску.

Описание и сравнение. Из рассматриваемых черепов (*maxilla*) взрослых волков большая часть, полученная при раскопках Разбойничьей пещеры, по морфологическим особенностям вполне соответствуют виду *Canis lupus*.

Промеры верхней челюсти *C. subtilis* N. Ov. из пещеры Фанатиков
и плейстоценовых *C. lupus* L. из Разбойничьей пещеры (Алтай)

Наименование промеров, мм	<i>Canis subtilis</i>	<i>Canis lupus</i>
Длина кондило-базальная	216,0	219,0 – 226,7 – 235,0
Длина мозгового отдела	101,3	108,0 – 112,2 – 116,0
Длина лицевого отдела	132,4	135,5 – 139,5 – 145,0
Нёбная срединная длина	113,2	117,2 – 120,1 – 121,0
C1/ - M2/	95,9	100,7 – 103,9 – 108,0
P1/ - M2/	81,0	83,0 – 86,4 – 90,1
Длина M2/	8,4	11,0 – 12,2 – 14,6
Максимальная ширина мозговой капсулы	64,0	67,0 – 68,9 – 71,0
Скуловая ширина	119,0	131,0 – 138,7 – 144,0
Заглазничная ширина	37,0	41,0 – 43,3 – 45,0
Ширина в орбитах	38,9	42,0 – 46,2 – 51,0
Ширина в подглазничных отверстиях	46,4	49,0 – 52,4 – 54,2
Между наружными краями P2/	42,5	46,9 – 50,9 – 54,7
P4/ - P4/	75,7	81,5 – 83,4 – 86,6
Ширина в клыках	41,7	46,0 – 48,6 – 51,0
Диаметр глазницы	29,7	32,5 – 34,8 – 38,5
От Basion до верхней час- ти мозговой капсулы	54,2	60,4 – 65,4 – 67,4
Длина/ширина основания коронки клыка	11,2/7,0	13,0/8,1 – 14,3/9,1 – 15,3/10,1
Высота/ширина хоан	9,9/18,3	12,0/18,7 – 12,6/21,3 – 14,3/23,0
Объем мозговой полости (мл)	115	148,0 – 166,2 – 180,0

В отличие от них своеобразный череп и его же нижние челюсти из пещеры Фанатиков (Ф-1) имеет много особенных черт, не позволяющих отнести их к виду *C. lupus*. В частности, узкие скулы определяют особый формат черепа (отношение скуловой ширины к кондило-базальной длине). У образцов *C. lupus* из алтайской пещеры, которые имеют широко расставленные массивные скуловые дуги, формат соответствует 66,89 %; 67,46 %; 62,98 % и 65,16 %. Тогда как у субтильного он равен 58,3 %.

К отличительным особенностям верхней и нижней челюсти нового вида можно отнести и ряд других признаков. В частности, по 20 параметрам верхней челюсти и 8 нижней, Ф-1 полностью уклоняется от типичных

Нижние челюсти *C. subtilis* (пещера Фанатиков)
и *C. lupus* (пещера Разбойничья)

Наименование промеров, мм	Пещера Фанатиков	Пещера Разбойничья
Полная длина челюсти	166,0	172,0 – 180,2 – 189,0
От переднего края челюсти до углового отростка	164,7	170,0 – 173,0 – 176,0
От переднего края челюсти до выемки между угловым и суставным отростками	157,1	165,3 – 171,3 – 179,0
От заднего края коронки клыка до выемки между суставным и угловым отростками	135,1	138,0 – 147,6 – 156,0
От заднего края коронки клыка до углового отростка	143,0	149,2 – 151,3 – 155,0
Высота челюсти между угловым и венечным отростками	66,1	69,0 – 71,1 – 74,5
Высота челюсти между Р / 2 и Р / 3	23,2	23,1 – 26,1 – 29,0
Длина/ширина основания коронки клыка	11,0/7,8	11,0/8,0 – 13,7/9,9 – 15,2/11,5

серых волков. Таким образом, по ряду морфологических и морфометрических особенностей хакасский череп из пещеры Фанатиков существенно иной по сравнению с условно геологически одновозрастными образцами из Разбойничьей пещеры.

Из-за уменьшенных пропорций мозговой капсулы у нового вида объем ее составляет 115 мл. В то время как у обычных плейстоценовых волков из Разбойничьей пещеры подобный признак выражен следующими цифрами: 148, 157, 168, 178 и 180 мл.

Из характерных особенностей нового вида нельзя не упомянуть размеры отдельных зубов и их систему. К примеру, клыки, как основное орудие схватывания и задержания добычи, по размерам основания их коронок легко охарактеризовать следующими цифрами (см. данные в таблицах), что указывает на явный проигрыш нового вида, как хищника, в сравнении с типичным *C. lupus*.

Отчетливо видна разница в длине C1/ – P4/ у черепа из Хакасии (76,5 мм) в сравнении с одновозрастными ему черепами серых волков из Разбойничьей пещеры (81,1 – 84,2 – 87,7 мм.). К тому же мы видим наличие свободных промежутков между зубами у нового вида от клыка до P4/ включительно. Сумма длин коронок клыка нового волка и премоляров = 56,9 мм. Отношение длины суммы указанных коронок зубов к длине C1/-P4/ равна 74,6 %, что подтверждает наличие хиатусов. У образцов нашей коллекции из Разбойничьей пещеры аналогичные цифры, свидетель-

ствующие о большей сомкнутости зубных коронок, следующие (%): 91,28; 103,3; 96,79; 94,53; 91,1. То есть, у серых волков из алтайской пещеры зубы примкнуты плотно друг к другу и иногда даже «кулисообразно» заходят друг за друга.

M1/ черепа из Фанатиков существенно менее вытянут в ширину по сравнению с таковыми волков из Разбойничьей пещеры. Соотношение его длины с шириной у Ф-1 равно 87,79 %, в то время как у образцов из Разбойничьей пещеры (n = 5) этот признак составляет 71,49–76,18–79,78 %. Видимо, за 40–50 тыс. лет произошли заметные изменения в пропорции коронки M1/. Эволюционно-физиологическая цель этой акции не ясна.

Особый интерес среди коллекции нижних челюстей субтильных волков из Разбойничьей пещеры представляют два не полностью сохранившихся образца обеих половин, принадлежавших одной взрослой особи, глубина залегания которых от поверхности грунта – 260 см. То есть, эти находки существенно древнее найденных там остатков обыкновенных серых волков).

Систематическая часть

Отряд *Carnivora* Bowdich, 1821.

Семейство *Canidae* G. Fischer, 1817.

Вид *Canis subtilis* N. Ov. sp. n.

Диагноз. Относительно мелкий в сравнении с обычным *Canis lupus* субтильный волк обладал рядом своеобразных признаков. В частности, по 20 параметрам верхней челюсти и 8 нижней существенно удаляется в меньшую сторону от серых волков. Такое же отличие имеет и формат черепа равный 58,3 %; у серых волков соответственно 62,98–67,46 %. Объем головного мозга у *C. subtilis* – 115 мл, против такового более крупного у ископаемых *C. lupus* – 148–180 мл. Клыки и премоляры на верхней и нижней челюстях заметно уплощены и уменьшены в размерах.

Коронка M1/ имеет уменьшенную ширину; ее отношение к длине зуба составляет 87,79 %, тогда как у серых плейстоценовых волков подобные пропорции (n = 5) находятся в пределах 71,49–79,78 %.

Голотип. Красноярский краевой краеведческий музей № КККМ 12380-1 о/ф. Верхняя и две нижних челюсти хорошей сохранности с полными рядами зубов, а также серия костей посткраниального скелета из пещеры Фанатиков (Хакасия).

Паратипы. Фрагменты двух нижних плейстоценовых челюстей из пещеры Разбойничья (Алтай) и нижняя челюсть примерно такой же древности из пещеры Белый Город (окрестности Красноярска).

Экологические заметки. Несмотря на биологически почтенный возраст черепа нового вида волка (полная облитерация швов), конуса предкоренных зубов и верхушки его клыков не имеют следов сношенности, также как и образцы данного вида из Разбойничьей пещеры и пещеры Белый Город, что не характерно для взрослых *C. lupus* из нашей коллекции. У серых

волков и, особенно у пещерных гиен в процессе поедания добычи естественный абразив в виде песка и супесей способствовал стиранию (уплощению) коронок зубов. Подобного явления не удастся наблюдать у кошек и лисиц в их преклонном возрасте. Отмеченный факт для *C. subtilis* дает основание предположить, что представители этого вида, условно говоря, использовали «лисий тип» питания. При этом они не стремились разгрызать прочные кости своих жертв (не отмечено ни одного прижизненного повреждения зубов).

Судя по соотношению длины голени (213,2 мм) и бедра (210,6 мм), так называемый «индекс резвости», «наш» волк был относительно тихоходный – 101,2 %. В отличие от него два голоценовых скелета серых волков из пещер южной части Средней Сибири дали цифры 105 % и 106,3 %. Заметно уменьшенное сечение у хакасского черепа Ф-1 хоанального отверстия, обеспечивавшего поступление кислорода в легкие, особенно в процессе преследования убегающей жертвы, – дополнительное свидетельство отличия этого вида от ординарного серого волка. Таким же самым признаком может быть и уменьшенный диаметр глазницы.

Одновременное обитание *C. subtilis* с *C. lupus* в сходных экологических нишах не позволило вновь открытому виду преодолеть позднплейстоценовую эпоху.

Географическое распространение и возраст. Алтай, Хакасия, западные отроги Восточных Саян. Средний – поздний плейстоцен.

Название виду дано ввиду сублильного строения черепа его обладателя.

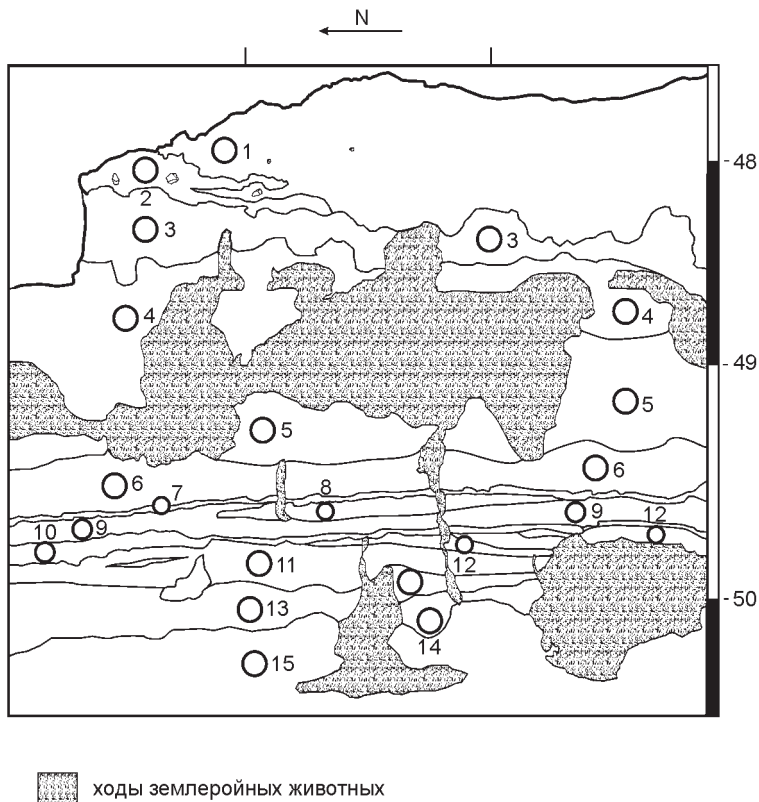
УТОЧНЕНИЕ СТРАТИГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА СТОЯНКЕ УСТЬ-КЯХТА-3 (ЗАПАДНОЕ ЗАБАЙКАЛЬЕ)*

Памятник Усть-Кяхта-3 располагается на окраине с. Усть-Кяхта Кяхтинского района Республики Бурятия. В географическом отношении это территория правого берега р. Селенги, которая в этом месте делает крутой поворот и имеет четкое направление течения на север. Территория памятника имеет естественные ограничения в виде реки на западе и скальных обнажений на севере и востоке. Стоянка была обнаружена в 1947 г. в результате работ Бурят-Монгольской археологической экспедиции, возглавляемой А.П. Окладниковым. Раскоп 1976 и 1978 гг. выявил залегание материала в двух культурных слоях с радиоуглеродными датами $11\,505 \pm 100$ и $12\,595 \pm 150$ л.н. для 1 и 2 культурных слоев соответственно. Памятник был определен А.П. Окладниковым как двухслойное поселение эпохи мезолита. Однако предварительный анализ на новом этапе работы с коллекцией стоянки выявил значительное сходство каменных индустрий выделенных исследователем двух культурных слоев. Это, учитывая принятую методику раскопок (разборка отложений велась совками, параллельными снятиями по 10 см) [Окладников, 1979], потребовало проведения дополнительных раскопочных работ для уточнения стратиграфического контекста залегания археологического материала.

Раскоп 2012 г. представляет собой зачистку южной стенки раскопа 1978 г., а также зачистку смежного с ней участка, ориентированного по линии север-юг (восточная стенка). Общая вскрытая площадь составила $13,5\text{ м}^2$. Описание стратиграфических подразделений производилось сверху вниз по восточной стенке. В случае, когда данные восточной стенки не отражали всю картину, были привлечены данные южной стенки раскопа. В результате, в процессе уточняющих раскопок была выявлена следующая стратиграфическая ситуация (см. *рисунок*).

Слой 1. Современная почва. Представлена супесью коричнево-бурого цвета с высоким содержанием разноразмерных обломков сланца и гнейса, скорее всего – продуктами разрушения расположенных на северо-восток от стоянки выходов скальных обнажений. Мощность слоя неравномерна: в местах интенсивного разрушения склона она состав-

*Работа выполнена в рамках проектов РФФИ (№ 11-06-12003 офи-м, 12-06-31235 мол_а, 12-06-33041 мол_а_вед).

Разрез восточной стенки раскопа 2012 г. памятника Усть-Кяхта-3.

ляет не более 10 см, тогда как в других – доходит до 60 см. Средняя мощность слоя 30–40 см.

Слой 2. Представлен четко выраженной линзой дресвы и щебня. На одних участках слой представлен единым массивом мощностью до 17 см, на других – имеет вид двух отдельных щебнисто-дресвянистых линз мощностью 4–6 см. Доля обломочного материала составляет около 60 %, заполнителем является крупнозернистая супесь. Слой демонстрирует небольшое падение в пределах 10–15 % с севера на юг, что является нетипичным для общей направленности слоев, имеющих слабый уклон в обратном направлении – с юга на север.

Слой 3. Представлен сильно опесчаненной супесью с небольшим количеством дресвы – до 10–15 %. Имеет серый с бурым оттенком цвет заполнителя и рыхлую, пористую структуру. Четко отбивается от слоя 4 по цветности заполнителя. Слой имеет мощность до 50 см, однако представлен на стенке фрагментарно по причине наличия в ее центре крупного хода землеройных животных (суслики и тарбаганы).

Слой 4. Заполнен тонкозернистой супесью с большой примесью пылеватой фракции. Представляет собой монотонную пачку серо-желтого цвета, в подошве которой локализуется окаربоначенная прослойка, слабо представленная в северной части стенки и очень четко выраженная в южной ее части. Средняя мощность слоя 20 см, максимальная – до 40 см. Слой представлен фрагментарно по причине крупного хода землеройных животных в центре стенки, что препятствует определению падения слоя.

Слой 5. Залегает непосредственно под окаربоначенной подошвой слоя 4. Представлен коричневой средне-плотной, слабо опесчаненной монотонной супесью без видимых включений. Имеет мощность от 10 до 30 см на разных участках стенки с средней мощностью около 20 см. Залегает субгоризонтально по всей видимой протяженности.

Слой 6. Представлен заполнителем в виде белесо-серой плотной супеси с большой долей пылеватой фракции, имеет многочисленные мелкие карбонатные включения, равномерно распределенные по всей мощности слоя, которая варьирует от 7 до 15 см. Наблюдается небольшое падение слоя порядка 10–15 % в направлении с юга на север, характерное и для всех нижележащих слоев.

Слой 7. Представлен тонкозернистой гумусированной супесью темно-серого цвета с выраженным сизым оттенком, без каких-либо видимых включений. Имеет очень четкие границы с выше- и нижележащими слоями по цветности заполнителя. Мощность слоя от 1–2 см до 5–6 см. Слой имеет падение в направлении с юга на север порядка 10–20 %, особенно выраженное в северной части восточной стенки. На отдельных участках слой 7 прерывается ходами землеройных животных, однако фиксируется по всей протяженности стенок иногда слабовыраженным сизоватым слоем.

Слой 8. Является линзовидным включением в теле слоя 9. Представлен очень светлой, белесо-серой плотной супесью с мелкими (до 0,5 см) окаربоначенными включениями. Обломочный материал визуальнo не отмечается. Слой имеет мощность 5–7 см.

Слой 9. Представлен средне-плотной супесью коричневого цвета с редкими обломочными включениями (до 1 см), не образующими каких-либо скоплений и равномерно распределенных по всей мощности слоя, составляющей на всей его протяженности около 12–15 см.

Слой 10. Представлен тонкодисперсной гумусированной супесью. Имеет цвет от темно-коричневого с серым оттенком до черного. Наиболее интенсивную окраску слой имеет в подошве и кровле, средняя часть окрашена менее интенсивно. В слое встречаются редкие разрозненные дресвянистые включения и небольшие (до 1 см) кусочки угля. Границы слоя четкие, но рваные. Мощность слоя составляет от 10–12 см в северной части стенки до 3–4 см в южной ее части. По всей мощности слоя фиксируется археологический материал. В кровле слоя это единичные артефакты, в подошве и на контакте со слоем 11 его концентрация значительно увеличивается. Эти наблюдения позволяют проводить прямые аналогии с

описанием стратиграфической ситуации памятника А.П. Окладниковым, который также указывал, что культурный слой 1 связан с гумусированным горизонтом [1977].

Слой 11. Представлен супесью светло-коричневого цвета с сероватым оттенком. Фиксируются редкие включения мелкообломочного материала и мелких угольков, а также железистые включения охристо-коричневой окраски. Границы с нижележащими слоями 12 и 13 расплывчаты. Мощность слоя составляет около 20 см. Археологический материал фиксируется по всей мощности слоя, однако наибольшей концентрации достигает в кровле, и постепенно сходит на нет к подошве.

Слой 12. Представляет собой округлые линзы в теле слоя 11. Сильно карбонатизированная супесь от светло-серого до белесого цвета, насыщенная щебнистым материалом: обломками гнейса и фрагментами светло-зеленой сланцевой плитки. Мощность колеблется от 2 до 15 см, однако границы слоя четко отбиваются по наличию мелких карбонатных включений.

Слой 13. Представлен средне-плотной супесью светло-коричневого цвета с сероватым оттенком. Редкие обломочные включения до 1 см равномерно распределены по всей мощности слоя, составляющей около 20 см. Кроме включений щебня в слое фиксируются редкие гальки (до 5 см в наибольшем измерении) рыже-коричневого цвета, отмеченные и в отчете 1977 г. для слоя, выделенного исследователем как горизонт, подстилающий второй культурный слой [Там же]. В теле слоя фиксируются единичные артефакты средних размеров.

Слой 14. Представлен сильно опесчаненной супесью белесовато-серого (с преобладание белесого) цвета с редкими окаربонатыми включениями. Мощность слоя составляет от 10 до 27 см. Слой представлен крайне фрагментарно в центральной части стенки, что не позволяет проследить характер его залегания.

Слой 15. Представлен белесо-серым мелким речным песком с выраженной косою слоистостью, что в целом, коррелируется с нижней пачкой отложений, описанной А.П. Окладниковым как «осадки озерного типа с ленточной слоистостью» [1979, с. 3]. Обломочный материал присутствует, но крайне редок. Прослеживается общее падение слоя с востока на запад около 20 %. Граница со слоем 14 выраженная, но рваная. Видимая мощность слоя – 45–50 см.

Полученная в ходе раскопок археологическая коллекция на настоящий момент находится в обработке. При этом общий облик индустрии, наличие нескольких руководящих изделий (3 экз. торцовых клиновидных нуклеусов, множество полученных с них микропластин, серия проколов на микропластинах) позволяет с уверенностью утверждать, что раскопом 2012 г. была вскрыта часть культурного слоя, зафиксированного в ходе предыдущих раскопок.

Таким образом, проведенные исследования позволили сделать ряд выводов:

– культурный слой финальнопалеолитического времени залегает на контакте литологических слоев 10 и 11. К этому уровню приурочены крупные скопления (до 100 предметов) горизонтально залегающих артефактов, крупные фрагменты костей, небольшие фрагменты древесного угля. Наличие редких артефактов в кровле 10 и в подошве 11 слоев объясняется, вероятно, малой плотностью отложений данной пачки и незначительными постдепозиционными перемещениями;

– редкие разрозненные артефакты, залегающие в отложениях слоя 12, не составляют отдельного культурного слоя. Вероятно, более корректным будет говорить об отдельном горизонте залегания находок, связь которого с вышележащим культурным слоем еще предстоит установить;

– предложенная ранее интерпретация стратиграфического контекста залегания культурных останков, согласно которой на стоянке присутствует два культурных слоя, разделенных стерильной прослойкой, не подтвердилась. При этом нельзя исключать, что на участке стоянки, более приближенном к реке, могло присутствовать несколько культурных слоев, а в раскопе 2012 г. они фиксируются в состоянии компрессии. Однако полное сходство индустрий двух слоев Усть-Кяхты-3 (раскопки 1976 и 1978 гг.), подтвержденное в том числе и археологическим материалом 2012 г., позволяет рассматривать всю коллекцию Усть-Кяхты-3 как единый комплекс, демонстрирующий единый вариант развития материальной культуры.

Список источников

Окладников А.П. Отчет об исследовании палеолитического поселения Усть-Кяхта в 1976 г. – Новосибирск, 1977 (рукопись).

Окладников А.П. Научный отчет о раскопках стоянки Усть-Кяхта 1 (Кяхтинский район БурАССР) в 1978 г. – Новосибирск, 1979 (рукопись).

ИССЛЕДОВАНИЕ ФИНАЛА СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА СТОЯНКИ ДАРВАГЧАЙ-ЗАЛИВ-1 В 2012 ГОДУ*

Стоянка Дарвагчай-залив-1 была открыта в 2007 г. в ходе разведочных археологических изысканий Кавказского палеолитического отряда ИАЭТ СО РАН, во время обследования береговых обнажений и отmelей небольшого залива в районе селения (кутана) Кудагу на правом берегу Геджухского водохранилища (Дербентский район, Республика Дагестан) [Деревянко и др., 2007].

Памятник (координаты: 42°07'36.7" с.ш., 048°01'51.2" в.д.) расположен на крутом юго-западном склоне останца древнекаспийской террасы [Деревянко и др., 2009б]. Верхняя часть террасы имеет неровную распаханную поверхность, абсолютная высота колеблется в пределах 154–167 м. Высота склона в районе памятника от уреза водохранилища составляет 40 м. Склон местами задернован, покрыт луговой растительностью и редким кустарником. В нижней части склона, на высоте 11–14 м от уреза прослеживается прерывистая линия глыб монолитного ракушняка (бакинского возраста) переходящих в структурный уступ высотой до 4–5 м. Данные ракушники являются своеобразным стратиграфическим репером, позволяющим коррелировать геологические разрезы в долине реки Дарвагчай.

В 2009 г. на памятнике были проведены полномасштабные рекогносцировочные исследования, результатом которых явилось обнаружение четырех разновозрастных культурно-хронологических комплексов палеолитических артефактов [Там же].

Каменные артефакты *культурно-хронологического комплекса 1* были обнаружены на верхней, распаханной части террасы на территории, непосредственно примыкающей к памятнику. По своим технико-типологическим характеристикам полученные археологические материалы были отнесены к финалу среднепалеолитического времени [Деревянко и др., 2009а].

Основной задачей текущего полевого сезона явилось обнаружение артефактов *культурно-хронологического комплекса 1* залегающих в стратифицированном состоянии. В результате разведочных работ в шурфе, заложенном на небольшой площадке, на границе пашни, были обнаружены артефакты подобного облика. Впоследствии на месте шурфа был разбит

*Работа выполнена в рамках проектов РГНФ (№ 12-01-18000) и РФФИ (№ 11-06-12000-офи-м-2011).

раскоп общей площадью 70 кв. м. В ходе полевых исследований была вскрыта толща плейстоценовых отложений на глубину до 0,5 м от дневной поверхности.

Ниже приводится сокращенное описание разреза (сверху вниз).

Слой 1. Серо-коричневый легкий суглинок рыхлый, пористый, с редкими карбонатными стяжениями (\varnothing до 1 см) равномерно разбросанными по всей толще горизонта. Кровля слоя до 0,04 м слабо гумусированная имеет серый оттенок. Граница с нижележащим слоем четкая, относительно ровная, субгоризонтальная (падение в ЮЗ направлении). И.м. (истинная мощность) 0,3–0,4 м.

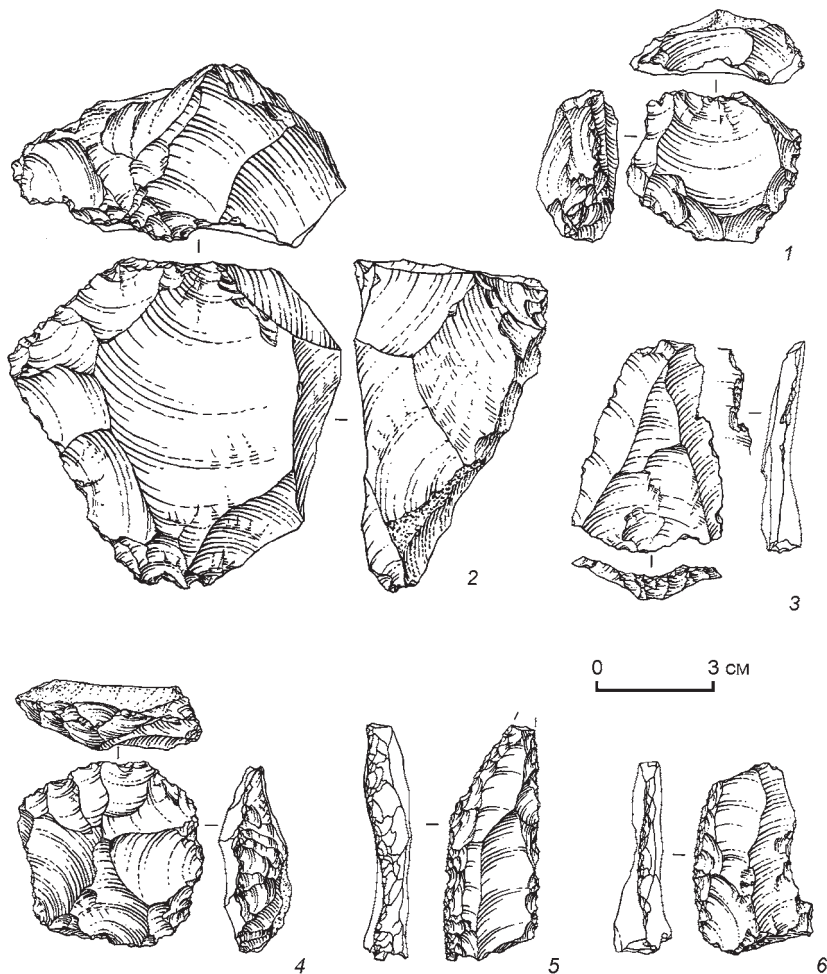
Слой 2. Желто-серая (в сухом состоянии белесая) лессовидная супесь. Слой сильно минерализованный, верхняя граница четкая неровная, имеет наклон параллельно склону. И.м. 0,3–0,4 м.

Археологические материалы залегают в слое 1 (серо-коричневый суглинок). Слой занимает четкую стратиграфическую позицию, контакт с ниже лежащим горизонтом четкий, волнистый. Данный литологический горизонт ориентирован параллельно склону, генезис отложений делювиально-эоловый. Каменные изделия равномерно расположены по всей мощности слоя, по условиям залегания хронологическое расчленение артефактов не представляется возможным. Всю полученную коллекцию следует рассматривать как единую индустрию. Образование данного литологического горизонта рассматривается как довольно длительный постепенный процесс, который происходил параллельно с накоплением археологических материалов. Этот процесс завершился после образования современной поверхности террасы.

Результаты полевых исследований 2012 г. позволяют с высокой долей уверенности говорить о том, что артефакты залегают в непотревоженном состоянии. Все предметы имеют очень хорошую сохранность поверхности, полностью отсутствуют следы забитости и выкрашенности на краях артефактов. В данном слое подавляющее большинство каменных изделий залегало в субгоризонтальной плоскости, очень мало предметов, обнаружено в вертикальном или сильнонаклонном положении. В процессе раскопок в разных местах были обнаружены аплицирующиеся артефакты.

Полученная коллекция насчитывает 742 артефакта: в том числе нуклеусы – 82 экз., нуклевидные обломки – 15 экз., технические сколы – 2 экз., пластинчатые сколы – 7 экз., пластины – 11 экз., отщепы – 439 экз., чешуйки – 42 экз., обломки и осколки – 144 экз. Орудийный набор (44 экз.) состоит из анкошей (2), зубчатого орудия, ножей (3), скребел-ножей (4), остроконечников (2), скребел (5), скребков (4) и отщепов с ретушью (23).

Обращает на себя внимание значительное количество нуклеусов (82 экз. – 11 % от общего числа предметов). В целом коллекция имеет ярко выраженный мустьерский облик. Первичное расщепление представлено леваллуаскими (см. *рисунк* 1, 2, 4) и одноплощадочными монофронтальными ядрищами параллельного принципа расщепления. Выразительными

Каменные артефакты со стоянки Дарвагчай-залив-1.
1, 2, 4 – нуклеусы; 3, 5 – остроконечники; 6 – нож-скребло.

сериями представлены удлиненные сколы и пластины. Среди остаточных площадок преобладают фасетированные и гладкие. Орудийный набор представлен в виде разнообразных скребел (см. рисунок, б), остроконечников (см. рисунок, 3, 5) и сколов с ретушью.

Полученная коллекция артефактов позволяет сделать несколько выводов. В качестве сырья для изготовления артефактов использовались кремненные песчаники и известняки в виде окатанных желваков, галек и их обломков. Поверхность изделий, без изменений или слабо выветренная, покрыта розовато-красноватой или бежевой патиной, а в некоторых случа-

ях толстой (до 1 мм) карбонатной коркой. Преобладают изделия средних размеров, артефакты выполнены из однообразного сырья, имеют одинаковую степень сохранности поверхности и изготовлены в единой технической традиции. По своим технико-типологическим характеристикам материалы *культурно-хронологического комплекса 1* соответствуют финалу среднепалеолитического времени. Об этом свидетельствует комплекс данных включающих типологический состав нуклеусов и орудий, характер первичного расщепления, а также применяемая техника скола. По совокупности признаков, в первую очередь, по наличию хорошо развитой леваллуазской техники (а в орудийном наборе – таких своеобразных изделий, как скребла-ножи на пластинчатых заготовках) и отсутствию бифасиальных изделий, данный комплекс наиболее близок инвентарю нижних археологических горизонтов стоянки Тинит-1 (Южный Дагестан), которые по данным абсолютного датирования имеют возраст (открытая дата) более 43 700 л.н. [Анойкин и др., 2011].

Учитывая, что в каменной индустрии *комплекса 1* памятника Дарвагчай-залив-1 полностью отсутствуют позднепалеолитические типы орудий и нуклеусов, можно предположить о немного более древнем возрасте комплекса в пределах хронологического интервала 50–60 тыс. л.н.

Особенности распределения каменного материала в геологическом горизонте, его качественная и количественные составляющие позволяют определить *культурно-хронологический комплекс 1* памятника Дарвагчай-залив-1 как многократно посещаемую кратковременную мастерскую-поселение.

Список литературы

Анойкин А.А., Лунева Д.Е., Ахтерьякова А.В., Борисов М.А. Исследования многослойной палеолитической стоянки Тинит-1 (Южный Дагестан) в 2011 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 4–9.

Деревянко А.П., Зенин В.Н., Лещинский С.В., Кулик Н.А., Зенин И.В. Исследования раннего палеолита в Южном Дагестане // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 78–79.

Деревянко А.П., Зенин В.Н., Рыбалко А.Г., Анойкин А.А. Археологические материалы финала среднего палеолита стоянки Дарвагчай-залив-1 (по материалам подъемных сборов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009а. – Т. XV. – С. 96–101.

Деревянко А.П., Зенин В.Н., Рыбалко А.Г., Лещинский С.В., Зенин И.В. Дарвагчай-залив-1 – новый многослойный памятник в Южном Дагестане // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009б. – Т. XV. – С. 106–111.

**ПОСЕЛЕНИЕ СОГОМ-41 –
НОВЫЙ ПАМЯТНИК ЭПОХИ НЕОЛИТА
В НИЖНЕМ ПРИИРТЫШЬЕ**

На сегодняшний день в таежной зоне Западной Сибири эпоха неолита является наименее изученным периодом древней истории. В левобережной части низовий Оби и Иртыша она представлена единичными памятниками или немногочисленными комплексами, полученными при раскопках многослойных памятников. Фактически каждое новое «открытие» неолитических древностей в северотаежных глубинных районах демонстрирует определенную «новизну» [Косинская, 2006].

В окрестностях д. Согом (Ханты-Мансийский район ХМАО-Югры) на сегодняшний день выявлено более 200 памятников археологии, относящихся к разным периодам древности и средневековья. Около 25 памятников из них датированы неолитом. В пределах микрорайона они концентрируются в устье р. Согом (левый приток Иртыша) и на восточном берегу оз. Домашний сор.

Следует отметить, что эта статистика носит достаточно условный характер, поскольку, большая часть объектов была отнесена к эпохе неолита, по аналогии с известными памятниками сопредельных районов. Часть памятников была датирована по керамике, собранной с поверхности или из шурфов: местонахождение Чебачий Бор-7, поселения Согом-14, -17, -39, -43 и др. [Морозов, 1993; Собољникова, Кузина, 2010]. Слой эпохи неолита был выделен В.М. Морозовым при раскопках городища Стариков Мыс I [Морозов, 1998].

В рамках данной работы представляются новые данные, полученные в ходе археологических исследований 2012 г. Одной из задач, поставленных перед экспедицией, была культурно-хронологическая атрибуция ряда археологических объектов, датировка которых по внешним признакам была затруднена. К таким памятникам относилось поселение Согом-41.

Поселение Согом-41 было выявлено в 2011 г. в ходе проведения мониторинга состояния и установления границ памятников археологии в районе д. Согом. Памятник располагается в урочище «Мыс Бор», на восточном берегу оз. Домашний Сор, в 2,1 км к ЮЗ от д. Согом. Урочище расположено на полуострове и занимает приподнятый участок берега, ограниченный с юга и востока болотами. В 1989 г. в северной части урочища в ходе разведки Н.Ю. Поршуковой были выявлены средневековые городища Согом-7, -8, -9, -10 [1991]. В ходе мониторинга 2011 г. в за-

падной части урочища было выявлено еще 7 памятников: 8 поселений и 1 могильник.

Поселение располагается на краю гривы, идущей вдоль береговой линии. Расстояние от поселения до берега озера составляет 80 м. В современном рельефе поселение представлено в виде 4 впадин подпрямоугольной формы, компактно расположенных в 2 ряда друг напротив друга по линии СЗ-ЮВ. Общая планировка поселения, таким образом, образует, своего рода, квадрат. Археологизированные объекты имеют примерно одинаковые параметры. Размеры впадин в среднем составляют 8 x 11 м, глубина варьирует 1,2–1,4 м.

По внешним сторонам впадин (относительно общей планировки поселения), фиксируется невысокая, аморфная по своим очертаниям, обваловка. Между впадинами, составляющими «пару», фиксируется понижение в рельефе – своеобразный «переход». В центральной части поселения рельеф повышается на 0,5–0,7 м от поверхности площадки, на которой располагается поселение. Визуально это повышение представляет собой небольшой «холм», подножие которого ограничивается внутренними (обращенными друг к другу) стенками впадин. В центре «холма» фиксируется небольшое углубление, размеры которого составляют 2,5 x 2 м, глубина – 0,2 м. В южной части поселения, на расстоянии от 0,8 до 1,2 м от впадин, в ряд располагаются 4 небольшие ямы. Размеры их в среднем составляют 2,6 x 3,0 м, глубина – 0,5 м.

Симметричность в расположении впадин, сходность их внешних, выраженных в рельефе признаков, позволяют нам говорить о существовании данного поселения как единого комплекса. Можно предполагать и наличие общих переходов между отдельными сооружениями. В целом, на данном этапе исследования, реконструкция внешнего облика поселения Согом-41 весьма затруднительна. К примеру, без проведения раскопок невозможно однозначно объяснить происхождение «холма» в центре поселения. Гипотетически его появление может быть связано с конструктивными особенностями данных сооружений, образующих, по всей видимости, единый комплекс. Не исключается и вариант образования его вследствие слишком близкого расположения сооружений друг относительно друга.

Аналогий поселению Согом-41 среди памятников данного микрорайона и сопредельных районов пока найти не удалось. Определенное сходство (в планировке и параметрах сооружений) согомский памятник находит с поселением Юккунъёган 1, выявленным в ходе проведения экспертных работ в верховьях р. Аган [Стародумов, 2008]. Основным отличием между ними является отсутствие возвышения – «холма» в центре поселения и наличие ямок вокруг впадин. Датировка памятника авторами не определена.

С целью выяснения культурно-хронологической принадлежности поселения Согом-41 на его территории, между юго-западной и юго-восточной впадинами был заложен шурф. В результате был выявлен культурный слой

мощностью до 0,8 м, представляющий собой серо-коричневую с углистыми вкраплениями супесь. В шурфе были найдены: скопление фрагментов керамики от одного сосуда, 12 фрагментов керамики, каменное шлифованное орудие (тесло) подпрямоугольной формы. Обушковая часть сколота, на одной из плоских сторон тесла фиксируются характерные следы, по которым можно предположить, что данное орудие могло использоваться после повреждения в качестве наковаленки.

Состояние керамики, найденной в шурфе, очень плохое, фрагменты расслаиваются на мелкие части. Общее представление о посуде можно составить только по развалу, обнаруженному в предматериковом слое. Это был сосуд диаметром около 28 см, с почти вертикальными стенками. Фрагментов дна не сохранилось. Край венчика внешней стороны украшен широкими вдавлениями. Толщина стенок – 0,6 см. С внутренней стороны, под венчиком фиксируется наплыв (1,2 см), имеющий сглаженное очертание. В изломе и на поверхности фиксируются незначительные включения шамота. Поверхность сосуда с обеих сторон тщательно обработана орудием с ровным рабочим краем и подложена до легкого блеска. Сосуд орнаментирован гребенчатым штампом, шириной 3,4 см. Орнаментальная схема выглядит следующим образом: верхняя часть украшена двумя горизонтальными полосами, состоящими из взаимопроникающих заштрихованных зон; полосы отделялись друг от друга двумя горизонтальными линиями, выполненными тем же штампом. Далее, по тулову располагаются горизонтальные полосы шагающего гребенчатого штампа.

В небольшой коллекции керамики, полученной в шурфе на поселении Согом-41, был найден еще один небольшой по размерам фрагмент венчика. Венчик имеет с внутренней стороны наплыв подтреугольной формы, по которому нанесен ряд наклонно поставленных оттисков гребенки. С внешней стороны присутствуют следы нагара. По верхней части венчика нанесен разреженный ряд наклонно поставленных оттисков гребенки. Остальные фрагменты керамики из коллекции орнаментированы шагающей гребенкой, на одной стенке присутствует орнамент в виде сетки.

В целом, по технологическим и декоративным признакам, керамика выглядит однородной. Аналогии данной керамики в пределах данного микрорайона прослеживаются в неолитическом комплексе (стоянка Стариков мыс-1а), выявленном при раскопках городища Стариков мыс-1 [Морозов, 1998; Чемякин, 2011]. Тем не менее между этими двумя комплексами прослеживаются и отличия. Объединяет их, в первую очередь использование гребенчатого штампа для орнаментации, техники шагающей гребенки, геометризованные схемы. В то же время, для керамики со стоянки Стариков мыс 1а, характерны: ряд ямок по венчику, использование прочерченной техники и короткого гребенчатого штампа, большая плотность в нанесении орнамента. Определенные заключения по этому поводу пока делать сложно, поскольку пока мы можем оперировать только незначительным объемом материала, полученным в шурфе.

Таким образом, очевидно, что мы имеем дело с оригинальным по своему облику поселением. Керамика поселения Согом-41 на данном этапе может быть датирована эпохой неолита, о чем свидетельствуют массивные наплывы на внутренней стороне венчика, отсутствие ямочек по венчику, разреженность узоров. Более точные хронологические позиции его устанавливать мы воздержимся до проведения стационарных работ на поселении. Отметим, что неолитические комплексы, полученные на других памятниках данного микрорайона (поселения Согом-14, -17, -43) относятся к кругу культур с прочерчено-волнистой и оступающе-накольчатой керамикой (кошинский, быстринский и др.) [Собольникова, Кузина, 2010]. Ю.П. Чемякин в своей публикации, посвященной керамическому комплексу стоянки Стариков мыс-1а, отмечает его неординарность, отсутствие аналогий среди таежной керамики с гребенчатым орнаментом (барсовогорский, сумпаньинский типы) [Чемякин, 2011]. Подобный вывод на данный момент мы можем сделать и относительно керамики, полученной на поселении Согом-41.

Список литературы и источников

Косинская Л.Л. Неолит таежной зоны Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. – С. 16–41.

Морозов В.М. Отчет о разведочных исследованиях в Октябрьском и Ханты-Мансийском районах Тюменской области летом 1992 г. – Екатеринбург, 1993. – 184 с. // Архив ИА АН СССР. Ф. 1. Р. 1. № 17541.

Морозов В.М. Отчет об исследовании городища Стариков мыс I в окрестностях деревни Согом Ханты-Мансийского района Тюменской области. Ч. 2. – Екатеринбург, 1998. – 120 с. // Архив АУ ЦОКН. Инв. № 1285. Д. 516.

Поршукowa Н.Ю. Отчет о разведочных работах в Ханты-Мансийском районе Тюменской области в 1989 г. Тобольск, 1991 – 33 с. // Архив АУ ЦОКН. Инв. № 1261. Д. 21.

Собольникова Т.Н., Кузина А.В. Керамические комплексы Нижнего Прииртышья (по материалам экспедиции в окрестностях п. Согом Ханты-Мансийского района ХМАО-Югры в 2009 г.) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2010. – Вып. 8. – С 257–264.

Стародумов Д.О. Отчет о НИР Историко-культурные изыскательские работы (натурное обследование) на земельных участках, отводимых для ОАО «Славнефть-Мегионнефтегаз», ООО «Славнефть-Нижневартовск», ОАО «Славнефть-Мегионнефтегазгеология» в Нижневартовском районе ХМАО-Югры. № 01-08. – Ханты-Мансийск, 2008. – 172 с. (Инв. № 5675. Д. 1080).

Чемякин Ю.П. Неолитические комплексы на стоянке Стариков Мыс-1а // Вопр. археологии Урала. – Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2011. – Вып. 26. – С. 218–230.

*А.М. Хаценович, Б. Гунчинсүрэн,
Ц. Болорбат, Д. Одсүрэн*

**РАСКОПКИ НОВОГО МНОГОСЛОЙНОГО
ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА ХАРГАНЫН-ГОЛ-5
В 2012 ГОДУ (СЕВЕРНАЯ МОНГОЛИЯ)***

В полевом сезоне 2012 г. в Хангайском нагорье Северной Монголии был обнаружен верхнепалеолитический памятник Харганын-Гол-5. После закладки четырех шурфов, показавших, что памятник является многослойным и имеет высокую концентрацию каменного материала, было принято решение расширить один из шурфов до раскопа площадью 18 м².

Памятник Хараганын-Гол-5 расположен в долине р. Харганын-Гол, которая расположена к востоку от долины р. Их-Тулбэрийн-Гол (Булганский аймак, сомон Хутаг-Ондор), где находится известная толборская группа палеолитических памятников. Местонахождение Харганын-Гол-5 расположено на делювиальном шлейфе вытянутого с северо-запада на юго-восток и примыкающего к отрогам водораздельного хребта между реками Их-Тулбэрийн-Гол и Алтаатын-Гол.

Предварительная оценка стратиграфической ситуации, зафиксированной в раскопе, позволила выявить пять культуросодержащих литологических слоев. Слой 1 является дерновым, его глубина не превышает 0,15 м от современной дневной поверхности, за исключением многочисленных затеков гумуса по норам грызунов и корневой системе растений. Слой 2 более мощный, его толщина составляет около 0,40 м, по структуре слой пылеватый, сцементированный, белесого цвета. Слой 3 более мощный – от 0,40 до 0,75–0,90 м. Он имеет серо-желтый цвет, супесчаный, с включениями обломочного материала. Слой 4 – желто-коричневый, супесчано-суглинкавый (со спрессованными супесчаными прослоями белесовато-желтого цвета), с обломочным материалом и редкими щебнистыми включениями, с затечными карманами до 0,1–0,15 м. Слой 5 прослеживается не по всей длине разреза: в северо-восточном углу раскопа он перекрывается стерильной линзой (слой 6.1). Слой 5 белесовато-серого цвета, супесчано-суглинкавый. Стерильный слой 6 имеет коричневый цвет, суглинкавый, с содержанием грубо-обломочного, щебнистого и гравийного материала, при вскрытии имеет некоторую «влажность», в отличие от лессовых отложений верхов. Слой 6.1 представлен линзами, их концентрация тяготеет к восточной стенке и юго-восточному углу раскопа, он белесовато-коричневый, рыхлый, с высоким содержанием щебнистого и

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ (№ 12-06-31212).

обломочного материалов. Стерильных прослоев между культуросодержащими слоями нет.

Планиграфическая ситуация показывает, что основная масса артефактов залегает горизонтально, в вертикальном положении находились единичные находки. Однако тот факт, что к восточной части раскопа, то есть вниз по склону, концентрация находок возрастает, означает, что в результате незначительных склоновых процессов положение артефактов могло претерпеть небольшие изменения внутри слоя залегания.

В ходе раскопок было найдено 1 307 экз. изделий из камня. Основная часть их приходится на горизонты 3 и 4. Горизонт 1 дал 81 экз. изделий из камня и керамики, из которых около 68 % составляют отщепы, включая первичные и полупервичные (5,5 % от общего количества отщепов). Пластинчатые формы составляют около 21 % от общего числа изделий (доля микропластин от общего числа пластинчатых изделий около 22 %, пластинок – 33 %, пластины составляют большинство – 45 %). Доля дебитаж в комплексе не высока: обломки, осколки и чешуйки составляют 11 %. В 1-м горизонте найдено 6 орудий, 5 из которых были сделаны из отщепов. Четыре изделия представляют собой различные варианты скребков, три из которых являются концевыми, один – боковым, основной рабочий край которого оформлен параллельными крупными сколами на дистальном окончании, образуя полукруглое рабочее лезвие. Одно изделие является шиповидным орудием, рабочий конец которого оформлен на проксимальном окончании неретушированным анкошем, а также присутствует 1 экз. пластинки с притупленным краем и шипом. В горизонте были найдены два экземпляра керамики, один из них является фрагментом венчика сосуда, другой – фрагментом тулова толстостенного сосуда. Присутствие в комплексе керамики заставляет отнести данный ассамбляж к неолитическому или более позднему времени.

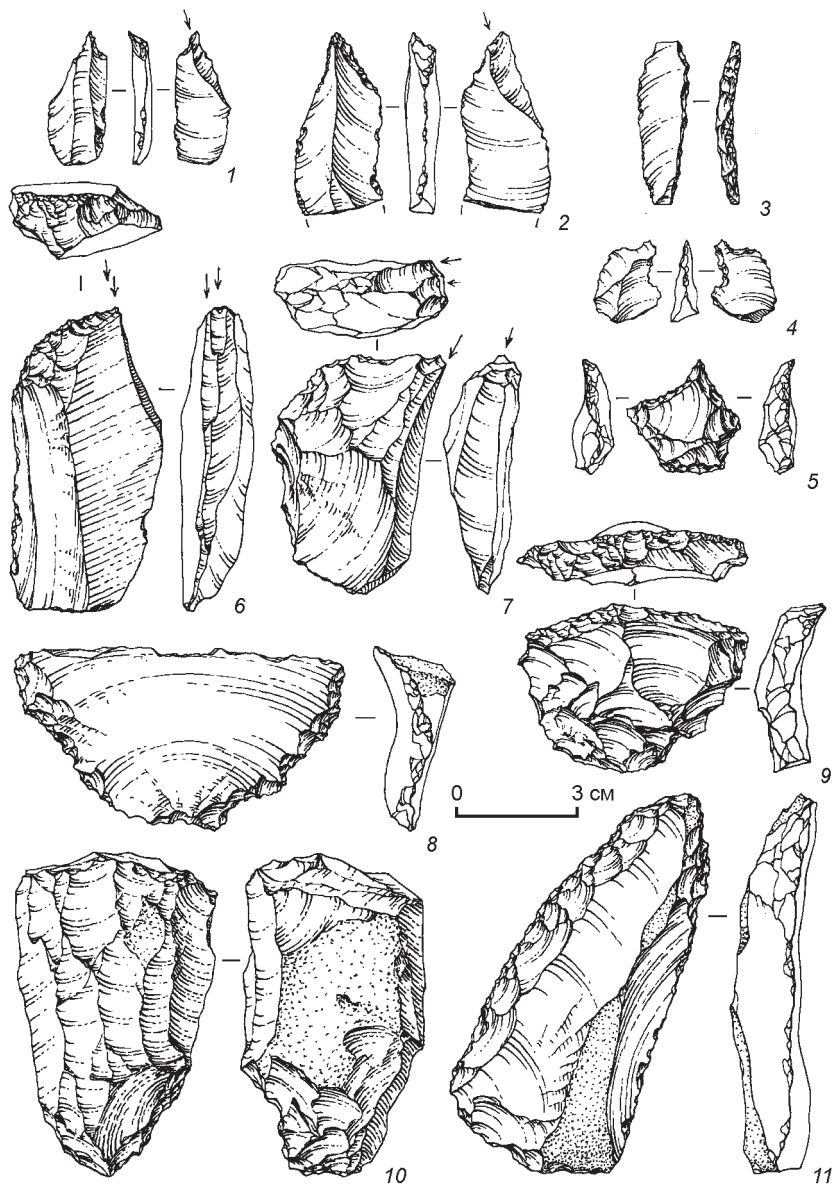
Комплекс горизонта 2 составил 83 экз. каменных изделий. Доля отщепов от общего числа находок, включая пластинчатые, составляет 66 %. По сравнению с горизонтом 1 количество пластинчатых форм сокращается до 14,5 % (из них 8 % – микропластины, около 42 % – пластинки, около 42 % – пластины, первичных пластин около 8 %). Дебитаж, включая обломки, осколки и чешуйки, составляет около 16 % от общего числа изделий. Также в коллекции горизонта 2 присутствуют два нуклеуса, один из них является призматическим одноплощадочным для получения пластинок и мелких отщепов, другой – торцовый. На наш взгляд, комплекс артефактов, обнаруженный во 2-м горизонте, может принадлежать периоду финального верхнего палеолита.

Наиболее интересными и содержательными являются индустрии горизонтов 3 и 4, которые обнаруживают преемственность, как в способах редукции, так и в приемах оформления орудий и их типах. Комплекс горизонта 3 составил 570 экз. изделий из камня и фрагментов костей. Наиболее представительной является категория отщепов – 60 % от общего чис-

ла находок. Пластинчатые формы занимают 19 % комплекса горизонта 3 (из них 1,8 % занимают микропластины, 51 % – пластины, 3,5 % – первичные и полупервичные пластины, 42 % – пластинки, 1,8 % – первичные пластинки). Обломки, осколки и чешуйки занимают 16,5 %. Возрастает доля технических сколов – они составляют 3 %. Нуклеусы и преформы нуклеусов занимают 1,5 %. Среди утилизированных нуклеусов присутствуют плоскостной двуплощадочный монофронтальный для получения пластинок и мелких отщепов, радиальный монофронтальный истощенный нуклеус и призматический одноплощадочный для получения пластинок. Преформы представлены галькой со следами апробации и оформленным ребром, двумя заготовками микронуклеусов и двумя заготовками плоскостных одноплощадочных монофронтальных нуклеусов.

В 3-м горизонте 26 % пластинчатых форм подверглись вторичной обработке, в то время, как только 6 % отщепов стали заготовками орудий. Несмотря на то, что индустрия по своему характеру является отщеповой, пластинам отдавалось предпочтение в качестве заготовок для изготовления орудий. Изделия с регулярной вторичной обработки занимают в комплексе 9 % (52 экз.). Наиболее представительными типами орудий являются провертки и проколки – 11 экз. Все скребла являются рабочими элементами комбинированных орудий, в сочетании с шиповидным орудием (3 экз.). Несколько выше количественный показатель скребков – 7 экз., три из них также в сочетании с шиповидным орудием; все скребки концевые, за исключением единственного фрагмента бокового скребка. Во всех горизонтах присутствуют пластины и пластинки с притупленным краем, в 3-м горизонте таких изделий 4 экз. Шиповидные орудия также представляют собой категорию, присутствующую почти во всех горизонтах, за исключением горизонта 2. В 3-м горизонте их 3 экз., однако значительно чаще они встречаются в качестве рабочих элементов комбинированных орудий. Таким образом, для горизонта 3 характерными являются проколки и провертки, скребки и шиповидные изделия. Также в горизонтах 3 и 4 был обнаружен тип изделий на различных стадиях подготовки, который было решено отнести к резцам (см. *рисунк, 1, 2*). Орудия данного типа, как правило, оформлялись на дистальном окончании пластинчатой заготовки. С вентральной поверхности, ударом по центру дистального окончания, делалось снятие, которое можно отнести к резцовому. Оставшаяся нижняя часть дистального окончания оформлялась ретушью, чешуйчатой крупнофасеточной и мелкофасеточной краевой или краевой среднефасеточной, которая заостряла образовавшуюся выступающую часть. В коллекции есть три готовых орудия этого типа, и заготовки, которые имеют только резцовый скол, заходящий на вентральную поверхность, но не дополненный ретушью с противоположной стороны. Также были найдены один крупный резец и острие (см. *рисунк, 6, 11*).

Горизонт 4 содержит 419 экз. каменных изделий. Отщепы составляют 69 % от общего числа. На долю пластинчатых форм приходится 16 % (из

Харганын-Гол-5. Каменные орудия. Художник А.В. Абдульманова.

1, 6, 11 – горизонт 3; 2–5, 7–10 – горизонт 4.

1, 2, 6, 7 – резцы; 3 – пластинка с притупленным краем; 4 – провертка типа шале;

8 – ретушированный отщеп; 9 – скребло одинарное поперечное;

10 – нуклеус призматический одноплощадочный монофронтальный; 11 – острие.

них пластин – 51 %, пластинок – 48 %, микропластин – 1 %). Обломки, осколки и чешуйки составляют 21 %, а технические сколы – 1,7 %. В горизонте содержится шесть нуклеусов, два из них – плоскостные двуплощадочные монофронтальные, один – плоскостной одноплощадочный монофронтальный, 2 экз. – призматические одноплощадочные монофронтальные (см. *рисунок, 10*) и один торцовый микронуклеус для получения пластинок. Все они использовались для получения заготовок удлинённых форм различных размеров. В коллекции имеется массивный отбойник. Вторичной обработке подверглись 14 % каменных изделий (см. *рисунок, 8*). В 4-м горизонте появляется категория выемчатых орудий (4 экз.), что может свидетельствовать о более ранних временных характеристиках горизонта. В материалах 4-го горизонта присутствуют проколки и провертки (12 экз.) (см. *рисунок, 4*), в том числе одна из них типа шале (см. *рисунок, 5*), а также пластинки с притупленной спинкой (5 экз.) (см. *рисунок, 3*). По-прежнему наиболее часто встречающимися являются шиповидные орудия, в том числе как элементы комбинированных орудий (7 экз.), заметно уменьшается количество скребков (2 экз.), скребел – 2 экз (см. *рисунок, 9*). Присутствует один крупный резец (см. *рисунок, 7*).

Коллекция горизонта 5 содержит 18 экз. каменных изделий, из них 61 % занимают отщепы, 22 % приходится на пластинчатые формы. Дебитаж составляет 5,5 % от общего числа, так же, как и технические сколы. В 5-м горизонте был найден массивный отбойник. Орудия представлены единственным экземпляром ретушированной пластинки.

Вероятнее всего, материалы 3-го горизонта относятся к развитому верхнему палеолиту, тогда как коллекция 5-го горизонта полностью и 4-го горизонта частично могут относиться к раннему верхнему палеолиту. Однако это станет ясно только после более строгого и аргументированного стратиграфического членения. Во всех горизонтах прослеживаются как плоскостная, так и призматическая системы расщепления. В целом, маркирующими изделиями являются шиповидные орудия и скребки, а также их комбинации, проколки и провертки, которые преобладают в горизонтах 3 и 4. Большинство орудий являются неформальными, то есть не имеют строго выраженных типологических характеристик.

**АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА
И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

О ЗНАЧЕНИИ ТАЙВАНЬСКИХ МЕГАЛИТОВ*

На о. Тайвань мегалиты разных видов встречаются на довольно обширной территории, преимущественно в восточной части острова. Наиболее ранняя фотография с мегалитом – вертикально установленным плоским камнем с двумя круглыми отверстиями в верхней части в несколько метров высотой относится предположительно к 1896 г. и сделана японским ученым Тории Рюдзо: во время обследования места памятника Бэйнань (близ г. Тайдун) одноименной культуры (ок. 3 500–2 000 лет до н. д.). В те годы таких камней там высилось большое количество, в настоящее время сохранен лишь один «лунный столб» высотой ок. 4 м, шириной ок. 1 м, толщиной до 10 см [Ли Куньсю, Е Мэйчжэнь, 2001]), получивший свое название за полукруглую выемку («луну») на краю верхней части.

В 1920-х гг. при обследовании сланцевых столбов Бэйнань японским ученым Кано Тадао зафиксировал основной диапазон их высоты 1,8–3,6 м (но самый высокий 4,6 м), общую ориентацию плоскостями в одну сторону (29–30° по линии северо-восток – юго-запад). Кано Тадао предположил, что это остатки жилищ некой мегалитической культуры; эта точка зрения укрепилась в результате обнаружения фундаментов жилищ при первых раскопках Бэйнань в 1945 г., проведенных Канасэки Такэо и Какубу Наоити возле самого крупного мегалита. Ныне часть исследователей продолжает поддерживать эту гипотезу, рассматривая «столбы» в качестве опор построек, с отверстиями для балок. Другие считают, что камни-великаны устанавливались перед домами поселенцев с высоким социальным статусом. В последнее время «лунные столбы» рассматривают и с позиций археоастрономии, как инструменты для вычисления времени, поскольку отверстия в них расположены таким образом, что в определенные дни (например зимнего солнцестояния) сквозь них проникают прямые солнечные лучи [Ян Шулин, 2009].

Помимо культуры бэйнань, мегалиты широко распространены в практически синхронной с ней культуре цилинь восточного побережья (3 300–2 000 до н. д.; ее ареал в южной части накладывается на северные районы бэйнань). Иногда ее даже называют термином «культура мегалитов». Ба-

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 11-01-00489).

зовый памятник Цилинь изучался в 1963, 1967–1968 гг., а также обследовался в 2008 г. На нем выявлены разные типы мегалитических конструкций, а также каменные орудия и фрагменты керамики [Сунь Баован, 2006; Е Мэйчжэнь, 2009].

Одна из характерных для культуры цилинь группа мегалитов из туфа получила название «скальных гробов», которым соответствуют каменные ящики из плит сланца, применявшиеся в культуре бэйнань. По мнению Кано Тадао [1930], первые, вероятно, являлись усыпальницами правителей, тогда как более многочисленные вторые предназначались для захоронения простолюдинов. Крупные блоки глинистого сланца были доставлены из относительно отдаленного района Центрального горного хребта, что требовало концентрации значительных трудовых ресурсов и, по мнению Кано, свидетельствовало о наличии в тот период центральной власти, обеспечившей такую мобилизацию рабочей силы. Он же отметил возможную связь указанных археологических культур с аборигенами острова (предками племен амэй, пуюма и пайвань), что находило косвенное свидетельство в мифологических сюжетах этих народов.

Наиболее распространенным видом мегалитов Тайваня являются одиночные камни, подавляющее большинство которых выявлено на поверхности земли, вне связи с культурным слоем. Среди них имеется два основных вида – с выступами или с углублениями-желобками в верхней части. Местные жители, использующие большие камни для своих хозяйственных целей, называют их, соответственно, «янскими» (мужскими) и «иньскими» (женскими) камнями. Подобная сексуальная интерпретация, вполне возможно, соответствует изначальной семантике этих камней. Также стоит упомянуть, что отдельные камни «с выступами» (плечиками) имели углубление в нижней части, по форме напоминая схематичную фигуру человека, у которой намечены голова и ноги. Предложивший классификацию одиночных камней Сун Вэньсюн [1980, с. 134] считал, что они связаны с условно-абстрактным изображением людей или духов, то есть могли использоваться в религиозных церемониях и жертвоприношениях. Встречаются также единичные находки (в Цилинь, Байшоулянь) камней-изваяний, больше схожих с фигурой человека.

Сун Вэньсюн также выделяет 10 типов «скальных гробов». Они обычно прямоугольные, по размерам подходят для тела одного лежащего в вытянутом положении взрослого человека; бывают стационарными – выдолбленными прямо в породе, и мобильными; как правило, с выступами на внешней стенке (ручками для переноски? элементами декора?) в форме куба или выпуклых полос, параллельных верхнему краю; также с отверстием для отвода воды. Однако прямых доказательств того, что они действительно использовались для захоронений, нет (в отличие от плиточных могил в культуре бэйнань). Поэтому помимо основной интерпретации их функции как ритуальной (связанной с погребением или жертвоприношением), высказываются и предположения о хозяйственном использовании –

как резервуаров для воды, или (применительно к круглым экземплярам из Маогун) – как ступ (см.: [Чжан Чунгэнь, 2005, с. 237–242]).

Наиболее подробно типология тайваньских мегалитов разработана в магистерской диссертации Е Чангэна [2008]. Исследователь установил, что различные виды мегалитов, традиционно относимые к культуре цилинь, возможно, имели различное значение; и что наиболее устойчивой во времени и пространстве оказалась традиция использования мегалитов «с плечиками». Ему удалось выделить особую мегалитическую традицию Хуадунской (Хуалянь-Тайдунской) долины между Центральным и Береговым хребтами, развивавшуюся на протяжении периода 2 500–400 лет до н.э. сначала во взаимодействии с прибрежной мегалитической культурой цилинь, затем самостоятельно, и на заключительном этапе – в связи с культурой предков современных аборигенов.

Помимо отдельных мегалитов на Тайване выявлены каменные конструкции, из которых «классическими» считаются сооружения памятника Цилинь, где они представлены в двух видах. Первый, на пологом спуске к морю, представлял собой прямоугольный (точнее – П-образный) контур длиной ок. 11 м из различных отдельных камней (в т. ч. с «плечиками», круглых уплощенных с отверстиями и т. д.), вытянутый по направлению север–юг. За сооружением была выкопана отводящая воду канава, в центре контура на горизонтально установленной каменной плите возвышалась антропоморфная фигура. Именно в этом комплексе, в углублении одиночного камня, обнаружены остатки древесного угля, давшие радиоуглеродную датировку для культуры цилинь $3\,060 \pm 280$ л.н. [Лю Ичан, Лю Дэцзин, Линь Цзюньцюань, 1993, с. 98]. Такие П-образные конструкции, «открытые» в сторону океана интерпретируются местными специалистами как культовые, поскольку внутри и возле сооружений не обнаружено следов повседневной хозяйственной деятельности и постоянного проживания людей. Сооружение второго вида – стена из искусственно обработанных крупных камней и природной гальки; в пределах стены также имелись одиночные камни-мегалиты.

На данном уровне исследования мы можем говорить лишь о самом общем функционально назначении тайваньских мегалитов. Более детальное изучение их семантики потребует привлечения как материалов из смежных наук (этнологии, фольклористики), так и сопредельных территорий.

Список литературы

Е Мэйчжэнь. Повторное обнаружение памятника Цилинь // Тайдун вэньсянь. – 2009. – С. 61–75.

Е Чангэн. Тайвань дун бу цзюйши вэньхуа чжи сянгунь яньцзю: юй, лэйсин юй ии (Studies of Megalithic Complexity in the Eastern Taiwan: Artifact, Type and Meaning): дис. ... магистра. – Тайбэй: Ин-т антропологии Тайвань. ун-та, 2008. –

352 с. // Сайт науч. библиотеки «Airiti Library». – URL: www.airitilibrary.com/searchdetail.aspx?DocIDs=U0001-0608200816421500 (дата обращения 29.10.2012).

Кано Тадао. Памятники мегалитических культур восточного побережья Тайваня. Ч. 1; 2 // Цзинруйгаку цзасси. – 1930. – № 45 (7). – С. 273–285; № 45 (9). – С. 362–374.

Ли Куньсю, Е Мэйчжэнь. Тайдун сянь ши – Шицянь пянь (История уезда Тайдун – доисторический раздел). – Тайдун: Правительство уезда Тайдун, 2001. – 239 с.

Лю Ичан, Лю Дэцзин, Линь Цзюньцюань. Шицянь вэньхуа (Доисторическая культура). – Тайдун: Отдел по делам особ. пейзаж. района Вост. побережья при Упр. туризма Мин. транспорта, 1993. – 169 с.

Сун Вэньсюн. Тайвань с точки зрения археологической науки // Чжунго Тайвань (Китайский Тайвань). – Тайбэй: Чжунъян вэньу гунъиншэ, 1980. – С. 93–220.

Сунь Баован. Предварительное исследование выявленных артефактов на памятнике Цилинь на восточном побережье Тайваня // Каогу жэньлэй сюэкань. – 2006. – № 66. – С. 216–246.

Чжан Чунгэнь. Тайвань сы бай нянь цянь ши (История Тайваня ранее четырех последних столетий). – Пекин: Цзючжоу чубаньшэ, 2005. – 422 с.

Ян Шулин. Какие секреты скрывают каменные столбы? // Фасянь (эл. газета Нац. музея доистории). – 15.08.2009 (№ 161). – URL: http://beta.nmp.gov.tw/enews/no161/page_01.html (дата обращения 29.10.2012).

РЕЗУЛЬТАТЫ РЕКОГНОСЦИРОВОЧНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ДОЛИНЕ РЕКИ ИЛИМ В 2010–2012 ГОДАХ

В 2010–2012 гг. в среднем течении р. Илим (правый приток р. Ангары, в настоящее время – зона выклинивания в южной части Илимского рукава Усть-Илимского водохранилища) проводила рекогносцировочные исследования Илимская археологическая экспедиция в составе сотрудников Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (Асеев И.В., Березин Д.Ю.), Научно-исследовательской лаборатории археологии и этнографии Братского государственного университета, Историко-художественного музея им. академика М.К. Янгеля.

Впервые о находках древностей на р. Илим упоминается в источниках XVIII в. – в книге участника сибирской экспедиции Д.Г. Мессершмидта, шведского офицера Ф.И. Страленберга (по сообщению ссыльнопоселенца в Илимском остроге М. Канифера) [Stralenberg, 1730]. Распространено мнение, что находки с долины р. Илим использовал ссыльный писатель А.Н. Радищев для построения своей культурно-исторической периодизации [Окладников, 1950]. Первые научные изыскания на Илеме были проведены в 1925–1926 гг. сотрудником Иркутского краеведческого музея Я.Н. Ходукиным, которому удалось обнаружить более 20 археологических местонахождений [1928]. В 1929 г. на ряде открытых памятников продолжил стационарные работы Г.Ф. Дебец [1930].

В связи с подготовкой к затоплению ложа водохранилища Усть-Илимской ГЭС с 1967 по 1974 гг. проводились планомерные археологические изыскания в долине р. Илим, которые затронули преимущественно нижнее течение реки от с. Илимск до устья. В работах участвовали Институт истории, философии и филологии СО АН СССР и Иркутский государственный университет им. А.А. Жданова под общим руководством А.П. Окладникова. На нескольких памятниках – Усть-Илим, Усть-Тушамы, Усть-Игирма, Большая Курья I–III, Илимск и др. – проводились спасательные раскопки, давшие науке уникальные свидетельства древней жизни в регионе от эпохи верхнего палеолита до XVII [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988].

В результате затопления Усть-Илимского водохранилища в 1974–1976 гг. большинство известных археологических памятников в нижнем течении Илима были утеряны. В 1980 и 1982 гг. в верховьях реки, не подвергшихся затоплению, провел исследования сотрудник ИГУ В.Н. Соколов, которому удалось открыть ряд новых местонахождений эпохи неолита –

железного века [1982]. В 1989 и 1991 гг. археологическая экспедиция ИГУ с участием М.П. Аксенова, Е.О. Роговского и С.П. Таракановского обследовала побережья Усть-Илимского водохранилища. Были обнаружены местонахождения материала эпохи среднего палеолита на высоких гипсометрических отметках относительно прежнего русла Илама (60–80 м), размываемых волноприбойной деятельностью водохранилища [Роговской, 1999].

Таким образом, среднее течение р. Илим и большая часть Илимского рукава Усть-Илимского в зоне частичного разрушения и низких отметок водохранилища остались необследованными после затопления, не было зафиксировано техническое состояние известных памятников и изменение геоморфологической ситуации.

По результатам анализа ситуации после затопления Усть-Илимского водохранилища и особенностей геоморфологии территории, долина р. Илим была условно поделена на 4 перспективных для исследований участка: 1-й – от истоков р. Илим до места подпора водохранилища (устье р. Аталоновская Межовка); 2-й – от подпора Усть-Илимского водохранилища до устья Сухого Иреека; 3-й – от устья Сухого Иреека до устья р. Игирма; 4-й – от устья р. Игирмы до приустьевого участка р. Илим при слиянии с Ангарой [Панюхин, Лукомский, 2009].

В 2010–2012 гг. на 1–3-м условных участках проводились исследования, включающие визуальную маршрутную разведку от д. Наумово до устья р. Игирмы (общая протяженность – ок. 90 км), сборы подъемного материала, координатную привязку объектов. На ряде памятников были заложены рекогносцировочные раскопы для выяснения стратиграфической ситуации, границ и особенностей распространения культурных отложений. Исследованиям подверглись 15 памятников, из которых 11 были открыты впервые.

Участок долины р. Илим, расположенный за пределами водохранилища, в настоящее время является наиболее перспективным в отношении археологических исследований. Так, район бывшей деревни Наумово, где в 1925 г. Я.Н. Ходукин зафиксировал стоянку, дал большое количество подъемного материала, среди которого имеются остатки материальной культуры русских поселенцев (кованые изделия, фрагменты сосудов, изготовленных на гончарном круге), эпохи раннего средневековья (фрагменты керамики, трехлопастной наконечник стрелы из железа), а также изделия из камня (отщепы, пластинки).

Недалеко от устья руч. Гаричный, на уровне высокой поймы Илама, была обнаружена плита с наскальными изображениями – петроглифами, а также находки палеолитического облика, которые требуют отдельного исследования.

Нужно отметить, что на данном участке реки активную роль играют частые ледоставы и половодья, во время которых происходит сильное разрушение берега, вплоть до выворачивания деревьев и кустов, перемещение больших объемов почвы, кусков породы и предметов в горизонтальном и вертикальном направлении. Исследование данного фактора в дальнейшем поможет выявить особенности осадконакопления на побережьях р. Илим.

В северной части 2-го условного участка ситуация близка к описанной выше. В то же время здесь местами сохранились уступы террас и приустьевые мысы, к которым приурочены нововыявленные объекты – Суво-ро-Ангарск, Медвежий Ручей. Вместе с известными ранее Шестаковской, Селезневской и Чернореченской стоянкой, эти объекты находятся в зоне активной техногенной и антропогенной деятельности (автомобильная и железная дорога, дачные кооперативы).

Раскопки производились на 5 объектах: Аталово-2, -3, Мыс Порожний, Усть-Байкалиха, Медвежий Ручей. На Мысе Порожний были обнаружены фрагменты 2 керамических сосудов с пальцевыми защипами и наклепными валиками, железная кованая пластинка. Материал по особенностям залегания, характеру орнаментации и формы сосуда, составу сырья находит аналогии с комплексами курумчинской культуры эпохи раннего средневековья Ангаро-Ленской области.

При раскопках на объектах Медвежий Ручей и Усть-Байкалиха материал зафиксирован под дерново-почвенным слоем в отложениях бурой лесовидной супеси (мощность – 25–40 см.), покрывающей делювиальный слой коренных пород. По характерным особенностям морфологии орудий, фрагментам керамики с отпечатками мелкочаечистой сетки-плетенки комплексы отнесены к ранненеолитическому времени.

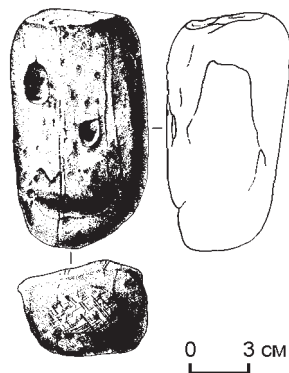
Аталово-2 в процессе исследований дал наибольшее количество находок. Мощный слой гумусированной супеси (65–70 см.), покрывающий отложения слоистой карбонатизированной светло-каштановой супеси, вмещает богатые материалом культурные отложения. На площади раскопа в 10 м² удалось проследить присутствие 2 культурно-хронологических комплексов, характерных для раннего железного века и эпохи бронзы – позднего неолита. Среди находок изделия из камня (скребки, ножи, проколки, резцы, комбинированные орудия, пластины, нуклеусы и продукты первичного расщепления), кости (наконечник копья, пуговица и др.), фрагменты керамических сосудов, разнообразные по орнаментальным мотивам (налепные валики, пальцевые защипы, оттиски отступающей лопаточки с овальным, круглым, прямоугольным рабочим краем, зубчатый штамп, комбинированные орнаменты, состоящие из штампа или отступающей лопаточки и вдавлениями-горошинками, жемчужинами, комбинации с присутствием технического орнамента и др.). Обильную коллекцию составили фаунистические остатки. Особенно интересна уникальная находка в слое, содержащем обломки крицы, шлака и фрагменты кованых изделий, песта из светло-серой осадочной породы с антропоморфным изображением в медиальной части. Материалы стоянки находят аналогии со многими среднеангарскими комплексами: Шестаково, Усть-Игирма, Усть-Тушамы, Усть-Илим, Бадарма, Эдучанка, о. Большой, о. Жилой, Шаманка и др.

В наибольшей степени пострадали памятники на условном участке 3, где отметки водохранилища составляют от 20 до 40 м. над прежним уровнем реки. Скорее всего, в данном случае можно говорить об их полном

уничтожении. Большая часть низких террас полностью затоплена, а береговая линия разрушена до коренных материковых пород. Стандартно высокий уровень воды в Усть-Илимском водохранилище не позволил провести поиск препарированного материала.

Открытой для исследований остается проблема обнаружения культурных остатков в лесной полосе Ангара-Илимо-Ленского междуречья, рассеянной сетью мелких и крупных притоков, через которые в течение тысячелетий осуществлялось культурное и транспортное взаимодействие.

По результатам работ 2010–2012 гг. были получены материалы широкого хронологического диапазона, разработана научно-методическая основа для дальнейших исследований в регионе, отмечены наиболее перспективные для изучения объекты. На ряде памятников требуется проведение срочных работ ввиду ряда разрушительных факторов естественного и техногенного характера. В целом, возобновление планомерных исследований в долине Илимса поможет во многом дополнить картину материальной и духовной жизни древнего населения Приангарья новыми и интересными данными.

Пест с антропоморфным изображением со стоянки Агалоново-2.

Список литературы и источников

Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И. Археологические памятники Северного Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1988. – 234 с.

Дебец Г.Ф. Отчет о палеоэтнологических исследованиях и раскопках, произведенных летом 1929 г. в долине р. Илим. – 1930 // Архив ИИМК РАН. Арх. № 140. Д. 72. 34 с.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1/2. – 412 с.

Панюхин М.В., Лукомский А.В. Перспективы развития археологических исследований в долине реки Илим на современном этапе // Тр. Братского государственного университета. Сер. гуманитарные и социальные проблемы регионов Сибири. – Братск: Бр. гос. ун-т, 2009. – С. 118–121.

Роговской Е.О. Коррадированный материал палеолитического местонахождения Тушама // Молодая археология и этнология Сибири: XXXIX РАЭСК. – Чита, 1999. – Т. 1. – С. 81–83.

Соколов В.Н. Новые данные по археологии Средней Ангары // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1982. – С. 101–116.

Ходукин Я.Н. Материалы к археологии реки Илим // Изв. ВСОРГО. – Иркутск, 1928. – Т. 53. – С. 116–121.

Stralenberg F.J. Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. – Stockholm, 1730. – 438 p.

РАЗВЕДОЧНЫЕ РАБОТЫ В РАЙОНЕ УСТЬ-ЧЁРНИНСКОГО ГОРОДИЩА*

В 2012 г. Шилкинско-Благовещенским археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН производились разведочные работы в бассейне р. Шилка на участке от с. Верхние Куларки до с. Горбица, в бассейне р. Черная от ее устья до ручья Джалинда в Сретенском районе Забайкальского края. Цель исследований заключалась в том, чтобы продолжить изучение разновременных памятников на обследуемой территории. Ранее разведочные работы производились здесь в 2004–2007, 2010 гг. [Алкин, Васильев и др., 2006; Алкин, Нестеренко и др., 2008; Алкин, Нестеренко, 2010].

Среди существенных результатов необходимо отметить открытие ряда стратифицированных местонахождений с материалами поздней поры верхнего палеолита. Одной из задач разведочных работ нынешнего полевого сезона было установление границ распространения горизонта залегания каменных артефактов, который был зафиксирован во время работ 2011 г. в юго-восточной части городища у с. Усть-Чёрная [Алкин, Нестеренко, Колосов, 2011].

Кроме того, предполагалась проверка ранее выдвинутой гипотезы о возможности визуальной коммуникации между **Усть-Чёрнинским** городищем и близлежащими укрепленными поселениями Шилкинской системы, которые датируются рубежом I–II тыс. н.э. [Суворова и др., 2012; Алкин, 2012]. На возможность такого рода коммуникаций между городищами указывает их близкое расположение относительно друг друга: городище на Чудейском утесе на р. Черной располагается в 7 км от устья этой реки; городище напротив с. Верхние Куларки – в 5 км вверх по течению р. Шилки от устья р. Черной; два городища в районе пади Проезжей – вниз по течению р. Шилка в 4 км от устья р. Черной.

Для выполнения поставленных задач в непосредственной близости от городища, за пределами его фортификационной системы, было заложено пять шурфов (2 x 1 м каждый). Два из них – на террасовидном уступе юго-западного склона горы. В одном зафиксирован незначительный археологический материал – фрагмент керамики раннесредневекового облика, вероятно, связанный с городищем.

*Работа выполнена в рамках совместного интеграционного проекта СО РАН и ДВО РАН № 39 «Монголы и тунгусо-маньчжур: этнокультурное взаимодействие в Забайкалье, Приамурье и Северо-Восточном Китае в раннем средневековье».

В результате шурфовки к западу от линии фортификации городища было подтверждено наличие культурного слоя с артефактами аналогичными по своим технико-типологическим показателям находкам финально-плейстоценового – раннеголоценового времени, обнаруженными во время раскопок на территории самого городища. Таким образом, установлено, что горизонт залегания каменных артефактов распространяется на значительную часть площадки на вершине сопки и приурочен к краю склона, открытого к долине р. Чёрной.

Кроме того, в шурфе, заложенном на мысовидном уступе юго-восточной оконечности горы, обнаружены обугленные остатки деревянной конструкции, которая, вероятно, представляла собой сигнальное сооружение. Сохранились нижние концы жердей, стоявших вертикально под углом друг к другу в виде шалашика. Для их установки были подготовлены углубления на уровне дезинтеграции скальной поверхности сопки. Остатки сооружения такого же типа найдены на площадке у края склона к западу от городища. Фиксация системы визуальной сигнализации – существенный результат работ данного полевого сезона.

Примерно в 300 м северо-западнее городища обследована группа из 13 компактно расположенных на мысовидном уступе террасы левого берега р. Чёрная западин. Произведенная на объекте тахеометрическая съемка позволила выявить определенную закономерность в их расположении. В восточной части группы пять западин расположены по линии С–Ю. Остальные выстроены в ряд по линии СЗ–ЮВ. Таким образом, западины выстраиваются в две линии, сходящиеся под острым (60°) углом. Одна западина находится в междурядье. Над западинами № 5 и № 8 был заложен раскоп. Западина № 5 имела форму вытянутого по линии СЗ–ЮВ овала размером 2 на 1,5 м. Могильное пятно имело подпрямоугольные очертания. На дне ямы сохранилось берестяное полотнище подовальной в плане формы. Поверхность дна представляет собой слой прокаленной почвы. В восточной части ямы обнаружен фрагмент кости.

Западина № 8 подовальная в плане (1,2 x 1,5 м), вытянута по линии СЗ–ЮВ. Пятно неправильной формы. Дно также как и в западине № 5 было выстлано берестой. Кроме того, на дне ямы с южной стороны лежала деревянная плашка (дл. около 70 см, шир. около 2 см). Вероятно, это фрагмент внутренней конструкции. Дно было основательно обожжено. В восточной части заполнения ямы найден фрагмент керамики, в нижней части заполнения грунт был насыщен очень мелкими фрагментами кальцинированной кости. В южной части обнаружен скелет молодой свиньи (определение канд. биол. наук С.К. Васильева, ИАЭТ СО РАН).

В обеих западинах отобраны образцы для проведения радиоуглеродного анализа. Получены следующие результаты: западина № 5 (дерево и береста, СОАН-8397) – 815 ± 45 л.н.; западина № 8 (дерево и береста, СОАН-8398 и 8399) – 780 ± 50 и 820 ± 90 л.н. (определение канд. геол.-мин. наук Л.А. Орловой, ИГиМ СО РАН).

Флотация грунта заполнения из обеих западин позволила выявить фрагменты семян гречихи культурной *Fagopirum esculentum* (определение канд. ист. наук Е.А. Сергушевой, ИИАЭ ДВО РАН).

Дислокация данного ритуального комплекса в непосредственной близости от Усть-Чёрнинского городища, абсолютные даты, вещественный материал и особенности его археологизации позволяют отнести этот объект ко времени функционирования городища. Обращает на себя внимание то, что выявленные элементы погребальной обрядности находят прямые аналогии в материалах Троицкого могильника (см.: [Ахметов, 2006]). Отсутствие в изученных объектах на р. Чёрной человеческих останков также является характерной чертой погребальной практики мохэской археологической культуры [Деревянко Е.И., 1981, с. 221; Деревянко А.П. и др., 2008, с. 78].

Находка захоронения свиньи указывает на восточное направление связей раннесредневекового населения устья р. Чёрной. Свиноводство имело широкое распространение у раннесредневекового населения Среднего Приамурья. Об этом говорят археологические данные [Деревянко Е.И., 1977, с. 160; 1981, с. 46] и письменные источники – «из домашних животных [земля] подходит для больших свиней», «из домашнего скота более водят свиней» [Таскин, 1984, с. 138; Бичурин, 1851, с. 123]. В жилищах Усть-Чёрнинского городища найдены семена гречихи и проса. Гречиха обнаружена и в заполнении западин ритуального комплекса. Эти факты свидетельствуют о новациях в хозяйстве населения исследуемого региона, которые привнесли мигранты из районов Среднего Приамурья.

Таким образом, в ходе полевого сезона 2012 г. получены новые данные, подтверждающие предложенную нами ранее гипотезу о появлении городищ в бассейне р. Шилки в результате проникновения сюда тунгусоязычных мохэ.

Список литературы

Алкин С.В. Миграция мохэ на р. Шилка в Забайкалье: к проблеме ранних контактов прототунгусов и протомонголов // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: мат.-лы III Междунар. науч. конф. (Улан-Батор, 5–9 сентября 2012 г.). – Вып. 3.2. – Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. – С. 499–504.

Алкин С.В., Васильев С.Г., Колосов В.К., Нестеренко В.В. Результаты полевых исследований на левобережье р. Шилки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII, ч. I. – С. 249–254.

Алкин С.В., Нестеренко В.В. Работы на Усть-Чёрнинском городище в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 138–144.

Алкин С.В., Нестеренко В.В., Колосов В.К. Работы на Усть-Чёрнинском городище в 2011 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 127–130.

Алкин С.В., Нестеренко В.В., Колосов В.К., Мороз П.В. Полевые исследования в Сретенском районе Забайкальского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 116–121.

Ахметов В.В. Погребальный обряд троицких мохэ (по материалам раскопок Троицкого могильника в 2004–2005 гг.) // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: мат-лы XLVI Регион. (II Всерос.) археол.-этногр. конф. студентов и молодых ученых. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2006. – Т. II. – С. 5–7.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – СПб.: [Тип. военно-учеб. заведений], 1851. – Ч. 2. – 187 с.

Деревянко А.П., Ким Бон Гон, Нестеров С.П., Чой Мэн Сик, Хон Хён У, Алкин С.В., Субботина А.Л., Ю Ын Сик. Материалы и исследования российско-корейской археологической экспедиции в Западном Приамурье. – Тэджон: Изд-во Ин-та культурного наследия, 2008. – Вып. 1, ч. 1: Раскопки раннесредневекового Троицкого могильника в 2007 году. – 218 с.

Деревянко Е.И. Троицкий могильник. – Новосибирск: Наука, 1977. – 224 с.

Деревянко Е.И. Племена Приамурья I тысячелетия нашей эры. (Очерки этнической истории и культуры). – Новосибирск: Наука, 1981. – 334 с.

Суворова А.Н., Вебер Е.И., Кузнецов М.Е., Анохин А.Е. Возможность использования зрительных сигналов населением городищ на реке Шилка // Археология, этнология и антропология Евразии. Исследования и гипотезы: мат-лы докл. LII Регион. (VIII Всерос. с международным участием) археол.-этногр. конф. студентов и молодых ученых. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – С. 233–234.

Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. – М.: Наука, 1984. – 487 с.

**СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ
ИЗ СОСТАВА МОГИЛЬНИКА ЧЕРТАЛЫ-4:
НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ**

Комплекс археологических памятников в окрестностях деревни Черталы был открыт и частично исследован сотрудником Омского государственного университета Б.В. Мельниковым в 1988–1991 гг. [1989]. В его составе были выделены поселение XVIII–XIX вв. (Черталы-1), курганно-грунтовый могильник той же эпохи (Черталы-3) и два курганных могильника развитого средневековья (Черталы-2, -4). К сожалению, информация по работам на могильнике и поселении в 1990–1991 гг. так и не была сведена в отчеты, а полевая документация и коллекция артефактов серьезно пострадали после затопления одного из помещений Музея археологии и этнографии Омского государственного университета. Отсутствует инструментальный план большей части могильников, автор раскопок снял только контуры могильника Черталы-3 и часть курганов, относящихся к могильникам Черталы-2, -4. Значительная часть хорошо видимых насыпей на плане отсутствует, что делает невозможным планиграфический анализ этого комплекса, аналогичного курганно-грунтовым могильникам Окунево-7, Бергамак-2 и Чеплярово-27 [Корусенко, Полеводов, 2008, с. 120–121]. В 2010 г. группой сотрудников Омского филиала ИАЭТ СО РАН, среди которых были и авторы этих строк, снят инструментальный план некрополя Черталы, включающего курганные могильники Черталы-2, -4 и курганно-грунтовый могильник Черталы-3. Всего в составе комплекса зафиксировано более 300 объектов, относящихся к разным хронологическим этапам его формирования. На протяжении 2010–2012 гг. раскопкам были подвергнуты 15 погребений из состава памятника, расположенные, по нашему предположению, в наиболее ранней части курганно-грунтового могильника Черталы-3, а так же несколько курганных насыпей, относящихся к памятнику Черталы-4. В настоящем сообщении в научный оборот вводятся материалы, полученные при исследовании трех курганов, датированных эпохой развитого средневековья. В нумерации объектов археологического комплекса исследованные насыпи получили обозначения «могила (курган) 217», «курган 13» и «курган 14».

Курган 217 представляет собой овальную насыпь размерами 3,5 x 3 м с западиной овальных очертаний размером 1,8 x 0,82 x 0,3 м. Могила располагалась в центре кургана. При выборке заполнения в перемесе глины и песка встречены угольки – следы костра, сброшенного в яму при засыпке,

и фрагмент бересты размером 40 x 25 см со следами прошивки. Могильная яма подчетыреугольных очертаний ориентирована СЗ–ЮВ, ее глубина составляет 60 см от материка. Костяк представлен черепом плохой сохранности в СЗ части ямы, других костей не обнаружено. В ногах погребенного помещен остродонный сосуд, орнаментированный двумя рядами горизонтального косопоставленного гребенчатого штампа, между которыми расположен поясок ямок круглой формы, образующих жемчужины на внутренней стороне сосуда (рис. 1, *м*).

Вблизи черепа обнаружены остатки головного убора (рис. 2, *и*): зелено-голубая стеклянная цилиндрическая бусина (рис. 2, *д*), разломанная на две части, круглая пастовая бусина голубого цвета (рис. 2, *з*), рядом с которой лежала бляшка из свинцово-оловянного сплава (рис. 2, *в*). Между фрагментами черепной коробки найдена стеклянная прозрачная цилиндрическая шестилепестковая бусина (рис. 2, *е*). К ЮВ от черепа обнаружена бронзовая подвеска в виде колбочки (рис. 2, *б*), там же находилась одна из парных бронзовых арочных шумящих подвесок с круглыми спиральными щитками (рис. 2, *жс*), вторая подвеска располагалась в 8 см на ССВ от черепа (рис. 2, *з*). В звеньях цепи одной из подвесок обнаружены волокна органики. Такие подвески являются образцом искусства металлической пластики, известной как пермский звериный стиль. Ареал распространения таких предметов расширяется от Предуралья, к северу от Прикамья, до рек Обь и Иртыш в Западной Сибири [Грибова, 1975]. Предметы пермского звериного стиля попадали на территорию Западной Сибири преимущественно по левым притокам Оби и Иртыша. На территории Среднего Прииртышья подобные предметы связывают с памятниками усть-ишимского времени (X–XIII вв.) [Конилов, 2007]. Несколько видов бронзовых шумящих подвесок были обнаружены при раскопках Киняминских могильников I, II в Сургутском районе Тюменской области, датированных XIII – первой половиной XIV в. [Семенова, 2008, с. 81–84]. Таким образом, время бытования шумящих подвесок, найденных в М. 217, укладывается в рамки развитого средневековья, в период XI–XIII вв. Не противоречит датировке и характерный для этого времени ямочно-гребенчатый штамп на керамике, наличие следов погребального костра [Конилов, 2007].

Курган 13 имеет округлую насыпь диаметром 6 и высотой 1,05 м, с ровной, хорошо задернованной поверхностью. Насыпь сложена из серой супеси, перед ее сооружением с подкурганной площадки был удален дерн, пласты которого были использованы для оконтуривания основания насыпи.

При разборке насыпи встречались разрозненные фрагменты керамики, а так же небольшой развал стенки того же сосуда. Кроме того, встречены обломки человеческих костей. Эти находки позволяли полагать, что могила была разграблена, но на поверхности кургана, как уже отмечалось, западины от грабительской ямы не читалось. Изучение стратиграфической картины показало, что насыпь действительно была прокопана в районе расположения могилы, а потом засыпана. Заполнение грабительской ямы

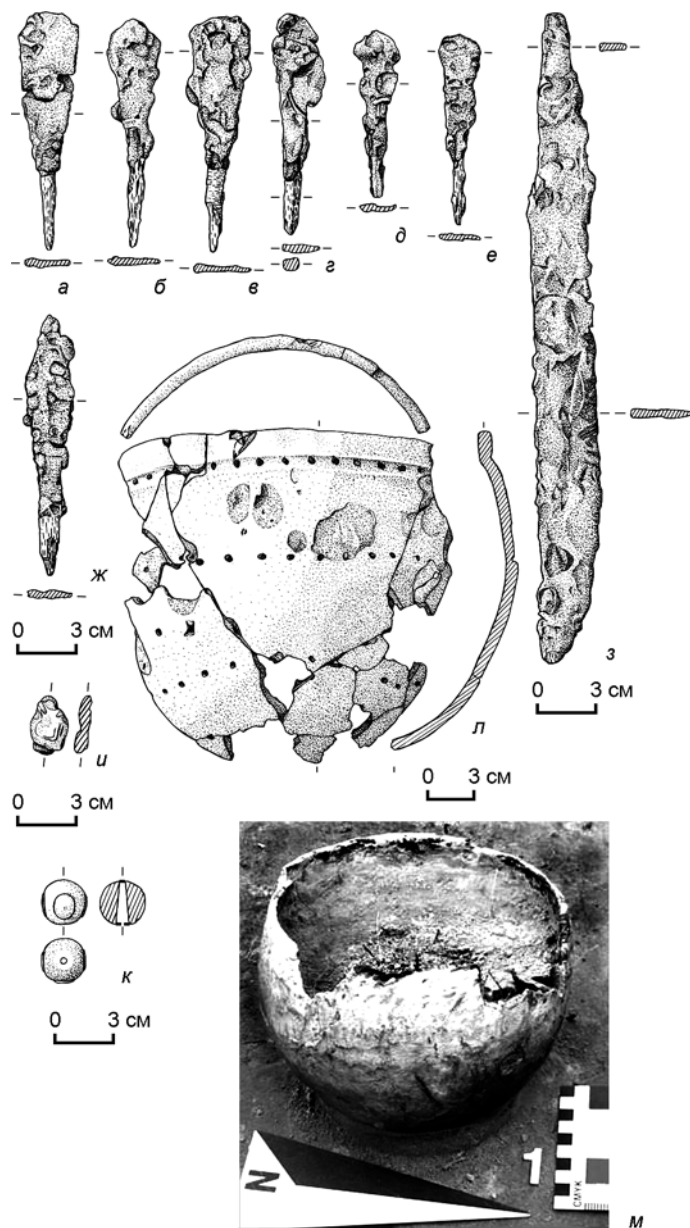

Рис. 1. а-г – наконечники стрел, К. 13, М. 1; u – свинцовая бляшка, К. 13, М. 1; к – глазчатая бусина, К. 13, М. 1; л – стенка керамического сосуда, К. 13, М. 1; м – керамический сосуд, М. 217, фото.

отличалось по структуре и цвету – рыхлая серая супесь, более темная в нижних слоях. Могила подпрямоугольной формы, ориентирована по линии ЗСЗ–ВВЮ; размеры ямы 290 x 156, глубина – 0,7 м от уровня материка. При выборке заполнения в центре могильной ямы встречена ярко-синяя пастовая бусина, рассыпавшаяся при расчистке. В ЮВ части ямы, у стенки, открыто скопление располагавшихся компактной группой рыбных костей. Останки погребенного лежали в беспорядке, вперемешку с крупным фрагментом стенки сосуда, которому принадлежат и остальные черепки. Собранные фрагменты позволили реконструировать круглодонный сосуд горшковидной формы с прямым венчиком, образованным налипным карнизом. Орнамент – четыре ряда округлых ямок диаметром 4 мм, расположенных спирально по тулову. Диаметр сосуда по устью приблизительно 20 см (см. рис. 1, л). В северном углу ямы обнаружен лежавший на теменной кости череп с отрубленной левой скуловой костью; последняя была расчищена южнее, на дне могилы. На одной из трубчатых костей зафиксированы поперечные зарубки, на многих крупных и мелких фрагментах срублены эпифизы.

В ЗСЗ части могилы у ЮВ стенки расчищено скопление железных предметов, в числе которых 7 наконечников стрел (см. рис. 1, а–ж) и большой нож длиной 320 мм (см. рис. 1, з). Скопление оружия лежало выше уровня дна грабительской ямы, под ним зафиксирована тонкая прослойка серой супеси и осколок трубчатой кости, связанный, вероятно с разрушением погребения. В то же время очевиден определенный порядок в укладке оружия: 4 наконечника лежат продольно, плотной группой остриями вниз, нож уложен лезвием вниз, плотно прилегает к наконечникам, между предметами почти нет песка. Исключение составляют два наконечника, из которых один расположен диагонально к длинной оси скопления, острием обращён к стенке могилы, а второй, расположенный также диагонально, перпендикулярно первому, острием обращен внутрь могилы, а черешком упирается в стенку. Эти два наконечника перекрыты еще одним, лежащим по общему правилу. Не исключено, что четыре наконечника и нож были упакованы в свёрток из бересты, а остальные наконечники потом уложены сверху. В центральной части могилы обнаружена свинцовая бляшка (см. рис. 1, и), а в СЗ углу – темно-синяя сферическая бусина с тремя белыми глазками и коническим отверстием. Собранный инвентарь позволяет датировать погребение XI–XIII вв. Полученные данные дают основание полагать, что погребение подверглось ритуальному разграблению, при котором костяк и часть инвентаря были разрушены, в то время как с набором оружия обращались подчеркнуто уважительно.

Курган XIV представляет собой округлую насыпь диаметром 5,8 и высотой 0,8 м с большой грабительской ямой четырехугольной формы в центре. Расположенная в центре могила полностью ограблена, костяк погребенного отсутствует, от него сохранились лишь осколок трубчатой кости, фрагмент черепной коробки и коренной зуб, разбросанные в беспорядке

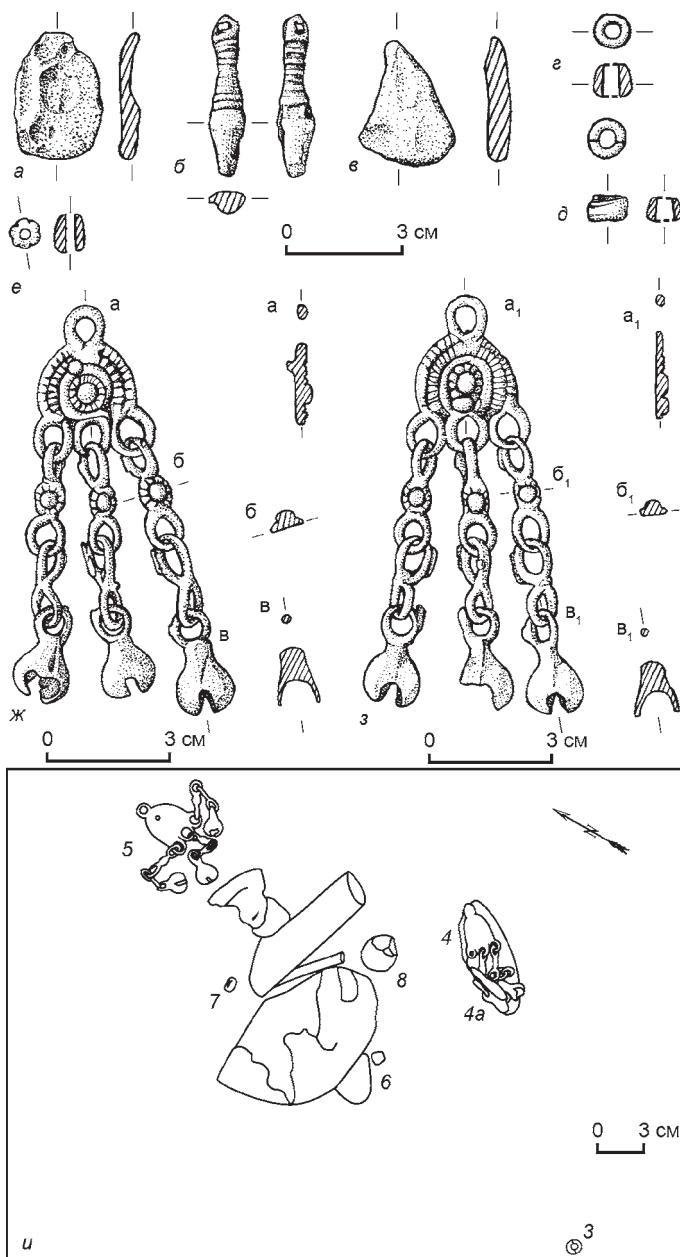

Рис. 2. а – свинцовая бляшка, К. 8, М. 1; б – бронзовая подвеска, М. 217; в – свинцово-оловянная бляшка, М. 217; г – голубая пастовая бусина, М. 217; д – зелено-голубая пастовая бусина, М. 217; е – прозрачная стеклянная бусина, М. 217; ж – бронзовая шумящая подвеска, М. 217; з – бронзовая шумящая подвеска, М. 217; и – крупный план черепа с находками, М. 217.

в СВ части ямы. К сопроводительному инвентарю относится свинцово-оловянная бляшка, по абрису вызывающая ассоциации с антропоморфными изображения средневековых культур финно-угро-самодийского круга (рис. 2, а). Стенки ямы крутые, почти отвесные. Дно сильно изрыто продолговатыми небольшими углублениями, напоминающими следы от лопаты. По бляшке, аналогичной обнаруженной в описанных комплексах, погребение так же может быть отнесено к усть-ишимскому периоду.

Таким образом, изученные комплексы укладываются в период XI–XIII вв. и могут быть отнесены к кругу памятников усть-ишимского времени. Полученные результаты послужат основой для дальнейших исследований, посвященных реконструкции образа жизни населения, оставившего данный памятник, его мировоззрения и культуры.

Список литературы

Грибова Л.С. Пермский звериный стиль. История изучения // Грибова Л.С. Пермский звериный стиль. – М.: Наука, 1975. – С. 3–6. – URL: <http://www.komi.com/Folk/komi/211.htm> (дата обращения: 29.10.2012).

Коников Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье – Омск: Изд. дом «Наука», 2007. – 466 с.

Корусенко М.А., Полеводов А.В. Планиграфия курганно-грунтовых могильников в низовьях р. Тара (предварительные итоги исследования) // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. – Томск: Аграф-Пресс, 2008. – С. 119–125.

Мельников Б.В. Отчет о работе археолого-этнографической комплексной экспедиции в окрестностях д. Черталы Муромцевского района Омской области летом 1988 г. – Омск, 1989 // Архив МАЭ ОмГУ. Ф. 2. Д. 62-1.

Семенова В.И. Накосные украшения из погребений Киняминских могильников // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2008. – № 8. – С. 81–84.

**ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ ДОЛГАЯ-1
НА ЮГЕ НИЖНЕГО ПРИТОМЬЯ
(предварительные итоги)**

В 2012 г. Нижнетомским отрядом Кузбасской археологической экспедиции были продолжены исследования разновременной стоянки Долгая-1, расположенной в устье одноименной речки (правый приток Томи), в непосредственной близости от Новоромановской писаницы. Цель исследований заключалась в формировании корпуса разновременных археологических источников на юге Нижнего Притомя и сборе данных для корреляции собственно археологических и петроглифических комплексов [Бобров, Ковтун, Марочкин, 2009].

В текущем году на памятнике был заложен раскоп площадью 30 м², с помощью которого был изучен северо-восточный участок. В отличие от прежних лет, какие-либо остатки древних сооружений или других макрообъектов выявлены не были. Коллекция находок представлена фрагментами костей животных – 119 экз., предметами из камня (отщепы, бифасы, абразивы) – 10 экз., фрагментами керамических сосудов – 352 экз.

В культурно-хронологическом отношении полученный массив керамики подразделяется на следующие группы:

1. Неолитическая керамика изылинского типа – 1 фр. венчика. 12 фр. тулова и 1 фр. придонной части от разных сосудов. Группа характеризуется проташенным орнаментом в виде горизантольно-волнистых линий, ямочными вдавлениями, миндалевидными наколами. Ближайшие аналогии подобной керамике находятся в материалах развитого неолита Верхнего Приобья [Марочкин, 2011а; Зах, 2003].

2. Керамика позднего неолита-энеолита – 1 фр. венчика, декорированного наклонными оттисками пунктирной гребенки и горизонтальным рядом полулунных вдавлений.

3. Энеолитическая керамика ирбинского типа – 4 фр. венчика и 21 фр. тулова от одного сосуда. Орнамент представлен горизонтальными рядами гладкой качалки и наколами под срезом венчика. Данная керамика обнаруживает сходство с памятниками энеолита (раннего металла) Верхнего Приобья и северных районов Нижнего Притомя [Молодин, 1977; Зах, 2003].

4. Керамика эпохи ранней – начала развитой бронзы (крохалевская культура) – 3 фр. венчика, 26 фр. тулова, 1 фр. плоского дна от разных сосудов. Орнаментация крохалевской керамики характеризуется «жемчужником» или ямочным орнаментом в сочетании с т.н. ложнотекстильными

отпечатками, образованными при выбивании рубчатой колотушкой или при прокатывании рубчатого орнамента (подробную характеристику см.: [Марочкин, 2011б]).

5. Керамика развитой бронзы (гребенчато-ямочный комплекс) – 2 фр. венчика и 42 фр. тулова от разных сосудов. Орнаментация группы специфична различными сочетаниями гребенчатых оттисков (в т.ч. «шагающими») с ямочными вдавлениями. В качестве ближайшей аналогии комплексу следует обозначить керамику группы А, выделенной на поселениях самусьской культуры [Молодин, Глушков, 1989].

6. Керамика самусьской культуры (развитая бронза) – 1 фр. венчика и 18 фр. от разных сосудов, орнаментированных накольчатыми и проташенными узорами из вертикальных «колонн» и горизонтальных поясов-канелюр.

7. Ирменская керамика (поздняя бронза) – 9 фр. венчика и 24 фр. тулова от разных сосудов. Орнамент имеет вертикальную зональность, и состоит из геометрических узоров, выполненных в прочеренно-резной технике. Зона шейки часто подчеркнута крупным «жемчужником».

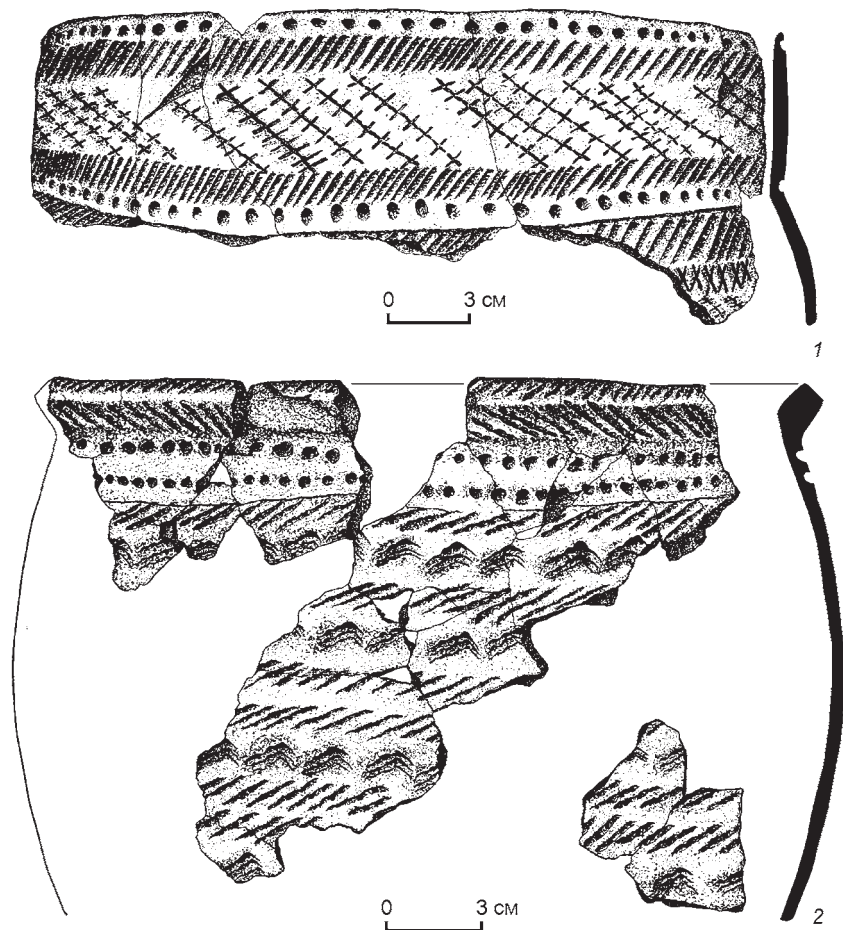
8. Керамика переходного времени от поздней бронзы к раннему железу (тургайская культура) – 2 фр. венчика и 10 фр. тулова от одного сосуда. Орнаментальный декор включает горизонтальные ряды ямочных вдавлений, пояса из наклонных оттисков мелкой «гребенки» и зоны с крестово-штамповой орнаментацией. Ранее на памятнике из подобной керамики были найдены лишь единичные фрагменты тулова. Находки этого года служат основой реконструкции верхней части сосуда (см. *рисунок, 1*).

9. Керамика раннего железного века – 3 фр. венчика от разных сосудов, со скудным «жемчужным» или ямочным орнаментом.

10. Керамика эпохи средневековья – 9 фр. венчика и 32 фр. тулова от разных сосудов, характеризующихся характерным отогнутым профилем венчика и различными сочетаниями отступающе-проташенных и гребенчатых оттисков. Большая часть фрагментов принадлежит одному сосуду, зафиксированному в состоянии *in situ* в верхних горизонтах культуросодержащего слоя, что позволяет частично реконструировать его морфологию и специфику орнаментальной композиции (см. *рисунок, 2*).

Таким образом, полученные в ходе исследований материалы количественно дополняют данные о присутствии на памятнике нескольких разновременных комплексов, сравнительно-контекстуальный анализ которых лег в основу первой для данного района хроностратиграфической колонки [Марочкин, 2009; Ковтун, Марочкин, Русакова, 2010], в общих чертах соответствующей региональным культурно-хронологическим схемам неолита – поздней бронзы [Молодин, 1977; Зах, 2003; Бобров, 1992].

Планиграфические наблюдения свидетельствуют о полной изученности основной части памятника (около 130 м²) – в южном и восточном направлении раскопаны все участки с культуросодержащим слоем, а для крайних северных и западных секторов характерно резкое снижение насыщеннос-

Керамика из раскопок стоянки Долгая-1 в 2012 году.

1 – сосуд переходного времени от поздней бронзы к раннему железу;

2 – сосуд эпохи средневековья.

ти слоя культурными остатками. Совокупность полученных за все годы исследований материалов, и в первую очередь керамики (см. *таблицу*) на современном уровне знаний является наиболее полным археологическим источником на юге Нижнего Притомья.

При дальнейшем анализе источников основной гносеологической задачей становится корректная культурно-хронологическая интерпретация комплексов, более подробная их периодизация, в том числе с привлечением методов естественных наук. По-прежнему актуальной остается задача культурной атрибуции керамики эпох раннего железа и средневековья. В дальнейшем полученные данные могут быть положены в основу корреляции выявленных культурно-хронологических комплексов стоянки Дол-

Суммарная характеристика керамических комплексов стоянки Долгая-1

№	Хронология	Кол-во фрагментов			Всего	%	Кол-во сосудов	%
		2008 г.	2010–2011 гг.	2012 г.				
1	Неолит (изылинский тип)	20	14	15	49	3,3	11	12,4
2	Энеолит (ирбинский тип)		162	25	187	12,6	5	5,6
3	Ранний этап развитой бронзы (крохалевская культура)	2	124	30	156	10,5	6	6,7
4	Развитая бронза (самусьская культура)	20		44	64	4,3	3	3,4
5	Развитая бронза («гребенчато-ямочный» тип)	26	137	19	182	12,3	8	9,0
6	Поздняя бронза (ирменская культура)	13	102	33	148	10,0	14	15,7
7	Переходное время от ПБ к РЖВ (тургайская культура)		1	12	13	0,9	1	1,1
8	Ранний железный век	8	20	3	31	2,1	8	9,0
9	Средневековье	25	61	52	138	9,3	33	37,1
10	Без орнамента	171	232	119	522	35,2		
Всего		280	850	352	1 482	100	89	100

гая-1 с разновременными изобразительными пластами Новоромановской писаницы [Ковтун, Марочкин, Русакова, 2010; Ковтун и др., 2011].

Примечательно выявление в непосредственной близости от стоянки средневекового городища Долгая-4 и целого ряда курганных могильников (Долгая-3, -5–7). Продолжение разведочных изысканий, изучение методом раскопок и культурно-хронологическая атрибуция обнаруженных местонахождений определяют ближайшую перспективу исследований. Компактная географическая локализация разновременных и разнотипных памятников формирует возможности интерпретации специфики древних и средневековых историко-культурных процессов юга Нижнего Притомья с применением методики археологического микрорайонирования [Марочкин и др., 2012].

Список литературы

Бобров В.В. Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы: дис. ... д-ра ист. наук в форме науч. докл. – Новосибирск, 1992. – 41 с.

Бобров В.В., Ковтун И.В., Марочкин А.Г. Археологические комплексы в Нижнетомском очаге наскального искусства // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – С. 214–219.

Зах В.А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. – 168 с.

Ковтун И.В., Марочкин А.Г., Русакова И.Д. Археологические комплексы в устье р. Долгая и культурно-хронологическая атрибуция петроглифов Новоромановской писаницы // Сборник научных трудов ИЭЧ СО РАН. – Кемерово, 2010. – С. 84–95

Ковтун И.В., Марочкин А.Г., Десяшин М.М., Русакова И.Д. Остеологические материалы Долгой 1 и истоки мифа о космической погоне // Материалы итоговой сессии ИЭЧ СО РАН в 2011 году. – Кемерово, 2011. – С. 112–119.

Марочкин А.Г. О связи петроглифических комплексов Нижнего Притомья с близлежащими археологическими памятниками // Археологические микрорайоны Северной Евразии: мат-лы науч. конф. – Омск: Апельсин, 2009. – С. 86–91.

Марочкин А.Г. Первые материалы эпохи неолита на юге Нижнего Притомья // Историко-культурное наследие Кузбасса. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011а. – Вып. 3. – С. 71–77.

Марочкин А.Г. Материалы раскопок у Новоромановской писаницы: комплекс крохалевакской культуры эпохи ранней бронзы // Наскальное искусство в современном обществе. – Кемерово, 2011б. – С. 124–127.

Марочкин А.Г., Юракова А.Ю., Сизев А.С., Щербакова А.В., Плац И.А. Результаты исследований Нижнетомского отряда Кузбасской археологической экспедиции ИЭЧ СО РАН в 2012 году // Материалы итоговой сессии ИЭЧ СО РАН в 2012 году. – Кемерово, 2012. (в печати).

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 176 с.

Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. – Новосибирск: Наука, 1989. – 168 с.

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ
СОСТАВА МЕТАЛЛА ИЗДЕЛИЙ ИЮССКОГО КЛАДА
(РЕСПУБЛИКА ХАКАСИЯ)***

Клад является одним из наиболее интересных и информативных археологических и исторических источников [Плотников, 1987]. Он представляет комплекс предметов, намеренно сокрытых в землю, после определенного процесса собирания. Исследование древних кладов является одной из актуальных проблем в мировой и отечественной археологии.

На территории Южной Сибири клады предметов появляются ещё в мезолите, однако широкое их распространение приходится на эпоху металлов, особенно в период раннего железного века. На обширных территориях от Среднего Енисея до Верхней Оби известен целый ряд кладов, среди них: Июсский [Бородовский, Ларичев, 2001], Косогольский, Знаменский [Подольский, Тетерин, 1979], Новообинцевский [Бородаев, 1987], Бурбинский [Бородовский, Троицкая, 1992] и ряд других. Июсский клад был обнаружен С.А. Фефеловым при обработке поля около небольшого озера Сарат в Хакасии в середине 70-х гг. прошлого столетия и передан В.Е. Ларичеву.

В состав Июсского клада, как и других кладов Южной Сибири, входят около 278 разнообразных предметов, большинство из которых изготовлено из бронзы. В этом собрании так же присутствуют изделия из органических материалов – кожи и бересты, а так же стеклянные (бусы) и каменные предметы (оселки). В целом предметный комплекс представлен большим бронзовым котлом скифского типа, несколькими бронзовыми зеркалами с рукоятью в виде кнопки на четырех ножках, кинжалом, многочисленными ложечковидными застёжками, поясными пластинами с изображением симметрично расположенных быков, змей и драконов, а так же поясными пряжками с неподвижным выступающим язычком и другими украшениями (бусы, бляшки, подвески, кольца). Следует отметить, что в наборе вещей Июсского клада четко представлена серийность предметов, это касается зеркал, поясных блях, пряжек, ложечковидных подвесок, колец. По отдельным разновидностям этих вещей наблюдается довольно близкое сходство с другими культовыми комплексами. Например, две пары кнопчатых зеркал встречены не только в Июсском, но и Бурбинском кладе. Значительное количество бронзовых колец характерно как для Июсского клада, так и для Айдашинской пещеры. Особо следует подчеркнуть, что Июсский клад

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 11-01-00096а).

располагает самой многочисленной серией для Южной Сибири ложечковидных застёжек, блях с изображением пары быков и драконов, обнаруженной в одном отдельном комплексе. Отметим, что в погребениях эпохи раннего железа этого региона, эти предметы представлены относительно редко и, в лучшем случае, одним или двумя экземплярами.

Общая датировка собрания вещей из Июсского клада укладывается в хронологический промежуток с VIII–I вв. до н.э. Как и другие клады Причулымья, Июсский клад формировался в качестве комплекта ритуальных атрибутов во второй половине I тыс. до н.э., в период до опустошительного гуннского нашествия на юг Западной Сибири. Датой захоронения Июсского клада, очевидно, следует считать конец I тыс. до н.э. или рубеж эр.

Полноценное исследование этого информативного источника не возможно без определения состава и качества металла его собрания. В рамках такого подхода были проведены комплексные исследования 65 металлических предметов из меди и серебра, что составляет почти половину от количества металлических предметов Июсского клада.

Исследования 42-х образцов металлических изделий, было проведено сотрудником Алтайского государственного университета А.А. Тишкиным с помощью рентгено-флюоресцентного спектрометра ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США). Предварительный характер исследования предполагал получение двух наборов показателей. Сначала изделие изучалось без снятия патины. Потом скальпелем осуществлялось аккуратное механическое удаление окислов на маленьком участке для получения сведений о химическом составе сплава. Необходимо указать, что данная процедура не наносит ущерба экспонату, в отличие от высверливания, отпиливания, отламывания и других подобных вариантов отбора проб. Более того, максимальное удаление окислов, в том числе и механическим путем, является обязательным этапом деятельности при осуществлении реставрации древних металлических изделий. Но прежде, чем предмет будет отреставрирован, его нужно обязательно всесторонне исследовать. Следует подчеркнуть, что разница между первым и вторым результатом получалась не очень значительная. Вторые показатели более предпочтительны, так как в них меньше загрязнений поверхности изделия. Исследованные предметы (табл. 1) оказались преимущественно изготовленными из меди с примесями мышьяка, который вполне мог быть в составе руды (образец № 2). В некоторых случаях количество мышьяка было более чем существенное, что не исключает использование его в качестве легирующей добавки вместе с сурьмой (образец № 4), для получения весьма своеобразного сплава. Другие предметы изготовлены из бронзы (образцы № 3, 5, 7, 8), в том числе и красноватой (образец № 6). Специфический цвет дает присутствие в сплаве изделий повышенное сочетание сурьмы с другими компонентами (образец № 5). Особенностью одного из изделий (образец № 8) является присутствие серебра.

Таблица 1. Предварительные результаты рентгено-флюоресцентного анализа предметов Июсского клада, проведенного А.А. Тишкиным.

№ п/п	Cu, %	Sn, %	Pb, %	As, %	Sb, %	Ag, %	Fe, %	Bi, %	Ni, %	Co, %
1	95,53	1,31	0,17	1,52	0,81	—	—	0,43	0,23	—
2	95,66	—	—	3,06	0,74	—	—	—	0,54	—
3	94,73	—	2,15	1,96	1,01	—	—	—	0,15	—
4	88,93	—	0,64	8,19	1,20	—	—	—	0,94	0,10
5	92,77	0,53	—	2,83	3,40	—	—	0,26	0,21	—
6	98,07	0,47	—	1,24	—	—	—	—	0,22	—
7	96,51	0,43	1,13	0,92	0,70	—	—	—	0,31	—
8	93,78	4,56	0,23	0,60	—	0,72	—	—	0,11	—
9	92,74	—	—	4,43	2,37	—	—	0,28	0,18	—
10	93,13	1,01	2,71	1,58	1,41	—	—	—	0,16	—
11	94,05	—	—	3,72	1,79	—	—	0,23	0,21	—
12	93,50	3,54	0,28	1,67	0,68	—	0,07	—	0,26	—
13	98,26	0,34	0,57	0,63	—	—	—	—	0,20	—
14	90,15	0,99	0,29	6,23	0,49	—	—	—	1,57	0,28
15	92,09	6,38	0,19	0,66	0,54	—	0,06	—	0,08	—
16	96,51	1,85	0,15	1,35	—	—	—	—	0,14	—
17	93,41	4,53	0,13	1,18	0,51	—	0,05	—	0,19	—
18	98,04	1,10	0,21	0,54	—	—	—	—	0,11	—
19	97,86	0,28	0,2	1,51	—	—	0,08	—	0,07	—
20	86,37	12,42	0,06	0,82	—	—	0,13	—	0,20	—
21	94,24	0,49	0,66	2,68	1,39	—	0,09	0,19	0,26	—
22	93,77	1,71	2,56	1,85	—	—	—	—	0,11	—
23	93,12	—	0,29	4,48	1,45	—	—	0,21	0,45	—
24	90,79	—	—	5,35	3,32	—	—	0,35	0,19	—
25	96,29	2,37	0,38	0,80	—	—	—	—	0,16	—
26	91,34	—	0,37	5,29	1,97	—	0,11	0,35	0,57	—
27	92,48	—	—	4,99	1,82	—	—	0,39	0,32	—
28	96,13	2,21	0,46	0,98	—	—	0,06	—	0,16	—
29	91,66	—	0,74	4,24	2,78	—	—	0,32	0,26	—
30	90,85	—	—	4,88	3,6	—	—	0,28	0,39	—
31.1	87,09	—	—	5,50	5,17	—	0,07	0,31	1,80	0,06
31.2	89,51	—	—	4,68	4,87	—	—	0,25	0,69	—
32	98,23	0,69	—	0,89	—	—	—	—	0,19	—
33	96,13	0,93	0,32	1,43	1,05	—	—	—	0,14	—
34	96,87	0,25	0,50	1,60	0,64	—	—	—	0,14	—
35	93,46	1,29	3,20	1,94	—	—	—	—	0,11	—
36	98,26	0,56	0,09	0,85	—	—	—	—	0,24	—
37	98,32	0,58	0,06	0,86	—	—	—	—	0,18	—
38	92,82	—	—	3,80	2,86	—	0,10	0,16	0,26	—
39	92,19	6,03	0,20	1,46	—	—	—	—	0,12	—
40	97,87	—	—	1,75	—	—	—	—	0,38	—
41	94,28	3,91	0,33	1,35	—	—	0,06	—	0,07	—
42	91,74	—	—	3,75	4,01	—	—	0,19	0,21	0,10

Выявление предметов в древних кладях Сибири с примесями серебра, является одним из перспективных направлений изучения состава металла. Например, среди собрания предметов Июсского клада имеется одно изделие (тисненная нашивная бляшка) из светлого металла. Рентгеноспектральный анализ металла этой бляшки позволил установить ее химический состав (Cu 1,993 %, Zn 0,004 %, Au 0,0015 %, Pb 0,003 %, Ag 96,683 %, Hg 0,013 %). Изделие относится к группе предметов, содержащих Ag-Cu с достаточно высоким содержанием серебра [Бабич и др., 2004, с. 186–191]. Скорее всего, эта бляшка, как и все изделия до первой половины I тыс. н.э., изготовлена из самородного серебра, что отражает определенный исторический

Таблица 2. Предварительные результаты рентгено-флюоресцентного анализа предметов Июсского клада, проведенного С.В. Хавриным.

№	Предмет	Cu	As	Sn	Pb	Sb	Ag	Прочее
А	кольцо	осн.	20–22	–	сл.	<0,6	сл.	Fe, Ni<0,7 %, Co<0,5 %
Б	кольцо	осн.	3–4	–	<0,7	<0,4	<0,2	Fe, Ni<0,5 %
В	кольцо	осн.	<1	<0,4	<0,7	<0,4	<0,2	Fe, Ni<0,5 %
Г	кольцо	осн.	1–2	2–3	<0,6	?	сл.	Fe, Ni<0,5 %
Д	пуговица	осн.	3–5	–	<0,5	<0,3	<0,2	Fe, Ni<0,6 %, Bi
Е	пуговица	осн.	1–2	<0,8	<0,7	<0,2	<0,2	Fe
Ж	пуговица	осн.	<0,8	<0,8	<0,5	<0,2	сл.	Fe, Ni
З	бляшка	осн.	9–11	–	–	2–3	–	Fe, Ni<0,4 %, Bi<0,4 %
И	подвеска	осн.	3–5	<0,5	1–3	1–2	<0,2	Fe, Ni, Bi<0,3 %
К	подвеска	осн.	~1	<0,6	~1	<0,3	–	Fe, Ni
Л	обойма	осн.	7–9	2–4	<0,7	1–2	сл.	Fe, Ni<0,5 %, Bi<0,3 %
М	бляшка	~2	–	–	–	–	осн.	Bi~2, Fe, Au, Zn, Br
Н	бляшка	осн.	10–12	–	–	2–4	–	Bi<0,4 %, Fe, Co, Ni
О	подвеска	осн.	~1	–	<0,4	<0,3	сл.	Fe
П	подвеска	осн.	16–20	–	–	<0,6	–	Bi<0,3 %, Fe, Co, Ni<0,5 %
	подвеска	осн.	19–22	–	сл.	<0,7	сл.	Bi<0,4 %, Fe, Co, Ni<0,9 %
Р	подвеска	осн.	1–2	–	<0,6	<0,3	сл.	Fe
	кольцо	осн.	2–3	–	<0,5	<0,3	сл.	Fe, Ni
	подвеска	осн.	12–15	–	–	3–5	–	Bi<0,6 %, Fe, Co, Ni<0,4 %
	подвеска	осн.	2–3	–	<1	~1	–	Bi<0,3 %, Fe, Co, Ni<0,5 %
	подвеска	осн.	6–8	–	<0,4	1–2	–	Bi, Fe
	подвеска	осн.	3–4	сл.	<0,6	2–3	сл.	Bi<0,4 %, Fe, Ni<0,5 %

уровень обработки этого металла. Такая ситуация далеко не единична для металлических предметов из кладов Западной Сибири. Например, как показало комплексное изучение Холмогорского «клада», рецепты сплавов, использованные при отливке предметов этого собрания, отражают определенный этап предыстории цветной металлообработки западносибирского региона от рубежа эр до середины I тыс. н.э. [Кузьминых, 1999].

Другая серия из 22-х предметов была исследована рентгено-флюоресцентным анализом сотрудником государственного Эрмитажа С.В. Хавриным (табл. 2). Эта серия предметов (в основном кольца, ложечковидные подвески) оказалась изготовленной преимущественно из меди. Качество и состав этого металла, позволяет предполагать, что сырьем для изготовления часто служили более древние тагарские бронзы, часть из которых присутствует в составе Июсского клада.

Таким образом, в известной мере, сам процесс целенаправленной комплектации собрания любого клада металлическими изделиями в определенный хронологический период, создает необходимые и достаточные условия для формирования очень достоверной и представительной выборки предметов характеризующей конкретный этап металлообработки. Тем не менее, интерпретировать Июсский клад исключительно как ресурс литейщика пока преждевременно. Его комплектация (предметы культа, конского снаряжения и поясной гарнитуры) пока не дают для этого оснований, и явно ближе к культовым, чем производственным собраниям. Кроме того, количество металлического лома в Июсском кладе в сравнении с целыми предметами не велико, что не позволяет считать его «кладом литейщика».

Список литературы

Бабич В.В., Бородовский А.П., Оболенский А.А., Морцев Н.К. Состав древнего и средневекового серебра юга Западной Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. X, ч. 2. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – С. 186–191.

Бородаев В.Б. Новообинцевский клад // Антропоморфные изображения. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 96–114.

Бородовский А.П., Ларичев В.Е. Июсский кинжал и вопросы интерпретации кладов второй половины I тыс. до н.э. на юге Западной Сибири // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. – С. 224–227.

Бородовский А.П., Троицкая Т.Н. Бурбинские находки // Изв. СО РАН. История, филология и философия. – 1992. – № 3. – С. 57–52.

Кузьминых С.В. К предыстории цветной металлообработки у обских угров (на примере Холмогорского «клада») // Обские угры. – Тобольск; Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1999. – С. 44–46.

Подольский М.Л., Тетерин Ю.В. Раскопки раннетагарских курганов в зоне Знаменской оросительной системы // АО 1978 г. – М.: Наука, 1979. – С. 266, 267.

Плотников Ю.А. «Клады» Приобья как исторический источник // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 120–135.

СКотоводство на Алтае в эпоху бронзы*

В научном плане регион Алтая с прилегающими территориями является одним из наиболее перспективных районов Евразии. Он представляет собой своеобразную историко-культурную область со специфической физико-географической средой, состоящей из горных, степных и лесостепных ландшафтов. Расположение в центре Евразии способствовало тому, что в древности и средневековье на территории рассматриваемого региона шел интенсивный процесс этно- и культурогенеза. Однако в регионе заметно определенное отставание на уровне осмысления уже имеющихся материалов. В особой мере это относится к зонам степи и лесостепи, и до недавнего времени почти не исследованных предгорий. Для этих территорий изучение хозяйственно-культурных типов эпохи бронзы, проблемы формирования скотоводческой экономики и соответствующих социально-экономических структур находится в стадии становления.

Сбор, описание и анализ археозоологических коллекций из раскопок поселений широко используется как в России, так и в мире. Однако использование полученных археозоологических данных как полноценного источника для реконструкции хозяйства древнего населения часто ограничено их неполнотой. Чаще всего для реконструкций используют только видовой состав и соотношение остатков видов. Реже используют возрастной состав забитых животных и их размеры. Основу нашего исследования составили материалы археозоологических коллекций из 25 поселений эпохи бронзы, как уже опубликованных, так и авторские данные результатов обработки. Отбор поселений для анализа проводился в два этапа. На первом этапе были отобраны поселения, из раскопок которых получено более 400 определенных до вида костных остатков. На втором этапе был проведен анализ культурной принадлежности керамических комплексов из них. Были отобраны поселения наиболее однородные в культурно-хронологическом отношении коллекции керамики. Таких поселений оказалось четырнадцать, они относятся к следующим культурно-хронологическим группам: елунинская (1), андроновская (5), условно саргаринская (включая донгальскую) (5), ирменская (3).

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ (№ 11-06-12033 оф).

На всех поселениях периода бронзы кости диких видов составляют от 1 до 10 %, обычно 3–7 %. Очевидно, что охота имела очень небольшое значение в хозяйстве. На всех анализируемых поселениях домашние копытные представлены костями крупного рогатого скота, овцы и лошади. Кости верблюда найдены только на «саргаринском» поселении Рублево VI. Таким образом, для изучения хозяйства и животноводства у населения степной зоны в эпоху бронзы Алтая использованы только остатки крупного рогатого скота, мелкого рогатого скота и лошади. Анализ соотношения остатков крупного рогатого скота, мелкого рогатого скота и лошади проводился в два этапа. На первом этапе был проведен кластерный анализ соотношения их остатков для отдельных поселений. В один кластер объединились «елунинское» и «саргаринское» поселения, андроновское поселение и «саргаринское» поселение. На втором этапе был проведен кластерный анализ соотношения остатков домашних животных, усредненный по группе поселений одной культуры. Образовалось два крупных кластера: один включает памятник елунинской культуры, второй включает «андроновские», «ирменские» и «саргаринские» культурно-хронологические группы памятников. На основании этого можно выделить два основных типа структуры костных комплексов домашних копытных, которые существовали на территории степного-лесостепного Алтая в эпоху бронзы: «елунинский» и «андроновский». Анализ состава стада в пределах «андроновского» типа показывает, что каждый его вариант имеет специфическое соотношение домашних копытных. Различия в соотношении домашних копытных в них, по крайней мере, хотя бы для одного вида, превышают 10 %. Все четыре группы памятников имеют различное соотношение остатков домашних копытных. Полученный результат позволяет сделать важный вывод о том, что на групповом уровне анализа материала, соотношение остатков домашних животных является культурно-хронологически специфичным. Таким образом, в степном-лесостепном Алтае в эпоху бронзы существовали следующие варианты костных комплексов домашних копытных: «елунинский», «андроновский», «саргаринский» и «ирменский». Анализ полученной структуры показывает, что на рассматриваемой территории в бронзовом веке происходили направленные изменения состава стада домашних животных. Наиболее значимые изменения произошли, когда состав стада елунинской культуры сменился составом стада «андроновского» типа. Дальнейшие изменения состава стада происходили постепенно.

Возрастная структура крупного рогатого скота, мелкого рогатого скота и лошади определена не для всех поселений, а только для тех, материалы которых обрабатывались авторами. Анализ возрастной структуры домашних животных был проведен по группе поселений одной культуры. Объем выборок, достаточный для анализа удалось сформировать только для «елунинской» и «саргаринской» групп поселений. Анализ возрастной структуры домашних копытных показывает, что у населения елунинской культуры общий характер использования всех домашних копытных был

более примитивным. К концу эпохи бронзы, у «саргаринского» населения, наблюдается развитие всех отраслей животноводства путем усиления комплексного использования домашних копытных.

Таким образом, в результате проведенного комплексного исследования, направления жизнедеятельности населения эпохи бронзы Алтая реконструируются следующим образом. Хозяйственно-культурный тип афанасьевского населения Горного Алтая можно определить как подвижный скотоводческий, с элементами охоты и рыболовства. Для лесостепного-степного Алтая эпохи ранней бронзы, елунинского культурного образования выделяются три типа: лесной, охотническо-рыболовецко-скотоводческий, многоотраслевой тип с преобладанием охоты и рыболовства, скотоводство имело второстепенное значение, данный тип был распространен к востоку от Оби, в правобережной лесной, таежной зоне с многочисленными речными протоками, старицами и озерами (комплекс поселений на оз. Иткуль); лесостепной, скотоводческий тип хозяйства с незначительной ролью охоты и рыболовства, данный тип получил широкое распространение к западу от реки Обь и занимал степные и лесостепные ландшафты Обь-Иртышья (поселения Березовая Лука, Черноозерье VI); предгорный, металлургический тип хозяйства с ведущей ролью скотоводства и с незначительной ролью охоты и рыболовства, данный тип был распространен в непосредственной зоне доступных полиметаллических месторождений Рудного Алтая.

Серьезные изменения в хозяйственной деятельности населения эпохи бронзы произошли с приходом андроновского населения, когда состав стада «елунинского» типа сменился составом стада «андроновского» типа. Учитывая очень быстрое исчезновение елунинского типа, можно предполагать, что подобная структура костного комплекса связана с первоначальным появлением этого населения в регионе. Животноводство в «андроновское», «саргаринское», «ирменское» время может быть отнесено к одному типу – пастушескому. На это, по нашему мнению, косвенно указывает большая доля остатков крупного рогатого скота. Но степень подвижности животноводства у населения даже одной культуры была различной, о чем говорит большое разнообразие структуры костных комплексов на поселениях. В целом нужно отметить, что близость этих трех комплексов можно объяснить происхождением саргаринской и ирменской культур от единой андроновской основы. Но исходя из видового и возрастного состава животных, можно утверждать, что у саргаринского населения степного Обь-Иртышья сложилась скотоводческая направленность хозяйства с преобладанием мясо-молочного направления, в отличие от ирменского лесостепного где больше акцент смещен в сторону комплексности. Отдельный анализ костей из комплексов с преобладанием андроновских или позднебронзовых материалов на поселении Жарково-3 и позднебронзовых комплексов поселения Рублево VI, позволяет утверждать, что по сравнению с андроновским периодом в эпоху поздней бронзы происходит увеличение удельного веса МРС и лошади в стаде. Очевидно, происходит дальнейшее

развитие андроновских традиций скотоводства и приближение состава стада к кочевому. Увеличивается доля животных способных самостоятельно добывать корм из-под снега в зимний период. Различия между видовым соотношением животных в различных объектах разных памятников эпохи поздней бронзы свидетельствуют не только об очевидных различиях в формировании культурного слоя объектов, но и, вероятно, о сложности процесса перехода к новому кочевому типу хозяйства.

По результатам реализации программы междисциплинарного исследования были сделаны следующие выводы. Первое появление скотоводства на Алтае связано с носителями афанасьевской культуры. Устойчивое же и непрерывное существование скотоводства в степной зоне связано с приходом сюда носителей елунинской культуры в начале эпохи ранней бронзы. Состав стада елунинской культуры отличался своеобразием и очень быстро сменился составом стада «андроновского» типа, который к концу поздней бронзы трансформировался в «саргаринский» и «ирменский» типы. Анализ возрастной структуры показал, что на протяжении бронзового века в использовании крупного рогатого скота, мелкого рогатого скота и лошади произошел переход от «примитивного» их использования к более «развитому» за счет усиления их «комплексного» использования. Анализ структуры костных комплексов показывает, что у населения елунинской культуры животноводство имело более подвижный характер, чем в позднее время. В постелунинское время на Алтае были распространены разные варианты пастушеского типа животноводства.

*К.Ю. Кирюшин, М.М. Силантьева, П.Г. Дядьков,
О.А. Михеев, О.А. Позднякова*

**МАГНИТОМЕТРИЧЕСКИЕ И БОТАНИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПОСЕЛЕНИИ НОВОИЛЬИНКА III
В 2012 ГОДУ***

Поселение Новоильинка III находится в Хабаровском районе Алтайского края, в 8 км к западу от с. Новоильинка, в южной части небольшой возвышенности, образованной старицей р. Бурла. Территория археологических работ относится к провинции степей Западно-Сибирской низменности, подпровинции Кулундинской степи, ограничивающейся примерно Центрально-Кулундинской депрессией, к Кулундинскому вторично-степному округу, занимающему водороздели рек Бурлы, Суетки, Кулунды. Климат – континентальный, характеризуется засушливостью, обилием света и тепла в вегетационный период. Общее количество осадков 270–350 мм, из которых около 75 % выпадает в июле. Безморозный период длится 120–130 дней. С температурой выше 10° бывает 100–110 дней, сумма температур за этот период составляет 2000–2100° [Куминова, Вагина, Лапшина, 1963].

Рельеф равнинный, расчлененный лощинами и овражками с амплитудой высот от 100 до 140 м над ур.м. Почвенный покров пестрый, зональным типом являются южные бедные черноземы и каштановые почвы. Колки встречаются редко и приурочены к пониженным элементам рельефа. Район является переходным к лесостепи и рассматривается сейчас как вторично-степной. Зональная растительность представлена разнотравно-типчачково-ковыльными степями. Наиболее распространенным является гигротический вариант степей. На солонцах остались галофитные варианты степей, переходные к луговым.

Памятник открыт в 2004 г. С.М. Ситниковым, под руководством которого в 2005–2006 гг. вскрыто около 40 кв.м [Ситников, Грушин, Гельмел, 2006]. В 2010 г. исследовано 96 кв.м [Кирюшин и др., 2011]. В результате были получены интересные материалы, которые требуют серьезной камеральной обработки и проведения серии анализов. Даже небольшие исследования (вскрыто 200 кв.м) позволили сформировать значительный корпус источников, анализ которого крайне важен для реконструкции этнокультурных процессов на территории края в IV–III тыс. до н.э. (коллекция каменных артефактов – более 800 экз., керамики – более 3 000 экз.,

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 12-01-00340а) и интеграционного проекта СО РАН (№ 118).

костей животных – более 10 000 экз.). Так, в результате изучения остеологических коллекций выяснилось, что фауна этого памятника по своему составу оказывается весьма близкой к фауне поселения Ботай в Северном Казахстане.

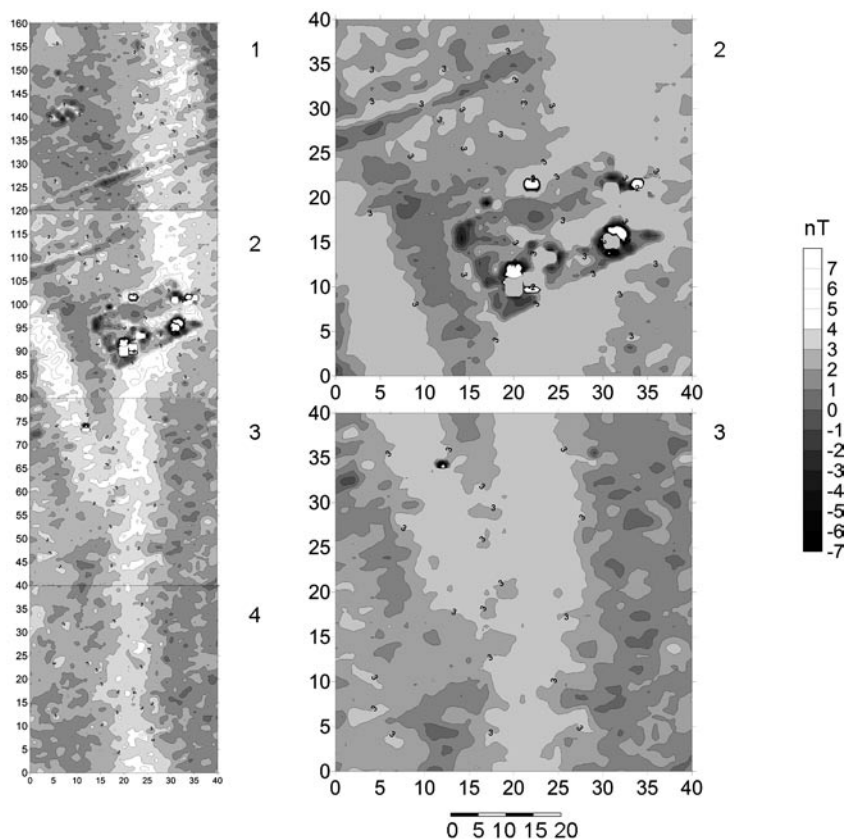
По костям животных с поселения Новоильинка III получена серия радиоуглеродных дат: $4\,270 \pm 170$ BP (Je-7534), $4\,585 \pm 170$ BP (COAH-8318), $4\,310 \pm 110$ BP (COAH-8319), $4\,250 \pm 120$ BP (COAH-8320). Калибровка этих дат почти на тысячу лет удревняет время формирования культурного слоя этого поселения. Максимальный разброс по сигме 1 (68,2 % probability) составил интервал от 3 650–3 600 BC до 2 650–2 630 BC. Максимальный разброс по сигме 2 (95,4 % probability) составил интервал от 3 700–2 850 BC до 3 500–2 400 BC.

Материалы памятника Новоильинка III относятся к переходному периоду от неолита к бронзовому веку, который называют либо «энеолитом», либо «эпохой раннего металла» [Молодин, 2001]. Причем, судя по имеющимся данным, он относится к концу этого переходного периода – к рубежу энеолита и ранней бронзы.

В 2012 г. комплексные исследования поселения Новоильинка III были продолжены. До начала археологических раскопок на площади памятника была проведена геомагнитная съемка с использованием квантового градиентометра G-858 методом вертикального градиента. Последовательно, с севера на юг было выполнено картирование четырех участков, размером 40×40 м. Измерения проводились при равномерном движении оператора по параллельным профилям с юга на север. Расстояние между профилями равнялось 1 м. Расстояние между точками замеров вдоль профиля составляло около 10 см. В результате, была получена магнитограмма исследованного участка (см. *рисунк*).

На участках 1, 2 отчетливо проявились границы раскопа, а также разведочного шурфа. Здесь же выявлены аномалии, протянувшиеся параллельными рядами по линии ЮЗ–СВ. По-видимому, они связаны с распахкой. В 2012 г., в процессе составления современного геоботанического описания памятника, М.М. Силантьевой было сделано заключение, что в 70–80-е гг. XX в. на этой территории в промышленных масштабах заготавливали корень солодки. Для этого землю вспахивали, переворачивали пласты земли и из них доставали корень растения. В результате, произошло частичное нарушение культурного слоя и перемещение артефактов по горизонтали и вертикали.

Общий фон на магнитограмме характеризуется достаточно пестрым набором хаотично расположенных неоднородностей со значениями до 2 нТл. Отличная от общей картина зафиксирована только в северо-западной части участка 1, что, по-видимому, связано с периодическим подтоплением этого места водой. На общем фоне отчетливо выделяется линейная аномалия, которая на площади участка 3 раздваивается на два «рукава». Она состоит из множества аморфных аномалий с положитель-

Магнитограмма памятника Новоилынка III.

ными магнитными значениями до 5 нТл. Характер этой структуры позволяет предположить, что она имеет природное происхождение. Это может быть русло небольшого потока, либо промытый участок, по которому в периоды обводнений протекала вода, заполняя его более магнитным веществом гумусовых горизонтов. Это предположение согласуется, также, с тем, что рельеф в этом месте понижается по направлению к северу, где в настоящее время отчетливо видны следы заболачивания. Увеличение магнитных параметров в зоне данной аномалии подтверждается и результатами капаметрии. Измерения были сделаны на площади старого раскопа, который расположен на участке 2, в пределах одного из «рукавов». На участках, где раскоп попал в зону выделенной аномалии, были зафиксированы повышенные значения магнитной восприимчивости грунта, а за ее пределами магнитные параметры снижены. Та же закономерность проявляется и при анализе распределения участков с повышенной концентрацией археологических находок.

Для того, чтобы оценить особенности прилегающей к исследованному участку площади, был использован метод построения магнитных профилей, который является перспективным и экономичным для решения поисковых задач. С южной и восточной сторон участка 4 было пройдено пять профилей, длиной 40 м, с шагом 20 м. Однако, никаких структур, которые можно было бы предварительно идентифицировать как археологические комплексы, выявлено не было.

Таким образом, на исследованной площади не удалось выделить объекты, которые можно было бы сопоставить с жилищами, захоронениями или производственными площадками. Выявленные аномалии плохо поддаются интерпретации. Археологические раскопки также не дают однозначного ответа на вопрос о типе этого памятника. Однако, результаты сопоставления археологических и геофизических данных позволяют, на наш взгляд, сделать некоторые выводы. Учитывая достаточно убедительные доказательства относительно природного характера выявленной аномалии, можно предположить, что население эпохи энеолита использовало некое естественное углубление для помещения туда отходов жизнедеятельности. Примеры этого мы можем видеть вплоть до настоящего времени. Однако, некоторые особенности, отмеченные на остеологическом материале, и наличие здесь целых сосудов позволяют, также, предположить, что это место могло иметь ритуальное назначение. Если дальнейшие исследования подтвердят этот факт, то можно будет поставить вопрос об особенностях ритуальной практики энеолитического населения. В перспективе, необходимо продолжить магнитометрические исследования памятника с целью обнаружения поселенческого комплекса, в том числе провести работы по оценке степени контрастности грунтов в зоне работ.

В 2012 г. на поселении Новоильинка III было исследовано 320 кв.м. Культурный слой, содержащий находки, залегал на глубине 0,3–0,6 м. Получены представительные коллекции керамики и каменных артефактов, костей животных, которые в настоящее время проходят камеральную обработку. В ходе полевых исследований, М.М. Силантьевой выполнено современное геоботаническое описание памятника. Собран гербарий, в том числе образцы растений для озоления с целью получения коллекций фитолитов современных растений. В процессе данной работы, был выдвинут ряд предположений, объясняющих полученные ранее данные. Так, в ходе полевых исследований 2010 г., в раскопе были зафиксированы «ямы» аморфной формы с «размытыми» краями, которые выделялись более темным цветом (гумусированная супесь) на фоне серой слабо гумусированной супеси. Глубина этих объектов составляла от 0,7 до 0,75 м от дневной поверхности, а диаметр от 2 до 4 м. В этих «ямах» обнаружены фрагменты скелетов коней, при этом часть костей лежала в анатомическом порядке. Было выдвинуто предположение, что это древние неровности рельефа, заполненные костями животных (за счет чего сформировалась гумусированная супесь темного цвета) и обломками сосудов. По мнению

М.М. Силантьевой образование подобного гумусированного слоя на фоне песка или супеси происходит под ивами. Из «ям» были отобраны образцы для проведения фитолитного анализа, а также образцы ив для озоления. На территории поселения были, также, взяты образцы грунта на почвенный и микробиоморфный анализы. В настоящее время идёт процесс их обработки в лабораторных условиях.

Обобщение результатов проведенных исследований в дальнейшем позволит выйти на уровень реконструкции не только среды обитания, но и этнокультурных процессов, протекавших в среде населения Кулундинской и Барабинской степей, а также Казахстана в конце IV–III тыс. до н.э.

Список литературы

Кирюшин К.Ю., Ситников С.М., Семибратов В.П., Гельмель Ю.И. Поселение Новоильинка III – памятник энеолита Кулунды // Тр. III (XIX) Всероссийского археологического съезда. – СПб.: Великий Новгород, 2011. – Т. I. – С. 226–227.

Куминова А.В., Вагина Т.В., Лапшина Е.И. Геоботаническое районирование юго-востока Западно-Сибирской низменности // Растительность степной и лесостепной зон Западной Сибири. – Новосибирск, 1963. – Вып. 6. – С. 35–61.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 1. – 128 с.

Ситников С.М., Грушин С.П., Гельмель Ю.И. Поселение Новоильинка III – новый памятник неолита в Северной Кулунде // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2006. – Вып. XV. – С. 280–282.

КАМЕННАЯ СКУЛЬПТУРА В ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСАХ КИТАЯ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ*

В погребальных комплексах Китая начиная с эпохи поздней античности каменные скульптуры объединялись в комплексы под названием «аллея духов» в рамках единого архитектурного ансамбля. Она представляет центральный проход к усыпальнице с разными конструкциями (стелами, пилонами, арками), а также каменными скульптурами людей и животных, установленными попарно по сторонам. Считалось, что по этой дороге шли души умерших, а каменная стража их защищала. Самая ранняя аллея духов прослеживается в погребении полководца Хо Цюйбина (140–117 гг. до н.э.), хотя первые монументальные скульптуры были установлены в 120 г. до н.э. Композиция из двух каменных фигур в императорском парке иллюстрировала миф о Ткачихе и Волопасе [Zhao Wenbing, 2010, p. 51], в котором пастух берет в жены внучку Си-ван-му (Владычицы Запада). Скульптуры грубо вырублены из валунов; в их очертаниях можно видеть сходство с традицией каменных фигур Синьцзяна, которая восходит к бронзовому веку [Адили Абулицзи, 2010, с. 2–4]. Пропорции фигуры Волопаса искажены, словно скульптор восстанавливал образец по памяти, либо выразил негативное к нему отношение.

Известно о более ранних случаях установки каменных статуй именно в погребальных комплексах. В трактате «Сань фу хуанту» (сер. V в.) упоминаются изваяния единорогов-*цилиней*, стоявших на вершине кургана над могилой Цинь Шихуанди. (Одна легенда также связывает каменных зверей с его именем [Лян Синьли, 2007, с. 207]).

Могила Хо Цюйбина входит в комплекс мавзолея ханьского У-ди (прав. 140–84 гг. до н.э.). В «Шицзи соинь» Сыма Чжэня (VIII в.) о ней сказано: «На могиле поставлены камни, впереди друг напротив друга стоят каменные лошади, также есть и каменные <изваяния> людей». Всего насчитывается 16 статуй, которые делятся на три группы: 1) валуны, на поверхности которых намечены очертания фигур (жабы, лягушки и рыбы); 2) хорошо проработанные изображения (скачущей и лежащей лошадей, лежащих быка и кабана, припавшего к земле тигра, спящего слона); 3) сложные скульптурные композиции [Кравцова, 2010]. В группах 1, 2 использовались куски камня, напоминавшие животных по форме. К груп-

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 11-01-00489).

пе 3 относятся статуя фантастического хищника, пожирающего овцу; и композиция, представляющая борьбу медведя с обезьяной (?). Сюда же входит самое известное изваяние – «конь, топчущий варвара» (рис. 1). Ее трактуют как символ побед Хо Цюйбина, но Чжан Гуанчжи увидел в ней аллегория борьбы женского (*инь*) и мужского (*ян*) начал. По мнению М.Е. Кравцовой [2004, с. 237], фигура хищника, пожирающего овцу, сопоставима со «сценами терзания» скифо-сибирского звериного стиля. Некоторые стилистические особенности скульптур (например, барана) также напоминают образцы степного искусства.

К группе 3 относят и статую стоящего человека с большой головой, круглыми глазами и ухмыляющимся ртом. Она высечена из камня, близко-го по форме очертаниям человеческой фигуры; по стилю похожа на статую Волопаса. Р.В. Вяткин [1962, с. 19] отметил грубое движение резца скульп-

Рис. 1. Скульптура «коня, топчущего варвара» (длина 190, высота 168 см). Факсимильная копия из экспозиции Шэньсийского исторического музея (г. Сиань). Фото А.И. Соловьева.

тора, кое-где оставившее скальную поверхность. Сходная по стилистике известняковая статуя эпохи Восточная Хань (25–220) найдена в Цинчжоу. Она изображает «человека северного племени» в островерхой «варварской» шапке, с руками, сложенными на животе, возможно, держащими сосуд [The legend..., 2007, p. 228]. По нечетким деталям и карикатурным чертам лица можно полагать, что это копия с более ранних прототипов.

Аллеи духов классического вида появляются на восточноханьских погребениях, например, императора Гуан У-ди. В «Шуй цзин чжу» (V в.) говорится, что перед могилой Цао Суна, отца Цао Цао, «стелы на востоке и западе, друг напротив друга стоят две каменные лошади высотой 8 чи 5 цуней, камень обработан грубо, не сравнится с изваяниями слонов и лошадей прохода <к могиле> Гуан У». Очевидно, перед усыпальницей находилась аллея духов из парных статуй, возможно, закрытая сверху.

Сохранились несколько могил с изваяниями той эпохи. Кроме тигров, баранов, лошадей, верблюдов появляются изваяния львов и фантастических существ *бисе* и *тяньлу*. Небесный олень (*тяньлу*) считался вестником счастья. В летописи «Сун шу» (V–VI в.) говорится: «...это животное с чистой душой. Пятицветное сияние пронизывает его насквозь, нравственность государя достигнет совершенства». Обычно *тяньлу* изображался как олень с крыльями и одним рогом [Кравцова, 2004, с. 415, 416]. О «химере» *бисе* в словаре «Цзи цю пянь» (40 г. до н.э.), сказано: «Шэцзи, бисе устраняют зло». Янь Шигу (581–645) писал в комментарии к «Хань шу»: «Шэцзи, бисе – это чудесные звери... Бисе может избавлять от нечистой силы». Как считал Мэн Кан (III в.): «...однорогий также называется небесным оленем, двурогий иначе называется *бисе*». Таким образом, *бисе* похож на оленя с длинным хвостом и двумя рогами. Однако нефритовые фигурки *бисе* эпохи Хань в каталоге «Гу юй ту пу» (XII в.) не имели рогов. В дальнейшем по внешнему облику и функциям *бисе* сближается со львом, образ которого пришел с буддизмом из Индии в I–II вв.; главное отличие заключалось в паре крыльев.

Основной функцией изваяний была защита от злых сил. В сочинении Ин Шао «Фэн су тун» (II в.) сказано: «Перед могилами – верхушки деревьев, на дороге – каменные тигры. В “Чжоу ли” говорится: “Заклинатели духов в день похорон ... изгоняют демонов”. Демоны любят поедать печень и мозг покойников, люди не могут заставить заклинателя демонов все время стоять возле могилы и защищать ее, а демоны боятся тигра и кипариса, поэтому перед могилами устанавливают <статуи> тигров и <сады> кипарисы».

Позднее скульптуры стали указывать на социальный статус покойного. Шэнь Юэ (441–513) писал в «Сун шу»: «После эпохи Хань проводы покойных в Поднебесной стали слишком пышными, все строят каменные усыпальницы, <устанавливают> каменные <изваяния> зверей, стелы с надписями». В танском сборнике *бицзи* Фэн Яня говорится: «Со времен династий Цинь и Хань перед могилами императоров устанавливали камен-

ных *цилиней*, каменных *бисе*, каменных слонов, каменных лошадей, они украшали могилы, словно почетный караул при жизни <императора>». В период Южных и Северных династий возникает строгая регламентация состава аллеи духов в зависимости от статуса. Так, скульптуры животных с рогами могли установить только на могилах императоров.

Наиболее известна аллея духов комплекса Шисаньлин («13 усыпальниц» императоров династии Мин) в 50 км к северу от Пекина у подножия гор Тяньшоушань. Площадь погребального ансамбля ок. 40 кв. км, период возведения с 1409 по 1645 г. Аллея духов содержит ряд основных архитектурных элементов: путь ведет через пятиарочные ворота *пайлоу*, трехарочные «Большие красные ворота», минует Павильон стелы, после чего часть пути с каменными изваяниями завершается Ворота Дракона и Феникса.

За арками-*пайлоу* из белого камня, согласно даосским представлениям, по сторонам дороги расположены холмы Дракона (слева) и Тигра (справа), охраняющие «Большие дворцовые ворота». За ними начинался участок аллеи (длиной ок. 7 км), с юга на север ведущий к первой из устроенных гробниц Чанлин. В центре расположен Павильон стелы высотой св. 6 м, с основанием-черепахой и навершием в виде головы дракона; лицевая сторона покрыта гравировкой с каллиграфией минского императора Хунси и цинского Цяньлуна. По углам павильона установлены четыре резные колонны из белого камня.

По обе стороны пути, начало которого обозначено 6-угольными каменными колоннами, возвышаются изваяния 12 чиновников (по четыре сановника, гражданских и военных чинов) и 24 животных. В бестиарии представлены львы, единороги-*сечжи*, слоны, верблюды, единороги-*цилини* и лошади, всех по четыре. Они расположены попарно, первая пара коленопреклоненная, вторая – стоящая; символизируют защиту от нечисти, высокие моральные качества, воинские достоинства, благопожелание и т.п. Ворота Дракона и Феникса представляют три прохода с выступающими колоннами и скульптурами животных на вершине. Далее за 7-арочным мостом находится гробница Чанлин и веером расходятся дороги к другим могилам (рис. 2).

Таким образом, традиция установки каменных изваяний на погребениях Китая восходит к эпохе Цинь. Самым ранним дошедшим до нас образцом погребальной каменной скульптуры являются статуи на могиле Хо Цюйбина. В эпоху Восточная Хань появляются аллеи духов в виде установленных попарно изваяний реальных и фантастических животных, реже чиновников или воинов в доспехах, которые дополняются стелами, арками, пилонами. Основным их назначением была защита от злых сил, позднее они обозначают статус покойного. Основные черты аллеи духов, сложившиеся при Хань, остаются обязательными для элитных, прежде всего, императорских захоронений Китая вплоть до династий Мин и Цин [Фэн Хэцзюнь, 2007, с. 257–261].

Рис. 2. Схема расположения «дороги духов» в Шисаньлин. Музей «Тринадцати усыпальниц династии Мин». Фото А.И. Соловьева.

Эти нормы ритуальной практики оказали влияние на оформление сакрального пространства погребений у населения смежных территорий. Можно констатировать их стремление воспроизводить (доступными средствами, иногда с помощью китайских мастеров) характеристики погребальных ансамблей Поднебесной, особенно в эпоху раннего Средневековья. Классическим примером служит архитектура комплекса Кюль-тегина, где представлены «драконовые» черепашки, галерея чиновников и т.п. Некоторые параллели содержат и материалы некрополей более низкого социального разряда. Сложение статуарной традиции Китая, в свою очередь, происходило не без влияния кочевников. Его можно увидеть в аллеях оленных камней, образующих с каменными кладками и насыпями единый архитектурный ансамбль.

Список литературы

Адили Абулицы. Синьцзян гудай юнсу ишу (Древнее искусство фигуративной пластики Синьцзяна). – Урумчи: Синьцзян мэйшу шэин чубаньшэ, 2010. – 112 с.

Вяткин Р.В. Музеи и достопримечательности Китая. – М.: Изд-во вост. лит., 1962. – 174 с.

Кравцова М.Е. Мировая художественная культура: История искусства Китая. – СПб.: Лань; ТРИАДА, 2004. – 960 с.

Кравцова М.Е. Хо Цюй-бин му // Духовная культура Китая. – М.: Вост. лит., 2010. – Т. 6 (доп.): Искусство. – С. 746–747.

Лян Синьли. Бэйцзин гу ши (Старые львы Пекина). – Пекин: Бэйцзин тушугуань чубаньшэ, 2007. – 355 с.

Фэн Хэцзюнь. Чжунго гудай дяосу шуяо (Обзор древней скульптуры Китая). – Пекин: Цзыцзиньчэн чубаньшэ, 2007. – 272 с.

The legends of Mawangdui / ed. Zhang Dongxia. – Beijing: China Intercontinental Press, 2007. – 239 p.

Zhao Wenbing. Chinese Sculpting. – Beijing: China Intercontinental Press, 2010. – 152 p.

ПЕТРОГЛИФЫ СЫРНАХ-ГОЗЫ

В полевом сезоне 2011 г. Чуйский отряд Алтайской экспедиции ИАЭТ СО РАН проводил археологические разведочные работы в долине р. Чуи на территории Республики Алтай. Им обследован участок полосы отчуждения под проектируемый газопровод «Алтай» общей протяженностью 180 км. Лишь небольшая часть из 95 археологических памятников на этом участке была известна к моменту начала исследования, остальные открыты и зафиксированы впервые. В их число входит и компактный петроглифический комплекс Сырнах-Гозы, предварительная информация о котором уже публиковалась [Кубарев Г.В., Слюсаренко, 2011]. Данная статья направлена на дальнейший ввод в научный оборот и интерпретацию материалов этого петроглифического комплекса.

Петроглифы Сырнах-Гозы находятся в Онгудайском районе Республики Алтай, в 1,5–2,0 км к юго-западу от с. Белый Бом. Комплекс расположен на левом берегу р. Чуя, в ее нижнем течении. Наиболее известными пунктами петроглифов в этом районе Алтая являются местонахождения Калбак-Таш I и Калбак-Таш II. В 1979 г. работы на петроглифическом комплексе Калбак-Таш I проводили сотрудники Института истории, филологии и философии СО АН СССР под руководством Е.А. Окладниковой. По результатам этих исследований опубликованы небольшие по объему статьи [1981; 1987]. В 1987–1990 гг. В.Д. Кубарев провел работы по сплошному копированию рисунков местонахождения Калбак-Таш I, что нашло отражение в двух монографиях [Kubarev, Jacobson, 1996; Кубарев В.Д., 2011]. Петроглифы Калбак-Таша I являются одним из немногих петроглифических комплексов Алтая, где на небольшом, но очень насыщенном рисунками участке сосредоточены разновременные наскальные композиции. Калбак-Таш I представляет собой своеобразный культурно-хронологический репер, к которому могут быть привязаны многие алтайские петроглифы. В 1991 г. В.Д. Кубаревым было обнаружено и исследовано местонахождение петроглифов Калбак-Таш II, включая и так называемый Игнатов камень [Кубарев В.Д., Маточкин, 1992, рис. 31].

На левом берегу р. Чуи наскальные рисунки встречаются на отдельных выходах и скальных останцах от с. Июдро и до самого устья реки. Как правило, они не образуют сложные многофигурные композиции, а представлены одиночными, либо немногочисленными изображениями. В числе

первых их зафиксировал Д.В. Черемисин, работавший в составе Восточно-Алтайского отряда на Калбак-Таше I в конце 1980-х гг. [1990, 1997]. Позднее, они были разделены на четыре пункта: Чуя I–IV [Кубарев В.Д., Маточкин, 1992, с. 50].

Петроглифы Сырнах-Гозы нанесены на скальный выход, возвышающийся над высокой надпойменной террасой р. Чуя и расположенный близ границы леса на северном склоне гор. Скальный выход высотой около 8–10 м хорошо заметен издали. Его общая длина по линии С–Ю составляет около 20 м. Почва под скалой сильно гумусирована и поросла высокой травой. У основания скального выхода зафиксированы остатки стен, сложенных из огромных плит. Вероятно, они представляют собой разрушенные загоны для скота, подобно таким же каменным сооружениям, неоднократно встреченным у других наскальных комплексов на территории Российского и Монгольского Алтая. Проведение в будущем археологических раскопок у основания скального выхода с петроглифами Сырнах-Гозы представляется весьма перспективным.

Местонахождение петроглифов насчитывает около 11 композиций, выполненных на вертикальных поверхностях, 5 композиций на горизонтальных поверхностях, а также многочисленные отдельные изображения животных. Вертикальные скальные поверхности с рисунками обращены преимущественно на восток и концентрируются на нижнем ярусе скального выхода. Скальная поверхность серого, серо-зеленого цвета, слабо патинизирована, мох и лишайники практически отсутствуют. Слабая патинизация поверхности скалы и собственно петроглифов объясняется расположением скального выхода, который освещается солнцем непродолжительное время лишь в утренние часы.

Из наскальных рисунков местонахождения, выполненных на вертикальных поверхностях, несомненно, выделяются две большие композиции, расположенные в самом центре скального выхода (рис. 1, 2). На одной из них, размеры которой составляют 2 x 0,6 м, воспроизведена большая фигура горного барана, окруженного более мелкими фигурами козлов и других животных (рис. 1). Большая часть мелких фигур животных выполнена в схематичной манере и вероятно позднее по времени, чем центральная фигура горного барана. Подтверждением этому может служить факт налегания мелкой фигуры на крупную.

Данная центральная композиция как будто разделена на две части трещиной в скале. Ниже ее изображена сцена охоты двух лучников на горных козлов и оленя с древовидными рогами (рис. 1). Один из лучников имеет характерный серповидный головной убор и хвост. Большая часть фигур животных и людей выполнена реалистично, тогда как в нижней части композиции имеются схематичные и незаконченные фигуры животных.

Вторая центральная композиция местонахождения Сырнах-Гозы имеет размеры 1,3 x 0,9 м (рис. 2). Ее нижняя и левая сторона сильно пострадали от естественного разрушения и отслаивания камня. Несомненно, что

Рис. 1. Центральная композиция № 1 на местонахождении петроглифов Сырнах-Гозы.

Рис. 2. Центральная композиция № 2 на местонахождении
петроглифов Сырнах-Гозы.

значительная часть изображений утеряна, а сама композиция первоначально была значительно больше. Среди схематично выполненных и незаконченных фигур животных необходимо отметить четыре изящных фигуры в верхней части композиции: оленя, лося, коня (?) и козла (рис. 2). Все они изображены в одном стиле. В составе этой композиции также имеется изображение стреляющего лучника и предельно схематичная и незакон-

ченная фигура человека. В нижней части сцены воспроизведены два быка. У одного из них, сильно поврежденного сколами, имеются кольцевидные рога и выюк на спине. Обращает на себя внимание и сколотое контурное изображение маралухи с силуэтным выделением головы животного. В центральной части композиции вырезаны четыре тамгаобразных знака, один из которых глубоко прошлифован (рис. 2). Две тамги нанесены поверх более ранних, выбитых изображений.

Основной массив петроглифов Сырнах-Гозы, представляющий собой выбитые изображения оленей, быков, охотников в серповидных головных уборах, относится к эпохе ранней и развитой бронзы (начало и середина II тыс. до н.э.). Среди многочисленных аналогий в петроглифах Алтая наиболее близкой и яркой можно считать основную и самую многочисленную группу наскальных изображений в Калбак-Таше I [Кубарев В.Д., 2011, с. 61]. К аржано-майэмирскому или раннескифскому периоду относятся несколько фигур в верхней части второй композиции (рис. 2). Они выделяются своей характерной позой, трактовкой ног и воспроизведением глаза.

Тамги, вырезанные на скале Сырнах-Гозы, имеют прямые аналогии с тамгами известных тюркских памятников Монголии. Подобные родовые знаки встречены на скале Дэл уул [Самашев З., Базылхан, Самашев С., 2010, рис. 47], на стеле Ел этмиш кагана (Мойын Чура) [Там же, рис. 48], на стеле из мемориального комплекса Кутлуг-кагана в Шивэт-Улане [Жолдасбеков, Сарткожаулы, 2006, рис. 33]. Это помогает не только с достаточной степенью уверенности определить время нанесения тамг в Сырнах-Гозы в пределах VII–VIII вв., но и лишний раз подтверждает факт вхождения территории Алтая в состав Второго Тюркского каганата и тесные связи с родственным тюркским населением Монголии в указанный период. По-видимому, гравированные изображения в Сырнах-Гозы также должны быть датированы древнетюркской эпохой.

Дальнейшее копирование наскальных изображений петроглифического пункта Сырнах-Гозы и полный ввод их в научный оборот представляется нам актуальной исследовательской задачей.

Список литературы

- Жолдасбеков М., Сарткожаулы К. Атлас орхонских памятников. – Астана: Кюльтегин, 2006. – 360 с.
- Кубарев В.Д. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). – Новосибирск. – Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 444 с.
- Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1992. – 123 с.
- Кубарев Г.В., Слюсаренко И.Ю. Археологическая разведка в долине реки Чуи на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 409–413.

Окладникова Е.А. Петроглифы Калбак-Таша // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. – 1981. – № 11, вып. 3. – С. 61–64.

Окладникова Е.А. Хронология наскального искусства горы Калбак-Таш (Горный Алтай) // Новые памятники эпохи металла на Среднем Амуре. – Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО АН СССР, 1987. – С. 98–110.

Самашев З., Базылхан Н., Самашев С. Древнетюркские тамги. – Алматы: АБДИ Компани, 2010. – 168 с.

Черемисин Д.В. Петроглифы в устье р. Чуи (Горный Алтай) // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М.: ИА АН СССР, 1990. – С. 162–165.

Черемисин Д.В. Петроглифы левого берега р. Чуи (Горный Алтай) // Наскальное искусство Азии. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. – С. 78–88.

Kubarev V.D., Jacobson E. Sibérie du sud 3: Kalbak-Tash I (Republique de l'Altai). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. – T. V, f. 3. – Paris: De Boccard, 1996. – 256 p.

*Я.В. Кузьмин, И.Д. Зольников, О.В. Софеев, О.И. Новикова,
Н.В. Глушкова, Д.А. Чупина, Д.Е. Ануфриев*

РЕЗУЛЬТАТЫ ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ВЕНГЕРОВСКОМ РАЙОНЕ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ В 2012 ГОДУ*

В 2012 г. начато углубленное изучение адаптации древнего человека к обстановкам природной среды Барабинской лесостепи на основе технологий геоинформационных систем (ГИС); ранее (2004–2011 гг.) были проведены предварительные работы (см., напр.: [Кривоногов и др., 2005; Зольников и др., 2008, 2012]). Использование методов ГИС позволяет в короткое время проводить анализ большого количества данных по геопривязанным точечным объектам (таким, как археологические памятники) и сопоставлять закономерности их пространственного положения с палеогеографическими условиями на изучаемой территории, что дает возможность реконструировать обстановки природной среды древних культур и создавать модели взаимодействия природы и древнего человека.

Основной целью этапа 2012 г. было обследование обнаруженных ранее в пределах Венгеровского района Новосибирской области археологических памятников [Молодин, Новиков, 1998], с получением **GPS координат** и определением геоморфологической ситуации. В первую очередь обследовались те объекты, для которых известна хронологическая принадлежность. При этом, с одной стороны, неизбежно сокращается количество памятников, подлежащих обследованию (примерно вдвое); с другой стороны, выбранные объекты обладают гораздо более высоким потенциалом изучения применительно к целям проекта, чем памятники неясного или неизвестного возраста и культурной атрибуции.

В геоморфологическом отношении изученная территория является частью Барабинской слабоволнистой гривно-озерной равнины [Земцов и др., 1988]. Нами с помощью анализа ГИС-методами цифровой модели рельефа **SRTM построена геоморфологическая карта Венгеровского района** (рис. 1). В его пределах выделено несколько типов рельефа [Зольников и др., 2012]. Водораздельные пространства делятся на: 1) слаборасчлененные поверхности; 2) гривы; 3) озерные котловины (частично занятые современными озерами). В пределах долин основных рек (Оми и Тартаса) выделяются пойма (высота до 2–2,5 м над урезом) и первая надпойменная терраса (высота до 5–7 м). В долинах рек второго порядка (Кама и др.) выделяется уровень современной аккумуляции (пойма, высота до 1–

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ (№ 12-06-00045).

1,5 м) и поверхность первой надпойменной террасы (высота 2–3 м). Долина магистральной реки Оми имеет чётковидное строение – чередование озеровидных расширений («займищ») и сравнительно узких участков (рис. 1). Вероятно, это связано с существованием в позднем плейстоцене в расширенных участках речных долин озёр, которые впоследствии были спущены в результате подрезания их бортов боковой эрозией.

Обследование в 2012 г. около 70 археологических памятников неолита, бронзового века, железного века и средневековья в пределах Венгеровского района показало, что подавляющая часть данных объектов (за исключением двух или трех) приурочена к водораздельному рельефу (рис. 1). При этом часто памятники располагаются вблизи от границы с долинным рельефом, а также непосредственно на их контакте – на бровке коренного берега (Старый Тартас-2; Красносельское-1; Венгерово-3; Заречное-3; Бровка-1, -2; Усть-Изес-2; Кама-3, -4, -5, -8 и др.). Ряд памятников находится на останках коренного рельефа внутри долинного комплекса (Сопка-1–4, -6; Вознесенское городище). Особенно привлекательной для древнего человека была территория между с. Венгерово и устьем р. Камы (рис. 1), расположенная на сочленении пологой водораздельной поверхности и озеровидного расширения р. Оми, носящего на топографических картах название «Урочище Таи». Именно здесь наблюдается высокая концентрация археологических памятников разного возраста – от неолита до средневековья; это объекты Автодром-1, -2; Венгерово-2, -2А; Усть-Тартасские курганы; Козловка-1, -4; Карачинское Озеро-3. Другим местом высокой концентрации археологических памятников является район устья р. Тартаса (рис. 1; см. также: [Кривоногов и др., 2005, с. 361]).

Наибольшее количество сравнительного материала в пределах Венгеровского района (применительно к целям работ по данному проекту) имеется для объектов бронзового и железного веков. Нами предпринята попытка пространственного анализа этих двух групп археологических памятников (рис. 2). Основным параметром послужила абсолютная высота памятников, полученная из цифровой модели рельефа SRTM (точность 1–2 м). Все рассматриваемые памятники относятся к двум основным категориям – поселения и могильники. В соответствии с частотой распределения объектов по абсолютной высоте выделено три интервала: 1) 92–98 м; 2) 99–101 м; 3) 102–111 м (рис. 2).

Установлено, что памятники бронзового века (всего 27) распределены по высотной шкале достаточно равномерно, в то время как памятники железного века (всего 29) не встречаются в интервале 92–98 м, а их максимум приурочен к интервалу 102–111 м (рис. 2, А). Таким образом, памятники железного века располагаются на более высоких отметках рельефа, чем объекты эпохи бронзы.

Что касается распределения могильников (рис. 2, Б), то для бронзового века (10 объектов) их наибольшее число приурочено к интервалу 102–111 м, а для двух других интервалов высот количество объектов примерно рав-

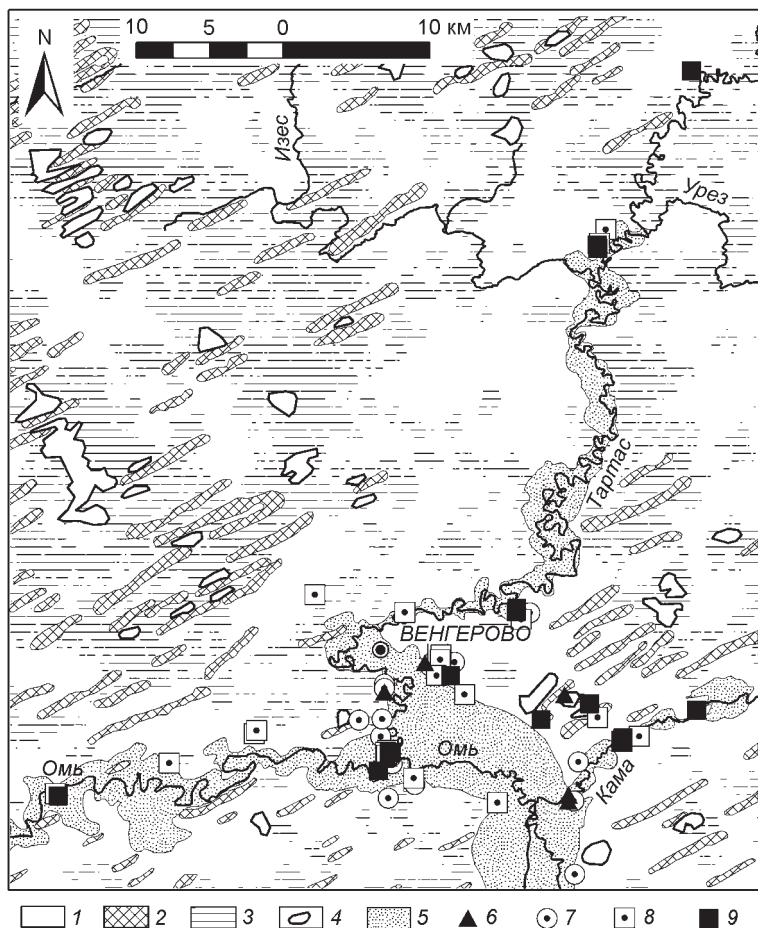

Рис. 1. Геоморфологическая карта Венгеровского района

и положение обследованных в 2012 г. археологических памятников.

Типы рельефа: 1 – слаборасчлененная водораздельная поверхность; 2 – гряды; 3 – озеро-
видные понижения; 4 – современные озера;

5 – долинный комплекс (пойма и надпойменная терраса).

Археологические памятники: 6 – неолит; 7 – бронзовый век; 8 – железный век;

9 – средневековые (включая позднее средневековье).

ное. Для железного века (9 объектов), как и в случае с жилыми комплексами, характерно отсутствие могильников на самых пониженных участках, а в интервалах 99–111 м они расположены достаточно равномерно.

В отношении поселений ситуация выглядит сходной с таковой для всех памятников: в то время как поселения бронзового века (17 объектов) распределены по высотам достаточно равномерно, для железного века (20 объектов) отсутствуют поселения на самых низких отметках (92–

98 м), а их наибольшее количество известно для интервала высот 102–111 м (рис. 2, В).

Вероятно, существует некая объективная предопределенность выявленных нами различий. Сделана попытка найти объяснение этому явлению с помощью привлечения данных по древней экономике [Зольников и др., 2012]. Известно, что в бронзовом веке важными отраслями хозяйства населения Барабы были охота, рыболовство и собирательство; однако уже в эпоху ранней бронзы появляется производящее хозяйство в виде скотоводства, роль которого на этапе развитой бронзы возрастает, а в эпоху поздней бронзы становится главенствующей [Молодин, 1985]. В железном веке в Барабинской лесостепи главной отраслью хозяйства было скотоводство при подчиненной роли земледелия; при этом сохраняли свою важность присваивающие виды деятельности (охота и рыболовство) [Молодин, Новиков, 1998; Полосьмак, 1987]. На основании распределения объектов бронзового и железного веков по абсолютной высоте можно сделать предварительный вывод о том, что в эпоху бронзы население активно осваивало наиболее низменные (приречные) территории, тогда как в эпоху железа основными местами обитания были водораздельные пространства (вероятно, более приспособленные для скотоводства). Мы полностью отдаем себе отчет в том, что по мере увеличения количества объектов (за счет изучения соседних территорий) выявленные закономерности могут претерпеть изменения.

Определение связи системы расселения древнего населения Барабы с изменениями климата в голоцене является следующей целью работ по проекту РФФИ «Адаптация древнего человека к обстановкам природной

Рис. 2. Распределение по высоте всех объектов бронзового и железного веков Венгеровского района (А), могильников (Б) и поселений (В).

среды Барабинской лесостепи (Западная Сибирь): пространственно-временной анализ на основе ГИС-технологий» (№ 12-06-00045). Нами уже сделана попытка оценить степень благоприятности тех или иных типов ландшафтов изучаемой территории в условиях увлажнения и иссушения [Зольников и др., 2012]. Очевидно, что для получения надежных результатов необходим углубленный анализ имеющейся палеогеографической информации (см., например: [Орлова, 1990; Хазина, Волкова, 2009]), однако предварительные данные позволяют сделать вывод о том, что разработанный нами подход является перспективным.

Список литературы

Земцов А.А., Мизеров Б.В., Николаев В.А., Суходровский В.Л., Белецкая Н.П., Гриценко А.Г., Пилькевич И.В., Синельников Д.А. Рельеф Западно-Сибирской равнины. – Новосибирск: Наука, 1988. – 192 с.

Зольников И.Д., Кузьмин Я.В., Чемякина М.А., Новикова О.И. Геоархеологические наблюдения в центральной части Барабинской равнины летом 2008 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 160–163.

Зольников И.Д., Постнов А.В., Лямина В.А., Глушкова Н.В., Славинский В.С., Чупина Д.А., Кузьмин Я.В., Бондаренко А.В., Новикова О.И., Деметьев В.Н., Селятицкая Н.А. ГИС-моделирование условий обитания, благоприятных для проживания древнего человека в горах Алтая и на юге Западно-Сибирской равнины // ИнтерКарто-ИнтерГИС-18: Устойчивое развитие территорий: теория ГИС и практический опыт. – Смоленск: Междунар. картограф. ассоциация, 2012. – С. 283–288.

Кривоногов С.К., Казанский А.Ю., Молодин В.И., Чемякина М.А. Геолого-геоморфологические особенности района впадения р. Тартас в р. Омь как места расселения человека // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. 1. – С. 359–363.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. – Новосибирск: НПЦ по сохранению ист.-культ. наследия, 1998. – 139 с.

Орлова Л.А. Голоцен Барабы (стратиграфия и радиоуглеродная хронология). – Новосибирск: Наука, 1990. – 128 с.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 144 с.

Хазина И.В. Волкова В.С. К проблеме корреляции разрезов голоценовых отложений юго-восточной части Западной Сибири (по палинологическим и радиоуглеродным данным) // Бюлл. Комисс. по изуч. четвертич. периода. – 2009. – № 69. – С. 135–141.

**СЕРАФИМОВ КАМЕНЬ –
АСТРОНОМИЧЕСКАЯ ОБСЕРВАТОРИЯ
И АСТРОСВЯТИЛИЩЕ ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ
(боги, Солнце, звезды и Мировая гора
в мировоззрении жречества эпохи бронзы Хакасии)**

Вводные замечания

Астроархеологической ориентации изучение памятников, обнаруженных на горе Солбон и Первом Сундуке предгорий Кузнецкого Алатау (долина р. Белый Июс, Северная Хакасия), засвидетельствовало взаимосвязь святилищ с наскальными изображениями, которые отстояли друг от друга на значительные (но в пределах видимости) расстояния [Ларичев, 2004; Ларичев и др., 2008]. Как выяснилось, плиту с изображением антропоморфа установили на склоне горы Солбон в том месте, с которого вершина Первого Сундука смотрелась точно на юго-восточном дальнем горизонте и отмечала собой место *восхода Солнца в дни зимнего солнцестояния*. Эта занимательная деталь позволила вести разговор о «Мировой горе» в практической плоскости объяснения такого понятия.

Постановка проблемы и программная цель исследования.

Методические установки поиска

Как бы ни казался точным этот вывод, обоснованный использованием методов астроархеологии, он требовал подкрепления во избежание подозрений в «случайности совпадения». В частности, стал актуальный вопрос – определяла или нет вершина Первого Сундука иные кардинальные моменты года – летнее солнцестояние и равноденствия? Для получения ответа следовало провести разведку вдоль склонов гор, расположенных южнее Солбона (отыскание возможного места наблюдений восходов Солнца над вершиной Первого Сундука в дни летнего солнцестояния и равноденствий). В течение 2010–2012 гг. детально обследовалось левобережье реки Чёрной (приток Белого Июса) в той его части, откуда открывался панорамный вид на всю цепь Сундуков, от Первого до Пятого. Доклад посвящается предварительному итогу изучения многокомпонентного в информативности памятника *Серафимов камень*.

Краткое описание объекта изучения

Культурно обустроенное пространство приурочено здесь к примечательному участку долины р. Чёрной. Левый берег ее сближается в этом

месте с высоким, круто падающим к воде подножием прибрежной возвышенности, где и располагается огромный многогранный валун сероватого розового песчаника. Это и есть *Серафимов камень*, место моления православных христиан соседних деревень в честь Серафима Саровского.

Серафимов камень примечателен следующим: на грани его, обращенной в сторону юго-западной части горизонта выбита окуневская личина (рис. 1, а), а грань, обращенная в сторону Первого Сундука, зашлифована и сияет в лучах восходящего июньского Солнца.

Функциональное назначение двух структур памятника Серафимов камень

*Календарно-астрономически мотивированные доказательства
связи памятника с Первым Сундуком*

Серафимов камень. Цель конструирования и воплощения в жизнь плана создания грандиозного сакрального центра стала ясна в ходе изучения валуна Серафимов камень и связанной с ним цепочки камней, ориентирующих взгляд в сторону Первого Сундука. О случайности здесь не может быть речи: именно в створе с этой цепочкой располагается явно намеренно уложенная на правом склоне Первого Сундука плита беловатого песчаника, которая отмечает место восхода Солнца в дни летнего солнцестояния. По результатам астрономических вычислений, в середине **II тысячелетия** до н.э. при наблюдении с Серафимова камня летнее Солнце восходило *над белой плитой*, касаясь ее нижним своим краем. В настоящее время восход Солнца происходит *из-под плиты* (рис. 2, б).

Окуневское святилище. При взгляде с астрономической площадки в щель между двумя плитами северо-восточного ограждения его наблюдался *восход Солнца в дни летнего солнцестояния*. Он происходил у *основания правого края вершины Первого Сундука* (рис. 2, а). Окуневская личина, выбитая на левой плите, отмечала крайнее северное положение восходящего Солнца, наблюдаемого в щель (рис. 1, б). Кроме того, любопытно, что наблюдаемое угловое расстояние между плитами соответствует угловым размерам скальной вершины Первого Сундука.

Звездная астрономия и проблема датировки памятника.

На западном секторе святилища установлена плита с выбитой на ее плоскости окуневской личиной (рис. 1, в). При наблюдении с астрономической площадки, расположенной напротив, эта плита определит направление, связанное с местом **восхода созвездия Орион, а именно – его ярчайшей звезды Бетельгейзе** около 1350 г. до н.э., близко времени зимнего солнцеворота, около шести суток после зимнего солнцестояния (103°, задача решалась с привлечением астрономической программы StarCalc 5.5).

Астропункт, сооруженный из крупных плит, который располагается вне святилища, юго-восточнее и ниже его, предназначался для наблюдения

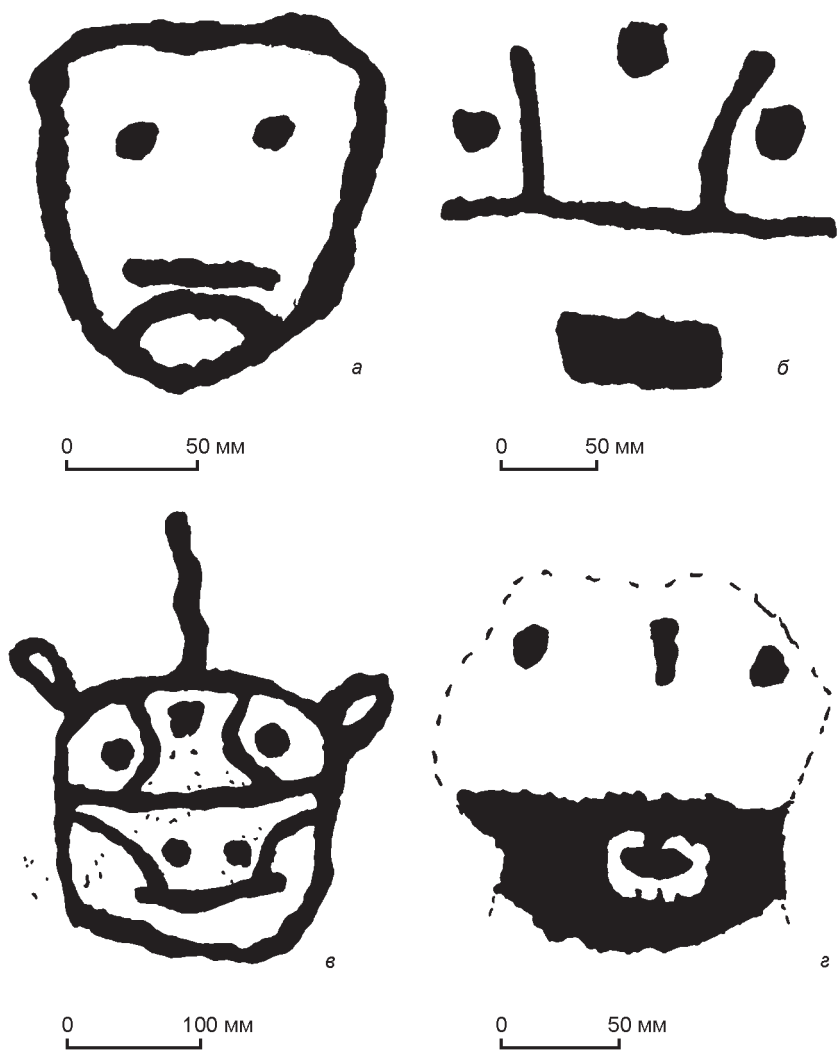

Рис. 1. Окуневские личины памятника Серафимов камень.

а – личина Серафимова камня; *б* – личина плиты святилища, определяющая направление на восход солнца, у основания вершины Первого Сундука; *в* – личина плиты, определяющей восход Ориона (звезды Бетельгейзе); *г* – личина на плите над отверстием, через которое виден Арктур после восхода Бетельгейзе.

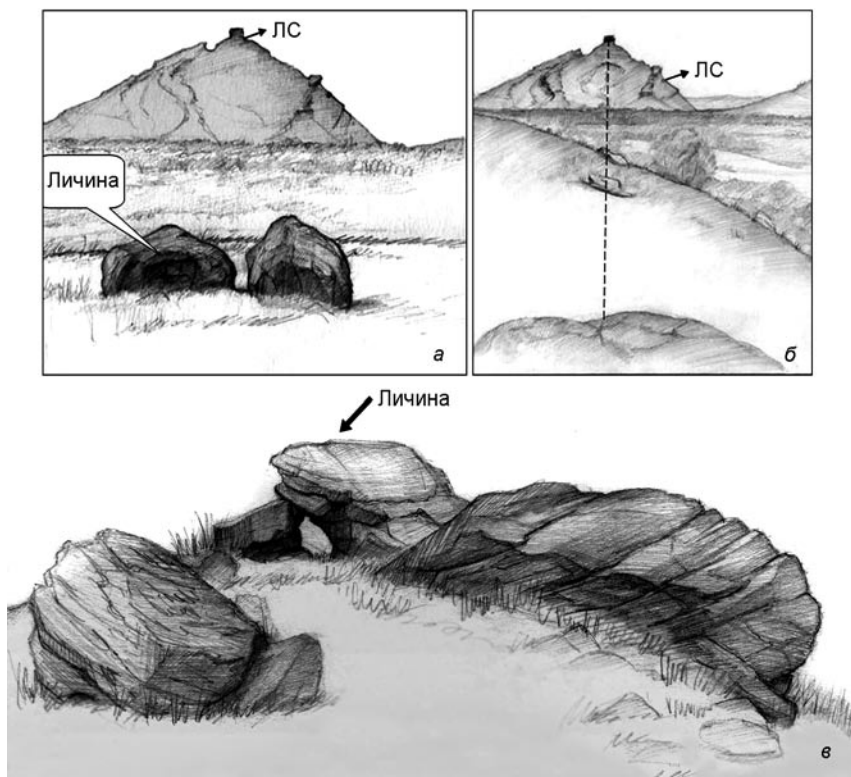

Рис. 2. а – плита астросвятылища, визирующая направление на восход Солнца в дни летнего солнцестояния у основания вершины Первого Сундука; б – наблюдение восхода Солнца с вершины Серафимового камня (Солнце восходит у плиты, специально установленной на южном склоне Первого Сундука); в – астропункт наблюдения Арктура в отверстие, ограниченное установленными плитами.

Арктура накануне захода в период 1350 ± 50 лет до н.э. (рис. 2; заметим – Арктур появляется в отверстии через 8–10 минут после восхода Бетельгейзе, явление это отслеживалось через отверстие, оформленное плитами). На горизонтально уложенной плите выбита окуневская личина (рис. 1, з).

Краткие итоги поиска

Цель исследований, которые велись в 2010–2012 гг. по правобережью р. Черной южнее горы Солбон, была достигнута. Главным результатом их стало открытие астросвятылища и астрономической обсерватории Серафимов камень. Его структуры подтвердили идею восприятия окуневцами Первого Сундука в качестве Мировой горы – места восхода Солнца в дни летнего и зимнего солнцестояний. Особую ценность приобрели факты,

подтверждающие наличие у окуневцев звездной астрономии (наблюдение созвездия Арктур и созвездия Ориона). Датировка памятника Серафимов камень около 1350 г. до н.э. Не менее важным фактом стало также установление прямой связи разного вида окуневских личин с астрономически значимыми направлениями. Это обстоятельство позволяет начать раскрытие истинной семантики классических для окуневской культуры образов.

Список литературы

Ларичев В.Е. Миф о Мировой горе в мировоззрении жречества эпохи палеометалла юга Сибири (Первый Сундук – астрономическая обсерватория и астросвятилище времени окуневской культуры) // Материалы пленарного заседания Международной научно-практической конференции «История цивилизации и духовной культуры кочевников». – Павлодар: Изд-во Павлодар. гос. пед. ун-та, 2004. – С. 36–39.

Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Паршиков С.А., Прокопьева С.А. Первый Сундук – Мировая гора, достигающая высоты Солнца (к методике выявления закономерностей размещения в культурно обустроенном пространстве сакральных памятников) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 184–189.

ГРАВИРОВАННАЯ ГАЛЬКА ТОРГАЖАКСКОЙ ТРАДИЦИИ ИЗ МЕСТНОСТИ АК-ДАГ (РЕСПУБЛИКА ТЫВА)*

Изучение гравированных галек, широко распространенных в архаичных культурах, позволяет проследить истоки изобразительных традиций населения, дает некоторые основания для реконструкции обрядово-ритуальной деятельности, или отражает культурные связи древних сообществ. В археологии Сибири гравированные гальки имеют обширные аналогии. Практика использования галек для нанесения различного рода изображений имеет глубокие корни и в свое время получила широкое распространение [Савинов, 1996; Асеев, 1998; Волков, Кирюшин К.Ю., Семибратов, 2008].

В ходе археологических спасательных работ в зоне строительства железной дороги Кызыл – Курагино нами была обнаружена гравированная галька, вызывающая определенный интерес. Артефакт был обнаружен в местности Ак-Даг на территории Кызыльского кожууна Республики Тыва, на правом берегу р. Эрбек, в 10,5 км от с. Эрбек на север, на площадке выполаживания склона и сочленения его с поверхностью правобережной террасы. Контекст находки – экспонированные культурные остатки стоянки (стойбища), с находками фрагментов керамики, артефактов из камня, очаговых обкладок на площади около 200 кв.м.

Изучаемая галька представляет собой предмет подтреугольной формы красновато-бурого оттенка. Края гальки неровные, местами обиты. Орнамент выгравирован по всей поверхности артефакта. Сохранность изображений удовлетворительная, хотя некоторые из них затерты. Рисунки нанесены неглубокими прорезками. Кроме того, встречаются нанесенные острым предметом повреждения, частично перекрывающие линейные следы. В некоторых случаях это препятствует чтению рисунков. На прилагаемых фотоснимках представлены две плоскости артефакта: наиболее интенсивно орнаментированная, фронтальная (рис. 1а) и «оборотная» сторона изделия, контрфронт (рис. 1б).

Среди изображений выделяется несколько групп. Верхнюю часть гальки отделяет полукруглый поясок из двух тонких линий (личина?). Цент-

*Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0995 «Генезис изобразительных традиций в древнем искусстве Сибири и сопредельных территорий (междисциплинарные исследования археологических материалов)».

a

б

Рис. 1.

ральная часть представляет ряд вертикально расположенных штрихов, пересеченных горизонтальными линиями (решетки) и линиями под углом, образующими елочный орнамент. Визуально они делятся на три группы. Количество знаков варьируется. Подобные знаки встречаются и в нижней части рассматриваемого предмета. В центральной зоне отмечаются также и иные изображения – пояски, пересеченные короткими линиями. Особого внимания заслуживает рисунок в нижней части гальки. Читается геометрический поясok в виде ряда крестов, заключенных между двумя параллельными линиями, от которых вниз отходят параллельные штрихи. Все линии при детальном рассмотрении образуют в целом антропоморфный образ.

Детальный трасологический анализ поверхности артефакта позволил выделить ряд следов, связанных с производством, использованием и разрушением изделия. Установлено, что на первом этапе работы с артефактом на его естественную «галечную» поверхность, посредством острого, вероятно металлического инструмента, были нанесены линейные, образующие описанный выше орнамент. Второй тип следов образовался в «процессе утилизации» изделия и выражается в системе зон заполировок, характер образования которых связан с контактом поверхности артефакта и мягким эластичным материалом (вероятно, кожей). На завершающем этапе процесса образования следов на поверхности изучаемого предмета, по его орнаментированной плоскости был нанесен ряд интенсивных, разрушающих ударов острым, вероятно металлическим предметом, приведшим к раскалыванию изделия.

На приводимом микроснимке поверхности артефакта (рис. 2) хорошо прослеживаются как линейные следы, образовавшиеся при орнаментации изделия (А), так и точечные следы сильных, разрушительных ударов по его поверхности (В).

Более детальное микроскопическое изучение поверхности изделия должно уточнить детали его производства и использования. Вне сомнений останется связь выявленных трасологических комплексов с данными исследований, полученными при анализе орнаментированных галечных артефактов с сопредельной территории [Волков, Кирюшин К.Ю., Семибратов, 2008].

Самая крупная серия орнаментированных галек (222 экз.) известна благодаря исследованиям Д.Г. Савинова карасукского поселения Торгажак на юге Хакасии. Поселение по некоторым характерным особенностям артефактов было отнесено к позднему этапу карасукской культуры и датировано X–IX вв. до н.э. [Савинов, 1996]. Предварительно все гальки были разделены им на два класса: с антропоморфными и с геометрическими изображениями. Но, так как многие элементы повторяются и переходят из одного класса в другой, в рамках этих двух классов им были выделены семь групп. Три из них носят антропоморфный характер, остальные условно отнесены к геометрическим изображениям [Савинов, 2003, с. 53].

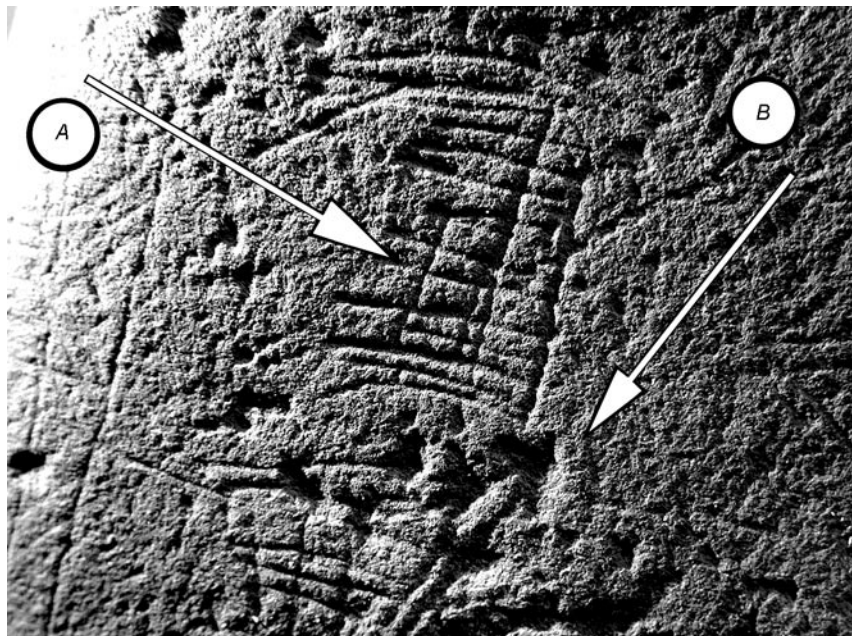

Рис. 2.

Знаки, нанесенные на гальки, весьма различны: заштрихованные ромбы, параллельные, вертикальные и горизонтальные линии, прямоугольники, кресты, зигзаги, «елочки», косая сетка и т.д. Среди антропоморфных фигур эти знаки образуют элементы одежды и передают определенный образ, по мнению Д.Г. Савинова, женский. Выделяется два типа фигур – «одетые» и «запеленутые». Гальки с геометрическим рисунком более вариативны. Чаще всего среди них встречается замкнутое поле, которое может быть дополнено разными деталями.

Торгажакские гальки, несомненно, имеют более богатый декор, чем рассматриваемая нами галька из Ак-Дага. Но следует обратить внимание на сходство некоторых изображений. Прежде всего, это касается упоминаемого выше ряда крестов, заключенных между двумя параллельными линиями. Подобные рисунки встречаются на «запеленутых» гальках Торгажака. Они представляют собой перекрещивающиеся орнаментированные полосы, опоясывающие гальку по всей площади.

Помимо серии орнаментированных галек Торгажака, подобные изделия были обнаружены на поселении Усть-Кулом [Савинов, 2003]. Встречаются и одиночные находки. Известна галька, опубликованная А. Готлибом при описании раскопок горного укрепления на горе Чебаки в Хакасии. С двух сторон на гальке нанесены прямоугольные фигуры, с заключенными в них одним (с одной стороны) и двумя (с другой) крестами. В Тыве на развешанной стоянке Этекшил было обнаружено несколько гравированных

галеk, опубликованных В. А. Семеновым [Семенов, 1992], которые так же можно отнести к торгажакской традиции.

Одна из представительных коллекций гравированных галеk (около трех десятков) была открыта на поселении Тыткескень-6, расположенном на территории Чемальского района Республики Алтай. Гравированные гальки были встречены в комплексах окуневско-каракольского и неолитического времени. Серия радиоуглеродных дат, полученных для поселенческих комплексов неолита (6200 ± 210 СОАН-6763 и 5930 ± 150 лет СОАН-6765) и энеолита (4600 ± 100 лет СОАН-6767) [Кирюшин Ю.Ф., Волков, Кирюшин К.Ю., 2006; Волков, Кирюшин К.Ю., Семибратов, 2008].

Назначение гравированных галеk – дискуссионная тема. Д.Г. Савинов связывает с обрядовой деятельностью в рамках единой мировоззренческой системы. Изготовление галеk с антропоморфным изображением могло быть связано с идеями культово-генеалогического порядка, направленными на регуляцию жизненного цикла женщин, благополучное рождение детей и обеспечение процесса перехода и реинкарнации. Им же отмечено, что, возможно, антропоморфные гальки Торгажака могли представлять изображения двойников или каких-то других иррациональных объектов, предназначенных для магических действий (убийство двойника, жертвы духам и т.д.) [1996]. По мнению С.В. Сотниковой, следы повреждения поверхности галеk являются результатом их использования для гадания. Процесс гадания состоял в подбрасывании используемой гальки вверх, в итоге она выпадала либо лицевой, либо тыльной стороной (аналогия с «орел-решка») [2007]. Эта версия косвенно подтверждается следами ударов по поверхности, выявленных трасологическим исследованием (рис. 2).

Список литературы

Асеев И.В. Аналогии в первобытном искусстве Сибири и Аляски на примере гравированных галеk // Гуманитарные науки в Сибири. – 1998. – № 3. – С. 109–114.

Волков П.В., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П. Трасологическое исследование декорированных галеk поселения Тыткескень-6 // Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2 (итоги работ 1988–1994 гг.). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2008. – С. 329–334.

Кирюшин Ю.Ф., Волков П.В., Кирюшин К.Ю. Плитка с антропоморфным изображением с поселения Тыткескень-2 // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 1. – С. 86–88.

Савинов Д.Г. Древние поселения Хакасии. Торгажак. – СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1996. – 112 с.

Савинов Д.Г. Торгажакские гальки (основные аспекты изучения, интерпретация) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 2. – С. 48–70.

Семенов В.А. Неолит и бронзовый век Тувы. – СПб.: ИИМК РАН, 1992. – 135 с.

Сотникова С.В. К вопросу о гравированных гальках Торгажака // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии: сб. науч. тр. – Барнаул, 2007. – С. 77–79. – (Тр. САИПИ; вып. 3).

ГОРОДИЩА НА РЕКАХ ТУНГУСКА И УССУРИ

Городища древности и средневековья в Приамурье количественно значительно уступают известным памятникам других типов, в особенности поселениям, да и по сравнению со средневековыми могильниками их заметно меньше, хотя нельзя не заметить, что число найденных городищ постепенно увеличивается. Наиболее ранние приамурские городища относятся к польцевской культуре раннего железного века. Локализуются они в юго-восточной части ее ареала, преимущественно на р. Уссури и прилегающей к ней правобережной территории. Более обширные районы, включающие берега Амура, Хора, Уссури, Бикина, Биры и других рек, связаны с распространением городищ средневековой чжурчжэньской культуры [Медведев, 2005].

Городище, обследованное автором в 1974 г., материалы которого пока не опубликованы, находится ориентировочно в 9 км (по прямой) с северо-востоку от ст. Волочаевка-1 в Смидовичском районе Еврейской автономной области и к западу от железной дороги ст. Волочаевка-2 – г. Комсомольск-на-Амуре. Памятник занимает небольшое возвышение в виде рёлки посреди низменной местности, превращающейся после дождей в заболоченное состояние. Своей северной и северо-западной частями городище вплотную примыкает к обрывистому краю рёлки, обращенному к находящемуся в 6–12 м от него водоему в форме изогнутого рукава, который местные жители называют Кошелевыми Ямами. Ямы эти представляют собой, скорее всего, старицы прежних протоков правобережья р. Тунгуски. В нескольких сотнях метров к ЗЮЗ от памятника находится оз. Хаты-Талга (рис. 1).

Форма городища в плане соответствует размерам и очертаниям возвышения, на котором оно возведено. Это вытянутый на 90 м с юго-запада на северо-восток полуовал или полудуга, направленная своей длинной выпуклой стороной (валом) преимущественно на юго-восток и частично юг. От обоих концов этого вала под прямым углом отходят в сторону обрыва короткие поперечные валы (длиной 14 м). В северо-восточной оконечности городище снабжено валом, образованным частично вдоль обрывистого края возвышения. При этом, таким образом, что зауженный северо-восточный отрезок фортификационного сооружения приобрел форму наподобие буквы П. В этой самой узкой северо-восточной части городища в валу имеется вход (ворота) шириной около 3 м. Еще один вход (ворота) такого

Рис. 1. План городища Кошелевы Ямы (правобережье р. Тунгуски).
Глазомерная съемка автора.

же размера хорошо фиксируются в юго-восточной части укрепления – в центре длинного вала. В стороне, обращенной к Кошелевым Ямам, вал отсутствует. Здесь границей-преградой городищу служил крутой естественный обрыв. Общие размеры городища 90×33 м.

Валы созданы из супесчаного и суглинистого грунта, сильно оплыли, задернованы, местами на них растут небольшие деревья. Ширина валов в основном около 4 м, высота над поверхностью рёлки местами достигает 1,5 м, а над уровнем заболоченной низины – более 3 м.

На крайнем западном участке городища поблизости от вала отмечены два неглубоких расплывчатых углубления, похожие по своей форме на жилищные западины. Первое углубление прямоугольное с закругленными углами размерами 5,5×3,7 м, второе – овальное (3,6×1,8 м). Оба они длинными сторонами ориентированы с юга на север. Поверхность остальной части городища довольно ровная без следов каких-либо строений. Поблизости от углублений в нарушенном дерновом слое обнаружены железные пластинки – детали от конской сбруи и фрагменты, имеющие сходство с донными частями котлов с тремя петлями и двумя дужками из указанного материала, найденных в грунтовых и курганных могильниках чжурчжэньского средневековья на реках Бире и Ине (Надеждинский и Ольский некрополи). Последнее позволяет предварительно датировать городище X–XI вв.

Городища чжурчжэньской эпохи в пределах Еврейской автономной области (ранее являвшейся юго-западной территорией Хабаровского края, примыкающей с севера к левому берегу Амура) известны пока буквально

единичные и исследования, кроме предварительных, на них еще не проводились. Представленное в данном случае сравнительно небольшое городище, каковым являются практически все зафиксированные в настоящее время памятники подобного типа ранних догосударственных чжурчженей и их соплеменников, служит одним из подтверждений особого пристрастия их к низменным ландшафтам с наличием большого количества водоемов, главным образом, рек. Об этом, кстати, свидетельствуют письменные источники, называющие амурское население раннего и развитого средневековья речными людьми (поречанами).

В 2010 г. Амуро-Уссурийский археологический отряд ИАЭТ СО РАН (кроме автора, в него входили О.С. Медведева, В.А. Краминцев, А.В. Мальян, В.Н. Худин) предварительно исследовал городище, расположенное на правом берегу Усури приблизительно в 3 км ниже с. Шереметьево. Памятник этот, был впервые упомянут в печати в конце XIX в., когда Н. Альфтан обследовал теперь хорошо известные Шереметьевские петроглифы, сделал некоторые их зарисовки, а также снял схематический план почти всего городища, находящегося на береговой скале с древними рисунками [1895], названной в ходе работ А.П. Окладникова в середине прошлого века вторым Шереметьевским петроглифическим пунктом [1971, с. 5–6, рис. 2]. За прошедшие более чем сто лет после первой фиксации городища исследования на нем не велись, незаконные копатели-любители из-за труднодоступности памятника непосредственно на государственной границе там своих следов не оставили. Поэтому он сохранился в хорошем непотревоженном состоянии.

Городище П-образной формы, длинными сторонами (валами) вытянуто с юго-востока на северо-запад (в этой части оно несколько расширено) и вала здесь у края скалы нет (рис. 2). У городища имеется внешний и внутренний вал. Длина внешнего юго-западного вала составляет 57 м, длина параллельного ему северо-восточного – 64 м, ширина соединяющего их юго-восточного вала 50 м. Внутренний вал или внутреннее городище во многом повторяет в уменьшенном виде форму внешнего сооружения. Наибольшая длина внутреннего городища (северо-восточный вал) 50 м, длина параллельного юго-западного вала 37 м, а ширина фортификационной конструкции (юго-восточный вал) 38 м. Северо-западные оконечности валов у кромки скалы на поверхности почти не просматриваются, возможно, в этом месте они не сохранились или первоначально не были насыпаны.

Следовательно, общие размеры внешних валов: длина 64 м, ширина 56 м (юго-восточный вал) и 70 м (северо-западная сторона городища, не имеющая вала). Размеры внутреннего городища 50×38 м (юго-восточный вал) – 43 м (северо-западная сторона сооружения). Ширина валов в основном в пределах 4–6 м, высота – до 1,3 м. С юго-восточной стороны городища во внутреннем и внешнем валах имеются входы (ворота) шириной 2–2,5 м.

В городище выявлено 16 неглубоких оплывших, но вполне различных, скорее всего, жилищных западин квадратной и прямоугольной с за-

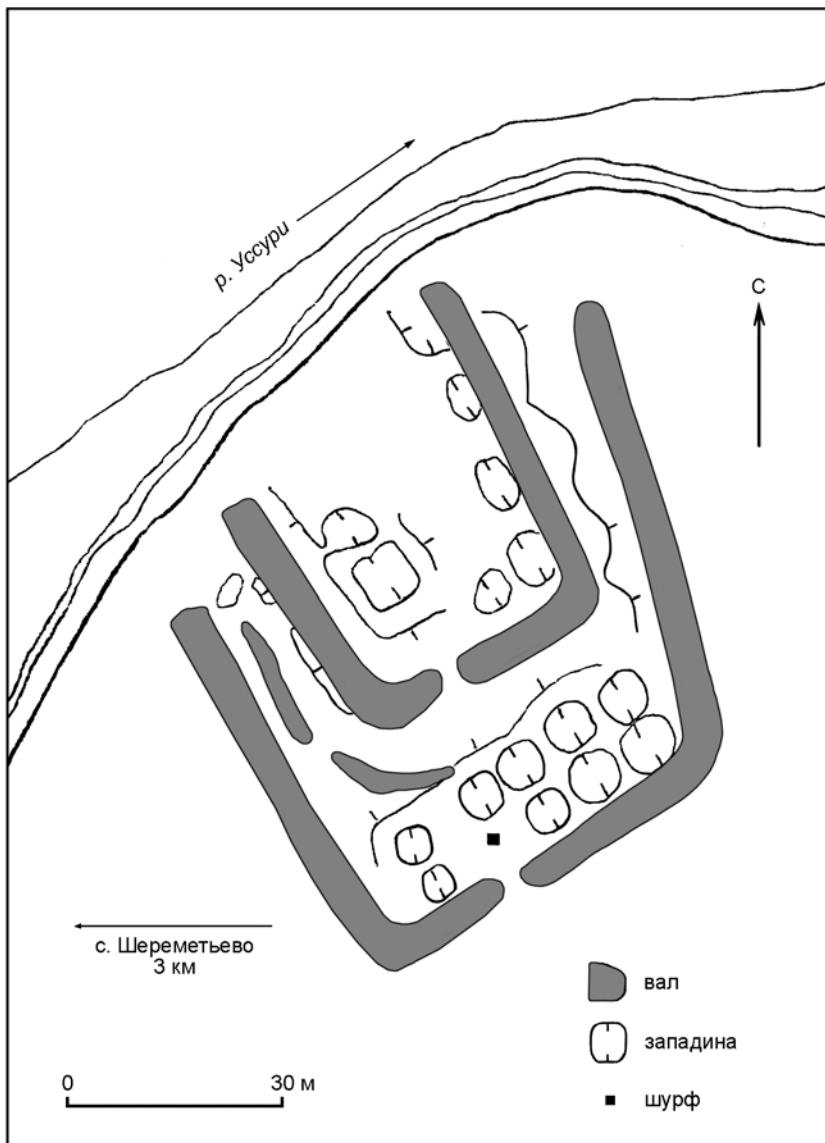

Рис. 2. План городища на р. Уссури у с. Шереметьево. Снят А.В. Малявиным.

круглыми углами формы размерами от 4×6 м и 5×5 м до 8×7 м. Девять из них располагаются двумя ровными рядами вдоль юго-восточного внешнего вала, остальные – вдоль трех валов внутреннего укрепления. На внутренних площадках перед воротами западины отсутствуют.

В заложенном на территории городища перед воротами внешнего вала шурфе (1×1 м) на глубине до 0,75 см найдено около 30 в основном мелких

фрагментов преимущественно станковой керамики. Она гладкостенная, цвет от желтого до темно-коричневого, есть сероглиняная лощеная. Толщина стенок большей частью 0,4–0,6 см, отмечены тонкостенные образцы (не более 0,2 см). Венчики либо с утолщением вдоль внешнего края, либо резко отогнутые наружу. В целом, керамический материал соответствует приамурско-приморским глиняным изделиям времени позднего Бохая – ранних чжурчжэней. Ее можно отнести к X в. Обнаружены также кусочки обгоревшей глины-обмазки и несколько неолитических отщепов из алеврита и халцедона.

О системе фортификации городища и вероятности создания внешних и внутренних валов в одно и то же или разное время можно будет судить после более широкого его исследования. В настоящее время предположительно предлагаются два варианта решения этого вопроса: 1) на территории «основного» или большого городища существовало «малое» или внутреннее городище, 2) сначала функционировало «малое» городище, однако, со временем (в формате одной культуры и коллектива) оно было расширено. В пользу второй версии в какой-то степени могут служить находящиеся между юго-западными валами вытянутые валообразные возвышения, возможные следы реконструкции городища (эти возвышения также обозначены на плане Н. Альфтана).

Оба рассмотренных выше городища в правобережной части Тунгуски и на Уссури по многим признакам характеризуются как раннечжурчжэньские. Они относительно небольших размеров, находятся поблизости от источников воды. При строительстве городищ умело учитывались особенности ландшафта, наличие хотя бы с одной стороны естественного ограждения в виде обрыва или вертикальной скалы. Отмеченные на территории городищ следы жилищ-полужемлянок, в том числе многочисленные, свидетельствуют о проживании в них людей длительное время.

Список литературы

Альфтан Н. Заметки о рисунках на скалах по рекам Уссури и Бикину // Тр. Приамурского отдела РГО. – Хабаровск, 1895. – Т. 2.

Медведев В.Е. Поселения и городища эпохи чжурчжэней Приамурья (VIII–XIII вв.) // Динамизм людей, вещей и технологий на Северо-Востоке Азии в средние века: мат-лы Междунар. симпозиума. – Владивосток; Токио: Университет Тюо, 2005. – С. 51–54.

Окладников А.П. Петроглифы нижнего Амура. – Л.: Наука, 1971. – 336 с.

*В.И. Молодин, С.Б. Бортникова, Г.Г. Матасова, А.Ю. Казанский,
Е.В. Балков, П.Г. Дядьков, О.А. Позднякова,
Н.А. Абросимова, Ю.Г. Карин, Д.А.Кулешов*

РЕЗУЛЬТАТЫ ГЕОФИЗИЧЕСКИХ, ГЕОХИМИЧЕСКИХ И ПЕТРОМАГНИТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКА ВЕНГЕРОВО-2*

В последние годы коллективом сотрудников Института археологии и этнографии СО РАН и Института нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН проделан значительный объем археолого-геофизических работ на древних и средневековых памятниках юга Западной Сибири, Алтае-Саянского нагорья и Монголии. Последовательное решение археологических задач с помощью геофизических методов показало не только преимущества, но и проблемы, связанные с сопоставлением археологических и геофизических данных. Одной из таких проблем является несовпадение картин планиграфического распределения магнитных аномалий и археологических объектов, а также сложность идентификации последних в слабоконтрастных аномалиях. Все это, безусловно, отрицательно сказывается на перспективах эффективного планирования полевых работ. Очевидно, что основной причиной «не выраженности» аномалий является отсутствие достаточной для их генерации контрастности между заполнением археологических объектов и вмещающей средой. Для того чтобы исследовать указанную проблему контрастности и выработать, в перспективе, вероятные пути ее решения, для анализа свойств грунтов были привлечены возможности петромагнитного, геохимического и микробиологического методов.

В поисках площадки, где есть опыт как положительного, так и отрицательного результата использования геофизической съемки, наиболее показательным памятником оказалось поселение Венгерово-2. В 2011 г. здесь было изучено жилище кротовской культуры (конец III – начало II тыс. до н.э.). До начала раскопок, благодаря геофизическим исследованиям, удалось определить границы котлована жилища, а также некоторые его конструктивные особенности, в частности, расположение очага. Тогда же, в южном углу раскопа, под слоем кротовской культуры был обнаружен погребальный комплекс эпохи неолита (конец VI–V тыс. до н.э.) [Молодин и др., 2011]. Для того, чтобы определить специфику планиграфического расположения неолитических объектов, в 2012 г. была произведена съемка участка, примыкающего к раскопу 2011 г., методами геоэлектрики (119 кв. м) и магнитометрии (128 кв. м).

*Работа выполнена в рамках интеграционного проекта СО РАН (№ 118).

Карта кажущегося удельного электрического сопротивления (УЭС), построенная по данным исследований аппаратурой ЭМС (рис. 1), в нижней части осложнена аномалией низкого сопротивления, вызванной проложенным вдоль участка кабелем. Тем не менее на этом фоне выделяется структура округлой формы (пунктирная линия на рис. 1), имеющая повышенное УЭС, ограниченная «бортами» с низким сопротивлением. Магнитная карта также осложнена в нижней части аномалиями от кабеля, а в верхней (слева) – рельефом. При этом на магнитограмме выделились отдельные точечные аномалии, которые не образуют какой-либо видимой системы (рис. 2). Сопоставление результатов археологических исследований (см. статью в данном сборнике) с геофизическими данными показало, что область с повышенными значениями УЭС, в целом, соответствует расположению выявленной здесь погребальной конструкции эпохи неолита. Отдельным, наиболее глубоким участкам этой конструкции соответствуют и точечные аномалии на магнитной карте. Однако, в целом, получить четкое представление о расположении объектов неолитической эпохи до раскопок не удалось.

Из слоя кротовской культуры, а также из заполнения объектов эпохи неолита и вмещающей их среды были отобраны образцы для петромагнитного, геохимического и микробиологического анализа. Методика отбора включала фиксацию глубины, пространственного положения точек отбора в раскопе, а также характеристику грунта.

Основной задачей петромагнитных исследований на начальном этапе работ была общая оценка степени контрастности между магнитными свойствами почв и подстилающих суглинков. Исследовательская программа включала: 1) измерение объемной магнитной восприимчивости (K) и частотной зависимости магнитной восприимчивости (FD) рыхлых отложений (почв, суглинков); 2) терромагнитный анализ – определение температур Кюри (T_c) магнитных минералов, составляющих магнитную фракцию отложений.

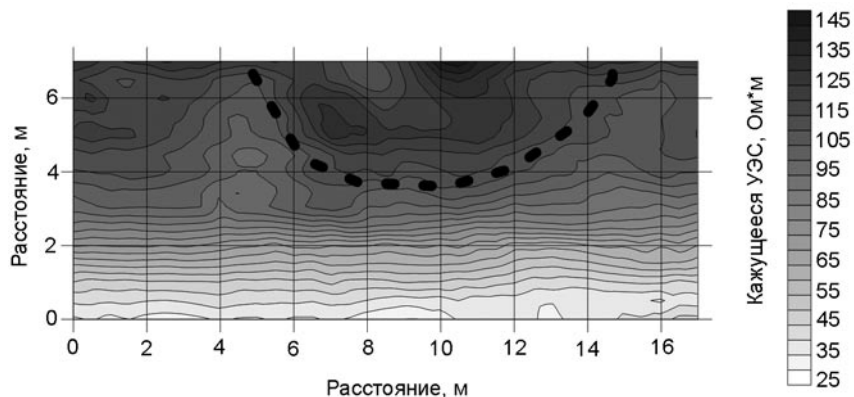

Рис. 1. Результаты исследований методом малоглубинного частотного зондирования (аппаратура ЭМС, частота 250 кГц).

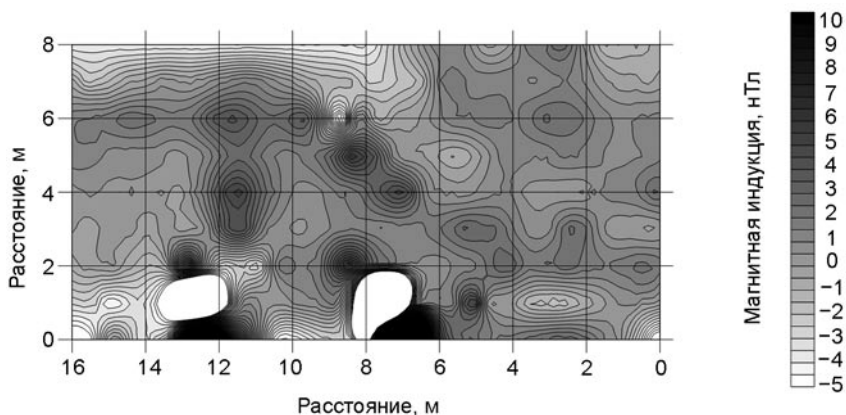

Рис. 2. Магнитограмма, построенная по результатам картирования квантовым магнитометром-градиентометром G-858.

Термомагнитный анализ (ТМА) показал, что во всех отложениях основным носителем магнитных свойств является окисленный в различной степени магнетит, маггемит (как продукт окисления магнетита) и гематит. Состав магнитной фракции по глубине почвенных профилей не меняется, изменяется только соотношение магнитных минералов, например, в лессовидных (материнских) суглинках гематита и маггемита больше, чем в почвенных горизонтах, но в почвах проявляется минерал с $T_c \sim 475\text{--}480^\circ\text{C}$, отсутствующий в суглинках. Идентификация этого минерала требует дополнительных исследований. Результаты ТМА позволяют утверждать, что различия в магнитных свойствах почвенного горизонта и подстилающих суглинков определяются, главным образом, концентрацией ферромагнитных зерен, а не их составом.

Значения K гумусовых горизонтов почв превышает значения K подстилающих суглинков в 3–4 раза. По значениям FD можно констатировать, что в веществе почвенных горизонтов содержатся в большом количестве ультратонкие (размером <30 нм) магнитные частицы, образующиеся *in situ* в результате интенсивных почвообразовательных процессов. Такие магнитные частицы, называемые суперпарамагнитными (СПМ), представляют собой частицы магнетита наиболее вероятного (био)химического происхождения, т.е. непосредственно связаны с жизнедеятельностью магнито-тактических бактерий. Количество СПМ частиц, максимальное на глубине 10–20 см, постепенно снижается по глубине почвенного профиля, и в подстилающих суглинках концентрация этих частиц минимальна, либо они отсутствуют вовсе. Таким образом, на территории поселения Венгерово-2 отмечена высокая степень контрастности между магнитными свойствами почв и суглинков за счет большого количества аутигенных частиц магнетита в почвенных горизонтах. Это создает благоприятные условия для применения магнитной съемки, но только в том случае, если ямы заполне-

ны веществом гумусовых горизонтов. Если же археологические объекты заполнялись желтыми подстилающими суглинками либо смешанным (разубоженным в магнитном отношении) материалом, вероятность их обнаружения магнитной съемкой будет резко снижаться.

Геохимическое исследование вещества образцов, отобранных на памятнике Венгерово-2, включало многоэлементный анализ валовых проб, извлечение магнитной и электромагнитной фракций, определение фазового состава магнитной фракции и подробное изучение состава и структуры зерен под электронным микроскопом. Дополнительно, во всех пробах было замерено УЭС сухого вещества (скелета), а затем увлажненного (см. *таблицу*). Для измерения УЭС применялся четырехэлектродный метод. Диаметр измерительной ячейки 20 мм, длина 30 мм, расстояние между потенциальными электродами 20 мм. Навеска грунта помещалась в измерительную ячейку. Грунт уплотнялся вручную, проводились измерения УЭС при естественной влажности. Затем в ячейку добавлялась дистиллированная вода в количестве, необходимом для полного смачивания грунта, и проводилось повторное измерение. В результате, было установлено, что грунт из заполнения объектов эпохи неолита значительно отличается по значениям УЭС от грунта, отобранного из слоя кротовской культуры. Однако это различие сохраняется только для сухого скелета. При увлажнении вещества разница нивелируется. Это позволяет сделать вывод, что результаты геофизической съемки могут напрямую зависеть от гидрологических характеристик грунта на момент измерений.

В пробах эпохи бронзы, отобранных на памятнике Венгерово-2, обнаружилась сравнительно хорошая сохранность магнетита, не более 10 % зерен затронуто процессами окисления. В то же время, вещество проб неолитической эпохи даже визуально более окислено, имеет ярко-рыжую, желто-рыжую окраску. Под микроскопом было обнаружено присутствие значительного количества вторичных минералов, замещающих минералы железа.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о разрушении магнитных минералов (магнетита, гематита) в веществе неолитической эпохи и замещении их немагнитными вторичными фазами (гидроксиды железа). Разрушение магнитной матрицы отрицательно сказывается на степени контрастности археологических объектов со средой и, в конечном итоге, мо-

Удельное электрическое сопротивление образцов грунта, Ом*м

Грунты	Эпоха								
	неолит					бронза			
	Вен-1	Вен-3	Вен-5	Вен-7	Вен-7/1	Вен-2	Вен-4	Вен-6	Вен-8
Сухие	680	3000	120	21000	910	220	220	41	416
Влажные	100	110	37	44	49	130	100	30	29

жет являться основной причиной несоответствия между картиной распределения геофизических аномалий и расположением археологических ям. Возможно, окисление значительно ускоряется за счет деятельности бактерий, что можно будет определить после получения подробных данных по микробиологическим видам. В настоящее время работа по определению видового разнообразия микробиологических сообществ, выделенных из образцов грунта, еще не закончена. Предстоит также завершить петромагнитные исследования образцов из заполнения неолитических объектов и сопоставить результаты с данными геохимических исследований. Что касается объектов эпохи бронзы, то хорошая сохранность магнетита в веществе этих проб позволяет сделать вывод, что в данном районе трудности их обнаружения будут связаны с удельной долей в их заполнении вещества гумусовых горизонтов, где зафиксирована самая высокая по профилю почв концентрация магнитных минералов.

Список литературы

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Борzych К.А., Марочкин А.Г. Исследование поселения кротовской культуры Венгерово-2 и открытие неолитического могильника Венгерово-2А // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 199–205.

БРОНЗОВЫЙ КЕЛЬТ ТУРБИНСКОГО ТИПА ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ БАРАБЫ

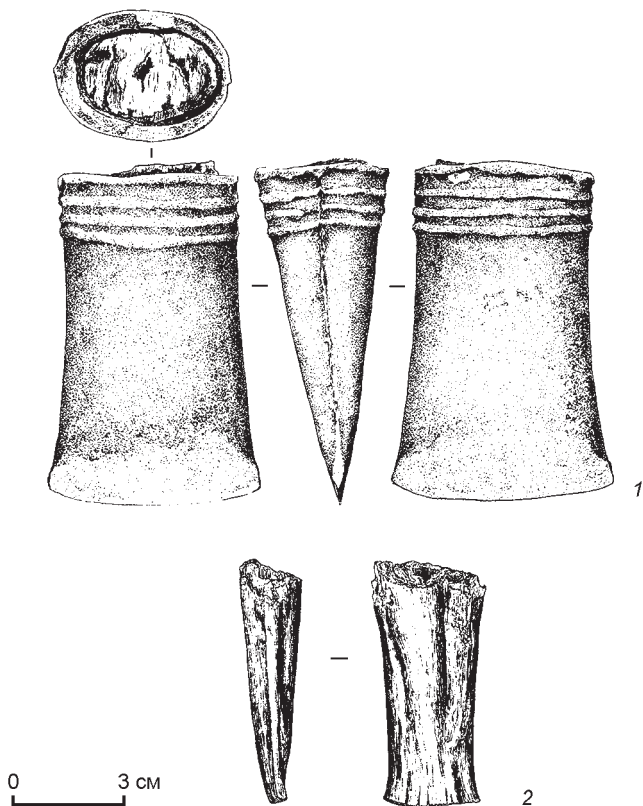
Кельт (см. *рисунок*) найден в процессе осмотра поселения Старый Тартас-1, расположенного в пойме левого берега р. Омь у с. Старый Тартас Венгеровского района Новосибирской области [Молодин, Новиков, 1998, с. 56]. Культурный слой перекрыт мощными речными отложениями и размывается рекой. Поселение многослойно. Уже приходилось отмечать [Молодин, Мыльникова, Гришин, 2005, с. 406], что поселение функционировало в разные периоды эпохи бронзы (байрыкское, одиновское, кротовское, андроновское (федоровское) время). Кроме того, здесь фиксируется керамика и более поздних эпох.

Кельт был найден при осмотре размытых участков культурного слоя памятника при сильном сезонном спаде воды. Благодаря длительному нахождению в насыщенной влагой почве во втулке орудия сохранился фрагмент деревянной рукояти.

С конструктивной точки зрения кельт характеризуется простым овальным в сечении туловом, слабо расширяющемся к лезвийной части, и четко выраженной клиновидностью конфигурации профиля. Орнаментирован тремя тонкими рельефными валиками, идущими вдоль верхнего края втулки в виде гофрированного пояса. Рельеф на одной стороне кельта слегка замыт.

Общий вес изделия без остатков деревянной рукояти 287,01 гр. Максимальная высота кельта – 9,0–9,2 см, минимальная (по линии литейных швов) – 8,7 см. Лезвие полукруглое, ширина его – 6,0 см. Проковано ударным инструментом с полоской и широкой поверхностью бойка. Любопытно, что в процессе вторичной обработки (отковке и заточке) лезвийная часть не подверглась сколько-нибудь заметному расширению или удлинению, т.е. кельт не подвергался длительной эксплуатации.

Втулка овальная, по ее краю прослеживается рельефный валик. Размеры – 4,8 на 3,6 см, глубина – 7,2 см. Толщина стенок по верхнему краю колеблется в пределах 0,55 до 0,3 см. Такая разница толщины металла получилась вследствие смещения стержня при сборке формы. Замечено так же небольшое (0,08 см) смещение створок относительно друг друга вдоль плоскости разъема формы. Следовательно, створки формы не имели жесткой фиксации (например, штифтами) и крепились достаточно свободно при помощи обмотки или зажимов [Атлас..., 1957, с. 33, 35].

Кельт из поселения Старый Тартас-1.
1 – кельт; 2 – фрагмент деревянной рукояти.

На боковых сторонах кельта заметны рельефно выраженные литейные швы. Их ширина – 0,4 мм, высота – 0,2 мм. По краю втулки прослеживаются следы от двух литников вытянутой щелевидной формы. Их размеры – 1,2–0,5 см и 1,3–0,4 см., т.е. заливка металла в форму осуществлялась через двухканальную литниковую систему с рассекателем потока металла.

В нижней части у лезвия кельта прослеживается незначительное скопление поверхностных газовых раковин (0,25–0,2 мм). Кроме этого у верхней кромки втулки выявлен небольшой прилив, образовавшийся вследствие повреждения при заливке поверхности рабочей камеры формы. Сочетание таких дефектов указывает на заливку металла в плохо просушенную форму [Атлас..., 1958, с. 84–85].

Судя по расположению литейных швов, литников и литейных дефектов, кельт отлит в двухсторонней глиняной литейной форме, состоящей из двух створок и сердечника. Форма изготовлена по комбинированной модели, основной корпус которой представлял собой кельт сейминско-турбинского

типа разряда К-4, на который были наклеплены тонкие жгуты пластичного материала, вероятнее всего, воска. На получение рельефа именно таким способом указывают перепады толщины и глубины рельефа в местах расплющивания жгутов при их прикреплении к поверхности модели, а также характерные утолщения в местах наложения концов жгутов друг на друга.

Во втулке сохранился обломок деревянной рукояти (см. *рисунок, 2*). Кельт насаживался лезвием перпендикулярно рукояти, как тесло. Сохранившийся фрагмент насада рукояти, выполненный, скорее всего, из хвойной породы дерева, имеет клиновидную форму, хорошо обструган, узкий конец клина обрезан острым лезвием. Его размеры: высота – 6,5 см, ширина в верхней части 2,8 см, в нижней – 2,6 см, толщина – 1,7 и 0,4 см соответственно. На поверхности прослеживаются остатки органической прокладки. Следует отметить, что принцип крепления рукояти совпадает с образцами из Турбинского могильника [Бадер, 1964, с. 76, рис. 50] и отличается от кротовско-самусьских [Соловьёв, Чибиряк, 2001, с. 457–458, рис. 1].

По конструктивным особенностям и орнаментации находка из Старого Тартаса-1 близка турбинскому типу кельтов [Косарев, 1970, с. 124], и согласно классификации Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, по основным признакам относится к разряду К-6 [Черных, Кузьминых, 1989, с. 39, рис. 6–8]. Отклонением от стандарта следует считать отсутствие ярко выраженных ребер на фасках боковых граней старотартасского кельта, однако в Турбинской коллекции изделия без этой конструктивной детали также встречаются [Бадер, 1964, с. 76, рис. 42, 54, 57] как в составе разряда К-6, так и К-4 [Черных, Кузьминых, 1989, рис. 3, 5, 7, 6]. Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых отмечают эту деталь как характерную аномалию кельтов разряда К-4 [Там же, с. 39, рис. 3, 5; 4, 4; 6, 8]. Следует еще раз отметить, что основой литейной модели для старотартасской находки послужил кельт именно этого разряда.

Отсутствие гребней на фасках боковых граней целой группы кельтов разрядов К-4 и К-6, по всей видимости, не случайно. Гребни, по признанию большинства авторов, являются технической деталью, усиливавшей его конструкцию и предохраняющей от поперечной деформации орудия, и, следовательно, являются следствием эволюции формы. Начиная типолого-эволюционный ряд по предложенной еще В.А. Городцовым модели развития с простейших клиновидных форм [1915, с. 188], мы должны признать, что отсутствие фасок у этих разрядов является более ранним эволюционным признаком*.

Вызывает интерес и сам факт находки кельта такого типа в Сибири. Как правило, кельты разрядов К-4 и К-6 встречаются к западу от Урала,

*Следует отметить, что в литературе высказывалось и иное мнение, когда турбинские обедненные орнаментом кельты считались более поздними относительно сейминских [Тихонов, 1960, с. 40; Черных, 1969, табл. II, с. 10–11].

локализуются в Прикамье и доминируют на Турбинском могильнике, тогда как на востоке господствуют орудия пышно орнаментированные [Черных, Кузьминых, 1989, с. 186; Бадер, 1964].

Любопытно, что описанная выше находка кельта турбинского типа в Сибири далеко не единственная. Всего в двух километрах к западу от с. Старый Тартас на территории многослойного могильника Тартас-1 в погребении одиновской культуры № 487 был найден кельт разряда К-4 [Молодин и др., 2011, с. 207, рис. 1, 2]. Два кельта того же разряда происходят с территории могильника Преображенка-6, расположенного в 40 км выше по р. Оми [Молодин и др., 2004, с. 379, рис. 1, 1, 2]. Кроме этого известен еще один кельт разряда К-6, происходящий с территории Прииртышья [Молодин, Нескоров, 2010, с. 64, рис. 12].

Можно полагать, что типологическое своеобразие турбинских кельтов разрядов К-4 и К-6 объясняется не территориальной обособленностью, а более ранним временем возникновения, поскольку таких предметов в Приобье и Прииртышья по нашим сведениям, известно уже шесть. Учитывая комплексы керамики, в большом количестве собранные, особенно в этом году на поселении Старый Тартас-1, кельт принадлежал одиновскому или кротовскому культурному горизонту поселения. С нашей точки зрения, первая посылка более вероятна, поскольку именно кельты типа К-4 найдены в закрытом комплексе одиновской культуры в памятнике Тартас-1 [Молодин и др., 2011, рис. 1, 2], а также с большой долей вероятности происходят из разрушенных захоронений одиновской культуры могильника Преображенка-6 [Молодин и др., 2004, рис. 1, 1, 2].

Список литературы

Атлас литейных пороков. Классификация, пороки общего типа, пороки отливок из серого чугуна. – М.: Центральное бюро технической информации, 1957. – Т. 1. – 194 с.

Атлас литейных пороков. Пороки отливок из ковкого чугуна, стали и сплавов цветных металлов. – М.: Центральное бюро научно-технической информации тяжелого машиностроения, 1958. – Т. 2. – 228 с.

Бадер О.Н. Древнейшие металлургии Приуралья. – М.: Наука, 1964. – 176 с.

Городцов В.А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отчет Российского исторического музея в Москве за 1914 г. – М., 1915. – С. 121–224.

Косарев М.Ф. О хронологии и культурной принадлежности турбинско-сейминских бронз // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск: Том. гос. ун-т, 1970. – С. 116–132.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Гришин А.Е. Новые данные по многослойному поселению Старый Тартас-1 (Барабинская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. 1. – С. 406–409.

Молодин В.И., Нескоров А.В. Коллекция сейминско-турбинских бронз из Прииртышья (трагедия уникального памятника – последствия бугровщичества

XXI века) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 3. – С. 58–71.

Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. – Новосибирск: НПЦ по сохранению ист.-культ. наследия, 1998. – 140 с.

Молодин В.И., Хансен С., Мыльникова Л.Н., Наглер Н., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Новикова О.И., Нестерова М.С., Ненахов Д.А., Ковыршина Ю.Н., Мосечкина Н.Н., Васильева Ю.А. Археологические исследования могильника Тартас-1 в 20011 году: основные результаты // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 206–211.

Молодин В.И., Чемякина М.А., Дядьков П.Г., Софеев О.В., Михеев О.А., Познякова О.А. Археолого-геофизические исследования памятника Преображенка-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X, ч. 1. – С. 378–383.

Соловьёв А.И., Чибирик В.Э. Бронзовый кельт самусьско-кижировского типа из Новосибирского Приобья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. VII. – С. 454–459.

Тихонов Б.Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа. – М.: АН СССР, 1960. – С. 5–115. – (МИА; № 90).

Черных Е.Н. Основные черты древнейшей металлургии Урала и Поволжья // Археологические памятники эпохи бронзы на территории СССР. – М.: Наука. 1969. – С. 3–15. – (КСИА; № 115).

Черных Е.Н., Кузьминных С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). – М.: Наука, 1989. – 320 с.

*В.И. Молодин, А. Наглер, С. Хансен, И.А. Дураков, Л.С. Кобелева,
Н.С. Ефремова, О.И. Новикова, Л.Н. Мыльникова, С.К. Васильев,
Ю.А. Васильева, Ю.Н. Ковырина, М.А. Кудинова, Н.Н. Мосечкина,
Д.А. Ненахов, М.С. Нестерова, И.В. Сальникова*

**РИТУАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ
ВОСТОЧНОГО АРЕАЛА ПАХОМОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ
НА ПАМЯТНИКЕ ТАРТАС-1 (ОБЬ-ИРТЫШСКАЯ ЛЕСОСТЕПЬ)***

Всё, что непонятно, то культовое.

Г. Чайлд

С момента открытия памятника Тартас-1 прошло 10 лет [Молодин и др., 2003, с. 441–446]. За эти годы здесь было исследовано 518 разновременных и разнокультурных захоронений, включающих памятники усть-тартасской, одиновской, кротовской, позднекротовской, андроновской, ирменской, пахомовской культур эпохи бронзы, а также на завершающей стадии гунно-сарматского, древнетюркского времени и кыштовской культуры позднего средневековья.

За прошедший полевой сезон было вскрыто 26 захоронений. Особый интерес представляют собой два ритуальных комплекса эпохи поздней бронзы (восточный ареал пахомовской культуры), исследованных в этом году на памятнике.

Один из них приурочен к ЮВ краю мыса коренной террасы правого берега р. Тартас, на котором расположен памятник.

Второй расположен примерно в 30 м к северу от первого, в глубине террасы. Важно отметить, что керамика пахомовского типа встречается в культурном слое в пространстве между ними. Не исключено поэтому, что наше деление на два комплекса может быть условным.

Первый объект представлял собой скопление фрагментов керамики, обожженных костей и зубов лошади и коровы, залегающих компактным скоплением. Особое место занимает найденный здесь же бронзовый наконечник копья с прорезанным пером. Наиболее близкой аналогией по организации сакрального пространства можно считать жертвенное место сузгунской культуры Хутор Бор-1 [Труфанов, 1983, с. 63–66, рис. 2].

От второго комплекса до нас дошло значительно больше информации, позволяющей предложить реконструкцию объекта и, в первом чтении, представить его семантическую нагрузку.

Данное сооружение представляет собой прямостенную наземную конструкцию подпрямоугольной формы площадью приблизительно 10 x 15 м,

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 11-01-18067).

около 150 кв. м. Об этом свидетельствует прекрасно прослеживаемая система столбовых ям, расположенных по периметру конструкции (рис. 1). Менее отчетливо читаются два ряда столбовых ям в центральной части конструкции. Тем не менее, наличие опорных столбов внутри помещения не вызывает каких-либо сомнений. В центральной части сооружения выявлены три прокала овальной формы, вероятно остатки костров.

Внутри помещения, а также за его пределами, вероятно, вплотную примыкая к стене, располагалась серия ям, связанная с обрядовой или хозяйственной деятельностью человека, поскольку содержит культурные остатки. Все эти ямы имеют, как правило, аморфную форму. Кроме того, они различны по глубине, часто с достаточно сложной конфигурацией дна. В ямах обнаружены остатки мясной и рыбной пищи, фрагменты раздавленных сосудов и некоторые находки, о которых следует сказать особо. Выполненные определения костей и зубов животных показывают, что доминирующая их доля принадлежит лошади и корове*. Чрезвычайно важно, что вместе со скоплением костей коровы, в непосредственной близости от ям № 532–535, обнаружены фрагменты тазовых костей человека. Данные находки человеческих костей в пределах комплекса являются не единственными, что позволяет интерпретировать их как остатки жертвоприношений. Мы имеем в виду, вероятно, относящуюся к комплексу и маркированную нами как захоронение № 517 небольшую, овальной формы, яму, в заполнении которой вместе с фрагментами пахомовской керамики обнаружена пяточная кость взрослого человека. Кроме этого, найдена чешуя рыб, принадлежащая, по-видимому, щуке (не исключено, что первоначально это были чучела рыб, включающие головы и шкурки, поскольку кости скелетов отсутствуют).

Культурно диагностирующей и наиболее массовой находкой являются фрагменты керамики пахомовского типа. Это не раздавленные сосуды, но зачастую крупные их фрагменты, позволяющие реконструировать всё изделие (рис. 2, 4, 5). Без учета полной обработки керамического комплекса можно констатировать, что сосуды отчетливо делятся на две группы. Первая, доминирующая, представлена плоскодонной гребенчато-ямочной посудой горшковидной формы, весьма напоминающая сузгунскую. Вторая – андроновидная, приближающаяся к андроновской (федоровской) и близкая к ней по «нарядной», меандровидной орнаментации. Встречаются и фрагменты синкретичные по форме (имеющие уже устойчивую позднебронзовую форму) и орнаменту, где имеет место сочетание на одном сосуде (на разных его участках) обеих традиций.

Все вышесказанное позволяет видеть абсолютные аналогии полученной керамики с посудой пахомовской культуры, с той лишь, пожалуй, разницей, что на пахомовских поселенческих памятниках, по данным

*В настоящее время остеологическая коллекция определена не полностью, поэтому нельзя исключать появления дополнительной информации.

Рис. 1. Могильник Тартас-1. Ритуальный комплекс № 2.

О.Н. Корочковой, доминирует «нарядная», т.е. андроновидная керамика [2010, с. 56–60].

В правобережном Прииртышье ближайшие аналогии данному керамическому комплексу мы находим на недавно открытом и исследованном В.В. Бобровым поселении Ложка-6 [Бобров, Моор, 2011, с. 139–141, рис. 1], а также на могильнике восточного варианта пахомовоской культуры Старый Сад [Молодин, Нескоров, 1992, с. 93–97].

Специфической деталью выявленных комплексов является наличие в обоих случаях бронзовых наконечников копий (или дротиков) (рис. 2, 1, 2). Оба наконечника – втульчатые. Они имеют короткую резко расширяющуюся к основанию втулку и двухлопастное перо, в первом случае прорезное, во втором – сплошное. Весьма вероятно, что помещение наконечников в сооружение имеет определенную семантическую нагрузку. Аналогичные наконечники характерны для западносибирских культур, для памятников конца бронзового века [Матюшенко, 1974, рис. 25].

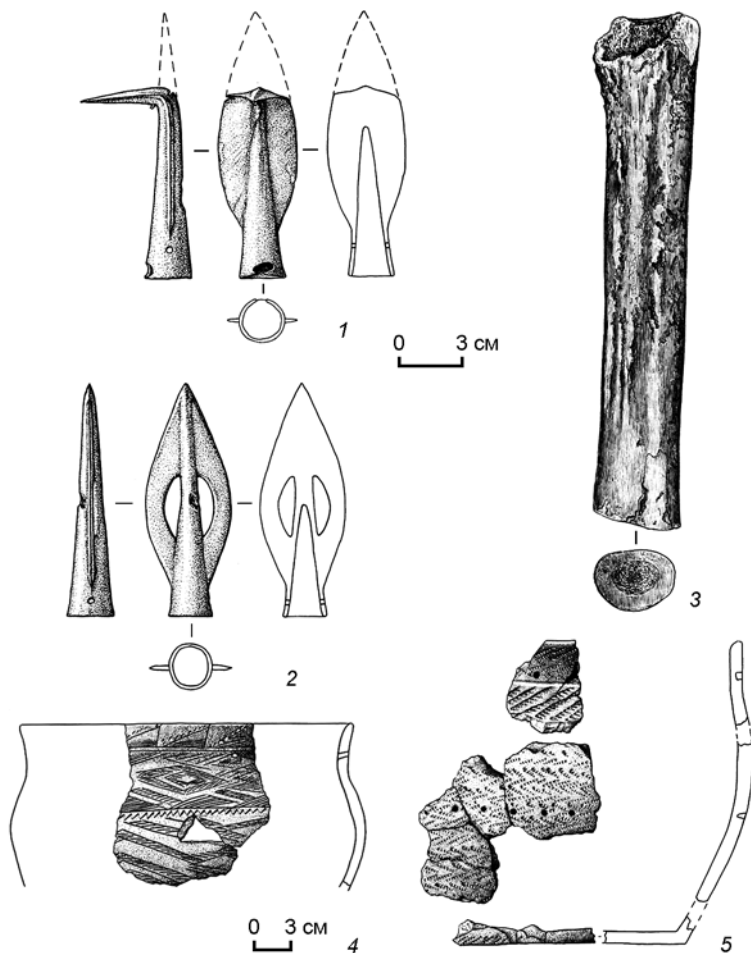

Рис. 2. Находки из ритуальных комплексов могильника Тартас-1.

1 – бронзовый наконечник копья из ритуального комплекса № 2;

2 – бронзовый наконечник копья из ритуального комплекса № 1;

3 – костяной предмет; 4, 5 – керамика из ям ритуального комплекса № 2.

Выраженной особенностью второго комплекса являются обломки трех литейных тиглей и фрагменты глиняной литейной формы, вероятно, для отливки копья с прорезным пером, что позволяет видеть семантическую связь иррациональных ритуалов с бронзолитейной деятельностью. Устойчивые связи культовых комплексов и следов металлообработки прослежены в синхронных и более ранних памятниках Прииртышья и Зауралья [Сальников, 1949, с. 94–95; Эдинг, 1940, с. 14; Труфанов, 1983, с. 66]. Причем, в некоторых случаях отмечается практически такой же набор инвентаря, включая копья ананьинского типа [Сальников, 1949, с. 95].

Из других находок обращает на себя внимание костяной предмет, представляющий собой кость ноги животного с аккуратно отпиленными эпифизами, возможно, предназначенный для каких-то сакральных действий (рис. 2, 3).

Таким образом, перед нами, скорее всего, ритуальный комплекс пахомовской культуры, несомненно, представляющий собой уникальное явление не только для данной культуры, но и для эпохи поздней бронзы Западно-Сибирского региона в целом.

Уместно предположить, что к святилищу могут иметь непосредственное отношение примыкающий к сооружению с севера выраженный ряд вторичных захоронений своеобразных по своей погребальной практике и инвентарю.

Несмотря на то, что надежные выделения критериев древних святилищ остаются не определенными [Савинов, 2007, с. 88], рассматриваемые комплексы резко отличаются по ряду параметров от поселенческих. Вместе с тем они имеют несомненную специфику по сравнению с западносибирскими памятниками подобного рода, выделяемыми исследователями для Западно-Сибирского региона, в том числе для эпохи финальной бронзы [Потемкина, 2007, С. 197–222]. Данное обстоятельство лишний раз демонстрирует, по-видимому, значительную вариативность подобных центров, чрезвычайно малую источниковую базу, позволяющую служить некими эталонами для надежного и обоснованного выделения подобных объектов.

Тем не менее, специфика исследованных на памятнике Тартас-1 ритуальных комплексов (или комплекса?), с нашей точки зрения, очевидна для того, чтобы интерпретировать их как поселенческие. Первостепенной задачей на сегодняшний день является детальная обработка всех полученных данных и их осмысление с попыткой интерпретации и семантической реконструкции.

Список литературы

Бобров В.В., Моор Н.Н. Результаты археологических исследований на памятнике Ложка-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 139–142.

Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тобола-Иртышья). – Екатеринбург: Изд-во Ур. гос. ун-та, 2010. – 103 с.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1974. – Ч. 4: Еловско-ирменская культура. – (Приложение «Из истории Сибири»; вып. 12).

Молодин В.И., Нескоров А.В. О связях населения западносибирской лесостепи и Казахстана в эпоху поздней бронзы // Маргулановские чтения, 1990 (сб. мат-лов конф.). – М., 1992. – Ч. 1. – С. 93–97.

Молодин В.И., Софеев О.В., Дейч Б.А., Гришин А.Е., Чемякина М.А., Манштейн А.К., Балков Е.В., Шатов А.Г. Новый памятник эпохи бронзы в Барабинской лесостепи (могильник Тартас-1) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX, ч. 1. – С. 441–446.

Потемкина Т.М. Древние святилища как источник исследования мировоззренческих традиций (по материалам Обь-Иртышья) // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. – Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. – С. 197–223.

Савинов Д.Г. Ритуальный предмет/изображение (о дифференцированном подходе к изучению) // Миф, обряд и ритуальный предмет в древности. – Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. – С. 88–95.

Сальников К.В. К вопросу о древней металлургии в Зауралье. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – С. 92–95. – (КСИА; № XXIX).

Труфанов А.Я. Жертвенное место Хутор Бор-1 (о культурно-хронологическом своеобразии памятников эпохи поздней бронзы лесного Прииртышья) // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. – Томск: Том. гос. ун-т, 1983. – С. 63–76.

Эдинг Д.Н. Резная скульптура Урала // Тр. Государственного исторического музея. – М.: Гос. ист. музей, 1940. – Вып. 10. – 102 с.

**ОРГАНИЗАЦИЯ ЖИЛОГО ПРОСТРАНСТВА
НОСИТЕЛЯМИ КРОВОТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ
(на примере поселения Венгерово-2)***

Поселение кротовской культуры Венгерово-2 открыто в 1966 г. Т.Н. Троицкой [Троицкая, Молодин, Соболев, 1980]. Памятник исследовался под руководством В.И. Молодина в 1973, 1975, 2011–2012 гг. [Молодин, 1977; Молодин, Полосьмак, 1978, Молодин и др., 2011]. В общей сложности на поселении вскрыто 700 кв. м площади, полностью исследовано три жилых комплекса, три котлована – частично, а также значительная часть межжилищного пространства.

Топографический план памятника, отражающий расположение визуально фиксируемых западин, позволяют предположить трехрядную структуру организации поселка (рис. 1). Жилые комплексы подпрямоугольной формы располагались параллельными рядами вдоль края второй надпойменной террасы левого берега р. Тартас. Размещение поселений на первой или второй надпойменной террасе является в целом характерным признаком для кротовских памятников [Матющенко, 1995, с. 126]. Однако уже отмечалось [Молодин, Зах, 1979, с. 51–53], что в Барабинской лесостепи размещение поселений кротовской культуры (Преображенка-3, Абрамово-10, Венгерово-2) на второй надпойменной террасе Оми и Тартаса в значительном удалении от современного русла (более километра) неоспоримо свидетельствует о сильнейшем обводнении региона и, следовательно, о влажном и холодном климате в западносибирской лесостепи во второй половине III тыс. до н.э.

Часть западин первого ряда, ближнего к террасе, была практически уничтожена в процессе антропогенного воздействия (строительство дороги, прокладка оптоволоконной линии и противопожарной полосы). Углы двух конструкций были обнаружены при исследовании края террасы. Интересно, что фиксируемый уровень прибойной зоны свидетельствует о разрушении (или подтоплении) части конструкций во время их функционирования.

Второй ряд состоит из 10 визуально фиксируемых котлованов, три из которых были исследованы полностью и один частично. Расстояние между ними варьирует от 2 до 4 м. Жилища третьего ряда расположены реже, их

*Работа выполнена в рамках Междисциплинарного интеграционного проекта СО РАН (№ 32) «Этногенез населения юга Западной Сибири в эпоху голоцена (по данным археологии, антропологии и палеогенетики)».

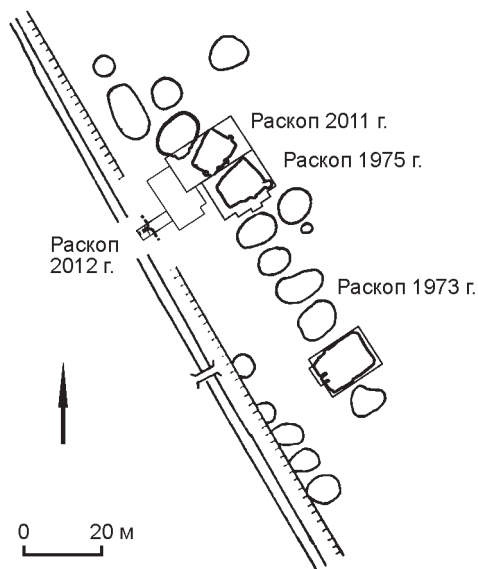

Рис. 1. Топографический план памятника Венгерово-2.

западины плохо заметны на современной дневной поверхности. С северо-западной стороны пространство между первым и вторым рядом замыкается двумя западинами, ориентированными перпендикулярно остальным жилищам. Прилегающий к нему второй ряд котлованов немного закругляется, что заметно по ориентации исследованных жилищ. Судить об аналогиях подобной уличной планировки поселения сложно по причине отсутствия изученных сплошными площадями комплексов. Хотя следует отметить, что для эпохи ранней бронзы известна круговая организация жилищ, ярким примером которой являются ташковские поселения [Ковалева, 1997, с. 15; Ковалева, Рыжкова, Шаманаев, 2000, с. 24–25].

Планиграфическое распределение находок (рис. 2) за пределами котлованов в изученном межжилищном пространстве свидетельствует об активной хозяйственной и производственной деятельности на площади поселка. Плотность залегания фрагментов керамики на одном квадратном метре в среднем превышает 40 черепков (от крупных фрагментов тулова до мелкого керамического боя). Встречаются развалы сосудов и скопления керамики. Между жилищами также обнаружены ямы с костями животных, которые можно интерпретировать как хозяйственные. Прокалы, зафиксированные в межжилищном пространстве, относятся как к простым летним очагам, так и к сложным устройствам, связанным с бронзолитейным производством (например, яма для выжигания угля) [Молодин и др., 2012].

Раскопанные котлованы жилищ имеют подпрямоугольные или трапециевидные формы площадью от 70 до 123,5 кв. м, углублены в материк на 0,2–0,4 м. Длинными сторонами они ориентированы по линии северо-

восток – юго-запад с небольшими отклонениями, перпендикулярно расположению улицы и краю террасы. Стенки котлованов прямые, практически отвесные. Столбовые ямы диаметром 0,15–0,45 м и глубиной 0,15–0,42 м располагались внутри, а иногда и снаружи конструкции вдоль стен. Второй ряд столбовых ям фиксировался в центре сооружений. С северной стороны жилища № 3 на расстоянии 4 м снаружи от стенок котлована зарегистрирован еще один ряд столбовых ям. Вероятно, это остатки конструкции типа навеса, пристроенного к северной стене жилища. Расположение на этой площадке прокала, ямы для выжигания угля, а также высокая концентрация находок свидетельствует о хозяйственном назначении пристройки. Возможно, она использовалась в теплое время года.

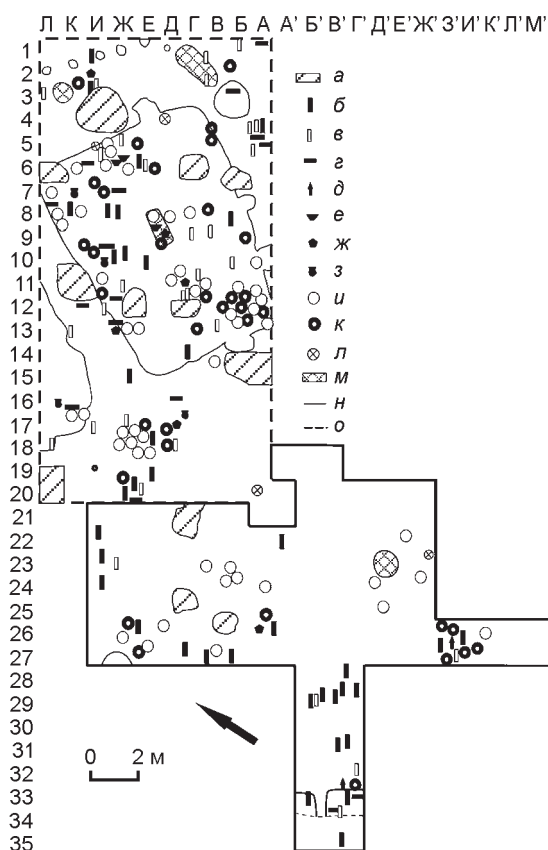

Рис. 2. Распределение индивидуальных находок на площади раскопов 2011–2012 гг. *а* – нераскопанные участки, занятые деревьями; *б* – отщеп; *в* – пластина; *г* – скребок; *д* – наконечник стрелы; *е* – тигель; *ж* – литейная форма; *з* – развал сосуда; *и* – изделие на фрагменте керамики; *к* – керамическая «фишка»; *л* – изделие из кости; *м* – очаг; *н* – граница раскопа 2012 г.; *о* – граница раскопа 2011 г.

Внутренняя структура жилого пространства определялась центральным месторасположением очага. В жилищах поселения Венгерово-2 очажные устройства представляли собой подпрямоугольные ямы размерами 2,1–1,6 × 0,7–0,5 м. Они служили как для обогрева и освещения помещения, приготовления пищи, так и для производственных операций, о чем свидетельствуют находки фрагментов тиглей в их заполнении. В жилище № 1 в привходовой части зафиксирован еще один углубленный очаг, вероятно, создававший дополнительный тепловой барьер.

Вход в жилище удалось зафиксировать только в одном случае: он представлял собой ограниченный двумя материковыми останцами участок, мощный мелкими фрагментами керамики, ориентированный в сторону реки. Можно предположить, что в двух других исследованных жилищах этого ряда выходы располагались аналогично.

Интересной особенностью жилищ кротовской культуры поселения Венгерово-2 являются ямы подовальной формы, сооруженные вплотную к стенам котлованов, частично нарушая последние (до 4 ям в одном жилище). Состав находок в них (кости животных, рыб, фрагменты керамики), а также конструктивные особенности позволяют интерпретировать их как погребя-кладовые. Подобные ниши-кладовки для припасов известны в приуральских жилищах эпохи развитой бронзы [Черных, 2010, с. 63].

Планиграфическое распределение находок на площади жилища № 3 дает возможность выделить три основные хозяйственно-производственные зоны. Одна из них связана с очагом и околоочажным пространством. Как в заполнении самого очага, так и вокруг него обнаружены скопления керамики, керамические и каменные орудия. Вторая зона располагалась в северо-западном углу жилища. В ее пределах обнаружены многочисленные орудия из кости и камня, фрагменты тиглей, скопления керамики со следами сильного температурного воздействия, бронзовый сплеск, жевые кости, что позволяет связывать данный участок с бронзолитейным производством. К этой зоне в равной степени относится очаг [Молодин и др., 2012]. Третья зона выделяется в юго-восточном углу, у предполагаемого входа, по большому скоплению крупных фрагментов тулова от разных керамических сосудов, которые, вероятно, являлись заготовками для керамических орудий (скребков, абразивов, «фишек», лоцил) [Молодин, Мыльникова, Нестерова, 2012]. Здесь же обнаружены развалы сосудов со следами их ремонта и изделия из керамики с практически полностью сработанными краями. Это позволяет интерпретировать данную зону как место вторичной обработки керамики. Исходя из функционального назначения изделий из фрагментов сосудов, участок можно связать с кожевенным производством. Относительно пустые участки у северо-восточного и юго-западного углов котлована могли быть заняты нарами. Причем место у входа, судя по содержанию инвентаря, вероятно, предназначалось для женщин, а дальше, за очагом – для мужчин, что в целом соответствует традиционной структуре организации внутренне-

го пространства жилищ у коренных народов Западной Сибири [Лукина, Бардина, 1994, с. 50–51].

Таким образом, поселение Венгерово-2 можно отнести к круглогодичным поселкам с уличной планировкой. Жилища являлись долговременными и адаптированными для холодного времени года (утепление стен завалинками, сооружение мощного очажного устройства (или двух), способного обогреть всю жилую площадь). В теплое время года активная хозяйственно-производственная деятельность переносилась в межжилищное пространство, о чем свидетельствуют не только многочисленные находки, но и мощность культурного слоя (до 0,4 м).

Список литературы

Ковалева В.Т. Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: поселение Ташково-2. – Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 1997. – 132 с.

Ковалева В.Т., Рыжкова О.В., Шаманаев А.В. Ташковская культура: поселение Андреевское Озеро XIII. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2000. – 160 с.

Лукина Н.В., Бардина П.Е. Постройки // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Поселения и жилища. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1994. – Т. 1, кн. 2. – С. 32–90.

Матющенко В.И. Поселенческие комплексы доандроновского времени лесостепного Обь-Иртышья // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Поселения и жилища. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1995. – Т. 1, кн. 1. – С. 124–131.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 174 с.

Молодин В.И., Зах В.А. Геоморфологическое расположение памятников эпохи неолита и бронзы в бассейнах рек Оби, Ини, Оми и их притоков // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1979. – С. 51–53.

Молодин В.И., Полосьмак Н.В. Венгерово-2 – поселение кротовской культуры // Этнокультурные явления в Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1978. – С. 17–29.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Вторичное использование фрагментов керамики на поселении кротовской культуры Венгерово-2 (Барабинская лесостепь) // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2012. – Т. 11, вып. 7: Археология и этнография. – С. 91–109.

Молодин В.И., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Производственный комплекс кротовской культуры на поселении Венгерово-1 (Барабинская лесостепь) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2012. – Т. 11, вып. 5: Археология и этнография. – С. 104–119.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Борzych К.А., Марочкин А.Г. Исследование поселения кротовской культуры Венгерово-2 и открытие неолитического могильника Венгерово-2А // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 199–205.

Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1980. – 183 с.

Черных Е.М. У истоков уральского домостроительства: древние и средневековые жилища Прикамья. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. – 160 с.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДЕРЕВЯННЫХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ АЛТАЯ В СВЕТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА*

Феномен деревянных изделий древних кочевых культур Алтая исследовался в рамках проекта РФФИ, в котором среди прочих ставилась задача сравнительного анализа особенностей изготовления и использования определенных категорий деревянных предметов в разные исторические периоды.

В работе изложены некоторые результаты проведенных исследований, полученные в ходе ксилотомического и трасологического анализа деревянных изделий пазырыкской и булан-кобинской археологических культур Алтая. Для изучения были отобраны отдельные категории предметов, представленные в пазырыкских и булан-кобинских комплексах: луки, стрелы, детали колчанов, седел, сосуды и блюда

Ксилотомический анализ

В скифо-сакское время на Алтае детали сложносоставного лука изготавливались из ивы, таволги, получаясь за счет продольного щепления стволиков указанных древесных пород. Изученные луки «гунно-сарматского» периода сделаны исключительно из березы. Плоская и широкая часть кибити (плечо) лука в большинстве случаев совпадают с тангенциальной плоскостью дерева, но иногда – с радиальной. Таким образом, луки изготавливались как из тангенциальной, так и радиальной заготовок.

Древки пазырыкских стрел изготовлены из стволиков кустарников ивы и ольхи, а также из массива березовой древесины. Булан-кобинские древки стрел получены путем щепления ствола березы и дальнейшего придания заготовке сигаровидной формы.

Для придания жесткости колчану «пазырыкцы» использовали плоские длинные пластины из березы. Днища и крышки булан-кобинских колчанов получены из кедровых тангенциальных заготовок.

Деревянные накладки мягких седел пазырыкской культуры сделаны из можжевельника, лиственницы и кедра, в то время как все части жестких седел булан-кобинской культуры изготовлены из березы.

Сосуды как в скифо-сакский, так и в «гунно-сарматский» периоды производились из древесины березы таким образом, что вертикальная ось

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ (№ 10-06-00476а).

сосудов совпадала с радиальной осью ствола дерева (тангенциальная заготовка), обеспечивая большую прочность предмета, снижая вероятность его растрескивания.

Блюда также делались из березы: в большинстве случаев из тангенциальных заготовок. Редко для изготовления блюда в булан-кобинское время использовался поперечный срез дерева (вертикальная ось блюда совпадает с вертикальной осью ствола дерева). Интересно, что вставные ножки пазырыкских березовых блюд вырезаны из хвойных пород: лиственницы, можжевельника.

Таким образом, отличия в отборе пород для производства деревянных изделий в пазырыкской и булан-кобинской культурах наблюдаются в основном в отношении луков, колчанов и седел, что было вызвано, вероятно, конструктивными изменениями данных категорий предметов. Вместе с тем, возможно, что определенную роль играло различное природное окружение. Пазырыкские памятники, из которых происходит изученная древесина, расположены на высоте 2 000–2 300 м над уровнем моря в Юго-Восточном Алтае, в горных полупустынных и тундростепных ландшафтах. В то время как булан-кобинские комплексы локализованы на высоте 850 м над уровнем моря в Центральном Алтае, для которого характерно сочетание остепненных склонов, экспонированных на юг, и лиственничных и лиственнично-березовых лесов на склонах северной экспозиции.

Технико-технологический анализ

Анализ внутренних и внешних поверхностей деревянных предметов выявил различные признаки деревообработки: следы инструментов, стадии и операции обработки древесины, способы и приемы изготовления изделий. Сумма выявленных особенностей обработки дерева у носителей той или иной культуры по категориям предметов дает основание предполагать существование деревообрабатывающих традиций [Мыльников, 2008, с. 97].

Луки изготовлены с использованием практически всех основных и дополнительных операций по обработке дерева. Каждое плечо кибити пазырыкских луков формировалось из приклеиваемых друг к другу широкими плоскими гранями двух полос (фронтальная и тыльная). По бокам к ним приклеивались полукруглые в сечении полосы меньшего размера. Все детали были соединены между собой так, что плоскости с сердцевинной дерева ориентированы внутрь. Для лучшего скрепления и дополнительной прочности все внешние поверхности склеиваемых полос плотно виток к витку обматывалась волосом (конским?). Можно предположить, что дополнительно вся поверхность лука оклеивалась полосами бересты. Кибити булан-кобинских луков выполнены из продольных расщеплений (расколов) березовых стволов путем острагивания лезвием ножа по всей

Таблица 1. Деревянные предметы из памятников скифской эпохи.

Предметы	Название памятника	Порода древесины	Технологические особенности
Луки	Ак-Алаха-1, кург. 1	ива (<i>Salix sp.</i>); таволга (<i>Spiraea sp.</i>)	Сложно-составные – изготовлены из узких полос разного профиля, склеенных между собой. Кибить в поперечном сечении овальная.
	Кутургутас (деталь лука?)	ива (<i>Salix sp.</i>)	
Стрелы	Ак-Алаха-1, кург. 1	береза (<i>Betula sp.</i>)	Изготовлены из продольно расщепленных заготовок-лучин. Круглые в сечении, с изменяющимся по длине профилем и полукруглым вырезом под тетиву.
	Уландрык I, кург. 1	ива (<i>Salix sp.</i>)	
Колчаны	Олон-Курин-Гол-10, кург. 1	береза (<i>Betula sp.</i>)	Изготовлены из веточек кустарника. Плоская без орнамента узкая дощечка с заууженными овальными концами. Вдоль одной из граней 13 сквозных отверстий диаметром 2,5–3,0 мм.
	Ак-Алаха-1, кург. 1	можжевельник (<i>Juniperus L.</i>); лиственница (<i>Larix sibirica</i>) или ель (<i>Picea sp.</i>); сосна кедровая (<i>Pinus sibirica</i>)	
Седла	Олон-Курин-Гол-10, кург. 1	можжевельник (<i>Juniperus L.</i>)	Седельные накладки – дугообразные и прямые, полукруглые в сечении планки с выбранными глубокими желобками и рядами отверстий малого диаметра для крепления к войлочной подушке.
	Ак-Алаха-1, кург. 1	береза (<i>Betula sp.</i>)	
Сосуды	Ак-Алаха-1, кург. 1	береза (<i>Betula sp.</i>)	Ось сосудов ориентирована вдоль радиальной оси ствола дерева. Внешние поверхности заглажены и заполированы; на внутренних – следы лезвий стамесок разного профиля.
	Ак-Алаха-1, кург. 1	береза (<i>Betula sp.</i>)	
Блюда	Ак-Алаха-5, кург. 1, вставная ножка	можжевельник (<i>Juniperus L.</i>)	Изготовлены из прикорневой части ствола. По следам инструментов выделены операции: рубка, отгеска, резание, строгание, выборка стамеской.
	Олон-Курин-Гол-10, кург. 1, основа блюда, вставная ножка	береза (<i>Betula sp.</i>) лиственница (<i>Larix sibirica</i>) или ель (<i>Picea sp.</i>)	

Таблица 2. Деревянные предметы из памятников гунно-сарматской эпохи.

Предметы	Название памятника	Порода древесины	Технологические особенности
Луки	Яломан II, кург. 31	береза (<i>Betula sp.</i>)	Цельные и двухчастные луки: два плеча склеены в районе рукояти, которая усилена накладками. Плечо кибиты обычно совпадает с тангенциальной плоскостью дерева, концевая часть и рукоять – с радиальной.
	Яломан II, кург. 33, мог. 2		
	Яломан II, кург. 62		
Стрелы	Яломан II, кург. 62	береза (<i>Betula sp.</i>)	Изготовлены путем щепления. Круглые в сечении, с профилем, изменяющимся по длине и полукруглым вырезом под тетиву.
Колчаны	Яломан II, кург. 20 Яломан II, кург. 29 Яломан II, кург. 31	сосна кедровая (<i>Pinus sibirica</i>)	Длинный матерчатый цилиндр-тубус с круглой деревянной крышкой снизу и полулунной вверх, тремя боковыми планками жесткости, приспособлением для ремня и карманом. Днища и крышки колчанов – из тангенциальных заготовок.
Седла	Яломан II, кург. 29 Яломан II, кург. 33, мог. 1	береза (<i>Betula sp.</i>)	Четырехчастные из массивных заготовок: полки и луки соединены между собой при помощи рядов отверстий и сыромятных ремней.
Сосуды	Яломан II, кург. 51	береза (<i>Betula sp.</i>)	Изготовлены из прикорневых частей ствола, некоторые – наростов. Внешние и внутренние поверхности заглажены, заполированы. Вертикальная ось сосуда совпадает с радиальной осью ствола дерева.
Блюда	Яломан II, кург. 31 Яломан II, кург. 33, мог. 1 Яломан II, кург. 51	береза (<i>Betula sp.</i>)	По размерам делятся на средние (с несъемными ножками) и малые (с плоским дном без ножек). Вертикальная ось блюда совпадает с радиальной осью дерева (тангенциальные заготовки), лишь в единичном случае – с вертикальной осью ствола (заготовка из поперечного среза).

плоскости. Есть несколько тончайших следов лезвия ножа, которым выполнялись оформление и выравнивание поверхности (операция стружение). Лезвием ножа выполнены и перекрещивающиеся насечки для приклеивания костяных накладок. Точно такие же насечки есть и на самих костяных накладках. Рефлексирующие широкие (40–42 мм) и тонкие (2–3 мм) плоскости плечей выполнены очень тщательно: заглажены с приминанием наружного слоя внутренней и внешней поверхностей, очевидно, для придания им большей прочности и эластичности (упругости). Общая реконструируемая длина лука составляет от 143 до 150 см [Горбунов, 2006, рис. 11, 1; Тишкин, Горбунов, 2007, с. 166].

Древки пазырыкских стрел выстроганы из заготовок по одной схеме и строго выдержаны примерно в одинаковых пропорциях: ровные, округлые. Видимо, для правильной центровки каждое древко обрабатывали по определенной технологии: большинство имеют плавное уменьшение диаметра от центра стрелы к наконечнику и полукруглой выемке под тетиву; другие – плавное уменьшение диаметра в первой трети древка от арочного выреза к центру. Длина целых экземпляров могла составить около 70 см.

Булан-кобинские древки стрел изготовлены тщательно, круглые в сечении, с выраженными участками разного диаметра в начальной, срединной и конечной частях, очевидно для большей устойчивости стрелы в полете. Длина 38–62 см. На полукруглых вырезах под тетиву фиксируются слабые следы узколезвийного ножа. Трасологический анализ следов на поверхностях древков позволил выявить несколько операций по их изготовлению: первичные (резание – поперечное, косое; строгание – продольное, скобчато-выемчатое) и вторичные (заглаживание, шлифовка). Практически все экземпляры окрашены красной и черной краской. У части древков дополнительные железные втулки-муфты длиной 3 см, охватывающие конец за оперением и полукруглый вырез под тетиву.

Колчаны в пазырыкской культуре имели жесткую основу в виде длинных и узких плоских дощечек с зауженными овальными концами, выструганных ножом. Они, за редким исключением, без орнамента. Вдоль одной из граней просверлены пары сквозных отверстий диаметром 2,5–3,0 мм для крепления мягкого мешка для стрел. Булан-кобинские колчаны представляли собой длинный матерчатый цилиндр-тубус с круглым деревянным диском-дном снизу и полулунной крышкой сверху, к которым крепились ремешками три боковые планки жесткости, приспособление для ремня и карман. При изготовлении применялись нож, стамеска и повертка-сверло.

Седла пазырыкской культуры изготавливались из войлока, обрамленного деревянными дужками, представлявшими собой дугообразные и прямые планки полукруглые в сечении с глубокими желобками на внутренней стороне и рядами отверстий по краям для крепления к войлочной подушке. Выстрагивались в основном ножом, иногда желобки подправлялись стамесками. Седла «гунно-сарматского» периода состояли из двух

боковин-полок и двух дуговидных лук. Полки седел фигурные с искривленным дуговидным профилем для более удобной посадки наездника и наклонными плоскостями для дугообразных лук и подбрюшного ремня. Луки дугообразные. Первичные заготовки полок и лук седел выполнены топором, затем криволинейные поверхности выявлены лезвием тесла и выровнены стамесками с широким лезвием. Торцы и приостренные края изделий оструганы ножом. Широкие поверхности полок и внутренние поверхности лук заглажены, очевидно, от долгого употребления, войлочной или кожаной подушкой седла. Отверстия провернуты разверткой (шило с расплюснутым, раздвоенным и заостренным концом), вращавшимся по часовой стрелке.

Блюда пазырыкской культуры классифицируются по размерам на большие, средние и малые. У блюд большого и среднего размеров съемные ножки. Малые с цельными ножками и плоским дном. По следам инструментов выделены следующие операции: рубка, отеска, резание, строгание. Древесину для емкости (овального углубления) выбирали из заготовки стамеской с полукруглым лезвием, затем неровности обработки и следы инструмента убрали абразивом (кожа с мелким песком) и заглаживанием. Булан-кобинские блюда представлены среднего размера цельными блюдами с ножками [Тишкин, Мыльников, 2008, с. 93–102] и блюдами без ножек с плоским дном. Изготовлены из прикорневой части ствола. Технология изготовления аналогична пазырыкской.

Сосуды скифо-сакского времени судя по мелкослойной иногда искривленной структуре древесины изготовлены либо из плотного прикорневого участка ствола березы, либо нароста «капа», обладающего плотной, устойчивой к влаге волнистой текстурой. Заготовка для каждого сосуда (болванка) была вначале вырублена теслом. Округлое тулово со слегка отогнутым наружу венчиком, уплощенное дно и емкость сосуда вырезаны с помощью набора стамесок с полукруглыми, изогнутыми и плоскими лезвиями, следы которых хорошо сохранились на внутренних стенках сосуда. При оформлении плоской с округлыми краями ручки применялся нож. Отверстие в ручке прорезано стамеской с плоским лезвием и подправлено лезвием ножа. Булан-кобинские сосуды изготовлены по аналогии с пазырыкскими. Внешние и внутренние поверхности заглажены и заполированы. Следы лезвий инструментария на внутренних поверхностях практически не фиксируются.

Таким образом, сравнительный анализ техники и технологии изготовления деревянных предметов Алтая в скифо-сакский и «гунно-сарматский» периоды показал сходство в выборе породы древесины для определенных категорий изделий, а так же наборе инструментария, способов и приемов обработки материала. В то же время наблюдается некоторая трансформация традиций, например, в производстве предметов вооружения, изготовлении деревянных основ седел, некоторых видов посуды.

Список литературы

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). – 232 с.

Мыльников В.П. Деревообработка в эпоху палеометалла (Северная и Центральная Азия) – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 364 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс вооружения «эпохи великого переселения народов» из Саяно-Алтая (по материалам могильника Яломан II) // **Вооружение сарматов: региональная типология и хронология.** – Челябинск: Изд-во Юж.-Урал. гос. ун-та, 2007. – С. 164–172.

Тишкин А.А., Мыльников В.П. Деревянные изделия из кургана 31 памятника Яломан II на Алтае // **Археология, этнография и антропология Евразии.** – 2008. – № 1. – С. 93–102.

АНДРОНОВСКИЕ (ФЕДОРОВСКИЕ) КУРГАНЫ МОГИЛЬНИКА ПОГОРЕЛКА-2 В ЦЕНТРАЛЬНОЙ БАРАБЕ

В 2012 году Российско-германская экспедиция Института археологии и этнографии СО РАН и Евразийского отделения Германского археологического института продолжила совместные исследования курганного могильника Погорелка-2 в Чановском районе Новосибирской области, проходившие в 2009 и 2011 гг. [Молодин и др., 2009; Наглер и др., 2011]. В минувшем полевом сезоне были раскопаны два кургана № 3 и № 43, расположенные в 3 км к северо-западу от с. Погорелка. Объекты располагались в непосредственной близости друг от друга и входили в общую курганную группу, зафиксированную на памятнике.

Курган № 3 имел насыпь округлой формы, диаметром основания 16–17 м. После снятия насыпи обнаружилась конструкция в виде четырех вытянутых рвов, образующих правильный квадрат, ориентированный углами по сторонам света. Размер огороженного рвами пространства составил площадку 15×15 м. В ее центральной части обнаружено захоронение, ориентированное по линии СВ-ЮЗ. Организация сакрального пространства практически идентична раскопанному в прошлом 2011 г. кургану № 13 этого же могильника [Наглер и др., 2011, рис. 1].

Погребение № 1. Могильная яма имела подпрямоугольную форму размером 246×149 см и глубиной 64 см. Южная, северная и западная ее стенки прямые и практически отвесные. Восточная слегка скошена, в нижней ее части зафиксирована ступенька высотой 0,09 м. Дно ровное.

В 0,3 м от южной стенки обнаружено скопление жженных костей взрослого человека. Из них антропологически определимы кости черепа, фрагменты ребер и трубчатых костей конечностей.

На дне погребения, рядом со ступенькой восточной стенки стоял керамический сосуд № 1 – горшок, полностью орнаментированный горизонтальными линиями, выполненными четырехзубым гребенчатым штампом. Сосуд имеет поддон, орнаментированный рядом семечковидных вдавлений. Напротив сосуда № 1, у западной стенки, обнаружен сосуд № 2 – горшок, орнаментированный по горловине косыми заштрихованными треугольниками, выполненными гребенчатым штампом.

Курган № 43. После снятия насыпи в центральной части зафиксировано три погребения. Две могилы (№ 1 и № 3) расположены рядом параллельно друг другу, третья (№ 2) вынесена к СВ от них, так что все вместе они

составляют подобие треугольника. Сакральное пространство сооружения представляло собой подквадратную площадку, ограниченную четырьмя вытянутыми ямами, заменяющими, видимо, полноценные рвы. В юго-восточном углу раскопа зафиксирована еще одна яма со следами длительного использования огня. При разборке первого горизонта насыпи у края юго-западной полы кургана найдена бронзовая заколка с шаровидной головкой. Ее длина – 12 см. Подобные изделия широко встречаются в материалах культур скифского времени Западной Сибири [Троицкая, Бородавский, 1994, с. 32, табл. XXVIII, 5, 6; Кунгуров, 1999, с. 93, рис. 3, 37, 38]. Видимо, заколка происходит из саргатской части изучаемого некрополя и попала в более древний комплекс случайно.

Погребение № 1 представляет собой обширную яму. Северная ее часть имеет четкую прямоугольную форму с прямыми, практически отвесными стенками, а южная, напротив, – аморфную форму с неровными стенками. По-видимому, ее северная часть является непосредственно погребением, а южная – грабительской ямой, полностью разрушившей северную стенку могилы. Небольшая ее часть сохранилась только в виде выступа в северо-западном углу могилы, что позволило установить первоначальные размеры могильной ямы. Ее параметры по верхнему абрису – 196×164 см, глубина – 62 см. Ориентирована по линии З–В.

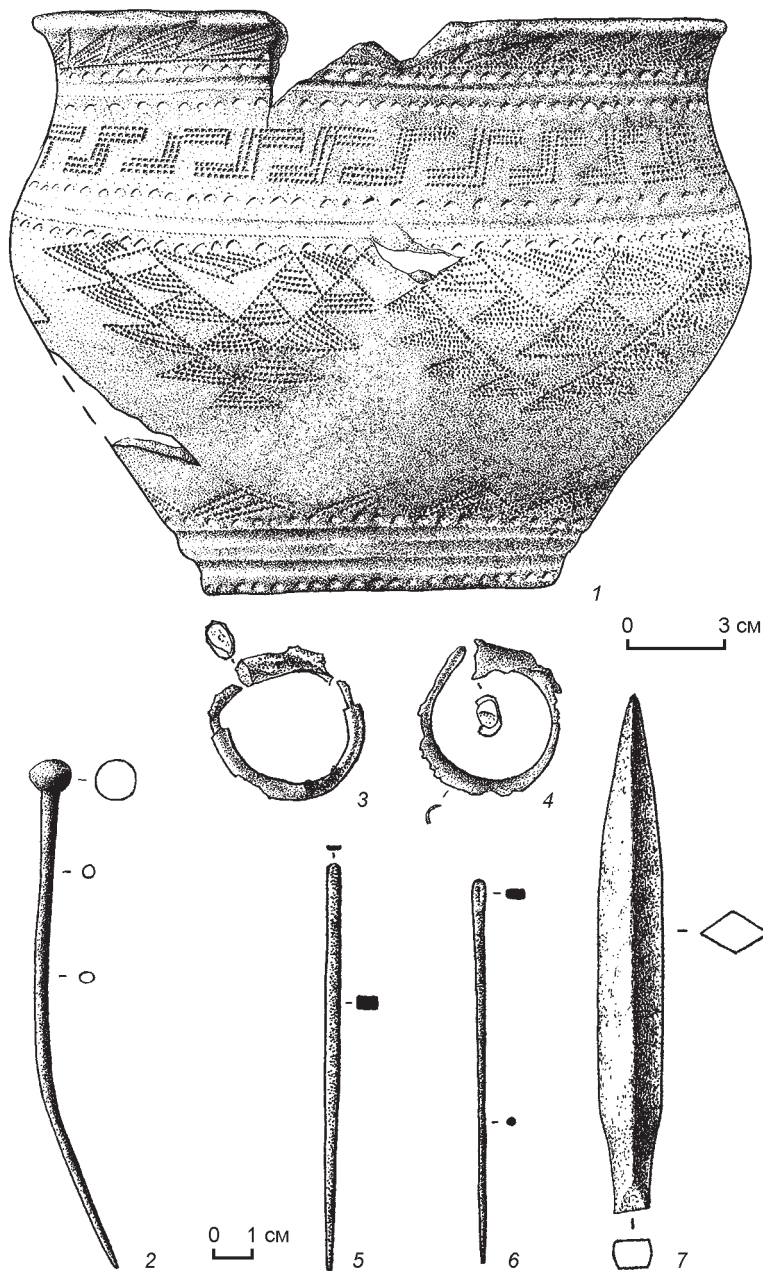
В заполнении захоронения найдены кости птицы (утки?), а также несколько фрагментов керамики. На дне могилы, в восточной ее части, обнаружены мелкие фрагменты жженных костей человека. У западной стенки найдено два сосуда и бронзовая игла (см. *рисунок, б*), которая представляла собой округлый в сечении тонкий заостренный стержень с оформленным на одном из концов «ушком» – небольшим отверстием овальной формы. Длина изделия 9 см.

Под сосудом № 1 обнаружено бронзовое шило (см. *рисунок, 5*), квадратное в сечении, заостренное с одного конца. Длина изделия 9,7 см.

Сосуд № 1 – горшок, орнаментирован по горловине заштрихованными треугольниками, выполненными в технике гребенчатого штампа. Сосуд № 2 орнаментирован «елочкой», выполненной в той же технике, что и на сосуде № 1.

Погребение № 2 представляет собой яму неправильной подпрямоугольной формы. Размеры могилы – 200×147 см, глубина – 54 см. Ориентирована по линии З–В. Южная и восточная стенки погребения – прямые, практически отвесные. Западная – округлая, слегка пологая. Северная стенка в восточной своей части прямая, пологая, в западной – округлая. В заполнении погребения обнаружен костяной наконечник стрелы (см. *рисунок, 7*), а также несколько фрагментов керамики, орнаментированной меандрами.

На дне в центральной части могильной ямы зафиксировано скопление жженных костей взрослого человека. Из них антропологически определены трубчатые кости конечностей, фрагменты черепа, ключица, фрагменты позвоночника.

Находки из кургана № 43 могильника Погорелка-2.

1 – керамический сосуд; 2 – бронзовая закладка; 3, 4 – бронзовые серьги с раструбом, обернутые золотой фольгой; 5 – бронзовое шило; 6 – бронзовая игла; 7 – костяной наконечник стрелы.

В юго-западном углу погребения найден керамический сосуд № 1 – горшок. Сосуд орнаментирован по горловине рядом заштрихованных равнобедренных треугольников и двумя рядами подтреугольных вдавлений, разделенных между собой желобком. По тулову – рядом солярных символов, ниже которых располагались два ряда подтреугольных вдавлений, разделенных между собой желобком.

В северо-восточном углу погребения найден керамический сосуд № 2 – горшок (см. *рисунок, 1*). Он орнаментирован по горловине рядом заштрихованных скошенных треугольников, выполненных мелкозубой гребенкой, двумя рядами подтреугольных вдавлений, разделенных между собой желобком. По тулову зафиксирована орнаментальная композиция из больших, свисающих треугольников, состоящих из более мелких заштрихованных треугольников, соединенных между собой в шахматном порядке.

Погребение № 3 представляет собой яму подпрямоугольной формы с прямыми пологими стенками и ровным дном. Ориентирована по линии 3–В. Ее размеры – 217х131 см, глубина – 50 см.

У южной стенки обнаружено два скопления жженных костей взрослого человека. Антропологически определимы фрагменты трубчатых костей конечностей и фаланги пальцев. Рядом находилось семь фрагментов керамического сосуда, большая часть которого располагалась у северной стенки погребения.

За костями человека, у южной стенки найдена бронзовая, обернутая золотой фольгой серьга округлой формы с узким коническим раструбом (см. *рисунок, 4*), еще одна серьга, аналогичная предыдущей, обнаружена в северо-восточной части погребения (см. *рисунок, 3*). Использование обтянутых золотом бронзовых украшений является характерной чертой андроновской культуры [Хаврин, Папин, 2006, с. 388]. Такой тип серег в подобном исполнении послужил одним из культуроопределяющих признаков при выделении андроновской культуры [Теплоухов, 1929, с. 43, табл. I, 27].

Ориентируясь на погребальную практику, керамический комплекс и сопроводительный инвентарь, можно уверенно отнести исследованные объекты к андроновской (федоровской) культуре, памятники которой хорошо известны в Барабинской лесостепи [Молодин, 1985]. Наиболее близким по архитектуре надмогильного сооружения и погребальному обряду являются курганы могильника Старый Тартас-4, также находящиеся в Центральной Барабе, ниже по течению р. Оми [Молодин, Новиков, Жемеркин, 2002, с. 53, рис. 3, 2].

Вообще следует отметить, что акты обособления погребального пространства в виде прямоугольных или квадратных каменных оградок встречаются как в андроновских (федоровских) памятниках Минусинской котловины, так и на территории Казахстана [Усманова, 2005, рис. 32, 1; 34, 3; Маргулан и др, 1966; Максименков, 1978, табл. I, XVIII, XXI]. При этом – из-за отсутствия выходов камня на территории Барабы – вполне объяснима замена оградки на ров.

Керамические материалы, полученные в ходе раскопок, имеют своеобразие, однако, тем не менее, типичны для андроновских (федоровских) памятников. Исследованные в 2012 году комплексы, без сомнения, принадлежат восточному ареалу андроновской (федоровской) культурно-исторической общности. Они не несут на себе следов контактов с аборигенным позднекротовским населением, что накладывало бы специфические особенности как на погребальную практику, так и на погребальный инвентарь.

Список литературы

Кунгуров А.Л. Погребальный комплекс раннескифского времени МГК-1 в Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. – С. 92–98.

Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. – Л.: Наука, 1978. – 192 с.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1966. – 436 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И., Наглер А., Соловьев А.И., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Чемякина М.А., Дядьков П.Г. Новый этап сотрудничества Института археологии и этнографии СО РАН и Германского археологического института. Раскопки могильника саргатской культуры Погорелка-2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 343–349.

Молодин В.И., Новиков А.В., Жемерикин Р.В. Могильник Старый Тартас-4 (новые материалы по андроновской историко-культурной общности) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 3. – С. 48–62.

Наглер А., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Молодин В.И., Хансен С. Андроновский (федоровский) курган на могильнике Погорелка-2 (Центральная Бараба) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 212–216.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притобья. – М.: Наука, 1985. – 376 с.

Сальников К.В. Курганы на озере Алакуль // МИА. – 1952. – № 24. – С. 51–71.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (в кратком изложении) // Материалы по этнографии. – Л.: Изд-во Гос. Русского музея, 1929. – Т. IV, вып. 2. – С. 41–62.

Троицкая Т.Н., Бородавский А.П., Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 184 с.

Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. – Караганда; Лисаковск, 2005. – 232 с.

Хаврин С.В., Папин Д.В. Исследование состава золотых андроновских украшений Алтая // Современные проблемы археологии России: мат-лы Всерос. археол. съезда. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. II. – С. 388–390.

К ВОПРОСУ О ТАМГООБРАЗНЫХ ЗНАКАХ НА ТАГАРСКИХ КЕЛЬТАХ

Речь пойдет о специфическом орнаменте-знаке, встречающемся на кельтах тагарского времени. Таких знаков несколько – это спираль, квадрат и «копыто» (см. *рисунок, 1, 2, 4*). Они выделяются из общей орнаментальной композиции, встречающейся на кельтах раннего железного века Сибири.

Кельты со знаками (спираль, квадрат и «копыто») ранее уже публиковались в работах В.В. Радлова [1902], С.А. Теплоухова [1929], М.П. Грязнова [1941] и др. Первую попытку систематизированного анализа и введения в научный оборот обозначенного орнаментального мотива осуществил М.П. Грязнов при составлении типологии кельтов на основе сочетания их форм и разновидностей орнамента. Интересующие нас фигуры орнамента по М.П. Грязнову обозначены как знак «копыта», квадрата и спирали.

М.П. Грязновым было опубликовано шесть изделий с изображением «копыта». Четыре кельта III типа – массивные двушковые топоры, датируемые VII–VI вв. до н.э. Два изделия V типа – маленькие клиновидные орудия, датируемые IV–III вв. до н.э. [1941].

М.П. Грязнов выделил одно орудие с орнаментом в форме квадрата. Относится оно к пятому типу и датируется IV–III вв. до н.э. [Там же].

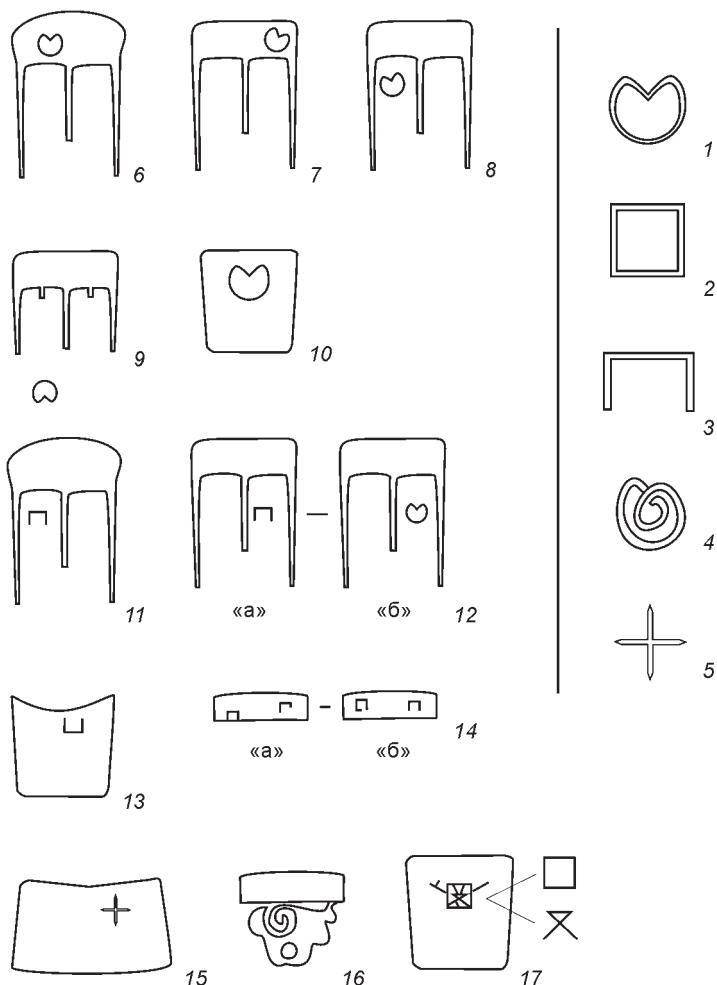
Кельты со спиралевидным орнаментом отнесены к III и V типам. Всего М.П. Грязнов учел 9 кельтов с фигурными изображениями, определив для всех, что линии орнамента вырезаны на модели литейной формы или на отлитом материале [Там же].

На данный момент мы имеем возможность дополнить материал и ввести в научный оборот новую орнаментальную серию, обозначив ряд актуальных проблем таких изделий.

В первую очередь рассмотрим орнамент в форме спирали (см. *рисунок, 4*). Ни в публикациях, ни в фондах Минусинского музея обнаружить кельты с таким орнаментом не удалось. Вместе с тем имеют место топоры, на одной из сторон которых изображена голова птицы или, по Н.Л. Членовой, растительный орнамент [1967]. Часть этого орнамента очень похожа на упомянутую выше форму – спираль (см. *рисунок, 16*). В таком контексте спираль является неотъемлемой частью орнаментальной композиции и представляет клюв стилизованной птицы. По технике изготовления орнамент можно определить как рельефный, вылепленный на створке литейной формы. Знак спирали, таким образом, органично впи-

сывается в общую композицию с головой птицы и является тем самым маркером, который позволит проследить изменения орнамента во времени (от растительного к орнитоморфному).

Квадрат (см. *рисунок*, 2). Один кельт с таким изображением удалось обнаружить в фондах Минусинского музея, но по форме он отличается от образца опубликованного М.П. Грязновым. Это массивный двушковый кельт, ушки которого переходят во втулку. В верхней части изделия усилено и представлено в виде «муфточки». С обеих сторон по краям «муфточки» изображен орнамент в виде квадратной «скобы», нижняя часть которой на одной из сторон почти закрыта и образует форму квадрата (см. *рисунок*, 14).

Тамгообразные знаки на тагарских кельтах.

1–5 – тамгообразные знаки; 6–17 – расположение тамгообразных знаков на кельтах.

Орнамент на других кельтах представлен исключительно в форме квадратной или прямоугольной «скобы». При этом встречаются изделия, сочетающие в себе два орнаментальных мотива (см. *рисунок, 12–14*). В целом поле для орнамента выбиралось произвольно.

Еще одно изображение квадрата имеет место в публикации Ю.С. Гришина [1981, рис. 69, 7]. На маленьком клиновидном кельте на одной из широких граней читается орнамент из тонких выпуклых валиков, заключающих в поясок полосу зигзагов, вписанных в прямоугольник с рассекающими его диагональными линиями (см. *рисунок, 17*). По типологии М.П. Грязнова, данный кельт относится к **V типу**.

Орнамент в форме «копыта» (см. *рисунок, 1*). Это самый распространенный орнаментальный мотив для кельтов этого времени. Н.Л. Членова обозначает такое изображение как значок – «копыто лошади». Встречается он на достаточно обширной территории, от Кавказа до Восточной Сибири. Такой знак обнаружен на псалях, подпружных пружках, бляхах, ножах и т.п. Датируются эти предметы в рамках **VII–V вв. до н.э.** [Членова, 1999].

Для кельтов расположение орнамента «копыта» так же как и «скоба» бессистемно. Оно не занимает какого-то определенного места в композиционном пространстве. Встречаются кельты только со знаком «копыта» и в сочетании с другим орнаментом (см. *рисунок, 6–10, 12*).

Среди восточносибирских кельтов есть два интересных экземпляра, которые ранее не публиковались и не вошли в сводку М.П. Грязнова. Это кельты под инвентарным номером МКМ А № 308 и 309. Оба они клиновидные и маленьких размеров. Первый по форме относится к № 12 (по М.П. Грязнову). Второй имеет дугообразный вырез по устью втулки по одной из сторон (№13 по М.П. Грязнову). Оба изделия принадлежат к **V типу** и датируются **IV–III вв. до н.э.** У каждого орудия на одной из широких граней присутствует сочетание прорезанных горизонтальной и вертикальной линий, наложенных друг на друга. Такое сочетание образует форму креста (см. *рисунок, 15*).

За пределами минусинской котловины кельтов с орнаментом в виде крестов пока не обнаружено, тогда как орнамент в форме «копыта» достаточно распространен.

Говоря о семантической нагрузке отмеченных изображений, можно сказать следующее. Появление значков в виде копыт (конских по Н.Л. Членовой) связано с верховым конем и образом лошади в целом [1999]. В скифском мире (включая тагарцев) изображения, связанные с лошастью, вероятно, относились к культу солнца [Леонтьев, 1980, с. 81]. Культовым предметом также считаются и бронзовые диски (зеркала) [Вадеецкая, 1968], на одном из них с внутренней стороны прорезан крестообразный знак. Похожий присутствует и на кельтах обозначенных выше (см. *рисунок, 15*).

Близкий по семантической сути пример мы можем усмотреть в памятнике Усть-Полуй. На некоторых усть-полуйских вещах (особенно прина-

длежавших женщинам) есть особенные тамги, свидетельствующие о том, что их обладатели происходили из других (особых?) родовых групп и обособляли себя от окружающего мира специальными знаками собственности [История Сибири..., 1968, с. 236].

Любопытным в данном контексте является кельт, на одной стороне которого изображена «скоба», а с другой стороны выдавлен знак «копыта» (см. *рисунок, 12*).

Данные изображения (копыто, скобу, крест) можно обозначить как некие условные знаки, к таким обычно относят тамги. В пользу данного утверждения может служить отсутствие у них единой орнаментальной зоны, когда происходит как бы наложение знаков на «традиционный» орнамент. Собственно это и может служить неким основанием для интерпретации данных знаков как тамг.

На сегодняшний день можно выделить новый вид крестообразного орнамента на кельтах, дополняющего картину тагарского искусства и мифологии и определять спиралевидный знак как часть целого орнамента.

Рассмотренные знаки при количественном анализе сильно отстают от «классического» орнамента, наносимого на кельты. Из проанализированных 400 единиц со знаками – символами выделено всего 14 экземпляров. Таким образом, знаки (квадрат, «скоба», «копыто» и крест) несут определенную семантическую нагрузку, которую также необходимо учитывать при анализе кельтов раннего железного века Сибири.

Список литературы

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – М.: Наука, 1968. – С. 92–101.

Гришин Ю.С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. – М.: Наука, 1981. – 181 с.

Грязнов М. П. Древняя бронза Минусинских степей // Тр. отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа. – Л., 1941. – Т. I. – С. 137–171.

История Сибири с древнейших времен до наших дней. – Л.: Наука, 1968. – Т. I: Древняя Сибирь. – 236 с.

Леонтьев Н.В. Колесный транспорт эпохи бронзы на Енисее // Вопр. археологии Хакасии. – Абакан, 1980. – С. 65–84.

Радлов В.В. Сибирские древности // Материалы по археологии России. – СПб.: ИАК, 1902. – Т. II, вып. 1. – 37 с.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (в кратком изложении) // Материалы по этнографии. – Л., 1929. – Т. IV, вып. 2. – С. 41–62.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М.: Наука, 1967. – 298 с.

Членова Н.Л. След копыт «скифских» коней // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 1999. – С. 231–234.

К РЕКОНСТРУКЦИИ ОЧАЖНЫХ УСТРОЙСТВ ОДИНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (по материалам поселения Старый Тартас-5)*

Памятники «одиновского этапа» были впервые выделены на материалах Приишимья М.Ф. Косаревым [1976]. Впоследствии анализ исследованных погребальных и поселенческих комплексов позволил В.И. Молодину ставить вопрос о выделении особой одиновской культуры [2008]. На сегодняшний день практически полностью изучено несколько некрополей, оставленных носителями этой культуры [Он же, 2011, с. 252]. Хуже обстоит дело с поселенческими комплексами. В пределах Барабинской лесостепи до недавнего времени было изучено три одиновских жилища на поселении Марково-2 [Он же, 1981], на некоторых многослойных памятниках зафиксирован незначительный культурный слой с одиновской керамикой [Он же, 1985, с. 27–28].

В 2012 г. были начаты раскопки поселения Старый Тартас-5, расположенного в 1 км к югу от одноименного села в Венгеровском районе Новосибирской области. Вскрыта площадь 307 кв. м. Изучено несколько жилых комплексов. Получена представительная коллекция артефактов. В межжилищном пространстве зафиксировано 7 прокалов, связанных с функционированием одиновского поселения. Все они по мощности заполнения, расположения и особенностям устройства интерпретируются как очаги, т.е. места преднамеренного многократного использования огня.

В системе жилого пространства очажные устройства служат структурообразующим элементом. Результаты планиграфических исследований распределения артефактов на площади поселенческих и жилищных комплексов свидетельствуют о формировании производственных, хозяйственных и других специализированных зон вокруг очагов [Юдина, 2006, с. 42–46; Дураков, 2009, с. 218; Мыльникова и др., 2011, с. 106–117].

По расположению очага по отношению к древней дневной поверхности принято выделять устройства на возвышении, наземные и углубленные [Сидоров, Новикова, 1991, с. 83]. На поселении Старый Тартас-5 зафиксированы очаги последних двух видов.

Наземные очаги. Их выявлено 4. Все они представляют собой округлые или овальные прокаленные участки почвы размерами 0,8–1,3×0,5–1,3 м.

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 12-01-1805е).

Мощность прокала достигает 0,15 м. В двух случаях зафиксирована глиняная обмазка очажной площадки.

Углубленные очаги. Три зафиксированных объекта различаются по устройству. Один из них представляет собой чашеобразное округлое углубление диаметром 1,5 м. На глубине 0,15 м от уровня поверхности располагался слой глиняной обмазки мощностью 0,03 м, дно под ней прокалено на 0,05 м.

Второй очаг был сооружен в овальной яме с пологими стенками размерами 1,0×0,7 м, глубиной 0,12 м. Дно его выложено мелкими фрагментами керамики. Вероятно, при сооружении очага были использованы черепки средних размеров, которые в процессе функционирования очажного устройства превратились в керамический бой.

Третий очаг имел вид овального углубления размерами 0,55×0,65 м без следов дополнительных конструктивных элементов.

Организация околоочажного пространства. Описанные выше очаги располагались за пределами жилищ, что предусматривает наличие дополнительных конструкций. Для сохранения огня, вероятно, сооружались навесы, следы которых зафиксированы в виде нескольких столбовых ям по периметру очажного устройства. В некоторых случаях можно предполагать наличие экрана с подветренной стороны, о чем свидетельствуют парные или одиночные столбовые ямки у одной из стен очага. В одном случае выявлены следы надочажной конструкции в виде трех небольших по диаметру конусовидных ям, расположенных по бортам углубленного очага. По данным этнографии коренных народов Западной Сибири [Соколова, 2007, с. 43–50], возможно предположить два варианта реконструкции такого устройства. В первом случае три достаточно массивных столбика небольшой высоты вкапывали под углом относительно поверхности очага, на них устанавливался сосуд. Во втором случае три жерди перекрещивались над очагом, в месте их соединения сооружалось подвесное устройство.

Функции очажных устройств. Набор функций, для выполнения которых сооружался очаг той или иной конструкции, достаточно широк: обогрев, освещение, приготовление пищи, производственные операции по обработке камня, кости, металла, керамики, кожи и др. Интерпретация функционального назначения очагов затруднена по нескольким причинам: во-первых, большинство устройств были многофункциональными, во-вторых, археологически фиксируются только косвенные признаки некоторых функций. Очаги для освещения и обогрева рабочей площадки не требуют никаких дополнительных элементов, поэтому каждое устройство могло выполнять эти функции. В случае приготовления пищи в заполнении очага могут встречаться фрагменты керамической посуды, следы пищи. Надежным свидетельством кулинарной функции также можно считать околоочажные ямки от жердей для подвешивания или установки котла. Соответственно, для приготовления пищи на поселении Старый Тартас-5 могли использоваться все обнаруженные очажные устройства. Специализированные очаги, как правило, выделяются по наличию в заполнении сле-

дов производства (керамический брак, льячки, литейные формы, шлаки, крицы, капли металла и т.д.). В одном из изученных очагов и рядом с ним обнаружены фрагменты литейных форм, а также глиняное сопло, что свидетельствует об использовании этого устройства в бронзолитейном производстве. Вокруг другого очага зафиксированы следы вторичной обработки каменных орудий в виде многочисленных осколков и чешуек. Вероятно, здесь располагалась рабочая площадка для расщепления камня.

Помимо своего утилитарного назначения, очаг служил особым семантическим центром, о чем свидетельствуют следы преднамеренных действий ритуального характера, обнаруженные в процессе изучения очажных устройств [Байбурин, 1983, с.160; Ташак, 2003; Черных, 2008, с. 31–32]. В одном случае на дне очага под глиняной обмазкой был зафиксирован костяной наконечник. На дне другого очага, на уровне глиняной обмазки была найдена нижняя челюсть животного, относящегося к роду *Canis*. Стратиграфическое расположение артефактов позволяет отметить тот факт, что они были помещены туда в момент сооружения очажных устройств.

Таким образом, на поселении одиновской культуры Старый Тартас-5 использовались как наземные, так и углубленные очаги, сооруженные с дополнительными конструктивными элементами. Следует отметить, что для эпохи ранней бронзы в Западной Сибири подобные объекты фиксируются впервые. В поселенческих комплексах синхронных и близких культур (ташковская, елунинская, самусьская) очаги представлены простыми неглубокими ямами или кострищами с преобладанием первых при отсутствии дополнительных конструктивных элементов [Глушков, 1983, с. 139; Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005, с. 87; Ковалева, Рыжкова, Шаманаев, 2000, с. 25 и др.]. Только в поселениях кротовской культуры отмечены глиняные бортики вокруг очага [Молодин, 1974, с. 101–104], а в ташковских жилищах рядом с некоторыми очажными устройствами были обнаружены ямы-зольники.

На поселении Старый Тартас-5 расположение большинства очагов за пределами жилых комплексов может свидетельствовать как об эксплуатации данной площади в теплое время года, так и о формировании вокруг очагов специализированных площадок для разного рода хозяйственной и производственной деятельности.

Дальнейшие исследования поселения при тщательном анализе очажных устройств и сопутствующих им находок позволят конкретизировать особенности хозяйственно-производственного зонирования жилого пространства.

Список литературы

Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л.: Наука, 1983. – 188 с.

Глушков И.Г. Бронзолитейный комплекс поселения Крохалевка-1 // Древние горняки и металлурги Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1983. – С. 139–143.

Дураков И.А. Цветная металлообработка городища Чича-1 // Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 3. – С. 213–230.

Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.И., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2005. – 287 с.

Ковалева В.Т., Рыжкова О.В., Шаманаев А.В. Ташковская культура: поселение Андреевское Озеро XIII. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 160 с.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1976. – 69 с.

Молодин В.И. Преображенка-3 – памятник эпохи ранней бронзы // Из истории Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1974. – Вып. 15. – С. 101–104.

Молодин В.И. Памятники одиновского типа в Барабинской лесостепи // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 63–75.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И. Одиновская культура в Восточном Зауралье и Западной Сибири. Проблемы выделения // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. – Екатеринбург, 2008. – С. 9–13.

Молодин В.И. Погребальная практика одиновской культуры // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. – СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. – Т. I. – С. 252–254.

Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Нохрина Т.И., Кулик Н.А., Мыльников В.П., Кобелева Л.С. Специализация поселений лесостепной зоны Западной Сибири на рубеже бронзового и раннего железного веков // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. – 2011. – Т. 10, вып. 3. – С. 106–117.

Сидоров Е.А., Новикова О.И. Очаги ирменского поселения Милованово-3 // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: тез. докл. – Барнаул, 1991. – С. 83–84.

Соколова З.П. Народы Западной Сибири: этнографический альбом. – М.: Наука, 2007. – 342 с.

Ташак В.И. Очаги палеолитического поселения Подзвонкая как источник по изучению духовной культуры древнего населения Забайкалья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3. – С. 70–78.

Черных Е.М. Жилища Прикамья (эпоха железа). – Ижевск: Удмур. гос. ун-т, 2008. – 272 с.

Юдина Е.А. Структура жилищного пространства // Поселение Быстрый Кульган-66: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья. – Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2006. – С. 40–46.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ВОЙКАРСКОМ ГОРОДКЕ В 2012 ГОДУ*

Одним из ярких памятников истории коренного населения Приполярного Приобья является Войкарский городок (городище Войкар). Памятник расположен в пойме протоки р. Горная Обь, на мысу, образованном руслом протоки и безымянным ручьем, в 2,2 км к ССВ от с. Усть-Войкары. Современные рельефные признаки объекта представляют собой овальную в плане возвышенность размером приблизительно 100 x 50 м и высотой от уровня воды в ручье около 7 м. Площадь памятника покрыта обильной травянистой и кустарниковой растительностью [Косинская, Федорова 1994, с. 58–59]. Исследования 2003–2008 гг. дали замечательные находки и показали исключительное значение памятника для реконструкции средневековой истории региона. Было установлено, что культурный слой Войкарского городка содержит материалы конца XIII–XIX вв. (см., напр.: [Брусницына, 2003]).

В ходе мониторинга состояния объекта в 2012 г. были определены участки с удовлетворительной сохранностью поверхностных площадей культурного слоя и выявлены участки, состояние которых можно оценить как аварийное. Была проведена коррекция инструментального плана памятника и обследованы аварийные участки, общая площадь которых составила более 250 кв. м. На северном склоне объекта были выполнены работы по расчистке от густой многолетней растительности, в результате чего появилась возможность начать вскрытие культурного слоя. Раскоп в виде траншеи был прирезан по склону холма к разрушающейся восточной стенке раскопа 2008 г. Вскрытие культурного слоя было начато в верхней части траншеи, на участке размером 5 x 5 м. Основная трудность заключалась в медленном оттаивании слоя от мерзлоты (естественное оттаивание составляло около 10 см за сутки) при высокой насыщенности находками и деталями архитектурных конструкций. В результате, культурный слой на данном участке раскопа был исследован на глубину до 100 см от уровня дневной поверхности и законсервирован на этом уровне.

В ходе работ на площади раскопа были выявлены две архитектурные конструкции в виде подпрямоугольных срубов. Над каждым из срубов

*Работа проводилась по ГК «Комплексные археологические исследования Войкарского городка», заключенного между ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики» и ИАЭТ СО РАН.

Войкарский городок. Расчистка деревянных конструкций в раскопе 2012 г.

было обнаружено по одному преднамеренному (ритуальному) захоронению крупных собак. Собака над срубом № 2 была положена с кожаным ошейником, под ней лежал череп оленя. У передних лап собаки была найдена миниатюрная берестяная коробочка, а у задних лап обнаружена кожаная стелька от обуви. Каждое из погребений собак сопровождалось рогом оленя.

Сруб № 1. Ориентирован стенами по сторонам света. Длина бревен исследованной части северной стены – 290 см, западной стены – 220 см, восточной стены – 110 см. На северной и восточной стенах зафиксировано по 2 венца, на западной – 3 венца. Наиболее хорошо сохранился СЗ угол сруба, где была зафиксирована кладка бревен в обло. Между бревен сруба обнаружены следы прокладки из бересты и хвои. Под стенами сруба № 1 обнаружена дополнительная конструкция в виде вертикально стоящих кольев, очевидно служивших для выравнивания и фиксации уровня стен, стоящих на мерзлоте и на склоне. На внутренней площади сруба № 1 (в его СВ углу) обнаружены остатки чучала в виде овального в плане скопления глины мощностью 38 см и размером 80 x 65 см. При разборке остатков чучала в нем были отмечены угольные прослойки и глина разной степени прокаленности.

Сруб № 2. Располагался в 35 см к С от сруба № 1. Судя по расположению западной стены, сруб № 2 был ориентирован стенами по сторонам света. Частично исследованы западная и южная стены сруба. Длина западной стены 190 см, южная стена сильно пострадала от огня. Ее предположительная длина 230 см. Под западной стеной зафиксирована хоро-

шо сохранившаяся вымостка из небольших бревен, предназначенная для выравнивания уровня нижнего венца стены, расположенного у начала крутого склона. У южной стены сруба обнаружены остатки чучала в виде вертикально стоящих по окружности диаметром 55 см небольших кольев и скопления прокаленной глины между ними.

В раскопе 2012 г. было обнаружено более 420 индивидуальных находок. Планиграфия находок демонстрирует их явное преобладание внутри площади сруба № 1 и рядом с ним. Характерной особенностью является значительное количество артефактов из органических материалов:

- археологически целые берестяные изделия (6 ед.), фрагменты берестяных изделий (163 ед.), из них 20 декорированы (с орнаментом или аппликацией);

- археологически целые деревянные изделия (10 ед.), фрагменты деревянных изделий (81 ед.);

- изделия из кости и рога (4 ед.), из бивня мамонта (2 ед.), фрагменты костяных и роговых изделий (26 ед.);

- фрагменты ткани (48 ед.);

- фрагменты изделий из кожи (15 ед.).

Находки из неорганических материалов представлены реже:

- изделия из камня: оселки, абразивы, отбойники и т.д. (25 ед.);

- изделия из металла (19 ед.);

- бусы и бисер (6 ед.);

- отходы производства (шлак) (19 ед.).

Помимо перечисленных категорий находок была получена значительная палеозоологическая коллекция, в которой преобладают кости рыб и северного оленя, также присутствуют кости домашних животных (собака, свинья), диких животных (заяц, бобр, песец, лисица, соболь, белка) и птиц*.

Насыщенность культурного слоя памятника древесными остатками, обнаружение двух бревенчатых построек, а также хорошая сохранность древесины, благодаря многолетней мерзлоте, создали благоприятную возможность использования дендрохронологического метода для датирования обнаруженных объектов. С этой целью в процессе раскопок осуществлялся отбор образцов древесины для древесно-кольцевого анализа, результатом чего стала коллекция образцов, насчитывающая 41 экземпляр. В ходе предшествующих исследований на Усть-Войкарском городище был получен успешный опыт такого рода, когда благодаря датированию древесины по годичным кольцам, удалось установить точные даты целого ряда разновременных объектов и определить хронологический диапазон вскрытых культурных слоев памятника [Гурская, 2006].

*Авторы благодарят канд. биол. наук, н.с. Лаборатории палеоэкологии Института экологии растений и животных УрО РАН О.П. Бачуру за видовые определения и предоставленные материалы.

Руководствуясь опытом предшественников и стандартной методикой отбора проб от археологической древесины, авторы старались обеспечить репрезентативность выборки за счет как количества, так и качества образцов. Образцы в виде поперечных спилов брались от всех древесных элементов, оригинальное место которых в составе конструкций можно было установить достоверно, при этом в расчет принималась общая сохранность древесины, разнообразие в местонахождении образцов, возраст деревьев, наличие последнего прижизненного кольца, позволяющего зафиксировать год валки дерева и т.д. Собранная коллекция дендрохронологических образцов позволит установить даты заготовки древесины и время бытования самих построек, породы использованных деревьев и т.д.

Большая часть находок, обнаруженных в 2012 г. изготовлена из органических материалов, для работы с которыми необходимо было разработать и апробировать на практике методику полевой консервации. Трудности проведения полевой консервации были обусловлены условием залегания находок в мерзлоте, где все предметы приобретают избыточную водонасыщенность. Для консервации мокрых фрагментов изделий и небольших предметов применялась методика замещения воды на проводник, который является растворителем консерванта. В качестве временного консерванта для изделий из железа и древесины была выбрана поливинилбутираль (ПВБ), растворителем для которой служит этиловый спирт; для изделий из рога и кости – акриловый сополимер БМК-5, растворенный в изопропиловом спирте. Удаление воды из этих предметов в замещающей жидкости (спирт) проводилось 3-4-кратным вымачиванием (сушка). Чтобы избежать возникновения плесени на предметах из древесины, вымачивание в ваннах осуществлялось с добавлением антисептика (лизоформин). По завершению вымачивания производилась консервация с последующей сушкой в естественных условиях.

Сложность работы с мокрыми предметами из бересты, кожи и ткани заключалась в их сильной смятости, деформации внешней формы изделий, хрупкости на разлом, разрыве внутренней структуры материалов, загрязненности. Наличие переизбытка воды и применение водорастворимого ПЭГа различных молекулярных масс как консерванта, дало возможность придать фрагментам и изделиям из этих материалов первоначальный вид и частично сохранить их пластичность после сушки.

Насыщенность водой позволила сразу приступить к процессу консервации. Для большинства органических материалов в качестве консерванта был использован низкомолекулярный полиэтиленгликоль – ПЭГ-400, для ткани – низкомолекулярный ПЭГ-200. Для одновременного проведения консервации и сушки использовался спиртово-водный раствор с добавлением консерванта ПЭГа и антисептика, который путем многократного распыления вводился в предметы. Фрагменты берестяных и кожаных изделий во влажном состоянии расправлялись вручную и под прессом, после чего, в естественных условиях осуществлялся процесс сушки. Целым изделиям

придавалась первоначальная форма, для сохранения которой изготовлялся специальный фиксирующий жесткий каркас. Тканевые фрагменты расправлялись и сушились в естественных условиях без применения пресса. Применение вышеописанной методики работ с изделиями из бересты, кожи и ткани позволило без дополнительных травм расправить, временно укрепить внутреннюю структуру материалов, а также восстановить форму предметов, что позволит в дальнейшем на качественно более высоком уровне провести последующие реставрационные работы.

Работы 2012 г. подтвердили значение Войкарского городка как уникального объекта археологического наследия ЯНАО, требующего неотложных комплексных исследований в связи с интенсивным разрушением культурного слоя памятника под воздействием природных и антропогенных факторов.

Список литературы

Брусницына А.Г. Городище Усть-Войкарское. Начало изучения // Угры: мат-лы VI Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск, 2003. – С. 45–52.

Гурская М.А. Древесно-кольцевые хронологии хвойных деревьев для абсолютного календарного датирования городища Усть-Войкарского // КСИА. – 2006. – Вып. 220. – С. 142–151.

Косинская Л.Л., Федорова Н.В. Археологическая карта Ямало-Ненецкого автономного округа. – Препр. – Екатеринбург: УрО РАН, 1994. – 114 с.

КИТАЙСКАЯ КОЛЕСНИЦА ИЗ 22-го НОИН-УЛИНСКОГО КУРГАНА*

Летом 2012 г. российско-монгольская археологическая экспедиция ИАЭТ СО РАН и Института археологии АН Монголии продолжила изучение погребений хунну на могильнике Суцзуктэ в горах Ноин-Ула в Северной Монголии. Был полностью исследован 22-й курган. Данная статья посвящена обнаруженной в нем китайской колеснице.

Колесница была установлена в могильной яме на глубине около 10 м, на уровне обрыва дромоса (глубина могильной ямы 16 м). Ее сняли с колес и поставили при входе в могильную яму с южной стороны, плотно заложив камнями. Два больших колеса диаметром 150 см с 20 спицами (шириной 5 см и толщиной 1,5 см) и широким (8 см) ободом были уложены плашмя по обе стороны от кузова спереди. Зонт сняли с древка и положили сверху, перекрыв западную часть камнями. Древко зонта не сохранилось, но известно, что оно состояло из двух частей, верхняя часть вставлялась в нижнюю. Также со снятыми колесами и зонтом была установлена колесница в 20-м ноин-улинском кургане [Полосьмак и др., 2008]. В отличие от нее, колесница из 22-го ноин-улинского кургана не была потревожена грабежом и сохранилась полностью.

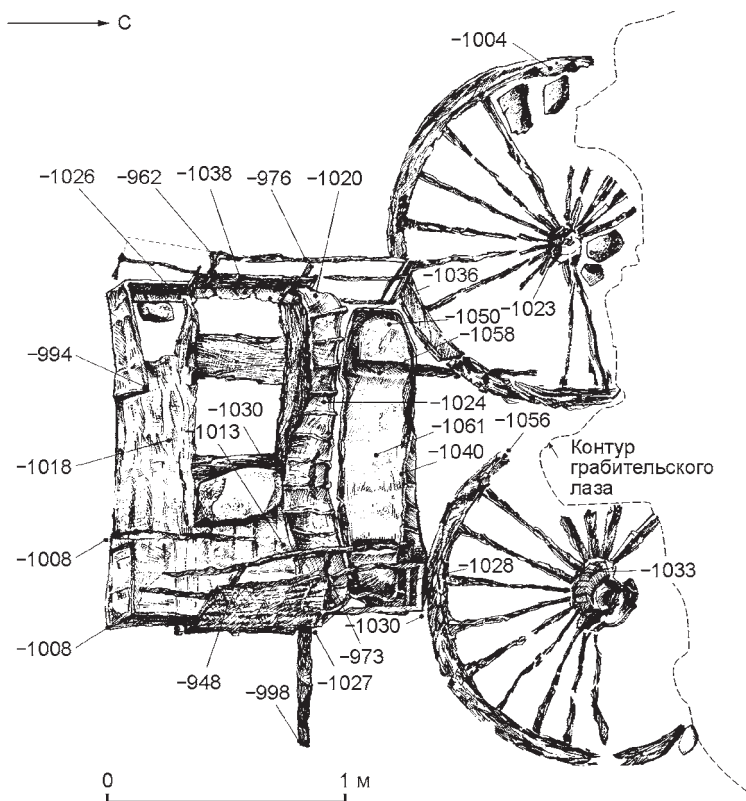
Зонт диаметром 2 м был шелковым, натянутым на 30 деревянных покрытых черным лаком спиц с металлическими наконечниками с круглыми окончаниями. Если сам зонт был из красного шелка, то цвет его плотной окантовки по краю из сложенной в несколько слоев ткани был более насыщенным и приближался к пурпурному. Крючки наконечников, к которым крепилась ткань зонта, были обмотаны полосками фиолетового шелка. Сами наконечники оказались довольно хрупкими литыми изделиями толщиной всего 1 мм. Их длина – 76 мм, диаметр – 10 мм. Длина сохранившихся деревянных лакированных черных спиц 0,8 м. Зонт мог складываться и убираться.

Легкий кузов шириной 1,4 м был покрашен в черный цвет внутри и покрыт красным лаком снаружи. Лакированные стенки были дополнены так называемыми «летающими решетками» – составной частью легкого экипажа. Это был деревянный каркас, окрашенный в черный цвет, на который был натянут красный шелк. Во времена правления Ван Мана (9–25 гг. н.э.)

*Работа выполнена в рамках проектов РФФИ (№ 11-06-12001 офи-м) и РГНФ (№ 12-21-03554е(м)).

«деревянные решетки повозок» использовались как знаки определенного высокого статуса. Ярко-красная окраска частей экипажа так же указывала на высокий статус его хозяина. По центру задней стенки кузова находилась вход. Пол кузова был деревянным и состоял из уложенных продольно плашек толщиной 1,5 см. Реконструируемая ширина колесницы вместе с колесами – 2,2 м, а высота не более 1,6 м. Из металлических деталей колесницы *in situ* были обнаружены только массивные железные наосьники, покрытые черным лаком.

Открытая в 22-м кургане колесница очень похожа на найденную в 20-м кургане и относится к распространенному в ханское время типу *яо че*. Это легкий прогулочный двухколесный экипаж с зонтом, запряженный одним или двумя конями, который мог использоваться и как военный. Круглый зонт символизировал небо, а квадрат кузова – землю. Этот тип колесниц служил чиновникам и торговцам, использовался на станциях как перекладной экипаж и изготавливался в народных мастерских. В повозке *яо че* можно было ездить не только сидя, но и стоя.

Чертеж ханской колесницы из 22-го ноин-улинского кургана.

Рисунок В.Е. Ковторова.

Колесницы, наряду с другими изысканными вещами, были одним из даров ханьского двора хуннским шаньюям, с помощью которых их приучали к соблазнам более высокой материальной культуры, с целью ослабить хунну, сделать их зависимыми от Хань. Только в ноин-улинских могильниках те или иные детали ханьских колесниц были обнаружены в семи курганах – 1-м, 6-м, 20-м, 22-м, 25-м, Кондратьевском и Баллодовском [Руденко, 1962, табл. XXIV, 5, 6; табл. XXVIII; XXXIII; Полосьмак и др., 2008, рис. 9–15]. Из последних ярких находок можно назвать колесницу из 7-го кургана могильника Царам [Миняев, Сахаровская, 2007].

Г. Андрэ считает, что колесницы с более простыми металлическими деталями, такими как, например, найденные в 25-м ноин-улинском кургане и в кургане 1 могильника Гол-Мод-1, изготавливались самими хунну [André, 2003, p. 126–132]. С этим мнением трудно согласиться. Помимо металлических деталей, там, где сохраняются деревянные части колесниц, видно, что они покрыты лаком и уже поэтому могли быть изготовлены только в Китае. Хунну делали простые телеги, части которых находят в рядовых могилах. Так, в погребениях 1, 3, 7, 8, 16 могильника у горы Тэбш на территории Богд-сомона Убурхангайского аймака для перекрытия могильных ям были использованы деревянные кузова телег [Цэвэндорж, 1985, с. 55, 57, 59, 62, 66]. Но это были гораздо более примитивные изделия, приспособленные к нуждам кочевников, способные перевозить тяжелый груз. Колесницу делало престижным для хунну ее китайское происхождение. В элитные погребения помещали настоящие ханьские колесницы. Часть из них была изготовлена в императорской мастерской и отличалась изяществом металлических деталей, а другие, вероятно, в частных мастерских, и были проще в исполнении.

Наличие в 22-м кургане китайской колесницы может рассматриваться как указатель высокого статуса погребенного, что нашло подтверждение в подземном погребальном сооружении и сопровождающем инвентаре.

Список литературы

Миняев С.С., Сахаровская Л.М. Ханьская колесница из могильника Царам // Археологические вести. – М.: Наука, 2007. – Вып. 14. – С. 130–140.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвэндорж Д., Эрдене-Очир Н. Ханьская колесница из кургана 20 в Ноин-Уле (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 4. – С. 63–69.

Руденко С.И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 203 с.

Цэвэндорж Д. Новые данные по археологии хунну (по материалам раскопок 1972–1977 гг.) // Древние культуры Монголии. – Новосибирск, Наука, 1985. – С. 54–87.

André G. Le char de Gol Mod // Mongolie: le premier empire des steppes. – Arles: Actes sud; Oulan-Bator: Mission archéologique française en Mongolie, 2003. – P. 124–137.

**СПОСОБЫ ДОРАБОТКИ РЕЛЬЕФА МЕСТНОСТИ
ПРИ СОЗДАНИИ ОБЪЕКТОВ ФОРТИФИКАЦИИ
НА ЮГЕ ПРИЕНИСЕЙСКОГО КРАЯ
В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА***

Территория юга Приенисейского края известна наличием значительного числа объектов фортификации, которые создавались и использовались в эпоху палеометалла и позднее, вплоть до начала Нового времени. Особенно высокая концентрация горных крепостей (23 из 45 известных для Хакасии и близлежащих районов Красноярского края) отмечается у места слияния Белого и Черного Июсов [Готлиб, Подольский, 2008]. Пересеченный рельеф местности здесь давал возможность существенно минимизировать трудозатраты при создании объектов фортификации, чаще всего, позволяя использовать в оборонительных целях высокие и крутые (обычно скальные) обрывы на склонах и вершинах гор. Искусственные сооружения – рвы, валы и каменные стены, обычно создавались лишь там, где существовала возможность относительно легкого доступа на территорию, предназначенную к защите. В ряде таких случаев оборонительные линии вынужденно проходили по склонам гор и возвышенностей, что создавало серьезные неудобства для защитников, не имевших для ведения боя уверенной опоры для ног, т.е. ровной площадки. Кроме того, находясь даже за валом, они на наклонной поверхности теряли часть своего преимущества перед штурмующими, открываясь им выше уровня гребня вала (стены). Имело место и оползание вниз по склонам плит, из которых были сложены каменные стены, поскольку для их создания связующий раствор в данном регионе не применялся. В связи с этим важно установить способы и приемы, позволявшие древним строителям решать такие проблемы.

В полевом сезоне 2012 г., в рамках реализации задач Соглашения о долгосрочном творческом сотрудничестве между Радиозаводом им. А.С. Попова (РЕЛЕРО) и ИАЭТ СО РАН, в ходе мониторинга современного состояния объектов фортификации на севере Хакасии и части районов юга Красноярского края нами были выявлены отдельные приемы доработки рельефа местности, использовавшиеся строителями для минимизации действия указанных негативных факторов.

*Работа выполнена по Договору № 25/08/12 от 25.08.2012 г. между ОАО Омское производственное объединение «Радиозавод имени А.С. Попова» (РЕЛЕРО) и ИАЭТ СО РАН по теме: «История военного дела народов Южной Сибири и Центральной Азии в Средние века».

Установлено, что задача создания для защитников ровной и удобной для ведения боя площадки решалась двумя способами. Первый из них – это снятие грунта изнутри, непосредственно перед валом, за счет которого дополнительно увеличивалась высота вала. В ряде случаев там, где рыхлые отложения имели незначительную глубину, и скальное основание находилось близко к поверхности, ров не создавался, а насыпался лишь вал, выполняемый за счет снятия грунта при выравнивании склона горы. В результате таких действий изнутри, вплоть до склона вала, обычно образовывалась ровная площадка, а гребень вала не фиксировался. Такие приемы широко использованы при строительстве оборонительной линии общей выявленной длиной более 4,2 км, защищающей крупный участок местности в междуречье Белого и Черного Июсов (впервые обнаружена в полевом сезоне 2012 г.). Более половины этой линии проходит по склонам возвышенностей средней крутизны, что и вызвало необходимость такой доработки рельефа. Необходимо также отметить, что везде, где мощность рыхлых отложений была достаточной, ров рылся, иногда до уровня скального основания, а гребень вала уверенно прослеживался.

Второй способ – это искусственное повышение уровня участка склона (обычно средней и большой крутизны), на котором непосредственно должны находиться во время боя защитники крепости, выполняемое за счет доставки строительных материалов извне. Чаще всего в данном качестве использовались обломки плит девонского песчаника, выходы которого на данной территории встречаются повсеместно. Выявлены две разновидности данного способа. Первая из них – повышение уровня уже существующего (т. е. естественного) относительно ровного края площадки, используемой защитниками во время боя. Такой прием встречен на площади горной крепости Кызыл-Хая у дер. Подкамень, где поверх почти горизонтально лежащих на юго-восточном склоне горы крупных плит девонского песчаника сложена из средних и мелких по размеру обломков плит достаточно обширная платформа с высотой внешнего края более 1,5 м от прежнего уровня (рис. 1). Вторая разновидность – это повышение уровня участка склона с одновременным созданием ровной площадки для защитников и внешней вертикальной стены-крепиды. Данный прием выявлен на площади крепости Онло на г. Первый Сундук и крепости Паас у пос. Июс. Зачастую такие сооружения создавались вне связи со стенами самой крепости.

Предотвращение разрушения каменных стен из-за их оползания вниз по склонам решалось за счет установки контрофорсов, т.е. вкапывания вертикально крупных каменных плит как непосредственно в линии самой каменной стены, так снаружи от нее. Такой прием встречен почти повсеместно, а наиболее широко – на крепости Онло, где все вертикально вкопанные плиты (кроме одной) расположены в линиях или снаружи от остатков каменных стен (рис. 2). Специфической разновидностью такого приема

Рис. 1. Искусственная платформа в крепости Кызыл-Хая (снято с ЮЮВ).

можно считать не закапывание, а вставление контрфорсов в расщелины естественного происхождения в выходах плит девонского песчаника, как в нескольких случаях на крепости Кызыл-Хая.

Археологические исследования, проведенные на ряде этих крепостей, а также состояние стен отдельных из них, показывают, что, несомненно, часть оборонительных сооружений была выполнена задолго до Средневековья – иногда даже в энеолите [Готлиб, Подольский, 2008, с. 64, 198]. Но по сведениям письменных источников [Сибирь..., 1996] и результатам проведенных раскопок видно, что некоторые действительно исполь-

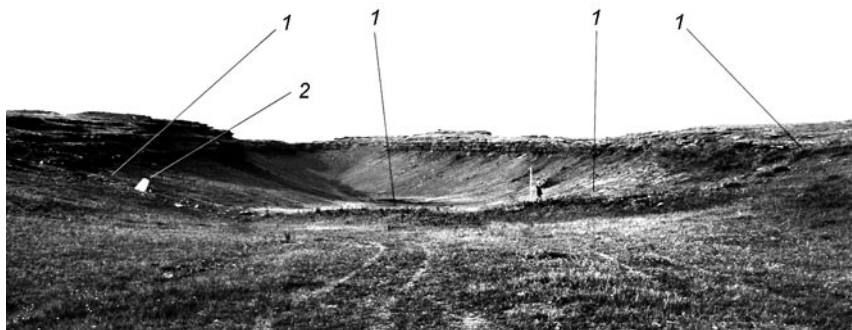

Рис. 2. Стена (1) и контрфорс (2) на линии стены в крепости Онло (снято с ЮЗ).

зовались, а остальные могли использоваться по прямому назначению и значительно позднее – вплоть до Нового времени. Так, на площади двора крепости на г. Змеевка был найден позднесредневековый наконечник стрелы [Готлиб, Подольский, 2008, с. 184], а судя по хорошему состоянию стен крепости Хара-Таг и находке на ее площади в современном грабительском раскопе характерной для культуры средневековых кыргызов железной булавы длиной 13,3 см, этот объект может более определенно датироваться Средневековьем.

Таким образом, в ходе исследований в полевом сезоне 2012 г. нами выявлены не только часть нового крупного объекта фортификации, возможно, имеющего отношение к столице (ставке кагана) енисейских кыргызов, но и некоторые неизвестные ранее приемы доработки рельефа местности при создании горных крепостей, использовавшихся и, вероятно, даже создававшихся в Средние века. Тем самым вносится важный вклад в изучение истории военного дела средневековых народов Южной Сибири и Центральной Азии, что полностью соответствует задачам реализации указанного Соглашения.

Список литературы

Готлиб А.И., Подольский М.Л. *Све – горные сооружения Минусинской котловины.* – СПб.: Хакасская археологическая экспедиция, 2008. – 222 с.

Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. – 310 с. – (Сер. «История Сибири. Первоисточники»; вып. 6).

К ВОПРОСУ ОБ «ОДЕВАНИИ» ЖЕНСКИХ СТАТУЭТОК*

Касаясь возможности облачения глиняных скульптурок в одежды, обратим внимание на материалы дальневосточного неолита, ряд которых находит параллели в Японии [Медведев, 2000, с. 64–68]. В первую очередь, упомянем известное женское изображение вознесенновской культуры из жилища 3 поселения Кондон, образно названное А.П. Окладниковым «кондонской Нефертити». Бросается в глаза нарочито небрежная, стилизованная передача туловища с едва намеченными выступами на переходе от линии плеч к уплощенному «приталенному» туловищу, полное отсутствие рук и, надо полагать, ног. Последнее предположение относится к числу вероятных, ибо нижняя часть скульптурки обломана. Серия находок мелкой глиняной пластики, родственная как в культурном отношении, так и по принципам формообразования, обнаружена В.Е. Медведевым на о. Сучу [Медведев, 2000, с. 57–64]. У всех этих поделок при общем сходстве моделирования головы и корпуса отсутствуют конечности. Правда, в двух случаях, как бы подчеркивая женское естество вылепленного образа, выделен небольшой бюст [Медведев, 2000, рис. 1, 3, 6]. Нижняя часть одной из таких фигурок имеет полушаровидное окончание с глубоким каналом, проникающим внутрь корпуса. Это позволило автору раскопок считать серию данных изделий вместе с «кондонской Нефертити», имеющей аналогичную «скважину» в тулове, фаллическими, «гинадроморфными» фигурками, облик которых благодаря отмеченным элементам приобретает известную «реалистичность» [Медведев, 2000, с. 58–60, 63–64].

Не касаясь трактовки сакрального или, наоборот, прагматического смысла этого изображения (и родственной ему серии с острова Сучу), обратим внимание на некоторые конструктивные особенности изделий. На наш взгляд, их параметры наиболее близки тем, что были исстари присущи корпусным манекенам, использовавшимся на протяжении многовековой истории для демонстрации платья почти во всех без исключения странах Европы и Азии. И действительно, все они в весьма обобщенных чертах передают человеческое тело. У них нет рук и ног, стилизованы обводы корпуса, включая сужение к талии, бюст и нижнюю расширенную часть

*Работа выполнена при поддержке проекта РГНФ (№ 11-01-00092) «Ритуально обрядовая посуда культуры дзэмон: особенности и тихоокеанские параллели».

торса. Разумеется, формы корпуса таких атрибутов могут быть различны: от весьма осанистых до вполне грацильных с выраженным анатомическим рельефом. Но все они имеют сквозное отверстие в туловище, в которое пропускается деревянный или металлический стержень с небольшой платформой внизу, служащий для установки манекенов в вертикальном положении. Разумеется, детали могут различаться (некоторые приспособления имеют головы и даже смоделированные черты лица), но основные конструктивные параметры присущи всему кругу подобных предметов.

Обратившись к охарактеризованной выше глиняной пластике, несложно заметить, как удобны вылепленные торсы для размещения разного рода одежд. Последнее легко подтверждается экспериментальным опытом «одевания» модели «кондонской Нефертити». С помощью палочки, закрепленной через отверстие в корпусе, можно «увеличить» рост фигурки, нарядить ее в длинные одежды и создать тем самым «полноразмерный» (ростовой) образ. Посредством той же самой палочки, воткнутой в землю, фигурка надежно фиксируется на горизонтальной поверхности. А если вместо обычного стержня использовать развилку, скульптурка обретает ноги. Подобный способ установки кукол и в наши дни можно встретить в самых разных углах ойкумены. Такая система фиксации корпуса позволяет легко манипулировать куклой во время разного рода церемоний, удерживая нижнюю часть стержня в руке. Удалив несущий стержень и согнув соответствующим образом свисающее с корпуса облачение, одетым фигуркам легко придать сидячую позу. Наличие отверстия в темени данной статуэтки тоже находит свое объяснение. Оно могло служить для фиксации шипом или нитью головного убора либо накладной прически.

Использование волос в оформлении мелкой обрядовой пластики хорошо известно по североазиатским материалам. Не менее распространен такой прием персонификации образа и в Новом свете. Так, алеуты крепили пряди волос к веревочке и обвязывали ее вокруг головы скульптурки [Иванов, 1949]. Широко практиковали размещение натуральных человеческих волос на головах антропоморфных поделок североамериканские тлинкиты [de Laguna, 1988, fig. 370, 373, 376], аборигены острова Кадьяк [Crowell, 1988, fig. 165].

Косвенным указанием на обычай обряжения скульптур могут служить находки на Корейском п-ве (поселение Сопхохан), а также материалы глиняной пластики лидовской культуры российского Дальнего Востока, стилизованно воспроизводящие человеческий торс, весьма напоминающие по пропорциям и абрису силуэты женских изображений вознесенновской культуры. Наиболее ярким их отличием является отсутствие смоделированных лиц. Фактически, головы этих поделок представляют собой плоскую, отогнутую назад пластину, форма которой (вместе с углом наклона) очень напоминает ту, что характерна для фигурок с Дальнего Востока. Таким образом, мы имеем дело с крайне стилизованными изображениями, лишенными каких-либо индивидуальных черт, делающих представляемые

образы узнаваемыми. Их скорее можно считать модельными заготовками, чем персонифицированными сакральными объектами. Для того же, чтобы обрести свой статус (как показывает обрядовый опыт традиционных обществ самого широкого пространственного и хронологического диапазона), они должны были получить лица (скорее всего, наложением личин-маскоидов или простого нанесения их красками), соответствующее облачение и атрибутику, которые превращают абстрактные торсы в почитаемый сакральный персонаж. На статуэтках лидовской культуры сохранились отверстия, которые, по замечанию В.И. Дьякова, могли служить для крепления таких личин, сделанных из глины или мягких материалов [1987, с. 127]. И что особенно важно, последние имели на плечах (примерно там, где находятся у человека впадины плечевых суставов) специальные углубления, которые, вполне возможно, служили для крепления рук. Именно такое устройство статуэток (скорее всего, с подвижными руками), на наш взгляд, наиболее убедительно свидетельствует о присутствии у них специального облачения, ибо без этого соединение в единое целое частей скульптуры едва ли возможно.

Отметим, что многочисленные мужские и женские глиняные фигуры с аналогичными вертлужными впадинами на плечах для крепления несохранившихся конечностей известны среди терракотовых изделий ханьского Китая, где они в огромных количествах встречены в закрытых подземных камерах и представляли собой свиту, сопровождавшую погребаемую знать. Куски шелковой и конопляной тканей, обнаруженные в почве, указывают на то, что изначально фигуры были в одежде [Погребенные царства..., 1998, с. 138–139]. Одевали в Китае и разного рода деревянные скульптурки [Погребенные царства..., 1998, с. 156–157].

Еще одним свидетельством использования мягких органических материалов при создании сакральных образов могут служить находки терракотовых частей человеческих лиц, встреченные, например, на памятнике Хаттэн (префектура Иватэ, северо-восток Тохоку). Они представляют собой тщательно смоделированные носы, губы, уши. При этом с обратной стороны носа даже воспроизведены дыхательные каналы, а вокруг губ многочисленными точками передана окружающая их растительность. Характерной чертой всех этих поделок являются небольшие, расположенные по периметру отверстия. С высокой степенью вероятности их можно было использовать для апплицирования на выпуклую поверхность небольших мешочков, заполненных мягким органическим материалом (например, травой, волосами и т.д.) и служивших головами для антропоморфных изображений. (В более поздней традиции аналогичные аппликативные материалы, выполненные уже из листового металла, известны в Китае.) Подчеркнем, что в Японии, как ни в одном другом регионе Евразии, до сих пор сохранилась традиция изготовления по самым различным поводам многочисленных фигур из органических материалов, непременно наряженных в какое-либо платье. В данном аспекте стоит напомнить и о распространенном на

Японских о-вах обычае в ряде случаев (как один из вариантов – на зиму) накидывать одежды на небольшие каменные антропоморфные изваяния божеств (например, «дзидзо», охраняющих покой усопших детей).

Резюмируя сказанное, можно считать, что с наименьшей степенью вероятности сакральные образы в глиняной пластике исходно задумывались как обнаженные. Очевидно, необходимые для узнавания черты придавались стилизованным моделям при использовании в их оформлении органических материалов и соответствующих прикладов. Вместе с тем, остается целая группа статуэток (например, некоторые типы декорированных антропоморфных японских догу), вопрос об использовании органических материалов в формировании облика которых пока не может быть разрешен. Их орнаментика может восприниматься и как украшения на одежде, и как татуировка тела. Отметим, что присущая таким фигуркам поза (с разведенным в стороны конечностями) не препятствует надеванию на них специально сшитых одежд, факт использования которых может быть подтвержден или опровергнут пространственным анализом расположения отверстий на тулове скульптур.

Список литературы

Дьяков В.И. Антропоморфные керамические скульптуры из Приморья эпохи бронзы // Антропоморфные изображения. Первобытное искусство. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 125–132.

Иванов С.В. Сидящие человеческие фигурки в скульптуре алеутов // МАЭ. – Л., 1949. – Вып. 12. – С. 195–212.

Медведев В.Е. Новые сюжеты в искусстве нижнеамурского неолита и связанные с ними представления древних // Археология этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3. – С. 56–69.

Погребенные царства Китая. – М.: ТЕППА; Книжный клуб, 1998. – 168 с.

de Laguna Frederica. Potlatch Ceremonialism on the Northwest Coast // Crossroads of Continents Cultures of Siberia and Alaska. – Wash.; L.: Smitsonian Institution Press, 1988. – P. 271–280.

Crowell A. Prehistory of Alaska's Pacific Coast // Crossroads of Continents Cultures of Siberia and Alaska. – Wash.; L.: Smitsonian Institution Press, 1988. – P. 130–140.

АФАНАСЬЕВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ УЗНЕЗЯ-1 В ГОРНОМ АЛТАЕ*

Поселение Узнезя-1 находится в 1,5–2 км к северу от с. Узнезя Чемальского района Республики Алтай, в долине р. Узнезя, ограниченной высокими горами, на мысовидном выступе, возвышающемся над поймой на 10 м. Мыс ограничен с севера и юга поймой, с запада – рекой, с востока – подошвой горы (см. *рисунок, 4*). Ранее памятник подвергся разрушению распашкой, дорогой и двумя ручьями, которые протекают здесь во время таяния снегов и сильных дождей. В настоящее время он используется как зона отдыха туристов.

Памятник открыт в 1980 г. Раскопки проводились в 1985–1989 гг. [Степанова, 1981, 1994]. Поселение занимает весь мыс. Вскрыто более 1,4 тыс. м², что составляет около четверти всей площади. Памятник многослойный, но стратиграфия нарушена. Выявлены находки афанасьевской культуры, эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья. Большинство артефактов относится к афанасьевской культуре, отдельные предметы – к эпохам бронзы и средневековья. Распределение находок по слоям неравномерное: в дерне их немного (невзрачные фрагменты керамики, кости животных), основное количество сосредоточено в слоях 3–5. Наименее потревожена нижняя часть культурного слоя, где обнаружены сосуды афанасьевской культуры, вкопанные в материк неподалеку от очагов (см. *рисунок, 3*). В центральной части раскопа артефактов найдено мало, в восточной – больше, чем в западной. Ближе к подножию горы их количество уменьшилось в несколько раз. На большей части раскопа находились камни и их скопления. Нередко основание камней располагалось в материке, а вершина – в нижней части культурного слоя. Нахождение их на поселении не связано с деятельностью человека.

На вскрытой площади зафиксированы 6 очагов, 7 прокалов, 1 угольное пятно и зольник (афанасьевская культура). Очаги оконтурены небольшими плитками и камнями. Три очага и один прокол выявлены в северной части раскопа, в нескольких метрах от края мыса. Минимальное расстояние между очагами составляет около 6 м. Остатки жилищ вокруг них не обнаружены.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-01-00191а «Свод памятников афанасьевской культуры Горного Алтая, Верхнего и Среднего Енисея: подготовка к изданию»).

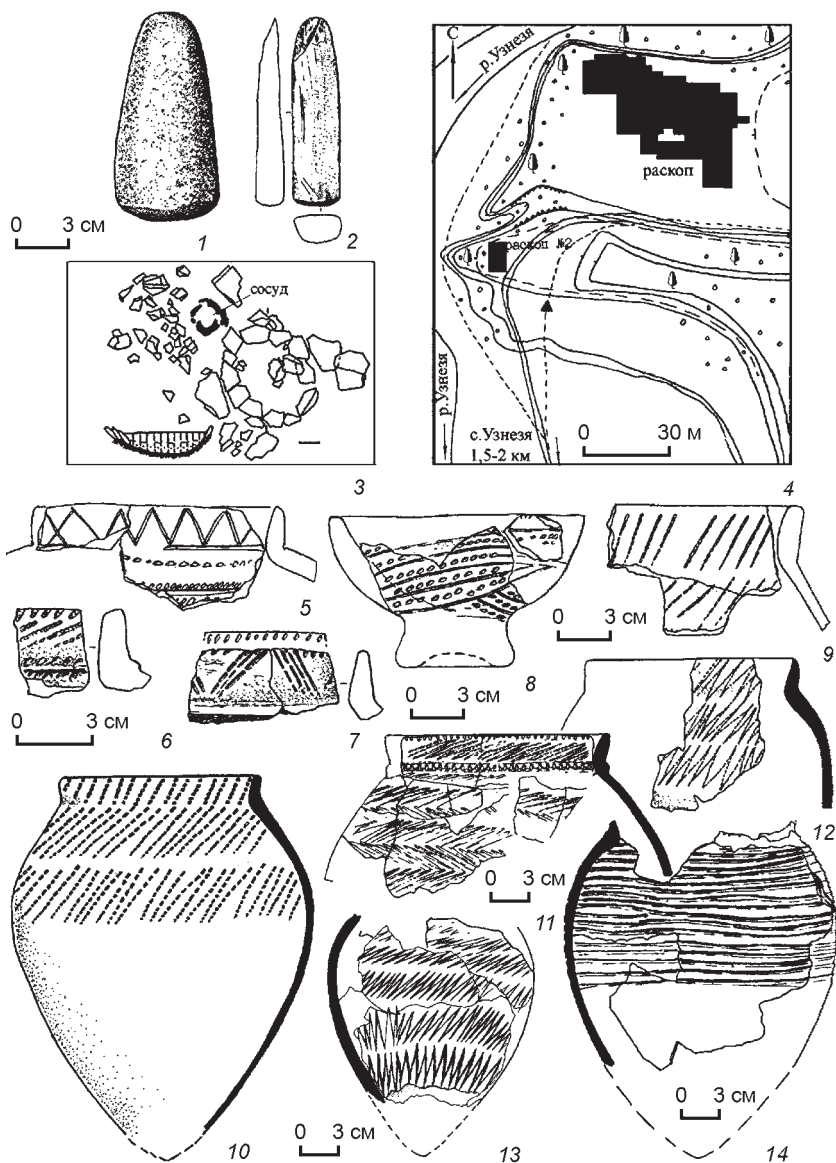

Рис. Поселение Узнезя-1 и найденные на нем артефакты.

Очаги имеют подовальную форму и размеры от $1,0 \times 0,9$ до $1,2 \times 0,9$ м. Прокал составляет 5–18 см; золы нет. В прокале очага 2 найдены обожженные косточки животных, в т.ч. косули (определения А.В. Гальченко). К северо-западу от него обнаружены 2 остродонных сосуда, помещенные один в другой и заглубленные в материк на 20 см. От первого сохранилось

дно и придонная часть, фрагменты венчика и тулова; у второго отсутствовала верхняя часть. С южной стороны очага 1 лежала плита, к востоку от нее – крупный камень, неподалеку – точильный камень и пест [Степанова, 1994]. К югу от очага 3 находился сосуд без венчика и дна, вкопанный на 13 см в материк, к юго-востоку – пест-колотушка. Очаг 4 частично перекрыт камнями, под которыми обнаружен развал крупного сосуда и кости животных (фрагменты этого сосуда встречены и возле очага). С северо-восточной стороны находился крупный камень, в 30 см к юго-юго-востоку – зольник. Очаг 6 поврежден и оконтурен плитками не полностью.

К афанасьевской культуре относится керамика, песты, точильные камни, скребки, нуклеусы (в т.ч. галечные), нуклеус-наковаленка, отбойники, невыразительные отщепы аморфной формы, кости животных (найденно сравнительно мало) [Кунгуров, Степанова, 2004; Кунгуров, 2006; Гальченко, 1994]. Афанасьевская керамика составляет наиболее многочисленную категорию находок. Обнаружены фрагменты и развалы более 100 сосудов. Между собой изделия различаются по орнаменту, форме, высоте венчиков, размерам в целом (объем некоторых составляет около 10 л). Сосуды имеют в основном яйцевидную форму, шаровидных изделий мало. Придонных частей и днищ найдено немного: в основном от остродонных сосудов и одного плоскодонного горшка. Выделяется группа сосудов с тонкими стенками (менее 0,5 см).

Изделия были украшены полностью или частично, реже – не орнаментированы совсем. Для венчиков характерен узор в виде треугольников или наклонных оттисков в одну сторону, нанесенный гребенчатым штампом. Изредка сосуды украшены качалкой, рядами отпечатков, составляющих елочку, квадратами, зигзагами или треугольниками, выполненными протаскиванием инструмента (см. *рисунок, 5–7, 9–11*). Тулово орнаментировали параллельными горизонтальными рядами оттисков гребенчатых штампов, наклоненных в одну сторону или составляющих елочку, а в некоторых случаях – прочерченными линиями (см. *рисунок, 10–14*). Иногда сосуд украшали разными инструментами и способами, что характерно для афанасьевской керамики. Для нанесения орнамента использовались зубчатые штампы разной длины и ширины, по-видимому, с отличающимися рабочим краем и размерами зубцов. Количество зубцов обычно свыше 15 шт., а в отдельных случаях – больше 40 шт.

На керамике с Узнези-1 реже, чем в погребальных комплексах и на поселении Малый Дуган, встречаются отпечатки орнаментиров с тонким рабочим краем. Один из венчиков выделяется тем, что украшен рядами горизонтальной качалки инструментом с мелкими зубцами, объединенными в группы, рабочий край которого аналогичен орнаменту из Сальдыра-1 (к. 37) [Ларин, 2005]. В целом, набор инструментов разнообразен. Орнамент наносился преимущественно шаганием с прокатыванием (качалка), реже прокатыванием, протаскиванием, накалыванием и другими способами. Некоторые изделия имеют необычные для афанасьевской культуры

элементы декора: наlepной валик или «жемчужины» на шейке. Как и на других памятниках, на поселении Узнезя-1 найдены сосуды, которые относятся к категории редких для афанасьевской культуры. Например, шаровидный сосуд с растительным орнаментом, выполненным протаскиванием однозубого инструмента, а также фрагменты сосудов с ушками, курильниц (см. *рисунк*, 8), сосуды декорированные шаганием просто и с протаскиванием и др. [Степанова, 2010].

Подводя итог, отметим, что поселения Узнезя-1, Малый Дуган, Балыктыюль, Кара-Тенеш и Подсинюшка объединяют аналогичные по конструкции и размерам очаги, а Узнезю-1 и Балыктыюль – вкопанные в землю сосуды неподалеку от очагов [Абдулганеев и др., 1982; Грушин, Степанова, 2010; Степанова, 2011]. На памятниках вокруг очагов не прослежены котлованы, ямы или иные следы жилищ. Вероятно, жилища были наземного типа. Керамические комплексы объединяют не только характерные для афанасьевской культуры признаки (форма сосудов, способы нанесения и композиционное построение орнамента и т.д.), но и необычные. Так, на Малом Дугане это – наличие «жемчужин» на шейке сосудов, сосуды с тонкими стенками, на Кара-Тенеше и Малом Дугане – наlepные валики на шейке и др. Отличаются эти сосуды от керамики из могильников более разнообразным набором орнаментов, некоторыми элементами декора (наlepной валик, «жемчужины»), использованием инструментов с крупными, прямоугольными, редко поставленными зубцами, а также редкое применение штампов с тонким рабочим краем.

Своеобразие керамического комплекса с Узнези-1 заключается и в том, что здесь, по сравнению с Малым Дуганом, найдено меньше сосудов с венчиками без орнамента и украшенных накальванием, но больше изделий с качалкой, выполненной разными инструментами и способами. Разнообразие инструментов свидетельствует о том, что посуду на Узнезе-1 изготавливали несколько гончаров, а особенности технологии изготовления керамики и орнаментации говорят о разных культурных и этнографических традициях.

Анализ керамических материалов поселений Малый Дуган, Узнезя-1 и Кара-Тенеш позволяет утверждать, что данные памятники функционировали в один промежуток времени, а население контактировало. Орнамент «качалка», выполненный традиционными и необычными способами и инструментами, имеет полные аналогии из погребальных комплексов Горного Алтая и Енисея. Наличие других общих черт (наlepные валики или «жемчужины» на шейке, способы нанесения орнамента шаганием просто и с протаскиванием, качалкой, выполненной аналогичными инструментами и др.) на керамике с поселений из Горного Алтая и могильников Енисея (Афанасьева Гора, Малиновый Лог и др.) [Степанова, 2011; Грязнов, 1999, рис. 10, 10; 11, 5, 10; Боковенко, Митяев, 2010, рис. 5, 4; др.] свидетельствует об общих процессах на разных территориях, подтверждает одновременность функционирования памятников и контакты населения.

Список литературы

Абдуганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. – Барнаул, 1982. – С. 52–77.

Боковенко Н.А., Митяев П.Е. Афанасьевский могильник Малиновы Лог на Енисее // Афанасьевский сборник. – Барнаул, 2010. – С. 16–29.

Гальченко А.В. К вопросу о хозяйственной деятельности афанасьевских племен // Археологические и фольклорные источники по истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1994. – С. 14–19.

Грушин С.П., Степанова Н.Ф. Особенности технологии изготовления керамики с афанасьевского поселения Подсинюшка // Афанасьевский сборник. – Барнаул, 2010. – С. 46–53.

Грязнов М.П. Афанасьевская культура на Енисее. – СПб., 1999. – 136 с.

Кунгуров А.Л. Каменная индустрия поселения Узнезя-1 // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. – Барнаул, 2006. – С. 84–119.

Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Каменная индустрия афанасьевского поселения Узнезя-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2004. – Т. X, ч. I. – С. 321–325.

Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: Могильник Сальдьяр-1. – Барнаул, 2005. – 208 с.

Степанова Н.Ф. Разведка в Шебалинском районе Алтайского края // Археологические открытия 1980 года. – М.: Наука, 1981. – С. 213.

Степанова Н.Ф. Поселение Узнезя-1 // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск, 1994. – С. 19–26, 198–201.

Степанова Н.Ф. Особенности орнаментальных композиций афанасьевской керамики из погребальных комплексов Горного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2010. – Т. XVI. – С. 307–311.

Степанова Н.Ф. Афанасьевское поселение Малый Дуган: материалы к своду памятников афанасьевской культуры Горного Алтая // Проблема археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2011. – Т. XVII. – С. 253–258.

ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ ТИХООКЕАНСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ: ТУМАКО-ЛА-ТОЛИТА*

Доиспанские культуры на территории Колумбии и Эквадора известны российским специалистам весьма эскизно. В значительной степени информация ограничивается данными о культуре *муисков* и легенде об Эльдorado, основанными на летописных источниках периода конкисты, а также описанием совместных колумбийско-советских раскопок на памятнике Кабо де ла Вела [Башилов, 1985; Башилов и др., 1990; Созина, 1969, 1972]. Докерамические культуры (Лас-Вегас, Вальдивия) были частично презентованы автором в рамках учебного пособия по археологии Южной Америки [Табарев, 2006] и нескольких статьях.

Установление прямых контактов с коллегами из Университета дель Бадье (г. Кали, Колумбия) и Политехнического университета (г. Гуаякиль, Эквадор) позволило в 2010–2012 гг. начать систематическую работу по изучению материалов культур самых разных периодов – от раннеформативного (5,5 тыс. л.н.) до предколониального (XIII–XV вв.).

Одной из наиболее интересных, заслуживающих особого внимания культура является Тумако-Ла-Толита (Tumaco-La Tolita). Ее памятники располагаются на тихоокеанском побережье, на границе Эквадора (пров. Эсмеральдас) и Колумбии (деп. Каука и Нариньо), между 1°30' и 1°50' с.ш. (рис. 1). Музейные экспозиции представлены эффектной керамической скульптурой, расписной посудой и золотыми украшениями. Значительная часть артефактов хранится в частных собраниях. По традиции в Эквадоре эту культуру называют «Ла-Толита-Тумако», а в Колумбии – «Тумако-Ла-Толита». Недавно был предложен компромиссный вариант – «Тулато».

Материалы, относящиеся к данной культуре, получены еще в начале XX в. археологами М. Савилем и М. Уле, которые проводили исследования в провинции Эсмеральдас и на о-ве Толита в устье р. Сантьяго (Эквадор). На колумбийской территории первые археологические работы на памятниках культуры Тумако-Ла-Толита в 1950-х гг. осуществлял Х.С. Кубильос, а в 1960-х гг. – Р. Рейхель-Долматофф. В 1970–1990-х гг. их продолжили Х. Франч, Ж. Бушар, Ф. Вальдес, Г. Лопес и др. Библиография по культуре Тумако-Ла-Толита насчитывает десятки работ, среди которых несколько

*Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12-01-00001а «Древние культуры Колумбии и Эквадора».

Рис. 1. Ареал распространения культуры Тумако-Ла-Толита на тихоокеанском побережье Южной Америки.

монографий по итогам археологических проектов, исследования по искусству (керамике, металлургии) и палеоэкономике [Patiño, 1992; Rodríguez, 2005]. В предыдущих публикациях нами кратко упоминалась данная культура в контексте дискуссии о раннекерамических традициях и антропоморфной пластике тихоокеанского бассейна [Табарев, 2011, 2012]. Данная статья призвана познакомить с основными (пространственно-временными, хозяйственными) параметрами культуры Тумако-Ла-Толита.

Хронология и периодизация культуры выглядят достаточно сложно. В целом, ее относят к т.н. «Периоду регионального развития» (Desarrollo

Regional) и частично – к «Классическому периоду» (Clásico). Большая часть исследователей помещает Тумако-Ла-Толита между 600 г. до н.э. и 600 г. н.э. Однако некоторые ученые используют более узкие рамки: 500 г. до н.э. – 500 г. н.э. Внутри этого промежутка выделяются два этапа: Тумако-Ла-Толита I (600 – 300 г. до н.э.) и Тумако-Ла-Толита II (300 г. до н.э. – 600 г. н.э.). Для первого этапа получено 12 радиоуглеродных дат, для второго – более 50. Время между 300 г. до н.э. и 350 г. н.э. называют «Тумако-Ла-Толита Классико». Следующий промежуток (350–600 гг. н.э.) для территории Колумбии в ряде публикаций относят к особой фазе – Эль-Морро, а в Эквадоре – Гуадуаль. Выделяются этапы и для отдельных памятников: например, один из наиболее ранних комплексов Ингуапи (Колумбия) хронологически подразделяется на Ингуапи I (500–350 гг. до н.э.) и Ингуапи II (350 г. до н.э. – 350 г. н.э.).

Судя по материалам эпонимного памятника культуры (Толита), около 600 г. до н.э. наблюдался заметный рост территории существовавшего здесь ранее небольшого поселения, появились первые земляные насыпи (*толас*, *толитас*). К 300 г. до н.э. памятник являлся важным ритуальным центром с большим некрополем. В погребениях (первичных и вторичных) найдено много изящной посуды (чаши, блюда, триподы, биподы, вазы, кувшины), керамических масок (рис. 2), моделей домов, лодок, антропоморфных и зооморфных изображений с исключительной детализацией элементов одежды, головных уборов, украшений, статусных атрибутов и т.д. С конца IV – начала III в. до н.э. в культуре начала развиваться металлургия: сначала появились изделия из сплава золота и меди (*тумбага*), а затем – из платины (маски, подвески, серьги, браслеты). Все это достаточно убедительно свидетельствует о развитии ремесел, различных формах торговли

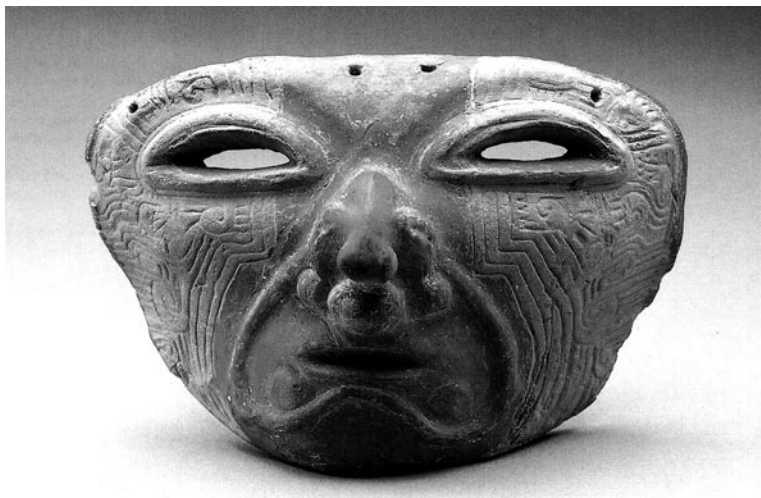

Рис. 2. Керамическая маска (культура Тумако-Ла-Толита).

и обмена с соседними территориями, а также о сложной церемониальной практике и выделении племенной элиты.

Антропоморфная пластика культуры Тумако-Ла-Толита – настоящая энциклопедия ее носителей. Помимо персонажей племенной элиты (шаманы, касики), в галерее образов широко представлены торговцы, рыбаки, музыканты и воины (?), а также старики, дети и женщины. Исключительный интерес представляет подборка (головы и целые изделия), иллюстрирующая различные болезни и врожденные патологии [Rodríguez, Pachajoa, 2010].

Хозяйство культуры Тумако-Ла-Толита определялось экосистемами океана, прибрежных низменностей (мангровые леса) и предгорий Западных Кордильер. Носители культуры занимались земледелием (маис, юкка), охотой, собирательством и эксплуатацией акватических ресурсов.

Несмотря на почти вековую историю исследований и большой объем накопленного материала, культура Тумако-Ла-Толита еще во многом остается загадочной. Один из наиболее дискуссионных вопросов – происхождение культуры Тумако-Ла-Толита. Часть археологов (в основном работавших на памятниках Эквадора) упоминают в качестве источника культуру позднеформативного периода – Чоррера (3,3–2,3 тыс. л.н.). Другие специалисты добавляют к этому влияние культур с территории Перу и даже не исключают существования отдельных импульсов из Мезоамерики и Центральной Америки.

Общее число памятников, относимых к культуре Тумако-Ла-Толита, достигает нескольких десятков, но лишь единицы раскопаны более или менее крупными площадями, многие зафиксированы в сильно разрушенном состоянии или разграблены.

Нет пока полной картины по антропологическим материалам: исследования в этом направлении только начинаются. Для первого этапа известно всего лишь 10 неполных скелетов, чуть больше – для второго. Их сохранность, как и состояние всей органики (включая жилищные конструкции, текстиль) в условиях влажного прибрежного климата, к сожалению, неудовлетворительна.

Не менее интересна проблема причин упадка и угасания культуры. По мнению большинства археологов, в этом процессе решающую роль сыграли изменения климата (участвовавшие наводнения, повышения среднегодового уровня осадков), которые привели к нарушению баланса хозяйственной системы. Некоторые специалисты полагают, что данный процесс был достаточно быстрым и привел к полному размыванию культуры, замещению ее иным компонентом. Другие специалисты настаивают на постепенном угасании культуры и даже считают возможным выделять для этого особый этап – Тумако-ла-Толита III, который продолжался практически до испанского вторжения в XVI в.

Список литературы

Башилов В.А. Советско-колумбийские археологические исследования в долине р. Калима // Археологические открытия 1983 года. – М.: Наука, 1985. – С. 581–583.

Башилов В.А., Родригес К.А., Сальгадо Лопес Э. Исследования доиспанского поселения Кабо де ла Вела в юго-западной Колумбии // Советская археология. – 1990. – № 1. – С. 85–102.

Созина С.А. Муиски: еще одна цивилизация древней Америки. – М.: Изд-во Ин-та Лат. Америки АН СССР, 1969. – 200 с.

Созина С.А. На горизонте – Эльдorado. – М.: Мысль, 1972. – 198 с.

Табарев А.В. Введение в археологию Южной Америки. Анды и тихоокеанское побережье: уч. пособие. – Новосибирск: Сибирская научная книга, 2006. – 244 с.

Табарев А.В. Ранние керамические традиции в Пасифике (Южная Америка) // Древности по обе стороны Великого океана. – Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2011. – С. 16–54.

Табарев А.В. Змеи, маски и танцующие шаманы: на перекрестках неолитических миров древней Пасифики // Дальневосточно-сибирские древности: сб. науч. тр., посвящ. 70-летию со дня рожд. В.Е. Медведева. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – С. 96–105.

Patino D. Sociedades Tumaco-La Tolita: Costa Pacífica de Colombia y Ecuador // Boletín de Arqueología. – 1992. – Año 7. – № 1. – P. 37–58.

Rodríguez C.A. Los Hombres y las Culturas Prehispánicas del Suroccidente de Colombia y el Norte del Ecuador. – Washington, D.C.: Fundación Taraxacum, 2005. – 252 p.

Rodríguez C.A., Pachajoa H. Salud y enfermedad en el arte prehispánico de la cultura Tumaco-La-Tolita II. – Cali: Universidad del Valle, 2010. – 138 p.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ЦЕНТРЕ ГОРОДА ТАРЫ В 2012 ГОДУ

В 2012 г. экспедицией Омского филиала ИАЭТ СО РАН, Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского и Томского государственного университета были проведены археологические изыскания на территории тарской крепости. Начиная с 2009 г., шли планомерные работы в историческом центре г. Тары. Исследована оборонительная система крепости, несколько разновременных жилых и хозяйственных комплексов на месте тарского острога, уточнено месторасположения первой городской церкви Бориса и Глеба.

Раскопки этого года были сосредоточены в центральной части крепости – на месте воеводской усадьбы. Площадь работ составила 100 м². Судя по имеющимся картографическим материалам, усадьба находилась в восточной части крепости и занимала в разные периоды времени от 600 до 900 м². К сожалению, до настоящего времени в государственных архивах не найдены ее описания, поэтому все умозаключения по планиграфии комплекса базируются только на материалах исторических раскопок и рисунке С.У. Ремезова, датированном началом XVIII в.

Культурный слой на данном участке крепости составил 4,5 м, что соответствует описанию тарского краеведа А.В. Ваганова, сделанного при выборке котлована на месте сооружения памятника В.И. Ленину. Под метровым слоем строительных отходов, сформировавшихся за время эксплуатации административных зданий по периметру площади, шел плотный полутораметровый слой конского навоза. Ниже этой органики в южной части раскопа зафиксирован небольшой сруб (4 венца) размером 3,2×3,2 м. Судя по тому, что внутри сруба найден веник, – это была баня. Внутри сруба обнаружены также остатки небольшой глинобитной печи, размеры которой и количество глины свидетельствуют о том, что баня топилась по-черному. Находок в срубе было мало, но одна из них весьма любопытна: в дальнем углу от входа лежал небольшой лапоть. Учитывая, что за четыре года раскопок это – первая найденная плетеная обувь, а также сравнительно небольшие размеры лаптя и отсутствие следов носки, можно сделать вывод: лапотов изготовлен специально для *банища* (аналога домашнего).

Севернее этого сруба, на глубине 4,3 м, через весь раскоп в направлении восток–запад зафиксирована бревенчатая мостовая (см. *рисунк*), ширина которой 4 м. Состоит она из плотно подогнанных лиственничных бревен диа-

Рис. Тарская мостовая XVII века.

метром около 0,2 м и длиной 4,7 м. Верхняя часть бревен стесана. Крайние бревна находились выше остальных на 0,05 м и выполняли колесоотбойную функцию. Очевидно, мостовая является самым ранним сооружением и уложена на непо потревоженную почву. Мостовая существовала достаточно долго, т.к. дно из бревен сильно изношено и сверху укреплено лиственничной дранью. С северной части мостовая прорезана пристройкой из тщательно выстроганного бруса (толщина 0,2, ширина 0,5 м), служившей сенями дома. Сам дом представлен срубом из мощных (диаметр около 0,5 м) лиственничных бревен (длина более 6 м). Судя по тщательности, с какой выструган брус для сеней и подобраны бревна для дома, это жилой комплекс представительского уровня. Сохранились два венца сруба. Верхние бревна сильно пострадали от огня: вероятно, дом уничтожен одним из многочисленных тарских пожаров.

Отличная сохранность деревянных конструкций в раскопе этого года позволила восстановить многие элементы комплекса. Однако мы столкнулись с целым рядом трудностей при датировании культурных горизонтов и интерпретации всего исследованного комплекса в плане соотношения с имеющимися планами крепости. Прежде всего, сказалось отсутствие хороших датирующихся материалов. В ходе раскопок 2011 г. в острожной части города каждый культурный горизонт датировался хорошим монетным материалом и другие находки (торговые пломбы, металлический инвентарь, украшения) хорошо укладывался в эти хронологические отрезки. В этом году не найдено ни одной монеты, более того, практически отсутствуют вещи, которые указывают на престижность владельцев или особую значимость исследуемого комплекса. В ходе раскопок прошлых лет в полученных коллекциях есть мужские серебряные перстни, металлические торговые пломбы с фамилиями владельцев, китайский и русский фарфор. Из раскопок подоб-

ных комплексов в других городах Сибири, например, воеводской усадьбы Томского кремля, происходит замечательная коллекция изразцов [Черная, 2002, с. 56–69]. В этом году мы ничего подобного не нашли.

Данная ситуация объясняется тем, что в 2012 г. раскоп заложили на периферийной (хозяйственной) части усадьбы. На картах XVII–XVIII вв. положение комплекса устойчиво привязано к этому району крепости, но она показана одним массивом, без разделения на отдельные строения. Исключение представляет рисунок С.У. Ремезова, где усадьба показана в виде четырех строений, связанных друг с другом и вытянутых перпендикулярно террасе р. Иртыш. Очевидно, мы вышли в раскопе на самую южную часть усадьбы, вдоль которой была проложена мостовая. В пользу этого говорит и то, что воеводская изба не могла быть расположена непосредственно рядом с мостовой. Скорее всего, к мостовой могли выходить только ворота усадьбы. По материалам раскопок, усадьба несколько раз меняла планиграфию, и первоначально мостовая была центральной улицей крепости. После значительного расширения крепости (предположительно в конце XVII в.) необходимость в мостовой исчезла: она была завалена мусором, а затем погребена под огромными напластованиями навоза.

Тем не менее, полученная в ходе раскопок 2012 г. коллекция оказалась достаточно представительной. В первую очередь, следует отметить большое количество предметов из дерева, бересты, кожи, фрагменты тканей, которые сохранились благодаря значительной мощности культурного слоя и полутораметровой толще навоза. Во время раскопок предыдущих лет мы тоже находили достаточно много изделий из дерева и кожи [Татауров, 2009, 2010, 2011], но в этом году добавилось еще несколько моментов.

Впервые мы нашли окрашенные вещи. Наиболее интересны несколько предметов. Остатки верхней одежды красного цвета из тонкого войлока представлены многочисленными (17 шт.) фрагментами. Все они небольшого размера и, к сожалению, реконструировать одежду по ним невозможно. Другая находка – мужские сапоги, у которых колодка выкрашена краской на основе золотого порошка. Еще одно изделие – деревянная солонка в виде грибка, окрашенная голубой краской.

В этом году найдена деревянная бирка с надписью «хмель». Предмет имеет вид прямоугольной дощечки с двумя отверстиями, которую привязывали к мешкам с товаром. Надпись достаточно небрежно выполнена острым режущим предметом, скорее всего, ножом. Судя по начертанию букв, ее можно датировать началом XIX в. Это первая бытовая надпись. До нее при раскопках г. Тары нами обнаружены лишь надписи в виде клейм на посуде и торговых пломбах.

Еще одна категория находок – детские игрушки и предметы досуга. Из игрушек к традиционным корабликам из сосновой и лиственничной коры и альчикам со свинцом для игры в бабки в этом году добавился лук с набором стрел из сосновой дранки. К предметам досуга можно отнести шахматные фигурки коня и пешки. Эти шахматные фигуры поставили г. Тару в

один ряд с «шахматными столицами» Западной Сибири – Мангазей [Визгалов, Пархимович, 2008, с. 97–103] и Томском [Черная, 2004].

Отдельно остановимся на обуви. В 2012 г. коллекция тарской обуви пополнилась еще на 200 образцов, из которых около 20 целых форм. Практически все они найдены в нижних слоях культурного слоя и в целом соответствуют выделенным нами типам обуви, которые мы датировем допетровским временем [Богомолов, Татауров, 2010]. Выделяется сапог, о котором написано выше: с колодкой, окрашенной золотой краской. У сапога несколько особенностей: он имеет ажурные ботфорты, расшитые швы и наборный высокий каблук из 15 слоев толстой кожи. По всей вероятности, обувь носил тарский щеголь. Это практически единственный предмет, который указывает на то, что хозяин усадьбы занимал высокий пост в городе.

Раскопки 2012 г. предопределили направление дальнейших исследований – раскопки всего комплекса воеводской усадьбы. Сохранность деревянных конструкций позволяет предельно точно восстановить всю планиграфию усадьбы. Коллекции предметов существенно расширяют наши представления об облике тарчан, их занятиях, досуге и т.д. На наш взгляд, имеется хорошая возможность создать на основе этого объекта в г. Таре археолого-историко-архитектурный ансамбль.

Список литературы

Богомолов В.Б., Татауров С.Ф. Коллекция обуви из раскопок города Тары в 2009 году // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск, 2010. – С. 91–96.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001-2004 гг.). – Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2008. – 296 с.

Татауров С.Ф. Археологические исследования исторического центра города Тара в 2009 году // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы итог. сес. ИАЭТ СО РАН 2009 года. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 396–400.

Татауров С.Ф. Археологические исследования г. Тары в 2010 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы итог. сес. ИАЭТ СО РАН 2010 года. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 312–315.

Татауров С.Ф. Археологические исследования города Тары в 2011 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы итог. сес. ИАЭТ СО РАН 2011 года. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 239–242.

Черная М.П. Томский кремль середины XVII–XVIII вв.: проблемы реконструкции и исторической интерпретации. – Томск: Изд-во ТГУ, 2002. 187 с.

Черная М.П. Азартные игры в досуге томичей: предварительные замечания к социально-психологическому анализу // Традиционное сознание: проблемы реконструкции – Томск, 2004. – С. 286–296.

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РУССКОГО КОМПЛЕКСА АНАНЬИНО I В 2011–2012 ГОДАХ

В ходе полевых сезонов 2011–2012 гг. продолжены исследования русского поселенческого комплекса Ананьино I в Тарском районе Омской области. Деревня Ананьино известна по письменным источникам с 1624 г., что отмечено в «Дозоре Василия Тыркова» (Сибирская приказная книга № 5. Л. 347) [Бущинский, 1999].

В 2005 и 2010 гг. исследовано 448 м² на поселении и 260 м² – на кладбище. Изучены четыре жилых объекта и 48 погребений.

Раскопы 2011–2012 годов на поселенческом комплексе (общая площадь 156 м²) завершили изучение усадьбы, состоявшей из четырех изб-связей. Дома ориентированы по линии северо-запад – юго-восток и располагались на берегу одноименного озера. В раскоп 2011 г., несмотря на его небольшую площадь, попали остатки двух срубов – юго-восточные части изб-связей. Один сруб начали исследовать в 2010 г., когда была зафиксирована только одна стена [Татаурова, 2010]. В 2011 г. в раскоп попала оставшаяся часть жилища. Интересна конструкция стен: они сделаны не в одно бревно, а в два, с небольшим промежутком (около 40 см) между бревнами. Это пространство, вероятно, служило для сохранения тепла, и было засыпано грунтом. Такая технология строительства, только для погребца-ледника, была зафиксирована ранее [Культура населения..., 2005]. В восточном углу жилища располагалась битая печь, установленная на дневную поверхность. Правда, судить о ее конструкции весьма сложно: ее развал выглядел как слой глины с фрагментами пода в виде утрамбованной до состояния кирпича глины. Все пространство к западу от печи на всю глубину культурного слоя занимали разбитые сосуды. Вероятно, здесь был «женский» угол, поэтому так много посуды. Скопления располагались на трех уровнях.

К северо-востоку, в метре от описанной избы, обнаружен еще один сруб, целиком попавший в раскоп. Он тоже являлся частью избы-связи, частично исследованной в 2005 г. (площадь около 20 м²). Особенностью конструкции данного сруба был деревянный пол из трех половиц (ширина 35–50 см) в восточной части жилища. Половицы лежали на поперечных лагах очень плотно друг к другу. Остальная площадь жилища была залита слоем желтой глины, вероятно, исполнявшей роль пола. Мощность слоя в некоторых местах достигала 20–25 см, выравнивая поверхность. Стены сруба выполнены в одно бревно; следов печи нет. Сохранность бревен ока-

залась удовлетворительной, что позволило взять образцы для дендрохронологического анализа.

Большой, чем в 2011 г., раскоп 2012 г. не выявил никаких сооружений, кроме двух частоколов, зафиксированных на уровне материка. Они ограничивали площадку около 90 м² (практически вся площадь раскопа), которая, вероятно, была хозяйственным двором, о чем говорит характер культурного слоя и находки. Частоколы построены из нетолстых (15–20 см) бревен. Культурный слой состоял преимущественно из коричневой органики, в которой на разных уровнях залежали слои строительного мусора (мощность 10–20 см), представленного щепой и берестой. В ходе исследования культурного слоя зафиксировано 9 скоплений керамики. Интересно заметить, что насыщенность культурного слоя находками и керамикой постепенно убывала к северо-западной части раскопа, т.е. к берегу озера.

В ходе раскопок 2011–2012 гг. получена представительная коллекция керамики: лепной, гончарной, красно- и чернолощеной. В скоплениях 2011 г. у печи найдено около 40 сосудов (часть в развалах). Типологический ряд представлен горшками разных объемов, корчагами, сковородами, мисками (в т.ч. чернолощеной керамикой), солонкой, блинницей, сливочниками (в т.ч. гончарным красноглиняным) и др.

Интересна коллекция инвентаря, характеризующая различные хозяйственные занятия населения: земледелие – фрагменты жерновов, остатки зерен злаков; скотоводство – детали конской упряжи (удила, ременные пряжки); рыболовство – железные рыболовные крючки разного размера, костяные и железные наконечники гарпунов и глиняные грузила, многочисленные кости и жаберные крышки рыб; охоту – наконечники стрел и остеологический материал. В 2012 г. в грабительском шурфе найдено стремя. В архивных документах есть сведения о количестве скота на одно крестьянское хозяйство. Так, в деревне Ананьино в 1701 г. на 9 семей служилых (казаки, стрельцы), имевших пашни и скот, приходилось 14 лошадей, 14 голов крупного и 5 голов мелкого рогатого скота (РГАДА, Ф. 214. Оп. 1. Д. 1182. Л. 185–187).

Исследования показали значительную гибкость хозяйственной системы сельского населения: в зависимости от конкретных условий расположения поселения структура животноводства и промысловой деятельности могла заметно изменяться [Явшева и др., 2008].

Количество костей домашних животных на поселении преобладает (80 % всего остеологического материала). Среди костей домашних животных доминирует крупный рогатый скот и свиньи – 51 и 38 % соответственно. Кости мелкого рогатого скота малочисленны и составляют лишь 3 %. Костных остатков лошади на Ананьино зафиксировано 7 %. Это подтверждает данные письменных источников: мужское население, помимо ведения хозяйства, состояло на государственной службе.

Процентное соотношение домашних копытных свидетельствует об оседлом образе жизни с большими стадами крупного рогатого скота, ко-

торый разводили в основном для получения молока и мяса. Свиней выращивали для получения мяса и сала, что характерно для русской культуры XVIII в. Однако достаточно большой процент костей диких животных (около 20 %) указывает на немалую роль охоты в жизни населения. Ананьинцы охотились на лося, косулю, но больше всего на зайца. Кости зайца составляют 76,6 % остеологического материала диких животных, найденных на поселении [Явшева и др., 2008].

Кроме основных видов хозяйственной деятельности население занималось птицеводством и рыболовством. Эти отрасли хозяйства определяются как археологическим материалом, который весьма представительен, так и палеозоологическими исследованиями.

Разнообразен и представительен бытовой инвентарь. Получена коллекция из 400 индивидуальных находок: кресала и большое количество кресальных и ружейных кремней; железные гвозди; железные ножи (один с деревянной рукоятью); костяные иглы для вязания; железный ключ от навесного замка; швейные иглы; глиняные детские сосудики небольших размеров, предметы для игры в бабки; каменные оселки; костяной гребешок.

За два сезона найдено 7 монет середины – конца XVIII в., два медных крестика, бусы и медная подвеска с бусиной, осколки китайского фарфора династии Цин, фрагменты слюдяных окон, кусочки войлочной ткани и тканого пояса, остатки кожаной обуви и обувные подковы.

В 2012 г. в ходе археологических работ проводился комплекс мероприятий по отработке методики геоархеологических исследований*. Сделан рельеф дневной поверхности до раскопок, рельефы каждой зачистки и рельеф по материке, а так же снят геодезический план расположения памятника.

Результаты раскопок показывают необходимость дальнейших исследований для завершения изучения жилищного комплекса на поселении и продолжения изучения погребального памятника. Применение геодезических методов позволит доработать предложенную методику использования ГНСС (глобальной навигационной спутниковой системы) в археологических исследованиях.

*Для этой цели использовалось такое оборудование, как тахеометр Trimble M3, одностотный GPS приемник Trimble R3 и двухчастотный GPS приемник NovAtel DL-V3, с помощью которых велась фиксация объектов и находок, нивелировка зачисток после каждого штыка и артефактов. Фиксация индивидуальных находок и объектов (скопления, пятна, ямы) осуществлялась с помощью специально разработанного каталога символов для всех категорий и типов инвентаря, а также обозначений культурных напластований. Для построения планов разрезов бровки и стенок раскопа использован метод фотограмметрии. Данная методика позволила построить с помощью программы PHOTOMOD-PANORAMA планы с находками и объектами, найденными в раскопе на разных уровнях залегания.

Список литературы

Будинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – Т. 1. – 327 с.

Культура населения XVI–XIX веков как основа формирования современного облика народов Сибири / Н.А. Томилов, С.С. Тихонов, Л.В. Татаурова и др. – Омск: Изд. дом «Наука», 2005. – С. 182–183.

Татаурова Л.В. Русский археологический комплекс XVII–XVIII Ананьино I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – С. 316–319.

Явшева Д.А., Некрасов А.Е., Татаурова Л.В. Животноводство и охота русского населения лесостепного Прииртышья // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Апельсин, 2008. – С. 356–367.

НАХОДКИ ПРЕДМЕТОВ СЯНЬБИЙСКОЙ ТОРЕВТИКИ В МОНГОЛИИ*

В истории изучения предметов декоративно-прикладного искусства древних кочевников Центральной Азии в хунно-сяньбийскую эпоху основное внимание исследователи уделяли хуннским художественным бронзам. В меньшей степени изучены предметы торевтики культуры древних монголоязычных номадов *сяньби*. До недавнего времени находки изделий сяньбийской торевтики известны на территории Внутренней Монголии и Южной Маньчжурии [Борисенко и др., 2005, с. 237–242]. Отдельные бронзовые образцы сяньбийского декоративно-прикладного искусства найдены на территории Забайкалья и Южной Сибири [Худяков и др., 1999, с. 165; Кочевые культуры..., 2002, с. 8, 9]. Однако подобные вещи практически не были обнаружены непосредственно на современной территории Монголии, хотя она входила в состав Сяньбийской державы. В настоящее время данный пробел отчасти восполнен добротной публикацией серии находок из Монголии [Эрдэнэчулуун, Эрдэнэбаатар, 2011, тал. 67, 71, 72, 76, 77, с. 386–389; зур. 33, 33а, 37, 37а, 38, 38а, 42, 42а, 43, 43а, 381, 381а, 381б].

Среди монгольских предметов сяньбийской торевтики выделяется набор бронзовых позолоченных принадлежностей для пояса из Умнугобийского аймака [Эрдэнэчулуун, Эрдэнэбаатар, 2011, тал. 386–389; зур. 381, 381а, 381б]. В состав набора входят две поясные пластины овальной формы с трапецевидным краем. Одна из этих пластин служила пряжкой. У нее на овальном конце имеется неподвижный шпенок и узкое прямоугольное отверстие, в которое продевался и закреплялся кожаный ремень пояса. Судя по расположению прямоугольного отверстия и неподвижного шпенька, пряжка должна была крепиться к поясному ремню спереди с левой стороны, а парная ей пластина – с правой стороны. Вероятно, конец поясного ремня продевался в отверстие пряжки и закреплялся на шпеньке.

На внешней поверхности обеих пластин низким барельефом изображены в профиль скачущие фигуры крылатых коней – единорогов, передающих образ мифического существа – «благовещающего зверя», который, согласно сяньбийской мифологии, в трудный период истории провел

*Работа выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (соглашение № 14.В37.21.0007).

сяньбийцев через суровые испытания и спас от гибели [Комиссаров, 1996, с. 31–33]. Фигура единорога на пластинах показана в динамике: он скачет слева направо или справа налево. У единорога вытянутая лошадиная голова на короткой шее, со слабоизогнутым рогом на носу. Выделены губы, глаза, короткие уши и коротко постриженная грива. Туловище выполнено с выпуклой грудью и широким крупом. Передние ноги вытянуты вперед, а на задних ногах единорог присел, словно готовясь к прыжку. Ноги венчают длинные «шпоры» и острые копыта. От груди по бокам изображены длинные крылья. Над крупом развевается короткий распушенный хвост (см. *рисунок, 1, 2*).

Единорог дан в канонической позе. На всех известных изображениях, выполненных на поясных пластинах и подвесных бляхах из сяньбийских памятников Южной Маньчжурии и комплексов сяньбийского времени Южной Сибири, этот мифический зверь показан скачущим, с выделенным рогом и крыльями [Худяков и др., 1999, с. 165, 168; рис. 1, 2].

В составе поясного набора из Умнугобийского аймака есть 5 бронзовых позолоченных прямоугольных накладок, нашивавшихся на кожаную основу ремня в вертикальном положении через округлые отверстия, расположенные по верхнему и нижнему краям. На внешней поверхности накладок изображена стоящая лань, повернувшая голову назад [Эрдэнэчулуун, Эрдэнэбаатар, 2011, зур. 381a, 381b] (см. *рисунок, 3–7*). Подобные накладки найдены во многих археологических памятниках сяньбийской культуры во Внутренней Монголии и Южной Маньчжурии, а также в погребальных комплексах сяньбийского времени Саяно-Алтая и Забайкалья [Худяков и др., 1999, с. 165; рис. 2].

В поясном наборе имеется 7 бронзовых позолоченных сферических бляшек с нешироким горизонтальным бортиком по краю. Одна из таких бляшек повреждена: обломана часть бортика и есть отверстие в центре [Эрдэнэчулуун, Эрдэнэбаатар, 2011, с. 388–389; зур. 381a, 381b] (см. *рисунок, 8–13*). Согласно реконструкции, предложенной монгольскими исследователями, накладки и бляшки должны были располагаться на поясном ремне через одну: бляшка, накладка, следующая бляшка, за ней накладка и т.д. Они считают, что одна из накладок в составе данного набора утеряна.

Кроме бляшек и накладок в набор входят 2 подвесных кольца. Они имеют овальную форму и узкий прямоугольный выступ наверху. Через два округлых отверстия на этих выступах кольца крепились к кожаной основе ремня. Кольца орнаментированы косыми полосами. У одного кольца выделен овальный проем, через который можно продевать ремешок. У другого кольца такое отверстие затянуто сплошной металлической пластиной, судя по наличию которой изделие могло выполнять декоративную функцию [Эрдэнэчулуун, Эрдэнэбаатар, 2011, зур. 381a, 381b] (см. *рисунок, 14, 15*).

С учетом того, что в составе поясного набора большое количество бронзовых позолоченных пластин, накладок, бляшек и колец, этот пояс мог принадлежать знатному сяньбийскому воину, военачальнику или ад-

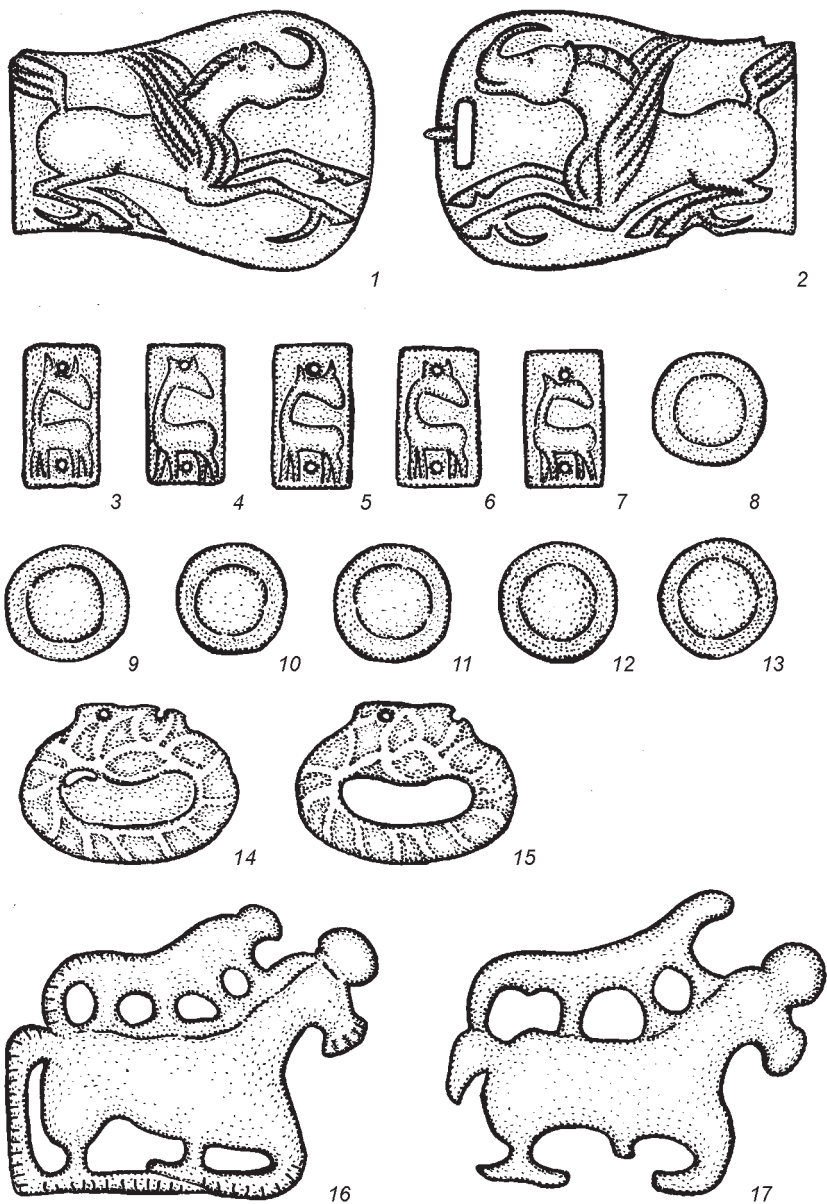

Рис. Образцы сяньбийской торевтики из Монголии.
1–15 – принадлежности наборного пояса; 16, 17 – бляхи
с изображением лошади и жеребенка.

министратору. Можно считать большой удачей, что поясной набор сохранился практически полностью и обнаружен в таком виде.

К числу характерных предметов декоративно-прикладного искусства сяньбийцев относятся бронзовые бляхи со стилизованными фигурами лошади с жеребенком на спине. Две такие бляхи обнаружены в Центральной и Южной Монголии. Бляха из Умнугобийского аймака содержит профильное изображение лошади с крупной головой, овальным начельником, короткой шеей с выделенной гривой, поджарым туловищем. Лошадь показана с согнутыми в коленях передними и задними ногами, а также длинным, соединяющимся с задними ногами хвостом. На спине у лошади выполнена уменьшенная фигурка жеребенка. Эта фигурка воспроизведена в профиль, головой, ногами и хвостом она соприкасается со спиной, шеей и крупом лошади. У жеребенка есть грибовидный начельный султан, маленькая голова на короткой шее, грацильное туловище, короткие ноги и хвост. По периметру большей части обеих фигур нанесены небольшие углубления – насечки. Они имеются на спине и хвосте жеребенка, хвосте, ногах и морде лошади. Размеры бляхи 4,5×6 см [Эрдэнэчулуун, Эрдэнэбаатар, 2011, тал. 71; зур. 37, 37а] (см. *рисунок, 16*).

Другая бляха подобной конструкции найдена в Центральном аймаке и отличается значительной стилизацией изображенных в профиль (слева направо) фигур лошади и жеребенка. У лошади показана крупная голова с непропорционально большим овальным начельником, короткая шея, вытянутое и поджарое туловище, согнутые в коленях ноги. Вероятно, ноги соединились между собой, но нижняя часть бляхи в месте этого соединения обломана. За крупом лошади показан короткий хвост. Фигурка жеребенка, стоящего на спине у лошади, еще более стилизована. У него выделен крупный овальный начельник, небольшая голова с вытянутой мордой, короткая шея, длинное узкое туловище, две коротких ноги, непропорционально массивный, загнутый вниз хвост. Размеры бляхи 4 5×2,5 см [Эрдэнэчулуун, Эрдэнэбаатар, 2011, тал. 77; зур. 43, 43а] (см. *рисунок, 17*).

Бляхи не имеют каких-либо креплений с внутренней стороны. Вероятно, их нашивали на какую-то мягкую основу, головные уборы или одежду. Предложенная монгольскими исследователями датировка и культурная принадлежность изделий (хуннская культура, I–II вв.) **нуждается в корректировке** [Эрдэнэчулуун, Эрдэнэбаатар, 2011, тал. 71, 77].

Подобные бляхи в разное время обнаруживались в памятниках сяньбийской культуры II–III вв. **на территории Внутренней Монголии и Южной Маньчжурии** [Борисенко и др., 2005, с. 237–242]. Вполне вероятно, что сочетание в пределах одной бляхи изображения большой лошади и маленького жеребенка отражает какой-то сюжет сяньбийской мифологии. Однако в китайских источниках, освещающих особенности сяньбийской культуры, никаких сведений об этом нет.

К числу предметов сяньбийской торевтики, обнаруженных в Монголии, могут быть отнесены бляхи с профильным изображением бегущей инохо-

дью лошади, у которой выделены все четыре ноги, согнутые в коленях. Три таких изделия найдены в Баянхонгорском, Дундгобийском и Убурхангайском аймаках. Фигура идущей слева направо лошади показана в профиль. У нее очень схематично выполнены крупная голова, шея, туловище и четыре ноги, соединенные снизу сплошной линией [Эрдэнэчулуун, Эрдэнэраатар, 2011, тал. 67, 72, 76; зур. 33, 33а, 38, 38а, 42, 42а]. Монгольские исследователи отнесли эти находки к хуннской культуре I–II вв. [Эрдэнэчулуун, Эрдэнэбаатар, 2011, тал. 67, 71, 76].

Подобные бляхи встречаются в хуннских памятниках Забайкалья и в сяньбийской торевтике [Коновалов, 1976, табл. XIX, 18; Кочевые культуры..., 2002, с. 8; Худяков и др., 1999, с. 165; рис. 1]. Вероятно, данный сюжет мог быть воспринят сяньбийцами у хуннов.

Таким образом, образцы сяньбийской торевтики обнаружены к настоящему времени в центральных и южных районах Монголии. Судя по находкам, большая часть этой территории во II–III вв. входила в состав Сяньбийской державы.

Список литературы

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Образы и сюжеты сяньбийской торевтики // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы год. сес. ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. I. – С. 237–242.

Комиссаров С.А. Сянбэй – «племя единорога» // Междунар. конф. «100 лет гуннской археологии: нomaдизм – прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен»: тез. докл. – Улан-Удэ: ТОО «Олзон» при БНЦ СО РАН, 1996. – Ч. I. – С. 31–33.

Кочевые культуры Центральной Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. – 16 с.

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье (погребальные памятники). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. – 220 с.

Худяков Ю.С., Алкин С.В., Юй Су-Хуа. Сяньби и Южная Сибирь // Древности Алтая: изв. лаб. археологии. – Горно-Алтайск: Изд. ГАГУ, 1999. – № 4. – С. 163–169.

Эрдэнэчулуун П., Эрдэнэбаатар Д. Тэнгрийн илд. Хурэл зэвсгийн уе, хунну гургийн хурэл эд Олгийн соел. – Улаанбаатар хот, 2011. – 496 тал.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОРУЖИЯ В ОФОРМЛЕНИИ НАДМОГИЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ КУРГАНОВ ТЯНЬ-ШАНЯ*

Одними из вариантов оформления надмогильных сооружений у кыргызов Тянь-Шаня и казахов в Прикаспийских областях, зафиксированных исследователями в XIX – начале XX вв., являются **шесты с наконечниками** копий, знаменами, бунчуками и луками, изображения оружия на надгробиях. Они являются наследие воинских традиций средневековых номадов.

Отдельные сведения об использовании кыргызами копий в заупокойной обрядности относятся к концу XVIII в. По материалам, собранным у кыргызского информатора Чоробаева этнографом С.М. Абрамзоном, в этот период в местности Ак-Терек (современный Ак-Талинский р-н) были погребены два богатыря – Кемпир-бала и Чомой-батыр, при жизни враждовавших друг с другом. В могилу Чомой-батыра положили боевое копье – *найза*. Это было сделано для того, чтобы он мог воевать со своим противником на «том свете» [Абрамзон, 1961, с. 116; 1971, с. 325]. Помещение каких-либо предметов (в т.ч. оружия) в могилу соответствует особенностям древних языческих домусульманских верований, но противоречит канонам мусульманской погребальной обрядности.

Изучение кыргызских погребальных памятников с оружием началось в XIX в. Одним из первых подобное надмогильное сооружение обнаружил во время путешествия в 1856 г. Ч.Ч. Валиханов в долине р. Тюп, близ ее устья, в окрестностях оз. Иссык-Куль. В этой местности им была зарисована кыргызская могила с прямоугольной глинобитной зубчатой оградой, над которой возвышается наклонно стоящий деревянный шест, увенчанный бунчуком. К древку шеста был прикреплен лук с натянутой тетивой [Валиханов, 1984, с. 331]. На этом же кыргызском кладбище он зарисовал и описал монументальное сооружение – *гумбез*, возведенный над могилой известного в XIX в. кыргызского батыра Ногоя из рода Салмеке, умершего за полтора десятилетия до этой поездки, а также его сына Джантая. Этот гумбез представлял собой сооружение с высоким порталом и куполом. Он был сделан и расписан мастерами из Кашгара [Валиханов, 1984, с. 330–331].

Посетивший этот же памятник в 1857 г. П.П. Семенов-Тянь-Шанский осмотрел его и оставил довольно подробное описание. По словам этого

*Работа выполнена согласно договору с РЕЛЕРО по проекту «История военного дела народов Южной Сибири и Центральной Азии в средние века».

путешественника, мавзолей Ногая находился в местности Тасма, в междуречье Джаргалана и Тюпа. Его соорудили по заказу родственников богинского батыра Ногая, умершего в 1842 г., «лучшие кашгарские мастера». Памятник имел «вид небольшого храма восточной архитектуры с куполом и башней». Купол был расписан «черезвычайно грубыми фресками, на которых изображен сам Ногай на коне с длинной пикой в руке, за ним – также на коне его сын Чон-Карач и далее все члены семейства Ногая и ряд выючных верблюдов» [Семенов, 1946, с. 182–183]. Строительство и роспись мавзолея обошлись родственникам Ногая очень дорого. Они заплатили кашгарским мастерам «две ямбы серебра, два верблюда, пять коней и 3 000 баранов» [Семенов, 1946, с. 183].

Судя по этим описаниям, у кыргызов Тянь-Шаня в XIX в. существовала традиция помещать на могилы выдающихся батыров их оружие или наносить на мавзолей изображение умершего человека с оружием в руках.

Близкая погребальная традиция бытовала у некоторых групп казахов. Об этом свидетельствуют гумбезы с установленными шестами, к которым прикреплены хвосты домашних животных или знамена. В XIX в. подобные надмогильные сооружения зафиксированы И.А. Кастанье в северных, восточных и южных районах казахских степей [1911, табл. XX] (рис. 1). В Прикаспийских степях Казахстана в составе надмогильных сооружений казахов обнаружены шесты с привязанными к ним лентами. В этом регионе в XX в. изучены каменные надгробия с изображениями воинов и воинских атрибутов: копий со знаменами, луков и колчанов, ружей, сабель, кинжалов, боевых топоров, воинских поясов и плетей [Тасмагамбетов, 2001, с. 275–280, 283–286, 290–298, 300–316]. Они символизируют воинскую

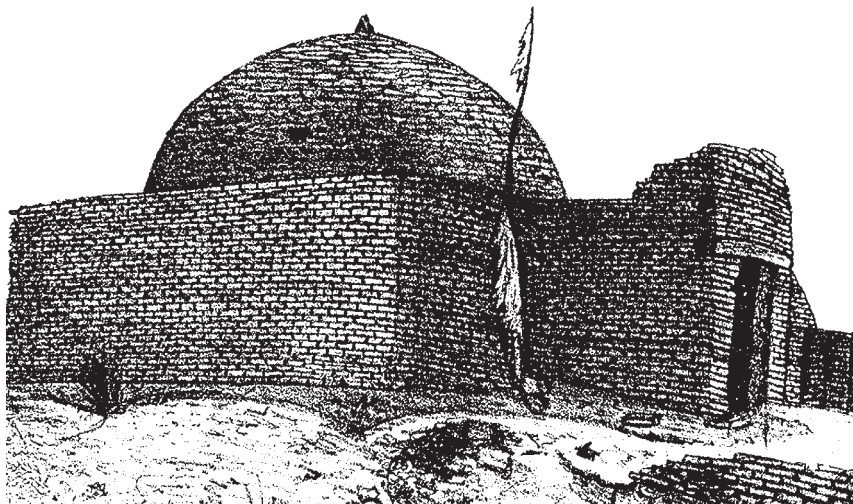

Рис. 1. Мавзолей Сунак-Аты. Казахстан, Тургайская область (по И.А. Кастанье).

доблесть умерших казахских батыров. В погребальной обрядности кыргызов Тянь-Шаня эта традиция в трансформированном виде сохранилась до второй половины XX в.

Согласно материалам, собранным среди кыргызов С.М. Абрамзоном, погребальные склепы сооружались кыргызами таким образом, чтобы боевое копье могло устанавливаться и свободно вращаться [1961, с. 114]. По его мнению, оружие использовалось кыргызами не только в погребальных, но и в поминальных обрядах. По сведениям, полученным от информатора Нуралы, иногда во время совершения поминальной тризны кыргызы сажали на двух или трех лошадей манекены, изображающие воинов в одежде и с саблями на поясе. Этих лошадей с манекенами охранял особый участник тризны, вооруженный копьем и саблей умершего батыра [Абрамзон, 1971, с. 333].

По сведениям Б.П. Шишло, у кыргызов умершего мужчину-воина символизировала его пика – *найза*, нижней конец древка которой втыкался в землю внутри юрты, а верхний возвышался над юртой. К конкейнику найзы привязывали флаг, цвет которого соответствовал определенному возрасту умершего. В память об умершем юноше вывешивали красный флаг, в честь мужчины средних лет – флаг черного цвета, в память о старом человеке – белый флаг. При перекочевках копье несли перед лошадей покойного [Шишло, 1975, с. 249].

Практиковался особый обряд «преломления найзы». Для его совершения специально приглашенный джигит должен был сломать пополам древко копья. После этого, согласно одним данным, древко втыкали в могилу в изголовье умершего, по другим – сжигали вместе с вымпелом [Шишло, 1975, с. 250]. Подобный обряд преломления древка копья существовал и у казахов [Кастанье, 1911, с. 72].

В ходе изучения современных кыргызских надмогильных сооружений Б.А. Дуйшеев зафиксировал разные типы *гумбезов* с шестью или копьями. Среди них выделены надмогильные сооружения, у которых с двух сторон передней арки установлены шести с бунчуками [Дуйшеев, 1986, с. 102, 121]. В трансформированном виде подобный обряд сохранился у кыргызов до современности. Во время полевых исследований в Алайской долине одним из авторов на современных кыргызских кладбищах в окрестностях сел Кун-Элек, Булоолуу, Кызыл-Алай и Чон-Добо зафиксированы шести с заостренными наконечниками и прикрепленными к ним бунчуками – хвостами яков. Внешний вид таких шестов напоминает вертикально установленное копье с бунчуком [Орозбекова, 2009, с. 271–272]. По сведениям информаторов, похожий обычай был распространен среди кыргызов, проживавших в Джергетальском районе Таджикистана [Орозбек кызы..., 2005, с. 347].

Надмогильным сооружениям кыргызов Алайской долины присущи характерные особенности, не сохранившиеся в других районах Кыргызстана. К числу таковых можно отнести столбы или шести с заостренным

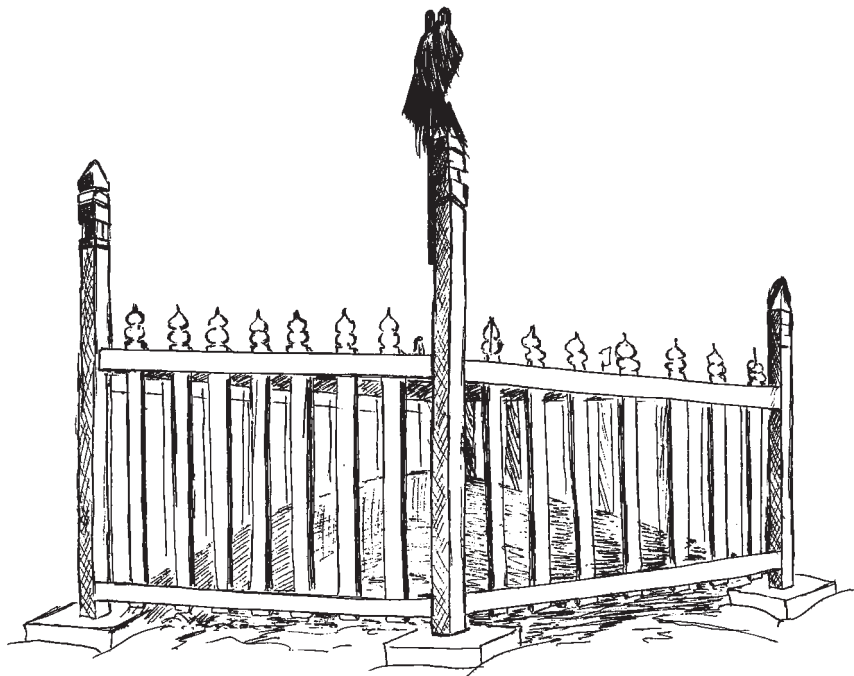

Рис. 2. Надмогильное сооружение с хвостом яка. Кыргызстан, Алайская долина.

навершием, напоминающим наконечник копья, к которому прикреплялся бунчук, изготовленный из хвостов яка черного или белого цвета (рис. 2). Вполне вероятно, что эти конструктивные элементы могут восходить к средневековой воинской традиции.

Список литературы

- Абрамзон С.М.** О некоторых типах погребальных сооружений у киргизов // КСИА. – 1961. – Вып. 86. – С. 113–116.
- Абрамзон С.М.** Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Л., Наука, 1971. – 403 с.
- Валиханов Ч.Ч.** Дневник поездки на Иссык-Куль 1856 г. // Собр. соч. в 5-ти т. – Алма-Ата: Глав. ред. Казах. сов. энциклопедии, 1984. – Т. I. – С. 306–357.
- Дуйшеев Б.А.** Память Тянь-Шаня: исторические очерки о памятниках Киргизстана XVIII–XIX веков. – Фрунзе: Мектеп, 1986. – 120 с.
- Кастанье И.А.** Надгробные сооружения киргизских степей. – Оренбург: Тип. Тургайск. обл. правл., 1911. – 103 с.
- Орозбек кызы Ж.** Обряд вывешивания хвостов яков на могилах кыргызов Тянь-Шаня // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности: культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности:

мат-лы I (XLV) РАЭСК (12–16 апреля 2005 г.). – Иркутск: Изд-во РПЦ «Радиан», 2005. – С. 347–348.

Орозбекова Ж. Надмогильные сооружения кыргызов Тянь-Шаня (предварительные сведения по материалам этноархеологического исследования могильников Куртук-Ата, Орто-Орукту, Мукаачы) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. – 2009. – Т. 8, вып. 5: Археология и этнография. – С. 270–274.

Семенов П.П. Путешествие в Тянь-Шань 1856–1857 годах. – М.: Гос. изд-во. географ. лит., 1946. – 256 с.

Тасмагамбетов И. Кулпытас. – Астана: ОФ «Берел», 2001. – 392 с.

Шишло Б.П. Среднеазиатский тул и его сибирские параллели // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. – М.: Наука, 1975. – С. 248–260.

*Ю.С. Худяков, К.Ш. Табалдиев,
А.Ю. Борисенко, К.Т. Акматов*

ИЗУЧЕНИЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ ВОИНОВ НА ПЕТРОГЛИФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ ПРИИССЫККУЛЬЯ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ КЫРГЫЗСТАНА*

В сентябре 2012 г. сотрудникам ИАЭТ СО РАН и их кыргызским коллегам (археологам и музейным работникам) удалось совершить поездку по некоторым городам Чуйской долины и Иссык-Кульской котловины Кыргызстана. Были осмотрены местонахождения петроглифов, скопированы изображения средневековых воинов и охотников, исследованы древние и средневековые предметы вооружения из собраний музеев Бишкека, Бураны и Чолпон-Аты.

При осмотре петроглифов, расположенных на северном берегу оз. Иссык-Куль, в окрестностях с. Орнок [Улеманн, 2003, с. 12; Акматов, 2008, с. 11–18] выяснилось много интересного. Рисунки нанесены техникой точечной выбивки на поверхность крупных валунов, расположенных в составе моренных выходов восточнее села. Рисунки выполнены в стилистической манере силуэтного контррельефа и передают изображения пеших и конных воинов, охотников с луками в руках. На орнокских рисунках у стрелков показаны сложносоставные луки с загнутыми концами, выгнутыми плечами, вогнутой серединой, натянутой тетивой и настороженной стрелой. Такие луки появились в сакское время и получили дальнейшее развитие в гуннскую и древнетюркскую эпохи. На изображениях всадников воспроизведены налучья в виде длинного чехла с загнутым верхним концом. Луки помещались внутри таких чехлов со снятой тетивой. Подобные налучья характерны для кочевников Тянь-Шаня гуннского времени и рубежа раннего средневековья. Из других видов оружия у воинов и охотников показаны длинные прямые клинки, мечи или палаши, подвешенные к поясу. На некоторых рисунках выделена прическа: волосы, собранные в пучок или заплетенные в косу. На некоторых фигурах показана верхняя одежда или защитный доспех, расширяющийся к нижнему краю подола одежды. У лошадей, на которых сидят верхом всадники, выполнены начельные султаны и выделены особенности породы. На одном из рисунков у коня показана подшейная кисть.

На петроглифическом памятнике Чийин-Таш, расположенном в отрогах Терской Ала-Тоо, техникой точечной выбивки и резной гравировки

*Работа выполнена согласно договору с РЕЛЕРО по проекту «История военного дела народов Южной Сибири и Центральной Азии в средние века».

выполнены разнообразные рисунки, рунические надписи и тамгообразные знаки, датируемые эпохой средневековья и этнографической современностью [Табалдиев, 2011, с. 98–99; рис. 1–4]. На рисунках этнографического времени охотники изображены стреляющими из ружей с сошками, которые использовались кыргызами вплоть до начала XX в.

В нескольких музеях разных городов Иссык-Кульской котловины и Чуйской долины нами изучены предметы вооружения разных древних и средневековых кочевых народов Кыргызстана. В собрании Иссык-Кульского музея-заповедника в г. Чолпон-Ата хранится несколько предметов вооружения эпохи бронзы и сакской культуры. Они обнаружены по берегам и под водами оз. Иссык-Куль. Наибольшее число таких находок происходит из окрестностей с. Таштак (Джаркумбаево). Среди них бронзовые втульчатые наконечники копий с двухлопастным пером, кинжалы с двулезвийным клинком, ломаным перекрестьем, цельнолитой рукоятью и брусковидным навершием, а также кельты с боковыми ушками [Табалдиев, 2007, с. 52; рис. 1, 3; Иванов, 2007, с. 58; рис. 1, 1].

В коллекции музея железные наконечники стрел представлены разными формами. Черешковый трехлопастной наконечник с удлинненно-ромбическим пером найден в ходе раскопок городища Чон-Байсорун X–XII вв. Среди наконечников стрел, обнаруженных в разное время в окрестностях Чолпон-Аты, есть изделия трехлопастного, трехгранно-трехлопастного и плоского сечения, бытовавшие в гуннское, древнетюркское и монгольское время. Интересны обломки срединных боковых и срединной фронтальной накладок лука, которые были на вооружении у кочевников в I тыс. н.э. [Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 78, 84].

Отдельные образцы оружия, найденного на берегах оз. Иссык-Куль, в настоящее время хранятся у местных жителей. В их числе бронзовый черешковый двулезвийный кинжал, который должен относиться к развитому бронзовому веку.

Интересная коллекция средневекового оружия хранится в музее «Башня Бурана» близ г. Токмака. В этом музейном собрании представлено значительное количество железных наконечников стрел, собранных преимущественно на площади средневекового городища, рядом с которым расположен музей, и на соседних памятниках. Среди них стрелы с плоскими, трехгранными, четырехгранными и округлыми в сечении наконечниками. Подобные наконечники найдены и на других памятниках Чуйской долины [Кожомбердиев, Худяков, 1995, с. 112].

Особый интерес у специалистов по истории военного дела должен вызвать средневековый пластинчато-кольчатый панцирь. На территории Кыргызстана найдены и изучены различные формы панцирей гуннского времени и раннего средневековья [Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 92–98; 1996, с. 120–122]. Есть в коллекции этого музея, помимо упомянутого выше панциря, хорошо сохранившийся фрагмент кольчужного доспеха, который можно датировать эпохой позднего средневековья.

В музее под открытым небом собрано большое количество древнетюркских каменных изваяний. Среди них детально проработанные скульптуры, передающие облик древнетюркских воинов с кинжалами и саблями в руках [Табалдиев, Шаменова, 2006, с. 4].

Весьма занимательные для изучения военного дела средневекового населения Кыргызстана предметы вооружения хранятся в музеях Бишкека. Так, в музее Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына нами осмотрены находки со средневековых памятников Внутреннего Тянь-Шаня. В составе коллекции железные наконечники стрел разных форм и втульчатый наконечник копья из раскопок курганов культуры древних тюрков Кочкорской долины, железный втульчатый и проушный топоры, относящиеся к эпохам раннего и позднего средневековья.

Очень информативна коллекция роговых накладок луков, железных и костяных наконечников стрел из памятников гуннского времени и эпохи развитого средневековья хранится в археологическом собрании Кыргызско-Турецкого университета «Манас». Здесь представлены цельные, составные, концевые, срединные боковые и срединная фронтальная накладки от сложносоставных луков, железные двухлопастные и трехлопастные и костяной шипастый наконечники стрел из раскопок и сборов курганов и городищ Иссык-Кульской котловины и Чуйской долины.

Одно из представительных и динамично формируемых собраний археологических находок в настоящее время находится в учебном Археолого-этнографическом музее Кыргызско-Российского славянского университета в г. Бишкеке. В составе коллекции много предметов вооружения из памятников, расположенных по берегам и на дне оз. Иссык-Куль, собранных подводной экспедицией университета [Лужанский и др., б.г., с. 2–15; Подводные тайны..., 2010. – с. 3–21]. В последние годы музей стал активно приобретать археологические предметы из частных коллекций собирателей и кладоискателей, стремясь предотвратить продажу вещей за границу. Здесь хранится много находок с разных памятников Чуйской долины. Большой интерес для исследователей представляют бронзовые и железные предметы вооружения, художественные изделия из цветных металлов. Среди них бронзовые кинжалы, наконечники копий и стрел, железный наконечник копья и бронзовая бляшка с изображением всадника, стреляющего из лука.

Наибольшим разнообразием по количеству предметов вооружения и видов оружия отличается археологическое собрание Государственного исторического национального музея Кыргызстана. В составе изученной коллекции роговые накладки луков, железные наконечники стрел, мечи, палаши и кинжалы, фрагменты панцирей и кольчуг из археологических памятников гуннского времени и захоронений западных тюрков, из раскопок средневековых городов.

Собранные материалы могут составить основу источниковой базы для реализации российскими и кыргызскими археологами заявленного проек-

та по истории военного дела средневековых номадов Кыргызстана и сопредельных районов Центральной Азии.

Список литературы

Акматов К.Т. Петроглифы Орнока // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. – Бишкек: Илим, 2008. – Вып. 3. – С. 11–18.

Иванов С.С. Копья саков Центральной Азии // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2007. – С. 58–65.

Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 75–106.

Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С. Коллекция средневекового оружия с территории Кыргызстана // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. – Бишкек: Илим, 1995. – С. 110–119.

Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С. Древнетюркский панцирь из Кыргызстана // Древний и средневековый Кыргызстан. – Бишкек: Илим, 1996. – С. 120–125.

Лужанский Д.В., Плоских В.В., Ставская Л.Г. Археолого-этнографический музейный комплекс КРСУ. – Бишкек, б.г. – 15 с.

Подводные тайны и нераскрытые загадки Иссык-Куля. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2010. – 55 с.

Табалдиев К.Ш., Шаменова А.А. Бурана. Республиканский археолого-архитектурный музей-комплекс «Башня Бурана». – Бурана; Бишкек, 2006. – 16 с.

Табалдиев К.Ш. Кинжалы и клад бронзовых изделий из Кыргызстана // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2007. – С. 47–57.

Табалдиев К.Ш. Древние памятники Тянь-Шаня. – Бишкек: Ун-т Центр. Азии, 2011. – 318 с.

Улемани К. Кыргызстан: биосферная территория Ысык-Кель. Культурно-исторические памятники. – Бишкек: ГДБТ «Ысык-Кель»; Герм. об-во по тех. сотрудничеству, 2003. – 86 с.

ПЕТРОГЛИФЫ В СТИЛЕ ОЛЕННЫХ КАМНЕЙ НА АЛТАЕ: НОВЫЕ НАХОДКИ И РАЗМЫШЛЕНИЯ*

Изобразительные памятники «большого», эпохального, тотально господствующего на протяжении многих веков и имевшего множество ремисценций «звериного» стиля в искусстве Евразии привлекают пристальное внимание археологов, искусствоведов и культурологов. Множество вопросов, связанных с происхождением и содержанием этого искусства, остаются дискуссионными [Подольский, 2010]. За последние полвека все отчетливее выявляются черты и характеристики стиля, предшествующего и, очевидно, генетически связанного с искусством звериного стиля скифской эпохи – «стиля оленных камней» [Волков, 2002; Савинов, 1990, 1994 и др.]. Особенности данной изобразительной традиции столь выразительны, что иногда ее проявления усматривают там, где их, на мой взгляд, нет и в помине.

Данный стиль, как и звериный стиль скифской эпохи, определен характером изображений животных, стилизованных в особой манере. Прежде всего, это своеобразно трактованный образ благородного оленя-марала на каменных изваяниях, сконцентрированных на территории Восточной и Центральной Монголии и Забайкалья. В Центральной Азии и Южной Сибири многочисленны петроглифы, в которых представлен тот же персонаж – олень с огромными рогами, горбиком на спине, подогнутыми, часто редуцированными конечностями и специфически стилизованной мордой. На изваяниях монголо-забайкальского типа, которые сегодня ряд исследователей определяют как памятники наиболее раннего этапа в сложении традиции монументальной скульптуры, изображения оленей традиционно трактуются как воспроизводящие на фигуре воина либо металлические бляшки, либо аппликации на одежду, либо татуировки.

Исследователи неоднократно отмечали особенности стиля изображений животных на оленных камнях и петроглифах Евразии (А.П. Окладников, Н.Н. Диков, В.В. Волков, М.П. Грязнов, М.Х. Маннай-оол, Э.А. Нов-

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №11-01-00489а) и Министерства образования и науки Российской Федерации (соглашение 14.В37.21.0995 «Генезис изобразительных традиций в древнем искусстве Сибири и сопредельных территорий [междисциплинарные исследования археологических материалов]»).

городова, Д.Г. Савинов, Н.Л. Членова, М.А. и Е.Г. Дэвлет, В.Д. Кубарев, Я.А. Шер, З.С. Самашев, О.С. Советова, М.Е. Килуновская, В.А. Семенов, Д. Цэвээндорж, Э. Якобсон и др.). Д.Г. Савинову принадлежит наиболее глубокая разработка проблем, связанных с семантикой оленных камней и образа стилизованного оленя в контексте изучения традиций монументальной скульптуры и петроглифов в культуре кочевников Евразии [1990, 1994, 1998]. Очень перспективными представляются его идеи поиска истоков стиля оленных камней в традициях наскального искусства Центральной Азии и Южной Сибири.

Большой интерес представляют петроглифы в стиле оленных камней [Савинов, 1990; Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А., 2012]. Петроглифы, совершенно аналогичные по иконографии и стилистике изображениям на изваяниях, имеют специфику прежде всего в плане организации изобразительного пространства. Границы скальных плоскостей, в отличие от поверхности изваяний, гораздо менее ограничены, что давало возможность носителям традиции и авторам петроглифов гораздо свободнее воспроизводить содержание, заложенное в отдельные фигуры животных и многофигурные композиции с их участием.

Семантика образа стилизованного оленя не раз вызывала дискуссии [Грязнов, 1978; Кубарев, 2002]. Фигура орнаментально стилизованного оленя с вытянутой мордой, согласно устоявшимся описаниям и определениям, которым следуют археологи, искусствоведы и этнографы, являет сходство с птицей или даже обретает черты птицы. В результате в трудах исследователей стилизованные олени, изображенные на изваяниях монголо-забайкальского типа и наскальных рисунках, определяются как «олени с птичьими клювами», «клювоголовые», «птицевидные», «летающие», «парящие», «олене-птицы», «птице-олени» и т.п. На мой взгляд, изображения оленей вовсе не имеют птичьих черт, а своеобразие трактовки морды оленя определено семантикой образа «трубящего» марала-самца во время гона [Черемисин, 2009]. Мне кажется, что изначально не имеющие никаких «орнитологических» семантических смыслов олени наскального искусства и монументальной скульптуры рубежа бронзового и раннего железного века Евразии приобрели их лишь в интерпретациях археологов, а также искусствоведов, этнографов, краеведов, историков, «культурологов» и т.п.

Неоднократно отмечалось своеобразие петроглифов со стилизованными оленями. Построение наскальных композиций как будто воспроизводит ту же семантику, закодированную в структуре изображений на изваяниях, где животные вписаны одно в другое, фигуры развернуты «по спирали» на камнях снизу вверх или в обратном направлении. Например, в не так давно опубликованных петроглифах Монгольского Алтая (памятник Цаган-Салаа, композиция № 1276 [Кубарев, 2009, с. 37, с. 383]) «взаимовписаны» фигуры шести или семи стилизованных оленей с редуцированными конечностями, что соответствует канонам их изображений на изваяниях

(см. также композицию № 1140, правый берег р. Цаган-Гол [Кубарев, 2009, с. 349] и сцену из Хар-Салаа IV [Кубарев, 2009, с. 151]).

Более свободно, но аналогичным образом выстроена композиция № 638 из Хар-Салаа VI [Кубарев, 2009, с. 211], где присутствует еще один персонаж композиции – хищник (миниатюрная фигура). Вообще, наиболее часто повторяющийся сюжет с участием стилизованных оленей в петроглифических композициях – это включение их в качестве преследуемых или атакуемых хищниками животных или как добычи охотника (возможно, жертвы) [Кубарев, 2005, с. 144, 158, 164, 353, 373; 2009, с. 173 и др.].

В петроглифах на скалах Северного Китая неоднократно зафиксированы композиции, в которых воспроизводится построение и структура изобразительного ряда оленных камней (петроглифы гор Хелань и Инь-Шань) [Черемисин, 1998, с. 611, рис. 2, 1, 2, 4, 5]. Новые материалы, недавно в более полном объеме опубликованные в Китае, демонстрируют устойчивость и распространенность данной традиции в петроглифах Северного Китая. Серия петроглифов в стиле оленных камней открыта в отрогах Алтайских гор на территории Синьцзяна, где известны изваяния монголо-забайкальского типа.

На памятнике Кара-Оюк на юго-востоке Российского Алтая автором зафиксировано включение стилизованного «клювовидного» оленя в сцену, где в него стреляет лучник, удерживающий лошадь за повод (рис. 1). Перспективным представляется изучение петроглифических композиций с центральной или одной из многих фигур оленей монголо-забайкальского

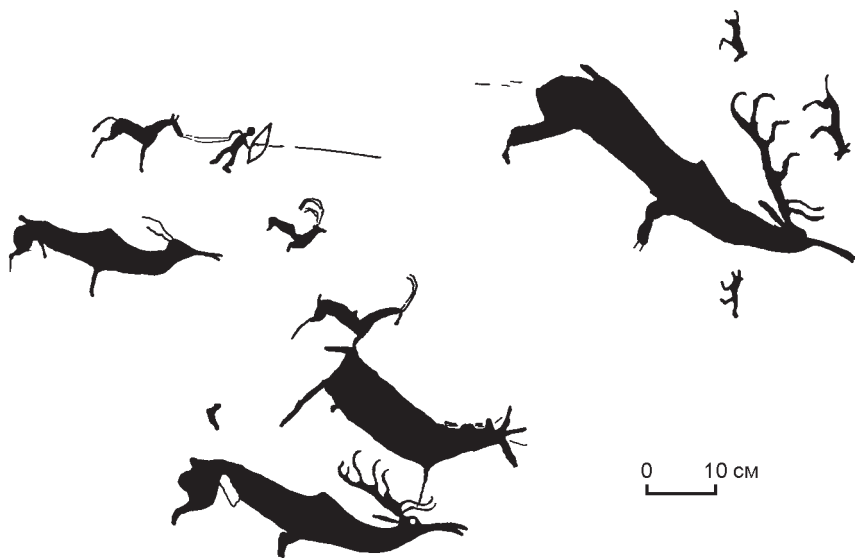

Рис. 1. Кара-Оюк, Алтай.

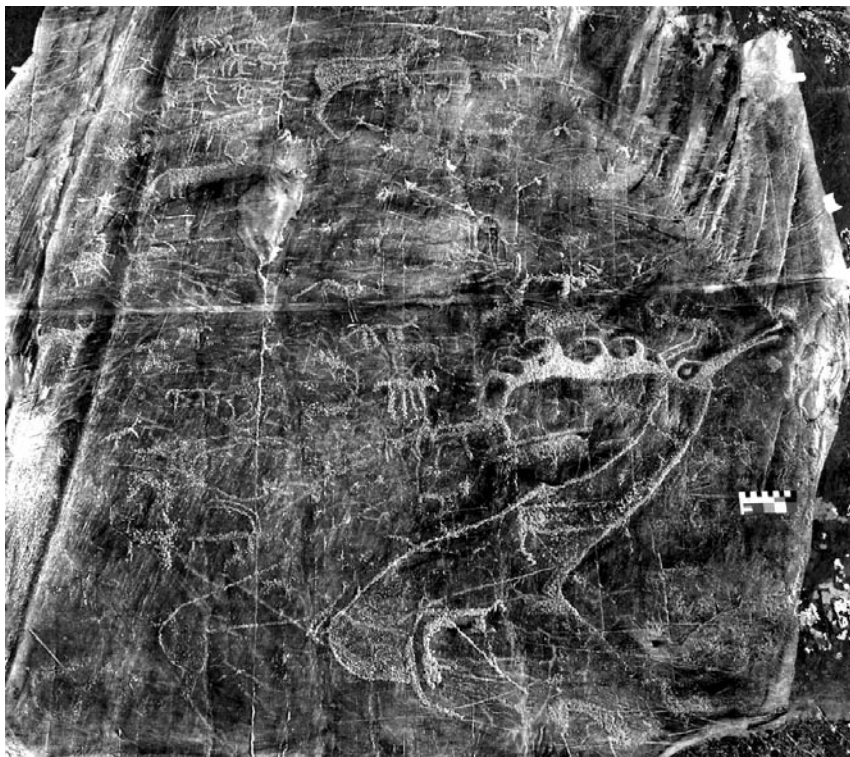

Рис. 2. Кускунур, Алтай.

типа в плане выделения определенных сюжетов и сравнительного анализа иконографии персонажей. Иногда в композиционном единстве со стилизованными оленями представлены фигуры животных, выполненные в совершенно иной стилистике. В другом контексте с «монголо-забайкальским стилем» особенности их иконографии связать было бы невозможно. Также чрезвычайно интересны наскальные композиции с оружием, напрямую отсылающие исследователей к структуре изображений на оленних камнях (см. сцену из Баруун Цахир II [Цэвээндорж, 1999, с. 266, 1], где фигура оленя выбита на скале вертикально относительно кинжалов, аналогично изображениям на изваяниях воинов с оружием).

Новые материалы, полученные автором в ходе исследования петроглифов на юго-востоке российского Алтая, расширяют базу для сравнительного изучения. На скальном останце в долине р. Кускунур (бассейн р. Талдура) зафиксирована многофигурная композиция и палимпсест с центральной фигурой стилизованного оленя. При этом вторая фигура оленя меньших размеров вписана таким образом, что передняя нога марала редуцирована (рис. 2). Изображения других животных выполнены в иной манере.

В долине р. Чуи, в районе Калбак-Таша, открыт новый памятник с многофигурной композицией, где центральными персонажами тоже являются два оленя, стилизованные в соответствии с канонами оленных камней монголо-забайкальского типа. Большой интерес представляет фигуры кабанов на этой плоскости, характерных для оленных камней саяно-алтайского типа. Исследователям древностей Алтая хорошо известна ситуация с оленными камнями: из чуть более ста изваяний, согласно сводке В.Д. Кубарева, лишь два имеют изображения стилизованных («клювовидных») оленей, а преобладают изваяния других типов. При этом в наскальном искусстве множеством петроглифов представлена именно традиция оленных камней монголо-забайкальского типа с центральной фигурой стилизованного «клювовидного» оленя. Эти факты еще ждут своего объяснения и аргументированной трактовки.

Изучение образа зверя, «который был сам по себе» (М.Л. Подольский), можно дополнить исследованием «в сообществе», так сказать в изобразительном биоценозе, в сюжетном, содержательном контексте, а также в контексте зарождения и развития традиций наскального искусства Евразии, в свете невидимых ранее «раннескифских» гравировок [Миклашевич, 2012] и новых находок. Возможно, так мы сможем приблизиться к определению места, где «расправил крылья» и откуда взлетел ставший символом эпохи летящий скифский олень.

Список литературы

Грязнов М.П. Саяно-алтайский олень (этюд на тему скифо-сибирского звериного стиля) // Проблемы археологии: сб. ст. в память проф. М.И. Артамонова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. – Вып. II. – С. 222–232.

Дэвлет Е.Г., Дэвлет М.А. Об изображении «скифских оленей» в наскальном искусстве и на оленных камнях // «Terra Scythica»: Мат-лы междунар. симпоз. (17–23 августа 2011 г., Денисова пещера, Горный Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – С. 53–63.

Кубарев В.Д. Образ оленя в петроглифах Евразии // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб., 2002. – С. 70–76.

Кубарев В.Д. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 640 с.

Кубарев В.Д. Петроглифы Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 420 с.

Миклашевич Е.А. Техника гравировки в наскальном искусстве скифского времени // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. – Москва; Кемерово: Кузбассвуиздат, 2012. – С. 157–202.

Подольский М.Л. Зверь, который был сам по себе, или феноменология скифского звериного стиля. – СПб.: Элексис, 2010. – 192 с.

Савинов Д.Г. Петроглифы в стиле оленных камней // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М.: Изд-во Ин-та археологии АН СССР, 1990. – С. 174–181.

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994. – 209 с.

Савинов Д.Г. Карасукская традиция и «аржано-майэмирский» стиль // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. – СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. – С. 132–136.

Черемисин Д.В. Стиль оленных камней в петроглифах Алтая // Сибирь в панораме тысячелетий: мат-лы междунар. симпоз. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 609–614.

Черемисин Д.В. Еще раз об интерпретации образа оленя в наскальных изображениях и на каменных изваяниях Южной Сибири и Центральной Азии // Homo Eurasicus у врат искусства: сб. тр. междунар. конф. – СПб.: Астерион, 2009. – С. 302–306.

О ХРОНОЛОГИИ МОГИЛЬНИКА ЮЙХУАНМЯО (КИТАЙ)*

Могильник Юйхуанмяо расположен неподалеку от г. Пекина, у южных склонов гор Цзюньдушань. В 1986–1991 гг. на могильнике вскрыто более 400 погребений, в т.ч. элитные захоронения с большим количеством бронзовых изделий. По этому памятнику названа своеобразная культура горных районов севера провинции Хэбэй, к которой отнесено более 20 памятников [Могильники в горах..., 2007; У Энъ, 2007, с. 276; др.]. На всех участках в Юйхуанмяо могилы располагались довольно плотно. В некоторых местах прослеживались неровные меридиональные ряды. Могилы ориентировались длинной осью в широтном направлении, с небольшими отклонениями. Большинство могил имели подпрямоугольную форму (размеры 2,6×1 м, глубина 1,5–2 м). Самые крупные из них (элитные) достигали в длину 3,5 м, а в глубину – 2,5–3 м. В верхней или средней частях могил иногда устраивали уступы для перекрытия. На дне могил обычно фиксировалось обложенное деревом узкое, прямоугольное в плане углубление, в котором был погребен один человек в положении на спине, вытянуто, головой на восток. В головах, вплотную к черепу, ставили крупный керамический сосуд. Остальной инвентарь тоже располагался рядом с умершим. В верхней части могилы, над головой умершего, часто находили обращенные к востоку черепа и кости ног крупного рогатого скота и лошадей. Элитные захоронения в крупных могилах производились только на ранних этапах существования захоронения. Ориентация умерших постепенно менялась с восточной – юго-восточной на восточную – северо-восточную.

В 1980-е гг. примерно в 11 км восточнее Юйхуанмяо велись раскопки еще двух могильников – Хулугоу (153 могилы) и Силянгуан (43 могилы). Полученные материалы с могильников в горах Цзюньдушань недавно были опубликованы в шести томах [Могильники в горах..., 2007, 2010]. Столь значительная источниковая база позволяет вновь обратиться к давно дискутируемому в китайской литературе вопросу о хронологических рамках культуры *юйхуанмяо* и самого могильника Юйхуанмяо.

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№12-01-00301а) «Хронология и синхронизация погребальных памятников VIII–III вв. до н.э. кочевников Саяно-Алтая и Северного Китая».

Несмотря на значительное количество в захоронениях Юйхуанмяо китайских бронзовых изделий, относительно времени существования археологической культуры имеются существенные разногласия. По мнению некоторых исследователей из Китая (Цзинь Фэньи и др.), культура датируется с начала периода Чуньцю до середины Чжаньго, т.е. примерно с 750 по 400–350 гг. до н.э. Близкую позицию занимает южнокорейский археолог Кан Ин Ук, предлагающий на примере могильника Сяобайян датировать культуру с конца VII – **первой половины VI по конец V – середину (конец) IV в. до н.э.** [Кан Ин Ук, 2011, с. 92]. Большинство специалистов сужают рамки существования культуры до 300 лет (примерно 750–450 гг. до н.э.). Самые ранние захоронения из могильников Юйхуанмяо и Сялянхуан относятся ими к началу Чуньцю (VIII в. до н.э.), а поздние в могильнике Бэйсиньбао – к Чжаньго (около 450 г. до н.э.) [У Энь, 2007, с. 279].

Могильник Юйхуанмяо, как правило, датируют в рамках Чуньцю (770–476 гг. до н.э.). На основе стратиграфических наблюдений за характером залегания перекрывавших захоронения «лессово-песчанистых почв» установлено, что могильник последовательно формировался с северо-западной оконечности выбранной под кладбище площадки: сначала в восточном направлении, а затем – в южном. Это подтверждает и сравнительный анализ находок: в северо-западной и северной частях они более ранние. В обобщающей публикации материалов время существования могильника разделено на три этапа, которым соответствуют три последовательно функционировавших участка [Могильники в горах..., 2007, с. 1431–1432].

Наиболее ранним (первый этап) является сравнительно небольшой возвышенный северо-западный участок «Север I», **в центре которого располагались элитные захоронения M18 (мужское) и M2 (женское) с бронзовыми сосудами, конским снаряжением, а также оружием и поясной фурнитурой (M18).** Авторы раздела по хронологии могильника видят аналогии бронзовым сосудам и клевету в материалах могильника Чжунчжоулу на средней Хуанхэ, датируемого периодом Чуньцю. С учетом еще более ранних погребений, время функционирования кладбища на участке «Север I» определено с начала и по **конец первого этапа Чуньцю (около 770–670 гг. до н.э.)** [Юйхуанмяо..., 2007, с. 1431], т.е. **VIII – началом VII в. до н.э.** На втором этапе кладбище переместилось на участок «Север II», где выделяется элитное захоронение M250, датируемое по аналогиям из Чжунчжоулу средним этапом Чуньцю (около 670–570 гг. до н.э.). Большинство выявленных на могильнике захоронений совершались на территории к югу от участка «Север II», **на третьем этапе функционирования могильника, примерно в 600–520 гг. до н.э.** Такую же дату для этого участка определяют по гидрологии [Могильники в горах..., 2007, с. 1432].

Относительная хронология захоронений в Юйхуанмяо прослеживается также в погребальном обряде и инвентаре, что представляет особый интерес для археологов Сибири и Казахстана, где крупные могильники VI в. до н.э. отсутствуют. Несомненный интерес представляет изменение рас-

положения оружия: тоже с севера на юг. В ранней северо-западной группе «Север I» кинжалы с ножами всегда (10 могил) находились слева, а наколенники стрел с клевцами, кельтами и «долотами» – справа. Иногда все оружие размещалось вместе с одной стороны (3 могилы). Похожая картина и в группе «Север II», но в ее южной части, наряду с традиционным расположением (8 могил), появляется большое количество захоронений (13 могил) с обратным размещением, когда кинжалы находились справа. На юге же могильника кинжалы почти всегда уложены по-новому – справа (38 могил), только в шести могилах слева. Как видим, за время функционирования могильника Юйхуанмяо находившиеся в оппозиции виды оружия поменялись местами: в большинстве погребений кинжалы и ножи стали размещать справа, а стрелы (очевидно, в горитах или колчанах) с кельтами и «долотами» – слева [Шульга, 2012].

Итак, имеются все основания считать, что кладбище в Юйхуанмяо функционировало постоянно, расширяясь сначала в восточном, а затем в южном направлениях. При этом более поздние подхоронения на ранних участках не совершались, следовательно, относительная хронология могил устанавливается и по их расположению относительно друг друга. Подобные наблюдения сделаны и в Синьцзяне на крупных могильниках культуры Чауху [Чауху в Синьзяне..., 1999; Хань Цзянь, 2007; др.], функционировавших примерно в течение 250 лет – с конца VIII по начало V в. до н.э. [Шульга, 2010, рис. 3]. В целом, китайскими исследователями получен массовый материал, позволяющий в деталях проследить все хронологические изменения погребального обряда, происходившие у местного населения с VIII по V вв. до н.э. **Значение этих открытий трудно переоценить**, однако проблема абсолютной хронологии актуальна и для могильников Северного Китая, где найдено большое количество датированных импортных вещей. Прежде всего, обратим внимание на радиоуглеродные даты. В последнее время по материалам IX–III вв. до н.э. из Южной Сибири в этом направлении проведена большая работа [Евразия..., 2005]. Получены серии дат, вполне соотносимых с археологическим материалом. В Китае же они зачастую находятся в явном противоречии, как по памятникам Синьцзяна [Шульга, 2010, с. 41–42, 125], так и Северного Китая.

Остановимся лишь на датах, опубликованных и рассмотренных в одном из разделов итогового труда по раскопкам трех могильников культуры юйхуанмяо в горах Цзюньдушань [Могильники в горах..., 2010, с. 786–788]. Определения проводились в лабораториях Пекинского университета и Института археологии Китайской академии наук. Анализировались найденные в могилах кости животных и угли (две пробы). Результаты анализов, согласно дипломатичной формулировке авторов раздела, «очень плохо соотносятся» с «фактическим возрастом» Юйхуанмяо и двух других могильников. Если называть вещи своими именами, то они между собой совсем не соотносятся. Наибольший разброс произошел в данных Пекинского университета (определения производились в 1990–1991 гг.):

из десяти проб, взятых в Юйхуанмяо, шесть датированы XVI–IX вв. до н.э., одна – VIII в. до н.э., две – VI в. до н.э., одна – II–I вв. до н.э. По данным Китайской академии наук (определения производились в 2000–2001 гг.) разброс небольшой, но все семь дат по Юйхуанмяо указывают более позднее время – в основном IV–II вв. до н.э. При этом расхождения между определениями указанных лабораторий по элитным могилам M18 и M250 с представительными вещевыми комплексами составили соответственно 850 и 500 лет. Использовать такие даты, конечно же, нельзя.

Позволим себе сделать несколько замечаний и предположений относительно анализа датировок Юйхуанмяо. Часть инвентаря (украшения, поясная фурнитура, удила) и погребальный обряд из Юйхуанмяо имеют прямые аналогии в культуре плиточных могил и в памятниках дворцового типа Забайкалья [Шульга, 2010]. Последние несомненно захватывают раннескифское время и в целом могут датироваться в рамках конца (второй половины) VII–VI вв. до н.э. **Часть изделий в Юйхуанмяо имеет аналогии в Южной Сибири и Казахстане.** Это касается поясных и сбруйных обойм, набалдашника плети, троителей, трехгранно-трехлопастных наконечников стрел. Наиболее точными хронологическими индикаторами являются удила со стремечковидными и пешковидными окончаниями, использовавшиеся с двудырчатыми псалиями. Можно спорить об их абсолютной дате, но относительная не вызывает сомнения – финал раннескифской культуры, когда начинается трансформация основных деталей уздечки (удил и псалиев), приведшая к принципиальным изменениям в культурах пазырыкско-савроматского круга. В Южной Сибири этот период примерно падает на первую половину VI в. до н.э. **Очевидно, мнение Кан Ин Ука об отсутствии раннескифских вещей в материалах даже ранних памятников культуры юйхуанмяо и более поздней ее дате [2011, с. 92] не может быть принято.** В этом случае их можно было бы датировать не ранее середины VI в. до н.э., поскольку в прилегающих и отдаленных регионах до этого еще продолжали существовать яркие раннескифские культуры (Аржан-2, Чингетэй-1, Гилёво-10, Бойтыгем и др.). Нет веских аргументов и для датирования ранних погребений Юйхуанмяо началом VIII в. до н.э. **Фактически это означало бы их синхронизацию с архаичным Аржаном-1 и черноголовскими древностями.** В действительности основная масса погребений в Юйхуанмяо совершена в VI в. до н.э., что подтверждается материалами из Китая, России и Казахстана. Детальный анализ проблемы датирования памятников Северного Китая планируется опубликовать в готовящейся сводной работе по могильнику Юйхуанмяо на русском языке.

Список литературы

Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. – СПб: Теза, 2005. – 290 с.

Кан Ин Ук. Распространение звериного стиля в I тыс. до н.э. на территории провинции Ляонин (КНР) и Корейского полуострова в связи с культурой бронзо-

вых скрипковидных кинжалов // «Terra Scythica»: мат-лы междунар. симпоз. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – С. 82–96.

Шульга П.И. О хронологии и культурной идентификации памятников VIII–VI вв. до н.э. Забайкалья и Северного Китая // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: мат-лы междунар. науч. конф. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. – С. 135–140.

Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. (погребальные комплексы, хронология и периодизация). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. тех. ун-та, 2010. – 238 с.

Шульга П.И. Особенности расположения оружия на оленных камнях и в погребениях могильника Юйхуанмяо (Северный Китай) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. – Вып. 3. – С. 298–306.

Могильники в горах Цзюньдушань: Юйхуанмяо / Тр. Пекин. городского ин-та культур. наследия: в 4-х т. – Пекин: Вэнь У чубаньшэ, 2007. – 1660 с., 449 табл. (на кит. яз.) [北京市文物研究所编。 军都山墓地：玉皇庙。北京：文物出版社, 2007.10].

Могильники в горах Цзюньдушань: Хулугоу и Силянгуан / Тр. Пекин. городского ин-та культур. наследия: в 2-х т. – Пекин: Вэнь У чубаньшэ, 2010. – 850 с., 114 табл. (на кит. яз.) [军都山墓地. 葫芦沟与西梁洸/北京市文物研究所编著。一北京：文物出版社，2010.1.]

У Энь (Уньюэсыту). Исследование археологических культур северных степей: с эпохи бронзы до раннего железного века. – Пекин: Кэсюэчубаньшэ, 2007. – 386 с.

Хань Цзянье. Культуры Синьцзяна бронзового и раннего железного века. – Пекин: Вэнь У чубаньшэ, 2007. – 128 с.

Чауху в Синьцзяне: отчет о раскопках больших родовых могильников. – Пекин: Дун Фан чубаньшэ, 1999. – 416 с.

ЭТНОГРАФИЯ

К ВОПРОСУ О «ДИКОСТИ» ОЛЬХОНСКИХ БУРЯТ В XIX ВЕКЕ

В отечественной литературе XIX в. сложилось устойчивое представление, что населявшие о. Ольхон буряты отличаются дикими, на взгляд просвещенных европейцев, нравами. Существование такой нелестной характеристики отдельной группы бурятского народа требует выяснения причин ее появления.

Для начала вкратце вспомним историю заселения о. Ольхон *эхиритами* и некоторыми другими мелкими сообществами бурят (*сэгэнутами*, *галзутами* и т.д.). Период военного противостояния наступавших на восток русских казаков, служилых людей и этносов-предков предбайкальских бурят пришелся на 1630–1640-е гг. Последовавший разгром русскими отрядами западно-бурятского младоэтноса привел к большой миграции населения из степной зоны Предбайкалья в соседние горно-таежные области Восточного Присяянья, а также в Восточную Монголию и Забайкалье – под защиту халхасских ханов.

События этого времени напрямую коснулись жителей Ольхона, являвшихся частью хоринского племени, которое, как и другие этнические сообщества Предбайкалья и Западного Прибайкалья, оказывало сопротивление русскому завоеванию. Согласно челобитной, присланной царю от якутского воеводы, высадившись в сентябре 1643 г. на остров отряд Ивана Курбатова сразился с ополчением хоринцев. Бой закончился поражением последних, за которым последовали разграбление бурятских улусов, увод скота и полонян [Павлинская, 2008, с. 141]. Николаас Витсен в конце XVII в. писал: «С середины большого острова Ольхон ушли старые жители, и теперь его заселяют подданные Их Царских Величеств (Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича Романовых. – А.Б.), получившие от них земли» [2010, с. 142]. Вероятно, под «старыми жителями» автор подразумевал хоринцев, большинство которых после понесенного поражения мигрировало в Забайкалье, а под «подданными» – бурятов-переселенцев из Предбайкалья, заселивших остров в конце XVII в.

В последующее время ольхонцы сложились как одна из этнографических групп зарождавшегося бурятского этноса, этническая территория которого включала пределы не только Предбайкалья и Прибайкалья, но и Восточное Присяянье с Забайкальем (по Л.Р. Павлинской, кормящим ландшафтом для нового этноса стало Забайкалье [2008, с. 247]).

Остров и прилегающее к нему западное побережье оз. Байкал в основном отличаются бедная песчано-каменистая почва, выпадение за год сравнительно небольшого количества осадков и широкая роза ветров, нередко довольно сильных. Степи о. Ольхон и Приольхонья (Тажеранская степь), по мнению исследователей [Иметхенов, 1997], являются продолжением забайкальских сухих степей и северным форпостом центральноазиатских степей, поэтому пригодны для отгонного скотоводства. В их почвенном составе преобладают каштановые почвы, в основном принадлежащие мятликовым степям. Приморский хребет, защищающий Приольхонье с северо-запада, богат таежным зверем и птицей.

Приспосабливаясь к природно-географическим условиям о. Ольхон и Приольхонья, буряты-переселенцы были вынуждены изменить первоначальную форму хозяйства. В Предбайкалье доминировала модель экономики, предполагавшая ведение полуседлого скотоводства в сочетании с орошаемым земледелием и луговодством (у приангарских и части верхоленских бурят), а также охотой (у нижнеудинских и остальной части верхоленских бурят). Она трансформировалась в экономику, где скотоводство существовало не только в полуседлой, но и в полукочевой форме (характерно для состоятельных людей, владевших большими стадами домашнего скота). Особое значение приобрели рыболовство и охота на морского зверя (байкальскую нерпу).

В XIX в. хозяйство ольхонских бурят получило товарную направленность. В Иркутской губернии лучшей считалась грубая шерсть ольхонских овец, поставлявшаяся в больших объемах на казенную Тельминскую суконную фабрику. Добываемая в оз. Байкал рыба (прежде всего омуль) в засоленном и мороженом виде продавалась в Иркутске и других местах Предбайкалья. Баранина и говядина реализовывались ольхонцами на рынках Иркутской губернии. Конечно, это лишь основные источники дохода ольхонских бурят, но существовали и другие.

Некоторое влияние на трансформацию хозяйства имела политика сепаратизации, проводимая губернской администрацией. Ее результатом стало возникновение в составе ольхонских бурят небольшой прослойки оседлых бурят, занятых земледелием и огородничеством.

Однако вернемся к вопросу о т.н. «дикости» ольхонских бурят, подчеркиваемой в сочинениях путешественников, ученых и миссионеров XIX в. Как выяснилось, приписываемое бурятам свойство включало различные качества человеческой натуры, зачастую обусловленные особенностями культуры. Так, известный лингвист и профессор Казанского университета Г. Ковалевский писал: «Часть ольхонских жителей совершенно дикая, не терпит иностранцев, и любопытных посетителей встречает ругательствами» [1829, с. 177–178]. В отличие от большинства бурят, которых, несмотря на разброс мнений от уничижительного до хвалебного, современники считали гостеприимным и смирным народом, ольхонцы выбивались из сложившихся стереотипов. Н.С. Щукин отмечал: «Здесьние

буряты необыкновенно дики; между ними найдется много таких, которые не бывали на матерой земле, не видали Русских» [1852, с. 45–46]. Следовательно, причину отчужденности и пресловутой «дикости» можно увидеть в природной изоляции, определяемой островным положением ольхонских бурят.

Называя ольхонцев людьми отважными, православные миссионеры осуждали их за дикость, проявлявшуюся в распространенной практике кражи невест и жен у кударинских бурят [Мелетий, б.г.]. Умыкание невест, скорее всего, связано с возникшей демографической диспропорцией: число лиц мужского пола у ольхонских бурят долгое время превышало количество женщин. Так, в 1844 г. соотношение было следующим: 2 830 мужчин и 2 493 женщины (НА РБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 62. Л. 11 об.). Лишь к концу XIX столетия цифры стали примерно равными: в 1884 г. в Ольхонском ведомстве насчитывалось 2 769 мужчин и 2 725 женщин (НА РБ. Ф. 12, Оп. 1. Д. 523. Л. 140 об.). Интересно, что во второй и третьей трети XIX в. в структуре населения кударинских бурят наблюдалось некоторое численное превосходство женщин над мужчинами. Не имея, по причине бедности, средств на покрытие калыма, часть молодых ольхонцев совершала кражи невест, нередко с согласия их родителей (таких же малоимущих, как и родители жениха). Близость между кударинскими и ольхонскими бурятами проявлялась в принадлежности, за небольшим исключением, к одним и тем же родовым подразделениям. Это позволяло части ольхонских бурят располагать свои летники на землях Кударинского ведомства.

Вероятно, на бытование представлений об ольхонцах как грубых и диких людях повлияло и нежелание большинства из них принять Святое крещение от православных миссионеров, т.к. они традиционно исповедовали шаманизм. Тот факт, что о. Ольхон, согласно представлениям бурят, рассматривался как некий духовный центр, место обитания могущественных «Тринадцати хозяев», вполне мог поддерживать шаманскую веру.

Г. Ковалевский отметил еще одну особенность ольхонских бурят, на этот раз связанную с питанием: «...однакож диких зверей здесь уже встречается очень мало, и Бурят без разбору употребляет их в пищу. Для него волчье мясо столь же вкусно, как и баранье» [1829, с. 178]. Очевидно, причина такого пищевого пристрастия коренились не только в исчезновении в фауне Ольхона и Приольхонья традиционных объектов мясной охоты. В целом сложные природно-экологические условия Ольхона побуждали для получения необходимых организму белков и жиров использовать и мясо других животных, не потребляемое большинством бурят. В засушливые годы (например, в конце 1830–1840-е гг.) экономика местных бурят понесла тяжелый урон. Потеря скота от бескормицы имела следствием как структурное изменение питания, так и вынужденное потребление некачественных продуктов. Для авторов XIX в. было диким то, что ольхонские буряты едят мясо павших животных и птиц, но связано это было с естественными причинами.

Подводя итоги, можно утверждать, что «дикость» ольхонских бурят определялась разными обстоятельствами их жизни. Первостепенное значение для появления негативных черт в их культуре имел географический фактор: островная изолированность от остального мира.

Список литературы

Витсен Николаас. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. – Амстердам: Pegasus, 2010. – Т. 1. – 621 с.

Иметхенов А.Б. Природа переходной зоны на примере Байкальского региона. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. – 331 с.

Ковалевский Г. О забайкальских бурятах // Казанский вестник. – 1829. – Т. 27, кн. 9–10. – С. 15–54, 151–264.

Мелетий (архимандрит). О начале христианства на острове Ольхон // Тр. православных миссий Вост. Сибири. – Б.м., б.г. – Т. 2. – С. 462.

Павлинская Л.Р. Буряты: очерки этнической истории (XVII–XIX вв.). – СПб.: Европейский Дом, 2008. – 256 с.

Щукин Н.С. Очерк Забайкальской области // Журнал Министерства внутренних дел. – 1852. – Ч. 37, № 1. – С. 11–47.

**ВСЕРОССИЙСКАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПЕРЕПИСЬ
НАСЕЛЕНИЯ 1917 ГОДА КАК ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК
(НА ПРИМЕРЕ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ
ПРЕДГОРИЙ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ)***

В настоящее время материалы сельскохозяйственной переписи 1917 г. остаются мало востребованными архивными данными. Между тем они являются высокоструктурированным источником по хозяйству, природопользованию и этнодемографии. Сравнительно слабая вовлеченность в научный оборот переписных карточек, вероятно, обусловлена их чрезвычайной информативной насыщенностью и многочисленностью. Тем не менее, опыт их анализа имеется [Разгон, Колдаков, Пожарская, 2002]. В.Н. Разгоном, Д.В. Колдаковым и К.А. Пожарской сделана пятипроцентная выборка подворных карточек по западным волостям Алтайской губернии начала XX в. Для их анализа было специально создано электронное приложение, позволяющее оперативно и быстро обрабатывать массовый статистический материал. База данных по сельскохозяйственной переписи 1917 г. может успешно использоваться для накопления и обработки подворных карточек.

Переписные карточки по интересующим нас группам населения хранятся в Краевом государственном казенном учреждении «Государственный архив Алтайского края» (КГКУ ГААК). Они сгруппированы более чем в 90 дел (КГКУ ГААК. Ф. 233. Оп. 1. Д. 29; Оп. 1а, 1б. Д. 139, 141, 142, 146 и др.). Анкета представляла собой лист, заполненный с обеих сторон вопросами. Данные анкет содержат разнообразную демографическую, этническую и социально-экономическую информацию по коренному населению северных предгорий Алтая. В ходе переписи фиксировались следующие параметры: пол, возраст, национальная и сословная принадлежность, грамотность, состояние хозяйства, участие в промыслах, количество трудоспособного населения, отсутствующие (более месяца), призванные в армию (в трудовую), умершие за последний год.

Безусловным минусом переписи 1917 г. была фиксация этнической и сословной принадлежности только главы семьи и хозяйства, что не позволяет точно определить общую численность аборигенного населения региона. Кроме того, записи, видимо, основывались на личном определении респондента. На это указывает то, что родственники порой имели разную сословную и этническую принадлежность. Еще одним недостатком стал

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (№ 12-31-01254-а2).

неполный охват территории страны. Помимо оккупированных Германской империей и ее союзниками земель вне обследований остались труднодоступные территории (например, большая часть айлов и улусов челканцев). Именно этим объясняется отсутствие интереса к материалам переписи у этнографов в предыдущие годы.

В материалах сельскохозяйственной переписи 1917 г. отразился многоуровневый характер этнического самосознания коренного населения региона. Переписчики регистрировали сословную и национальную принадлежность главы семьи со слов респондента. Если с сословной идентичностью аборигены определялись четко: «инородец» или «крестьянин» (иногда в графе «сословие» фиксировалась национальность, что можно связать с невнимательностью корреспондента), то графа «национальность» предлагает весь спектр этнонимов Алтая – «алтаец», «кумандинец», «инородец», «татарин», «верхний или нижний кумандинец», «кузен» и т.д. Как видим, приведенные наименования относятся к разным таксономическим уровням идентичности этнических групп предгорий Северного Алтая, позволяя реконструировать их иерархию и локализовать территориально.

Графа о составе семьи включала сведения об имени, возрасте, семейном положении, трудоспособности и причастности к той или иной хозяйственной деятельности. Помимо христианских имен переписчики в некоторых случаях фиксировали традиционные имена автохтонного населения предгорий Северного Алтая, что дополнило сведения по антропонимии и наряду с фамилиями позволило определить территорию их бытования.

Сведения о семье позволяют рассчитать демографические показатели для коренного населения: количество поколений и супружеских пар в семьях, число детей, тип семьи, соотношение возраста мужа и жены, состояние в браке по возрастным группам, смертность и рождаемость (эти данные неполные, но отражают общую картину) и т.д. При составлении возрастных пирамид необходимо учитывать неточность информации. Большинство цифр округлено (5, 10, 15, 20 лет и далее). Отчасти при переписи фиксировались сведения о миграционной активности как пришлого, так и аборигенного населения.

К настоящему времени нами скопировано более четверти всего материала, что составило более 1 тыс. домохозяйств Нижне-Кумандинской, Верх-Бийской и Лебедской волостей Бийского уезда Томской губернии. Параллельно создается база данных, позволяющая исследовать различные аспекты хозяйственного и этнодемографического развития коренного тюркоязычного населения северных предгорий Алтая на уровне отдельных населенных пунктов и волостей.

В основу базы данных положена структура подворной анкеты сельскохозяйственной переписи 1917 г. [Разгон, Колдаков, Пожарская, 2002, с. 22–23]. Примером возможностей ее использования может служить предварительный анализ хозяйственного развития отдельных населенных пунктов Верх-Бийской (айлы Терегеч, Пыжа, Таш-Торгон и Ново-Троицк) и

Нижне-Кумандинской (с. Пильно) волостей (КГКУ ГААК. Ф. 233. Оп. 1а. Д. 143. Л. 1–8, 10–13, 15, 16, 1821–36, 38–45, 46–51; Д. 194. Л. 10, 12, 13, 15–21, 42, 55–61, 63–65, 70–81, 89, 90).

Важные сведения по хозяйственной деятельности коренного населения северных предгорий Алтая содержатся в целом ряде таблиц базы данных: «Землевладение», «Посевы», «Сельскохозяйственный инвентарь», «Обеспеченность скотом» и др. Анализ всех этих материалов позволит реконструировать хозяйство и систему природопользования автохтонов рубежа XIX–XX вв. Они несомненно уже находилась в состоянии модернизации под влиянием различных факторов – природно-ландшафтных условий, интенсивности взаимодействия с крестьянским населением, степенью вовлеченности в товарно-денежные отношения и т.д.

Сопоставление систем природопользования населения Верх-Бийской (тубалары) и Нижне-Кумандинской (кумандинцы) волостей позволило выделить две модели хозяйства.

Первую модель можно условно назвать *горно-таежной*. Хозяйство носило комплексный характер. Основными видами деятельности являлись земледелие с использованием примитивных плугов, стойловое скотоводство, охота и сбор орехов. При этом, как и в кумандинских поселках, земля находилась исключительно в общинном землепользовании. Общий объем посевной площади в 44 тубаларских домохозяйствах составил немногим более 17 дес., в том числе 12 дес. отводилось под ячмень (72,7 % всех культивируемых злаков). Важную роль в хозяйстве играло скотоводство. Об этом свидетельствует тот факт, что в косьбе принимало участие 96,5 % мужчин (55 чел. из 57) и 65,5 % женщин (38 чел. из 58) в возрасте от 14 до 60 лет. Лошадей разводили в 40 хозяйствах (90,9 %; всего 158 голов), а крупный рогатый скот – в 39 (88,6 %, среди которых 74 % коров, т.е. 131 голова). Мелкий рогатый скот в рассматриваемых домохозяйствах не зафиксирован. Значительное место в жизнеобеспечении тубаларов занимала охота. Промыслами занимались 37 чел. (65 % мужского населения).

Вторую модель условно можно назвать *лесостепной*. Помимо кумандинцев в с. Пильно проживало много русских, что отразилось на этнокультурных связях. Анализ таблиц в подворных карточках указывает на наличие у кумандинцев в начале XX в. развитого земледельческо-скотоводческого хозяйства. В сельскохозяйственный оборот было вовлечено 234,5 дес. земли. При этом земледельческой деятельностью занимались 29 из 35 домохозяйств. В среднем на одно домохозяйство приходилось 8,1 дес. земли. Более разнообразным был также удельный вес высеваемых злаков. На первом месте стояла яровая пшеница (51,1 %). Важным показателем развития земледелия являлось использование при обработке пашен и уборке урожая сельскохозяйственного инвентаря. Уже в начале XX в. широко использовались однолемешные плуги. В 11 домохозяйствах (31,4 %) отмечено использование передовых для того времени сложных машин – веялок и сортировок, жнеек-самосбросок, конных молотилок.

Наравне с пашенным земледелием у пильненских кумандинцев было развито стойловое скотоводство. Население разводило лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, свиней. Численность домашних животных составила 661 голову. При заготовке сена участвовало все трудоспособное население – 99 чел. обоего пола (44,4 % всего населения). Ведущее место в скотоводстве занимало коневодство. Лошадей разводили в 34 хозяйствах из 35. Зафиксировано 197 лошадей (29,8 % всего домашнего стада), т.е. в среднем 5,5 голов на одно домохозяйство. Крупный рогатый скот разводили во всех хозяйствах (26,6 % всего домашнего стада). При этом удельный вес коров от общего поголовья скота равен 107 головам (26,6 %). Их разведение стимулировалось наличием маслоделательного завода. К тому же основная масса кумандинцев состояла в маслодельном кооперативе. В отличие от таежных районов, в домашнем стаде большое место занимали овцы, козы и свиньи. Так, доля мелкого рогатого скота в домашнем стаде составляла 28,4 %, свиней – 15,1 %. Что касается присваивающих форм экономики (прежде всего охоты), то они не зафиксированы.

Таким образом, важность вовлечения в научный оборот и анализ такого информативного источника по этнографии коренного населения предгорий Северного Алтая, как сельскохозяйственная перепись 1917 г., трудно переоценить. К тому же в настоящих условиях традиционными методами сбора материала уже невозможно получить аналогичную информацию у респондентов на начало XX в. Вместе с тем остро встает проблема создания общей базы данных по переписным карточкам, в т.ч. автохтонного населения.

Список литературы

Разгон В.Н., Колдаков Д.В., Пожарская К.А. Демографическое и хозяйственное развитие западных волостей Алтайской губернии в начале XX в. (анализ базы данных крестьянских хозяйств по сельскохозяйственной переписи 1917 г.) // Демографическое и хозяйственное развитие алтайской деревни во второй половине XIX – начале XX вв. – Барнаул, 2002. – С. 22–66.

НЕМЕЦКАЯ ЭТНИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ*

Интенсивные изменения в России происходили на протяжении XX в., затрагивая все сферы человеческой жизни. Процесс модернизации, в том числе в своем социокультурном компоненте, во многом носит непрерывный характер, вынуждая общество решать новые задачи, искать другие адаптационные стратегии.

С образованием Советского Союза общество претерпело значительные трансформации. Немецкая его часть не была исключением. На примере этой этнической группы можно проследить эксплицитно проявляющиеся механизмы социальной инженерии в области модернизации социокультурной традиции. Государство во многом конструировало идентичность немцев. При этом немецкое население выступало и объектом и субъектом влияния, вырабатывая особые практики конструирования этничности на фоне тотального господства социалистической идеологии.

В целом социокультурная политика государства была направлена на создание «нового», «советского» человека: с интернациональными установками, атеиста, не ориентирующегося на традиционную культуру. Принадлежность к советскому государству иерархически стояла выше принадлежности к определенной этнической группе. Советским гражданам не приходилось особо задумываться над вопросами этнической идентичности. Государство не предоставляло свободу выбора. Оно само сортировало и ранжировало население по нациям и народностям с помощью переписей, паспортной системы, пятого параграфа всех анкет и документов, практики прописки и регистрации [Тишков, 2003, с. 13]. Господствовало представление, что этническая идентичность эквивалентна или является производной от происхождения, определяется по «крови и почве». С немцами возникла некоторая сложность: их этническая идентичность предполагала ориентацию на страну исхода (Германию), космополитизм и двойственность. В связи с этим в позднем СССР для этой группы населения была выработана специальная формула – «советские немцы», которая

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «“Жить в эпоху перемен”: динамика идентичностей населения юга Западной Сибири (1940–2000-е годы)»(проект № 12-31-01043).

синтезировала этническую принадлежность и гражданский патриотизм, т.е. верность советской Родине [Курске, 2011, с. 133].

С другой стороны, существовал «микроуровень» формирования этнической идентичности – семья, которая транслировала культурные традиции народа. Довольно часто этнопедагогические установки семьи и государства вступали в острые противоречия (например, религиозность и атеизм, национальное и общегосударственное). При этом образование для советского государства стало одним из главных инструментов социокультурной модернизации общества. Система образования немецкого населения во многом была перестроена. Раньше школа была интегрирована в систему религиозного воспитания ребенка, закрепляла знания, полученные детьми в семье до учебы, продолжала морально-нравственное ориентирование, а новая система этот компонент полностью исключала.

Изменилась структура религиозной социализации ребенка, а значит и структура этнической социализации, т.к. конфессия – очень мощный этнодифференцирующий компонент. Функция подробного изучения Писания перешла в семью. Планомерная антирелигиозная политика государства привела к тому, что детей перестали брать на религиозные собрания. Единственным путем приобщения младшего поколения к религиозно-духовной жизни был контакт со взрослыми родственниками. По воспоминаниям информаторов, взрослые продолжали молиться дома, иногда собирались для этого группами, не рассказывая малышам, что они делают. И хотя исполнение обрядов религиозного содержания не исчезло, прямая трансляция духовных ценностей была затруднена [Безрогов, 2004, с. 118]. Полностью исключить религиозный компонент из системы воспитания немцы не могли, т.к. считали его одним из важнейших, но он приобрел латентный характер. Таким образом, система семейного и школьного воспитания вступали в противоречие, с которым ребенку приходилось сталкиваться ежедневно.

Само построение советского общества, политика укрепления семьи и оказания помощи в исполнении социальных задач и воспитании детей, направленная на повышение роли семьи в «обеспечении экономического и социального прогресса», оказали косвенное воздействие на культуру, быт и семейных отношениях российских немцев. Несмотря на устойчивость семейного уклада, преобразования коснулись образа жизни семьи и распределения семейных ролей. Менялись экономические основы семьи, росла самостоятельность женщин. Вторичные агенты социализации (ясли, детский сад, школа) занимали все более значимую роль, давая возможность женщине продолжить работать через довольно незначительный срок после рождения ребенка. Все это вело к сокращению потока этнокультурной информации, воспринимаемой ребенком. В условиях отсутствия условий, необходимых для актуализации родной культуры, образовательных, профессиональных и рекреационных технологий перед немцами встал выбор: либо оставаться в скудеющем информационном поле своей культуры, пре-

вращаясь в ограниченного «нацмена», либо ассимилироваться в «большую» русскую культуру. Интеграция (т.е. актуализация) родной культуры за счет культуры русской была весьма сложной задачей, посильной лишь для образованного человека с богатым жизненным опытом [Охотников, 2012, с. 54].

На формирование и конструирование ребенком собственной этнической идентичности оказывал влияние социальный и политический контекст данного процесса. В ситуации, когда этот контекст носил негативную окраску, возможно, в силу стереотипов, работавших в условиях военного и послевоенного времени, ребенок пытался умолчать о своей национальности или декларировал ложную, чаще всего русскую. Однако элементы национальной педагогики не могли быть исключены из семейного воспитания. Пусть национальная принадлежность не декларировалась, но ребенок из немецкой семьи признавал себя немцем, советским, но немцем.

Одним из следствий государственной политики можно считать лавинообразное увеличение национально-смешанных браков. Они преобладали в местах дисперсного расселения немцев, особенно в городской среде. Дети из таких семей определяли этническую принадлежность в основном как русскую, поскольку окружающее население, язык общения и образования были русскими. Именно поэтому в тех регионах, где российские немцы проживали по большей части в городе, а также там, куда их переселили насильственно, численность немцев снижалась или оставалась стабильной. За счет сельских жителей деревень, основанных немцами в Сибири в прошлом и позапрошлом веках, сохранялись традиционная культура, этническая идентичность и положительная динамика численности немецкого населения [Смирнова, 2007, с. 393].

Этническая идентичность у лиц смешанного происхождения – проблема личного выбора, который зависит не столько от самого факта рождения, сколько от внутренних и внешних обстоятельств – воспитания, социокультурной среды, социально-экономической и политической обстановки. Люди, родившиеся в смешанных браках, иногда меняют свой выбор в течение жизни. При этом у них происходит и смена этнической идентичности. Социализация и приобщение к немецким традициям и культуре в чисто немецких и в смешанных семьях протекают неодинаково.

В целом, процессы, описанные выше, привели к формированию множественной этнической идентичности у российских немцев. Помимо российской и национальной идентичности у них достаточно четко выделяются региональный и локальный уровни идентичности. Рост этнической идентичности на рубеже XX–XXI вв. главным образом связан с повышением статуса группы, возможностью миграции в Германию. Изменение статуса привело к резкому недемографическому приросту численности немцев, причиной которого является выбор немецкой этнической принадлежности потомками национально-смешанных браков.

Список литературы

Безрогов В.Г. Религиозная социализация и осуществление права на веру в межпоколенных отношениях: XX век и перспектива // Развитие личности. – 2004. – № 4. – С. 115–136.

Курске В.С. Конструирование идентичности российских немцев: поиск адекватного «этнонима» // Проблемы историко-культурной идентичности в полиэтнических обществах. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2011. – С. 132–135.

Охотников А.Ю. Немцы Северной Кулунды: стратегии и результаты социокультурной адаптации (1910–1960-е годы). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 214 с.

Смирнова Т.Б. Немецкая идентичность в национально-смешанной среде (по материалам этносоциологических исследований в Сибири) // Российское государство, общество и российские немцы: основные этапы и характер взаимоотношений. – М.: МСНК-пресс, 2007. – С. 389–398.

Тишков В.А. Переписи населения и конструирование идентичностей // На пути к переписи. – М.: ОАО «Авиаиздат», 2003. – С. 9–38.

ИЗДЕЛИЯ ИЗ БЕРЕСТЫ В ХОЗЯЙСТВЕННОМ БЫТУ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Культ березы хорошо исследован в календарной обрядности русских и белорусов, но использование ее древесины и коры для хозяйственных нужд в русских селах Сибири недостаточно освещено в научной литературе. Между тем хозяйственную деятельность и быт русского крестьянина трудно представить без поделок из березы. К ним относятся орудия земледельческого труда, транспортные средства (сани, телеги, дуги), разнообразная посуда, инструменты, утварь, детские игрушки. Береза – крепкое и надежное дерево. Как поделочный материал особенно ценились деревья старше 60 лет. Для изготовления посуды и утвари использовался березовый *кап* – шишкообразный нарост на дереве. Из него вырезали и выдалбливали чашки-ладки, объемные и глубокие посудины для рубки капусты. Излюбленным материалом сельских мастеров была береста. Присутствие в коре березы смолистого вещества наделяет бересту особой прочностью.

Из бересты крестьяне изготавливали предметы хозяйственного, домашнего и личного обихода – севалки, лукошки, футляры для оселков, короба, солонки, охотничьи манки, игрушки, святочные личины и прочее. Наибольшим спросом у русского населения пользовались *туеса*, *туески*, *туязья* или северорусские *бураки* и *солоницы*. *Туес* – это цилиндрический сосуд с плотно закрывающейся деревянной крышкой, изготовленный из легкого и прочного природного материала, в котором хорошо хранится молоко, квас и ботвинья в течение всего летнего дня.

В каждом крестьянском доме неотъемлемой принадлежностью была солонка (солоница). Хлеб да соль – основа питания русской семьи. Хлебом и солью русские встречают почетных гостей. Вместо «здравствуйте», говорили «хлеб да соль», желая богатства, благополучия и здоровья хозяевам. Хлеб считался основой богатства, а соль, по русским поверьям, защищала от темных сил.

Производство посуды из бересты в разных регионах Сибири имело свои особенности. Декабрист Д.И. Завалишин в статье «Кустарная промышленность в Забайкальской области» отмечал: «...многие виды (кустарной промышленности. – Ф.Б.) были сильно развиты, доведены до высокой степени совершенства... Резьба по дереву, позолота, лакировка и выделка кожи и прочее, все производилось в собственных мастерских. Жившие отдельно по домам в деревнях поселенцы делали ложки и трубки из корней березы,

эти ложки и трубки стирались от долгого употребления, но не раскалывались как привозимые из внутренней России. Делалась всякая деревянная, глиняная и берестяная посуда, не нуждаясь в привозной железной с Урала...» [1886]. В данном случае речь идет о развитии кустарного производства в Забайкальском крае. Иное положение с состоянием промыслов или получением дополнительного заработка, кроме земледелия, наблюдалось в Иркутской губернии. В старое время нужды крестьянского хозяйства удовлетворялись домашним производством. Крестьянин был мастером на все руки. Он выращивал хлеб, ухаживал за скотом, пас его, готовил лес для строительства, мастерил орудия труда, вырезал посуду, занимался извозом в зимнее время, по мере надобности становился плотником, тележником и кожевником. Так, жители Буринского селения Нижнеудинского уезда Иркутской губернии в основном занимались земледелием и скотоводством, «для себя делали: сани, телеги, сохи, бороны, сбрую для лошадей, выделывают кожи для чирков, но работы эти все не изящны, и для себя работают невольно, потому что с базару покупать не на что, достать денег нигде. Хлеб родится плохо, а если и родится, то цена на таковой низкая» [Козьмин, 1904, с. 7].

Из-за трудности сбыта крестьянину приходилось изготавливать разные изделия, в т.ч. туески для собственных нужд или для подарков близким и родным. Так, в с. Шебарта Нижнеудинского уезда в 1899 г. «один крестьянин сделал 30 берестяных туязев и послал сына в Тулун, за 56 верст от деревни, ибо на месте сбыта не нашел, т.к. каждый крестьянин делает их для себя. Туязья были проданы за 3 рубля 28 копеек. Более крестьянин не повторял опыта» [Козьмин, 1904, с. 7].

В семейских селениях Забайкалья изготовлением вещей из бересты крестьяне занимались «между делом», не бросая основной работы, связанной с земледелием и скотоводством. Так, туесок из резной бересты, наклеенной слоями (рис. 1), принадлежал Сластину Елисею Никитовичу – крестьянину с. Большой Куналей Тарбагатайского района Бурятии. Он умер в 1959 г. в возрасте 92 лет. Всю жизнь оставался единоличником, в колхоз не вошел. Туесок сделал мастер Михаил Филимонович Назаров лет 100 назад, на память сестре – Секлетины Филимоновне Сластиной. Изготовил он его, когда пас коней: «Гонял их в ночное, там в лесу и сделал». В туеске хранили ягоды, мед, яйца и т.д. Понятие о добре было сформировано «силой родственного внимания». Туески семейские изготавливали следующим образом. Бересту располагали таким образом, что ее комлевая часть оказывалась вверх. В нижнюю часть туеса вставляли дно. Сосуд получался ровным. Бересту распаривали в кипятке, заворачивали, и дно не выпадало.

Некоторые данные об изготовлении туесков находим в монографии Г.И. Ильиной-Охрименко. Она эти берестяные изделия называет «универсальной посудой», которую в прошлом мастера-туесочники делали в большом количестве для продажи [1972, с. 43]. В Забайкалье был спрос на туески, т.к. население было зажиточным.

Рис. 1. Берестяной наборный расписной туюсок. На дне вырезаны инициалы и дата.

Рис. 2. Берестяной расписной туюсок с крышкой.

Заготовку бересты для туюсов производили весной, когда дерево «в соку». Цельную бересту для внутренней стороны снимали с пиленого чурбана, и поверх этой готовой формы накладывали внешнюю сторону внутренним слоем наружу, а затем скрепляли в одном месте «замком». На нижнюю часть туюска накладывали для прочности третий слой бересты, который тоже скрепляли «замком». Верхний край туюса укреплялся внутренним цельным слоем, расположенным комлем вверх, который распаривали в кипятке и загибали наружу. Низ бересты тоже распаривали и вставляли деревянное, точно подогнанное, выструганное дно. Таким же образом вставляли крышку с ручкой в форме дужки. Туюски отличались замечательной прочностью и служили хозяину 25–30 лет. Берестяные стенки сосуда не пропускали тепло даже в жаркую погоду. Вот почему молоко, квас и ботвинью возили на поле и сенокос в берестяных туюсах.

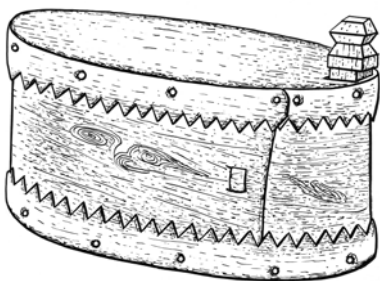
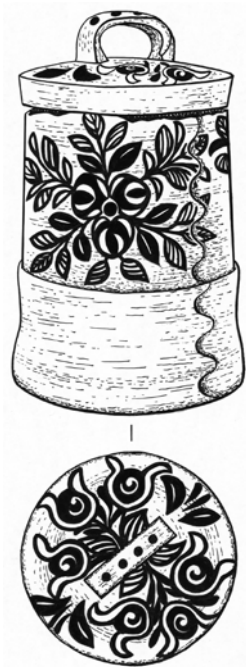

Рис. 3. Берестяной расписной туюсок (с. Большой Куналей, Бурятия).

Семейские делали туюски двух типов. Первый из них представлял собой сосуд с наклеенными слоями зубчатой бересты (всего 11 слоев), расширяющимися посередине изделия (рис. 1). Окрашен туюс по окружности в четыре цвета – голубой, зеленый, красный, желтый. Вероятно, такой туюс лучше сохранял налитые в него продукты.

Второй тип – расписной туюс (рис. 3). Стенки и крышка его покрыты слоем зеленой масляной

*Рис. 4. Берестяная
солонка.
Мастер Ф.Н. Суханов,
1927 г.*

*Рис. 5. Берестяная
солонка
с зубчатой накладкой.*

краски. На этом фоне мастер написал цветы удивительной яркости – с тремя красными бутонами и четырьмя распустившимися на четыре стороны синими листьями с бурыми ободками и белыми и бурыми полосками. Таки-ми же цветами расписана крышка. Встречались туески с геометрическим орнаментом (рис. 2). Росписи относятся ко второй половине XIX в.

Таким образом, семейские Восточной Сибири, даже находясь в постоянном гонении, не падали духом, украшая предметы быта и обихода (рис. 4, 5), создавали красоту вокруг себя, которая радует не одно поколение.

Список литературы

Завалишин Д.И. Кустарная промышленность в Забайкальской области // Московские ведомости. – 1886. – № 210. – С. 5.

Ильина-Охрименко Г.И. Народное искусство семейских Забайкалья XIX–XX веков: резьба и роспись. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. – 88 с.

Козьмин Н.Н. Существует ли кустарная промышленность в Иркутской губернии? – Иркутск: Б.и., 1904. – 53 с.

**СВЯЩЕННАЯ ГОРА *ИРТ-ТАҒ* – САМОХВАЛ
В МИФОРИТУАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ХАКАСОВ
(КОНЕЦ XIX – XX ВЕК)***

Территория Хакасии, расположенная в долине Среднего Енисея, окружена высокими горными хребтами Кузнецкого Алатау, Западных и Восточных Саян и Солгонского кряжа. По материалам В.Я. Бутанаева, вся эта горная система обозначается хакасами общим названием «*Ўлгенниг сын*» – ‘Божественный (Великий) хребет’ [1995, с. 9]. Данное наименование – одно из ярких свидетельств феномена обожествления и почитания хакасами гор. Горный ландшафт этого региона способствовал формированию и широкому распространению среди коренных жителей культа гор. Согласно одному из мифов, хакасы произошли от духов гор (*таґ ээлері, таґ кизілері*) [Кызласов, 1982, с. 83–92; Бутанаев, 1996; Бурнаков, 2006, с. 16–42]. В традиционном мышлении народа горные духи до сих пор воспринимаются как обоготворяемые предки. В их честь совершаются жертвоприношения. Стоит отметить, что практически в каждом хакасском населенном пункте есть поклонная гора. Одной из них является *Ирт-таґ*, представляющий собой изолированный горный массив, более известный по русскому названию *Самохвал*. Находится он у устья одноименной реки в окрестностях г. Абакана.

Священная гора *Ирт-таґ* на протяжении столетий привлекает к себе внимание исследователей как интереснейший исторический объект [Клеменц, 1886а, с. 44; Островских, 1895, с. 336; Ватин, 1916–1922, с. 44, 53; Кызласов, 1980, 1983, 1995]. Кроме того, ее особую живописность в конце XIX в. подчеркивал и Н. Попов: «Самохвал представляет красивую высокую гору, над главною сопкою которой зимою постоянно клубится густой пар; на всем своем протяжении, на обоих склонах, покрыта превосходною травою, на которой зимою и летом пасутся стада и табуны, и совершенно безлесна, за исключением только одной небольшой возвышенной ложбины, поросшей смешанными и по преимуществу, сосновым лесом» (Архив РГО. Р. 64. Оп. 1. Д. 29. Л. 12 об.). Красота и колоритность горы способствовала тому, что о ней слагали поэмы [Широков, 1958, с. 70; Маерков, 2011].

Ирт-таґ представляет большой научный интерес для этнографов. Это важнейший культовый объект местных хакасов. На горе регулярно

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 12-01-00199а «Священные места славянских, тюркских, финно-угорских народов в культурном пространстве Западной Сибири. Типология и сравнительный анализ (конец XIX – начало XXI в.)».

проводились общественные моления – *тайыг*. Об этом, например, свидетельствует донесение священника Усть-Абаканской Николаевской церкви В. Самойлова в Енисейский епархиальный комитет от 1894 г.: «Общее жертвоприношение происходило в прошлом году на горе Самохвал, находящейся на другой стороне Абакана, напротив самого села» (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 75. Л. 9 об.). В настоящее время это сакральное пространство хакасской интеллигенцией воспринимается как место почитания памяти предков. В начале 2000-х гг. *Чон чоби* (Совет старейшин хакасского народа) на вершине горы установил памятный камень в честь воинов Хакасии, погибших в Великой Отечественной войне.

Народная этимология связывает топоним *Ирт-таг** с легендой о богатыре Ир-Тохчыне. Согласно повествованию, после утомительной охоты на чудовищного волка этот фольклорный герой поднялся на вершину и, подложив под голову седло, уснул беспробудным сном. Полагали, что от его дыхания поднимается пар над горой [Бутанаев, Бутанаева, 2001, с. 62].

Русское название горы «Самохвал» упоминается в другой легенде. Согласно ей, некий молодой самоуверенный мужчина безмерно хвалился своей удалью. Однажды он заявил, что сумеет спуститься верхом на коне по крутому склону этой горы. Однако осуществить задуманное ему не удалось: всадник вместе с конем погиб. В назидание остальным эту гору стали называть «Самохвалом»** [Беляев, 1881, с. 343]. По сведениям Н. Попова (по всей видимости, полученным от местного русского населения) наименование «Самохвал» произошло от имени некоего русского разбойника Самохвала, скрывавшегося от людей в пещерах этой большой горы (Архив РГО. Р. 64. Оп. 1. Д. 29. Л. 12 об.–13).

Ирт-таг примечательна тем, что хакасы осуществляли на ней ритуальную практику, обусловленную двумя разнотипными культами – Неба (*Хан-Тигир*) и Горы (*таг*). Эти культы имели внешнее сходство по обрядовому сценарию и конечной цели. Ритуалы проводились для обеспечения благополучия и стабильности жизни людей, плодородия, успехов в хозяйственной и иной деятельности и т.д. В качестве жертвенных животных всегда выступали бараны. Важнейшим элементом обрядности было посвящение божествам животного – *ызых 'а* (коня) у священной березы (*пай хазын*) с троекратным

*Имеются и иные версии происхождения хакасского названия *Ирт-таг*. Н. Попов полагал, что оно произошло от стяженной формы слова «иртен» – ‘утро’ (Архив РГО. Р. 64. Оп. 1. Д. 29. Л. 12 об.). Филолог Р.Д. Сунчугашев высказал мнение, что слово *Ирт-таг* происходит от «*ирит* – ‘миновать, проходить’ + *таг* ‘гора’» [2001, с. 18]. Согласно еще одной точки зрения, данный ороним возник от слова *ирт*, обозначающего кустарник ильм, т.е. вяз (*Ulmus*), **произрастающий на данной горе, поэтому ее именуют «гора, поросшая вязью».**

**В материалах В.Я. Бутанаева приводится схожий фольклорный сюжет, различающийся лишь тем, что самоуверенный богатырь вознамерился не спуститься со склона горы, а перепрыгнуть с нее на другой берег Енисея, за что и поплатился жизнью [1995, с. 39].

обходом посолонь вокруг нее и произнесением молитв (*алгыс*). Церемонии заканчивались гаданием (*төрйк*) и всеобщим пиршеством (*той*).

Вместе с тем, эти обряды имели ряд принципиальных отличий, определявшихся объектом поклонения. В первом случае почиталось Небо (*Хан-Тигир*) как абстрактное межродовое (межплеменное) божество. Во втором варианте жертвоприношение (*таг тайыг*) предназначалось конкретной священной горе, олицетворяющей тотемное божество. Другим важнейшим отличительным признаком этих культов являлись обрядовые лица, осуществляющие жертвоприношение. Почитание Неба проводилось, как правило, *алгысчыл'ами* – уважаемыми в народе мужчинами (не шаманами), хорошо эрудированными в вопросах духовной культуры и ритуальной практики. Основным религиозным атрибутом *алгысчыл'а* выступал *сабыт* – ритуальный жезл, представляющий собой березовую ветвь с разноцветными лентами (*чалама*). Участники обряда могли использовать *үлдүрбе* – сакральную головную повязку с прикрепленными перьями орла и *чалама*, а также *чил-паг* – ритуальную веревку, подвязываемую к священной березе (*пай хазын*). Присутствие шаманов на «небесных жертвоприношениях» не приветствовалось.

Жертвоприношение же священной горе совершалось исключительно шаманом (*хам*) в полном обрядовом облачении – костюме (*хамдых тон*) и шапке (*хамдых пөрйк*), с обязательным использованием бубна (*түүүр*) и жезла (*орба*).

Периодичность проведения обрядов *тигир* и *таг тайыг* на горе *Ирт-таг* разнилась. Известный археолог и этнограф А.В. Адрианов, непосредственно наблюдавший обряд жертвоприношения Небу (*тигир тайыг*) на Самохвале, сообщал о ежегодном отправлении этого ритуала: «Почти каждый год, весной или летом, на ближайшей к улусу горе, на высшей ее точке устраивается общественное моление – таиг, в честь неба, сопровождающееся всенародной молитвой о ниспослании благополучия на стада и табуны, о благополучной жизни и счастии всего народа» [1909, с. 512–513].

Сведения же о периодичности проведения обряда жертвоприношения духу горы (*таг тайыг*) на Самохвале неоднозначны. По материалам Н. Попова, он совершался раз в три года (Архив РГО. Р. 64. Оп. 1. Д. 29. Л. 12 об.–13). Согласно же данным Д.А. Клеменца, лично присутствовавшего на ритуальном действе, его проводили ежегодно. При этом на обряд собиралось до несколько сотен верующих [1886б, с. 10–11].

Факт систематического проведения в прошлом на горе *Ирт-таг* обрядов двух различных типов для хакасской культуры нетипичное явление. В культуре хакасов для каждого типа моления имелись особые места, что нашло отражение в топонимике [Бутанаев, 1995, с. 10, 118, 127 и др.]. Между тем, на особо почитаемых горах в разное время все же могли проводиться оба обряда. Так, по материалам Д.Е. Лаппо, в отличие от *таг тайыг*, места проведения «небесных жертвоприношений» не всегда были прикреплены к одной горе. Исследователь сообщал: «Я записал все места, где ныне совершается или совершалось ранее Тигр-Таих: совершается оно и на горах мифических, составляющих предмет поклонения “Камлярского

Толка”, совершается и на горах, ничем не замечательных. Знаю случай, где чередуются моления: в один год на одной горе, ближайшей к улусам, расположенным на одной стороне Камышты, а в другой год – на другой, ближайшей к улусам другого берега Камышты» [1905, с. 51]. Данную мысль высказывал и П. Островских [1895, с. 336].

Таким образом, на протяжении веков гора *Ирт-таг* (Самохвал) была востребована как особое сакральное пространство, имевшее высокий обрядовый рейтинг. Местное население использовало ее как святилище, связанное с культами неба, горы и предков. Особое отношение к этой горе сохраняется и в наши дни.

Список литературы

Адрианов А.В. Айран в жизни минусинского инородца // Записки ИРГО по отд. этнография (сборник в честь семидесятилетия Г.Н. Потанина). – Б.м., 1909. – Т. 34. – С. 489–524.

Беляев А.П. Воспоминание о пережитом и перечувствованном // Русская старина. – 1881. – Июль. – С. 327–370.

Бурнаков В.А. Духи Среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 197 с.

Бутанаев В.Я. Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. – Абакан: УПП «Хакасия», 1995. – 268 с.

Бутанаев В.Я. Традиционная культура и быт хакасов. – Абакан: Хак. кн. изд., 1996. – 224 с.

Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Хакасский исторический фольклор. – Абакан: Изд-во ХГУ, 2001. – 148 с.

Ватин В.А. Город Минусинск: ист. очерк. – Минусинск: Гос. тип., 1916–1922. – 394 с.

Клеменц Д.А. Древности Минусинского музея: памятники металлических эпох: Атлас. – Томск: Тип. «Сибирской газеты», 1886а. – 78 с.

Клеменц Д.А. Из поездки в Качинскую степь // Восточное обозрение. – 1886б. – № 47. – С. 10–12.

Кызласов И.Л. Аскизские курганы на горе Самохвал (Хакасия) // Средневековые древности евразийских степей. – М.: Наука, 1980. – С. 135–164.

Кызласов И.Л. Гора – прародительница в фольклоре хакасов // Советская этнография. – 1982. – № 2. – С. 83–92.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV веков. – М.: Наука, 1983. – 128 с.

Кызласов И.Л. Погребальный обряд и уровень развития общества: от отдельного к общему // Российская археология. – 1995. – № 2. – С. 99–103.

Лаппо Д.Е. Троеверы: из жизни минусинских инородцев // На сибирские темы. – СПб.: Тип. тов-ва «Общая польза», 1905. – С. 9–52.

Маерков Г. Самохвал: поэма и стихи. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 2011. – 40 с.

Островских П. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края // Живая старина. – 1895. – Вып. III–IV. – С. 297–348.

Сунчугашев Р.Д. Словарь оронимов Хакасии. – Абакан: Изд-во ХГУ, 2001. – 62 с.

Широков А. Самохвал // Русские писатели о Хакасии. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 1958. – С. 70.

МИФОПОЭТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ОДУХОТВОРЕНИЯ ЛЕСА У СЕТУ И РУССКИХ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ*

Лес – элемент дикого пространства. С одной стороны, человек на протяжении всей истории пытается его усмирить, задобрить, хотя бы частично включить в культурный ландшафт. Дома и деревянная утварь, вписываясь в бытовую сферу и составляя неотъемлемую часть культурного пространства, сохраняют энергетику живого дерева и выполняют роль медиатора между сферами дома и леса. С другой стороны, человек осознает себя частью природы. Это выражается в определении деревьев-покровителей, магических и медицинских приемах (сборы трав, заговоры посредством растений, общение с духами в лесу через развилку дерева и т.п.), оборотнических мистериях.

Тема противопоставления лесного и домашнего пространства красной нитью проходит сквозь большинство сюжетов устной прозы. Сказочный лес раскрывает всю полноту его аспектов, связанных с иным миром: «...лес окружает иное царство, ...дорога в иной мир ведет сквозь лес» [Пропп, 1996, с. 58]. Обитатели леса – враждебные человеку персонажи: Баба-Яга, представители нечистой силы и колдовского бестиария. Не менее страшным представляется лес и по несказочной прозе. Наиболее характерные эпитеты леса – темный, дремучий, непроходимый. С лесом связан целый ряд табу, норм и правил, ограничивающих визиты в лес в определенное время, посещение заповедных мест, охоту, сбор грибов и ягод, вырубку деревьев, а также запрещающих шуметь в лесу, убивать определенных животных и птиц, чтобы избежать нежелательных контактов с лесными духами, представляющими большую опасность для человека. Легенды и былички повествуют о том, как лес (обычно посредством его мифических обитателей) сурово наказывает слишком жадных охотников и лесорубов, забирающих дары природы «сверх всякой меры», а порой и просто «непочтительных» путников, забредших «куда не положено». Участь последних менее печальна, в то время как браконьеров лес может покарать увечьем или гибелью. Наказание чаще всего носит поучительный характер и ограничивается тем, что лесной хозяин некоторое время «водит» человека, сбивая с дороги, а потом отпускает. В ряде случаев подобные происшествия расцениваются информантами как шутки и проказы лешего.

*Работа выполнена в рамках программа Президиума РАН (проект № 3.3).

Пошли мы в лес и заблудились. Плутали, плутали, не могли дорогу найти. А потом мама стала молитву «Отче наш» читать, мы сразу на тропинку вышли. Это леший нас пугал (ПМА. Псковская обл., Опочецкий р-н, д. Гривы, 2012 г., рус.).

Воскресенье – большой праздник, нельзя работать ни дома, ни в поле, ни в лесу. (...) Если кто-то в лесу дерево рубит, может не вернуться (ПМА. Псковская обл., Печорский р-н, д. Соколово, 2012 г., сету).

В лесу нечистая сила живет, лесной хозяин. Он ни добрый, ни злой, можно сказать, что справедливый. Каждому воздаст по его заслугам. Если пошел в лес, нужно правильно себя вести. Это везде нужно, а в лесу особенно. Нельзя шуметь, громко кричать – лес этого не любит. А самое главное, нельзя губить природу понапрасну, из прихоти. Если что-то нужно взять в лесу, то надо попросить, сказать: «Батюшка лесной хозяин, позволь мне набрать ягод немножко или спилить дерево – дом построить». А просто так нельзя в лесу ничего ломать, портить, тогда лесной хозяин накажет (ПМА. Псковская обл., Печорский р-н, д. Раково, 2012 г., сету).

Лесные духи чувствуют человека, насквозь видят. Злого человека будут мучить и водить кругами, он тогда силу потеряет и с пустыми руками из леса уйдет. А для доброго и справедливого ягодные поляны сами открываются, только успевай собирать (ПМА. Псковская обл., Печорский р-н, д. Соколово, 2012 г., сету).

Старые люди говорили, что живут в лесу духи. Они мешают человеку, следы путают. Мужчина пошел в Печоры с лошастью. Уехал рано утром, где-то крутился и попал обратно домой. Не узнает никого. Стучит в свой дом и спрашивает: «В какую деревню я попал?» (ПМА. Там же, 2012 г., сету).

Лес не любит пьяных и шумящих гостей.

Шуметь в лесу – это грех. Лесной хозяин не любит, когда шумят и зверей пугают. Может разгневаться и запутать дорогу (ПМА. Псковская обл., Печорский р-н, д. Соколово, 2012 г., сету).

Лесные духи не любят пьяных. Если кто-то выпил спиртного, пусть сидит дома, в лес нельзя ходить – заведут в болото (ПМА. Там же, 2012 г., сету).

В лесу нельзя кричать, громко разговаривать, смеяться. Лешего разбудишь, он тогда водить начнет. У нас тут многие блудили (ПМА. Псковская обл., Опочецкий р-н, д. Ястребово, 2012 г., рус.).

В лесу ведут себя скромно. По лесу черт лесной рыщет, он не любит шума. Если встретит, будет голову морочить, чтобы человек не смог найти дорогу (ПМА. Новгородская обл., Новгородский р-н, д. Пятница, 2012 г., рус.).

Лесным хозяевам не нравится, когда люди попадают на их заповедные тропы.

В лесу тропинки разные. Есть человечьи, а бывают тропы лесных духов, это нечистой силы, значит. Человеку по ним нельзя ходить. Если кто-

нибуть попадет на тропинку лесного черта, то долго блуждает, а может совсем не вернуться, в лесу пропадет (ПМА. Псковская обл., Печорский р-н, д. Соколово, 2012 г., сету).

Пошли однажды в лес и заблудились. Ходим вокруг одного места, будто кто-то нас специально кружит. Сватья с нами была, она старшие всех, больше знает, сказала, что это леший нас кружит, нужно одежду наизнанку вывернуть. Мы так и сделали. Еще немножко походили по лесу и вышли к дороге. Потом дедушка говорил, что, значит, это мы на тропу лешего попали, по ней нельзя ходить. Еще легко отделались, все целыми вернулись (ПМА. Ленинградская обл., Выборгский р-н, г. Высоцк, 2012 г., рус.).

Кто на тропу лешего наступит – сильно заболевает. Раньше таких только заговорами лечили, а сейчас даже не знаю как: медицина здесь бес-сильна (ПМА. Псковская обл., Опочецкий р-н, д. Гривы, 2012 г., рус.).

При посещении леса нужно принести откупную жертву, чтобы задобрить мифических лесных обитателей, вызвать у них симпатию или хотя бы смягчить их суровый нрав.

Идешь в лес, нужно не с пустыми руками идти, а принести какой-нибудь подарок, угощение для лесного хозяина. Мы обычно берем с собой хлеб и сыр, оставляем где-нибудь под деревом или на пенечке (ПМА. Псковская обл., Печорский р-н, д. Раково, 2012 г., сету).

Лесного духа нужно угостить, тогда он станет ласковым, места покажет (ПМА. Псковская обл., Печорский р-н, д. Соколово, 2012 г., сету).

Лес представляется самостоятельным живым организмом, наделенным человеческими качествами и ощущениями. Образ живого леса обычно олицетворяет лесной хозяин, леший. Иногда можно услышать высказывания информантов, что и сам лес является одухотворенным существом, способным понимать и чувствовать.

У леса нужно просить прощения, когда что-нибудь себе берешь (ПМА. Псковская обл., Печорский р-н, с. Старый Изборск, 2012 г., рус.).

Природа ведь живая, она всю боль чувствует (ПМА. Псковская обл., г. Опочка, 2012 г., рус.).

Люди нынче стали злыми и жадными, перестали соблюдать старинные обычаи. Раньше нельзя было из леса себе забирать все, что найдешь – грибы, ягоды. Набрал немного и другим оставь, чтобы звери и птицы могли питаться. А сейчас все с корнями выдирают, пока еще зеленое. А лес-то всё видит и понимает, наказывает болезнями. Только не все это понимают. Без веры сейчас люди живут, потому и несчастья на них сыплются (ПМА. Псковская обл., Опочецкий р-н, д. Гривы, 2012 г., рус.).

Перечисленные выше характеристики леса сближают его с природными стихиями – водой, землей, воздухом и огнем. Во-первых, все они требуют почтительного отношения, жертвоприношений, соблюдения определенных правил и табу. Человек, по мере возможности, включает эти «дикие» стихии (как и лес) в культурное пространство (очаг, водные и ветряные мельницы, поля и т.д.). Во-вторых, лес, как и четыре природные стихии,

является воплощением огромной магической силы. В частности, существуют поверья, согласно которым леший может управлять стихиями: производит ветер и бури, вызывает град, раздувает огонь [Власова, 1998, с. 292–293, 296]. Подобно земной и водной стихиям, лес считается прародителем многих живых существ, в т.ч. человека [Голубкова, 2009, с. 64–65, 69–71, 96 и др.]. В-третьих, земля, вода, воздух и огонь имеют антропоморфные или зооморфные воплощения [Власова, 1998, с. 278–306; Петрухин, 2003, с. 149], наделяются характерными признаками одухотворенных существ.

Таким образом, мифопоэтические традиции, связанные с представлениями о лесе и его мифических обитателях, у финно-угорского (в данном случае – этнографической группы сету) и русского населения северо-запада России (на примере материалов из населенных пунктов Ленинградской, Новгородской и Псковской обл.) имеют много общего. Они основаны на особом почитании леса, которое по значимости и ряду признаков сопоставимо с почитанием природных стихий. С одной стороны, наблюдается отношение к лесу как к живому одухотворенному существу, обладающему чувствами, разумом и мощной магической силой. С другой стороны, образ леса персонифицируется антропоморфными персонажами – локальными духами-хозяевами, которые появляются также в облике животных, растений и inferнальных существ. Поставленные в данной работе вопросы раскрывают сравнительно небольшой аспект мифопоэтических представлений о лесе. Материалы этнографических исследований 2012 г. и предыдущих лет могут быть основой для дальнейших публикаций, раскрывающих темы обожествления лесного ландшафта, почитания священных деревьев и рощ, локальных различий в традиционных представлениях славянских и финно-угорских народов, различные аспекты современного мифотворчества, связанные с лесом и его мифическими обитателями.

Список литературы

Власова М.Н. Русские суеверия: энциклопед. словарь. – СПб.: Азбука, 1998. – 672 с.

Голубкова О.В. Душа и природа: этнокультурные традиции славян и финно-угров. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 304 с.

Петрухин В.Я. Мифы финно-угров. – М.: ООО «Изд-во Астрель»; ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 464 с. – (Мифы народов мира).

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. – 366 с.

О ВЛАСТНОМ СТАТУСЕ ТУНГУССКОГО КНЯЗЯ ГАНТИМУРА

Князь Гантимур, предводитель *нелюдов* – одной из групп забайкальских конных тунгусов (эвенков) – личность весьма известная в истории Забайкалья. Он сыграл заметную роль в событиях, которые разворачивались в регионе в 1650-х – первой половине 1680-х гг., в первую очередь в развитии русско-маньчжурских отношений. С его именем связано много загадок, которые порождены как противоречивыми сообщениями источников, так и некритическим восприятием этих сведений историками. Одной из таких загадок является вопрос о властном статусе Гантимура в период его первых контактов с русскими.

Не вызывает сомнений тот факт, что к 1650-м гг., когда русские землепроходцы появились в Восточном Забайкалье, Гантимур возглавлял какую-то группу населения в верховьях р. Шилки, в районе между устьями рек Онона и Нерчи. В русских документах того времени он титуловался «князцом» или «князем». Однако непонятно, какова была по составу и численности данная группа населения, на какую территорию распространялась власть Гантимура.

Е. Хабаров в 1651 г., основываясь на показаниях пленных дауров и тунгусов, сообщал, что вверх по Шилке «есть неясчаной князь Гантимур улан и про тово де князя шурин ево, Тыгичей, в распросе сказал: под тем де князем Гантимуром живут люди шародувы и нелюды и почеги многие луков с тысячи з две и больше» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 508. Л. 29–30). В «шародувах», как считал В.А. Туголуков, следует видеть *сартулов* – группу тюрко-монгольского происхождения, в «почегах» – тунгусов Почегорского рода [1975, с. 98]. В 1655 г. енисейский воевода А. Пашков писал в Сибирский приказ, что во время похода П. Бекетова на реки Шилку и Нерчу был взят ясак «с прежних новоприводных земель князцов Нелюдцково князя Гантимура с товарищи и с их улусных с 10 земель людей на тебя государя собольми на нынешней на 162 г. (1653/54 год)» [Сборник..., 1960, с. 203]. Двумя десятилетиями позже другой енисейский воевода – К. Щербатов после личной беседы с Гантимуром, который осенью 1685 г. был проездом в Енисейске, в своей отписке в Сибирский приказ утверждал: «...жил де он, Гантимур, преж сего в Даурской земле по великой реке Шилке, а владел де он многими даурскими пашенными люд(ь)ми, а ясак де платили и пашню пахали даурские люди на него, Гантимура» (РГАДА. Ф. 214. Стб. 1355. Л. 61).

Интерпретируя эту информацию, а также данные XVIII в. о «родовом» составе тунгусов Восточного Забайкалья, находившихся в ведении потомков Гантимура, исследователи стремились представить Гантимура главой либо трех («шародувы», «нелюды» и «почегии»), либо нескольких (Баягирского, Почегорского, Увакасильского, Калтагирского, Дуликагирского) родов, либо одного Дуликагирского рода, либо даже большого «племени» нелюдов, состоявшего из 11 тунгусских и 4 монгольских «родов», либо просто «многих больших тунгусских родов» или основной массы забайкальских конных тунгусов. Кроме того, указывалось на подчинение Гантимуру отдельных групп дауров с верховьев Амура, вследствие чего он якобы являлся «владельцем земель в междуречье Шилки и Аргуни, в верхнем течении Амура» (см.: [Яковлева, 1958, с. 18–19, 28–30, 35–36; Долгих, 1960, с. 349; Степанов, 1973, с. 112; Туголуков, 1975, с. 92, 96, 98; Александров, 1984, с. 21; Артемьев, 1995, с. 47–48; Энциклопедия..., 2002, с. 145, 205; 2003, с. 224]). По мнению Д.Г. Дамдинова, Гантимур «властвовал над... 8–9 тысячами данников – дауров-монголов на территории Даурии» [1996, с. 10].

Все эти утверждения весьма сомнительны. Во-первых, некорректно применение данных, относящихся к XVIII в., для выявления объема власти Гантимура в середине XVII в. На это уже указывал В.А. Туголуков [1975, с. 96–98]. Как известно, русская администрация с момента своего появления в Сибири активно занималась форматированием т.н. административных «родов». По этой причине нет оснований полагать и даже предполагать, что те «роды», которые в XVIII в. возглавляли потомки Гантимура, в середине XVII в. ему подчинялись. Во-вторых, источники, зафиксировавшие первые контакты русских с Гантимуром, не дают оснований для признания его высокого властного статуса.

Донесения и расспросы русских землепроходцев, действовавших в конце 1640-х – первой половине 1650-х гг. в Даурской земле (низовья Шилки и верховья Амура), а также допросы упомянутых пленных ясно показывают, что Гантимура среди князцов/князей, «владевших» «даурскими людьми» не было. Он фигурировал отдельно от них. Лидирующие и властные позиции в этом районе имели собственно даурские «вожди» Лавкай, Шилгиней и Гильдегу. Район, где Шилка, сливаясь с Аргунью, превращается в Амур, и верховья Амура занимал «Лавкаев улус», или «Лавкаево княжение». В 1649 г. аманат-тунгус Арчеул, допрошенный казаками в Тугирском зимовье (р. Олёкма), поведал, что в верховьях Шилки живут «лелюл(ь)ские люди», которые «плавают сверху Шилки реки» «на плоте» к даурам, «а как де Шилка река осенью станет, и те де люди у Лавкай покупают хлебные запасы и отъезжают назад к себе кон(ь)ми по л(ь)ду» [Дополнения..., 1848, с. 174]. «Лелюльские люди», «лелюли» – искаженное название *нелюдов* («нелюли», «недюли») [Долгих, 1960, с. 340]. Они, согласно показаниям Арчеула, вели с даурами торговлю, а не брали у них хлеб в качестве ясака-дани, соответственно никакой пашни «даурские пашенные люди» на Гантимура не пахали и не находились от него в зависимости.

В то время дауры платили дань маньчжурам [Очерки..., 2009, с. 69, 90, 91]. Информация же Щербатова о владении Гантимуром «многими даурскими пашенными люд(ь)ми» является, как мы полагаем, вольной интерпретацией торговых отношений нелюдов и дауров. Это вполне соответствовало русской практике первых контактов с сибирскими народами, когда товаро/дарообмен (обмен подарков на пушнину) казаки-землепроходцы нередко трактовали как объясачивание. И либо сам Гантимур под влиянием своего общения с русскими, либо Щербатов квалифицировали торговые отношения нелюдов и дауров как зависимость последних от первых. Такая оценка вполне отвечала наметившемуся в 1670-х гг. стремлению русских властей представить предводителя нелюдов влиятельным вождем, что можно было использовать в качестве аргумента легитимации русской власти в «Даурской земле»: «иноземцы», якобы платившие дань Гантимуру, принявшему русское подданство, автоматически рассматривались как подданные русского царя.

Нет подтверждений и главенству Гантимура над собственно тунгусами южной части Восточного Забайкалья. Среди тунгусских вождей, «властвовавших» на «Великой реке Шилке» и в ее окрестностях, помимо Гантимура и наравне с ним упоминаются и другие князцы: «Какагильского роду» Бабуг, «Налятцкого роду» Тякш, «Баягареково роду» Кагил, «Почегирского роду» Топук, «Чамамагирского роду» Болдоной и «Кокогирского роду» «улушной лутчей человек» Индак [Сборник..., 1960, с. 203]. Фразу из отписки Пашкова «с прежних новоприводных земель *князцов* Нелюдцкого князя Гентамура *с товарищи* и с *их* улусных с 10 земель людей» (курсив наш. — А.З.) никак нельзя трактовать в том плане, что Гантимуру подчинялись 10 «землиц»-«родов». Указания на «князцов», «товарыщей» и «их улусных людей» вполне определенно говорят о том, что этими десятью «землицами», кроме Гантимура, «владели» и другие князцы, имена которых Пашкову, пересказывавшему отписки землепроходца Бекетова, были просто неизвестны. Кроме того, упоминание в отписке Пашкова наряду с Гантимуром «князя» «Почегирского» (Почегорского) рода Топука ставит под сомнение информацию Хабарова о подчинении «почегов» Гантимуру. Никаких намеков на то, что Гантимур являлся влиятельным тунгусским предводителем, не содержится и в отписках других русских землепроходцев, взаимодействовавших с тунгусами в Забайкалье в 1650-х гг.

Начав давать казакам ясак с 1650–1651 гг., Гантимур во второй половине 1650-х гг. со своим родом ушел в маньчжурские пределы, на р. Наун. Примерно в это же время туда же перекочевали и многие другие роды конных тунгусов. В 1666–1667 гг. Гантимур вернулся в русское подданство, но с ним было всего 40 человек «нелюдцкого роду» [Акты..., 1842, с. 455]. Основная масса забайкальских тунгусов разных родов (Баягирского, Почегорского, Увакасильского, Калтагирского, Дуликагирского и др.) вернулась позже и во главе с собственными вождями. Самостоятельный выход этих родов говорит о том, что они не были в подчинении у Гантимура.

Таким образом, вышеизложенное позволяет заключить, что нет никаких оснований считать Гантимура влиятельным вождем крупного объединения конных тунгусов или тунгусов, монголов и дауров. В конце 1640-х – первой половине 1650-х гг. он был лишь одним из многих местных (тунгусских и даурских) князцов, причем не самым авторитетным.

Список литературы

- Акты исторические.** – СПб., 1842. – Т. 4. – 592 с.
- Александров В.А.** Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). – Хабаровск: Кн. изд-во, 1984. – 272 с.
- Артемьев А.Р.** России верное служение (род князей Гантимуровых) // Забытые имена. – Владивосток, 1995. – Вып. 1. – С. 47–59.
- Дамдинов Д.Г.** О предках Гантимуровых (титуловых князей и дворян по московскому списку). – Улан-Удэ, 1996. – 92 с.
- Долгих Б.О.** Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 621 с.
- Дополнения** к актам историческим. – СПб., 1848. – Т. 3, VII, 539, 7, 9 с.
- Очерки истории Российского Дальнего Востока** / И.В. Мазуров, А.М. Пастухов. – Хабаровск: Изд-во ДВАГС, 2009. – Кн. 1. – 383 с.
- Сборник документов по истории Бурятии. XVII век.** – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. – Вып. 1. – 493 с.
- Степанов Н.Н.** Присоединение Восточной Сибири в XVII в. и тунгусские племена // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). – М.: Наука, 1973. – С. 106–124.
- Туголуков В.А.** Конные тунгусы (этническая история и этногенез) // Этногенез и этническая история народов Севера. – М.: Наука, 1975. – С. 78–110.
- Энциклопедия Забайкалья: Читинская область.** – Новосибирск: Наука, 2002. – Т. 1. – 302 с; 2003. – Т. 2. – 418 с.
- Яковлева П.Т.** Первый русско-китайский договор 1689 года. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 236 с.

К ВОПРОСУ О ВОЗВРАЩЕНИИ ГРАЖДАН НА КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ: ДВА ПУТИ РЕПАТРИАЦИИ

В 1910–1945 гг. корейское государство Чосон было аннексировано Японией. На протяжении этих лет корейское население было мобилизовано для несения трудовой повинности на своей территории и в Японии. Однако после поражения Японии во Второй мировой войне и образования на Корейском полуострове двух государств – Республики Корея (РК) и КНДР лишь часть мобилизованных корейцев возвратилась на Родину. Оставшиеся за пределами Корейского полуострова корейцы в Японии и на о. Сахалин долгое время не имели гражданства и возможности вернуться в Корею. Это было связано с тем, что послевоенные трудности и разделение Корейского полуострова на два государства препятствовали репатриации корейских граждан на Родину.

Репатриация, или возвращение граждан в страну исхода, как правило, происходящее в массовом порядке и на основе международных договоров, чаще всего имеет место в контексте трагических событий. Так, к 1945 г. в Японии находилось свыше 2 млн корейцев. После войны большинство из них вернулось на Корейский полуостров. Однако около 600 тыс. корейцев решило остаться в Японии в связи с нарастающим политическим и социальным конфликтом на Родине [Morris-Suzuki, 2012]. На о. Сахалин после войны и частичного возвращения остались около 43 тыс. корейцев [Информационный портал..., 2012]. По отношению к этим лицам в условиях жесткого соперничества и противостояния оба государства Корейского полуострова в разное время проводили политику репатриации.

Репатриация корейцев из Японии в КНДР в 1950–1960 годах. В Японии после Второй мировой войны насчитывалось около 2 млн мобилизованных корейцев, из которых приблизительно 600 тыс. пожелали остаться в Японии. Несмотря на то, что большинство этих корейцев были вывезены в Японию из южной части полуострова, они симпатизировали КНДР, где с 1955 г. действовала просеверокорейская Ассоциация корейцев Японии Чхорён. Именно она выдвинула требование о репатриации в КНДР. Таким образом, оставшиеся в Японии корейцы предпочли остаться в Японии по политическим соображениям, а затем выдвинули предложение о репатриации в КНДР. Необходимо заметить, что и Северная и Южная Кореи были озабочены особым статусом корейцев в Японии. Например, РК в 1954 г. отказалась принимать депортированных за нарушение закона корейцев из

Японии. Это привело к тому, что многие осужденные стали требовать депортации в Северную Корею.

Инициатива репатриации корейцев из Японии в КНДР шла сразу из нескольких источников. В 1953 г. просеверокорейски настроенные корейцы выдвинули желание вернуться в КНДР. И некоторые представители японской власти видели в этом решение проблемы корейских осужденных за нарушение японских законов, а также избавление от обедневших корейцев, которые существовали только за счет социальных пособий. Японское правительство открыто заявляло о высоком уровне безработицы или маргинальной занятости среди корейцев (бильярдный бизнес, незаконное пивоварение, сбор мусора). КНДР же видела в репатриации решении вопроса с осужденными и общее улучшение жизни корейцев, а также расширение влияния корейского сообщества в Японии. Сложность заключалась лишь в том, что Япония опасалась ухудшения отношений с РК и вмешательства США. Однако в 1956 г. японская сторона окончательно убедила власти КНДР в необходимости репатриации, и вплоть до 1959 г. шла подготовка проекта.

Необходимо заметить, что подготовка и осуществление репатриации корейцев из Японии в КНДР последовали практически сразу после Корейской войны 1950–1953 гг. между Севером и Югом. Они шли в условиях идеологического противостояния двух стран. Не последнюю роль в привлечении соотечественников сыграла северокорейская пропаганда. Однако несмотря на маргинальное положение большинства корейцев в Японии, существовала просеверокорейская организация Чхорён, которая не только выступила вдохновителем репатриации, но и консолидировала корейское население.

В итоге, проект репатриации начался в 1959 г. с привлечением советских кораблей. Только к 1960 г. на Родину вернулись 49 тыс. чел. Общее число репатриантов за 1959–1984 гг. составило свыше 93 тыс. чел. Необходимо заметить, что Ким Ир Сен призывал всех корейцев Японии вернуться в КНДР еще в августе 1958 г. Но этот проект помогал репатриироваться за счет совместных средств Японии и КНДР обедневшим корейцам, не способным нести самостоятельные расходы за переезд [Morris-Suzuki, 2012].

Этот пример показывает готовность КНДР не просто принять обедневших репатриантов из Японии, но и улучшить их статус. В то же время РК, антияпонски и антикоммунистически настроенная при президенте Ли Сын Мане, не просто игнорировала проблему японских корейцев, но и открыто отказалась принимать депортированных соотечественников. Неудивительно, что большинство зарубежных корейцев ассоциировало себя именно с КНДР, ведущей активную пропаганду. В этой ситуации репатриация стала результатом сотрудничества двух государств – Японии и КНДР, а также сообщества корейцев Японии. Таким образом, можно говорить о способности корейцев Японии объединиться в некую общественно-национальную организацию для выражения интересов группы в непростой ситуации послевоенных лет.

Репатриация корейцев о. Сахалин в Республику Корея. Практически во всех официальных документах РК количество корейцев, оставшихся на о. Сахалин после капитуляции Японии, составляет 43 тыс. чел. Данные переписи населения СССР 1959 г. дают приблизительно такой же результат – 42,2 тыс. чел. [Население..., 2011]. Долгое время сахалинские корейцы не имели гражданства ни одной из стран. В связи с пропагандой КНДР и неясностью перспективы возвращения в РК, многие корейцы получили гражданство КНДР. Таких было больше, чем корейцев о. Сахалин с советским гражданством в 1960-е гг. В итоге российское подданство получили практически все сахалинские корейцы, однако с конца 1980-х гг. начался дискурс о репатриации [Ким Хэжжин, 2008, с. 14].

Инициатором проекта репатриации в 1988 г. стало южнокорейское отделение Красного Креста. В 1994 г. правительства РК и Японии договорились о совместном проведении проекта переселения, а в 1996 г. правительство Кореи в дополнение открыло проект по предоставлению вида на жительство сахалинским корейцам [Пэ Су Хан, 2010, с. 280]. Усилиями Красного Креста с 1989 г. стала действовать программа посещения Кореи сахалинскими корейцами. В 1994 г. в г. Ансан началось строительство дома для первого поколения сахалинских корейцев, финансируемое японским отделением Красного Креста. В результате переговоров были разработаны условия репатриации, а конкретно репатриантами признавались только корейцы первого поколения, мобилизованные на о. Сахалин до 1945 г. С 2008 г. второе поколение корейцев тоже было признано репатриантами. К 2005 г. в дом «Кохянгмабль» в г. Ансан были репатриированы 1,6 тыс. чел., а по расчетам корейской стороны желали переселиться еще 3 тыс. представителей первого поколения сахалинских корейцев.

Материалы обсуждения закона о репатриации в 2005 г. показывают, что с момента договоренности с японским правительством в 1994 г. и по 2005 г. репатриация осуществлялась очень медленно. Эту задержку связывают с зависимостью от японского финансирования. В 2005 г. обсуждалось предложение увеличить финансирование корейскими силами. По первоначальной договоренности расходы по проекту репатриации должны были взять на себя РК и Япония. Так, Япония финансировала строительство домов для репатриантов, а расходы на переселение и пенсии страны несли совместно.

С начала осуществления программы репатриации и до 2010 г. всего было переселено свыше 3 тыс. чел. в города Инчхон, Ансан, Хвасон, Чхучхон, Пусан и др. Возраст переселенцев составил 65–75 лет. Большинство из них родились на о. Сахалин, но практически все свободно владели корейским языком, т.к. обучались в корейских школах [Пэ Су Хан, 2010, с. 280–295].

По результатам интервью пяти репатриантов дома «Кохянгмабль» в г. Ансан и схожим результатам исследования Пэ Су Хан в районе Чжонкван в г. Пусан можно сделать вывод, что большинство переселенцев (76 %) не испытывало ни материальных, ни социальных трудностей при жизни на

о. Сахалин. Среди главных причин приезда выделяются «тоска по Родине» и «желание быть похороненным в Корее». Условиями жизни в Корее опрошенные в целом довольны, хотя скучают по о. Сахалин и семьям, поскольку данная программа не распространяется на детей и внуков.

Таким образом, путем ограничения числа репатриантов лицами, проживавшими на о. Сахалин до 1945 г., правительство РК избежало не только проблемы излишне высокого числа репатриантов, но и необходимости проведения широкомасштабных адаптационных программ.

Репатриация в РК, как и вся иммиграционная политика страны, отличается крайней осторожностью и ограничивается минимальным приемом граждан. РК в первую очередь стремится защитить свой рынок труда от массового притока иностранных рабочих, поэтому продумывает каждый шаг в иммиграционной политике страны. Репатриация имеет важный символический характер, демонстрирует заботу государства о бывших соотечественниках.

Список литературы и источников

Информационный портал корейцев СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.arirang.ru/news/2011/11077.htm>.

Ким Хэжин. Особенности идентификации корейской молодежи в современной России: автореф. дис... канд. ист. наук. – М., 2008.

Morris-Suzuki T. Exodus to North Korea revisited: Japan, North Korea, and the ICRC in the «repatriation» of ethnic Koreans from Japan [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.japanfocus.org/-Tessa-Morris_Suzuki/3541.

Население Сахалинской области [Электронный ресурс]. – Википедия. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%>.

Пэ Су Хан. Условия жизни репатриированных сахалинских корейцев и направления для улучшения: по данным переселенцев в Пусан Чжонгван (영주귀국사할린동포의거주실태와개선방향: 부산정관신도시이주자대상으로) // Журнал исследований международной политики (국제정치연구). – 2010. – Вып. 13, № 2.

КОЛЛЕКЦИЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ПОЛОТЕНЕЦ И РУШНИКОВ В ФОНДАХ МУЗЕЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ИАЭТ СО РАН

Коллекция полотенец является одной из самых крупных в собрании Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН. Она насчитывает 254 единицы. В основной своей массе коллекция сформировалась в 1969–1984 гг. Авторами комплектования стали этнографы Института истории, филологии и философии СО АН СССР (в настоящее время ИАЭТ СО РАН) – Лидия Михайловна Русакова, Елена Федоровна Фурсова, Фирс Федосович Болонев, Николай Николаевич Покровский, Елена Ивановна Скоп. Регионы поступления предметов коллекции включают как Западную, так и Восточную Сибирь, Республику Казахстан (по старому административному делению – Восточно-Казахстанская обл. Казахской ССР, Бурятская АССР, Алтайский край, Новосибирская обл. РФ). Наиболее полно в коллекции представлены образцы, поступившие из Восточно-Казахстанской области и Алтайского края, в меньшей степени – из Новосибирской области и Бурятии.

По времени изготовления полотенца относятся в основном к концу XIX – началу XX в. По сюжетам и характеру трактовки орнаментальные мотивы на полотенцах можно условно разделить на геометрические, антропоморфные, орнитоморфные, зооморфные, растительные и геральдические.

Структурно полотенца включают неорнаментированную (основное полотно) и орнаментированную части. Основу всех полотенец коллекции составляет полотно, изготовленное на ручном ткацком стане из льняных нитей домашнего прядения в технике полотняного переплетения. В фондах также есть несколько изделий из конопляных нитей. Более поздние образцы, относящиеся к середине XX в., изготовлены в основном из хлопчатобумажных тканей фабричного производства.

По способу нанесения орнамента полотенца можно разделить на предметы с ткаными и вышитыми узорами. Самую большую группу составляют полотенца, изготовленные в технике бранного ткачества: примерно 36 % от общего числа предметов коллекции. Нужно отметить, что в данной технике выполнен в основном геометрический орнамент. Некоторые образцы украшены полосами бранного ткачества в процессе тканья, т.е. вытканый орнамент рельефно и цветом выделяется на основном полотне. Но не всегда орнаментальные полосы выполнялись сразу при тканье.

Например, практически во всех в полотенцах, привезенных из Алтайского края, полосы бранного ткачества изготовлены отдельно и пришиты к концам готового полотна. Цветовая гамма такого вида тканья достаточно однообразна – оттенки красного и черного цвета.

Техники вышивки в орнаментации полотенец из собрания музея очень разнообразны (рис. 1–3). Наиболее часто встречаются счетные техники (34 % от общего числа изделий коллекции) – «крест» (16 %), «болгарский крест» (12 %) и вышивка «набором» (7 %). Орнаменты, выполненные «крестом» и «болгарским крестом», в основном полихромны: включают сочетания нитей черного и красного цвета. На полотенцах первой половины XX в. встречаются орнаменты из разноцветных ниток – синих, оранжевых, зеленых и т.д.

Рис. 1. Полотенце.

Сбор Л.М. Русаковой, 1978 г.,
Казахстан (МИКНС, № 1038).

Рис. 2. Полотенце.

Сбор Л.М. Русаковой, 1979 г.,
Казахстан (МИКНС, № 1303).

*Рис. 3. Полотенце. Сбор Л.М. Русаковой, 1981 г.,
Казахстан (МИКНС, № 1365).*

Для вышивки «крестом» по холсту использовались хлопчатобумажные нитки. Для вышивки «набором» чаще всего применялись разноцветные шерстяные нитки (гарус), которыми украшали плис, бархат или кумач (хлопчатобумажная ткань красного цвета).

Концы полотенец и место между вышивками и кистями (проставка) наиболее часто декорированы в технике ажурной вышивки («по-выдергу»), которая известна под названием белая или цветная «перевить», а также кружевом.

Основой для «перевити» служило полотно, в котором нити основы и утка продергивали таким образом, чтобы получилась сетка. Затем сетку обшивали специальными швами, укрепляющими ячейки, и заполняли фон

основным орнаментом. Различия между белой и цветной «перевитью» состоит в выборе цвета для основного орнамента. Для цветной «перевити» характерен красный цвет, но встречаются дополнения желтого, синего и зеленого цвета. В белой «перевити» сетка и сам орнамент только белого цвета.

В коллекции музея значительная часть (35 %) полотенец декорирована кружевом трех видов: плетеным на коклюшках (4 %), вязаным крючком (15 %) и фабричного производства (16,3 %). Остальные экземпляры не имеют кружевных фрагментов.

Встречается в декоре полотенец и вышивка «тамбурным швом», или «в петельку». В коллекции есть несколько русских полотенец, декорированных «тамбуром». В основном это образцы, привезенные из Алтайского края этнографом Лидией Михайловной Русаковой. Несколько полотенец собраны Еленой Федоровной Фурсовой, которая относит тамбурный шов к традиционной старожильской (в частности «чалдонской») вышивке [1992, с. 131; 2005].

Коллекция полотенец является составной частью этнографического комплекса фондов Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока, характеризующего традиционную культуру восточнославянских народов. Данное собрание имеет непреходящую историко-культурную ценность. На основании предметов коллекции можно проследить закономерности и особенности орнаментации, способы ткачества и локальные традиции изготовления полотенец в Алтайском крае, Казахстане, Бурятии и т.д. Народное художественное творчество является целостной культурной системой, в полной мере заслуживающей самого внимательного учета, собирания, публикации сводных каталогов [Орнаментированные полотенца..., 2006].

Список литературы

Орнаментированные полотенца населения Среднего Прииртышья конца XIX – первой трети XX в. (по материалам коллекции Омского государственного историко-краеведческого музея) // Труды по археологии и этнографии ОГИКМ. – Омск: Изд-во ОГИКМ, 2006. – С. 59–65.

Фурсова Е.Ф. Орнаментация женского рукоделия у русских Южной Сибири // Орнамент народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1992. – С. 127–147.

Фурсова Е.Ф. Орнаментальные традиции рукоделий крестьянок Барабы и Васюганья как результат межкультурных взаимодействий // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 1 (21). – С. 128–140.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1959–1989 ГОДЫ)*

Национальный состав населения Западной Сибири в прошедшем столетии складывался под воздействием целого комплекса социально-экономических и политических причин. Реализация политики форсированной индустриализации привела к резкому росту численности горожан в Западной Сибири. Основную роль в формировании городского населения играли славянские народности, прежде всего – русский этнос. В 1939 г. его удельный вес среди горожан Западной Сибири составил 89,8 % (в целом в населении 86,4 %), в 1959 г. – 87,6 % (84,9 %), в 1989 г. – 86,5 % (84,9 %). С одной стороны, этому благоприятствовало то, что русский этнос доминировал в составе населения страны и изучаемого экономического района. С другой стороны, большинство национальностей СССР находились еще на ранних этапах демографического перехода. Их миграционная мобильность ограничивалась редкими внутрисельскими перемещениями в рамках административного района или области. Кроме того, на модернизационные импульсы индустриализации различные народы реагировали неодинаково. Коллективизация не всегда могла привести к оттоку населения именно в города. В некоторых случаях она «заморозила» процесс урбанизации, привела к перемещению значительных в количественном отношении частей какого-либо этноса на другие территории или за пределы страны.

Отличительной характеристикой экономического района с точки зрения изучаемой проблемы являлось отсутствие в его составе крупных национально-территориальных образований (автономных республик) с высоким удельным весом коренных народов. Вклад национальных округов в общую численность жителей был небольшим, но даже там представительство титульных этносов не являлось значительной величиной. В 1959 г. нерусские народы в совокупности составили около 15 % от всего населения Западной Сибири. К крупным этническим массивам (людность более 100 тыс. чел.) относились украинцы (449,6 тыс. чел.), немцы (437,9 тыс. чел.) и татары (223,6 тыс. чел.). Меньше было казахов (88 тыс. чел.), белорусов (75 тыс. чел.), чувашей (66,2 тыс. чел.) и мордвы (58,7 тыс. чел.). Среди других национальностей следует выделить алтайцев (43,7 тыс. чел.), евреев (38,4 тыс. чел.), эстонцев (16,6 тыс. чел.) и латышей (16,9 тыс. чел.).

*Работа выполнена в рамках гранта РГНФ (проект №12-31-01211).

Численность остальных этносов оказалась в целом небольшой. В своем исследовании мы сконцентрировали внимание на изучении крупных этнических групп Западной Сибири (см. *таблицу*).

В довоенный период (1939 г.) удельный вес горожан в населении Западной Сибири достиг 28,9 %. Традиционно с заметным опережением по этому показателю лидировали евреи (85,8 %). Высокая доля горожан отличала и литовцев (38,1 %). Урбанизация среди этих двух этносов еще до революции достигла высокого уровня. Экономические мероприятия советских государственных органов привели к росту численности городского населения среди русских (30,4 %), мордвы (28,1 %), татар (27,5 %), белорусов (24 %) и латышей (22,7 %). Меньше городских жителей было среди украинцев (18 %), чувашей (17,6 %), эстонцев (16,1 %), казахов (13,5 %), немцев (9,8 %) и алтайцев (7,7 %) [Национальный состав..., 1961].

Численность многих национальностей возросла под влиянием эвакуационных мероприятий советских органов власти в годы войны, роста экономического потенциала Западной Сибири, а также в результате насильственных депортаций. Удельный вес горожан среди евреев повысился до 96 %, белорусов – до 53,7 %, русских – до 52,7 %, литовцев – до 50,9 %. Вплотную к пятидесятипроцентному рубежу приблизились татары

Таблица. Национальный состав населения Западной Сибири согласно Всесоюзным переписям 1939, 1959 и 1989 гг. (тыс. чел.)

Этнос	1939 г.		1959 г.		1989 г.	
	всего	городское население	всего	городское население	всего	городское население
Русские	7621,4	2317,8	9556,9	5037,9	12749,1	9441,9
Украинцы	483,2	86,8	449,6	216,9	583,8	455,3
Белорусы	64,0	15,3	75,0	40,3	113,2	90,8
Казахи	99,1	13,4	88,0	15,4	130,2	53,5
Литовцы	3,5	1,3	9,2	4,7	6,0	4,7
Латыши	17,6	4,0	16,9	5,7	8,4	5,1
Эстонцы	18,8	2,9	16,6	4,5	9,8	4,9
Татары	161,9	44,4	223,6	109,2	398,6	284,3
Евреи	20,8	17,8	38,4	36,8	23,3	22,7
Немцы	101,3	9,9	437,9	125,0	416,5	184,3
Мордва	89,6	25,2	58,7	27,5	42,3	30,3
Чуваши	55,9	9,8	66,2	24,4	79,9	49,9
Алтайцы	44,7	3,5	43,7	3,8	67,1	10,8
<i>Итого</i>	<i>8928,4</i>	<i>2581,8</i>	<i>11251,6</i>	<i>5751,3</i>	<i>15013,2</i>	<i>10915,5</i>

Примечание. Подсчитано по: **Национальный** состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. – М., 1961. – С. 153, 159, 167, 175, 182–183, 190–191, 272, 283, 291, 295, 299, 317; РГФЭ. Ф. 1562. Оп. 69. Д. 204. Л. 1–6, 18–23; Д. 215. Л. 1–6, 18–23; Д. 219. Л. 129–134; Д. 220. Л. 88–93, 105–110; Д. 225. Л. 1–6, 19–24.

(48,8 %), украинцы (48,2 %), мордва (46,9 %). Только у чувашей (36,9 %) численность горожан росла несколько медленней.

Урбанизация у народов, подвергшихся депортации, приняла замедленный характер. Спецпоселенцев в основном размещали в сельской местности, что повлияло на процентное соотношение городского и сельского населения. Вероятнее всего, следствием насильственных переселений стало также снижение интенсивности сельско-городских перемещений у бывших депортируемых. В результате удельный вес горожан среди эстонцев, латышей и немцев составил только 27,2, 33,7 и 28,5 % соответственно. В то же время удельный вес сельских жителей продолжал оставаться высоким у этносов, находившихся на ранних этапах демографической модернизации, – казахов (17,5 %) и алтайцев (8,7 %). Столь значительное преобладание сельского населения у последних объясняется тем, что алтайцы слабо реагировали на импульсы индустриальной модернизации. Это было свойственно и другим народам Центральной Азии и юга Сибири (бурятам, тувинцам, хакасам), адаптация которых к системным преобразованиям в традиционном хозяйственном укладе, образе жизни и культурной сфере протекала медленнее и с большими трудностями.

В следующие 30 лет экономическое развитие Советского Союза протекало более или менее равномерно, а урбанизация плавно перешла из экстенсивной в интенсивную фазу. В течение нескольких десятилетий страна не знала социальных катаклизмов и войн, подобных тем, что сотрясали страну в первой половине XX столетия. На изменение количественных характеристик отдельных этносов уже не оказывали влияние экстремальные факторы (депортации, голод, войны и т.д.). Сравнительно равномерное и последовательное движение народно-хозяйственных процессов отразилось и на демографической подсистеме общества, в т.ч. на урбанизации.

Удельный вес горожан в населении изучаемого экономического района к 1989 г. увеличился до 72,7 %. Среди крупных этносов только немцы (44,3 %), казахи (41,1 %) и алтайцы (16,1 %) не преодолели пятидесятипроцентный рубеж. Сравнительно низким продолжал оставаться уровень урбанизации эстонцев (50,1 %) и латышей (61,5 %). Заметно возросла доля горожан у татар (71,3 %), мордвы (71,6 %), чувашей (62,4 %), а также башкир (90,6 %), удмуртов (66,6 %) и марийцев (74,4 %), численность которых в Западной Сибири значительно увеличилась. Удельный вес городского населения у русских, украинцев и белорусов повысился соответственно до 74,1, 78 и 80,2 % соответственно.

В этот период процессы демографической модернизации ускорились не только у народов, проживавших в европейских районах России. Трансформация традиционного уклада жизни и форм хозяйствования, индустриализация и урбанизация стимулировали их у народов азиатской части РСФСР, Кавказа и Центральной Азии. Благодаря росту миграционной мобильности они, наряду со славянскими и поволжскими этносами, начали играть все более весомую роль в становлении индустриального потенци-

ала Западной Сибири, постепенно втягиваясь в модернизационный ритм Советского Союза [Население..., 1997, с. 156]. В силу того, что мигранты селились преимущественно в городских поселениях, уровень урбанизации у прибывших в Сибирь из названных выше регионов оказался очень высоким. Так, доля армян, проживавших в городах, достигла 81,4 %, азербайджанцев – 85 %, узбеков – 85,1 %. В дальнейшем эти народы, наряду со многими другими, активно включились в хозяйственное освоение Западной Сибири.

В заключение следует сказать, что для экономического освоения восточных районов страны всегда требовалось привлечение значительных трудовых ресурсов извне. По мере медленного снижения демографического потенциала европейских районов возмещение дефицита рабочих рук происходило за счет других регионов Советского Союза. В результате национальная структура городских поселений Западной Сибири на протяжении второй половины XX столетия становилась все более полиэтничной и сложной по составу.

Список литературы

Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г. – М., 1961. – С. 155, 161, 169, 177, 184–185, 192–193, 274, 284, 292, 296, 300, 319–320.

Население Западной Сибири в XX веке. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. – 171 с.

**К ВОПРОСУ О ФОРМАХ МАТЕРИАЛЬНОГО ВОПЛОЩЕНИЯ
НАРОДНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ:
ФЕНОМЕН СВЯТЫХ МЕСТ
(НА МАТЕРИАЛАХ ИСТОРИИ СИБИРИ)***

Известно, что Гражданская война в Сибири не закончилась с разгромом войск Колчака и освобождением региона от белогвардейцев и интервентов. В 1920–1921 гг. вся Сибирь была охвачена крестьянскими антибольшевистскими восстаниями, за которыми в исторической литературе закрепилось название «Сибирская Вандея» [Сибирская..., 2000–2001]. Вооруженные выступления сибиряков были вызваны широким спектром причин, среди которых главное место занимали недовольство произошедшей сменой политической власти, а также неприятие начавшегося передела земли, скота и личного имущества. Однако самое ожесточенное сопротивление правящему режиму спровоцировала политика насильственного изъятия т.н. «хлебных излишков», сопровождавшаяся беспрецедентными методами давления на сельское население, включая пытки и имитацию расстрела [Хенкин, 1995].

Один из очагов активных действий против советской власти (центр в с. Сорокино) сложился в 1920 г. в Заобском районе Барнаульского уезда Алтайской губернии. На ликвидацию «бандитизма» (так сказано в донесении начальника губернского административного отдела в центральное административное управление НКВД от 2 июля 1925 г.) были брошены «части особого назначения». Причины Сорокинского восстания, по словам составителя документа, крылись в «недовольствии» местного населения советской властью «в области проведения налоговой политики», а именно — «продразверсткой и другими налогами, диктовавшимися историческим моментом». О степени накала классовой борьбы можно судить по следующей авторской ремарке: начавшись избиением участников продотрядов, восстание дошло «до таких зверств», что «бандиты» «распиливали попадавшихся (им) в руки... живых коммунистов» со словами: «Это Вам, получите мясную разверстку» (ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 43а. № 1038. Л. 184 об.).

В силу причин идеологического характера подобные исторические события не нашли подробного отражения в советской историографии. Многочисленные восстания сибиряков, закончившиеся поражениями и сопровождавшиеся жестокими репрессиями, как пишет по этому поводу В.И. Шишкин, плохо вписывались в официальную героико-романтичес-

*Работа выполнена в рамках гранта РГНФ (проект № 12-01-00199).

кую концепцию Гражданской войны. Более того, в советское время сформировался идеологический стереотип, в соответствии с которым любая контрреволюционная акция рассматривалась как «черная», постыдная страница отечественной истории. Подобные факты следовало, как считалось, не изучать, а проклинать или предавать забвению [Шишкин, 1995].

Тем не менее, народная память о событиях Гражданской войны, «не вписавшихся» в официальный исторический дискурс, получила своеобразное преломление в традиционных религиозно-обрядовых практиках почитания святых мест. Сопоставление разноплановых источников позволило не только проследить историю одного из наиболее почитаемых мест Алтайского края, но и восстановить обстоятельства, при которых произошла его сакрализация.

Судя по тексту упомянутого документа, в период подавления Сорокинского восстания «были расстреляны граждане с. Сорочий Лог в числе около 12 человек». Трупы их сбросили «в овраг, где местные крестьяне сваливали вывозимый со дворов назем и всякий мусор». Впоследствии неподалеку от «могилы расстрелянных бандитов» «открылся» святой ключ, куда стало стекаться «огромное количество богомольцев», желавших получить исцеление от различных болезней и недугов. При этом размах самого явления не мог не вызвать озабоченности властей. К примеру, 17–19 июня 1925 г. (когда ожидался приезд архиерея «на освящение ключа») стечение паломников, как сказано в донесении, «достигло... более 2000 человек». Все это давало центральной и местной администрации основание «предполагать» в паломничестве «организованное начало» (ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 43а. № 1038. Л. 182, 183, 184 об., 185 об.).

Выявленные сведения позволили предположить, что сохранению памяти о Сорокинском восстании способствовала характерная для степных и лесостепных районов Сибири народно-православная традиция почитания святых мест, прежде всего – водных источников, отмеченных в народных воззрениях символикой плодородящего и исцеляющего начала. Было установлено, что названная символика поддерживается бытующими вплоть до настоящего времени преданиями о т.н. «явленных» (всплывающих время от времени из родника) иконах («божественных ликах»), большая часть которых относится к богородичному типу [Любимова, 2006].

Проведенное исследование показало, что сакрализация места гибели участников восстания в Сорочьем Логу, по всей видимости, произошла в результате контаминации народной исторической памяти и нарративов о явлении божественных ликом в святой воде. Так, авторы книги по истории села пишут, что матери одного из расстрелянных, каждый день ходившей на место гибели сына, привиделся в ключевой воде лик, сообщивший ей о том, что все погибшие «признаны Богом невинными мучениками», а сам родник – это «слезы матерей по невинно убиенным» [Строчков и др., 2001]. В документе из фондов НКВД говорится: «Родственники расстрелянных бандитов распространяют слухи (о том), что убитые... пострадали

за православную веру, теперь они святые – их образы видели в святом ключе (ср.: «коммунисты убили... замучили (их), забросали назьмом». – Г.Л.), но Святая Богородица не дает им этого сделать. Она смыла с их лица грязь и дала нам святой ключ. Теперь они в святом раю, а мы, грешные, здесь мучимся». Отмечено также, что рассказы о явлении Богородицы или Иисуса Христа с погибшими окружают последних ореолом святости, сама же эта «нелепость» «переходит их уст в уста», распространяется «по всему району, городу Барнаулу, и выходит за пределы Алтайской губернии» (ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 43а. № 1038. Л. 182, 185, 185 об.).

Исключительный интерес в этом отношении представляет старообрядческое сочинение «Повесть о святом ключе», в которое вошли рассказы «об известном алтайском источнике близ с. Сорочий Лог» (публикацию текста и комментариев к повести см. в кн.: [Духовная литература..., 1999]). Подтверждением сакрального статуса ключа стали зафиксированные в «Повести...» предания о регулярном явлении «божественных ликов», а также многочисленные рассказы о случаях чудесного исцеления (ср: «такو потече целебный источник воды, не глубок... но вельми прозрачен... И в воде видяхуся лики или образы Пресвятыя Богородицы и святых угодников Божиих. И егда хотяше кто руками в воде взяти их, ничтоже обреташе») [Духовная литература..., 1999].

Побывавшая на святом ключе в 1962 г. черница Анна упоминает виденные ею в воде образы «Пресвятыя Богородицы со Превечным Младенцем, ангела хранителя, Иоанна Богослова и святителя Николы». В другом описании приводятся свидетельства «двух жен», согласно которым вода в ключе во время молитвы начинает «тревожиться и ходить кругами, и выкидывать пузырьки». Примечательно, что «божественные лики» в данном случае заменяются тщательно выписанными образами «погибших страдальцев». Ср.: «...помолившись, жены удостоились увидеть в воде три венца и в каждом по три человека... Сперва вышел один разноцветный радужный (венец), и в нем три человечка величиной 5 сант. в рубашке, в поясочке, в штанах босые... Чрез несколько минут вышел второй (венец)... (а потом) третий». «Тамошние жители этих страдальцев знают на имя», поскольку недалеко от ручья находятся их могилы, куда люди ходят молиться и поминать убитых [Духовная литература..., 1999].

Материальным воплощением памяти об исторических событиях в Сорочьем Логу стали культовые сооружения – деревянный сруб и часовня, возведенные крестьянами в 1924 г. на месте гибели повстанцев. Архивные документы констатируют, что местная ячейка, не получив соответствующих указаний, решила самостоятельно бороться с «религиозным дурманом» и «разрушила часовню», а «сруб деревянный над источником весенней водой унесло» (ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 43а. № 1038. Л. 185 об.).

Массовое паломничество к ключу, пик популярности которого пришелся на середину 1920-х гг., заставило власти предпринять ответные меры, направленные на десакрализацию почитаемого места. О них можно судить

по тексту старообрядческой «Повести...», в которой говорится о неоднократных попытках «завалить источник навозом и гноем», забить воронку «бревнами и соломой» и даже отгонять верующих «насилиями... казнью... и заключением в темницу». Однако каждый раз за осквернением, как следует из повествования, происходило «восстановление святости» (когда вода пробивалась в другом месте) [Духовная литература..., 1999].

Согласно полевым наблюдениям, несколько лет назад в Сорочьем Логу появился женский скит, по инициативе Барнаульской епархии ведется строительство храма, разбит цветник. Приезжая из ближних и дальних мест в надежде получить исцеление, люди увозят с собой воду в пластиковых бутылках и глину с песком в больших стеклянных банках. Мониторинг современного состояния традиции подтвердил выявленную ранее тенденцию к «воцерковлению» водных источников, когда на смену стихийным народно-религиозным обрядовым практикам почитания святых мест приходят организованные формы религиозного паломничества и туризма (ПМА, 2012).

Список литературы

Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. / Отв. ред. Н.Н. Покровский. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. – Т. 1. – 800 с.

Любимова Г.В. Почитаемые места в народно-православной картине мира сельского населения Сибири // Православные традиции в народной культуре восточных славян Сибири и массовые формы религиозного сознания XIX–XX вв. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 2006. – С. 33–49.

Сибирская Вандея: Документы / Под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В.И. Шишкин. – М.: Междунар. фонд «Демократия», 2000. – Т. 1: 1919–1920 гг. – 664 с.; 2001. – Т. 2: 1920–1921 гг. – 776 с.

Строчков П.И., Строчков И.П., Рассыпнов В.А. Сорочий Лог: история села. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2001. – 214 с.

Хенкин Е.М. К вопросу о продовольственной политике начала 1920-х годов (по материалам Новониколаевской губернии) // Страницы истории Новосибирской области: Люди. События. Культура. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 1995. – Ч. 2. – С. 25–27.

Шишкин В.И. Гражданская война в Сибири (1920 г.) // Сибирская заимка. – 1995. – URL: <http://zaimka.ru/soviet/shishkin2.shtml> (дата обращения 20.10.2012).

ДАРООБМЕН И ПРАКТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА С НАРОДАМИ СИБИРИ

Обмен дарами – древняя практика. При этом дарообмен всегда подразумевал значимый «отдарок» в той или иной форме. Дарообмен в России традиционно применялся в ситуациях, связанных с посольской деятельностью различных уровней, при достижении договорных отношений как личностных, так и государственных. Дар выступал как средство установления взаимопонимания и добрых намерений. В данном тексте в понятие «дарообмен» включены непосредственно договорные отношения между русской государственной властью и автохтонным населением Сибири и соседствующих территорий.

Вхождение Сибири в состав Московского государства требовало налаживания отношений с местным коренным населением огромной зауральской территории. При этом использовались любые методы: от прямого военного воздействия до привлечения «князцов» аборигенных сообществ на службу русскому царю. В любом случае переговоры с местным коренным населением сопровождались подарками с той и другой стороны. Аборигены обычно дарили ценные меха, а представители воеводской администрации «русские товары», в которых особо нуждалось коренное население, – металлические котлы, топоры, ножи и т.п. Как правило, русские подносили и горячительные напитки. Таким образом, складывался определенный ритуал переговорного процесса. Даже в самых сложных ситуациях не обходилось без акта дарения.

На протяжении почти всего XVII в. не прекращалась борьба енисейских кыргызов с русскими колонистами. Постоянные кровопролитные набеги, сопровождавшиеся сожжением деревень русских поселенцев, нарушения заключенных договоров были неотъемлемой частью взаимоотношений с кыргызами. Тем не менее, царские власти пытались вести диалог, подкрепленный силой оружия, чтобы подчинить «немирный» народ. Очередное посольство 1683 г. в Урге сопровождалось вручением 5 аршин сукна, пожалованных государем, и подарков от воеводской администрации «да своих подарков две выдры да кожу красную». В результате в честь послов учинили «корм великий» [Бутанаев, Абдыкалыков, 1995, с. 165].

Дарение сукна в обмен на даннические отношения коренного населения было обычной практикой русских властей. В статейном списке посольства 1646 г. к «князцу» белых калмаков Абаке указано: «...им дано государево

жалованья сукна за шерть». Шертную запись давали «князцы» и «лучшие улусные люди». В результате «князец» Кутугей получил 3 аршина настрофильного сукна. Шесть представителей местной знати тоже получили разного сорта сукна. Документ объясняет суть щедрых подарков: «...после шерти, раздав государево жалованье и вино и мед арчаком, говорил, чтоб они, арчаки для ведома, что они государю шерть дали, послов своих послали в Томской...» [Русско-монгольские отношения..., 1974, с. 285–287]. Договоры, подразумевающие установление мирных даннических отношений, часто нарушались. Но русские власти настоятельно продолжали свою политику, используя уговоры, угрозы, посулы и, конечно же, подарки. В данном контексте речь шла о потестарных родоплеменных объединениях, населявших Сибирь и близлежащие территории.

В юго-восточных регионах Сибири, постоянно поддерживавших дипломатические отношения с бурятами (братскими людьми) и монголами, переговоры подкреплялись актами дарения. В 1648 г. роспись подарков царю Алексею Михайловичу состояла из описания серебряной чаши, серебряной стопы и различных восточных тканей [Сборник документов..., 1960, с. 142]. Материально значимые подарки обычно делали инициаторы встреч, а принимавшая сторона зачастую ограничивалась богатым угощением и организацией должного приема.

Территориальные споры и военные стычки длительное время сопровождал переход объединений братских людей в русское подданство, т.к. этому процессу препятствовали монгольские правители, не желавшие терять своих *кыштымов*. Тактика лавирования и постоянные переговорные процессы между Россией и Монгольским ханством, а также между Россией и бурятскими «князцами», принимавшими подданство русского царя, сопровождались неизменными актами дарения.

Переговоров с представителями соседствующих с Сибирью сложившихся государств происходили, как правило, в торжественной обстановке, с соблюдением установленного ритуала, который включал обмен подарками. Если обсуждались вопросы, связанные с территориальными претензиями или иными негативными моментами, обмен дарами также присутствовал. В непростых переговорах 1684 г. с посланниками из Монгольского ханства диалог в Иркутске закончился следующим образом: выступая как представитель царской власти письменный голова Леонтий Кислянский неоднозначно заключил, что «буде де ваши мугальские люди станут впредь ездить мимо Тункинского не объявляя приказному человеку или не дождався провожатых или иными дорогами станут приезжать, а объявляца в их великих государей отчине в ясашных улусах велю иметь и садить в тюрьму до их великих государей указу». В результате этой встречи посланцы вручили от имени своего правителя ткань («камчишку соломянку»), а сказали «послана де та камка от их мугальского Очирой Саин гана в Иркутской к ноену в подарки». Письменной голова принял подаренную ткань и велел «подчивать их вином горячим и сбитнем и пивом енисейскому

сыну боярскому Остафью Иванову сыну Перфирьеву по серебряной чарке вина горячего, по стеклянному стакану збитня, по серебряному стакану пива» [Сборник документов..., 1960]. Обмен подарками в данном случае можно рассматривать как чисто символический жест непреложных дипломатических правил. Отклонение от установленного дипломатического ритуала (в частности от обмена подарками) расценивалось как серьезное обострение отношений вплоть до возобновления военных действий.

Практика обмена дарами во время посольских встреч рассматривалась как дань уважения к оппоненту. Ответный дар мог состоять из угощения алкогольными напитками, обеспечения пищей на время пребывания послов и «корма» на обратный путь. Так, монгольские послы получили в дорогу вино, пиво, мясо, хлеб, калач, рыбу и тайменя «весом в пуд». Организации дипломатических переговоров придавалось большое значение и тщательно отслеживалось документально в многочисленных отписках местным и московским властям.

В архивных материалах сохранилась отписка иркутского письменного головы томскому воеводе о посланных из Енисейска в Селенгинск подарках для раздачи мунгальским тайшам, чтобы те не препятствовали крещению жителей своего улуса. Тайши получили «добрые сукна желтого, серого, брусничного и алого цветов». За принятие православия людям было предназначено: «...за крещение иноземцом рядовым шесть половинок сукон шиптуги в том числе красные да зеленых по две половинки ж... да сосудов стеклянных для роздачи ж мунгальским законником или кому доведетца...» [Сборник документов..., 1960, с. 282–283]. Подобные подношения считались подарком за службу и крещение. Русские власти мало обращали внимание на искренность перемены веры, крещение «за сапоги и сукна» было обыденным явлением в сибирской действительности. С самого начала колонизационного процесса тактика привлечения коренного населения «под высокую царскую руку» не претерпевала существенных изменений. В грамоте 1603 г. приводятся сведения о том, как «крестился на Верхотурье, Верхотурского уезда Часовские вагуличи... да тагильский вагулятин... а нашего жалованья тем новокрещенам дано на Верхотурье для крещения по два сукна средних, да по рубашке, да по сапогам» [Гемуев, Люцидарская, 1994]. Таким образом, от приуральских территорий до восточных границ Сибири на протяжении длительного времени существовал принцип дарообмена между представителями царской власти и автохтонным населением – «русские товары в обмен на подданство и государеву службу».

В 1630-е гг. в Москве побывали представители угорского ясачного населения из Верхотурского уезда и Березова. Березовские «лучшие люди» удостоились «государевой руки на красном крыльце». Ясачные люди прибыли с ясачной казной, своими просьбами и подношениями. Верхотурские манси, например, поднесли 20 соболей от всего населения уезда. В столице ясачные люди получали полное обеспечение: деньги на пищу и питье с

сытного двора (вино, пиво и мед). В качестве царских подарков «лучшие люди» своих волостей получили «по сукну доброму на человека» (РГАДА. СП. №172. Л. 12–19).

Подоплека подобных встреч «на высшем уровне» была достаточно проста, но она приносила необходимые результаты. Во время путешествия в Москву сибирские угры знакомились с масштабами государства и транслировали свои впечатления соотечественникам. «Ласковый» прием в Москве обеспечивал в дальнейшем сохранение мирных отношений с этими угорскими народами и своевременное поступление ясака. Для самих же угорских этносов поддержка царской власти способствовала прекращению междоусобных столкновений местных «князцов» и гарантировала товарообмен с русскими купцами. Товары из центральных областей России (изделия из металла, сукна и т.п.) становились все более необходимыми для народов севера Западной Сибири.

В сущности, все действия, связанные с дарообменом при заключении договоров или подразумевавшие договорные отношения, сводились к выражению уважения к оппонентам или являлись попыткой смягчить поставленные условия. В качестве «дара» с одной стороны подразумевалась защита многочисленных народов, населявших Сибирь, от междоусобных конфликтов и открытый путь для торговли и использования промышленного потенциала России. Ответный «дар» подразумевал новые территории и природные ресурсы Сибири. В сибирской дипломатической деятельности дарообмен служил методом достижения компромиссов, ведущих, в конечном счете, к мирному сосуществованию этносов.

Список литературы

Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII в. – Абакан, 1995. – 249 с.

Гемуев И.Н., Люцидарская А.А. Служилые угры // Гуманитарные науки в Сибири. – 1994. – № 3. – С. 63–67.

Русско-монгольские отношения. 1636–1654. – М., 1974. – С. 285–287.

Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. – Улан-Удэ, 1960. – 492 с.

СУДНЫЕ ДЕЛА ТОМСКОЙ СЪЕЗЖЕЙ ИЗБЫ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ АСПЕКТОВ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

В исследованиях этносоциальных аспектов поведения человека важное место занимает описание механизмов действия психологических свойств личности. Кроме прочих, проблемное поле охватывает вопросы корреляции историко-культурных, природно-средовых, языковых и конфессиональных факторов развития этнических групп с проявлениями агрессии, тревожности и страха как бессознательными реакциями человека. Очевидна их тесная взаимосвязь с конфликтными ситуациями, обусловленными, кроме всего прочего, столкновениями интересов и существующими нормами и различиями культурного «багажа»: традиций, обычаев, правил и пр. Определение места и роли феноменов агрессивности и страха в культуре позволяет установить причины их возникновения, функционирования и воспроизводства, учитывать в ситуациях межкультурной коммуникации, предсказать возможные деструктивные проявления, которые требуется преобразовать в культурно-приемлемые формы. Особую актуальность подобные исследования приобретают в поликультурной среде, поскольку создают возможность обеспечения взаимопонимания представителей различных общностей. Ценным полигоном для исследователей являются сибирские регионы, полиэтническое и многоконфессиональное население которых совместно проживает уже несколько веков. Для анализа исторического опыта сибирских народов необходимо использование адекватной источниковой базы. Данная статья посвящена оценке информативности и релевантности одного из возможных архивных источников – записей «судного стола» Томской съезжей избы, относящихся к раннему периоду освоения Сибири.

Колонистам-первопоселенцам сибирских просторов приходилось адаптироваться к новым, непривычным условиям жизнедеятельности. Суровый климат, враждебное окружение автохтонного населения, оторванность от родных мест, с одной стороны, приводили к активизации жизненных сил, сплочению и единению в экстренных ситуациях, но нередко были и разного рода столкновения. Остановим свое внимание на бытовых конфликтах томичей, нашедших отражение в записях «судного стола» Томской съезжей избы, где был сосредоточен аппарат воеводского управления. Здесь производились записи «изветов», приводов, «поручных записей» и т.п. случаев нарушений установленного правопорядка. Обращение в суд являлось од-

ним из стандартных способов контроля деструктивного поведения, который позволял группе принуждать к соблюдению соответствующих норм и приемлемому поведению [Берри и др., 2007, с. 66]. Сохранилась книга фиксации обращений томичей к местным властям с 1658 по 1666 гг. В этом документе отмечены т.н. «изветы», в которых высказывались претензии одного лица к другому. К сожалению, многие записи очень скупы и не раскрывают сути конфликта. Рассмотрим «Извет конного казака Бориски Першина на конного казака Фильку Петлина». Остается за кадром, что не поделили два казака одного гарнизона, будучи в равном чине, однако конфликт достиг уровня обращения к воеводской власти. Иногда извет превращался в прямой донос: «Извет денщика Кондрашки Ловчикова на конного казака на Онтропка Матвеева в винном куреве», «Извет томского сына боярского Ивана Петрова на конного казака Ивашка Кислово в пожог» (РГАДА. Ф. СП. Ед. хр. 659. Л. 31–33). В данном случае можно рассматривать обращение жалобщиков в судный стол как применение манипулятивной стратегии к своим недругам-оппонентам в стремлении досадить им.

При внимательном рассмотрении документов судного стола можно заметить, что подавляющее большинство обращений посвящено обвинениям в бесчестье. Чаще всего под «бесчестьем» подразумевалось словесное оскорбление, как тогда говорили, «матерным лаем» и «позорной бранью», что является проявлением вербальной агрессии. Обидой считалось и неправильное, не по статусу, обращение к лицу, стоящему выше по принятой социальной градации. Воеводу и представителей воеводской администрации необходимо было называть полным именем: Иван, Матвей (позднее с использованием отчества) и т.п., тогда как рядовых казаков и остальных жителей именовали Ивашкой, Васькой, Матюшкой и т.п. Уже к концу XVII в. в документах подобная практика постепенно исчезла. Таким образом, обращение к наделенному высоким статусом сыну боярскому или подьячему «полуименем» считалось оскорблением и могло служить поводом для обращения в судебные инстанции. «Бил и увечил, и полуименем называл» – клишированная формулировка для многих разбирательств конфликтов.

Нередко перепалки заканчивались нанесением телесных повреждений, попросту дракой: «Судное дело, искал томский сын боярский Степан Неверов на тобольском служилом человеке Якимке Михайлове бою и бесчестья своего» (РГАДА. Ф. СП. Ед. хр. 659. Л. 35). Чаще всего в судный стол обращались представители служилого сословия – дети боярские, конные и пешие казаки. Они были грамотными и хорошо знали, каким образом можно повлиять на обидчика. Для неграмотного крестьянина, посадского или гулящего человека само обращение в воеводские административно-бюрократические структуры было связано с множеством препятствий, включая расстояния. Кроме того, для государева служилого человека нанесение оскорблений рассматривалось как посягательство на честь и достоинство. Находящиеся в равном служилом ранге казаки, повздорив, обращались за

справедливым решением в судный стол: «искал конный казак Антропка Завьялов на конном казаке Ивашке Ершове бесчестья своего», «искал пеший казак Васька Астраханец на пешем казаке Алферове бесчестья своего». Представители служилой верхушки в бытовом поведении не слишком отличались от рядовых членов гарнизона: «Судное дело сына боярского Юрья Трапезунского искал на сыне боярском Василии Былине бесчестья своего» (РГАДА. Ф. СП. Ед. хр. 659. Л. 37 об. – 38, 40).

Иногда источник, несмотря на скудость сведений, дает возможность узнать суть конфликта. Так, сын боярский Василий Былин подал иск на конного казака Павлика Капканщикова, требуя вернуть 40 рублей, далее следовало новое обращение Былина, в котором он обвинял Капканщикова «в бесчестии своем». История понятна: Капканщиков в грубой форме отказался отдавать долг, оскорбив Былина, в результате разгорелась ссора, а возможно, и драка между служилыми томичами (РГАДА. Ф. СП. Ед. хр. 659. Л. 40). В данной ситуации ярко выражена вербальная агрессия, состоящая из упреков, угроз и ругани.

В ссоры вовлекались подчас и члены семьи. Томский конный казак Андришка Сургутский подал иск на конного же казака Петрушку Водопьянова, обвиняя того в оскорблении себя и своей жены. Подал иск и Водопьянов на своего противника, ставя в вину ему все то же бесчестье. По-видимому, здесь бытовая «перепалка» зашла так далеко, что потребовала обращения в судный стол (РГАДА. Ф. СП. Ед. хр. 659. Л. 41).

Жены сибирских колонистов вели относительно активный образ жизни, принимая участие в городских событиях [Люцидарская, 2003, с. 11–14]. Нередко они защищали себя агрессивными способами. В результате возникали иски такого толка: «...искал сын боярский Степан Неверов на Амосове жене Понамарева на Оленке бесчестия своего» (РГАДА. Ф. СП. Ед. хр. 659. Л. 41 об.). Против казачьих жен Ульяки и ее сестры Авдотьи выдвинул иск сын боярский Степан Неверов (РГАДА. Ф. СП. Ед. хр. 659. Л. 36). Часто встречались иски женщин к своим обидчикам, таковым было судное дело казачьей жены Овдотьицы Ивновой против пешего казака Тимошки Котовщика, который обвинялся также в бесчестье. Вдова конного казака Ульяница Семенова обвиняла пешего казака Коломнина в побоях и бесчестье (РГАДА. Ф. СП. Ед. хр. 659. Л. 43). Реже, но обращались к властям жены крестьян: «...искала пашенного крестьянина Митьки жена Столарева Варварица, Иванова дочь, на пешего казака Исачки Степанова бесчестья своего» (РГАДА. Ф. СП. Ед. хр. 659. Л. 45). Из приведенных записей видно, что горожанки, участвуя в ссорах и спорах, испытывали негативные чувства, подчас публично проявляя агрессию.

Обращает внимание повторение в материалах судного стола некоторых фамилий томичей. Эти люди неоднократно обращались за поддержкой к местным судебным органам. Часто в документах судного стола появлялись имена томских детей боярских Степана Неверова и Юрия Трапезунского. Томич Дмитрий Поломошной, носивший известную старожильческую

фамилию, не раз являлся объектом неблагоприятного поведения, нарушая принятые в обществе нормы. Он не единожды затевал ссоры, а конный казак Немирка Якимов даже обвинял Поломошного «...что он Митька его Немирка колол ножом» (РГАДА. Ф. СП. Ед. хр. 659. Л. 46). Среди жителей города агрессивные вспышки гнева с применением холодного оружия вспыхивали нередко. Так, служилый томич Маклоков набросился с ножом на дворового человека Бунакова. Ножевые ранения в разгаре ссоры могли наносить и женщины. Известен случай обращения конного казака Голящицина по поводу его жалобы на казачью жену Пелагеицу, которую он обвинял «в ножевом колотье» (РГАДА. Ф. СП. Ед. хр. 659. Л. 30 об., 47).

Зачастую подобные действия провоцировало употребление алкоголя или каких-то наркотических средств. В качестве оправдания неадекватных с точки зрения нормативного поведения действий приводились причины такого рода: «был пьян», «объелся корнем». Распространенная формулировка звучала так: «...сказал, он его лаял не о своем уме, объелся де корня и он де в те поры бродил без ума...» (РГАДА. Ф. СП. Ед. хр. 829. Л. 25). Несмотря на вольность нравов колонистов, агрессивное поведение осуждалось воеводскими властями, церковью и сообществом в целом. Сами факты обращения к властям для разбирательства сложившихся ситуаций свидетельствуют о том, что агрессивное поведение в обыденной жизни рассматривалось как отклонение от традиционных норм поведения.

Таким образом, записи съезжей избы дают материалы для анализа бытового поведения представителей разных социальных групп русских первопроходцев, обладающих особым опытом. Судные дела Томской съезжей избы XVII в. можно рассматривать как ценный исторический источник для исследований по поведенческим реакциям человека, поскольку их анализ позволяет выявить причины и суть конфликтов, их участников, предмет, субъект и формы агрессии, включающие как прямую, так и вербальную разновидности.

Список литературы

Берри Дж.В., Пуртинга А.Х., Сигал М.Х., Дасен П.Р. Кросс-культурная психология: исследования и применение. – Харьков: Гуманитарный центр, 2007. – 242 с.

Люцидарская А.А. Женщины в XVII в. (по материалам истории Сибири) // Гуманитарные науки в Сибири. – 2003. – № 3. – С. 11–14.

**ПРОГРАММА ОБСЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТОВЫХ ОБЪЕКТОВ
РУССКИХ В СИБИРИ (ЗДАНИЙ, СООРУЖЕНИЙ,
МЕСТ СОВЕРШЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБРЯДОВ)***

География сакрального как область знания все более привлекает внимание отечественных исследователей [Теребихин, 1993]. Развитие интереса к этой теме связано с изменением идеологических установок в российском обществе и осознанием недостаточности научных знаний о правилах и принципах размещения культовых объектов. Потребность преодоления информационного вакуума и получения адекватной научной информации, системно описывающей культовые объекты, особенности их размещения на местности и взаимное расположение, вызвала необходимость разработки специальных программ. Данная статья посвящена принципам обследования культовых объектов русских в Сибири и особенностям разработки программ по их изучению.

Культовые объекты русских в Сибири можно разделить на рукотворные (здания и сооружения), природные (рощи, деревья, источники и пр.) и смешанные (природные объекты с творческим вмешательством человека – источники с элементами благоустройства, пещеры с элементами декорирования, место на реке для иордани и пр.). Здания и сооружения, представлены церквями, колокольнями, прочими церковными постройками (крестильнями, монастырскими корпусами, оградами и др.). Ведущей традиционной конфессией русских является православие, имеются многочисленные согласия и толки древлеправославной церкви, а также новые нетрадиционные культы, называемые сектами. Православие часто существует в «народной» форме, для которой характерен синкретизм, что оказывает влияние на форму и тип места совершения религиозных обрядов.

Для семантики русского сибирского церковного зодчества характерно обращение к архетипическим элементам культуры, основанное на древнейших представлениях, включая числовую и топографическую символику. Размещение церквей было символически оправданно. Часть из них строилась на месте языческих капищ коренных народов, либо там, где происходили предполагаемые явления чудотворной иконы или чудесное событие. Расположение православных храмов вне крепостных стен поселения играло роль оберега. В силу особенностей соседского проживания в Сибири русских с другими народами необходимо учитывать и обследовать

*Работа выполнена в рамках гранта РГНФ (№ 12-01-00199).

культовые сооружения отличных от православия религиозных направлений, если они находятся в поселении или вблизи него.

Источниками для сбора и изучения материала по культовым объектам являются:

- здания, сооружения, места совершения религиозных обрядов, непосредственно описываемые и изучаемые на месте;
- коллекции музейных собраний;
- фотоснимки, отражающие экстерьер и интерьер зданий и сооружений;
- внешний вид и внутреннее устройство мест поклонения, их природное окружение, приемы и ход ведения строительных работ;
- орудия труда;
- находящиеся в музейных и частных собраниях художественные произведения и игрушки, при условии достоверной передачи этнографической специфики;
- литературные источники и малые формы фольклора;
- данные ономастики и языка;
- сведения из архивных источников;
- археологические памятники.

До выезда на место обследования требуется изучить научную литературу, посвященную культовым объектам. Новые сведения о зданиях, сооружениях и местах совершения религиозных обрядов получают путем личных наблюдений, расспросов местных жителей, а также в краеведческих музеях, местных учреждениях – администрациях, отделах архитектуры и культуры, библиотеках, где хранятся документы, карты, чертежи, неопубликованные заметки и дневники местных краеведов. Большую помощь при сборе материалов могут оказать работники различных учреждений культуры, учителя, краеведы, общественники, люди, специально интересовавшиеся местной историей, хозяйством и бытом населения. В полевых условиях целесообразно получать информацию от лиц, давно проживающих в данной местности. Поскольку выясняется развитие культовых объектов преимущественно в исторической ретроспективе, следует обращаться к жителям старшего возраста. У людей среднего возраста можно получить сведения, которые сообщали им представители старшего поколения. Рекомендуется выяснить наличие в семейных архивах фотографий, документов, записок о зданиях, сооружениях, местах совершения религиозных обрядов и скопировать их. Если информатор приезжий, необходимо узнать, какие отличия нашел он в данной местности в застройке и отправлении ритуалов по сравнению с местами его прежнего жительства. Целесообразно использовать таблицы узнавания, на которых представлены изображения предметов, орудий труда, конструкций построек, типы зданий и сооружений. Непосредственное участие в трудовых процессах и обрядах, связанных со строительством, декорированием построек и их интерьеров, организацией убранства помещений, а также ритуальных действиях в местах их совершения дает неоценимый опыт и важные этнографические данные.

В обследовании необходимо установить хронологическое бытование зданий, сооружений и явлений. В беседе с информатором необходимо уточнять место (область, район, селение), в котором он видел описываемые им явления. Нужно графически воспроизвести внешний вид культового объекта, согласовав рисунок с информатором. Все сведения требуется заносить в полевой дневник. Необходимо указать дату записи беседы и сведения об информаторе.

При фиксации письменных источников, объектов непосредственного наблюдения и бесед с информаторами целесообразно использовать имеющиеся технические средства: диктофон, фотоаппарат, видеокамеру. Расположение культового объекта на ландшафте показывается на карте-схеме с нанесением основных природных ориентиров и населенных пунктов. Кроме того, нужно указать размещение частей объекта.

Определение культового назначения (христианский, древлеправославный, ранних религиозных форм, синкретичный и пр.) позволяет выявить субъекты поклонения и установить датировку объекта. При выявлении предмета поклонения (т.е. кому посвящаются совершаемые ритуалы) учитывается историческая преемственность.

Регулярность совершаемых ритуалов зависит от конфессиональной принадлежности и социальной значимости культового объекта. У главных культовых объектов обычно существуют фиксированные сроки проведения ритуалов. Степень социальной значимости объекта зависит от того, кто и в каком количестве является его почитателем: род, жители одной деревни, района, области и пр.

Датировка предполагает определение возраста культового объекта, времени, когда он стал почитаться как святыня или здесь стали проводить общественные ритуалы. Следует опираться на свидетельства священнослужителей, старожиллов, носителей традиционных знаний, материалы ранних исследователей, записки путешественников, архивные данные, выявленные археологические памятники, находящиеся в непосредственной близости от объекта или обнаруживающие системную связь с ним. Для уточнения датировки объектов из дерева используется метод дендрохронологии.

Возможные темы программы. Название и вид культового объекта (христианский, древлеправославный, ранних религиозных форм, синкретичный и др.). Предмет почитания (кому посвящаются совершаемые ритуалы). Субъект почитания (кто проводит ритуалы). Социальная значимость объекта в исторической ретроспективе (количественная и качественная характеристика привлечения населения). Тип культового объекта (храм, ансамбль, природный объект, антропогеографический культовый объект). Местное название здания, сооружения, места совершения религиозных обрядов. Местонахождение объекта: район, населенный пункт, характеристика ландшафта, название местности, географические координаты, размер и описание занимаемой территории. Расположение культового объекта по

отношению к поселению и его частям; дороги, ведущие к нему. Экологическое состояние территории, степень загрязненности элементов ландшафта (чисто, загрязненность малой степени, средней и высокой).

Датировка культового объекта. Время зарождения традиции совершения религиозных обрядов на объекте. Частота посещения объекта. Регулярность совершения ритуалов. Этапы существования объекта. Дата и причины изменения местонахождения объекта. Даты реставрации.

Взаимное расположение частей здания, сооружения и места поклонения, их ориентация по частям горизонта. Современное состояние оформления культовых объектов (сохранены или восстановлены традиционные маркеры, созданы новые элементы).

Характеристика технического состояния объекта и его частей (хорошее, среднее, плохое, очень плохое). Описание утрат.

Данные о мастере, выполнившем здание, сооружение, место совершения религиозных обрядов. Когда и у кого он учился. Время года возведения объекта (зависимость от лунного и солнечного календаря). Правила возведения. Легенды, сказки, верования, приметы, поговорки и присловья, касающиеся возведения объекта и его бытования. Воспоминания об искусных мастерах, их имена.

Материалы, из которых взводился объект и его части. Места заготовки или покупки материалов. Способ заготовки и доставки материалов для строительства.

Технология возведения объекта и инструменты. Их описание и правила использования. Частота использования тех или иных инструментов. Наиболее старые инструменты.

Ход работы. Подготовительные операции для возведения объекта, их виды. Технические приемы декорирования объекта. Часто встречавшиеся виды технических приемов. Выбор типа и композиции орнамента, причины и правила. Антропоморфные, зооморфные и пр. узоры. Названия их и их элементов. Ход работы по декорированию объектов. Вид декора и техника его выполнения в зависимости от конструкции объекта и декорируемого материала. Давность бытования конструкций и мотивов декора на культовом объекте. Если конструкции и мотивы встречались на других объектах, то отметить общее и особенное в технике исполнения.

Список литературы

Теребихин Н. М. Сакральная география Русского Севера: религиозно-мифологическое пространство севернорусской культуры. – Архангельск: ПГУ, 1993. – 220 с.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ЮВЕЛИРНЫХ УКРАШЕНИЙ И ОДЕЖДЫ В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ

В ходе экспедиции в Республику Алтай летом 2012 г. основное внимание было сосредоточено на посещении XIII Межрегионального праздника алтайского народа Эл-Ойын, согласно официальной концепции, «праздника духовного единения тюркских народов, который также служит национально-культурному возрождению, укрепляя дружбу и братство славянских и тюркских народов» [Положение о проведении..., 2012].

В рамках праздника развернулась выставка-ярмарка «Город Мастеров», где были представлены образцы современных ювелирных промыслов Саяно-Алтая, одежды в национальном стиле и художественных изделий из металла, выполненных в оригинальной, нетрадиционной для Алтая манере.

В настоящее время в Республике Алтай художественный металл осваивается объединением «Купчеген журт» (Вячеслав и Аржан Кухаревы). Их работы на ярмарке были представлены репликами археологических находок – конской упряжи (стремя с «узлом счастья»), накладками, пряжками поясного набора с подвесками, медалями с изображением герба республики и Онгудайского района.

Мастер-литейщик из Онгудайского р-на Станислав Урчимаев представил на выставке отлитые из металла миниатюрные фигурки Умай-эне, Кайчи, Шамана. Он рассказал, что «лить металл стал недавно; до этого занимался, и сейчас продолжает, резьбой по дереву и камню, и то, что представлено в этом году – только пробная партия, если дело пойдет удачно, то будет продолжать». Мастер считает, что художественное металлическое литье *«это один из традиционных промыслов, известный еще из древности. Он был очень популярным, но во время Великой Отечественной войны большая часть мастеров погибла, не успев передать технологии. Теперь можно только попытаться восстановить этот промысел, используя новые технологии, например, итальянские»* (ПМА, 2012).

Помимо оригинальных поделок из металла стоит отметить большое количество войлочных изделий, представленных на выставке-ярмарке. Несколько лет назад в республике началось возрождение древнего искусства изготовления художественного войлока. Алтайский войлок становится таким же брендовым продуктом, как алтайская природа, алтайский мед и алтайские панты [Алтайские мастера..., 2012]. На ярмарке можно было также увидеть серьги и другие украшения, выполненные в технике «фел-

тинга», пришедшей из западной культуры рукоделия и органично вписавшейся в контекст и структуру промыслов региона.

Рынок ювелирных украшений Алтая сегодня становится все более разнообразным, но его основную часть составляют традиционные изделия – женские и девичьи украшения для волос. Вариации на тему традиционных накосников выполнены преимущественно из современных материалов в яркой цветовой гамме. Мастера, комментируя назначение накосников, называют их символом женского счастья и отмечают, что эти украшения не обязательно носить в волосах, можно повесить их дома, и они будут привлекать удачу и оберегать семью.

Изменение функций украшений современной алтайской культуры связано с изменениями функций традиционного костюма. Он все более и более приобретает манифестационный характер. Лиана Ченчулаева и Наталья Какашева специализируются на изготовлении костюмов для творческих коллективов отдела культуры Онгудайского района и прежде всего сценических костюмов для народного ансамбля танца «Урсул». В ходе беседы с мастерицами удалось установить, что национальный костюм сегодня востребован в основном в рамках презентационных мероприятий. В изготовлении такого рода одежды проявляется тенденция к стилизации, упрощению форм и использованию современных материалов. Для современного костюма характерно несоблюдение цветового канона и статусных особенностей.

В целом, современный национальный костюм Алтая представляет собой вариацию на тему традиции, со значительной долей модернизации и реинтерпретацией канона. При всем этом, костюм и дополняющие его украшения (преимущественно накосники) являются важным компонентом в мобилизации этнической идентичности современного населения Республики Алтай.

Эти тенденции отмечены и при работе с мастерами с. Аскат Чемальского района РА. Это село знаменито своими художниками и мастерами, которые работают с глиной, деревом, металлом и другими материалами. В галерее «Бай Терек» с. Аскат у туристов неизменно пользуются популярностью различные украшения как сувениры, своеобразная память о путешествии. Довольно много среди них экзотических стилизованных сережек с множеством подвесок, браслетов и разнообразных кулонов. Это вещи преимущественно фабричного изготовления или собранные вручную из готовой фурнитуры. Объединены они похожим ориенталистским стилем, необычностью вида и формы. Экзотика, не имеющая отношения к традиции (часто вульгаризированная), становится одним из символов туристического региона. Не менее значимым фактором в развитии набора украшений является сакральная, обереговая тематика.

В ассортименте галереи «Стрела Сартакпая» (с. Аскат) присутствуют украшения из керамики, призванные оберегать владельцев от различных вредоносных влияний. Керамика, по словам хозяйки галереи Русланы Чес-

ноковой, *«материал теплый, сохранивший тепло рук мастера и тепло печи для обжига»*, что дополнительно привносит благопожелательные смыслы в изделие. При ношении такой вещи чувствуется, что она *«греет»*. На керамических ожерельях использованы символы различных культур и времен – славянский «коловорот», буддийский «узел счастья», цветы лотоса, спирали и т.д. Для каждой стихии природы, которые маркируют и знаки гороскопа, создаются варианты украшений-оберегов в определенной цветовой гамме. Стоит заметить, что и такие изделия, как акарины, тоже могут быть выполнены в виде подвесок. Как говорят организаторы галереи, *«все изделия у нас живые, они поют, причем каждое своим голосом»* (ПМА, 2012).

Среди многочисленных сувениров в галерее выделяются авторские украшения из серебра, драгоценных и полудрагоценных камней, а также метеоритов, эбенового дерева, кости и других экзотических материалов, выполненные мастером-ювелиром Тимофеем (Артемом) Сюнским. Украшения представляют собой вариации тибетских подвесок Гау, большие круглые массивные подвески с символами буддизма, индуизма и африканскими мотивами. Используются и сюжеты петроглифов Алтая. Все изделия исполнены либо малыми сериями с незначительными вариациями, либо в единичном экземпляре. В комплектах с использованием поделочных камней (преимущественно агатов) специально обыграна асимметрия деталей, чтобы подчеркнуть природную красоту камня.

Еще один пример авторских украшений – литые подвески-реплики археологических артефактов в скифском зверином стиле, изготовленные мастером из г. Новосибирска Андреем Корнеевым. Этот ювелир делает стилизованные и точные копии различных археологических и этнографических украшений, позиционируя их как эксклюзивные изделия ручной работы, отличающиеся высоким качеством. Наибольший интерес вызывают коллекции амулетов различных культур, украшения, ритуальные предметы, оружие древних воинов, монеты и многое другое. Все эти изделия широко представлены в салонах туристической зоны Алтая.

В целом, пытаясь оценить состояние современных украшений и костюма, можно говорить о следующих тенденциях развития:

- украшения в структуре национального костюма до сих пор сохраняют свою значимость, но функции их изменились;
- за украшениями сохранились традиционные благопожелательные и охранительные смыслы;
- накосные украшения уже не служат маркером социальной и возрастной градации, а позиционируются как символы этнической принадлежности и обереги;
- наряду с традиционными формами и типами украшений появляются авторские вариации, соединяющие различные стилевые признаки (реплики украшений звериного стиля, тибето-буддийские изделия и т.д.).

Таким образом, для современной практики изготовления украшений Алтая характерны как традиционные техники, так и привнесенные. Мож-

но говорить о стилизации и эклектизме как доминирующих тенденциях, но нельзя не признать, что на своеобразном перекрестке традиционных и современных культур происходит становление новой художественной традиции, ориентированной на синтез стилей, приемов и смыслов. Это позволяет включить Алтай в широкое культурное пространство Евразии.

Список литературы

Алтайские мастера делятся секретами обработки войлока // Республика Алтай: официальный Интернет-портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.altai-republic.ru/print.php?sid=13354> (дата обращения 12.10.2012).

Положение о проведении XIII Межрегионального праздника алтайского народа «Эл-Ойын», посвященного 90-летию образования Ойротской автономной области под эгидой культурной олимпиады «Сочи 2014», года музыки // Министерство культуры Республики Алтай [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.culture-altai.ru/index.php/ministerstvo/novosti/584-polozhenie-el-ojyn> (дата обращения 12.10.2012).

ИНСТИТУТ ДАРЕНИЯ В ТРАДИЦИОННОЙ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРИЙ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ

Актуальность исследования института дарения в традиционной семейной обрядности автохтонного населения предгорий Северного Алтая определяется отсутствием работ в отечественной этнографии по этой тематике. Целью данной статьи является определения места и значения обменных отношений в традиционной свадебной обрядности кумандинцев, тубаларов и челканцев.

В основу работы положен полевой материал, полученный автором и другими участниками этнографических экспедиций АГУ (2001–2004 гг.) в населенных пунктах Красногорского и Солтонского районов Алтайского края, а также Турочакского района Республики Алтай (МАЭ АГУ. Ф. 1. П. 6, 11).

Вступление в брак считалось важным событием в жизни двух молодых людей. В процессе подготовки и проведения праздника активное участие принимали не только брачующиеся стороны, но и весь социум, наполняя свадебную обрядность обменными отношениями.

Уже на этапе знакомства и выбора спутницы жизни происходил знаковый обмен предметами. Жених брал у невесты в виде задатка платок или полотенце (*куланчи*), отдавая что-нибудь взамен [Сатлаев, 1974]. У челканцев лишь молодой человек одаривал девушку [Кандаракова, 1999].

Официальное сватовство сопровождалось обменными отношениями. Непременным атрибутом являлась *арака*. Приезд гостей считался большой честью для родителей невесты, знавших о дне и времени прибытия (МАЭ АГУ. Ф. 1. П. 11. Оп. 1. К. 27. Л. 3–4) [Бельгибаев, Николаев, 2005; Кандаракова, 1999; Сатлаев, 1974].

Родственники девушки разбивались на три группы, которые встречали гостей. Первая встреча устраивалась перед селением, где с приезжих требовали *тонгош аразы* (букв. «араку за пень»), вторая – у ворот за *паритке аразы* (букв. «арака за ворота»), третья – у двери за *эжик аразы* (букв. «арака за дверь»). Войдя в дом, гости ставили араку, вешали шкуру выдры на переднюю стенку или ткань на платье. Кроме того, поверх бочонка водки отец жениха клал 15–20 рублей, называемых *лагун акказы* (букв. «деньги за бочонок») и предназначавшихся матери невесты за ее труды (МАЭ АГУ. Ф. 1. П. 11. Оп. 1. К. 21. Л. 1–2) [Кандаракова, 1999; Сатлаев, 1974]. У челканцев родителей невесты одаривали специально

привезенными поясами *курчи* из шелка (МАЭ АГУ. Ф. 1. П. 11. Оп. 9, 11. К. 20. Л. 1–3).

В обряде сватовства важное место занимал обряд *чоочой*. В ходе символического распития араки и последующего пира брачующиеся стороны обсуждали состав калыма и приданого. Интересно, что состав калыма существенно изменился за несколько столетий. Так, тубалары и челканцы во времена джунгарского господства (XVII – середина XVIII в.) за невесту платили калым *подо*, включавший продукты охоты и собирательства, а также средства для рыболовства. Кроме того, существовала ежегодная помощь зятя (*куйенин болыжы*) родителям невесты в виде доставки мяса зверей [Потапов, 1953].

В начале XX в. состав калыма значительно изменился. Важнейшими составляющими выкупа у кумандинцев стали деньги и лошадь. Шкурку соболя специально покупали из-за невозможности добыть зверя в тайге [Шерр, 1903].

Принадлежность автохтона к определенному *сеоку* предопределяла в прошлом право на экономическую взаимопомощь, к которой прибегали при сборе средств для уплаты калыма за невесту и во время подготовки к свадьбе. В XX в. стал практиковаться рублевый сбор с холостых односельчан [Сатлаев, 1974]. Другой формой помощи являлся обычай сбора среди родственников продуктов и напитков, называвшийся *тем* (букв. «общение, единство») [Дьяконова, 1980].

В отличие от калыма, размер приданого не определялся, но обычно был равноценен калыму и включал предметы домашнего быта, одежду, скот, пчелиные семьи и пушные шкурки (*тукмал*). Богатые ко всему прочему изготавливали овчинную шубу. Приданое невесты в значительной степени обеспечивало материальную базу новой семьи. Оно могло отсутствовать в случае насильственной кражи девушки [Сатлаев, 1974; Славнин, 2005; Шерр, 1903].

Менее затратным для брачующихся сторон был брак «убегом» и кража невесты, т.е. с согласия девушки и без такового. Причиной существования подобных форм брака являлась неспособность выплатить калым. Похищение невесты давало возможность отдать выкуп постепенно [Шерр, 1903].

Спустя неделю после кражи, родители жениха, взяв калым, араку и другие угощения, ехали с поклоном к отцу и матери невесты на простины (*чарааш* – у кумандинцев, *дьарааш* – у челканцев). Получив прощение, они возвращались уже с молодыми. Гости трижды ставили угощения (обычно большой туес араки) – за ворота, за двери и за вход в горницу (как при сватовстве). Дочь привозила в качестве гостинца своим родителям *курник*. В свою очередь хозяева резали барана, а в богатых семьях – коня. Зять угощал родителей своей избранницы аракой за пищу, приготовленную для него в чугунах (*казан ажынын учун*). Гостям также подносили молочную водку (*карыг аразы*) (МАЭ АГУ. Ф. 1. П. 11. Оп. 1. К. 18, 21. Л. 3) [Бельгибаев, Николаев, 2005; Кандаракова, 1999; Сатлаев, 1974; Славнин, 2005].

Сговор между родителями малолетних детей, закреплявший дружественные отношения между двумя семьями или кузенный брак, обусловленный тесными взаимоотношениями племянника и дяди по матери, сопровождались многократными подарками между брачующимися. В.Д. Славнин [2005] указывает на существование у чедыберов формы брака, предполагавшей помощь жениха (зачастую сироты) по хозяйству в доме невесты. В данном случае тоже можно говорить об обменных отношениях: девушка в обмен на отработку.

Собственно свадебное действо было насыщено актами дарения, основная цель которых – обеспечение благополучия молодых. Так, обряд плетения кос невесты сопровождался многочисленными ритуалами, восходящими к семантическому значению волос в традиционных тюркоязычных сообществах. Например, волосы опрыскивали водой для обеспечения длительной и счастливой жизни. Тубалары использовали молоко, считавшееся оплодотворяющей жидкостью, содержащей *кут* ребенка. Собственно заплетенные косы символизировали ровную и спокойную семейную жизнь. Ритуал сопровождался исполнением песен (МАЭ АГУ. Ф. 1. П. 6, 11. Оп. 1, 4. К. 13, 27. Л. 3–4, 15) [Бельгибаев, Николаев, 2005; Шерп, 1903]. У челканцев концы волос соединялись вместе и обвязывались вокруг головы или просто связывались, символизируя единение и неразлучность молодоженов (МАЭ АГУ. Ф. 1. П. 11. Оп. 1, 10. К. 21, 22. Л. 1–2, 6–7) [Кандаракова, 1999].

Когда завершались приготовления невесты, начиналось благословление молодых и приобщение их к «хозяину жилища» (*шалыг* или *урген эзи*). Шаман (или заменяющий его человек) черпал ложкой лапшу из тарелки и разбрызгивал ее по углам, обращаясь к «хозяину жилища». Затем обкуривали веткой можжевельника молодую пару. За эту работу *кама* одаривали, а с проникновением товарно-денежных отношений – платили деньги (МАЭ АГУ. Ф. 1. П. 6, 11. Оп. 3, 10, 11. К. 11, 34. Л. 2, 9–11) [Сатлаев, 1974].

Основное свадебное угощение – грудинку и *тутпач* – накладывали в блюдо. Перед принятием пищи «угощали» огонь и говорили благословения. Первыми *тутпач* ели молодожены. Согласно представлениям кумандинцев, это обеспечивало передачу молодым души будущего ребенка. После новобрачных лапшу пробовал благословляющий, лишь потом начинали угощать всех остальных (МАЭ АГУ. Ф. 1. П. 11. Оп. 1, 9, 11. К. 18, 20. Л. 1–3).

Участие родителей и родственников невесты в свадебном обряде зависело от формы брака, но в любом случае предполагались взаимные угощения. У тубаларов при браке «убегом» и краже девушки сторона жениха устраивала встречу (*уткул*) в отдалении от аила. *Уткул* сопровождался откупам и угощением молочной водкой, различными праздничными блюдами [Бельгибаев, Николаев, 2005].

Длительность свадебного празднества зависела от достатка принимающей стороны. Есть сведения, что у челканцев свадьбу играли два дня: сначала в аиле жениха, а затем у родителей девушки. Второй день празд-

ника носил название *пельчек* и сопровождался одариванием молодой пары (МАЭ АГУ. Ф. 1. П. 11. Оп. 10. К. 22. Л. 6–7).

Первый год брака и рождение первенца можно охарактеризовать как переходный период, когда помощь и участие родителей и родственников молодоженов были жизненно важными. Совершаемые в это время обряды являлись логическим продолжением и завершением обрядов, связанных с бракосочетанием. Молодая пара посещала ближайших родственников жены. Данный обряд, как и вино с угощением, которое привозили гости, носил название *торгун*. Во время визитов практиковалось одаривание новорожденного скотом (*тиш* – букв. «молочные зубы») [Бельгибаев, Николаев, 2005; Кандаракова, 1999; Сатлаев, 1974].

Таким образом, брак у коренного населения предгорий Северного Алтая можно рассматривать как обмен между родами, сопровождавшийся на каждом этапе многочисленными дарами и отдарками. Дары, помимо установления тесных взаимоотношений между брачующимися сторонами, формировали экономический базис молодой семьи. Многочисленные пожелания и ритуальные действия представляли передачу членами социума собственного благополучия новой его ячейке. Институт дарообмена демонстрирует устойчивость во времени, но изменчивость содержательной составляющей, а зачастую и формы бытования, происходит под влиянием социально-экономических трансформаций.

Список литературы

Бельгибаев Е.А., Николаев В.В. Традиционная свадебная обрядность туба // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2005. – Вып. XIV. – С. 14–19.

Дьяконова В.П. Алтайцы // Семейная обрядность народов Сибири. – М.: Наука, 1980. – С. 19–24, 100–107.

Кандаракова Е.П. Обычаи и традиции чалканцев. – Горно-Алтайск, 1999. – 176 с.

Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 444 с.

Сатлаев Ф.А. Кумандинцы (историко-этнографический очерк XIX – первой четверти XX в.). – Горно-Алтайск, 1974. – 199 с.

Славнин В.Д. Очерк представлений о браке и свадебной обрядности у чедыберов // Сибирь, Центральная Азия и Дальний Восток: взаимодействие народов и культур. – Барнаул: АзБука, 2005. – С. 71–91.

Шерр Н.Б. Из поездки к кумандинцам в 1898 году // Алтайский сборник. – Барнаул: Типо-Литография Главного управления Алтайского округа, 1903. – Т. V. – С. 81–114.

**ДЖУМАЛИНСКИЙ КЛЮЧ:
СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ ПОЧИТАНИЯ
СВЯЩЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ НА АЛТАЕ
(ПО ПОЛЕВЫМ МАТЕРИАЛАМ 2012 ГОДА)***

Кош-Агачский район занимает юго-восточную часть Республики Алтай. На 1 декабря 2010 г. численность населения района составляла 18 926 чел., в том числе: алтайцы/теленгиты – 40,5 %, казахи – 53,4 %, русские – 3,2 %.

Район известен многочисленными природными и культурно-историческими объектами. В последние десятилетия он превращается в одну из рекреационных зон Алтая. Это корректирует сложившиеся здесь традиционные этно-экологические практики.

К числу локусов, особо отмеченных в масштабах мифо-экологических моделей мира, относятся священные источники. В районе известны десятки родников, значительная часть которых связана с представлением о духах-хозяевах – *су-эзи/архан-эзи*. В их числе – Бугузунский и Джумалинский (Теплый) ключи.

Джумалинский ключ в настоящее время является местом массового паломничества (несколько сотен человек за сезон). Он располагается в 100 км от с. Кош-Агач, на берегу р. Джумалы, на высоте около 2400 м над уровнем моря, по дороге на плато Укок. Официальное постановление о его охране было принято в 1978 г. решением Алтайского краевого совета народных депутатов. В 1980 г. решением Совета народных депутатов Горно-Алтайской автономной области его объявили памятником природы местного значения. В 1982 г. в районе Джумалинского ключа работала экспедиция Гидрогеологического управления «Геоминвод» МНИИКиФ, определившая воду источника как гидрокарбонатно-сульфатно-натриево-кальциевую. Статус памятника природы подтвержден постановлением правительства Республики Алтай от 16.02.1996 г. Охранная и рекреационная деятельность в микролокусе активизировалась с 1994 г., когда плато Укок, примыкающее с востока к долине р. Джумалы, получило статус «зоны покоя», а в 1998 г. вошло в фонд Всемирного природного наследия ЮНЕСКО. Площадь охраняемой территории Джумалинского ключа составила около 0,5 га. Здесь находятся многочисленные восходящие, рассредоточенные источники, температура воды в которых колеблется от 10 до 20 °С и не замерзает даже зимой.

*Работа выполнена по грантам РГНФ (проекты № 12-01-00199а и 11-21-17002).

Согласно современной мифологии, «открытие» Джумалинского ключа связано с образом волшебного марала. Широко тиражируется легенда (известная для многих родников Алтая), по которой некий охотник ранил марала и долго его преследовал, пока раненый зверь не погрузился в источник и, внезапно исцелившись, исчез из вида. Потом марал превратился в прекрасную девушку – хозяйку ключа.

Женский образ, олицетворяющий *су-эз/аржан-эзи* – хозяйку воды, хозяйку *аржана*, является традиционным для мифо-экологических воззрений тюрков Алтая. Однако мало кто из местных жителей может вспомнить, что собственное имя аржана *Дьетты-кыс-тёлёс* («Семь дев тёлёсов») дано по названию одного из теленгитских родов, в зоне расселения которого находился ключ. Утрата имени получила вторичную интерпретацию среди его посетителей – невидимое существо не может быть названо. Оно, согласно современным трактовкам, не связано ни с родом, ни с этническим сообществом, т.к. воплощает собой силу Природы, в равной степени принадлежащую всем.

Джумалинский ключ давно приобрел «надэтнический характер». Его посещают граждане Республики Алтай, России и зарубежья. Постоянными гостями ключа являются жители района – теленгиты, алтайцы, казахи. Устоявшийся «этикет» определяет регламент пребывания человека на целебном источнике. В полном объеме (включая ритуалы, вербальные формулы и приношения) его соблюдают теленгиты и алтайцы. Казахи придерживаются основных правил. Кодекс гостя построен на знании и уважении: если ты не совершил ритуал по незнанию, хозяйка ключа тебя простит, но если знал и не сделал, то нерадивость обернется наказанием.

Важным является подготовка к путешествию на аржан. Человек должен отправиться туда в состоянии душевной и физической чистоты. Нельзя находиться на источнике в течение года после смерти близкого человека, нельзя ехать туда в критические дни или при менопаузе. Пребывать на источнике можно 3, 5, 7 дней. Повторяют поездку 3 года подряд. Если цикл нарушается по причине смерти в семье, его возобновляют.

Поездку на ключ планируют на фазу новолуния. На «умирающую» луну лечение и все сакральные церемонии запрещены. В настоящее время Джумалинский ключ действует с весны до глубокой осени. Но знатоки говорят, что силу вода набирает только к августу – она «вызревает», как и все живое в природе, к окончанию лета.

Собираясь в поездку, семья готовит дрова, постель, продукты. На Джумалинском ключе живут в нескольких домиках, где устроены низкие нары, столы, установлены печки. Жизнь во время пребывания здесь ограничивается простыми процедурами: нужно принимать ванны, пить воду из родников, отдыхать, много и сытно есть, набираться сил. Нельзя громко говорить, смеяться, петь, ругаться, употреблять спиртное, играть в азартные игры, заниматься сексом; раньше запрещалось фотографироваться. У ключа люди отказываются от себя земных и грешных.

Согласно традиции, посещение аржана организуется по мифо-ритуальному сценарию перехода. По дороге к Джумалинскому ключу человек преодолевает три преграды: два перевала и речной поток, огибающий холм, где расположены родники. На обоих перевалах положено остановиться, преклонить колени перед *обо* – священной каменной выкладкой с лентами на шестах. Необходимо совершить кропление веточкой арчина (можжевельника) водкой или молоком, пригубить чашку с напитком и попросить открытой дороги и благополучного возвращения.

Прибыв на аржан, надо прежде всего развести огонь, угостить его и окурить ранее пустовавший домик арчином. После этого, когда приготовлены постели, разложены вещи и уже поставлено вариться мясо, отправляются к обо на пригорке у домиков с минеральными ваннами – туда, где бьют главные родники. Здесь на каменном *тагыле* (пирамидке из плитняка) нужно сложить кусочки всей привезенной снеди и разжечь огонь – для угощения хозяйки. По старинному канону, на аржан принято приезжать только с молоком, хлебом, талканом, чаем и сырчиком; мясо и соль исключались. В современном мире этот запрет снят. Но по-прежнему, всю еду первой должна попробовать хозяйка и освятить ее.

Вслед за возжиганием огня совершается ритуал приветствия. Молоком и арчином кропят небу и на все стороны света по солнцу. Привязывают к шестам (затягивая петлей) светлые (белые, желтые, голубые) ленточки *ялама/кыйра*, оторванные от лоскута без кромки, шириной не более двух пальцев и длиной в локоть (от кончиков пальцев до локтевого сгиба). Во время ритуала звучат слова импровизированных обращений. Сегодня люди уже не знают сакральных формул – «в произвольной форме» они обращаются к хозяйке с просьбами о здоровье и благополучии, имея в виду не только себя, свою семью, но и всех живущих в земном мире.

Положенный срок на аржане гости проводят в умиротворении, упрощая жизнь до целомудрия почти младенческого бытия и надеясь на обновление. День на ключе начинается с восходом солнца. Считается, что все важные родники и камни нужно обходить трижды в день. Трехкратность – обязательное условие всех процедур. Нечетность в традиционном мировоззрении тюрков Алтая равна незавершенности, а значит – движению и жизни.

При первом обходе у всех основных родников привязывают ленточки, которые отрывают тут же от большого лоскута. Общее количество источников (ручьев, ручейков, родничков) и камней при картировании Джумалинского ключа можно определить в 40 «исцеляющих» точек. И хотя подсчет этот не абсолютен, ориентация на числовой ряд в 40 единиц позволяет соотнести его с обрядами жизненного цикла: 40 дней от рождения и 40 дней после смерти – это время перехода, акцентированного мифо-ритуальной традицией.

У каждого из Джумалинских родников есть свое предназначение: один помогает при болезнях глаз, другой – при головной боли, третий оздоравливает желудок и легкие; есть камни, которые лечат сердце, спину, гени-

талии. Человеческое тело проецируется на земную поверхность. Круг за кругом люди обходят родники, как бы «собирая себя по частям», заново создавая тело и обновляя душу.

Здоровье, плодovitость и счастье дарует хозяйка ключа. Известно, что это красивая девушка, которая любит украшения. Приезжая на аржан, женщины должны снять серьги и кольца, чтобы не вызывать ее зависти. Украшения – главный подарок хозяйке – оставляют на лавках и подоконниках в трех домиках, где находятся ванны, вешают на ветках у родников и камней. Бусины бросают на дно каменных ванн и ручейков. Прежде чем набрать воды, опуститься в ванну, встать под струю воды – нужно «заплатить». Бусы и бусины, кольца, браслеты, заколки, серебряные монетки и цепочки служат символической ценой здоровья. Хорошим знаком считается, если со дна ванны после падения бусины поднимается струйка пузырьков – значит, подарок/плата благожелательно приняты.

Как только совершен последний круг по источникам, положено собираться в дорогу. Перед отправлением следует ритуал прощания – вновь разжигают огонь на тагыле, вновь кропят на обо и стороны света, говорят прощальные слова благодарности. Уезжать с аржана нужно, не оглядываясь. С собой можно брать лечебную воду. Ее привозят домой, часто раздают в виде подарков родным и близким.

Лечение на аржане имеет ритуализированный характер. Сопричастность Природе, формирующаяся в ходе личного договора с ее хозяевами, оценивается как важнейшее условие этого процесса.

С недавнего времени Джумалинский ключ взят в аренду и превращен в бальнеологический курорт, бесплатный для жителей Республики Алтай и платный для других приезжих. Однако перспективы развития рекреационного бизнеса здесь скептически оцениваются местными жителями. Эффективность Джумалинского ключа, с их точки зрения, определяет священная сила Природы, которая в равной степени принадлежит всем. Здоровье и счастье – это дар, который может быть получен лишь в обмен на почтение к духам-хозяевам. При всех трансформациях традиция почитания аржанов противостоит практикам коммерциализации.

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ФЕСТИВАЛЯ «СЛАВЯНСКОЕ ПОДВОРЬЕ» В Г. НОВОСИБИРСКЕ

Современный Новосибирск представляет собой динамично развивающийся многонациональный мегаполис. Интенсивный приток населения, являющегося носителем различных культурных традиций, способствует появлению и развитию национально-культурных центров и автономий. Следствием этого становится обособление и замкнутость многих национальных организаций. С другой стороны, условия современного города требуют диалога между представителями разных культур, что, в свою очередь, невозможно без знания и понимания традиций друг друга. Одной из форм сохранения культурного наследия и формирования единого культурного пространства становятся национальные фестивали. В данной статье будут рассмотрены вопросы, посвященные истории и значению фестиваля славянских культур «Славянское подворье», проводившегося в Новосибирске в июле 2012 г. в четвертый раз.

Спецификой новосибирского фестиваля является его направленность на демонстрацию элементов традиционного быта славян, сохранившихся в условиях сибирского мегаполиса. Во время проведения мероприятий фестиваля горожане имеют возможность познакомиться с нравами, обычаями, одеждой, пищей, верованиями и различными видами народного творчества русских, украинцев и белорусов.

Идея проведения фестиваля возникла в 2006 г. По замыслу организаторов, он должен был стать аналогом «Славянского базара» в Витебске, во время проведения которого под открытым небом проходят выставки-продажи работ художников «Витебский вернисаж» и ремесленников «Город мастеров». Кроме этого, гости могут участвовать в организованных ремесленниками мастер-классах, почувствовать причастность к традиционному народному ремеслу. Подобное мероприятие планировалось организовать и в Новосибирске, причем в программу были включены концертные выступления фольклорных коллективов, выставки-продажи, ремесленные мастер-классы и демонстрация традиционного повседневного быта славян.

Первый фестиваль славянских культур был проведен по инициативе белорусской и украинской национально-культурных автономий в 2007 г. Мероприятие проходило в парке культуры и отдыха «Березовая роща». В нем приняли участие представители украинской, белоруской, польской национальных организаций, а так же многие фольклорные коллективы

г. Новосибирска. Администрация города поддержала фестиваль, было принято решение о придании ему статуса ежегодного мероприятия. В 2008 г. фестиваль собрал коллективы не только г. Новосибирска, но и Новосибирской области. После его проведения стало понятно, что основной формой становятся концертные выступления, что не отвечает тем целям, которые изначально ставили организаторы. Главная проблема заключалась в преобладании среди участников фольклорных коллективов в ущерб показу традиционных славянских ремесел.

В 2011 г. состоялся третий фестиваль славянских культур. После двухлетнего перерыва произошли некоторые изменения, т.к. было принято решение сделать акцент на православную основу культуры славянских народов. Это повлекло отказ от участия в фестивале представителей культурно-просветительского общества «Дом Польский». Мероприятие стало представлять особенности культуры восточнославянского населения Новосибирска. Организаторы решили отказаться и от участия в фестивале областных коллективов, ограничиться только теми национальными и фольклорными организациями, которые работают в сфере сохранения и возрождения национальных культур непосредственно в городе. Данный шаг обусловлен отсутствием взаимопонимания с областными творческими коллективами. Несмотря на все возникшие сложности, фестиваль прошел на высоком уровне. При участии Областного центра русского фольклора и этнографии, национально-культурных автономий города Новосибирска, МКУ «Городской центр национальных литератур», историко-этнографического клуба «Эфес» при школе № 187 были организованы выставки декоративно-прикладного искусства и литературы, проведены мастер-классы, игровые программы для детей, праздничный гала-концерт.

В течение одного дня участники фестиваля знакомили посетителей парка «Березовая роща» с культурой и бытом русских, украинцев и белорусов Сибири. Для этого в организации и проведении мероприятия было задействовано более ста человек, состоящих в национально-культурных автономиях. Напротив главной сцены парка развернулись реконструкции традиционных славянских жилищ. Хозяева в национальных костюмах занимались повседневными делами, встречая гостей. Перед зрителями разыгрывались небольшие сценки, демонстрирующие особенности традиционного быта в Сибири. В конце выступлений всех желающих угощали национальными блюдами, а также отвечали на вопросы, связанные с названием и назначением предметов в домашнем хозяйстве.

Помимо выставок литературы, освещавших культуру русских, украинцев и белорусов, были представлены изделия народных промыслов. Организация детских игр с элементами народных песен, игр и хороводов помогла создать естественную непринужденную атмосферу. Закончился праздничный день гала-концертом, на котором выступили профессиональные и самодеятельные фольклорные коллективы Новосибирска, исполнив наиболее популярные русские, украинские и белорусские песни на национальных языках.

Успех мероприятия был очевиден, т.к. оно нашло отклик и поддержку среди большого количества горожан благодаря своей специфике – наглядной демонстрации особенностей культуры и быта восточных славян Сибири. Однако ремесло в качестве самостоятельного направления, которое должно было сделать фестиваль еще более популярным, так и не реализовалось в ходе мероприятия 2011 г. Организаторы поставили задачу повышения методического уровня участников, искали способы гармоничной подачи материала, иллюстрирующего быт славянских народов Сибири.

Результатом фестиваля 2012 г. стало улучшение качества демонстрируемого материала, но ремесленное направление так и не получило достаточного развития и в этот раз. Объяснение данного явления лежит в современных рыночных условиях: мастерам невыгодно заниматься традиционным народным ремеслом, прибыльнее изготавливать индивидуальные дизайнерские вещи с использованием национальных мотивов. Однако поддержка ремесленных мастерских при национально-культурных организациях могла бы стать первым шагом в деле сохранения традиционных национальных промыслов русских, украинцев и белорусов Сибири.

Содержание фестиваля 2012 г. не изменилось, следовательно, все так же не в полной мере отвечало первоначальным замыслам организаторов. Назрела необходимость в разработке и реализации новой концепции «Славянского подворья», отвечающей основным положениям: сохранение культурного наследия восточнославянского населения, формирование единого культурного пространства, раскрытие православной основы культуры восточных славян, популяризация деятельности этнокультурных творческих коллективов и их творческий обмен, стимуляция творческой инициативы и освоение народных традиций, обрядов, ремесел.

В сентябре 2012 г. состоялось рабочее совещание представителей общественных организаций, учреждений культуры, науки и образования, СМИ, мэрии г. Новосибирска. В ходе его работы обсуждались итоги, перспективы и проблемы фестиваля. В результате принято решение о создании нового оргкомитета и разработке положения фестиваля. В состав оргкомитета вошли представители Управления культуры мэрии Новосибирска, а также всех городских национально-культурных автономий, представляющих интересы восточнославянского населения города. Конкретным результатом стало закрепление функций и направлений деятельности за каждым участником, что должно впоследствии обеспечить разностороннее развитие фестиваля. Утверждение положения о фестивале славянской культуры и о попечительском совете позволит упорядочить деятельность по организации и проведению самого мероприятия. Положение проходит сейчас стадию согласования с администрацией города.

Исходя из четырехлетнего опыта, можно выявить суть проблем фестиваля как формы сохранения традиционной культуры в современном городе. Первая проблема связана со способом передачи информации. Чаще всего используют концертное исполнение, которое не требует глубоких

знаний о традиционной культуре. Выступление фольклорных ансамблей, как правило, не сопровождается ни инсценировкой, ни пояснением значения отдельных элементов выступления. Учитывая искаженность такой информации, можно сделать вывод об отсутствии эффективности данного способа сохранения и передачи традиционной культуры восточных славян. Организаторы «Славянского подворья» решили сделать акцент на ремесленной и выставочной деятельности организаций, специализирующихся в сфере сохранения национальной культуры. Вторая проблема заключается в востребованности фестиваля, а также неподготовленности аудитории. Это обусловлено многими факторами, в числе которых отсутствие интереса многих жителей города к своим культурным и историческим корням, а также недостаточность постоянной работы национальных организаций со школьниками и студентами как основной целевой аудиторией.

Список литературы

Никаноров Г. В подмосковных Дубровицах будет проходить фестиваль «Славянское подворье» // Эл. ресурс. www.rg.ru/2012/08/23/podvorie-site-anons.html. Дата доступа 22.10.2012.

АРХИВ В.А. ТИМОХИНА*

В рамках проекта «Открытый архив СО РАН как электронная система накопления, представления и хранения научного наследия» проведена работа по сканированию полевых дневников этнографов И.Н. Гемуева и В.А. Тимохина. Данные исследователи являются фондообразователями этнографической коллекции, хранимой и экспонируемой в Музее истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока. Значимость полевых наблюдений, зафиксированных в дневниках, трудно переоценить. Это многоплановый исторический источник, что и объясняет необходимость ввода его в научный оборот.

Систематизация и анализ научного наследия дает возможность дальнейшего изучения. Примером может служить архив Владилена Александровича Тимохина.

В фондах музея сохранился достаточно объемный архив кандидата исторических наук В.А. Тимохина. Он занимался изучением и комплектованием этнографической коллекции по народам нижнего Амура – нанайцам и ульчам. В 1960–1970-е гг. В.А. Тимохин возглавлял историко-этнографический отряд, который входил в состав Дальневосточной археологической экспедиции, руководимой академиком А.П. Окладниковым. В 1971 г. он защитил кандидатскую диссертацию по теме «Проведение ленинской национальной политики среди малых народов низовья Амура».

Систематизация архива дала возможность сформировать персональный архив, который включает фото и документальный фонд. Документальный фонд состоит из двух блоков. В первый блок вошли полевые дневники экспедиций в Ульчский район Хабаровского края 1965–1967 гг. (поселки Богородское, Дуди, Ухта, Савинское, Мариинское, Нижняя Гавань, Кольчм, Солнцы, Калиновка), материалы исследований в районах компактного проживания нанайцев в Хабаровском крае (поселки Синда, Искра, Муха, Джари, Кондон, Джусен, Найхин, 1967 г.; Кондон, 1971 г.; Сакачи-Алян, Елабуга, Маяк, Синда, Рыбобаз, Муха, 1972 г.).

Данный блок состоит из 7 общих тетрадей и трех типовых полевых дневников Академии наук СССР. Ангарский отряд комплексной истори-

*Работа выполнена в рамках междисциплинарных интеграционных проектов фундаментальных исследований Президиума СО РАН № М 48 (номер госрегистрации 01201264991 от 25. 06.2012).

ко-археологической экспедиции 1962 г., Забайкальский и Нижнеамурский отряды Дальневосточной археологической экспедиции 1972 г., Североазиатский археологический, историко-этнографический отряд 1973 г., массив дополнен рабочими тетрадями.

Второй блок включает документы личного характера: удостоверения, мандаты, студенческий билет, справки (19 ед.). Есть в архиве также фотоальбомы, отдельные фотографии, сделанные в ходе полевых исследований, фото из семейного архива.

Этнографическую часть коллекции можно разделить на несколько сюжетов: фиксирование национальной одежды, описание обрядовых праздников (подготовка и процесс камлания, медвежий праздник) и национальных промыслов (изготовление лодки, предметов быта из бересты, плетение).

Таким образом, для изучения и ввода в научный оборот отсканировано 256 фотографий и 662 страницы документов. Сканирование материалов осуществлялось в НИИ Систем информатики имени А.П. Ершова.

Большой вклад в обработку материалов В.А. Тимохина внес К.В. Тимохин. Он принимал участие в систематизации фонда, аннотировании фотодокументов, пополнил собрание документами и фотографиями из семейного архива. К.В. Тимохин занимался сканированием и дешифровкой записей в полевых дневниках. Благодаря его работе все полевые дневники и рабочие тетради дешифрованы, а фото аннотированы.

На основании копий документов личного характера и рукописных записей составлена биографическая справка: год рождения 29.05. 1929, город Симферополь, в 1943 г. поступил в Суворовское училище, в 1947 г. окончил Пограничное училище в г. Москве по специальности «офицер пехоты войск МГБ», служил на пограничной заставе на о. Сахалин. С 1955 по 1960 г. учился в Ленинградском государственном университете на историческом факультете. Затем работа директором школы села Ельцовка Алтайского края с 1960–1961 гг. С 1961 г. зачислен в штат Постоянной комиссии по общественным наукам Сибирского отделения Академии наук СССР на должность младшего научного сотрудника. В 1963–1966 гг. учился в аспирантуре Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР, затем работал младшим научным сотрудником. В 1974 г. назначен заведующим Музея истории и культуры народов Сибири Института истории, филологии и философии СО АН СССР. Умер в марте 1997 г.

Анализ персонального фонда позволил сделать следующий вывод: информация, которая содержится в полевых дневниках и рабочих тетрадях, носит разносторонний характер. Она диктуется целями и задачами полевых исследований. Большое место в полевых дневниках уделяется сведениям по истории населенного пункта, описанию структуры государственной власти и национального состава, перечню социальных и культурно-просветительных учреждений (включая штатное расписание), характеристике экономики сел, численному и национальному составу партийных органи-

заций. Данная информация, видимо, была необходима для выявления круга источников для написания диссертационного исследования.

Эти сведения могут быть использованы в современных исследованиях для уточнения демографической и экономической ситуации в местах компактного проживания автохтонного населения. По мнению ученых, данные наблюдения являются источниковой базой для этнологических экспертиз и «помогут определить причины конфликтной ситуации, выработать рекомендации по ее преодолению» [Белозерова, 2007, с. 167].

Выявлен комплекс сведений о предметах, которые привезены из экспедиции: их назначение, местное название, легенды, с ними связанные, сведения о сдатчиках и информаторах, их национальной принадлежности, возрасте. Большое внимание уделено информации о культовых предметах – амулетах, бурханах (севенах), шаманском поясе, сведения об их предназначении, культовых обрядах, связанных с использованием. Имеются зарисовки предметов с детализацией образа и объяснениями символики, заговоры от болезней. Большую ценность представляют записи рассказов информаторов о возникновении родов, промысловых обрядах, обрядах, связанных с жизненным циклом (свадьба, смерть), легенды о шаманах и их атрибутах. Записаны данные об орудиях охоты и рыбной ловли, о технологии изготовления орнамента по дереву. Есть зарисовки инструментов, детальный рассказ о технологии изготовления лодки из бересты, лыж. Найдены сведения об авторах халатов, хранящихся в фондах музея, технологии обработки рыбьей кожи, изготовления красителей для орнамента, зарисовки национальных орнаментов. Данная информация будет использована в атрибутации музейных предметов.

Следующий блок информации включает сведения об археологических объектах, выявленных и исследованных автором: скопления палеофауны на реке Бедериха (Абыйский район Якутской АССР); могилы в колодах, обнаруженные в 10 км от г. Зашиверска; зарисовки отдельных археологических предметов; дневник археологических раскопок в селе Болонь Нанайского района Хабаровского края.

Большую ценность представляет рабочая тетрадь, содержащая выписки из Центрального государственного архива Якутской ССР по истории г. Зашиверска: фонды 8, 173, 189 (Зашиверский уездный суд), 244 и 245 (бумаги Зашиверской церкви?). К сожалению, отсутствуют многие наименования фондов. В этих документах имеются сведения о структуре самоуправления и социальной инфраструктуре города начала XVIII в., различные указы, сведения о переписи населения (например, в г. Зашиверске по документам 1785 г. проживало 174 «окладных» чел.), об эпидемиях. Значительный блок выписок касается вопроса обустройства Зашиверской церкви, ее функционированию, включая список церковных служителей. Интересен фонд № 8, содержащий ревизские сказки за нескольких лет, что дает возможность проследить социальный состав и занятия населения Зашиверска в первом десятилетии XIX в. Кроме того, в документе имеется библиографи-

ческий указатель литературы по истории г. Зашиверска с 1916 по 1960 гг. Данный источник требует дальнейшего тщательного изучения.

Последний блок (записи о расходах, списки участников экспедиции) иллюстрирует организационно-финансовые аспекты полевых работ 1960–1970-х гг.

Таким образом, краткий обзор информации, заложенной в персональном архиве В.А. Тимохина, свидетельствует о ее большой научной значимости и возможности использования в дальнейших исследованиях.

Следующий этап работы над проектом – занесение сведений в базу данных, разработанную в НИИ Систем информатики им. А.П. Ершова СО РАН. Предложенный модуль дает большие исследовательские возможности. Инструментарий информационной системы позволяет установить связи между исследуемыми объектами: персонами, географическими координатами, событиями, неочевидными при простом прочтении документа.

Список литературы

Белозерова М.В. Источники этнологических экспертиз: опыт интеграции коренных народов Южной Сибири // Проблемы сохранения, использования и охраны культурного наследия при реализации проектов развития Сибири и Дальнего Востока. – Томск, 2007. – 164 с.

**КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
В ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ
(НА МАТЕРИАЛАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАРАКОЛЬСКОГО
ЭТНОПРИРОДНОГО ПАРКА «УЧ-ЭНМЕК»)***

Во второй половине XX в. в мировом научном дискурсе было сформулировано понятие «историко-культурное наследие». На глобальном, национальном и региональном уровнях появились программы по его сохранению и популяризации. Одним из направлений исследований стал анализ роли объектов историко-культурного наследия в формировании и актуализации идентичностей различных этносоциальных групп. Музеефицированные предметы, включенные в списки культурного наследия, приобрели особый символический статус, стали элементами конструирования образов нации или этнической группы. Этот процесс коммеморации определил одну из тенденций в политической и социокультурной жизни современных сообществ [Hartog, 2003].

Обращение к наследию, к прошлому различных групп Франсуа Артог связывает с особым отношением ко времени, сформировавшимся в эпоху постмодерна, – *презентизмом*. С помощью понятий «память», «наследие», «юбилейные торжества» сообщества современного мира пытаются освятить собственную актуальную идентичность [Hartog, 2003].

При изучении практик, связанных с включением в этнонациональные дискурсы предметов культурного наследия, исследователь использует понятие «семиофоры», предложенное историком Кшиштофом Помьяном. Семиофоры передают отношение общества ко времени, при котором прошлое воплощается в материальных предметах в настоящем [Артог, 2004].

Эти положения представляют большой интерес при анализе современной ситуации в локальных сообществах Сибири. В настоящее время в Республике Алтай происходит переосмысление роли и места историко-культурного наследия. Проблема его сохранения декларируется в программах и законодательных актах. В соответствии с федеральным законодательством воспроизводится категория культурного наследия, которое определяют как «результаты жизнедеятельности людей в исторической перспективе, представляющие собой материальную, духовную, интеллектуальную ценность и выступающие в виде материальных объектов» [Закон..., 2010].

В документах, посвященных проблемам развития культуры региона, отмечается, что Алтай является уникальным историко-ландшафтным за-

*Работа выполнена в рамках гранта РГНФ (проект № 12-01-00199 а).

поведником, описанным Н. Рерихом как легендарное Беловодье (Шамбала). Здесь происходило становление и развитие евразийской цивилизации. Именно уникальная природная и духовная обстановка способствует сохранению духовного и материального наследия алтайцев, казахов и русских старообрядцев.

Так, в документе «Проблемы сохранения и приоритеты развития культуры Республики Алтай», говорится: «Алтай является местом становления и развития древних культур и этносов, распространившихся затем на обширные пространства Евразийского материка, местом взаимодействия индоевропейских, тюркских и тунгусо-маньчжурских народов».

Делая акцент на особенностях культуры региона, основанной на синтезе различных духовных учений и взаимодействии цивилизаций, авторы документов подчеркивают, что сохранение, изучение и пропаганда исторического и культурного наследия Горного Алтая имеет не только республиканское, но и мировое значение (ГАРА. Ф. Р-190. Оп. 8. Д. 20).

Сохранению наследия служит, согласно программам развития, создание историко-культурных и ландшафтных зон, музейных комплексов и историко-культурного туризма, проведение фольклорных праздников и возрождение народных промыслов.

Одной из оригинальных форм деятельности в этом направлении является Каракольский этноприродный парк «Уч-Энмек». Он создан в 2001 г. на территории Онгудайского района с целью сохранения природного, исторического и этнокультурного наследия Каракольской долины. Задачами учреждения стали:

- сохранение самобытной культуры населения;
- вовлечение местных жителей в дело охраны природы;
- духовно-экологическое просвещение;
- развитие традиционных норм природопользования Горного Алтая;
- развитие духовно-экологического, просветительского и лечебного туризма в регионе, опирающегося на традиции алтайцев и старообрядцев;
- восстановление нарушенных природных и историко-культурных комплексов;
- осуществление экологического мониторинга (ПМА, 2012 г.).

В программе «Уч-Энмека» фигурирует понятие «наследие», которое определяется как «достояние этноса». Под это определение, согласно документам, подпадают «объекты, пришедшие из глубины веков или доставшиеся от природы, такие как человеческие останки, естественные элементы ландшафта и созданные самой природой виды растения и животных, с которыми какой-либо народ длительное время был непрерывно связан». Сотрудники этнокультурного парка призваны стать хранителями наследия, соблюдать интересы коренного населения.

Одним из направлений деятельности организации является проведение различных экскурсий. На территории «Уч-Энмека», считающейся сакральной, организуются различные акции: международная церемония огня

«Учурлу От», международная церемония «От Кай». Они призваны сохранить алтайские традиции и знания, защитить священные территории.

Посетителям парка предлагается мировоззренческая концепция, сформулированная директором Д. Мамыевым – сакральный образ Республики Алтай. Он основан на концепции единства человека и природы в пространстве Алтая. По мнению Д. Мамыева, Алтай является святыней планетарного масштаба. Именно здесь соединяются первозданная природа и духовный человек [Мамыев, 2003а, с. 26–35.].

Согласно размышлениям Д. Мамыева, «Алтай – это врата в будущее», поскольку именно здесь формируются контуры цивилизации грядущей эпохи. Каждый год в республику приезжают тысячи людей со всего мира, якобы только «подпитаться духовной энергией» Алтая, соприкоснуться с древней культурой его народа. Данный регион превращается в своеобразную духовную Мекку Евразии. Здесь реализуется на практике высокий принцип – «евразийское единство через культуру» [Мамыев, 2003а, с. 27].

В этом контексте у алтайцев, согласно последователям духовно-экологической школы, есть особая миссия. Они должны сохранить целостность экосистемы Горного Алтая, сберечь его «духовную и культурную ауру» для последующих поколений. Сохранить этот уникальный природный и культурный фонд коренное тюркоязычное население региона может только путем поддержания самобытных традиций и религии [Антонова, 2003, с. 74].

Жители Республики Алтай, согласно версии Д. Мамыева, должны сформировать новое мировоззрение, основанное на чувстве национального самосознания, уважения к историческому и культурному наследию народов, к человеческой личности, правам человека, на чувстве гражданственности и патриотизма. Нужны личности с творчески активным мышлением, способные к целостному видению мира, принимающие самостоятельные нестандартные решения с общепланетарной точки зрения [Мамыев, 2003б, с. 11].

Современность оценивается Д. Мамыевым сквозь призму социального кризиса: в результате забвения народных традиций и экологических ценностей жители Алтая переживают неблагоприятные времена. Это выражается в потере нравственности, в массовых самоубийствах подростков. Чтобы восстановить гармонию в обществе, нужно восстановить здоровый образ жизни. Он складывается, в свою очередь, из трех составляющих: здоровья духовного и физического, экологической грамотности. Необходимо развивать идею «оберегающего ландшафта», которая включает в себя биологическое разнообразие, экологию, здоровье народа, этнокультурное духовное пространство.

Развитие экологичного сознания у жителей Алтая опирается, по мнению автора концепции парка «Уч-Энмек», на синтез философии, науки и религии. Практическая составляющая процесса предполагает открытие этнокультурного парка с научно-исследовательским центром духовно-экологического направления. Каракольская долина выбрана алтайским интеллек-

туалом неслучайно. Это место наделяется сакральным статусом, т.к. якобы именно оно освящено традициями алтайского народа.

Таким образом, этнокультурный парк «Уч-Энмек» становится формой материализации культурного наследия и исторической памяти алтайцев. В ходе деятельности организации конструируется система семиофоров, значимых для этнической идентификации коренного тюркоязычного населения. В основе формирования концепции Д. Мамыева лежит принцип сциентизации сакрального знания. Речь идет о соединении научного дискурса и религиозных необурханистских воззрений, акцентирующих связь человека со священной территорией. Построения Д. Мамыева представляют одно из современных направлений бурханизма (необурханизма), которое оказывает влияние на формирование идентичностей коренного населения Республики Алтай. Связь с родной землей является одним из устойчивых маркеров этничности алтайцев.

Список литературы

Антонова Н.Н. Трезвость – нравственный ориентир общества // Духовная культура Алтая – экология жизни. – Горно-Алтайск, 2003. – С. 71–76.

Артог Ф. Типы исторического мышления: Презентизм и способы восприятия времени // Отечественные записки: Журнал для медленного чтения. – 2004. – № 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?article=950&numid=20> (20.05.2010).

Закон Республики Алтай от 16 сентября 2003 г. № 14–16 «Об охране объектов культурного наследия в Республике Алтай [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zakon.scli.ru/ru/legal_texts/legislation_RF/index.php?do4=document&id4=08b4af1d-f751-465a-b53c-ff766607a62f (18.10.2010).

Мамыев Д.И. Духовная экология // Духовная культура Алтая – экология жизни. – Горно-Алтайск, 2003а. – С. 26–35.

Мамыев Д.И. Роль национальной духовной культуры, общечеловеческих ценностей в формировании личности школьника // Духовная культура Алтая – экология жизни. – Горно-Алтайск, 2003б. – С. 8–17.

Hartog F. R gimes d'historicit . Pr sentisme et exp riences du temps. – Paris: Seuil. 2003. – 258 p.

ПОНЯТИЯ «МУШЕЛ» И «ЖІЛІК» В ТРАДИЦИОННОЙ КАЗАХСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Одной из ключевых в казахской культуре является категория *мушел*, связанная с 12-летним календарным циклом, который маркируется образами животных. Его происхождение связывают с кочевой средой Центральной Азии и относят к лунно-солнечным, юпитерным календарям – по планете, оборот которой вокруг солнца дает 12-летний цикл.

Циклический календарь ритмически организует жизнь природы и человека во всем многообразии и выявляет их сущностную взаимосвязь. Согласно казахской традиции, цикл делится на плохие и хорошие, голодные и щедрые периоды. По легенде, изначально в *мушел* чередовались *ажал*-нечистые (нечетные) и *адал*-чистые (четные) годы. Но когда Чингисхан собрался в поход в неудачный год лошади, он, якобы, поменял последовательность: объявил год лошади годом змеи и одержал победу. С тех пор год змеи стал впереди года лошади. Нарушилось чередование: сначала идут два года *ажал* – дракона и змеи, а затем два года *адал* – лошади и овцы [Токтакунова, 2008].

В казахской традиции замкнутые 12-летние циклы, образующие большой 60-летний круг, структурируют время жизни. Эти представления актуальны для всех локальных сообществ казахов: в Республике Казахстан (РК), Новосибирской области (НСО), Омском Прииртышье, Алтайском крае (АК), в Республике Алтай (РА). Первые 12 лет человека – это детство, с 13 до 24 – юность, с 25 до 36 – молодость, с 37 до 48 – зрелость, с 49 до 60 – возраст почтения. Понимание пятого *мушел* определяют мусульманские представления, канонизировавшие пророка Мухаммеда, прожившего 63 года (ПМА, 2012 г., с. Джазатор, Кош-Агачский р-н, РА).

Согласно традиционной этике, не принято узнавать точное число лет, прожитых собеседником. Старики обычно спрашивают: «*Қай мүшелге толдың?*» (букв. «Каким мушелем (ты) наполнился?»), «*Неше мүшелден өттің?*» (букв. «Через сколько мушелей (ты) прошел?»), «*Қай мүшелден астың?*» (букв.: «Какой мушель (ты) пережил?») (ПМА, 2010 г., с. Кош-Агач, Кош-Агачский р-н, РА; 2011 г., п. Ералиева, Жанаркинской р-н, Карагандинская обл., РК).

Очередной *мушел* определяет статус человека, стиль поведения, обязанности по отношению к различным социальным и возрастным группам. Первый год после завершения каждого *мушела* – *мүшеліжас* (возраст

мұшел) считается опасным. На 13, 25, 37, 49, 61 год и т.д. совершается переход из одного возрастного и социального статуса в другой. Это требует осмотрительности, когда следует избегать авантур, проявлять понимание и сострадание, совершать пожертвования. Считается, что в *мұшелі жас* любой поступок имеет значение по отношению к будущему, поэтому нельзя обижать человека, вступившего в такой период (ПМА, 2011 г., п. Ералиева, Жанаркинский р-н, Карагандинская обл., РК).

С завершением *мұшел* связана традиция *мұшелтой* – праздничного застолья. Накануне и после окончания *мұшел* принято приглашать гостей. Если год проходит гладко, торжеств не устраивают. Поводом к празднику могут стать проблемы со здоровьем, семейные и профессиональные сложности.

По народной этимологии, *мұшел* происходит от слова *мұше* – «доля, часть». 12-летняя структура временного цикла соотносится с традиционными представлениями о 12-частном строении человека и животного (прежде всего коня). Деление на 12 основных частей тела реализуется в традиционных знахарских практиках. Существует благопожелательная фраза: *Он екі мұшең сай болсын!* – «Пусть будут здоровы твои двенадцать частей!» (ПМА, 2011 г., п. Ералиева, Жанаркинский р-н, Карагандинская обл., РК).

Деление на 12 условных частей определяет практику разделки туши животного во время ритуальных (поминальных) и значимых календарных церемоний. Эта традиция по сей день актуальна для казахов. Согласно правилам, разделка идет по суставам – *мұшелеп (жіліктен) соят*. При этом выражение *он екі жілік* – «двенадцать суставов (мослов)» синонимично связывается с выражением *он екі мұшелі жыл* как обозначение 12-летнего цикла. Слово *жілік* («трубчатая кость, мосол, сустав») выступает синонимом понятия *мұшел*.

Сегодня словом *жілік* у казахов обозначают кости конечностей. Задние конечности включают *жамбас* (тазовые кости), *ортан жілік* (бедренную кость), *асықты жілік* (берцовую кость), а передние – *жаурын* (лопатку), *кәрі жілік* (лучевую и локтевую кости), *түйміш жілік* (грудную кость). Прежде слово *jilig* означало «костный мозг», *jiliglig* – «имеющий костный мозг», *jiliglig sönük* «кость с мозгом» [Древнетюркский словарь..., 1969, с. 261]. При этом основа слова *jil* выступала в значении «год, отрезок времени» [Древнетюркский словарь..., 1969, с. 266]. Производными от него были *jil ülgі* – «время (пора) года», *jilla* – «жить, существовать», *jiljı ujılıq* – «годовой»; однокоренные с ним слова *jilqı* – «крупный скот, преимущественно лошади» [Древнетюркский словарь..., 1969, с. 267], в переносном значении «скот, скотина» (о человеке), *jilqı qara* – «скот», *jilsıy (jilqısıy)* – «богатый, зажиточный».

Перенос номинации *jilqı* на человека находит близкие аналогии в казахских паремах. *Біз жылқы мінезді халықпыз, қазақ жылқы мінезді халық* – «Издавна говорят, что мы (казахи) народ с характером лошадиным», «Казах по своему характеру похож на коня». *Екі нәрседе қасиет бар, бірі –*

адам, екіншісі – ат – «Только в двух вещах есть высшее свойство, говорят казахи, одна из них – человек, другая – лошадь» [Токтабай, 2004, с. 45].

Тождественность человека и животного в их 12-частном устройстве, соотношенном с ходом времени и структурой мира, определяет глобальный синкретизм традиционной казахской культуры. Деление туши коня на *мүше* (доли) в ходе общественно значимых церемоний, соответствуя делению времени, имеет социальную проекцию.

Каждый год, когда устанавливаются крепкие морозы, в казахских аулах Западной Сибири и Казахстана делают *соғым* – мясо (в т.ч. конину) заготавливают на зиму. Судя по материалам, записанным среди казахов Сибири, когда-то это был большой праздник – точка отсчета нового года, общий день рождения. С осени главный вопрос, который задавали соседи друг другу, был о *соғым*: сделал *соғым* – прожил год, обрел надежду на год будущий. И хотя праздничный характер церемонии в настоящее время нивелирован, она по-прежнему имеет ритуализированный характер (ПМА, 2011 г., с. Нижне-Баяновка, Карасукский р-н, НСО; 2012 г., с. Керей, Кулундинский р-н, АК).

Когда приходит время, утром во дворе дома собираются родня и соседи. Среди них *қасапшы* – мастера-резаки. Правильная разделка признается искусством. Обычно говорят: *Әдемілеп, ұқыптан союға керек* – «Резать надо красиво, бережно». И само слово *қасапшы* имеет синонимы: *шебер* – «мастер», *епті* – «умелый, искусный, хваткий» (ПМА, 2011 г., с. Нижне-Баяновка, Карасукский р-н, НСО; 2011 г., п. Ералиева, Жанаркинский р-н, Карагандинская обл., РК).

Коня двух-трех лет, которого семья кормила с лета, готовят к забою, велят стреноженного головой на запад – на *Каблу* (*Кибла* – в исламе направление на Каабу в Мекке), прощаются с ним, просят простить и с молитвой перерезают горло. С кровью на землю истекает сила [Октябрьская, 2011]. «Когда режут лошадь, кровь не смывают, боясь, что счастье уйдет, обычно, когда режут других животных, кровь смывают, чтобы мясо было чистым» [Токтабай, 2004, с. 28]. Кровь старательно собирают со снега и относят в укромное место.

Когда агония животного закончится, приступают к разделке – *мүшелеп* (*мал етін мүше-мүшеге бөліп бұзу* – «делить/ломать на части мясо животного») или *жіліктеу*. По первому разрезу проверяют брюшину. Качество *соғым* определяют по ширине сала на ребрах лошади – *соғым қазысының қыртысынан білінеді*.

Существует несколько измерений: *шынашақ елі* (с мизинец), *екі елі* (с два пальца), *үш елі* (с три пальца), *төрт елі* (с четыре пальца), *бес елі* (с пять пальцев). Сало толщиной в большой палец – повод для гордости хозяина (ПМА, 2011 г., с. Нижне-Баяновка, Карасукский р-н, НСО; 2011 г., п. Ералиева, Жанаркинский р-н, Карагандинская обл., РК).

Продолжая гадательные практики, срезают мечевидный хрящ грудной кости и с силой кидают его на стену дома или притолоку со словами: *Жүйрік болсын!* – «Будь резвым!». Эта фраза обычно произносится перед

забегом на байге для молодого скакуна (ПМА, 2011 г., п. Ералиева, Жанаркинский р-н, Карагандинская обл., РК). В контексте *согыма* она может быть понята с учетом этимологий и культурных смыслов, связующих в единое целое представления о костях, времени и жизни. Показательно, к примеру, что в древнетюркском языке с категорией времени связано не только понятие *жілік*, но и понятие *оуurlqa* – «спинной позвонок» [Древнетюркский словарь..., 1969, с. 365]. Это слово является однокоренным слову *оуи*; означающему в том числе «расщеплять; время, обстоятельство, причина; благоприятный, удачный» [Древнетюркский словарь..., 1969, с. 364].

Целое делят на части, предполагая его восстановление и точно следуя традиции соответствия каждого куска статусу и возрасту человека. Уважаемым, старшим гостям и сватам в ходе застолий подносят *бас* – голову, *жамбас* – бедренный мосол, *белдеме* – позвонковый мосол; молодежи и невесткам – позвонковый мосол, грудинку и т.д. Разъятая туша соединяет семью и весь аул. Кости как части пространственно-временного континуума соотносятся с возрастными стратами, имеющими привязку к *мушел* – времени жизни.

В ходе *согым* во время застолья затевают игру – *жілік сындыру* («ломать трубчатую кость»). Бедренную кость – *ортан жілік*, срезав с нее немного мяса, передают недавно женившемуся и требуют обглодать ее. Все собравшиеся мужчины по очереди бьют по кости кулаком. Победитель, разбивший кость, получает подарок (ПМА, 2011 г., п. Ералиева, Жанаркинский р-н, Карагандинская обл., РК; 2011 г., с. Нижне-Баяновка, Карасукский р-н, НСО). Разбитая кость, как «разбитый» год, как разъятое время и завершившийся *мушел*, становится предвестием нового цикла.

Список литературы

Древнетюркский словарь. – Л., 1969. – 696 с.

Октябрьская И.В. Согым. 29 Декабря 2011 г. // Родинки на карте. – Режим доступа: [http://rodinki.newsib.ru/post/389/\(30.10.2012\)](http://rodinki.newsib.ru/post/389/(30.10.2012)).

Токтабай А.У. Культ коня у казахов. – Алматы, 2004. – 124 с.

Токтакунова Э.Ж. 12-летний животный цикл в культуре киргизского народа // Этнография, этникалык маселелер, этнические вопросы. – Режим доступа: bizdin.kg/elib/jurnaldar/vik/2008_1/toktakunov.doc(30.10.2012).

СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД ОМСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Историографические исследования в этнографии Сибири сегодня крайне необходимы, тем более что в конце XX – начале XXI в. для отечественной науки открылись новые возможности. Отдельные исследования в данном направлении проводились и нами, а в 2000-е гг. они активизировались и оформились в целый ряд публикаций, включая монографические [Захарова, Томилов, 2007; Томилов, 2010]. Нам хотелось бы рассказать об основных чертах современного периода омской этнографии, который начался с 1974 г. в связи с открытием Омского государственного университета (ОмГУ).

Первая этнографическая экспедиция к сибирским татарам Омской области проводилась летом 1974 г. под руководством Н.А. Томилова и В.Б. Богомолова. С этого времени экспедиционные исследования стали ежегодными. Создан и успешно функционирует университетский студенческий кружок. Обновляются экспозиции и пополняются фонды Музея археологии и этнографии ОмГУ. В настоящее время они насчитывают более 430 тыс. единиц хранения. Более 130 этнографических коллекций представляют культуру народов Горного Алтая, Казахстана, Западной, Северо-Западной и Южной Сибири, Хакасии, г. Кургана (сборы В.Б. Богомолова, А.В. Головнева, М.А. Жигуновой, Д.Г. Коровушкина, И.В. Лоткина, Г.М. Патрушевой, В.В. Реммлера, А.Б. Свитнева, А.Г. Селезнева, Т.Б. Смирновой, Н.А. Томилова, Г.И. Успеньева, Л.Т. Шаргородского и др.). Наиболее многочисленными являются коллекции по хозяйству и культуре различных групп сибирских татар, восточных славян (включая казачество), немцев. Есть коллекции предметов, привезенных из экспедиций к казахам, латышам, манси, ненцам, селькупам, телеутам, хакасам, хантам, челканцам, чувашам, шорцам и эстонцам. В архиве хранятся документы и материалы археологических и этнографических экспедиций и практик, личные фонды ленинградского археолога, доктора исторических наук М.П. Грязнова, московского этнографа, доктора исторических наук В.И. Васильева, омского археолога, кандидата исторических наук А.И. Петрова, омского этнографа Л.Т. Шаргородского, а также фототека, фонотека и микрофильмы.

В целом, именно 1980-е гг. для омских этнографов можно считать «золотым веком». Во многом это обусловлено творческим подъемом, связанным с открытием осенью 1985 г. в ОмГУ кафедры этнографии, историографии

и источниковедения истории СССР. Из этнографов, кроме возглавлявшего кафедру Н.А. Томилова, здесь тогда работали Г.М. Патрушева, О.М. Проваторова, О.В. Кузнецова, М.А. Жигунова, В.В. Реммлер. Характерная черта этого периода – активная работа по каталогизации и паспортизации музейных коллекций, издание многотомной серии «Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев». Особой интенсивностью отличались ежегодные экспедиционные исследования. В 1980-е гг. активизировалась работа по организации и проведению различных всесоюзных, всероссийских и региональных конференций по этнографической тематике. В 1990-е гг. омскими этнографами было проведено 64 различных научных конференции и семинара. Ярким и запоминающимся событием стал в 2003 г. V конгресс этнографов и антропологов России, в работе которого приняли участие около 400 человек.

В апреле 1991 г. был образован Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН, переименованный в 2006 г. в Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН. В феврале 1993 г. в Омске открылся Сибирский филиал Российского института культурологии. Многие этнографы успешно преподают ряд учебных дисциплин в ОмГУ. Трудятся омские этнографы и в Омском государственном историко-краеведческом музее, Омском областном музее изобразительных искусств им. М.А. Врубеля и других учреждениях. Питомцы омской этнографии разбросаны не только по различным городам нашей страны (Анадырь, Барнаул, Екатеринбург, Краснодар, Красноярск, Магнитогорск, Москва, Новосибирск, Санкт-Петербург, Тобольск, Тюмень), но и по разным странам мира (Америка, Германия, Голландия, Италия, Казахстан, Канада, Франция, Чехия).

Характерными чертами этнографических исследований Омского научного центра являются активность, широта территориального, тематического и этнического охвата, научно-организационная и издательская деятельность, верность традициям московской, ленинградской и томской научных школ [Томилов, Жигунова, 2010]. С 1974 г. и по настоящее время омскими этнографами проводятся научные исследования по многочисленным направлениям.

1. Изучение этнической истории и традиционно-бытовой культуры народов Севера, Западной и Южной Сибири, Северного Казахстана: сибирских татар (Ф.М. Буреева, О.П. Коломиец, М.А. и С.Н. Корусенко, Н.В. Кулешова, Н.А. Левочкина, А.В. Матвеев, Д.А. Мягков, А.Г. и И.А. Селезнев, Е.Ю. Смирнова, Е.В. Титов, М.Н. Тихомирова, Н.А. Томилов, А.А. Ярзуткина и др.), восточных славян (О.Н. Артемьева, М.Л. Бережнова, И.В. Волохина, М.А. Жигунова, Т.Н. Золотова, А.А. Крих и др.), казахов (Ш.К. Ахметова, И.В. Захарова, Б.К. Смагулов, О.М. Проваторова (Бронникова), Н.А. Томилов и др.), немцев (А.Р. Бетхер, А.Н. Блинова, С.А. Рублевская, Т.В. Савранина, Т.Б. Смирнова, И.Н. Чернова и др.), манси, ненцев, селькупов, хантов (И.В. Белич, А.В. Головнев,

Н.И. Новикова, А.Г. Селезнев, Л.Т. Шаргородский), латышей и эстонцев (И.В. Лоткин, А.Б. Свитнев), чувашей (Д.Г. Коровушкин) и др.

2. Изучение современных этнических процессов у сибирских и поволжских татар, алтайцев (телеутов), шорцев, манси, селькупов, чулымских тюрков, казахов, русских, украинцев, чувашей, немцев, латышей, эстонцев и др. По этой проблематике омскими этнографами защищено 10 кандидатских диссертаций (Ш.К. Ахметова, О.М. Бронникова (Проваторова), М.А. Жигунова, Д.Г. Коровушкин, И.В. Лоткин, Г.М. Патрушева, С.А. Рублевская, Т.В. Савранина, Т.Б. Смирнова, Н.А. Томилов).

3. История музейного дела в Сибири и проблемы этнографического музееведения. Каталогизацией этнографических предметов Музея археологии и этнографии ОмГУ, Новосибирского областного краеведческого музея, Тюменского областного краеведческого музея имени И.Я. Слоцова, Омского государственного историко-краеведческого музея, Омского областного музея изобразительных искусств имени М.А. Врубеля занимались А.Н. Блинова, В.Б. Богомолов, М.А. Жигунова (Плахотнюк), И.В. Захарова, Д.Г. Коровушкин, М.А. Корусенко, Г.М. Патрушева, Е.Ю. Смирнова, М.Н. Тихомирова, Н.А. Томилов и др.

4. Теория и история этноархеологии, конструирование этнографо-археологических комплексов. Данное направление представляют М.Л. Бережнова, В.Б. Богомолов, М.Н. и С.Н. Корусенко, А.В. Матвеев, А.Г. Селезнев, Л.В. и С.Ф. Татауровы, К.Н. и М.Н. Тихомировы, С.С. Тихонов, Н.А. Томилов и др. [Жук, Томилов, 2004].

Кроме того, омские этнографы вполне успешно занимаются теоретическими разработками [Томилов, 2011], историографической проблематикой (М.Л. Бережнова, М.А. Жигунова, И.В. Захарова, Т.Н. Золотова, Н.А. Томилов и др.). Впервые был выполнен анализ этнографического изучения русских Западной Сибири [Жигунова, 2011]. Этнографами г. Омска выпущены более десятка сборников программ и вопросников для проведения полевых этнографических и этноархеологических работ, более 200 сборников научных статей и материалов конференций, более 30 монографий, сотни статей и тезисов докладов, более 20 учебных пособий и программ общих курсов и спецкурсов по этнографии и культурной антропологии. Сегодня омские этнографы принимают участие в подготовке ряда разделов книг многотомной серии «Народы и культуры», издают 4 многотомных серии, участвуют в подготовке статей для различных энциклопедий.

Возрастает объем работы в ОмГУ по подготовке кадров этнографов. В 1988 г. открыта аспирантура по этнологии (этнографии), в 2002 г. – специализированный совет по защите кандидатских диссертаций по этнологии, этнографии и антропологии, в 2004 г. – докторантура. С 2004 г. действует аспирантура по этнологии и в Омском филиале Института археологии и этнографии СО РАН. Около 50 вышедших из стен ОмГУ специалистов-этнографов защитили кандидатские диссертации, а Н.А. Томилов,

А.В. Головнев, Д.Г. Коровушкин и Т.Б. Смирнова – докторские. Приходится признать, что наибольший вклад в современную омскую этнографическую науку внесли женщины, поскольку, из списка омских ученых, защитивших диссертации по этнографической тематике, 71 % приходится на «этнографинь» [Жигунова, 2012].

Завершая наш экскурс в современную историю этнографических исследований омских ученых, хочется отметить следующее. За обозначенный период под влиянием ленинградской, московской и томской этнографических школ в г. Омске сформировался коллектив профессиональных этнографов, насчитывающий более 50 человек. Отличительными чертами представителей этой когорты является не только активная научная, образовательная, издательская и научно-организационная деятельность, обусловленная неистребимой влюбленностью в свою профессию, но и веселый нрав, активное песенное творчество и неиссякаемый оптимизм. Важно сегодня и в будущем сохранять и развивать созданный потенциал нашей науки и укреплять этнографические научные традиции в Омске.

Список литературы

Жигунова М.А. Русское население Западной Сибири в этнографических исследованиях Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН (2000–2010 гг.) // Культурологические исследования в Сибири. – 2011. – № 2 (33). – С. 52–62.

Жигунова М.А. Праздничные будни омской этнографии // Антропология академической жизни: традиции и инновации в отечественной науке. – М.: ИЭА РАН, 2012. – Т. 3. – С. 160–172.

Жук А.В., Томилов Н.А. Очерк истории этноархеологического направления // История. Антропология. Культурология: программы и избранные лекции. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. – Ч. II. – С. 110–131.

Захарова И.В., Томилов Н.А. Этнографические научные центры Западной Сибири (середина XIX – начало XXI века). Омский этнографический центр. – Омск: Изд. дом «Наука», 2007. – 400 с.

Томилов Н.А. Народная культура городского населения Сибири: очерки историографии и теории историко-этнографических исследований. – Омск: Изд. дом «Наука», 2010. – 164 с.

Томилов Н.А. Омский этнографический центр и его теоретические исследования // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: к 70-летию академика В.А. Тишкова. – М.: Наука, 2011. – С. 319–336.

Томилов Н., Жигунова М. Омский научный этнографический центр: штрихи к портрету // Антропология академической жизни: междисциплинарные исследования. – М.: ИЭА РАН, 2010. – Т. 2. – С. 285–295.

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ КОД И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ СИБИРИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Освоение огромных пространств Сибири требовало как от первопоселенцев, так и поздних выходцев из Европейской России конца XIX – начала XX в. не только отваги и предприимчивости, но и способности переносить этнические коды своей культуры в иные природно-ландшафтные и этнографические условия. Адекватная интерпретация этнокультурного своеобразия сибиряков невозможна без ответа на вопросы о причинно-следственных связях принесенных культурных кодов и их последующих трансформаций. Важна символическая значимость границ *своей* культуры, а также мифотворчество, необходимое для осваивания *чужого* пространства (ср. понятия «восток» и «запад», «правое» и «левое», «родная» и «чужая» земля, выбор названий для природно-географических объектов).

Универсальной формой деятельности человека по отношению к пространству является его освоение, т.е. превращение «чужого», хаотичного, «нечистого» пространства в свое, чистое [Левкиевская, 2009, с. 306]. Ритуальное осмысление времени, дней недели, суток, годовых периодов и календарных дат, которые делили жизнь семьи переселенцев на «до переезда» и «после», составляет один из фрагментов картины мира сибиряков. Временной код как понятийная категория проявлялся в субстантивах (одежда, пища и пр.), а также в обычаях, обрядах, режиме труда и т.д.

Для осмысления происходивших на исследуемом пространстве этнокультурных процессов важно решить следующие задачи:

- раскрыть основные мировоззренческие аспекты, касающиеся пространства и времени в представлениях русского, белорусского и украинского народов Сибири в конце XIX – первой половине XX в.;
- обозначить ритуальные и практические формы освоения пространства первопоселенцами Сибири, степень приуроченности к определенным локусам;
- проанализировать народную топонимику локусов и пространственных объектов (топонимические предания);
- выявить причины стойкой сохранности в народной памяти одних элементов (реликтов) средневекового мировоззрения и трансформации других;
- определить формы и степень взаимовлияния в среде восточнославянских и соседних народов, различающихся содержанием мировоззренческих установок, взглядов.

В этнографической литературе под мировоззрением обычно понимают систему взглядов на объектный мир и место человека в нем, а также обусловленные ими позиции людей, их взгляды, убеждения, принципы познания и деятельности, ценностные ориентации. Мировоззрение формируется, «выплаывается» в процессе исторического развития этноса, являясь показателем зрелости общества. Традиционное мировоззрение характеризует общее понимание мира (т.н. «этническая картина мира»), определяет религиозно-нравственную, эстетическую, познавательную ориентацию людей конкретного этноса. Оно основывается на традиционном опыте, порождаемом условиями жизни и передаваемом из поколения в поколение. Это базовые, глубинные элементы традиционной духовной культуры, включающие комплекс представлений (убеждений) и комплекс знаний (рациональных и иррациональных).

Мифологическое мировоззрение не только предоставляло знания о происхождении мира и этноса, пронизывало всю народную культуру, но и служило оправданием существовавшего образа жизни людей. Отдельные элементы мифологического сознания русского средневековья в качестве реликтов дожили до недавнего времени.

Религиозное мировоззрение выражается в эмоционально-образной форме и включает веру и связанные с ней обычаи, нравственные идеалы, народные религиозные концепции зарождения и начала жизни, праздничного календаря и пр.

Комплекс знаний включает рациональные и иррациональные знания и умения в области повседневной жизни (народную топонимику, локативы, атрибутивы, календарь, медицинскую практику, метеорологию, способы измерения времени и пр.). Знания служили целям ориентации этноса или отдельного человека в окружающей природной и социокультурной реальности.

Характеристики пространственно-временных структур в мифологическом сознании содержатся в трудах философов и культурологов М.М. Бахтина, Г.Д. Гачева, Ю.М. Лотмана, Е.М. Мелетинского, М. Элиаде, А.Ф. Лосева и др. Важно отметить труды т.н. «полесской этнолингвистической группы» под руководством Н.И. Толстого. В конце XX в. исследования по знаковым системам активно публиковались учеными Института славяноведения и балканистики РАН [Толстой, Толстая, 1992; Толстая, 1995; Седакова, 2003 и др.]. Исследователи обычно рассматривают *пространство* в системе семантических оппозиций «свой – чужой». В качестве параметров этой универсальной категории называются оппозиции «восток – запад», «правый – левый», «север – юг», «центр – периферия». В связи с этим одни части пространства воспринимаются как «свои», позитивные, безопасные для жизни и здоровья человека, а другие – как «чужие», негативные, угрожающие благополучию. Вопросы иерархической организации пространства, его трех- или двухчастное деление поднимались этнологами, лингвистами и филологами [Иванов, Топоров, 1965; Неклюдов, 1977; Байбурун, 1985; Топоров, 1988; Левкиевская, 2009 и пр.]. Воззрения на мир через осознание, оценку истории

ческих событий и деятельность российских государственных деятелей русских крестьян рассматривает этнолог А. Буганов [1997, 2000].

Второй основной категорией традиционной картины мира, сочетающей мифологическое (циклическое) и историческое (линейное) восприятия, является *время*. «Природное» время включает солнечные, лунные, вегетативные циклы и календарь, противопоставлено «жизненному» времени, включающему также «обрядовую» составляющую [Толстая, 1995]. Категории времени рассматривались отечественными и зарубежными исследователями в плане его семантики и включенности в систему ценностей славянской народной культуры, в качестве одного из параметров структуры традиционных обрядов [Kupiszewski, 1974; Гуревич, 1984; Толстая, 1991 и др.]. По материалам народов Европейского Севера ученые Уральского отделения РАН попытались реконструировать генезис и эволюцию основных фрагментов мифопоэтической картины мира [Традиционное мировоззрение и духовная культура..., 1996; Конаков, 1996].

По сибирским материалам внимание исследователей сосредотачивалось в основном на раскрытии традиционного мировоззрения финно-угорских, тюркских и коренных малочисленных народов Сибири [Мировоззрение финно-угорских народов..., 1990; Мировоззрение народов Западной Сибири..., 1985; Традиционное мировоззрение народов..., 1996; Данилова, 2011; Бурнаков, 2012 и др.]. Мировоззренческие аспекты культуры славянских народов, прежде всего такие актуальные для Сибири представления о пространстве, как «родная земля», родина, «запад-восток», географические объекты и локусы, фактически не рассматривались. Пространственно-временной код как система знаков, функционирующих в традиционной календарной и семейной обрядности, так же не были в поле зрения исследователей, за некоторым исключением [Любимова, 2004]. Рассматривались отдельные мировоззренческие аспекты народного художественного творчества и орнаментики [Русакова, 1989; Фурсова, 2000, 2006], народной медицины [Островская, 1975].

Таким образом, мировоззренческие комплексы славянских народов Сибири не определены как целостные системы с учетом всех семантических и структурных связей в исторической динамике. Этнографическая разработка темы «Трансформация народного мировосприятия крестьян Сибири» не находится на начальной стадии, но весьма далека от завершения. Можно предположить, что рассмотрение мировоззренческих вопросов будет стимулировать дальнейшее этнографическое изучение народов Сибири, станет учитываться при программировании взвешенной региональной и национальной политики.

Список литературы

Байбурин А.К. Некоторые общие вопросы реконструкции архаического мировоззрения // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. – Томск: Изд-во ТГУ, 1985. – С. 3–5.

- Буганов А.В.** Русские. – М.: Наука, 1997. – С. 647–653.
- Буганов А.В.** Государственное, религиозное и национальное в сознании русского народа // Воронежская беседа на 1999–2000 годы. – Воронеж: Изд-во Воронежско-Липецкой епархии, 2000. – С. 205–208.
- Бурнаков В.А.** Медведь в традиционном мировоззрении хакасов // Вестник НГУ. – 2012. – Т. 11, вып. 3: История и филология. – С. 325–340.
- Гуревич А.Я.** Категории средневековой культуры. – М., 1984.
- Данилова Н.К.** Традиционное жилище народа Саха: пространство, дом, ритуал. – Новосибирск: Гео, 2011. – 131 с.
- Иванов В.В., Топоров В.Н.** Славянские языковые моделирующие семиотические системы. – М.: Наука, 1965. – 246 с.
- Конаков Н.Д.** Традиционное мировоззрение народов коми: окружающий мир, пространство и время. – Сыктывкар, 1996. – 132 с.
- Левкиевская Е.Е.** Пространство // Славянские древности. – М.: Международные отношения, 2009. – Т. 4. – С. 304–308.
- Любимова Г.В.** Возрастной символизм в культуре календарного праздника русского населения Сибири. XIX – начало XX вв. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. – 240 с.
- Мировоззрение** народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. – Томск: Изд-во ТГУ, 1985. – 174 с.
- Мировоззрение** финно-угорских народов. – Новосибирск: Наука, 1990. – 217 с.
- Неклюдов С.Ю.** О функционально-семантической природе знака в повествовательном фольклоре // Семиотика и художественное творчество. – М., 1977.
- Островская Л.В.** Мировоззренческие аспекты народной медицины русского крестьянского населения Сибири второй половины XIX в. // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII – начала XX в. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1975. – С. 131–142.
- Русакова Л.М.** Традиционное изобразительное искусство русских крестьян Сибири. – Новосибирск: Наука, 1989. – 176 с.
- Седакова И.А.** Славянское и балканское языкознание. Человек в пространстве Балкан. – М.: Индрик, 2003. – 250 с.
- Толстая С.М.** Аксиология времени в славянской народной культуре // История и культура. – М., 1991. – С. 62–66.
- Толстая С.М.** Время // Славянские древности. – М.: Международные отношения, 1995. – Т. 1. – С. 448–452.
- Толстой Н.И., Толстая С.М.** Жизни магический круг // К 70-летию проф. Ю.М. Лотмана. – Тарту, 1992. – С. 52–71.
- Топоров В.Н.** Космогонические мифы // Мифы народов мира. – М.: Сов. энциклопедия, 1988. – Т. 2.
- Традиционное** мировоззрение и духовная культура народов Европейского Севера. – Сыктывкар: Коми науч. центр УРО РАН, 1996. – 123 с.
- Традиционное** мировоззрение народов Сибири. – М., 1996.
- Фурсова Е.Ф.** Символика антропоморфных орнаментов в рукоделиях сибирских мастериц (старобрядок Васюганья) // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера. – Петрозаводск, 2000. – С. 408–414.
- Фурсова Е.Ф.** Орнитоморфная символика в традиционной культуре крестьян Приобья, Барабы, Кулунды и Алтая конца XIX – начала XX века // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 2 (26). – С. 126–136.
- Kupiszewski W.** Polskie słownictwo z zakresu astronomii i miar czasu. – Warszawa, 1974. – S. 114–130.

ГЕНЕАЛОГИИ НЕМЦЕВ-МЕННОНИТОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ КАК ИСТОЧНИК ПО ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ (по полевым материалам 2011–2012 годов)

Исследование этнического развития немецкого населения Западной Сибири тесно связано с изучением его прошлой истории, позволяющей понять особенности этнических процессов, протекающих в настоящее время. Одним из важнейших методов этнической истории является генеалогический метод. Для изучения истории народа важно располагать массовой источниковой базой, которую формируют генеалогии, отражающие семейную историю изучаемого этноса [Чигрина, 2000].

В среде немецкой диаспоры Западной Сибири выделяют этноконфессиональную группу немцев-меннонитов. В ходе полевых этнографических экспедиций 2011–2012 гг. мы посетили с. Неудачино Новосибирской области и с. Ананьевка Алтайского края. Это поселения, в которых исследуемая группа представлена локально.

«Все наши немцы были меннониты. Вообще мы никогда не слышали про немцев, только меннониты. Это как национальность. А при советской власти стали нас называть немцами» (ПМА, 2012 г.).

В ходе исследований были собраны материалы по генеалогиям немцев-меннонитов. Они представлены в виде развернутых восходящих родословных, которые во многих семьях ведутся с начала XVIII в. до современности. Способ их хранения и записи разнообразный.

В с. Неудачино Татарского района Новосибирской области мы изучили генеалогическое древо семьи пресвитера местной менонитской общины Ивана Петровича Панкраца. Это родословие, записанное на рулоне бумажных обоев, уходит своими корнями во вторую половину XVIII в. Ведут генеалогию младший сын пресвитера Иван (десятый ребенок в семье) и одна из дочерей, эмигрировавшая в Германию в середине 1990-х гг. Родословная семьи включает как отцовскую (Панкрац), так и материнскую (Ремпенинг) линии. По линии отца генеалогия известна только до четвертого колена, а материнская ветвь берет свое начало в 1773 г. В процессе составления данного древа использованы не только устные рассказы и воспоминания членов семьи, но и данные из Интернета. По предоставленным сведениям можно сделать вывод, что предки Ивана Панкраца по материнской линии жили в Пруссии.

«Конечно, интересна судьба людей, да. Когда смотришь так... Вроде так спокойно все жили, а потом раз, вот эти 37-е, вот эти годы. Как раз-

бросало людей по всему свету, да. Даже моих... Бабушкиных сестер, да, их было четверо... Как их судьба вообще интересно так раскинула: одну в Ашхабад, другую еще куда, в трудармию, все такое... Интересна, конечно судьба людей, не только что нашей семьи, да. Вот я маленько интересуюсь вот деревней...» (ПМА, 2011г.).

Еще одной достаточно распространенной формой составления и хранения генеалогий у немцев Западной Сибири является записи на специально предназначенных для этих целей первых страницах Библии. Две из таких родословных хранящиеся в музее с. Ананьевка Алтайского края, который создан в 1995 г. Собственно с. Ананьевка основано в начале прошлого века немцами-меннонитами, переселившимися из Крыма и Оренбурга. Первыми жителями были братья Андрей и Яков Изаак и их сестра с мужем.

«Горько вспоминать далекое прошлое, но и забывать его нельзя. Наша семья, как и тысячи других семей, в начале прошлого века приехала в Сибирь в поисках вольной жизни. На пароконных бричках везли свой небольшой скарб, а сами, в том числе и дети, шли пешком. И вот однажды мы увидели амбар и колодец. Как потом рассказывали, возможно, кто-то хотел поднимать здесь целину, но что-то ему мешало. Остановились. Осмотрелись. До чего же красивое место! Так все и началось» (ПМА, 2012 г.).

Одна из упомянутых генеалогий записана в Библии, которая принадлежала Раабе Анне Филипповне, прапрабабушке хранительницы музея Янцен Лидии Артуровны. Данная родословная берет начало с записи даты рождения и принятия крещения ее владелицы А.Ф. Раабе, последняя же запись сделана сестрой бабушки Лидии Артуровны. Она отражает даты рождения родителей и старшего брата хранительницы музея.

Вторая генеалогия тоже записана в Библии. Она содержит данные о семье Варкентин – родственников мужа Лидии Артуровны. Количество записей здесь значительно меньше.

Отметим, что эти генеалогии представляют собой поименное перечисления членов семьи с указанием дат рождения и крещения. Это отличает их от родословного древа семьи Панкрациз с. Неудачино, где указана еще и степень родства.

Еще один вариант составления генеалогии обнаружен в ходе полевой экспедиции в Азовский немецкий национальный район Омской области. Запись велась в большом журнале, а члены семьи перечислялись с указанием фамилии, имени и отчества, даты и места рождения и крещения. В отличие от упомянутых ранее генеалогий, написанных исключительно на немецком языке, в данном случае использовался как немецкий, так и русский языки.

Помимо представленных письменных генеалогий, нами записана устная родословная. В ходе полевой экспедиции в с. Усть-Таркский район Новосибирской области установлено, что на территории района дисперсно проживают немцы-меннониты. В с. Усть-Тарка Ангания Функ «на память» рассказала свою генеалогию до третьего колена и частично пред-

шествующие поколения. Она бережно хранит открытку с видами Голландии и с гордостью рассказывает о том, что именно из этой страны ее предки некогда переселились в Россию.

Таким образом, можно сделать вывод, что в современной культуре меннонитов составление и хранение генеалогий – своеобразный способ кодификации исторической памяти. Генеалогии выступают в качестве некоего мемората, заключающего в себе консолидирующие функции. Например, выехавшие в Германию меннониты клана Панкрац проводят фестивали, на который съезжаются все представители клана, как живущие в Европе, так и приглашенные из России – более тысячи человек. Толчком для таких собраний послужило составление генеалогий, в ходе работы над которыми у представителей рода появилось желание познакомиться.

Важнейшим фактором исторической памяти немцев-меннонитов является ее сохранение. Именно поэтому в некогда полностью менонитском с. Ананьевка очень трепетно относятся к празднованию дня села. 7 июля 2012 г. в день 100-летия с момента его основания все жители и приглашенные гости собрались в Доме культуры, чтобы вспомнить свою историю. Таким образом, генеалогии являются одним из мощнейших инструментов мобилизации этноконфессионального сообщества немцев-меннонитов.

Список литературы

Чигрина А.И. Введение в генеалогию: пособие для студентов исторического факультета БашГПУ. – Уфа, 2000. – 38 с.

ПРОБЛЕМЫ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ОБЩИНЫ УЗБЕКИСТАНА

Государства Центральной Азии отличаются этнокультурным разнообразием. В абсолютных цифрах самое многочисленное русское население проживает в Казахстане – около 23,7 % русских, т.е. 3 млн 990 тыс. чел. [Национальный состав..., 2012], а также в Узбекистане, где по официальным данным на 2006 г. проживало 952 тыс. русских (примерно 3,4 % населения) [Статистический ежегодник..., 2008]. В Узбекистане русское население является частью русскоязычного сообщества (русские, татары, корейцы, евреи, немцы, поляки и др.), связанного общностью исторических судеб, схожим образом жизни и языком. Русскоязычные жители до сегодняшнего дня продолжают играть существенную роль в жизни Республики Узбекистан. Они имеют большой социальный и культурный потенциал. При этом национальная политика Узбекистана определяется схемой интеграции в общество всех меньшинств, при сохранении толерантности. В республике нет движения русского и русскоязычного населения.

На сегодняшний день этнокультурные особенности и поведенческие стратегии русскоязычного населения Узбекистана являются очень важной проблемой для исследователей. Актуальными остаются вопросы о том, какие факторы влияют на поведение населяющих регион русскоязычных жителей, каковы параметры их самоидентификации и т.д. Важным для российского правительства в момент закрытия программы переселения соотечественников в 2012 г. остается вопрос развития взаимоотношений России и «соотечественников» в центральноазиатском регионе в целом и Узбекистане в частности.

В первой половине 1990-х гг. вопрос о русских в странах сателлитах и «русской диаспоре» усиленно муссировался российскими политиками (например, В.В. Жириновским). Официальные власти в основном на декларативном уровне позиционировали Россию как «родину» и заступницу проживающих в ближнем зарубежье соотечественников. Норвежский исследователь, профессор университета Осло Пол Косто отмечал, что в заявлениях российских властей сквозила мысль, что русские нового зарубежья являются «нашей собственностью». В своих работах он справедливо отстаивает тезис, что конгломерат русскоязычного населения оказался вне пределов родины не из-за миграций, а в результате изменения границ, поэтому не может считаться диаспорой [Kosto Pal, 1999]. Российские по-

литики напрасно манипулировали популярными лозунгами защиты соотечественников в ближнем зарубежье накануне выборов для привлечения электората.

А как позиционируют себя по отношению к русскоязычному населению власти Республики Узбекистан? В государственном дискурсе превалирует территориальная идентичность и гражданский национализм над этнической идентичностью, что позволяет полностью включать в общественно-политические отношения всех проживающих на территории республики, без учета этнической принадлежности. Никто не задумывается о судьбе находящихся за пределами Узбекистана соотечественников (например, в Таджикистане и Киргизии). Узбекистан принял концепцию отношения к соотечественникам, отличную от России или того же Казахстана [Fumagalli Matteo, 2007], которые открывали программы по их переселению на «историческую родину» (оралманы в Казахстане). События июня 2010 г. в г. Оше показали, что узбекское руководство не связывает узбеков, пострадавших на юге Киргизии во время кровавых событий, с Узбекистаном и не желает вмешиваться во внутренние дела соседа. В самом Узбекистане население, вне зависимости от этничности, оказавшиеся в республике после 1991 г. (лица, отказавшиеся от гражданства, но вернувшиеся в республику в постсоветский период), не имеют никаких шансов получить или восстановить гражданство. Оно дается только по праву рождения на территории Республики Узбекистан. В этом смысле русскоязычное население, принявшие после распада СССР узбекское гражданство, является неотъемлемой частью общества. Чрезвычайно остро стоит проблема их самосознания.

Поставив задачу охарактеризовать русскоязычное сообщество Узбекистана, автор вел полевую работу с 2011 г. преимущественно в Ташкентской области. Основные задачи заключались в выявление различных уровней идентификации русскоязычного населения (русские и татары) и их поведенческих стратегий. Первое, что бросилось в глаза: российские фонды, институты и культурные центры не пользуются большим авторитетом или популярностью среди русскоязычных граждан, зачастую и не подозревающих об их существовании. В 1994 г. в Ташкенте при непосредственном участии посольства Российской Федерации создан Русский культурный центр (далее РКЦ). В дальнейшем его отделения открылись практически во всех городах республики, даже в самых отдаленных (Нукус, Хорезм и др.).

Основной задачей РКЦ стало сохранение русской культуры, российских праздников, оказание помощи пенсионерам и ветеранам Великой Отечественной войны. С конца первого десятилетия XXI в. у РКЦ появилась еще одна важная образовательная функция – способствовать поступлению школьников в российские вузы на бюджетной основе. Благодаря активной образовательной деятельности вокруг РКЦ стали объединяться не только представители русскоязычных меньшинств, но и узбеки, таджики. Следует уточнить, что воспользоваться коммерческими курсами по подготовке к поступлению в российские вузы смогли в основном столичные жители.

Интересны позиции самих респондентов по поводу роли России во взаимоотношениях с соотечественниками в Узбекистане. Это значение респондентами либо отрицается, либо оценивается в негативном свете. По крайней мере, респонденты транслировали индифферентное отношение к родине. С Россией лишь связаны надежды на улучшение социально-экономического положения (трудовая миграция и т.д.), перспективы получения образования. Лаконично это было выражено жителем Ташкентской области (татарин 39 лет): *«Хорошо в России деньги зарабатывать, а здесь тратить»*. В ходе этого интервью отчетливо проявлялась позиция респондента и эмоциональная привязка к Узбекистану как к родине, несмотря на различные социально-экономические катаклизмы.

Другой пример осознанного отношения к России и способам ее институционализации в Узбекистане высказал респондент Н.Р. (татарин, 75 лет): *«...положение у русскоязычных неодинаковое. Например, у немцев за спиной Германия, у корейцев – Корея, и тут очень хорошо представлена сама Корея, ну, Южная Корея. Завод тут есть в Андижане, автомобиле-сборочный, что ли будем говорить, совместное предприятие с корейцами.... а у русских никого нет»*. Он вспомнил случай с сыном, имеющим российское гражданство и столкнувшимся с бюрократической волокитой по приезду в республику, который не нашел поддержки в Российском посольстве в Узбекистане.

Другой пример привязки к Узбекистану как к родине проявился в интервью молодой русской женщины Е.Х. (34 года, Ташкентская обл.): *«Я такой оседлый человек... Сейчас уже мне страшно куда-нибудь переехать в другой город, в другое место. Здесь я родилась, здесь у меня много знакомых, здесь все мое. Я здесь своя. Мне здесь гораздо уютнее»*. Правда, в дальнейшем Е.Х. упомянула, что, возможно, придется переехать из Узбекистана из-за детей, т.к. шансы получить образование на бюджетной основе здесь крайне малы. У этой семьи не было желания воспользоваться программой переселения соотечественников в Российскую Федерацию. Для большинства респондентов «Россия чужая». Это слова молодой женщины О.П. (38 лет), которая в начале 1990-х гг. прожила в России один год и даже приняла российское гражданство, но вернулась обратно в Узбекистан.

Материалы, полученные на основе полевых исследований 2009–2012 гг. позволяют утверждать, что в Узбекистане практически не сложились предпосылки для консолидации русскоязычного населения на этнической основе. Условия социально-экономического развития Узбекистана приводят к тому, что все социальные коалиции интернациональны по составу. Поступить в российские вузы для обучения на бюджетной основе стремятся и русские, и узбеки, и таджики, и татары и т.д. В трудовой миграции в Россию участвует в первую очередь титульное население. На бытовом уровне складывается прочное осознание того, что экономический кризис задевает каждого, не зависимо от этнической принадлежности и др. факторов.

В целом, можно констатировать, что русскоязычные нетитульные меньшинства, проживающие в сложных экономических условиях Ташкентской области, осознают себя частью узбекского общества и никакой привязки к России как к родине не имеют. Среднеазиатское сообщество русскоязычных представляет собой сложную мозаику региональных, социальных и этнокультурных идентичностей внутри одной группы и требует дальнейшего пристального изучения не как целостная группа.

Список литературы

Национальный состав Казахстана по данным переписи 2009 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.stat.kz/digital/naselsenie/2012/2011_%D0%AD_15-05-%D0%93.xls (последнее посещение 17.10. 2012 г.).

Статистический ежегодник Узбекистана – 2008. – Ташкент, 2009.

Kosto Pal. Territorialising Diaspora: The Case of Russians in the Former Soviet Republics // *Millennium: Journal of International Studies*. – 1999. – Vol. 28. – № 3. – P. 608–610.

Fumagalli Matteo. Ethnicity, state formation and foreign policy: Uzbekistan and “Uzbeks abroad” // *Central Asian Survey*. – March, 2007. – № 26 (1). – P. 119.

ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ АЛТАЙСКИХ СУБЭТНОСОВ В ОБЩЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ*

Включение в 2000 г. алтайских субэтносов в единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации вызвало в Республике Алтай дискуссию: кем отныне являются кумандинцы, тубалары, челканцы и теленгиты – частью алтайского этноса или отдельными народами? Данный вопрос остается открытым и в сочетании с вопросом о будущем всего алтайского этноса провоцирует взаимоисключающие мнения.

Следует отметить, что этническая идентичность – переменная величина. На индивидуальном уровне она достаточно изменчива, границы ее подвижны. И сегодня мы не можем однозначно утверждать, какова этническая идентичность представителей алтайских субэтносов. В то же время, мы убеждены, что на процессы этнической идентификации алтайских субэтносов большое влияние оказывают представления, формируемые в обществе алтайской интеллигенцией, политиками и лидерами общественных организаций коренных малочисленных народов. В этой связи вкратце рассмотрим особенности общественного дискурса в Республике Алтай в период с 2000 по 2012 гг.

Анализ ситуации в общественном дискурсе Республики Алтай позволяет говорить об отсутствии резкого противостояния между сторонниками идеи единства алтайского этноса и их оппонентами, рассматривающими алтайские субэтносы в качестве отдельных народов. Все дело в том, что никто из общественных лидеров алтайских субэтносов после Ф.А. Сатлаева, подвергнувшего в начале 1990-х гг. сомнению концепцию консолидации алтайского этноса [1992, с. 113–114], не пропагандирует культурную уникальность и самобытность своих этнических групп. Напротив, они подчеркивают, что не стремятся к отделению от алтайского этноса и лишь пытаются обратить внимание на проблемы своих этнических групп на государственном уровне.

В этой связи в общественном дискурсе республики доминирует точка зрения, основанная на идее консолидации алтайского этноса. Сторонники данной идеи не отвергают определенных культурных, языковых различий между отдельными алтайскими субэтнoсами, но акцентируют внимание на общих элементах культуры, историческом прошлом.

*Работа выполнена в рамках гранта РГНФ (проект № 12-03-18014).

На данную тему в Республике Алтай особенно много говорили и писали накануне Всероссийских переписей населения (2002 и 2010 гг.). Так, в 2002 г. И.С. Тенгереков писал: «Из единого народа, алтайцев, превратиться в этносы: телеутов, теленгетов, кумандинцев, челканцев и тубаларов? Кому из нас это надо? Что нам делить между собой? Язык, культура, обычаи у нас тюрков Сибири едины. Идет возрождение, становление нас, алтайцев, в единую нацию» [2002].

Проведение обеих переписей населения сопровождалось распространением среди коренного населения республики опасений, что выделение из состава алтайского этноса нескольких малочисленных народов приведет к понижению численности «титульного» алтайского этноса, что в итоге приведет к утрате конституционно-правового статуса республики. В этой связи в 2002 г. представители алтайской интеллигенции в своих публикациях обращались к алтайским субэтносам с призывами во время переписи записаться алтайцами, а в 2010 г. – или алтайцами, или двойным названием: алтайцы-кумандинцы, алтайцы-тубалары и т.д.

Обратим внимание, что такие призывы в большей степени адресовались *теленгитам* – представителям самого крупного алтайского субэтноса. Призывы исходили не только от представителей «центральной» алтайской этнической группы *алтай-кижи*, но и от самих теленгитов.

В отличие от теленгитов, многие представители других алтайских субэтносов придерживались мнения, что в силу своей малочисленности кумандинцы, тубалары и челканцы не повлияют на судьбу республики. Они заявляли, что будут записываться представителями коренных малочисленных народов и призывали других следовать их примеру. «От того, что эти четыре тысячи человек не запишут алтайцами, ничего не изменится. Нет документа, который бы говорил о том, что если коренного населения мало, то республики не будет. В Хакасии одиннадцать процентов живет, республика существует и процветает. И у нас так же. Пусть эти диалекты существуют, пусть эти малочисленные народы существуют, хоть какую-то мизерную льготу от государства получают» [Кандаракова, 2009, с. 58].

Тем не менее, в 2010 г. незадолго до переписи населения президент Ассоциации коренных малочисленных народов Республики Алтай А.И. Сумачаков высказался в поддержку идеи консолидации алтайских этнических групп и сохранения статуса республики. Он указал, что алтайцы – это молодая нация, которая еще формируется, и отметил, что малочисленные народы республики могут записываться во время переписи как алтайцы-челканцы, алтайцы-тубалары и т.д. [Республиканцы..., 2010].

Следует отметить, что с возможной утратой статуса республики не были согласны и республиканские власти. 26 мая 2009 г. в г. Горно-Алтайске по инициативе Государственного собрания – *Эл Курултай* Республики Алтай проводилась научно-практическая конференция «Единство этнического разнообразия – основа устойчивого развития Республики Алтай». На ней спикер парламента И.И. Белеков заявил: «Надо трезво отдавать себе отчет

в том, что мы можем сохраниться и развиваться, только оставаясь субъектом Российской Федерации. ...Призываю в этот ответственный момент отбросить все взаимные упреки, а весь наш патриотический и национальный пыл направить на единение алтайского народа, давшего название республике» [2009, с. 5, 8].

Надо сказать, что в работах современных ученых Республики Алтай достаточно активно обосновывается идея консолидации алтайских этнических групп. Так, Н.С. Модоров утверждает: «...алтайские племена прошли исторически долгий (хотим мы это признавать или нет), но консолидирующий путь (особенно в советский период их истории) и только благодаря этому они не растворились, не затерялись в бушующем океане больших и малых этносов тюрко-монгольского мира» [2006, с. 16]. О консолидационном процессе пишет и этнограф С.П. Тюхтенев: «В последние годы наметилась тенденция к новой консолидации алтайцев» [2011, с. 45].

При этом в Республике Алтай все большее признание получает концепция, что историческим самоназванием алтайского этноса являлся этноним *теленгиты*. Одним из первых ее высказал историк Г.П. Самаев [1991, с. 28–29]. Он утверждал, что коренное население Алтая уже в XVII в. составляло единую этническую общность, состоявшую из нескольких родственных этнических групп. Г.П. Самаев указал, что в составе данной общности ведущая роль принадлежала теленгитам, которые подразделялись на три основные группы. Центральная группа называлась *алтай-теленгитами* или просто алтайцами. От них ведет свое происхождение основная масса современного алтайского народа. Восточные теленгиты были предками современных алтайцев Кош-Агачского и Улаганского районов. За северо-западной группой теленгитов в научной литературе закрепилось название *телеуты*. Сами они называли себя *ак-теленгитами*. Кроме теленгитов, по мнению автора, в алтайскую этническую общность входили три маленькие этнические группы – *туба*, *чалканцы* и *кумандинцы*.

Как видим, данная историческая концепция обосновывает историческую консолидацию алтайских этнических групп. И надо сказать, что она оказалась востребована в среде алтайского этноса, особенно среди южных алтайцев.

В то же время представители северных алтайцев тоже высказываются в поддержку идеи консолидации, однако на «равноправных» условиях, чтобы их этнокультурные особенности признавались и не подавлялись. Вот что один из них пишет по этому поводу: «Я за сохранение Республики Алтай и за сохранение своего народа, но на более высоком уровне – как равноправного партнера, входящего в Союз (Ассоциацию) шести народов Республики Алтай. <...> Мы – тубалары, кумандинцы и челканцы – народ. Для создания алтайского народа нужно не придерживаться двойного стандарта, а активно создавать концепцию развития единого алтайского языка, религии и культуры. Принять программу развития единого алтайского народа, а не вести негативную агитацию об отделении северных этносов

от алтайцев. Куда же мы отделимся? Мы хотим жить равноправно, а не исчезающим народом в родной Республике. Есть время собрать Курултай алтайского народа и создать Союз (Ассоциацию) алтайских народов. Кто же Республику тогда упразднит?» [Тодожокова, 2002].

Таким образом, рассмотрение ситуации в общественном дискурсе Республики Алтай позволяет заключить, что в республике сильны установки на консолидацию алтайских этнических групп, на укрепление общеалтайской идентичности.

Список литературы

Белеков И.И. Единство этнического разнообразия – основа устойчивого развития Республики Алтай // Единство этнического разнообразия – основа устойчивого развития Республики Алтай: мат-лы науч.-практ. конф. (26 мая 2009 г., г. Горно-Алтайск). – Горно-Алтайск: Изд-во ГС – ЭК РА, 2009. – С. 5–8.

Кандаракова Е.П. Язык – основа культуры // Единство этнического разнообразия – основа устойчивого развития Республики Алтай: мат-лы науч.-практ. конф. (26 мая 2009 г., г. Горно-Алтайск). – Горно-Алтайск: Изд-во ГС – ЭК РА, 2009. – С. 57–58.

Модоров Н.С. Межнациональные, межэтнические и межконфессиональные процессы в Горном Алтае: состояние, проблемы, пути их устранения // Актуальные проблемы этнической, культурной и религиозной толерантности коренных народов Русского и Монгольского Алтая: мат-лы междунар. науч. конф. (23–24 ноября 2006 г.). – Горно-Алтайск: РИО Горно-Алт. гос. ун-та, 2006. – С. 14–18.

Республиканцын статусын корьп алаалы (интервью с А.И. Сумачаковым) // Алтайдын Чолмоны. – 2010. – 31 августа.

Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII – середине XIX в.: проблемы политической истории и присоединения к России. – Горно-Алтайск: Горн.-Алт. отд. Алт. кн. изд-ва, 1991. – 256 с.

Сатлаев Ф.А. Из истории национального строительства в Горном Алтае (к проблеме консолидации алтайцев) // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий: мат-лы конф., посвящ. 40-летию ГАНИИИЯЛ. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. тип., 1992. – С. 112–114.

Тенгерев И.С. В графе национальность – алтаец // Чуйские зори. – 2002. – 5 октября.

Тодожокова А.С. Открытое письмо В.С. Торбокову // Листок. – 2002. – 17 июля.

Тюхтенева С.П. Теленгиты Республики Алтай между двумя переписями населения // Гуманитарные науки в Сибири. – 2011. – № 3. – С. 43–45.

**ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ИАЭТ СО РАН НА ОБЪЕКТАХ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
АЗИАТСКОЙ РОССИИ**

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО КЕРЕКСУРАМ ГОРНОГО АЛТАЯ

Чуйская степь Кош-Агачского района Республики Алтай представляет собой особую зону не только в геолого-морфологическом отношении, но и с точки зрения обилия археологических памятников различных эпох: от палеолита до этнографической современности. Однако до настоящего времени не приходится говорить о полной сводке и учете этих памятников. Последний раз масштабные разведки были проведены в семидесятые годы XX века В.Д. Кубаревым [1980]. Результатом этой работы по Чуйской степи было лишь упоминание о «разнообразных курганах», а также схематичные глазомерные планы отдельных могильников. С тех пор мало что изменилось. Объясняется это не только масштабами Чуйской степи (длина 70 км, ширина от 10 до 40 км), но и отсутствием единой археологической политики в Республике Алтай. В результате давно зафиксированные и картографированные памятники «открываются» по несколько раз. Необходимость создания археологической карты Чуйской степи (хотя бы общего свода памятников) еще раз обозначилась в связи с планирующимся строительством газопровода «Алтай». В 2011 г. Алтайская археологическая экспедиция ИАЭТ СО РАН провела обследование 200-метровой зоны отчуждения. В результате работ обнаружено множество объектов археологического наследия, среди которых погребальные и поминальные сооружения, наскальные рисунки. Особенный интерес вызвал огромный керексур – памятник Кокозек-9, расположенный в междуречье Кокозека и Тархата (рис. 1). Данный участок представляет собой опустыненную степь с множеством канав – поливальных арыков, часть которых достаточно древние.

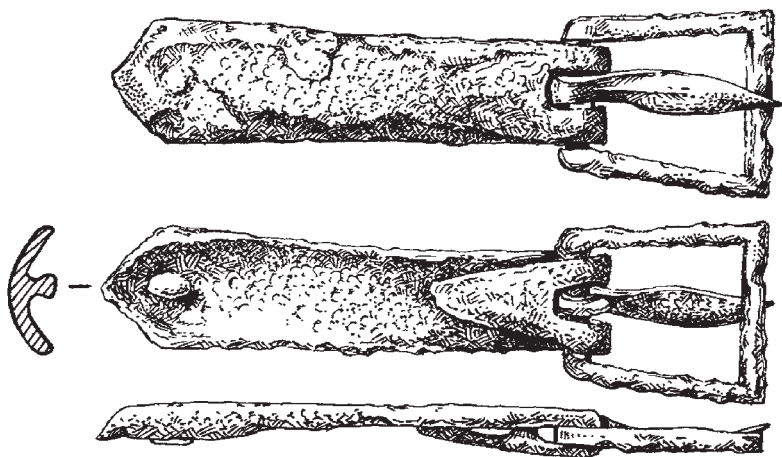
Керексур выглядит как грандиозное сооружение в виде кольца диаметром 78 м, сложенное из мелкой гальки в один слой. В центре кольца располагается насыпь (диаметр 20 м, высота 1,5 м) из мелкой гальки. Кольцо и центральную насыпь керексура соединяют 4 луча (перегородки) по линиям, ориентированным не по сторонам света. Лучи сложены из мелкой гальки в один слой. Толщина луча составляет не более 2,5 м. Внутри кольца, в его южной части, по обе стороны луча располагаются цепочкой 5 плоских насыпей (диаметр 7–10 м) из речного валунника, рваного камня и гальки. В центре каждой насыпи фиксируется провал (следы грабежа?) глубиной 0,3–0,5 м. В южной внутренней части кольца, около южного луча, практически на дневной поверхности обнаружены части деревянных

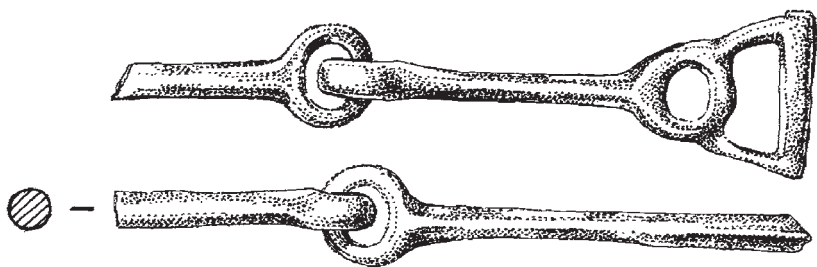
Рис. 1. Керексур памятника Кокозек-9 с высоты птичьего полета.
Стрелками помечены места находок, цифрами – каменные насыпи (курганы?).

конструкций – срубов из бревен, которые существенно повреждены многочисленными норами сурков. Срубы ориентированы длинной стороной по линии север – юг. Рядом с норами найдены различные части конских скелетов: ребра, позвонки. Исходя из того, что на некоторых бревнах видны железные гвозди, можно предположить следующее: эти конструкции датируются более поздним, чем сам керексур, этнографическим временем. На территории керексура, прямо на поверхности, найдены обломанные бронзовые стремяжковидные удила раннескифского времени (в северной части центральной насыпи) и средневековая железная пряжка с язычком (в восточной части кольца) (рис. 2).

Ближайшие аналогичные по размерам и конструкции керексуры находятся в долине р. Юстыд. Л.С. Марсадалов предпринял попытку решить вопросы об основных направлениях при ориентировке керексуров и о планиметрических связях с окружающим ландшафтом [2000]. Он считает, что «при выборе места для керексура учитывались следующие фак-

1

2

Рис. 2. Случайные находки с территории керексура.

1 – железная пряжка; 2 – бронзовые, обломанные по браку отливки, удила (рисунок Е.В. Шумаковой).

торы: ориентировка на наиболее почитаемую горную вершину (один конец линии) или перевал (западину – другой конец линии); ориентировка по основным астрономическим направлениям (стороны горизонта, точки равноденствия, солнцестояния, высокая и низкая луна); “гармоническое сочетание” с более ранними объектами; “обыгрывание” оппозиций: круглый (небо) – квадратный (земля); гора (высокая, твердая) – вода (низкая, мягкая); большой – малый; далекий – близкий и т.п.» [Марсадолов, 2002, с. 104]. Однако керексур в Чуйской долине находится вдали от горных вершин, лучи не сориентированы по сторонам света. Скорее всего, он сам по себе являлся ориентиром и почитаемой «вершиной» в древности.

Много вопросов ставят вещи, найденные на керексуре. Являются ли находки «случайными», или это часть (обязательных) обрядовых действий? Ввиду того, что в центральной части насыпи есть большая воронка, удила

могли быть выброшены при грабеже. Нельзя исключать и то, что изначально удила и (или) пряжка могли находиться в насыпях (курганах?) на территории керексура, поскольку целостность этих наземных сооружений также повреждена. Ввиду небольшого количества находок и масштабов необходимых археологических работ керексуры очень редко подвергались раскопкам. Если говорить о Горном Алтае, то только В.Д. Кубарев еще в 1970-е гг. исследовал несколько небольших керексуров, на которых обнаружил зольные пятна и отдельные кости животных [1979, с. 37–38]. В 2002 г. на одном из керексуров Юстыда обнаружена галька с выбитым изображением козла на одной из сторон [Кубарев, 1991, с. 178, табл. II; Бородавский, 2003]. Такие предметы классифицируются как образцы мобильного или «портативного» искусства [Кубарев, 2009, с. 72–73]. Несколько лучше дело обстоит на территории Забайкалья и Тувы. Там, начиная еще с раскопок Ю.Д. Талько-Гринцевича и Г.И. Боровки, исследованы десятки подобных памятников [Худяков, 1987, с. 136–139]. Характер находок и их место на территории керексуров позволили сделать вывод, которого до сих пор придерживается большинство исследователей: подавляющая часть артефактов принадлежит сопроводительным захоронениям человека или лошади, а сами памятники имеют культовый характер с безинвентарными камерами-цистами в центральной части (см., например: [Цыбиктаров, 1995, с. 39]).

Найденные на территории керексура в Чуйской степи массивные бронзовые стремячковидные удила с дополнительным внутренним отверстием (рис. 2, 2) относятся к раннетагарским образцам конского снаряжения [Степная..., 1992, с. 435; табл. 85]. Они определяются, по классификации Н.Л. Членовой, как изделия типа II и датируются не ранее VII в. до н.э. [Там же, с. 215]. Согласно классификационной схеме А.А. Тишкина, подобные удила близки к типам VI и VIII [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 69]. Все эти предметы на территории Саяно-Алтая чаще всего представлены случайными находками. Только в Горном Алтае стремячковидные удила аналогичного типа обнаружены в раннескифских захоронениях Карбана I и Алагаила [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 195, рис. 48, 2; с. 197, рис. 50, 1]. На нижней Сырдарье близкая разновидность бронзовых удил известна среди материалов могильника Южный Тагискен [Итина, Яблонский, 1997, с. 168, рис. 71].

Железная пряжка (рис. 2, 1), найденная на территории керексура, представляет собой изделие, возможно, связанное с конским снаряжением (деталь ременных креплений седла). На территории Хакасии аналогичные железные пряжки [Степи..., 1981, с. 248, 249], по мнению Д.Г. Савинова, датируются XIII–XIV вв. и относятся к заключительному этапу существования аскизской культуры.

Таким образом, на территории керексура обнаружены две разновременные детали конского снаряжения. Насколько эти предметы «случайно» оказались на керексуре? Ответить на этот и многие другие вопросы

можно только после археологических раскопок всего культового сооружения. Скорее всего, был прав В.Д. Кубарев, который считал, что артефакты, найденные на керексурах, имеют явное ритуальное предназначение [2009, с. 73].

Список литературы

Бородовский А.П. Археолого-этнографические исследования по туристическому маршруту «Алтайская одиссея» // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2003. – Вып. XIII. – С. 33–39.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). – М.: РОССПЭН, 1997. – 188 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. – Ч. I: Культура населения в раннескифское время. – 232 с.

Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая. Оленные камни. – Новосибирск: Наука, 1979. – 120 с.

Кубарев В.Д. Археологические памятники Кош-Агачского района (Горный Алтай) // Археологический поиск (Северная Азия). – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 67–77.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.

Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 264 с.

Марсадолов Л.С. Ритуальный центр в долине р. Чуи на Алтае // Святые лица: археология ритуала и вопросы семантики: мат-лы темат. науч. конф. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2000. – С. 206–210.

Марсадолов Л.С. Новые исследования на ритуальном центре в долине реки Юстыд (Юго-Восточный Алтай) // Искусство и культура Востока Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 2. – С. 104–108.

Худяков Ю.С. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 136–162.

Цыбиктаров А.Д. Херексуры Бурятии, Северной и Центральной Монголии // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. – С. 37–46.

**ИТОГИ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СТОЯНКИ
ГОРА КУТАРЕЙ В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ
В 2010–2012 ГОДАХ**

В 2010–2012 гг. Кутарейским отрядом Богучанской археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН проводилось рекогносцировочное обследование и вскрытие широкой площадью территории памятника Гора Кутарей. Исследования дали оригинальную информацию о характере культурных отложений, формировавшихся в благоприятной ландшафтной ситуации неолита – позднего бронзового века.

Стоянка Гора Кутарей расположена в Кежемском районе Красноярского края, на левом берегу р. Ангары, в 617 км от ее устья, у подножия горы Кутарей, в 1,2 км ниже устья р. Кутарей, в 15 км ниже по течению от бывшего с. Кежма. Памятник локализован у западного подножия горы Кутарей (на первой надпойменной террасе), а также у юго-восточного склона, на левобережной ровной площадке сухого лога, пересекающего южное подножье горы. Территория памятника не имеет следов масштабных техногенных нарушений, характерных для большинства археологических объектов в зоне затопления водохранилища Богучанской ГЭС.

Памятник условно разбит на три части, привязанные к отдельным элементам местности. Особый интерес, обусловивший приоритет раскопок, представляет участок распространения культурного слоя, расположенный на относительно ровной площадке, совпадающей с подножием безымянной горы, отделенной от горы Кутарей сухим логом. Здесь в 2011 г. разбит раскоп 1 площадью 975 м². В полевом сезоне 2012 г. продолжено изучение с южной стороны, демонстрировавшей большую (по сравнению с остальными краями) концентрацию материалов. В результате раскоп 1 увеличен на 700 м².

В ходе полевых исследований подтвердилась гипотеза о принципиальной планиграфии стояночного комплекса – концентрация основной части антропогенных объектов и предметов на северо-западной оконечности левобережной площадки сухого лога. Первая надпойменная терраса на данном участке образует заметный мыс, который полностью исследован раскопами 2011–2012 гг. На краях раскопа количество материала существенно уменьшается, следы человеческой деятельности представлены исключительно разрозненными артефактами. При этом следует отметить разрушение части культурного слоя на западной оконечности раскопа, примыкающего к бровке террасы в результате размыва берега.

Планиграфические предположения относятся ко всем выделенным стратиграфическим комплексам исследованного участка. Первый комплекс – верхний субазальный. Включает три выделяемых в стратиграфии слоя – с первого по третий. Второй и третий слои разделяются условно, однако вместе они составляют единый культурный горизонт, сохранивший следы антропогенной деятельности периода неолита – поздней бронзы. Вместе они дают верхний (позднейший) культурный слой. Стратиграфически он связан со вторым комплексом – слоем песка эолового происхождения. Третий комплекс в 2012 г., по итогам дополнительного геологического обследования, рассматривается как супеси – продукт разрушения толщи песчаника стрелкинской свиты. Возможен раннеголоценовый, либо позднелепистоценовый возраст отложений.

В первом стратиграфическом комплексе обнаружены все фрагменты керамических сосудов, составляющие следующие основные группы.

1. Закрытые круглодонные тонкостенные банки с округлым дном (диаметр ок. 20 см) и скошенным наружу срезом венчика. Орнамент – ряд сквозных отверстий (диаметр 2 мм) по краю среза венчика. Верхняя часть сосуда декорирована зубчатой гребенкой.

2. Крупные круглодонные формы с прямыми стенками, покрытыми «текстильным» орнаментом. На срез венчика нанесены косые насечки, овальные вдавления. Встречается одно- и двухрядный «жемчужник», прочерченные линии, горизонтальные ряды вдавлений («личиночный» орнамент), сквозные отверстия по венчику, пояса проташенной по всему периметру широкой лопаточки. Все эти орнаментальные мотивы могут сочетаться в одной композиции.

3. Тонкостенные круглодонные банки открытых и закрытых форм. Срез венчика чаще всего плоский, украшенный вдавлениями. Вдоль венчика проходит один или два-три ряда «жемчужин», либо ряды прямолинейных вдавлений. В некоторых случаях вместо «жемчужника» наносились два или три горизонтальных прямолинейных ряда овальных или округлых вдавлений. Иногда таких орнаментальных мотивов несколько, их разделяют неорнаментированные участки.

4. Круглодонные сосуды со слегка отогнутым венчиком и утолщением на внутренней части, формирующим «ребро» в профиле. Венчик украшен рядом редко поставленных «жемчужин» или вдавлений (в некоторых случаях они чередуются) в сочетании с горизонтальным поясом нечетких оттисков проташенной мелкозубой гребенки.

5. Тонкостенная баночная посуда открытого и закрытого типа с округлым дном. Венчик в некоторых случаях орнаментирован разнонаправленными косыми насечками, формирующими кресты. Сосуды полностью (включая дно) орнаментированы прямолинейными горизонтальными рядами однообразных наклонных оттисков. Чаще всего это насечки, гребенчатый штамп, отпечатки ногтя, оттиски угла лопаточки, овальные вдавления.

6. «Дымокуры» – небольшие круглодонные сосуды с наклепными «ушками». Венчик этих сосудов отогнут наружу, шейка хорошо профилирована. Срез венчика украшен вдавлениями. Тулово некоторых сосудов орнаментировано диагональными прочерченными линиями, формирующими крупную сетку.

7. Крупные и открытые круглодонные формы с отогнутым наружу округлым венчиком. Часто такие сосуды украшены наклепным валиком, сформованным пальцами в виде перекрученного шнура или рассеченным оттисками лопаточки или палочки под углом по «ребру» самого валика. По срезу венчика нанесены такие же насечки, как и на валике. Над валиком фиксируется ряд протасненных оттисков округлой лопаточки. В некоторых случаях на внутренней стороне нанесены оттиски трехзубой гребенки.

8. Тонкостенные открытые сосуды с отогнутым наружу венчиком. Диаметр реконструируемых форм по венчику 26 см. Срез венчика округлый, украшен вдавлениями, имитирующими наклепной жгутик. Поверхность сосуда оформлена параллельными горизонтальными или зигзагообразными «обмазочными» валиками.

Керамические сосуды демонстрируют основные морфологические типы и виды орнаментации, характерные для Северного Приангарья эпохи неолита – поздней бронзы.

С коллекцией керамики в первом стратиграфическом комплексе фиксируется обширный набор каменных изделий. Различные формы каменных сколов – продуктов первичного расщепления камня, обработки заготовок, ретуширования орудий. В коллекции есть представительный набор призматических ядрищ и аморфных нуклеусов, а также пластин от вкладышевых орудий. Среди орудий большую часть составляют наконечники стрел (в т.ч. намеренно сломанные) и дротиков. Прочие типы орудий представлены средним количеством (до десяти штук каждого типа) топоров (в т.ч. с «ушками»), ножами (в т.ч. из нефрита), теслами (как правило, с большой площадью шлифованной поверхности). Выделяется находка редкого в закрытых комплексах Приангарья, но принципиально важного для периодизации региональной археологии, каменного стержня – основы составного рыболовного крючка (китайский тип по А.П. Окладникову [1950, с. 366–368]). Обнаружен предмет, позволяющий предполагать его художественную ценность, – галька (диск) с насечками.

В 2012 г. в кровле первого стратиграфического комплекса обнаружены предметы из металла и кости (рога) позднего железного века (средневековья): железные ременные пряжка и тренчик, крючок, фрагменты костяных изделий с утилизационной шлифовкой, костяная шлифованная пластина с насечками. Вероятно, они являлись частью костюма.

На площади раскопа фиксируется ряд объектов, связанных с местами долговременного горения, – открытые очаги, кострища. Остатки жилищ и какие-либо следы построек зафиксировать не удалось. При этом выделяется примечательный тип объектов – ямы с камнями. При вскрытии отло-

жений кровли яма определяется по уходящим вглубь камням средних и крупных размеров на втором или третьем уровне снятия. При углублении и выборке третьего слоя, в толще серовато-коричневого песка, видно более темное пятно, содержащее угли. Это пятно сопряжено с обнаруженными выше камнями. На данном уровне пятно в плане имеет округлую форму с выделяющимися короткими «языками». Разбор пятна демонстрирует переслаивание песка, гумусированной и углистой супеси, плотной светло-коричневой супеси, скоплений угля и прокаленной супеси. В заполнении встречаются ломаные камни (3–40 см), кости животных (в т.ч. со следами огня), каменный дебитаж, а также каменные орудия и фрагменты керамических сосудов. Генезис и предназначение этих объектов неясны. Можно лишь предполагать их хозяйственную (в частности, утилизационную или сохранительную) функцию.

Нижние слои раскопа содержали скопления камней, залегающих на одном горизонте, вне определяемого порядка. Однако их нахождение не случайно и вряд ли может быть объяснено естественными причинами. Сопутствующие находки – каменные сколы и орудийные формы – могут быть морфологически соотнесены с артефактами раннеголоценового возраста. Здесь же встречаются кости животных с резаными краями.

Раскопами 2010–2012 гг. на стоянке Гора Кутарей начаты и завершены работы по исследованию данного района. Получены материалы, представляющие продолжительную историю жизнедеятельности местного населения периода неолита – бронзового века. Не создавая долговременных жилищ, ограничиваясь частым, но сезонным присутствием, происходило освоение локальных минеральных и биологических ресурсов. Эффективность этой жизнедеятельности демонстрируется разнообразным каменным инвентарем, а керамический комплекс и выделяемые объекты свидетельствуют о потенциале культурно-хронологических построений.

Список литературы

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья: историко-археологическое исследование. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. I и II. – 413 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ РАЗНОВРЕМЕННОЙ СТОЯНКИ И НЕОЛИТИЧЕСКОГО МОГИЛЬНИКА УСТЬ-ЗЕЛИНДА-1 (СЕВЕРНОЕ ПРИАНГАРЬЕ)

Памятник Усть-Зелинда-1 располагается в Усть-Илимском районе Иркутской области, на левом берегу приустьевого участка р. Зелинды (правый приток р. Ангары). Объект обнаружен в 1997 г. и несколько раз обследовался при разведочных работах Е.О. Роговским в 2007 и 2011 гг.

В 2012 г. произведены первые стационарные работы на площади 1050 м². Выделены культурные горизонты, относящиеся к эпохам средневековья, раннего железа, неолита и бронзы (предварительно). Количественно преобладают материалы неолитического времени и средневековья. Стратиграфическая ситуация является типичной для большинства стояночных комплексов Северного Приангарья и характеризуется слабой стратифицированностью культурных отложений. В процессе работ выявлено 85 археологических комплексов разных видов, в т.ч. три погребения, на которых остановимся подробнее.

Погребение 1 было перекрыто сплошной каменной кладкой овальной в плане формы. Могильная яма ориентирована по линии север – юг и заполнена мелкими валунами. В заполнении зафиксировано рассеянное скопление дебитажа. В нижней части присутствовало перекрытие из уплощенных валунов. Они были уложены плашмя вдоль стен. Основная площадь дна ямы была свободна от камней. Дно ямы и кости погребенного были засыпаны супесью, смешанной с «охрой»*. Останки неполного скелета мужчины 30–40 лет располагались по всей площади ямы, хотя следы нарушения не зафиксированы (см. *рисунок, 1*). Череп лежал у южной стенки. Некоторые кости посткраниального скелета были сгруппированы по парам и размещены в приблизительном соответствии анатомическому порядку расположения тела. Среди костей скелета обнаружены овальные подвески из трубчатой кости животного, ретушированные пластина и реберчатый скол. Данное захоронение определяется как вторичное.

В *погребении 2* надмогильная конструкция не выявлена. Яма овальной в плане формы ориентирована по линии север-северо-восток – юг-юго-запад и не имеет четких границ (см. *рисунок, 2*). В заполнении присутствует рассеянное скопление дебитажа. Погребенный мужчина 40–50 лет был

*«Охра» – условное название. В могилах зафиксирован минеральный порошок малинового цвета.

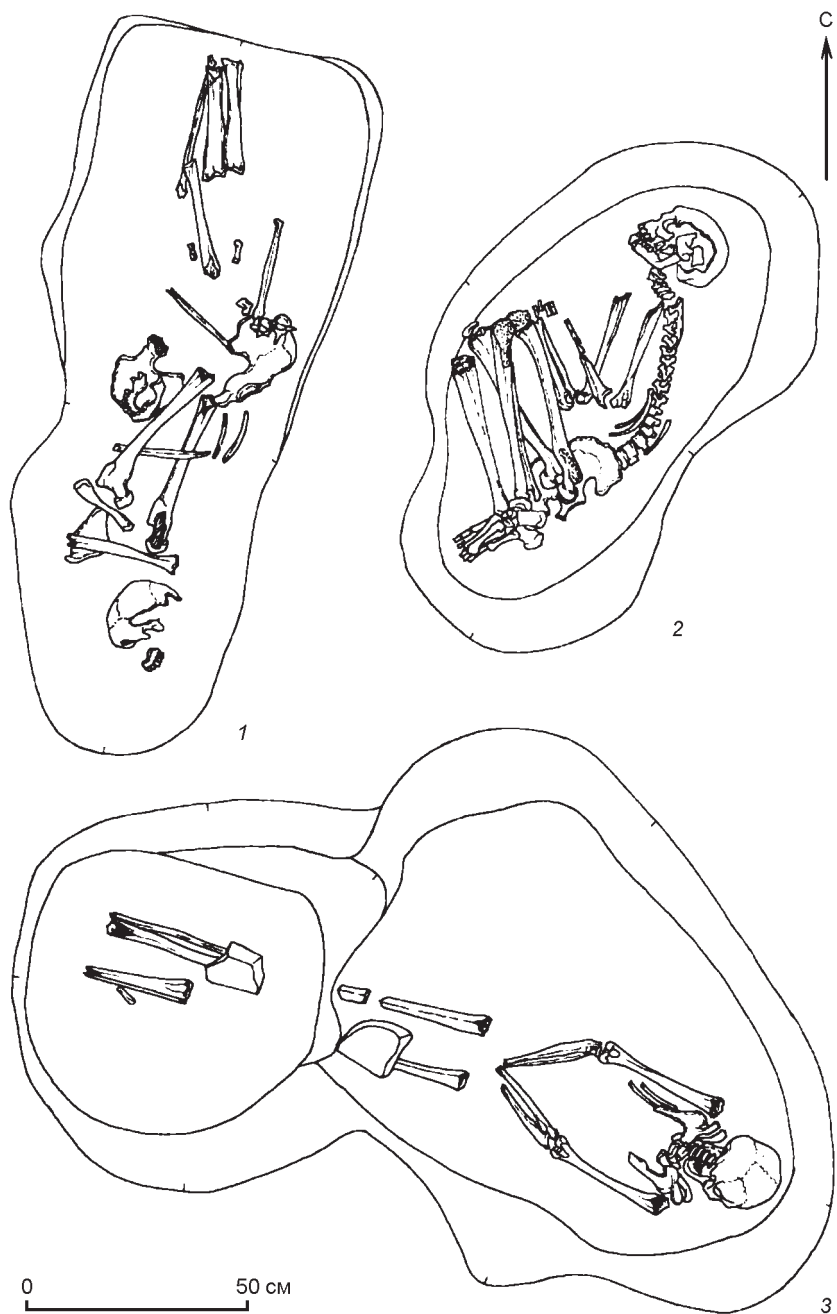

Рис. Погребения 1 (1), 2 (2) и 3 (3). Усть-Зелинда-1.

уложен на правый бок в скорченной позе, головой на северо-восток. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Надмогильная конструкция погребения 3 состояла из валунов, расположенных неполным кольцом, оконтуривающим северо-западную часть могильного пятна. В заполнении присутствовали одиночные мелкие валуны и рассеянное скопление дебитаж. Контур могильной ямы имел форму овала, ориентированного по линии северо-запад – юго-восток (см. *рисунк* 3). На дне *in situ* располагался скелет мужчины 50–60 лет. Тело было уложено на живот, вытянуто, головой на юго-восток. Череп лицевой частью был повернут вниз. Расположение костей рук позволяет предположить, что они были зафиксированы за спиной. Берцовые кости отсечены. Недостающие их части располагались на удалении от скелета в дополнительном углублении в анатомическом порядке, согласно положению и ориентации тела. По дну и на костях присутствуют локальные пятна «охры» бордового цвета. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Таким образом, каждое погребение характеризуется специфическим набором признаков, а также скудным и невыразительным сопроводительным инвентарем. В этой ситуации определение культурно-хронологической характеристики возможно с большим допуском.

В погребении 1 наблюдается смешение китойской и исаковской погребальных традиций. Первая, без сомнения, характеризуется наличием сплошной «охристой» засыпки и традицией вторичного захоронения [Базалийский, 2012, с. 66–67]. Однако в настоящее время сплошная засыпка выявлена и в позднеглазковских комплексах на западном побережье Байкала [Горюнова и др., 2004, с. 57]. Каменные кладки характерны для групп ранненеолитических могил, расположенных севернее и северо-восточнее ареала распространения «классической» китойской погребальной традиции, для которой подобные сооружения не свойственны [Базалийский, 2012, с. 66–67]. В свою очередь, наличие овальных каменных кладок, заполнение внутреннего пространства камнями, южная, с отклонением к востоку, ориентация погребенных (головой вверх по течению реки), а также присутствие охры характеризует исаковскую погребальную традицию [Базалийский, 2012, с. 87]. Отметим значительное сходство данного комплекса с группой неолитических погребений могильника Усть-Зелинда-2 (см. статью Марченко, Гаркуши, Гришина и Казаковой в данном сборнике).

Единичные скорченные погребения эпох неолита и бронзы встречаются в Прибайкалье. Для скорченных погребений Северного Приангарья близость к глазковской культуре просматривается по наличию характерного погребального инвентаря [Привалихин, 2009; Славинский и др., 2010]. Данные комплексы отличаются от погребения 2 расположением умершего на левом боку, головой на северо-запад. Предварительно погребение 2 можно отнести к эпохе неолита. Косвенным доводом является его северо-восточная ориентировка, доминирующая в ранненеолитических погребениях [Базалийский, 2012].

Случаи захоронения тела умершего в вытянутом положении на животе (погребение 3) являются исключительными для неолитических памятников Прибайкалья [Базалийский, 2012, с. 59, 71]. Дополнительные манипуляции с телом (связывание рук за спиной, отсечение нижних конечностей и обособление их в пределах погребального комплекса) придают специфичность данному погребению, но в целом соответствуют практике погребального ритуала данной эпохи [Базалийский, 2006]. На неолитическую принадлежность косвенно указывают и локальные пятна охры. Отметим также, что все изученные погребения тяготеют к ангарскому краю террасы, а могилы 2 и 3 располагаются в 1,5 м друг от друга, что может свидетельствовать об их близкой хронологической позиции.

Среди объектов, характеризующих разновременную стоянку, следует отметить остатки *металлургического комплекса*, образованного несколькими сооружениями, сгруппированными на небольшой площадке. Комплекс включает следующие элементы: остатки печи с каменными стенками; яму с оформленной камнями канавой-поддувом; четыре придонных части простейших металлургических горнов в виде остатков углубления с глиняной обмазкой. Данный образец компактного расположения металлургических объектов трех разновидностей свидетельствует об относительно одновременном использовании различных типов сооружений. Комплекс сопровождается слоем с остатками шлака, фрагментам обмазки и кусочками крицы.

Из большого разнообразия углублений и скоплений камней интересны *конусовидные ямы* с пологими стенками и скругленным дном, *придонная часть которых выложена камнями*. Контур сооружений либо округлый, либо со слабо выложенными углами. Размеры варьируют в пределах 0,4–0,7×0,4–0,7 м. Глубина ямы относительно уровня древней поверхности 0,3–0,4 м. В центре – мелкие камни в 1–3 слоя, по краям – плоские плитки, расположенные на ребре. Заполнение – темно-серая, часто сажистая супесь, иногда включения углей. Функционально эти объекты можно интерпретировать как хозяйственные сооружения, предназначенные, например, для приготовления пищи. Судя по стратиграфическим наблюдениям, их можно связать с эпохой средневековья.

Обращают на себя внимание *скопления мелких окатанных камней* (галечек). В одном случае это три компактных скопления (диаметр 10–15 см) плотно расположенных камней (2–3 слоя), которые указывают на первоначальное положение в органической, не дошедшей до нас емкости и/или в углублении. Количество предметов колеблется от 13 до 19. Другие артефакты в комплексах не найдены. Второй вариант данных объектов – более рассеянные скопления окатанных камней с большим разнообразием форм и размеров предметов. Эта разновидность отличается и большим количеством галек – 29 и 46. По стратиграфическим наблюдениям, обе разновидности «комплексов с гальками» сформированы в средневековье или еще позднее. Назначение их определить пока не представляется возможным, но, очевидно, скопления созданы искусственно. Кроме того, эпохами ран-

него железного века и средневековья можно датировать развалы керамических сосудов, ямы хозяйственно-бытового назначения, остатки кострищ и каменные кольцевидные конструкции небольшого диаметра.

Выделяются также *пять ям*, располагавшихся по «дуге», в непосредственной близости друг от друга. Все углубления имели округлый контур, однородную, насыщенно черную супесь в заполнении и плавно сужались ко дну. Глубина ям варьировала в пределах 0,12–0,18 м. Три из этих ям располагались вплотную друг к другу. Находок либо нет, либо они относятся к верхней части заполнения. По стратиграфическим наблюдениям, создание данных углублений можно отнести к периоду неолита – бронзового века. Кроме того, четыре из описанных объектов находятся в непосредственной близости от неолитического погребения 1. Следовательно, данные комплексы сооружены относительно синхронно, возможно, имели сходное назначение и могли быть связаны с погребальным комплексом 1.

В результате работ этого полевого сезона подтверждено наличие на разновременной стоянке неолитического могильника. Исследование культурных напластований не закончено.

Список литературы

Базалийский В.И. «Неординарные» погребения в позднем мезолите – раннем неолите Байкальской Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII. – С. 17–21.

Базалийский В.И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2012. – Вып. 9. – С. 43–101.

Горюнова О.И., Новиков А.Г., Зяблин Л.П., Смотрова В.И. Древние погребения могильника Улярба на Байкале (неолит – палеометалл). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 88 с.

Привалихин В.И. Погребения бронзового века стоянки и могильника Сергушкин-3 на Нижней Ангаре (зона затопления Богучанской ГЭС) // Енисейская провинция. – Красноярск: Краснояр. краев. краевед. музей, 2009. – Вып. 4. – С. 300–310.

Славинский В.С., Казакова Е.А., Милютин К.И., Кербе И.О., Рыбалко А.Г., Аношкин А.А. Результаты полевых исследований на ансамбле памятников Паново // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 600–603.

БРОНЗОВЫЙ НОЖ С ОСТРОВА СЕРГУШКИН

В ходе спасательных археологических работ 2012 г. на стоянке Сергушкин-1 пункт «А» (Кежемский район Красноярского края) во втором условном горизонте обнаружен бронзовый прямообушковый нож подтреугольной формы (см. *рисунок*). Сечение его клинка и рукояти треугольное, спуск лезвия начинается от обушка. Переход рукояти к клинку читается слабо и выражен в незначительном расширении полотна ножа. Рукоять ножа венчает трапециевидное, закругленное в основании навершие с каплевидным отверстием и перемычкой внутри. В связи с редкостью подобных ножей на территории Северного Приангарья находка с острова Сергушкин заслуживает отдельного обзора.

Предварительный технико-технологический анализ. Нож изготовлен в двухчастной, двухсторонней глиняной литейной форме. Следы модельной формовки практически полностью уничтожены тщательной обработкой поверхности предмета. Тем не менее, небольшие участки рукояти ножа сохранили следы формовочных операций. Наиболее вероятно, что для изготовления литейной формы использовалась жесткая либо комбинированная модель, изготовленная из твердых материалов и отдельных элементов из пластичной модельной массы. В частности, с помощью пластичного модельного состава выполнена перемычка в каплевидном прорезном отверстии рукояти ножа. Так как перемычка располагалась в более «низком рельефе», чем основная часть предмета, ее поверхность не подверглась обработке. Поверхность изделия на этом участке имеет отчетливые негативные отпечатки фактуры стенок литейной формы, которые указывают на ее конструктивные особенности. Кроме того, ровные литейные швы расположены практически по всей продольной оси и на обушной части ножа. Толщина литейных швов достигает 0,4 мм.

В процессе изготовления литейной формы модель погружалась в глиняную формовочную массу. В результате этого часть модели оказалась более заглублена, а стык створок незначительно сместился к одной из сторон. Так как после изготовления практически вся поверхность предмета подвергалась вторичной обработке, не удалось проследить место примыкания литникового канала. Вероятно, он примыкал к торцевой части предмета.

Вторичная доработка включала удаление литейных швов и литникового канала с последующей шлифовкой мест их расположения. Лезвийная

часть ножа подвергалась тщательной формообразующей ковке.

Культурно-хронологическая интерпретация. Наибольшее количество аналогий найденному изделию известно по материалам тагарской культуры. В связи с этим наименование культуры скифского времени Минусинской котловины стало для таких ножей именем нарицательным. Это касается как всех прямообушных изделий с треугольным сечением, так и конкретно образцов с петлевидной рукоятью и перекладиной, среди которых встречаются изогнутообушковые. Датировка погребальных комплексов с такими ножами совпадает с развитым и заключительным этапами существования тагарской культуры. В частности, нож с каплевидным отверстием и перекладиной, обнаруженный в могильнике Медведка I (кург. 5, мог. 2), датирован, как и весь комплекс, сарагашенским этапом [Савинов, Молодин, Полосьмак, 1995, с. 132, рис. 1, 1]. Около десятка петельчатых ножей найдено в склепе кургана на озере Большой Берчикуль. В.В. Бобров датирует подобные изделия III–I вв. до н.э. [1980, с. 92]. Н.Л. Членова относит ножи с прорезной рукоятью и горизонтальными перекладинами к V–III вв. до н.э. [1967, с. 188, табл. 39, 8, 13; 1992, с. 213, табл. 86, 16]. Среди случайных находок в Минусинской котловине (коллекция И.П. Товостина) известна рукоять ножа, украшенная плоским изображением головы хищной птицы, под которой расположен подтреугольный вырез с перемычкой. М.П. Завитухина датирует находку VI в. до н.э. [1983, с. 83, 176 (№ 241)].

Гораздо реже подобные ножи встречаются среди материалов скифского времени из Тувы и Алтая. Большинство бронзовых ножей саглынской культуры (V–III вв. до н.э.) имеют петле-

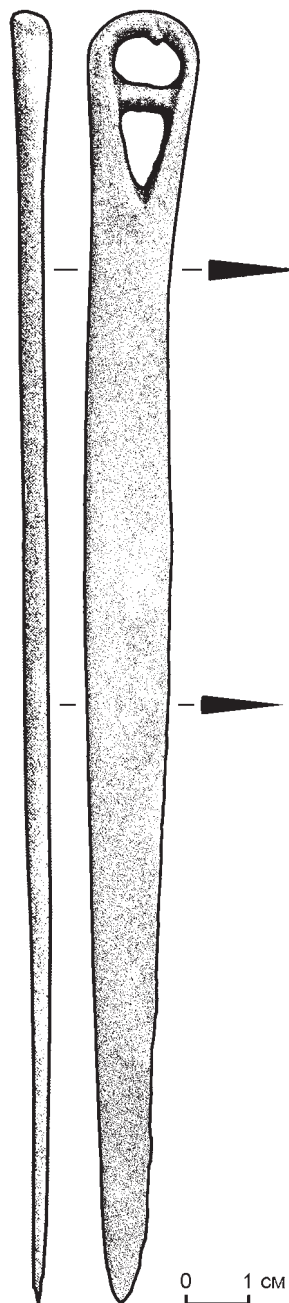

Рис. Нож с петлевидной рукоятью.
Остров Сергушкин.

видную рукоять [Грач, 1980, с. 35, рис. 112, 3, 5; Мандельштам, 1992, с. 188, табл. 76, 26, 27, 36, 37]. К предметному комплексу второй половины VI – первой половины V в. до н.э. относят бронзовые ножи с петлевидным окончанием рукояти из курганных могильников пазырыкской культуры Горного Алтая [Степанова, Хаврин, 2005, рис. 1, 3, 6; Кирюшин, Тишкин, Матренин, 2011, с. 109–110, рис. 7, 1–4]. Присутствуют ножи данного типа в материалах больше-реченской культуры Верхнего Приобья с V в. до н.э. [Грязнов, 1956, табл. XXIV, 2, 5, 6].

Таким образом, все петельчатые, а также прямообушковые ножи с треугольным сечением датируются в основном ареале их распространения (Саяно-Алтайская горная область) VI–I вв. до н.э. В пределах этого диапазона должны датироваться аналогичные изделия из других районов.

Петельчатый нож с перемычкой обнаружен при исследовании Самусьского могильника в Томском Приобье и датирован V–IV вв. до н.э. [Плетнева, 1977, с. 27, 35]. Известны подобные ножи и в циркумбайкальском регионе: погребение на многослойном поселении Катунь-1 (Чивыркуйский залив, оз. Байкал) отнесено к IV–III вв. до н.э. по аналогии с сарагашенскими находками [Горюнова, Новиков, 1997, рис. 2, 4]. Аналогичный экземпляр найден на выдувах возле деревни Фофаново (Забайкалье) [Диков, 1958, табл. XXIX, 67].

В подтаежной зоне Среднего Енисея ножи с петлевидной рукоятью обнаружены в погребениях нижнепорожнинского этапа (культуры) раннего железного века. П.В. Мандрыка изначально датировал этап VI–III вв. до н.э. [1998, с. 20], а позднее отнес захоронения с ножами (Усть-Шилка II, погр. 2 и 3) к VII–VI вв. до н.э. [2008; Mandryka, 2008, p. 263]. В свете приведенных данных, правильность последней даты вызывает сомнения.

Давно известно, что древние племена восточносибирской тайги находились в контакте с южными степными и лесостепными народами [Окладников, 1946, 1978; Членова, 2001 и др.]. Появление ножа подобного типа на острове Сергушкин является результатом данного процесса. Это же, в частности, демонстрируют и материалы некоторых погребений цэпаньской культуры Северного Приангарья [Привалихин, 1993, 2011]. Учитывая находки с западноангарских (Усть-Тасеева [Дроздов, Гревцов, Заика, 2011]) и среднеенисейских (Усть-Шилка II [Мандрыка, 2008]) памятников, есть все основания говорить о западном (енисейском) импульсе [Привалихин, 2011, с. 168] распространения «скифских» бронз в Северном Приангарье. Его начало следует связать с появлением тагарских (сарагашенских) племен в районе современного г. Красноярска, т.е. не раньше VI–V вв. до н.э. [Николаев, 1980; Мандрыка, 1998, с. 21; Герман, 2008, с. 18]. Так же не ранее этого времени в Северном Приангарье появились и другие «скифские» бронзы – торевтика (детали наборного пояса) и трехлопастные наконечники стрел.

Список литературы

- Бобров В.В.** Курган на озере Большой Берчикуль // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 1980. – С. 86–94.
- Герман П.В.** Локальные различия и проблема генезиса тагарской культуры // Тр. II (XVIII) Всерос. археолог. съезда в Суздале. – М.: Изд-во ИА РАН, 2008. – Т. II. – С. 17–19.
- Горюнова О.И., Новиков А.Г.** Комплексы железного века многослойного поселения Катунь-1 // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Археология и этнография. – 1997. – № 3. – С. 27–35.
- Грач А.Д.** Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 256 с.
- Грязнов М.П.** История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. – М.: Наука, 1956. – 163 с. – (МИА; № 48).
- Диков Н.Н.** Бронзовый век Забайкалья. – Улан-Удэ, 1958. – 140 с.
- Дроздов Н.И., Гревцов Ю.А., Заика А.Л.** Усть-Тасеевский культовый комплекс на Нижней Ангаре // Древнее искусство в зеркале археологии: к 70-летию Д.Г. Савинова. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. – С. 77–84. – (Тр. САИПИ; вып. VII).
- Завитухина М.П.** Древнее искусство на Енисее. Скифское время: публикация одной коллекции. – Л.: Искусство, 1983. – 192 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Матренин С.С.** Памятник скифо-сакского времени Тыткескень VI: итоги изучения и культурно-хронологический анализ // «Terra Scythica». – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – С. 97–116.
- Мандельштам А.М.** Ранние кочевники скифского периода на территории Тувы // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 178–196.
- Мандрыка П.В.** Ранний железный век подтаежной зоны Среднего Енисея: автореф. дис... канд. ист. наук. – Кемерово, 1998. – 28 с.
- Мандрыка П.В.** Могильник Усть-Шилка II как индикатор культурно-исторической ситуации раннего железного века Енисейского Приангарья // Вест. НГУ. Сер. История, филология. – 2008. – Т. 7, вып. 3. – С. 117–131.
- Николаев Р.В.** Красноярский вариант тагарской культуры // Скифо-сибирское культурно-историческое единство: мат-лы конф. – Кемерово, 1980. – С. 239–247.
- Окладников А.П.** Новая скифская находка на Верхней Лене // СА. – М., 1946. – Вып. VIII. – С. 285–288.
- Окладников А.П.** Скифы и тайга (к изучению памятников скифского времени в Ленской тайге) // Проблемы археологии: сб. ст. в память проф. М.И. Артамонова. – Л., 1978. – Вып. II. – С. 101–109.
- Плетнева Л.М.** Томское Приобье в конце VIII–III до н.э. – Томск: Изд-во ТГУ, 1977. – 144 с.
- Привалихин В.И.** Ранний железный век Северного Приангарья (цэпаньская культура): автореф. дис... канд. ист. наук. – Кемерово, 1993. – 24 с.
- Привалихин В.И.** Цэпаньская культура раннего железного века Северного Приангарья: история открытия, результаты и перспективы исследования // Второй век подвижничества. – Красноярск: Изд-во Краснояр. краев. краевед. музея, 2011. – С. 163–185.
- Савинов Д.Г., Молодин В.И., Полосьмак Н.В.** Медведка I – могильник сарагашенского этапа на юге Хакасии // Южная Сибирь в древности. – СПб., 1995. – С. 126–135.

Степанова Н.Ф., Хаврин С.В. О хронологических особенностях инвентаря из погребальных комплексов скифского времени Средней Катуни // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. – Новосибирск, 2005. – Т. 2. – С. 155–163.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М.: Наука, 1967. – 300 с.

Членова Н.Л. Тагарская культура // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 206–224.

Членова Н.Л. Были ли ленская и ангарская тайга прародиной скифов Причерноморья и Северного Кавказа? // РА. – 2001. – № 4. – С. 53–68.

Mandryka P.V. Early Iron Age Archaeology in Middle Siberia: The Relations Between Inhabitants of the Taiga and the Steppe // Journal of Siberian Federal University. Humanities & social sciences. – 2008. – № 2. – P. 261–269.

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МОГИЛЬНИКА ГОРНОПРАВДИНСКИЙ В 2012 ГОДУ*

В 2005 г. в результате обрушения коренного берега р. Иртыш в черте п. Горноправдинск Ханты–Мансийского района ХМАО – Югры обнаружено несколько захоронений, которые располагались в профиле береговой линии в виде деревянных колод [Зайцева, Кениг, 2007]. Обследование могильника, опрос местных жителей и изучение архивных материалов позволили соотнести данный памятник со старым русским кладбищем Филинского погоста. По данным Г.Ф. Миллера 1740 г., в поселении насчитывалось 14 ямщицких дворов и церковь Вознесения Господня, построенная для остяков из юрт Филинских [История Сибири..., 1996, с. 268].

В ходе двух полевых сезонов 2007–2008 гг. на памятнике проводились раскопки, которые носили противоаварийный характер, поскольку шел активный процесс разрушения береговой линии. Всего за два года работ было изучено 10 разновременных погребений [Зайцева, 2008, 2009].

В июне-июле 2012 г. нами были продолжены работы на могильнике Горноправдинский. Интерес к нему вызван тем, что это первый и пока единственный в Ханты–Мансийском автономном округе – Югре памятник археологии, отражающий погребальную обрядность русского старожильческого населения XVIII–XIX вв. **Кроме того, памятник представляет** большой интерес с точки зрения межкультурного взаимодействия угорского и русского старожильческого населения севера Западной Сибири. Среди погребений встречаются захоронения с элементами традиционной одежды обских угров, но совершено оно по православной традиции. Уникальность данного памятника заключается и в сохранности многих органических предметов: деревянных колод, дощатых гробов, кожаной обуви, изделий из ткани и шерсти, крестов-тельников и икон.

Памятник расположен на правом коренном берегу р. Иртыш в урочище «Филинская гора», где высотные отметки достигают 79–81 м. В административном отношении это – историческая часть п. Горноправдинск (ранее с. Филинское) Ханты–Мансийского района ХМАО – Югры. В настоящее время на поверхности какие-либо признаки могильника не фиксируются.

*Работа выполнялась в рамках гранта Правительства Ханты–Мансийского автономного округа – Югры по государственной поддержке проектов в области культуры и искусства в номинации «Культурное достояние Югры».

В 1970–1980-х гг. на этой территории располагалась жилая застройка. Еще сейчас местные жители при копке ям для погребов наталкиваются на старые захоронения. По предварительной оценке, максимальная площадь памятника может составлять около 12 тыс. м².

В полевом сезоне 2012 г. заложены три раскопа общей площадью 158 м². Одним из факторов в определении места раскопа стало изучение погребений, законсервированных в 2007–2008 гг. (№ 7, 8 и 13). Раскоп 1 заложен по линии берега вдоль раскопа 2007 г., а раскоп 2 – на месте раскопа 2008 г. с целью изучения законсервированного участка. Раскоп 3 выполнен на удалении 18 м к юго-востоку от раскопа 2008 г., поскольку на данном участке в разрушающейся береговой кромке обнажилось несколько погребений.

После снятия верхнего слоя, содержащего современный строительный мусор, и зачистки в планиграфии зафиксировано 17 могильных ям, где обнаружено 25 захоронений. В 5 могильных ямах (№ 13, 15, 17, 21 и 23) располагалось несколько захоронений. В трех случаях это были взрослые женские погребения с одним или двумя детскими захоронениями (мог. ямы № 15, 21, 27). В могильной яме № 13 располагалось 4 захоронения: два мужских, одно женское и одно детское, а в яме № 23 – два детских погребения. Во всех случаях умершие захоронены одновременно. Следов повторного захоронения в одну и ту же могильную яму не зафиксировано.

Подавляющее большинство захоронений (24 мог.) совершены в деревянных долбленых колодах-«домовинах» и только одно случае – в дощатом гробу. Глубина могильных ям составляла в среднем от 150 до 221 см от современной поверхности. Ориентация погребенных разная: 4 – головой строго на запад, 2 – по линии северо-восток – юго-запад, 18 – по линии восток-северо-восток – запад-юго-запад, 1 (детское погр. № 15) – на восток.

По половозрастному признаку изученные в 2012 г. захоронения представлены следующим образом: 6 мужских погребений, 5 женских, 12 детских. В двух случаях половую принадлежность установить не удалось. Костяки в захоронениях расположены анатомически правильно, трупоположение на спине, ноги вытянуты, руки согнуты в локтевых суставах. В детских погребениях костные останки практически не сохранились. Установлена определенная закономерность между степенью сохранности колод и костных останков. В погребениях с хорошо сохранившимися колодами костные останки практически не сохранились. Напротив, в погребениях с колодами плохой сохранности костные останки целее.

Инвентарь, обнаруженный в погребениях, разнообразный. Самую многочисленную категорию находок представляют пуговицы. Всего обнаружено 27 подобных изделий. Вторую группу образуют нательные крестики с гайтанами. Они найдены в 14 погребениях из 25. В двух погребениях (№ 15 и 23б) обнаружены медальоны. Особое место среди находок занимает коллекция кожаной обуви: 3 пары кожаных сапог и ботинок. В двух погребениях (№ 13б и 21а) найдены кожаные черки. Коллекция тканей

представлена целыми изделиями и фрагментами. В погребении № 24 найдено хорошо сохранившееся мужское пальто из сукна, в погребении № 17а – женский халат с вышивкой по вороту, в погребениях № 13 и 21 – две женские косынки, а в детском погребении № 25 – вязанные шерстяные носочки. В мужском погребении № 8 зафиксированы фрагменты рубахи.

В целом, исследования 2012 г. подтвердили данные о том, что памятник является старым кладбищем села Филинского. Проведенные работы позволили выявить ряд новых деталей погребального обряда русского старожильского населения. Впервые обнаружены детские колоды, изготовленные по той же технологии, что и взрослые. В большинстве захоронений нижние конечности погребенных были перевязаны веревочками.

В настоящее время все материалы находятся на консервации и реставрации. Их дальнейшее изучение будет продолжено в лабораторных условиях.

Список литературы

Зайцева Е.А. Противоаварийные работы на могильнике Горноправдинский в Ханты-Мансийском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в полевом сезоне 2007 года (предварительные результаты) // Сохранение археологического наследия в условиях интенсивного хозяйственного освоения: опыт, проблемы, решения: сб. докл. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. – С. 51–58.

Зайцева Е.А. Противоаварийные археологические раскопки на могильнике Горноправдинский в полевом сезоне 2008 г. (предварительные результаты) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2009. – Вып. 7. – С. 302–307.

Зайцева Е. А., Кениг А.В. Археологическая разведка в Ханты-Мансийском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2005 году // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2007. – Вып. 4. – С. 167–177.

История Сибири. Первоисточники. – Новосибирск, 1996. – Вып. VI: Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера.

СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ НА ОБЪЕКТАХ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ УСТЬ-ЁДАРМА II И ДЕРЕВНЯ ЁДАРМА В 2012 ГОДУ

Река Ёдарма – левобережный приток р. Ангары. В одной из версий перевода с эвенкийского языка ее название означает «много еды стоит». Административно участок устья принадлежит Усть-Илимскому району Иркутской области и локализован в 100 км ниже и севернее г. Усть-Илимска. Деревня Ёдарма располагается близ устья реки Ёдармы на правобережном мысу, вытянувшись вдоль левого берега р. Ангары на 1 тыс. м и уйдя строениями вглубь мыса до 500 м.

Памятник Усть-Ёдарма II за четыре года спасательных археологических работ (2009–2012 гг.) обрел статус регионального опорного многослойного местонахождения древних культур плейстоцен-голоценового времени и является ведущим объектом в ансамбле шести других, местных, дислоцированных в контурах Усть-Ёдарминской геоархеологической площади (Усть-Ёдарма I–III, Ёдарма I–II, деревня Ёдарма). Последний объект раскапывался в 2011 и 2012 гг. [Липнина, Лохов, Медведев и др., 2010; Лохов, 2010; Липнина, Лохов, Когай, 2011; Lokhov, 2010].

Вся территория объекта Усть-Ёдарма II в 2009 г. была разбита на 8 площадей перспективного вскрытия от «А» до «Н» – **400 пикетов каждая, или 10 тыс. м²** для отдельно взятой раскопной площади. В июле – августе 2012 г. раскапывались три участка – «А», «В» и «Е». На площадях «А» и «Е» был трассирован раскоп № 3 (900 м²) с абсолютными высотными отметками 191–193 м. На площади «В» продолжен раскоп № 1, где дополнительно вскрыты 140 м² (абсолютные высотные отметки 193–195 м). Территория площадки «В» подверглась серьезному техногенному воздействию. В контурах границ вскрытия обе территории имели наложение площадей двух объектов, которые обрабатывались одновременно. Продолжены изыскательские научно-исследовательские работы и в границах раскопа № 1 площади «А», на участке 465 м².

Деревня Ёдарма. Произвести внутреннюю детальную относительную хронологическую стратификацию толщи отложений Деревни Ёдармы очень сложно: техногенные деревенские седиментационные уровни изначально и постоянно подвергались интенсивной переработке в динамике жизни деревни от ее основания. В процессе работ на раскопах № 1 и 3 зафиксированы многочисленные следы пожаров. Тем не менее, условно выделены три отдела культуросодержащего деревенского уровня.

Верхний отдел представляет современный срез бытования деревни – дерн и поддерновый слой (середина – конец XX в.). С средним отделе ситуация усложняется взаимным наложением разновременных построек. Ниже выделен горизонт без остатков архитектурных построек, но насыщенный индивидуальными находками: мелкими бытовыми предметами и фрагментами посуды.

Вскрытые в ходе работ остатки архитектурных конструкций разного хозяйственно-бытового назначения включают фундаменты жилых домов и хозяйственных построек, а также погреба и подполья. Зафиксировано несколько способов рубки срубов – «в обло», «в охряпку», «в погон».

Основным массовым материалом, собранным в результате работ, являются фрагменты глиняной кухонной посуды и емкостей для заготовок и хранения в амбарах и подвалах. Мелкие фрагменты фарфоровой и фаянсовой посуды залегали преимущественно в верхнем отделе культурного слоя. Помимо кованых гвоздей, пробоев и фрагментов кожаной обуви, большая часть изделий представляет собой остатки материального комплекса охотничье-рыболовецкого хозяйства таежной береговой русской деревни: грузила для сетей и их фрагменты, ножи, рыболовные крючья-самоловы и их фрагменты. На всей вскрытой площади зафиксированы фаунистические находки (кости млекопитающих, птиц и рыб), а также значительное количество бересты (остатки посуды и листовые заготовки).

Коллекция артефактов содержит разнородный и разнохарактерный материал. Зафиксированные архитектурные конструкции и их элементы необычны, требуют дополнительных серьезных усилий по определению типов и хозяйственного назначения. Результаты и наблюдения требуют детальной проработки для окончательных выводов о характере и особенностях функционирования и развития одного из первых русских старожильческих поселений на берегах Ангары.

Усть-Ёдарма II. За время проведения спасательных работ на многослойном местонахождении Усть-Ёдарма II вскрыты три толщи геологических образований: 1) позднего голоцена (Hl_2) – 1,1–1,3 м (раскоп № 1, 3); 2) раннего голоцена (Hl_1) – 1,9–1,7 м (раскоп № 1, 3); 3) верхнего плейстоцена ($Sr^{3-1} - Kr^{2-1}$) (раскоп № 1).

В голоценовых толщах зафиксировано 10 уровней отложения ископаемой культуры, сгруппированных в две пачки: гумусные образования Hl_2 содержат 1–5 уровни, кровля светлых супесей Hl_1 – 7–10 уровни; пограничным является уровень 6. Десятый уровень, выделенный в 2010 г. по остаткам костей млекопитающих, в 2012 г. дал первый археологический материал мезолитического облика. Уровни отложения ископаемой культуры 1–5 отнесены к периоду от позднего неолита до средневековья. Уровни 7–10 содержат остатки материальной ископаемой культуры от раннего неолита до мезолитического (бескерамического) времени.

Сохранность отложений и высокая концентрация вмещенных в них археологических материалов позволяют детально изучить микрострати-

графию, техноморфологию изделий, выполненных из разных поделочных материалов, сезонность функционирования площадей данного объекта в различные хронологические периоды. Конструктивные элементы (кострища, каменные кладки), зафиксированные на объекте, позволяют создать исследовательские модели жизнедеятельности древних социумов.

Ансамбль каменных артефактов с местонахождения Усть-Ёдарма II (см. *рисунок*) представлен типичными формами инструментального набора (разнообразные топоры, тесла, скребки, скребла, ножи, наконечники, нуклеусы) и дает развернутое представление о практиковавшихся древним населением технологиях обработки камня расщеплением горных пород. Набор изделий из кости содержит разнообразные экземпляры специализированных орудий охоты и промысловой рыбной ловли (фрагменты костяных обойм, гарпуны, фрагментов заготовок из рога и кости). Осколки керамики позволяют восстановить форму сосудов, их технический декор в разные хронологические отрезки, получить данные об отдельных этапах процесса древнего керамического производства: от изготовления теста до формовки и отделки поверхности сосудов.

Впервые за время проведения спасательных работ в полевом сезоне 2012 г. на площади местонахождения Усть-Ёдарма II в толще отложений верхнего плейстоцена обнаружены каменные артефакты палеолитической культуры, несущие на обработанных поверхностях следы эоловой корразии. Древние артефакты зафиксированы в переотложенном состоянии в совместном погребении с верхнеплейстоценовыми палеофаунистическими остатками. По видовому составу среди последних предварительно определены шерстистый носорог, лошадь и олень. Набор каменных изделий содержит: 1) разноразмерные фракции продуктов литорасщепления (сколы, отщепы, фрагменты пластин); 2) инструменты (унифасильное скребло на сколе-дежетэ, нуклеусы параллельного и субпараллельного принципа расщепления на гальках и сколах, *pièce écaillée*, **крупные «резцы»**).

Полученные археологические материалы имеют большую научную ценность и многоаспектный исследовательский потенциал.

Полевые исследования на многослойном геoarхеологическом местонахождении Усть-Ёдарма II и на ископаемых исторических уровнях жизни Деревни Ёдарма должны быть пролонгированы. Необходимо завершить формирование блока новых данных об эволюции палеотехнологий, хронометрии развития в географии и движениях дислокаций палеоэтнических сообществ Северного Приангарья. Полученные результаты предполагают широкое использование в междисциплинарных разработках специалистами четвертичной геологии, палеоэкологии, палеонтологии, археологии, палеогенетики, этнологии, в научных и научно-популярных изданиях, в организации выставок и экспозиций, в общеобразовательном и учебном процессах.

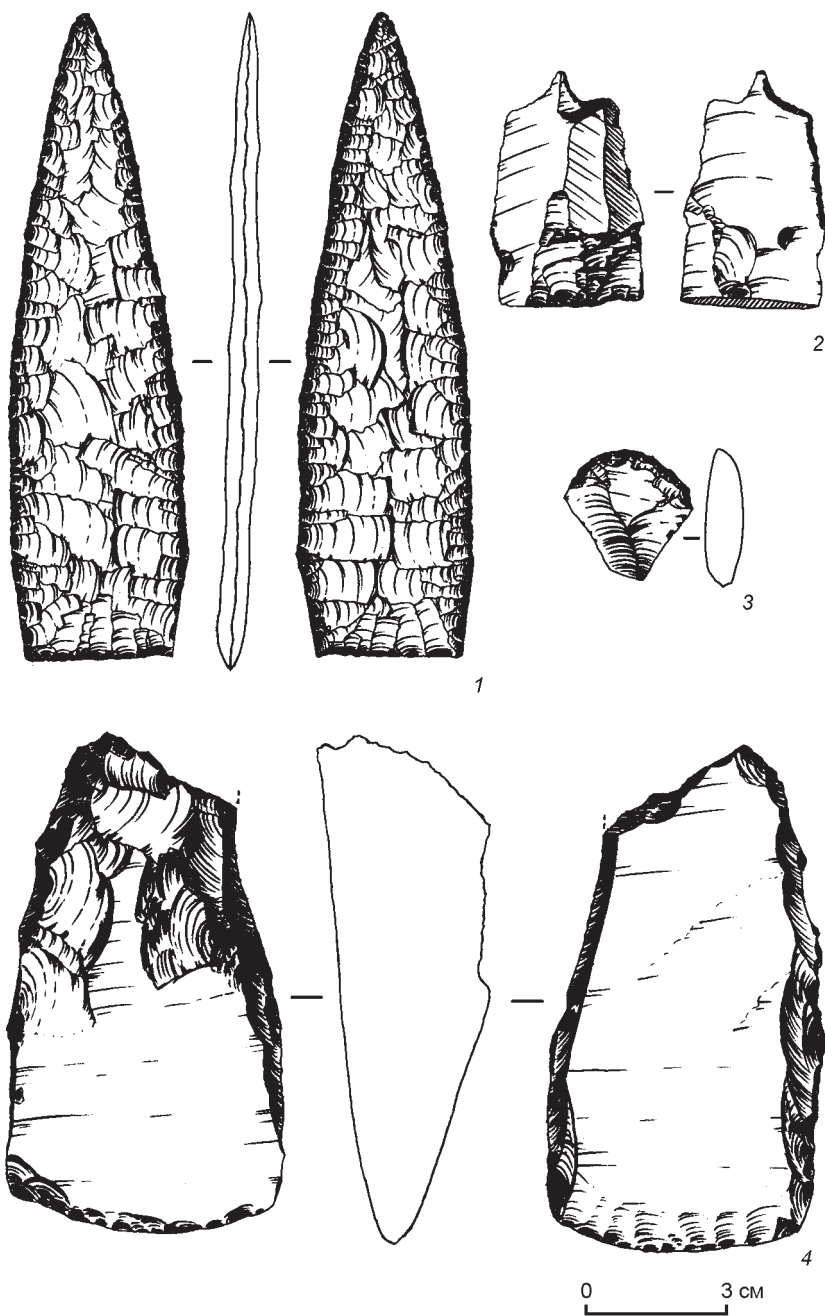

Рис. Каменные орудия с многослойного местонахождения Усть-Ёдарма II.
1 – наконечник; 2 – проколка; 3 – скребок; 4 – топор.

Список литературы

Лохов Д.Н. Многослойное геoarхеологическое местонахождение Усть-Ёдарма II в Северном Приангарье (по материалам спасательных работ 2009 г.) // Евразийское культурное пространство: археология, этнология, антропология. – Иркутск: Оттиск, 2010. – С. 152–153.

Липнина Е.А., Лохов Д.Н., Медведев Г.И., Новосельцева В.М., Роговской Е.О. Результаты спасательных работ на местонахождениях Усть-Ёдарма I–III в зоне затопления Богучанской ГЭС в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 538–541.

Липнина Е.А., Лохов Д.Н., Когай С.А. Результаты спасательных работ на объектах археологического наследия Усть-Ёдарма II и Деревня Ёдарма в зоне затопления Богучанской ГЭС (2011 год) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 420–423.

Lokhov Dmitrii. New date from Kata-Yodarma region of the Northern Angara basin // Siberia and Japan in the Late Paleolithic Period. Adaptive Strategies of Humans in the Last Glacial Period. – Tokyo, 2010. – S. 71–76.

ИССЛЕДОВАНИЯ НА МОГИЛЬНИКЕ УСТЬ-ЗЕЛИНДА-2 В 2012 ГОДУ

Памятник находится в Усть-Илимском районе Иркутской области, на второй надпойменной террасе, на правом берегу приустьевоего участка р. Зелинды (правый приток р. Ангары). Объект выявлен в 1998 г. и исследован Е.О. Роговским в рамках разведок 2007 и 2011 гг. Им были дифференцированы культурные слои эпохи неолита, средневековья и обнаружены следы могильника. Работы в 2012 г. проводились на площади 505 м².

В статье представлена предварительная информация по 25 погребальным комплексам, исследованным в 2012 г. На данный момент захоронения отнесены нами к двум периодам – раннему неолиту (5 погр.) и железному веку (20 погр.). Среди последних выделены 4 группы захоронений, две из которых относятся к эпохе раннего железа.

Неолитические погребения располагались цепочкой вдоль края террасы р. Ангары (по линии север – юг) в северо-западной части памятника. Над могилами были сооружены насыпи из крупных камней. Заполнение тоже содержало крупные валуны. Глубина могил достигает 0,7 м. Погребенные уложены вытянуто, на спину, головой на юг (т.е. вверх по течению р. Ангары), обильно посыпаны «охрой»*. Подвески из зубов марала** и шлифованные ножи с ретушированным обушком встречаются почти во всех комплексах (рис. 2, 1–4).

Отметим набор предметов из захоронения № 6. На бедренных и тазовых костях взрослого человека обнаружены *in situ* подвески из зубов марала (46 шт.) (рис. 1, 1; 2, 4). Они образовывали вертикальные и горизонтальные ряды, вероятно, являлись украшением одежды («передник»). Шлифованный нож лежал под тазовыми костями (рис. 2, 3).

Погребение ребенка 8–9 лет (№ 22) отличалось обилием сопроводительного инвентаря: развал целого керамического сосуда с текстильными отпечатками, костяной вкладышевый кинжал, костяная проколка и трубчатая кость с насечками, роговое тесло, 29 подвесок из зубов марала, 17 каменных наконечников, 2 вкладыша, шлифованное тесло и др. Под черепом найден практически целый скелет соболя.

*«Охра» – условное название. В могилах зафиксирован минеральный порошок малинового цвета.

**Определения канд. биол. наук С.К. Васильева.

Черты погребальной практики и инвентарь захоронений находят аналогии в материалах китойской культуры эпохи раннего неолита южного Приангарья и южного Прибайкалья. По серийному радиоуглеродному датированию их возраст определяется в пределах 7–6 тыс. лет (некалибр.) [Базалийский, 2012, с. 96] или в рамках VI–V тыс. до н.э. (калибр.).

Некрополь эпохи раннего железа (10 могил) располагался вдоль исследованной береговой части памятника. Представлены две разновидности погребальной практики: 1) труположение в яме (группа 1 – 4 погр.); 2) помещение кремированных останков в небольшое углубление (группа 2 – 6 погр.). Для них характерны бронзовые трехлопастные безчерешковые наконечники и бляхи (рис. 2, 6–8). Погребения группы 2 прослеживались вдоль всего ангарского края террасы, а могилы группы 1 – в глубине террасы.

Погребения группы 1 ориентированы перпендикулярно руслу р. Ангары. Они представляют собой индивидуальные захоронения в неглубоких могилах (рис. 1, А, Б). Погребенные уложены вытянуто на спину, головой к реке (т.е. на запад или юго-запад). Иногда кости частично обуглены (до черного цвета). Заполнение могилы черное, сажистое, содержит камни. В двух случаях в верхних горизонтах заполнения (на уровне древней поверхности?) обнаружены вертикально стоящие предметы – каменный пест и бронзовый наконечник стрелы.

Могильные ямы группы 2 обычно имеют овальный или округлый верхний контур, размеры от 0,3 до 0,5–0,6 м и глубину 0,1–0,2 м. Кремирование останков происходило вне могилы. Кости сильно обожжены (до белого цвета). Следы термического воздействия прослеживаются на всех костяных предметах и на некоторых бронзовых изделиях.

Инвентарь погребений группы 1 представлен каменными и костяными наконечниками, костяными обоймами для наконечников, бронзовым наконечником, бронзовой четырехлепестковой бляхой. Среди инвентаря группы 2 наиболее распространены бляхи бабочковидной формы и трехлопастные безчерешковые наконечники (рис. 2, 6–8). В отдельных комплексах присутствовали бронзовые пуговицы, серьги и бусины. Костяные изделия включают черешковые наконечники (рис. 2, 5), концевые накладки на лук. Предметы из камня представлены наконечниками. В погребении, наиболее насыщенном бронзовыми предметами, обнаружена железная пластина.

Описанные бронзовые изделия были распространены на широкой территории в середине – второй половине I тыс. до н.э. Так, бабочковидные бляхи, выполненные из разных материалов, встречаются в коллекциях памятников юга Западной Сибири и Приангарья [Шульга и др., 2009, с. 162–163; Мандрыка, 2008а, с. 121; Харинский, 2004, с. 140; Славинский и др., 2012].

В Северном Приангарье памятники I тыс. до н.э. связывают с цэпаньской культурой [Привалихин, 1993, 2011], для которой характерно помеще-

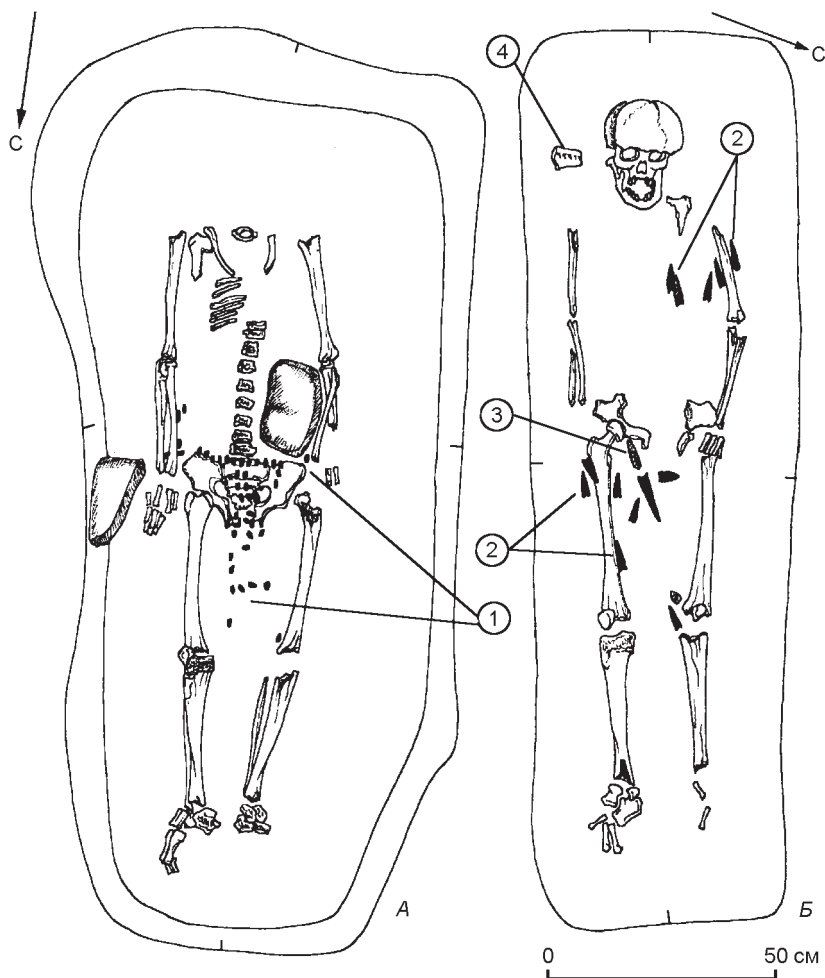

Рис. 1. Погребения эпохи неолита (А) и раннего железного века (Б) группы 1. Могильник Усть-Зелинда-2.

1 – подвески из зубов; 2 – каменные наконечники;
3 – роговая обойма для наконечников; 4 – фрагмент керамики.

ние умершего вытянуто на спину, головой на юг, а также частичный обжиг останков в яме. Над могилой находилось вытянутое разрезанное скопление валунов. Комплексы, аналогичные группе 2, встречаются в регионе редко, а вот на могильнике Усть-Зелинда-2 их много.

В целом, по совокупности следов погребальной практики и представленным категориям инвентаря, группы 1 и 2 близки цэпаньской культуре.

Группа 3 эпохи железа представлена рассеянными скоплениями кремнированных человеческих останков на уровне деревней поверхности

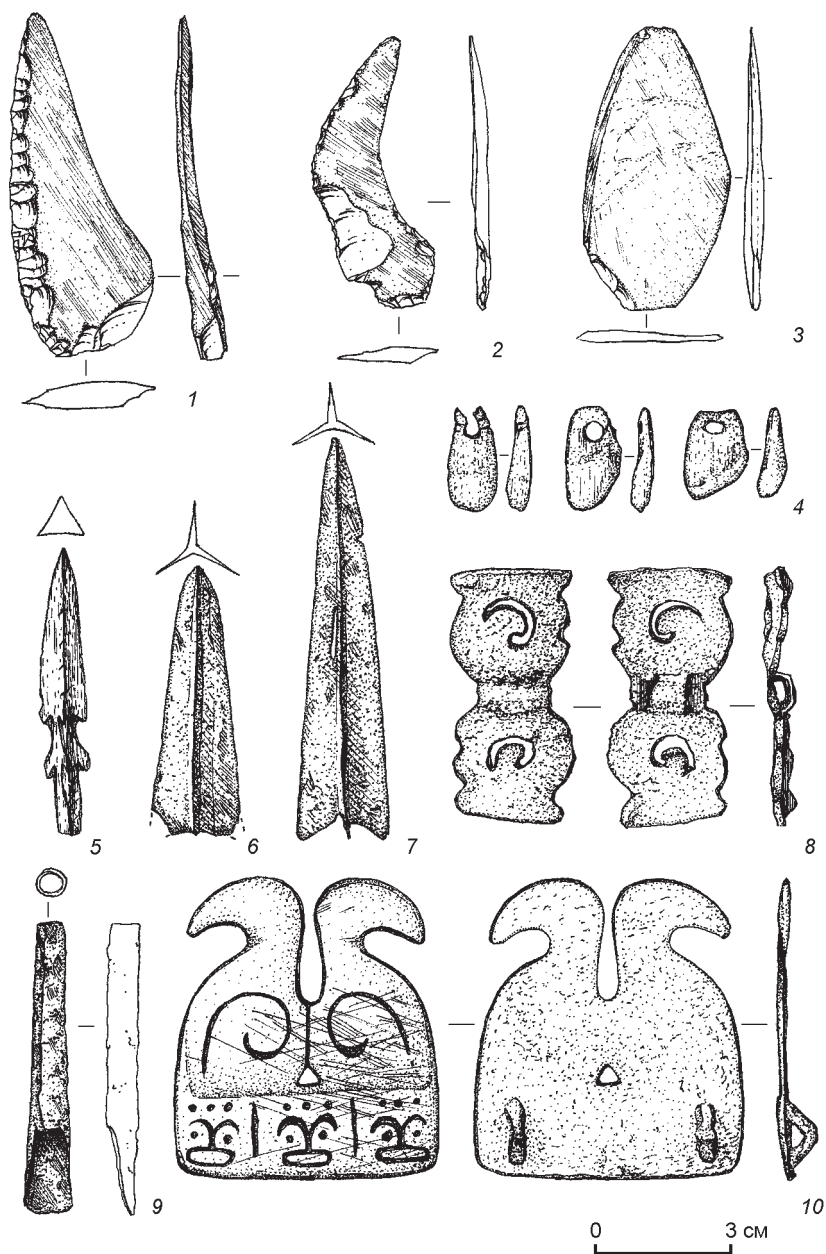

Рис. 2. Предметы из погребений. Могильник Усть-Зелинда-2.
 1-4 – эпоха неолита; 5-8 – эпоха раннего железа (гр. 2); 9 – группа 3;
 10 – бляха (1-3 – камень; 4, 5 – кость; 6-8, 9 – железо; 10 – бронза).

(6 погр.). Они представляют собой открытые комплексы, где сочетание артефактов внутри скоплений может быть случайным. Здесь зафиксированы фрагменты керамических сосудов с «обмазочными» валиками, железные наконечники, бляхи и конусовидные трубки (рис. 2, 9), бронзовые обоймы, бусины, пластины и колоколовидная подвеска. Многочисленны фрагменты обожженных костяных наконечников. Среди кальцинированных костей отмечены компактные скопления мелкого гравия. Мы склонны связывать с комплексами группы 3 две бронзовые бляхи в виде «стилизованных изображений птиц, помещенных симметрично спиной друг к другу» (рис. 2, 10). Они найдены вне условных границ комплексов, но в непосредственной близости от них, в единых планиграфических и стратиграфических условиях. Аналогичные находки из Айдашинской пещеры и Северного Приангарья отнесены к изделиям кулайского облика [Молодин и др., 1980, с. 148, табл. IV, 4–7; Леонтьев, Дроздов, 1996]. Керамика с «обмазочными» валиками имеет довольно широкую хронологию. По мнению П.В. Мандрыки, «сосуды, украшенные тонкими обмазочными валиками (тип 7)... были широко распространены в таежных районах Сибири с середины I тыс. до н.э. до начала II тыс. н.э». [2008б, с. 74]. Таким образом, хронология этой посуды пока детально не разработана и не является «узким» хронологическим индикатором.

На данном этапе анализа наборы предметов из рассматриваемых комплексов выглядят разнородно, поэтому данная группа объединена весьма условно.

Группу 4 *эпохи железа* образуют погребения с труположением в яме, локализованные в северо-западной части памятника (4 погр.). Они расположены рядом с могилами эпохи раннего железного века (гр. 1 и 2), однако имеют другую ориентацию – головой на юг, т.е. вверх по течению р. Ангары. Следы ритуальной практики разнообразны: индивидуальное и парное помещение умерших, «вторичные» захоронения (в т.ч. погребения без черепа, захоронение фрагментов двух черепов). Иногда на костях фиксируется та же степень термического воздействия, что и в комплексах группы 1. В отличие от погребений группы 1, могилы группы 4 образуют ряды. В одном случае это – пара погребений, в другом – две могилы и яма между ними, имеющая сходные параметры (кенотаф?). На наш взгляд, группа 4 имеет более позднее хронологическое положение на памятнике относительно групп 1–3. Об этом свидетельствуют лучшая сохранность костей и факт обнаружения в заполнении предметов, характерных для группы 3 (гравий, железные наконечники и фрагменты кальцинированных костей). Как правило, набор собственного инвентаря погребений небогат: единичные костяные и железные наконечники, каменный пест. Бронзовые изделия, однозначно связанные с данной группой, не найдены.

В результате первого года стационарных исследований стало очевидным, что памятник Усть-Зелинда-2 является не только разновременной

стоянкой, но и одним из немногочисленных крупных разновременных могильников Северного Приангарья.

Список литературы

Базалийский В.И. Погребальный комплекс эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2012. – Вып. 9. – С. 43–101.

Леонтьев В.П., Дроздов Н.И. Неизвестные находки бронзовых изделий кулайского облика в таежной зоне Средней Сибири // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – С. 157–160.

Мандрыка П.В. Могильник Усть-Шилка II как индикатор культурно-исторической ситуации раннего железного века Енисейского Приангарья // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. – 2008а. – Т. 7, вып. 3: Археология и этнография. – С. 117–131.

Мандрыка П.В. Новая археологическая культура раннего железного века в южно-таежной зоне Средней Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008б. – № 3 (35). – С. 68–76.

Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н. Айдашинская пещера. – Новосибирск: Наука, 1980. – 208 с.

Привалихин В.И. Ранний железный век Северного Приангарья (цэпаньская культура): автореф. дис... канд. ист. наук. – Кемерово, 1993. – 24 с.

Привалихин В.И. Цэпаньская культура раннего железного века Северного Приангарья: история открытия, результаты и перспективы исследований // Второй век подвижничества. – Красноярск: Краснояр. краев. краевед. музей, 2011. – С. 161–183.

Славинский В.С., Аношкин А.А., Рыбалко А.Г., Казакова Е.А., Милютин К.И. Археологические комплексы стоянки Кода-3 (Северное Приангарье) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. – 2012. – Т. 11, вып. 7: Археология и этнография. – С. 194–205.

Харинский А.В. Погребальный ритуал Северного Прибайкалья в середине I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2004. – Вып. 2. – С. 134–150.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2009. – 329 с.

**ГЕОХРОНОЛОГИЯ ГОЛОЦЕНОВЫХ КОМПЛЕКСОВ
МНОГОСЛОЙНОГО ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ УСТЬ-КЕУЛЬ-1
В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ***

Геоархеологическое местонахождение Усть-Кеуль-1 расположено в Усть-Илимском районе Иркутской области, на левобережном приустьевом участке р. Кеуль (левый приток р. Ангары), в 2,3 км на юг от новой деревни Кеуль (рис. 1). Объект локализован на выположенном левом берегу долины р. Кеуль, на невысоком террасовидном уступе с относительными отметками 9–10 м от уровня р. Ангары и абсолютными отметками 202–203 м от уровня моря.

Местонахождение Усть-Кеуль-1 обнаружено в 1998 г. Нижнеангарским отрядом Ангаро-Байкальской комплексной археологической экспедиции ИрГУ во время проведения работ по межведомственной программе выявления, картирования и мониторинга археологических объектов на территории Иркутской области. В 2011 г. начались спасательные работы, продолжившееся в 2012 г. За два года вскрыто 2 188 м². Раскоп заложен на приустьевом мысе и площадью распространялся вдоль береговой линии р. Ангары. Мощность вскрытых отложений составила до 3,8 м.

Геологическое строение разреза образовано и представлено супесями сложного смешанного генезиса, подразделенными на две пачки. Верхняя пачка (мощность до 2 м) представлена гумусированными супесями с прослеживаемыми гидроморфными палеопочвами и негумусированными прослоями между ними. Нижняя пачка отложений (мощность до 1,8 м) вмещает супеси делювиально-пролювиального генезиса с остаточными палеоседиментами, слабо выраженными в разрезе. Подстилающие отложения включают глыбы и валуны коллювиально-флювиального генезиса. Почти все культурные уровни привязаны к палеопочвам верхней пачки отложений, четко читающимся в разрезе, за исключением уровня 9, который зафиксирован между двумя палеопочвами, и уровня 11, отмеченного единичными находками под почвенным горизонтом слоя 10. Валуны и глыбы, размеры которых в поперечнике достигают двух и более метров, а также крупная галька фиксируются на дневной поверхности и по всему разрезу.

Всего зафиксировано 11 культурных горизонтов в хронологическом диапазоне от существования русской деревни Кеуль (XVII–XX вв.)

*Работа выполнена в рамках ГК № П363 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России».

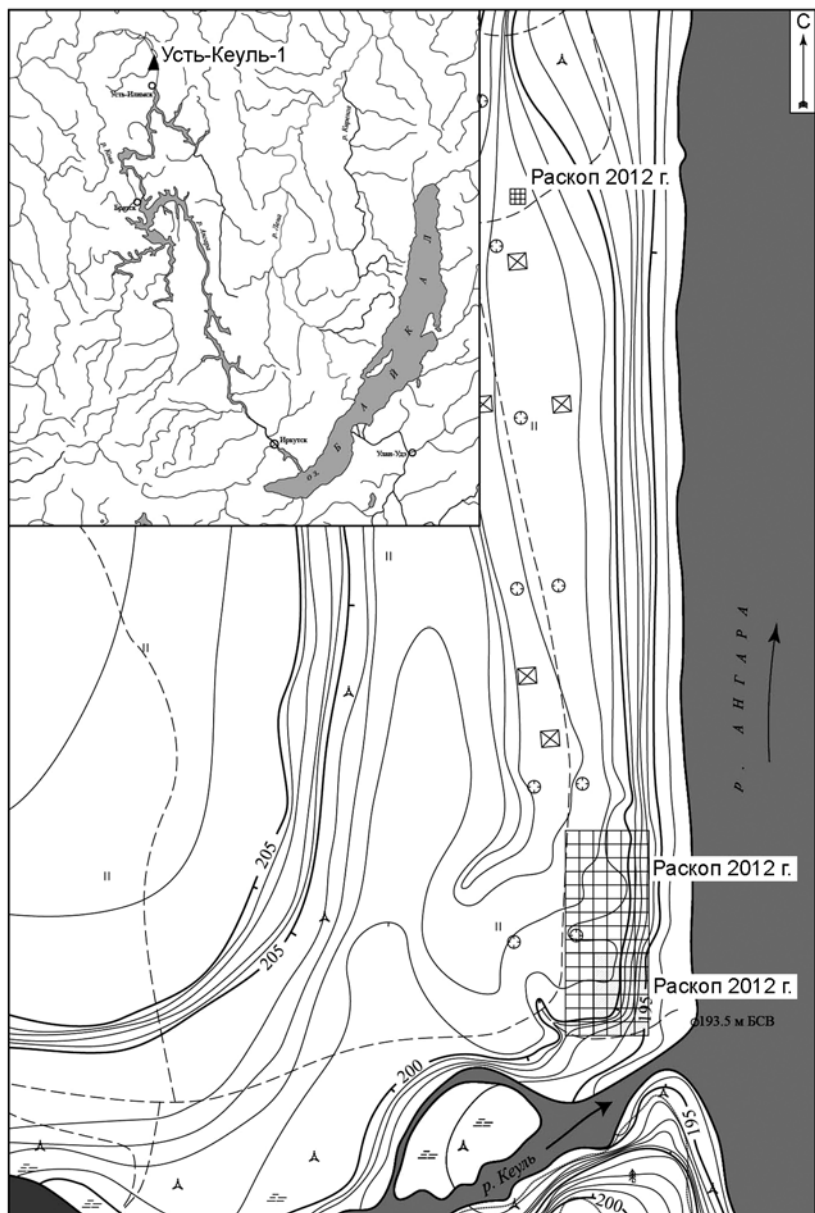

Рис. 1. Место расположения многослойного памятника Усть-Кеуль-1.

(культуросодержащий уровень 1) и до эпохи мезолита (X–XII тыс. л.н.) (уровни 9–11).

Культуросодержащий горизонт 1 представлен культурными отложениями деревни Кеуль, известной по письменным источникам с 1687 г. В раскопе найдены фрагменты станковой керамики, чугунок и их фрагменты, монеты XIX в., **фрагменты изделий из металла (коса-литовка, ножи, часть винтовки первой пол. XX в.); зафиксированы остатки домов и хозяйственных построек.**

Культуросодержащий горизонт 2 сохранился частично, поскольку потревожен многолетней деревенской перепашкой и хозяйственными ямами. В нем обнаружены формы для отливки (игольников?) из керамики (рис. 2, 3), трехгранные в сечении костяные наконечники (рис. 2, 2), множественные кусочки крицы, фрагменты костей. Керамика гладкостенная, с обмазочными валиками.

В *культуросодержащем горизонте 3* зафиксировано кострище, а рядом с ним – костяное антропоморфное изделие (личина) (рис. 2, 1) и фрагмент бронзовой иголки с «ушком». Основной археологический материал включает фрагменты керамики с налепными и обмазочными валиками, кусочки крицы и фрагменты костей.

Археологический материал *культуросодержащего горизонта 4* представлен фрагментами керамики и отщепами. Керамика культуросодержащих горизонтов 3 и 4 аналогична керамике «карабульского» типа [Макаров, 2005; Макаров, Быкова, 2011], выделенной на Северной Ангаре.

По всей площади, где фиксировался *горизонт 5*, отмечена высокая степень прокала, выраженная красноватым (охристым) окрасом. Археологический материал включает фрагменты штриховой гладкостенной керамики и керамики с зубчато-гребенчатым штампом, фрагменты костей, отщепы.

В *культуросодержащем горизонте 6* зафиксированы изделия из кости: обломок гарпуна, фрагмент обоймы (вкладышевого изделия) с одной вставленной микропластинкой. Среди керамики выделен фрагмент сосуда с остатками ушка – дымокур с горизонтальными заглаженными штрихами на внешней поверхности изделия. В этом слое вскрыто погребение двух разнополых особей беркутов (*Aquila chrysaethos*) (определение Н.В. Мартыновича). Птицы погребены в альтернативной позиции, одна под другой, с повернутыми головами.

Культуросодержащий горизонт 7 выражен в стратиграфии мощным (до 0,3 м) гумусированным прослоем. Массовый археологический материал включает фрагменты керамики, костей, изделия из камня. Керамика представлена сосудами различных типов. Один из них гладкостенный, закрытой формы, декорированный вертикальными и слегка наклонными линиями пунктира, ниже которых проходят четыре горизонтальных ряда пунктира. По первой линии пунктира группами на расстоянии 7–8 см сделаны по три несквозных отверстия, а от нижнего горизонтального ряда

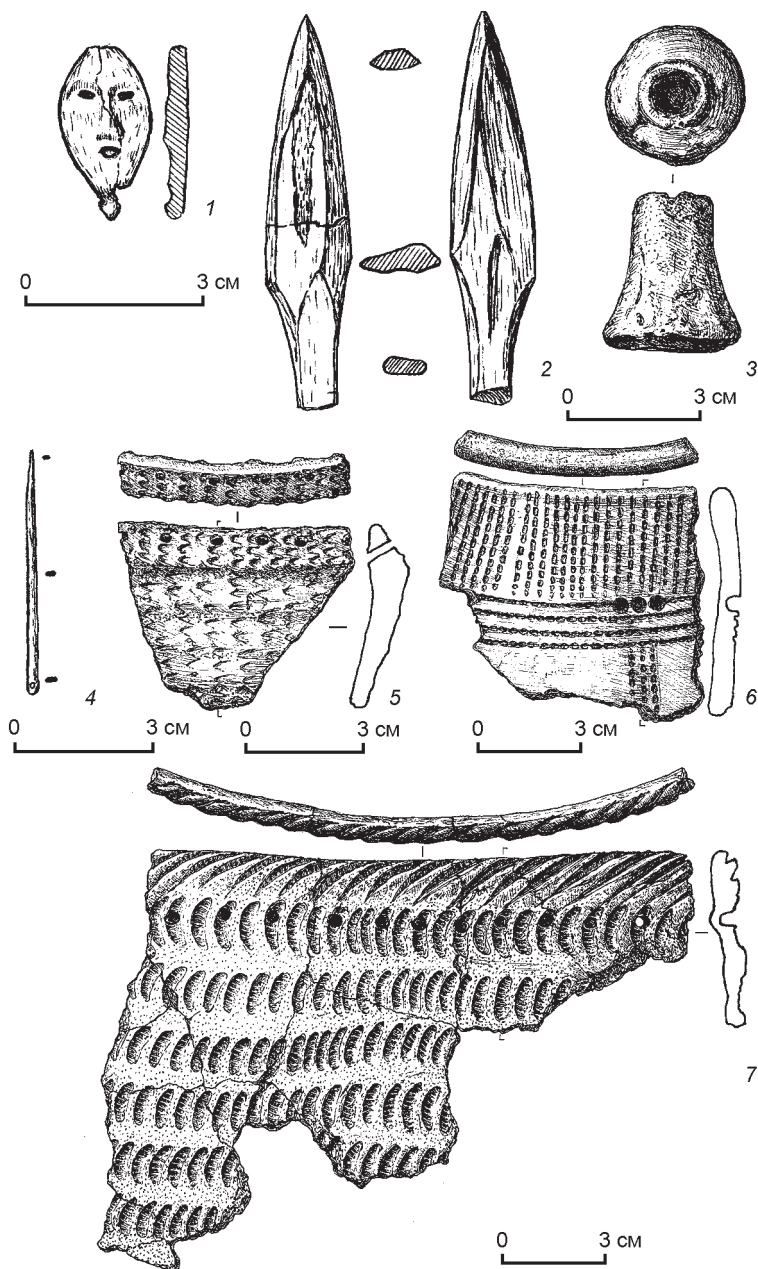

Рис. 2. Находки с памятника Усть-Кеул-1.

1 – антропоморфное изображение из кости (слой 3); 2 – наконечник из кости (слой 2);
 3 – форма для отливки (игольника?) из глины (слой 2); 4 – игла костяная (слой 10);
 5–7 – фрагменты керамических сосудов (слой 7).

через интервал фиксируется «бахрома» – три вертикально спускающиеся на 4–5 см пунктирные линии (рис. 2, 6).

Определен еще один сосуд, относимый по орнаментации оттисками овального зубчатого штампа к «казачинскому» пласту (рис. 2, 7). Найдены здесь и два фрагмента сосуда «посольского» типа, орнаментированные трехзубчатым штампом в верхней части тулова и по венчику (рис. 2, 5). Среди изделий из камня можно выделить нуклеусы (конические, карандашевидный, клиновидные), большое количество скребков, нож, топор из туфоаргиллита и наконечник листовидной формы с бифасиальной обработкой.

Культуросодержащий горизонт 8 является самым нижним уровнем, содержащим керамику. Она включает фрагменты «сетки-плетенки» и части сосудов, украшенных «личиночным» штампом. Сосуд открытой формы представлен двумя фрагментами венчика, орнаментированными зигзагом и горизонтальными полосами из оттисков отступающей лопаточки. Его можно отнести к керамике «Усть-Бельской группы». Большинство фрагментов сосуда имеют следы затирки по внутренней стороне тулова. Изделия из камня включают целый наконечник с вогнутой ассиметричной базой, карандашевидный нуклеус, скребки и фрагменты шлифованного изделия.

Культуросодержащий уровень 9 зафиксирован узкой линией вдоль береговой бровки р. Ангары, а в стратиграфии – между двумя палеопочвами, привязанными к культурным горизонтам 8 и 10. Археологический материал представлен фрагментами костей, отщепами, пластинами. По кости из этого горизонта радиоуглеродным методом получена дата 10 005±190 л.н. (СОАН-8644).

В прослое палеопочвы (мощность до 0,15 м), на глубине 3,1–3,4 м от дневной поверхности, зафиксирован *культуросодержащий горизонт 10*. В нем обнаружено кострище без обкладки (размеры 0,7×0,9 м), где найдена костяная игла (рис. 2, 4), фрагменты костей, отщепы. Археологический материал представлен продуктами нуклеарного расщепления: нуклеусами, отщепами, пластинами и микропластинами.

Культуросодержащий уровень 11 представлен единичными находками: пластиной, ортогональным нуклеусом и фрагментами костей. По кости радиоуглеродным методом получена дата 11 280±170 л.н. (СОАН-8643).

На основании анализа коллекции керамических сосудов, ансамбля каменных и костяных артефактов можно предварительно говорить о возрасте слоев местонахождения Усть-Кеуль-1. Культурная хроностратиграфия по результатам работ выглядит следующим образом: уровни 1 и 2 относятся ко времени существования и жизнедеятельности деревни Кеуль (XVII–XX вв.), уровни 3 и 4 (на основании типов керамики и по остеологическому материалу) – к раннему железному веку; уровни 5 и 6 – к бронзовому веку, уровни 7 и 8 – к среднему этапу неолита, уровни 9–11 – к мезолиту (финальному плейстоцену – раннему голоцену).

Таким образом, местонахождение Усть-Кеуль-1 является одним из ключевых для изучения голоценовых культур Северного Приангарья наравне с такими известными местонахождениями, как Усть-Ёдарма II, Парта, о. Лиственичный [Окладников, 1975; Савельев, 1989; Савин, 2010]. Вместе с тем, на начальном этапе исследований имеется большой объем информации по культурам палеометалла, неолита и мезолита, требующий обобщения и систематизации. Комплексное исследование подведет итог проведенным работам в зоне затопления ложа Богучанской ГЭС и может стать основой для изучения голоценовых культур Северного Приангарья.

Список литературы

Горюнова О.И. Серовские погребения Приольхонья (оз. Байкал). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 112 с.

Долганов В.А., Горюнова О.И., Новиков А.Г., Вебер А.В. Пунктирно-гребенчатая керамика и ее место в неолите Приольхонья (по материалам многослойного поселения Саган-Заба II) // Вестник НГУ. – 2011. – Т. 10, вып. 3: Археология и этнография – С. 84–91.

Макаров Н.П. Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы Красноярской лесостепи // Изв. Лаборатории древних технологий ИрГТУ. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – Вып. 3 – С. 149–169.

Макаров Н.П., Быкова М.В. Керамика Карабульского типа // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: мат-лы. междунар. науч. конф. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2011. – Вып. 2. – С. 227–231.

Окладников А.П. Неолитические памятники Средней Ангары (от устья р. Белой до Усть-Уды). – Новосибирск, 1975. – 319 с.

Савельев Н.А. Неолит юга Средней Сибири (история основных идей и современное состояние проблемы): автореф. дис... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1989. – 25 с.

Савин А.Н. Керамика многослойной стоянки Парта // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т XVI. – С. 582–585.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ ОСТРОВ СОСНОВЫЙ ТУШАМСКИЙ В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ

В полевой сезон 2012 г. Ангарским отрядом БАЭ ИАЭТ СО РАН (начальник А.В. Постнов) проведены спасательные археологические исследования стоянки Остров Сосновый Тушамский. Объект археологического наследия расположен в зоне затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС в Усть-Илимском районе Иркутской области, на левом берегу о-ва Сосновый, в 42 км северо-восточнее нижнего бьефа Усть-Илимской ГЭС.

Памятник открыт в 2007 г. Усть-Илимским отрядом БАЭ ИрГУ под руководством Е.О. Роговского в ходе инвентаризации объектов археологического наследия Усть-Илимского района, расположенных в границах затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС на территории Иркутской области.

Поверхность памятника террасовидная, вытянутая вдоль берега острова, прорезанная незначительными понижениями и оврагами. Культурные горизонты частично разрушены лесовозной бульдозерной дорогой, протянувшейся вдоль берега острова на расстоянии 25–100 м от береговой кромки.

Поскольку площадь памятника не имела единой территориальной локализации, а распространялась вдоль левого берега острова на километры, то исследовались лишь перспективные в археологическом плане участки террас. Всего заложены 4 раскопа общей площадью 5,4 тыс. м² и 47 рекогносцировочных раскопов площадью 120 м². Для изучения стратиграфии объекта на склоне террасы у раскопа № 1 вырыта траншея (3×7,5 м), представившая стратиграфическую ситуацию на объекте.

Предварительная генетическая интерпретация отложений следующая: слои 1–9 имеют субэзальский генезис, а слои 11–14 – аллювиальный. Слой 10 представляет собой солифлюксий, преобразованный до такой степени, что первичный генезис отложений не восстанавливается. Возможно, изначально отложения слоя 10 сформированы как пойменный аллювий.

Археологический материал найден уже в первом слое алевропеска и распространялся до темно-серого гумусированного слоя солифлюкционно деформированной палеопочвы.

Коллекция артефактов стоянки Остров Сосновый Тушамский насчитывает 15 748 находок, датируемых неолитическим временем, ранним железным веком и средневековьем.

Каменная индустрия неолита памятника включает массовый материал (отщепы, сколы без вторичной обработки, обломки, чешуйки, нуклеусы и их заготовки) и орудийный комплекс, представленный пластинчатыми формами (наконечники стрел и копий (см. *рисунок, 1*), пластинки с ретушью, резцы, проколки, скобели, скребки, ножи). Одними из распространенных орудий неолита Приангарья являются топоры и топовидные изделия (см. *рисунок, 2*). Как правило, подобные орудия по морфологии плоские, овальные в поперечном сечении, симметричные в продольном, с прямым обухом и слабо выпуклым лезвием, выполнены в технике шлифовки из нефрита, сланца или кремня.

Каменный инвентарь, обнаруженный на стоянке Остров Сосновый Тушамский, изготавливался из различного сырья: кремня, кремнистого известняка, аргиллита, кварцита, нефрита, сланца, гранитных пород. Техника исполнения орудий довольно высокого качества, ретушь, как правило, сплошная, тонкая, с однотипными фасетками. В целом, орудийный набор характеризуется развитой пластинчатой индустрией.

В материалах неолитических памятников Приангарья часто встречаются абразивы из песчаника с узким продольным желобком (см. *рисунок, 3*). Рабочей частью этих предметов был округлый канал в центре, соответственно затачиваемые изделия (например, из кости или рога) имели округлую форму.

Керамическая коллекция стоянки отличается разнообразием форм и орнаментальных композиций.

Одним из простых видов орнамента являлся поясok из ямок или насечек, расположенных вдоль венчика. По форме и способу декорирования такие сосуды относятся к китойскому типу хронологической шкалы неолитических памятников Прибайкалья, имеющих большое сходство с неолитом Приангарья (см. *рисунок, 4*). На памятнике обнаружены два археологически целых сосуда данного типа.

Часто встречается на сосудах декор, выполненный в «отступающе-накольчатой» технике. Орнаментиром в данном случае была палочка с плоским четырехугольным, конусовидным или овальным рабочим концом (см. *рисунок, 5*).

Множество черепков, найденных на памятнике, украшены в технике печатной и движущейся гребенки (см. *рисунок, 6*). Дополнительными украшениями таких изделий служили ряды ямок или «жемчужин». Орнамент чаще всего охватывает только венчик и верхнюю часть тулова сосуда.

Вместе с китойскими типами керамических изделий на стоянке обнаружены сосуды серовского типа. Они отличаются более округлым туловом и шаровидным дном. Сосуд данного типа декорирован текстильным орнаментом. По его тулову до придонной части проходит вертикальный отпечаток фигурного штампа в два ряда. На венчике изделия имеется округлое отверстие. Отпечаток штампа, имитирующий шнур, и отверстие свидетельствуют о том, что сосуд был подвесным (см. *рисунок, 7*). К подвесным

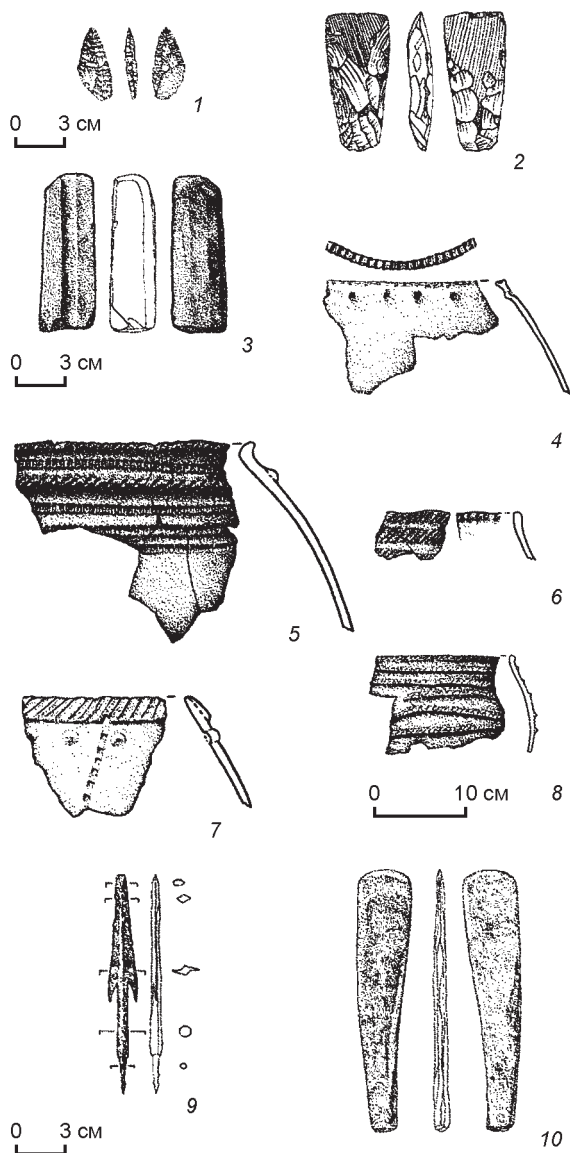

Рис. Находки со стоянки Остров Сосновый Тушамский.
 1 – наконечник; 2 – фрагмент топора-тесла; 3 – абразив; 4–8 – фрагменты керамических сосудов; 9 – наконечник стрелы; 10 – тесло (1–3 – камень; 4–8 – керамика; 9 – железо; 10 – кость).

относятся два небольших археологически целых сосуда, снабженных ушками. Изделия имеют толстые стенки и являются т.н. «дымокурами».

Встречены фрагменты сосудов с отпечатками сетки-плетенки, причем имеются черепки как с отпечатками по обеим стенкам, так и только по внешней стенке изделия. Керамика данного типа широко представлена в неолитических памятниках Азии и датируется позднесеровским временем [Тарасов, Синицына, 1978, с. 125; Неолит..., 1996, с. 303, рис. 98, 35].

Обнаружены фрагменты сосудов с наlepными конусовидными валиками, часть которых декорирована «елочками» или зубчатым штампом (см. *рисунок*, 8). Чаще всего валики нанесены на венчиковую часть сосуда. На таких сосудах может быть разное количество валиков: от одного до нескольких. В тесто изделий добавлен мелкий песок.

Некоторые орнаментальные мотивы (фрагменты с оттисками овального, зубчатого, овально-зубчатого штампа) и конструктивные элементы (ушки с отверстиями) сосудов продолжали существовать в эпоху ранней бронзы [Макаров, 2005, 168, рис. 11, 1, 10].

Металлические орудия, собранные на памятнике, немногочисленны: черешковый двухлопастной наконечник стрелы (см. *рисунок*, 9), железные ножи с петлеобразным навершием и без него, крючки. Ножи с навершием в виде петли исследователи датируют **IV–I вв. до н.э., т.е. началом раннего железного века** [Гладилин, 1985, с. 178]. Однако такие изделия встречаются и в средневековых памятниках [Леонтьев, Дроздов, 1996, с. 42, рис. 5]. Железные ножи с петлеобразным навершием и следующий по хронологии тип черешковых ножей широко бытовали у древних жителей Ангары [Леонтьев, Дроздов, 1985, с. 172–179].

Изделия из кости или рога представлены мотыжкой, наконечником и теслом (см. *рисунок*, 10). Если два первых орудия появились уже в начале неолита, то костяные тесла получили распространение только в позднем неолите [Макаров, 2005, с. 159, **Окладников**, с. 151, табл. 40, 2].

Остров Сосновый Тушамский по своим геоморфологическим характеристикам и природным ресурсам оказался весьма привлекательным местом обитания для древнего населения Приангарья. Человек расселился здесь уже на последней стадии каменного века и продолжал обживать эти территории до наших дней. Даже в наше время остров чрезвычайно богат зверьем, в Ангаре еще водятся ценные породы рыб, на суше растет уникальная ангарская сосна, древесина которой имеет замечательные физические и механические свойства и вековую историю применения в строительстве.

Рекогносцировочными раскопами и раскопами сплошного изучения в ходе спасательных археологических работ 2012 г. площадь стоянки Остров Сосновый Тушамский на затопливаемой территории исследована полностью.

Список литературы

Гладилин А.В. Металлургия Среднеангарья // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 167–180.

Леонтьев В.П., Дроздов Н.И. Средневековый могильник многослойного поселения Усть-Кова на Ангаре // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1996. – С. 39–45.

Макаров Н.П. Хронология и периодизация эпохи неолита и бронзы Красноярской лесостепи // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005. – С. 149–171.

Неолит Северной Евразии. – М., 1996.

Окладников А.П. Верхоленский могильник – памятник древней культуры народов Сибири. – Новосибирск, 1978. – 288 с.

Тарасов Л.М., Синицына Г.В. Неолитическое поселение Падь Шелот // Древние культуры Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 113–130.

ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНОЧНОГО КОМПЛЕКСА УСТЬ-КАТА-2 В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ В 2012 ГОДУ

В 2012 г. Ангарским отрядом БАЭ ИАЭТ СО РАН проводилось вскрытие широкой площадью территории памятника, известного как стоянка и могильник Усть-Ката-2. Он расположен в одном километре от устья левого берега р. Ката (правый приток р. Ангары), на двух 4- и 17-метровых надпойменных террасах. Объект ограничен с запада береговой линией реки Ката, с юга – краем второй надпойменной террасы, а с востока – оврагом. С севера граница распространения археологического материала установлена по итогам рекогносцировочных работ 2010–2011 гг.

Данный объект открыт и обозначен как стоянка в 1998 г. Е.О. Роговским и В.В. Белоненко в рамках межведомственной программы выявления, картирования и мониторинга археологических объектов Иркутской области. В 2006–2007 гг. на памятнике выявлены следы погребений. В ходе разведочных исследований 2010 г. установлено, что территория объекта подвергалась перепашке и иному техногенному воздействию. Археологический материал фиксировался на поверхности, в пахотном слое и в шурфах в неповрежденном состоянии.

Площадь памятника разделена на два участка, дислоцированных на второй (участок 1) и первой, находящейся выше по течению (участок 2) террасе р. Ката. Здесь зафиксирована ситуация многослойного залегания ископаемых культурных остатков от неолита до эпохи раннего железного века. В 2011 г. работы на памятнике производили Усть-Катинские отряды ИАЭТ СО РАН под руководством О.В. Ковалевой и П.Б. Амзаракова. Площадь исследований составила 1 945 м². Обнаружены три погребения и отмечена высокая концентрация находок.

В ходе работ 2012 г. на участке 2 разбит раскоп № 6 общей площадью 1 750 м², соединивший раскопы № 2 и 5 2011 г. и продолживший их нумерацию. В его площадь были включены рекогносцировочные раскопы № 2 и 19, давшие археологический материал. Раскоп расположен на второй надпойменной террасе, южной стороной по бровке ее склона. Северная половина локализована на ровной площадке, использовавшейся в период этнографической современности как культивированный покос. Западная граница примыкает к раскопу № 2, восточная – к раскопу № 5 2011 г.

В раскопе № 6 зафиксировано три основных литологических слоя, включающих культурные отложения от эпохи неолита до этнографичес-

кой современности. В первом слое сохранились результаты жизнедеятельности местного населения эпохи средневековья и российского поселения XVII–XX вв. Во втором слое найдены артефакты и объекты эпохи бронзы – раннего железного века. В третьем слое представлены изделия эпохи неолита – бронзы.

Большую часть коллекции составляют изделия из камня периода неолита – бронзы: продукты обработки сырья, орудия – шлифованные тесла (в т.ч. из нефрита), топоры с «ушками», наконечники стрел и копий, ножи, концевые скребки и др. Вторая по численности группа артефактов – фрагменты керамических сосудов, отражающие традиции ангарских культур. Каменные и керамические изделия имеют широкий хронологический диапазон, что привлекает исследователей Ангарской Сибири [Окладников, 1976; Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988]. К железному веку (рубеж эр, средневековья) относятся остатки железнотделательного производства, предметы из металла, среди которых железные наконечники стрел и китайская монета. Аналоги металлургического производства на памятниках Северного Приангарья широко представлены в опубликованных трудах [Гладилин, 1985] и новых материалах, полученных в ходе исследований БАЭ последних пяти лет.

Особый интерес представляет слой русской деревни XVII–XX вв. На чертеже С. Ремезова в районе устья р. Ката обозначены тунгусские юрты и указано, что русского жилья нет. Деревня Ката известна по письменным источникам с 1699 г. [Шерстобоев, 1949, с. 83]. В региональной географии место расположения деревни представляет собой поворотный участок, на котором русло переходит в субширотное направление с течением на запад. Река Ката является самым крупным северо-восточным притоком р. Ангары, что предполагает необходимость целенаправленных архивных изысканий по вопросу о месте Каты в российском освоении Сибири и установлении сухопутного пути на северо-восток Азии.

В 2011 г. исследования дали артефакты, относящиеся к истории русского старожильского населения Каты XVIII–XIX вв. Археологи впервые при исследовании устья Каты вышли на фрагменты деревянных сооружений – вертикальные столбы, прослойку древесной трухи, фрагменты оконных перекрытий (мусковит). Продолжение раскопа в 2012 г. позволило более точно представить слой русской деревни, который включал разрушенные деревянные конструкции, столбы, плахи и горизонтальные бревна, отдельные линзы деревянной трухи. С данной толщей сопряжена прослойка горелого дерева, углей. Тонкой линзой в стратиграфии и сплошным пятном в плане уголь подстилает деревенский слой на всей поверхности его проявления. На всей площади остатки деревянных конструкций покрыты слоем супесчаного бара.

В ходе полевых исследований удалось сопоставить архивные сведения с обнаруженными конструкциями и убедительно представить остатки деревянных конструкций как следы православного храма во имя Благове-

щения Пресвятой Богородицы, построенного во второй половине XIX в. (освящен 10 марта 1864 г.) и разрушенного в 1930-х гг. Конструкции храма вскрыты в шести частях раскопа. Четко прослеживаются в плане следующие части храма: паперть – крыльцо, занимает западный край раскопа. С запада на восток фиксируются остатки колокольни и главного помещения храма. Четко видна первая паперть храма: ее первый венец остался внутри пристроенной позднее колокольни и новой паперти. Это предположение подтверждается тем, что стена колокольни стоит вплотную к стене основного храмового строения. Подобное характерно для небогатого сельского прихода: высокую колокольню могли пристраивать уже спустя годы.

Благовещенская церковь имеет ряд особенностей в конструкции. С историко-архитектурной точки зрения, в плане она похожа на древние церкви, возводимые сибирскими первопроходцами: венцы паперти, храма, алтаря стоят на одной линии. Эта черта характерна для строений ранее конца XVII в. В катинской церкви прослеживается некая имитация этой старой традиции.

Исследованы большая часть церковного двора, крыльцо и часть внутреннего пространства. За пределами раскопа осталась важнейшая часть храма – алтарь. К периоду существования церкви относятся остатки землянки с очагом и боковым срубом, предназначение которой устанавливается предположительно как связанное с задачами обслуживания храма.

Список литературы

Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И. Археологические памятники Северного Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1988. – 225 с.

Гладилин А.В. Памятники железного века Северного Приангарья: автореф. дис... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1985. – 16 с.

Окладников А.П. Неолитические памятники Нижней Ангары (от Серова до Братска). – Новосибирск: Наука, 1976. – 328 с.

Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. – Иркутск: Ирк. обл. гос. изд-во, 1949. – Т. 1: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. – 596 с.

ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ УСТЬ-ТУШАМА-1 В 2012 ГОДУ

В работе БАЭ 2012 г. важную роль играло изучение древних поселений, осуществлявшееся на широких площадях. Одним из таких поселений являлся памятник Усть-Тушамы-1. Объект расположен в Усть-Илимском районе Иркутской области, на левом берегу р. Ангары, на правом приустьевом участке р. Тушамы (левый приток Ангары), в 40 км на север-северо-восток от нижнего бьефа плотины Усть-Илимской ГЭС. В геоморфологическом аспекте на данном участке можно выделить несколько поверхностей. Площадка первой надпойменной террасы р. Тушамы расположена по обоим ее берегам на высоте 5–6 м над урезом воды и отклоняется от поймы достаточно резким (около 40°) уступом, достигая по ширине нескольких сотен метров. Нижний ярус аллювиальный (речные отложения), а верхний субаэральный (эоловые и делювиальные отложения). Именно в эту поверхность врезана долина р. Тушамы с ее террасами. Абсолютные отметки 200–206 м (БСВ), относительные отметки уреза воды (196 м) 5–10 м. Поверхность памятника имеет тенденцию к повышению на северном, мысовом участке. Ровная поверхность, за исключением мысового участка, была покрыта хвойным лесом. На мысовом участке, долгое время не подвергавшемся распахке, существовала луговая растительность. Здесь были заложены два раскопа. Общая площадь археологических работ составила 7 054 м².

Генеральный стратиграфический разрез памятника выглядит следующим образом:

Слой 1. Черная гумусированная почва. Нижний контакт неровный, с затеками. Мощность 0,0–0,75 м. Содержит культурные остатки горизонтов 1 и 2.

Слой 2. Светло-коричневый алевритистый тонко- и мелкозернистый не слоистый песок. Мощность 0,75–1,15 м. Генезис эоловый (перевейанный песок). Содержит культурные остатки горизонта 3.

Слой 3. Параллельное субгоризонтальное переслаивание светло-серого среднезернистого песка (толщина слоев 3–5 см) с коричневым тонко-мелкозернистым песком (толщина слоев 10–15 см). Мощность 1,15–4,75 м. Генезис пойменный аллювиальный. Археологических находок не содержит.

Необходимо отметить, что характер распределения археологических находок менялся на различных участках памятника в зависимости от расстоя-

ния от края первой надпойменной террасы. Как показали контрольно-стратиграфические исследования, в частях, расположенных в 10–15 м от края террасы, артефакты встречались на всей толще литологических слоев 1 и 2. На участках памятника, далеко отстоящих от края террасы, культурные остатки фиксировались только в литологическом слое 1. Изученные отложения связаны с деятельностью человека в период русского заселения, результатом чего стала антропогенная переработка верхней части слоя 1. В этом же слое зафиксированы культурные остатки периода средневековья и артефакты, относящиеся к раннему железному веку. Наиболее мощным был культурный слой бронзового века (нижняя часть слоя 1 и верхняя часть отложений слоя 2). Неолитические культурные комплексы выявлены на отдельных участках памятника и соотносятся с нижними горизонтами слоя 2.

Общее количество находок, полученных при раскопках стоянки, – 50 804 экз. Средняя насыщенность культурных слоев составляет 3–7 артефактов на 1 м², максимальная – более 100 артефактов на 1 м² (участки на краю террасы).

С *русским поселением* связана традиция изготовления плоскодонных сосудов: способом ленточного налепа, а также с использованием поворотной подставки и гончарного круга. В этом же слое обнаружена кухонная и охотничья утварь, медная денга середины XVIII в.

Эпоха *средневековья* представлена керамикой с наlepными и обмазочными валиками (рис. 1, 3). Стенки сосудов покрыты обмазочными валиками, образующими горизонтальные, наклонные или арочные ряды. Валики покрывают всю поверхность сосуда, за исключением дна. Найдены изделия из железа: плоские наконечники стрел с прочерченными на черешке линиями, характерными для культуры эвенков (рис. 2, 2), прямо срезанные наконечники стрел (рис. 2, 3), ножи (рис. 2, 1).

Ранний железный век иллюстрирует керамика цэпаньской культуры. Фрагменты венчиков имеют широкий наlepной валик. Плечики сосудов покрыты горизонтальными рядами наклонных оттисков гребенчатого штампа. К цэпаньскому же времени отнесен бронзовый трехлопастной наконечник стрелы (рис. 2, 4), костяные наконечники стрел.

Керамика *бронзового века* представлена сосудами двух типов: 1) для приготовления и хранения пищи; 2) дымокуры. К первому типу относятся сосуды с «жемчужинами», которым сопутствует несколько элементов орнамента, ко второму – сосуды небольшого размера с выступами, в которых сделаны отверстия для подвешивания (рис. 1, 1, 2, 4).

Эпоха *неолита* интересна керамикой с псевдотекстильным орнаментом, покрывающим всю поверхность изделия, включая дно. Данная керамика близка традициям серовской культуры. Кроме того, этим же временем датирована посольская керамика и фрагменты сосудов усть-бельского типа. По отдельным крупным фрагментам можно сделать вывод, что слабопрофилированные сосуды имели прямые или слегка загнутые внутрь венчики, а орнамент покрывал всю поверхность сосудов, за исключением дна.

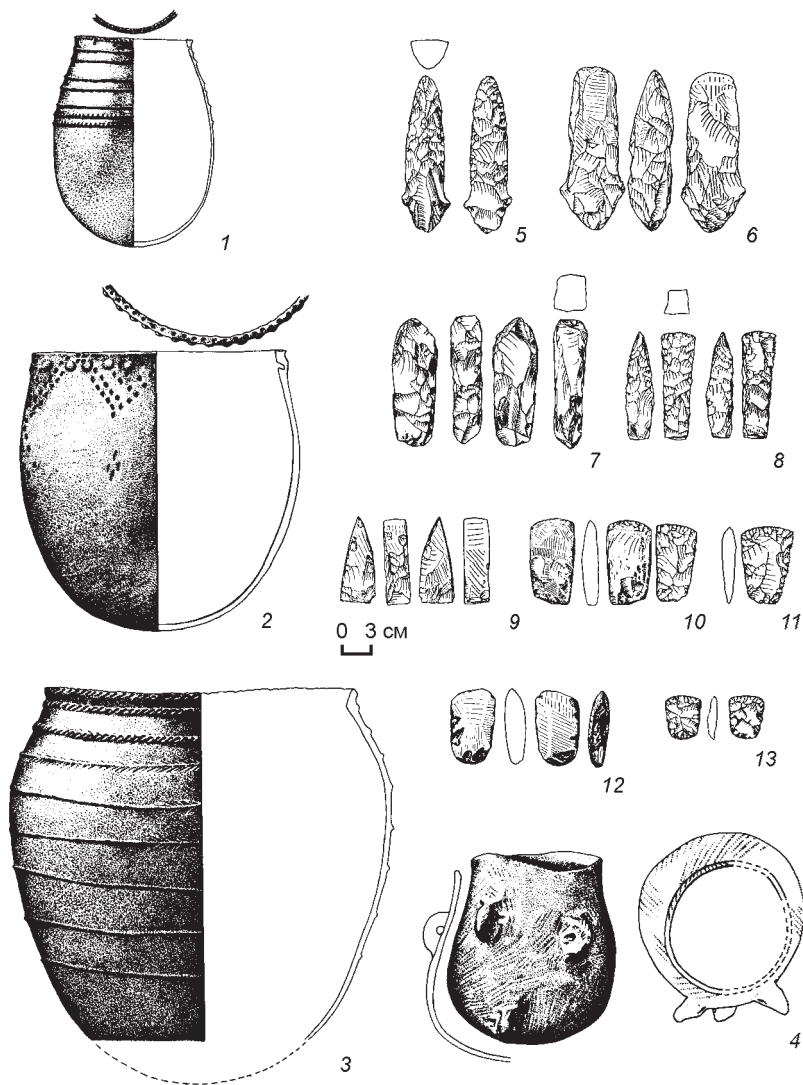

Рис. 1. Реконструкции керамических сосудов (1–4) и каменные артефакты (5–17) со стоянки Усть-Тушама-1.

Среди изделий из камня весьма высока доля орудий (1 837 экз., 6,8 % от всей коллекции каменных артефактов), а удельный вес нуклеусов заметно ниже (299 экз., 1,1 %). Подобное соотношение категорий артефактов однозначно свидетельствует о довольно специфическом использовании территории памятника как места осуществления интенсивной и разнообразной трудовой деятельности (процент сломанных, изношенных и переоформ-

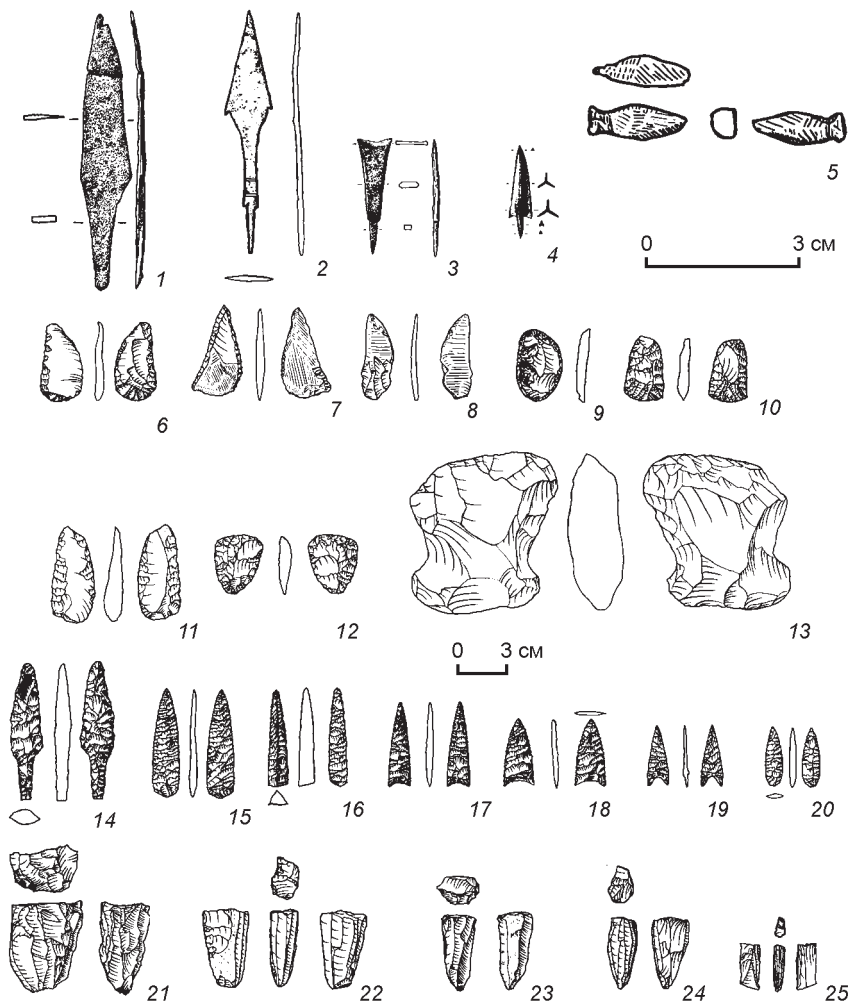

Рис. 2. Изделия из металла (1-4) и камня (5-25) со стоянки Усть-Тушама-1.

ленных орудий чрезвычайно высок), где раскалывание принесенных с собой нуклеусов играло подчиненную роль. Выделяются участки памятника, связанные со специализированной трудовой деятельностью. Как правило, они расположены непосредственно на краю террасы. Здесь больше половины орудий – тесла и топоры, предназначавшиеся для деревообработки.

Верхняя часть слоя 1 характеризуется малым количеством изделий из камня. Артефакты имеют аморфный облик. Основная часть набора каменных изделий связана с отложениями средней и нижней частей слоя 1 и слоем 2. Нуклеидные формы представлены плоскостными ядрищами для получения отщепов, призматическими конусовидными и подпризматиче-

скими нуклеусами для снятия пластинок и микропластин (рис. 2, 21–25). В нижней части слоя 1 и верхней части слоя 2 содержались остатки культуры бронзового века, где основным типом заготовок для орудий были отщепы. Прослеживается тенденция увеличения доли пластинчатых форм в нижней части отложений слоя 2, связанного с поздним этапом неолита. Удельный вес пластинчатых форм увеличивается с 11 до 16 %, а количество орудий, изготовленных на пластинах, достигает 19,5 %. Основные типы орудий следующие: разнообразные тесла и тесловидные изделия (в т.ч. из нефрита), топоры с «ушками» усть-илимского типа (6,2 % всех орудий) (рис. 1, 5–10, 12; 2, 13), наконечники стрел и метательных орудий (10,9 %) (рис. 2, 14–20). Высока доля бифасиальных и шлифованных ножей (10,1 %) (рис. 2, 6–12), в т.ч. характерных для бронзового века данной территории бифасиальных ножей трапециевидной формы (рис. 1, 11, 13; 2, 10, 12). Здесь также найден предмет мобильного искусства – миниатюрная рыбка, изготовленная из мягкого поделочного камня (рис. 2, 5).

В отложениях средней части слоя 2 выявлено погребение. Сверху зафиксирована сплошная, овальная в плане кладка из камней среднего и небольшого размера. Под кладкой обнаружено могильное пятно (размеры 0,97×1,50 м). Могильная яма после выборки заполнения имела овальную в плане форму, вытянутую по линии восток-запад. Ориентация обнаруженного костяка – по линии восток-запад. Погребение совершено по обряду трупоположения, с согнутыми в коленях ногами. Костные останки (вероятно, принадлежащие подростку) характеризуются отсутствием черепа и позвоночника. У костей стопы скелета лежали ребра меньшего размера, а под тазом костяка – фрагменты черепа и зубы, принадлежавшие, скорее всего, ребенку. Все это позволяет считать погребение парным. Сохранность костяков плохая, погребальный инвентарь отсутствует. Судя по аналогичным находкам в Среднем Приангарье и стратиграфической позиции погребения, оно датируется бронзовым веком.

Фаунистические костные остатки и фрагменты рогов с памятника Усть-Тушамы-1 принадлежат в основном крупным копытным – оленям (*Cervus*). В незначительном количестве встречены кости коровы *Bos taurus*, представителей группы *Ovis-Capra*. В слое 3, который является наиболее древним в геологическом отношении, обнаружены остатки крупного полорогого – предположительно, первобытного бизона *Bison priscus*. В отложениях, помимо жвачных парнокопытных, есть остатки свиньи *Sus scrofa*. В целом, фауна памятника Усть-Тушамы-1 является лесной с вкраплениями лесостепных видов. Количество костей домашних животных незначительно и в основном происходит из верхнего слоя раскопа (определение канд. биол. наук Н.В. Сердюк).

Результатом работ 2012 г. по изучению наиболее информативной части памятника стало выявление стояночных комплексов в широком временном диапазоне: от неолита до средневековья, что дает возможность для реконструкции последовательности развития культур на этом участке долины р. Ангары.

СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ НА МЕСТОНАХОЖДЕНИЯХ ОСТРОВА КАМЕННЫЙ (60 КМ) И УСТЬ-ЖЕВАКАН В 2012 ГОДУ

В августе 2012 г. в зоне затопления Богучанской ГЭС силами Усть-Жеваканского отряда проводились спасательные археологические работы на двух объектах острова Каменный и устьевых участках руч. Жевакан [Роговской, Белоненко, 1999; Роговской, 2008, 2009]. В административном отношении памятники находятся в Усть-Илимском районе Иркутской области, в 40 км ниже по течению от д. Кеуль.

Местонахождение о. Каменный (60 км) I находится на левом (по течению Ангары) берегу приверха острова Каменный, в 2,5 км ниже его верхнего мыса. Абсолютные отметки 198–202 м. Относительные отметки от уреза воды 10–12 м.

Территория объекта представляет собой полого наклоненную в сторону р. Ангары площадку, ограниченную с запада крутым береговым склоном, а с востока плавно примыкающую к крутому склону скальных пород острова. С юга и севера площадка сужается и переходит в высокий береговой склон. Вся площадь объекта была покрыта густым лесным массивом. Памятник изучался двумя площадями. Площадь, вскрытая в раскопе № 1, составила 200 м², в раскопе № 2 – 50 м².

Выявлено 3 уровня отложений материальной культуры.

Уровень 0 выделен в современном дерново-почвенном горизонте. В нем зафиксированы остатки наземной деревянной конструкции с сохранившимися нижними венцами и комплекс по обжигу древесного угля, представленный двумя ямами. Ямы имеют коническую форму, расширяющуюся к низу (диаметр нижней части 0,8 м, верхней – 0,5 м; глубина 1 м). Края ямы на всю глубину содержат следы термического воздействия. Вокруг ям зафиксированы пятна пепла, скопления древесного угля и кольцевая выкладка из плит туфогенных пород. Судя по находкам фрагментов пластмассы и стекла, углежжение происходило в советское время.

Уровень I зафиксирован в кровле коричневатой-серой супеси, на глубине 0,15–0,25 м от современной дневной поверхности. Материал распределен по горизонту рассеянно, в виде единичных находок, свидетельствующих об интенсивном металлургическом производстве.

При разборке слоя в раскопе № 1 вскрыта металлургическая площадка эпохи средневековья из 7 железоплавильных горнов.

Горны № 1–4 разрушены. Сохранились части основания, которые имеют округлую форму (диаметр 0,2–0,33 м, толщина стенок 0,07–0,1 м). Как в заполнении горнов, так и в его окрестностях фиксируются многочисленные угольки, фрагменты крицы и шлака.

Горны № 5–7 сохранились полностью. Они имеют форму цилиндров высотой от 0,2 до 0,4 м и диаметром 0,16–0,30 м. С внешней стороны горны выложены каменными плитами, обмазанными глиняной массой. Внутренняя поверхность горнов ошлакована. С южной стороны у основания горнов фиксируются сопла (диаметр 0,03–0,04 м). Грунт вокруг горнов сильно прокален.

В слое встречены отдельные артефакты из металла: однолезвийный нож, миниатюрное зубило прямоугольной формы, наперсток, кованые гвозди (3 экз.), изделие в виде кольца, обмотанного двумя металлическими проволоками, 7 фрагментов тонких металлических пластин.

Обнаружены единичные фрагменты керамики с тонкими налипными валиками.

Уровень II зафиксирован в подошве коричневатой-серой супеси, на глубине 0,25–0,4 м от современной дневной поверхности. Находки единичны: всего 9 артефактов. Материал представлен нефритовым теслом прямоугольной формы, отщепами и фрагментами битой неопределимой кости. Предварительно уровень датирован эпохой неолита.

При зачистке уровня II обнаружено погребение по обряду трупосожжения (локальное пятно скопления сильно фрагментированных обожженных костей). Сохранившиеся части скелета, представленные в основном фалангами, позволяют предварительно предположить наличие в погребении взрослых и детских индивидуумов. Погребение сильно нарушено мощной корневой системой деревьев.

Сопроводительный инвентарь представлен массивным остроконечником листовидной формы (см. рисунок, 1), крупным ножом – бифасом (см. рисунок, 3), квадратным в сечении ступенчатым теслом удлиненной прямоугольной формы со шлифованной рабочей частью, черешковым наконечником стрелы (см. рисунок, 2), тремя отщепами с ретушью и обломком костяной иглы. Все обнаруженные предметы фрагментированы. Характер сломов позволяет предположить целенаправленную порчу.

В целом, сопроводительный инвентарь и обряд захоронения находят прямые аналогии в серовских погребениях Прибайкалья, а ступенчатое тесло «олекминского типа» позволяет синхронизировать его с группой архаичных погребений Верхолесского могильника и датировать 4–5 тыс. до н.э. [Окладников, 1978].

Местонахождение о. Каменный (60 км) II находится на левом (по течению Ангары) берегу острова Каменный, в средней его части. Территория объекта представляет собой выположенную площадку с абсолютными отметками 198–206 м. Относительные отметки от уреза воды 8–12 м.

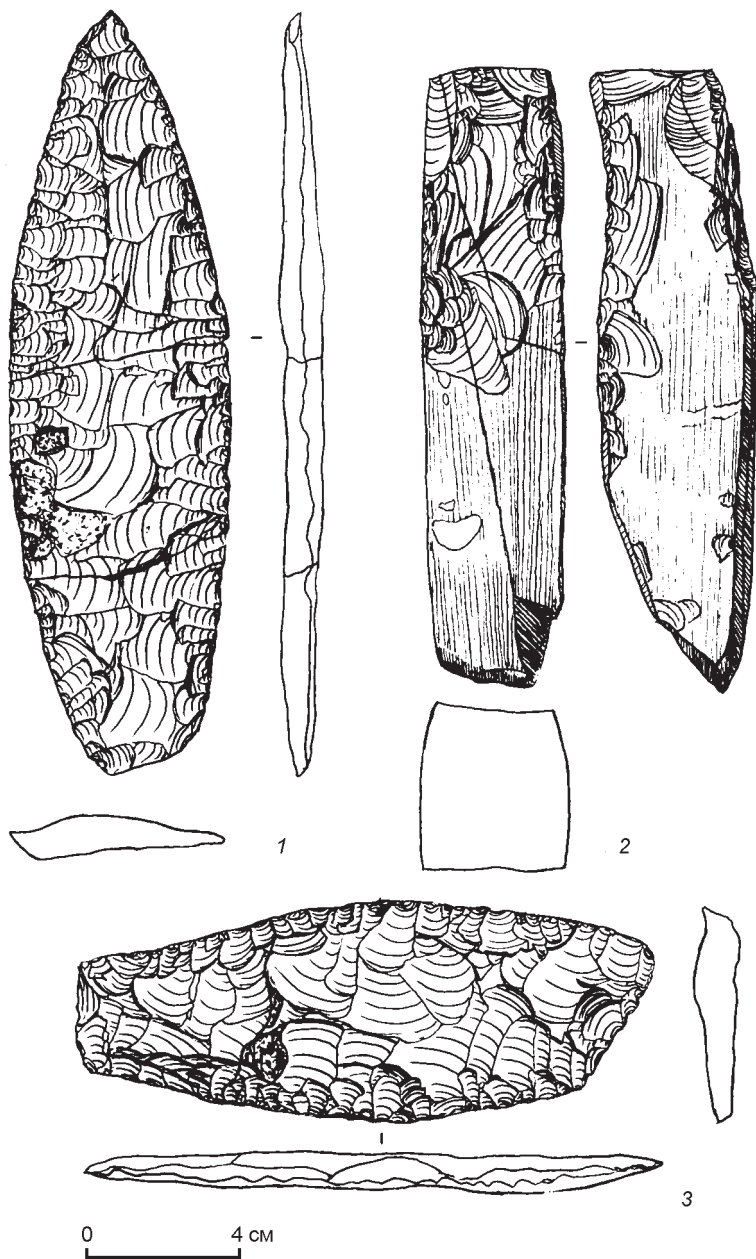

Рис. Каменный инвентарь из погребения № 1 местонахождения
о. Каменный (60 км) I.
1 – остроконечник; 2 – тесло; 3 – нож.

Объект изучался двумя площадями. Площадь, вскрытая в раскопе № 1, составила 650 м², в раскопе № 2 – 100 м². Раскопы трассированы по прибрежной части р. Ангары, представленной крутым склоном, сформированным скальными породами. С восточной стороны территория объекта нарушена лесовозной дорогой. Поверхность была покрыта сосновым лесом.

Всего на памятнике зафиксировано 2 уровня отложений материальной культуры. *Уровень I* выделен в кровле коричневатой-серой супеси, на глубине 0,1–0,25 м от современной дневной поверхности. *Уровень II* залегал в кровле красно-бурой супеси, на глубине 0,25–0,7 м. Уровни слабо насыщены артефактами и представляют собой отдельные пятна находок, группирующихся вокруг маломощных кострищ и отдаленных на значительное расстояние друг от друга. На 90 % коллекция состоит из отходов производства каменных артефактов (чешуйки, отщепы). Единичны обломки наконечников стрел и фрагменты керамики. В целом, коллекцию собранных артефактов уровня I можно датировать эпохой раннего железного века – ранней бронзы, а уровня – неолитом.

Исходя из планиграфической ситуации и состава собранной коллекции, местонахождение представляет собой своеобразный комплекс разновременных кратковременных индивидуальных стоянок охотников, основным видом деятельности на которых было обновление охотничьего инвентаря, в частности, изготовление каменных стрел.

Местонахождение Усть-Жевакан находится на устьевом участке левого притока р. Ангары – р. Жевакан, в 8,6 км на север от новой д. Кеуль. Абсолютные отметки местонахождения 196–197 м. Относительные отметки от уреза воды 5–6 м.

Всего на местонахождении разбито два раскопа. Раскоп № 1 площадью 700 м² размечен на правом мысовидном участке, а раскоп № 2 площадью 50 м² – на левом.

В результате работ на объекте в раскопе № 1 и 2 вскрыта верхняя пачка голоценовых отложений на глубину до 0,9 м. Ниже отмечен горизонт вечной мерзлоты.

В раскопе № 1 стратиграфически в аллювиальных мультислойчатых отложениях выявлено 4 уровня залегания остатков материальной культуры, которые получили обозначение I, **Ин**, II и III **культурные горизонты (к.г.)**. Они слабо насыщены артефактами. Основной категорией находок являются фрагменты керамики, обнаруженные преимущественно в скоплениях.

Уровень I залегает в дерново-почвенном горизонте, на глубине 0,05–0,3 м. Находки представлены обломками сосудов простой закрытой формы, декорированных горизонтальными рядами оттисков отступающей лопаточки.

Уровень Ин выделен в кровле серой с желтовато-коричневым оттенком супеси, на глубине 0,18–0,35 м от современной дневной поверхности. Керамическая коллекция включает обломки сосудов простой закрытой формы. Один сосуд орнаментирован горизонтальными линиями наклонных оттисков гребенчатого штампа, остальные – горизонтальными наклепными валиками.

Уровень II залегает в первой развееванной погребенной почве, на глубине 0,35–0,55 м от современной дневной поверхности. Керамическая коллекция включает обломки сосудов, внешняя поверхность которых покрыта оттисками «сетки-плетенки». Орнамент представлен пояском округлых вдавлений под венчиком.

Уровень III выявлен в слое желтовато-коричневого суглинка, на глубине 0,6–0,9 м от современной дневной поверхности. Здесь найдены единичные отщепы и фрагменты битой кости.

Предварительно выявленные уровни датируются: I – **ранним железным веком** – средневековьем, II – **эпохой бронзы**, II и III – **ранним неолитом**.

В раскопе № 2 выделено 3 уровня залегания находок. Первые два, как по условиям стратиграфического залегания, так и по собранным материалам, соответствуют II и III к.г. **раскопа № 1. Уровень III зафиксирован в мерзлотной толще, на глубине 1,8 м, в погребенной почве предположительно финального плейстоцена – раннего голоцена. Всего в слое найдены 2 отщепы и 10 фрагментов костей крупных млекопитающих.**

Список литературы

Окладников А.П. Верхоленинский могильник – памятник древней культуры народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – 287 с.

Роговской Е.О. Отчет об археологических разведочных исследованиях в 2007 году, в долине Ангары, на участке от г. Усть-Илимска до границ с Красноярским краем, в зоне затопления Богучанским водохранилищем (Иркутская часть). – Иркутск, 2008. – Т. I. – 103 с. (архив ЦСН №853/И. 62 с.).

Роговской Е.О. Отчет о рекогносцировочных научно-изыскательских археологических работах в Северном Приангарье. Зона затопления ложа Богучанской ГЭС. – Иркутск, 2009. – Т. I. – 63 с. (архив ЦСН № 974/И. 73 с.).

Роговской Е.О., Белоненко В.В. Отчет о проведении рекогносцировочных археологических исследований в долине р. Ангары на участке от г. Усть-Илимска до административной границы Иркутской области и Красноярского края. – Иркутск, 1999. – 41 с., 46 ил.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОСЕЛЕНЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА УСТЬ-ВЕРЕЯ-2 В 2012 ГОДУ

Многослойный памятник Усть-Верея-2 находится в Усть-Илимском районе Иркутской области, в 45 км северо-восточнее г. Усть-Илимска, в границах затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС.

Стоянка-поселение Усть-Верея-2 располагается на мысе правого берега р. Ангары и левого берега р. Вереи. В западной и северо-западной частях памятник ограничен течением р. Ангары, в восточной и юго-восточной частях – течением р. Вереи. Площадь памятника плавно понижается в юго-западном направлении.

Визуальный осмотр территории археологического объекта выявил наличие отчетливых рельефных признаков поселенческого комплекса, расположенного в юго-западной части памятника. При исследовании археологического объекта в северной части изучен стояночный комплекс эпохи неолита – раннего средневековья.

При обследовании дневной поверхности поселенческого комплекса зафиксировано 69 западин, предположительно оставшихся от углубленных конструкций. Планиграфически западины располагаются неравномерно, концентрируясь в центральной части археологического объекта, вдоль террасы р. Ангары. В центральной части комплекса выделяется несколько крупных групп западин, разделенных ложбинами. Юго-восточная группа, насчитывающая 16 западин, располагается компактно. Западины занимают участок между ложбинами, спускающийся к берегу р. Ангары, и размещены бессистемно.

Северо-западная и центральная группы имеют вытянутую планировочную систему. Западины расположены цепочками (от 2 до 10 западин), ориентированными с юго-запада на северо-восток, вдоль береговой террасы р. Ангары, а также перпендикулярно ей, вдоль склонов ложбин.

В 2012 г. двумя раскопами общей площадью 1 505 м² исследован стояночный комплекс памятника и четыре углубленных конструкции поселения эпохи бронзового века.

Археологические материалы представлены в основном отходами каменной индустрии, а также изделиями из камня и фрагментами керамики трех периодов – неолита, бронзового века и раннего средневековья (III тыс. до н.э. – X в. н.э.). **В основном артефакты были связаны со стояночным комплексом эпохи неолита и сосредоточены в составе скоплений, производственных площадок для обработки камня.**

Материалы поселенческого комплекса бронзового века – сравнительно небольшая коллекция предметов, планиграфически и стратиграфически связанных с углубленными конструкциями.

Площадь раскопа 1 заложена в западной оконечности мыса, вдоль береговой террасы р. Ангары. В пределах раскопа 1 исследована одна западина округлой формы (диаметр 6 м, глубина до 0,14 м). В юго-восточной части западины, на уровне заполнения котлована конструкции, обнаружен развал крупного фрагмента стенки керамического сосуда, орнаментированного в области устья горизонтальной полосой «жемчужин».

Раскоп 2 располагался юго-восточнее раскопа 1, в центральной части памятника, на краю береговой террасы. При изучении второго раскопа изучено 4 западины. Признаки наличия конструкций выявлены в трех из них. Для обследования выбрано топографически условно изолированная группа западин, отделенная в северной и южной частях ложбинами, перпендикулярными течению р. Ангары. Западины вписаны в единую систему координат с разметкой контрольно-стратиграфических линий. Общая площадь раскопа включала площадь западин-объектов и «межжилищное» пространство.

Из пяти исследованных в 2012 г. западин отчетливые признаки конструкций (каркасно-столбовые остатки, углубленный котлован, наличие очажного прокала) выявлены в четырех случаях. Одна западина, первоначально определенная как западина углубленной конструкции, вероятно, образовалась в результате геологических деформаций грунтов.

Планиграфически заполнение котлована конструкции – желто-черная супесь – прослеживается на уровне кровли третьего стратиграфического слоя. Из четырех исследованных западин отчетливый выброс из котлована конструкции зафиксирован только в двух случаях. Выброс – слой светло-серой супеси – располагался радиально от котлована и частично перекрывал его заполнение. Для отсыпки стен использовался грунт, выбранный из котлованов конструкций.

Исследованные котлованы конструкций имеют округлую в плане форму с волнистыми границами (диаметр до 6 м, глубина 0,10–0,15 м от уровня древней дневной поверхности). У конструкций чашевидное дно, углубленное в центральной части, и плавные, покатые к центру стенки. В некоторых случаях по контуру котлованов фиксировались пятна (диаметр до 0,12 м, глубина до 0,1 м) с сажистым гумусированным заполнением и включением мелких углей (вероятно, они связаны с каркасом).

В каждом из четырех котлованов в процессе исследования выявлены линзы прокалов округлой или овальной формы (мощность до 0,2 м), возможно, следы хозяйственно-отопительных очагов. В заполнении конструкций насчитывается от одного до двух прокалов. Очажные прокалы трех конструкций располагаются на периферии котлована, ближе к его юго-восточной стенке. В одном случае прокол обнаружен в центральной части котлована.

На основании планиграфического расположения ям, отчетливо ассоциированных с каркасно-столбовой конструкцией сооружений, и стратиграфи-

ческих наблюдений исследованные на памятнике Усть-Верея-2 углубленные конструкции можно отнести к наземному, частично заглубленному типу с конической формой каркаса [Историко-этнографический..., 1961, с. 132–133].

Конструкции имеют однотипную планиграфию и стратиграфию. Они аналогичны жилищным конструкциям поселения Ручей Конный-3, расположенного в 40 км ниже по течению р. Ангары [Савин, Солодская, Ольшанецкая, 2011, с. 463–468].

Археологический материал из заполнения котлованов представлен небольшой коллекцией предметов, основная часть которых – отходы обработки камня. Типичными находками для всех исследованных объектов являются крупные фрагменты каменных наконечников стрел и развалы сосудов с «жемчужной» орнаментацией в устьевой части. Наконечники стрел однотипны: длина 10–12 см, ромбическая форма пера, длинный (4–5,5 см) черешок.

В заполнении котлованов конструкций обнаружены крупные слабопрофилированные сосуды с приостренным дном. Срез венчика прямой, либо скошен внутрь и орнаментирован вдавлениями палочки. Как правило, декор занимает верхнюю треть сосуда. В устьевой части все сосуды орнаментированы горизонтальной полосой крупных «жемчужин». Тулово сосудов декарировано простыми геометрическими фигурами стрельчатой формы или косыми крестами. Практически вся лицевая поверхность сосудов имеет отчетливые следы обработки крупной гребенкой либо щепой. Керамика поселенческого комплекса Усть-Верея-2 находит ближайшие аналогии в материалах памятников Ручей Конный-3, Камешок, Парта, Колпаков Ручей, датированные бронзовым веком [Рыбин и др., 2010, рис. 2Г; Савин, 2010, рис. 6–10; Савин и др., 2011, рис. 2Г; Марченко и др., 2010, рис. 1, 1–3].

Список литературы

Историко-этнографический атлас Сибири. – Л.: ЛО Изд-ва АН СССР, 1961.

Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Гаркуша Ю.Н. Работы 1-го и 2-го Пашинских отрядов в 2010 году (Кежемский район Красноярского края) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 559–564.

Рыбин Е.П., Кубан А.А., Мешерин М.Н., Фролов Я.В. Археологические работы на стоянках Игренькина Шивера и Колпаков Ручей в зоне затопления Богучанской ГЭС // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 575–581.

Савин А.Н. Керамика многослойной стоянки Парта // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 582–586.

Савин А.Н., Солодская В.Е., Ольшанецкая В.Е. Результаты исследования поселения Ручей Конный-3 в 2011 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 463–468.

**МАТЕРИАЛЫ НЕОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ
СТОЯНКИ СЕРГУШКИН-1 ПУНКТ «А»
(РАСКОПКИ 2012 ГОДА)**

Стоянка и могильник Сергушкин-1 находится в Кежемском районе Красноярского края, в 64 км выше по течению р. Ангары от с. Кежда. Местонахождение археологического материала на памятнике приурочено к двум высотным уровням: 5-метровой пойме (пункт «А») и первой надпойменной 10–12-метровой аллювиальной террасе (пункт «Б»). Памятник открыт в 1974 г. В.И. Привалихиным и неоднократно им исследовался. В ходе работ получены материалы с широкой датировкой: от неолита до средневековья, а также единичные находки и погребения нового времени.

В августе 2012 г. в пункте «А» стоянки Сергушкин-1 была исследована площадь 700 м². Наиболее представительным хроностратиграфическим комплексом памятника являются материалы эпохи неолита. Фрагменты керамических сосудов, орудия из камня и кости, а также остеология этого времени составляет более 70 % всех археологических находок.

К керамическому комплексу неолитического времени относятся 4 группы керамики (рис. 1).

Первая группа представлена фрагментами (30 экз.) сосудов посольского типа, орнаментированными частыми горизонтальными желобками прочерченных линий или глубокими наколами отступающей палочки. Посуда посольского типа составляет 0,9 % всего керамического материала. В равной степени ее фрагменты локализованы на втором и третьем условных горизонтах.

Вторая группа включает фрагменты (2 472 экз.) сосудов закрытых параболоидных форм с круглым или слабо уплощенным днищем (рис. 1, 1–6, 8). Орнамент сплошной, охватывающий корпус сосуда целиком. Его основу составляют прямые и/или волнистые ряды отпечатков отступающей палочки, короткого гребенчатого штампа, прямоугольных, овальных или ногтевидных отпечатков. Внутренняя и внешняя сторона бортика венчиков украшена насечками, горизонтальным зигзагом, цепочкой косых крестов или наклонных линий, выполненных резными линиями, насечками или оттисками гребенчатого штампа. Зона под венчиком выделена одной-тремя горизонтальными цепочками круглых ямочных вдавлений. В отдельных случаях «ямки» объединены в разрозненные группы по 3–6 штук. Донная часть не декорирована или украшена оттисками орнамента, сгруппи-

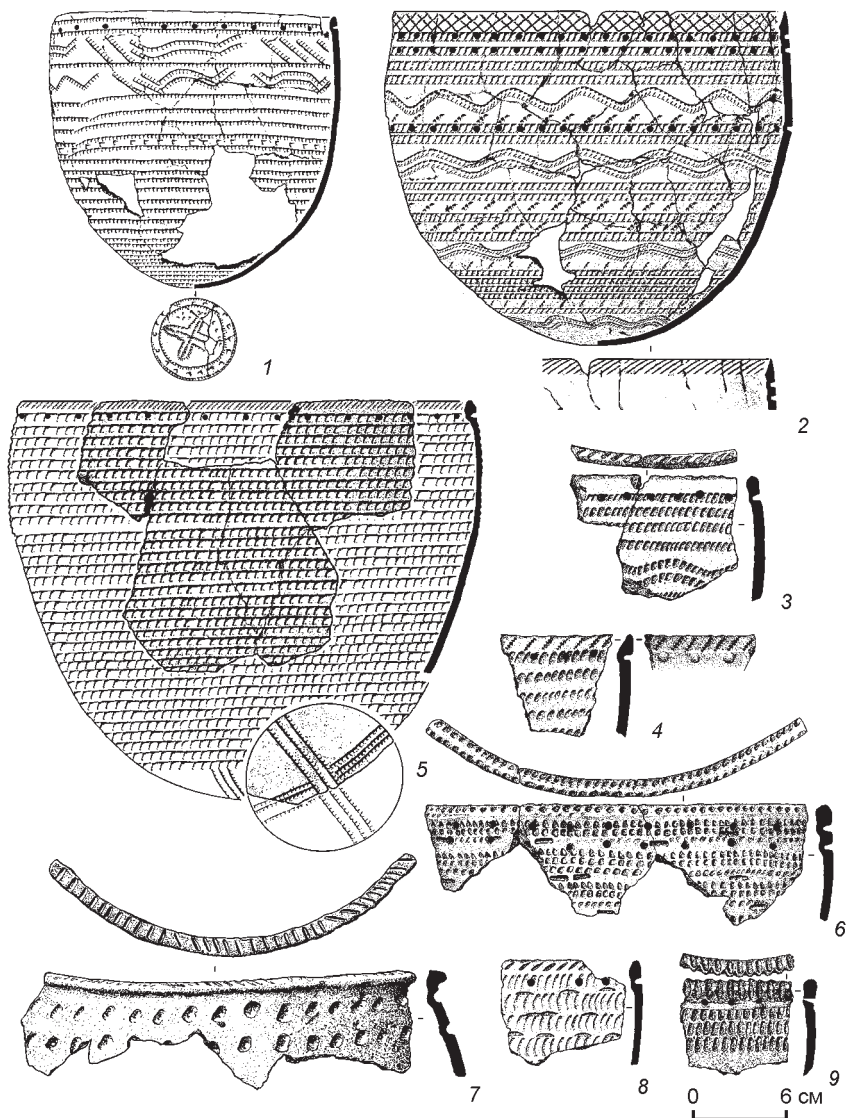

Рис. 1. Керамические сосуды неолитического времени
с памятника Сергушкин-1, пункт «А».

рованными в спираль, concentрические круги или фигуры в форме креста. Данная группа тождественна керамике усть-бельского керамического пласта и составляет 56 % всего керамического материала. Основная масса этой посуды локализовалась на третьем (63 %) и втором (34,6 %) условных горизонтах, где являлась доминирующей.

Третья группа представлена фрагментами (332 экз.) сосудов с высокими прямыми или слабоизогнутыми стенками и округлым дном. Венчики имеют прямой или приостренный бортик. Вся внешняя поверхность горшков покрыта смазанными отпечатками мелкоячеистой сетки-плетенки. Орнамент некоторых сосудов дополняют наклонные оттиски короткого гребенчатого штампа по внешней и/или внутренней стороне бортика, ряды круглых ямочных вдавлений в подвенечной зоне, неглубокий одинарный или двойной прочерченный желобок в основании венчика, иногда дополненный цепочками овальных вдавлений (рис. 1, 9). Указанная группа фрагментированной посуды составляет 7,5 % всего керамического материала и залегала преимущественно в третьем условном горизонте (58,9 %).

Четвертая группа – фрагменты (221 экз.) сосудов закрытой и открытой параболической формы со слегка отогнутым наружу слабоутолщенным венчиком. Бортик венчика прямой, иногда образующий внешний низкий козырек. В ряде случаев на внешней стороне стенок фиксируются сильно смазанные отпечатки мелкоячеистой ромбической сетки. Все сосуды орнаментированы по верхней трети корпуса и по торцу венчика. Основным мотивом орнаментации является один-три горизонтальных ряда круглых или овальных ямок или глубоких концевых вдавлений ребра палочки в приустьевой зоне (рис. 1, 7). Бортик венчика орнаментировался или наколами конца палочки по торцу, или оттисками ее ребра по внутреннему краю. Данная группа тождественна керамике серовского типа и составляет 5 % всего найденного керамического материала. Она залегала преимущественно на втором условном горизонте (85,4 %) и редко встречалась на первом (3 %) и третьем (11,6 %) уровнях.

Учитывая абсолютное преобладание во втором и третьем слоях стоянки неолитической керамики и незначительный процентный показатель сосудов эпохи бронзы, большую часть каменного инвентаря следует связать с неолитическим временем. Каменная индустрия неолитического времени представлена целыми орудиями и обломками, заготовками и отходами производства. Общее количество артефактов из камня в горизонтах 2 и 3 составило 6 552 экз. Подавляющее большинство находок – сколы, в основном отщепы, обломки и осколки; реже встречаются различные пластинчатые заготовки. Обнаружены следующие отходы каменной индустрии: нуклеусы и нуклеидные обломки – 75 экз. (1,1 % всех каменных артефактов), отщепы – 4 349 экз. (66,4 %), пластинчатые сколы – 416 экз. (6,4 %), технические сколы – 30 экз. (0,5 %), чешуйки – 4 экз., обломки и осколки – 289 экз. (10 %), орудия – 1 020 экз. (15,6 %).

Среди орудийного набора наиболее многочисленны ножи, скребки и тесла. Скребки (121 экз., 11,9 % всех орудий) представлены различными формами: 1) концевые с выпуклым закругленным лезвием на отщепах и пластинах (17 экз.) (рис. 2, 35–37); 2) многолезвийные с прямыми и закругленными лезвиями на отщепах и пластинах (6 экз.); 3) боковые на отщепах, сколах и пластинах (16 экз.); 4) угловые на отщепах, сколах и пластинах (4 экз.)

(рис. 2, 34); 5) прямоугольные, треугольные или округлые, обработанные по периметру (12 экз.); 6) аморфные на отщепах, сколах и пластинах (66 экз.).

Ножи (83 экз., 8,1 % всех орудий) делятся на 4 типа: 1) бифасы ассиметрично-треугольной формы (рис. 2, 12, 13) – 3 экз.; 2) бифасы прямоугольной формы (рис. 2, 23, 24, 33) – 7 экз.; 3) шлифованные с выпуклым или прямым лезвием (рис. 2, 11, 14–20) – 9 экз.; 4) случайных форм на пластинах, осколках и отщепах – 64 экз.

Найдена серия шлифованных трапезиевидных (рис. 2, 29–32) (16 экз.) и долотовидных (рис. 2, 27, 28) (8 экз.) тесел (2,4 % всех орудий), а также многочисленные сколы с них. В связи с большим количеством шлифованных изделий следует отметить многочисленный абразивный материала: бруски и плитки (рис. 2, 21, 22) (15 экз., 1,5 % всех орудий).

Крайне мало найдено бифасиальных наконечников стрел и дротиков (17 экз., 1,7 % всех орудий). Наконечники дротиков (2 экз.) имеют листовидную форму (рис. 2, 1, 2). Среди наконечников стрел присутствуют изделия с листовидным (рис. 2, 7, 10) (5 экз.) и треугольным (рис. 2, 2, 4–6, 8, 9) (8 экз.) пером. Два наконечника сильно фрагментированы.

Среди индивидуальных находок из камня следует отметить стерженьки рыболовных крючков (рис. 2, 41, 42, 47) и фигуру янусовидной рыбы из слаболитифицированной осадочной породы (рис. 2, 50).

Большая часть фаунистических останков стоянки (902 из 1 114 экз.) связана со слоем 3 и может быть датирована неолитом. Останки животных представлены единичными костями и их фрагментами. Преобладают трубчатые кости и зубы средних и крупных копытных (косуля, лось, олень). В коллекции присутствуют кости рыбы (как правило, жаберные крышки) и единичные фрагменты трубчатых костей птиц. Во втором и третьем условных горизонтах обнаружено 17 ветвей нижних челюстей соболя. В одном случае зафиксировано их скопление (5 экз.).

Изделия из костей животных найдены преимущественно в условном горизонте 3 (94 из 110 экз.). В основном это – фрагменты шлифованных изделий: фигурок (рис. 2, 48), острый и прокол, острог (рис. 2, 38, 46), заготовок костяных кинжалов. Среди целых изделий проколки из грифельной кости, роговые посредники и отжимники, землеройные инструменты (рис. 2, 43–45).

Как интересную находку в данной категории следует отметить фрагмент плоской подвески в виде фигурки рыбы с клювовидной головой (рис. 2, 49). Отдельно зафиксировано компактное скопление изделий из кости: два наконечника одной остроги (рис. 1, 39, 40); две заготовки из расколотой повдоль кости ноги копытного; продольный фрагмент челюсти крупного травоядного со следами грубой обработки; фрагмент трубчатой кости крупного копытного со следами обработки. Сверху скопление перекрывали лежавшие навстречу друг другу левая половина нижней челюсти косули и правая половина нижней челюсти молодого оленя без следов обработки.

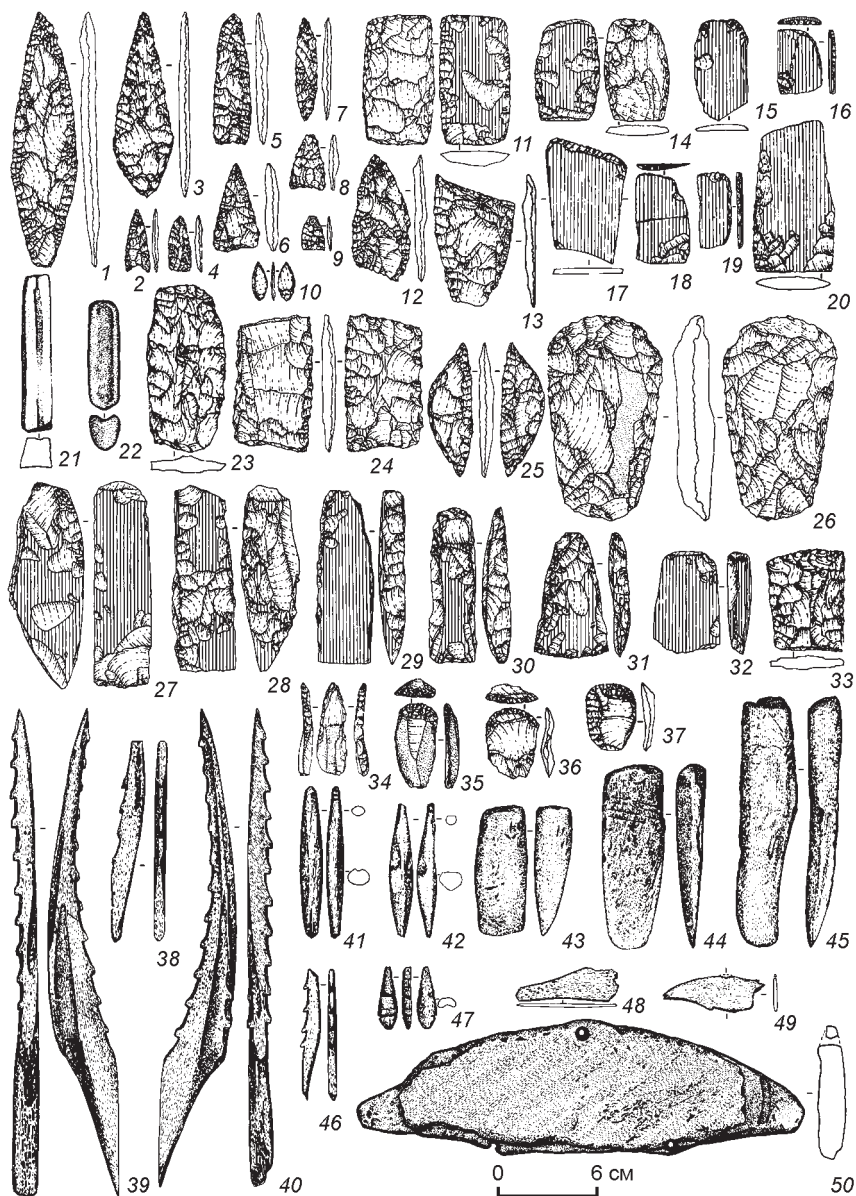

Рис. 2. Изделия неолитического времени с памятника Сергушкин-1, пункт «А». 1-10 – остроконечники; 11-20, 23-26, 33 – ножи; 21, 22 – абразивы; 27-32 – тесла; 34-37 – скребки; 38-40, 46 – остроги; 41, 42, 47 – стерженьки; 43-45 – копалки; 48 – фрагмент изделия; 49 – подвеска «рыба»; 50 – скульптура янусовидной рыбы (1-37, 41, 42, 47, 50 – камень; 38-40, 43-46, 48, 49 – рог и кость).

Результаты исследований 2012 г. дополняют наши представления о керамических типах, каменной и костяной индустрии неолитического времени стоянки Сергушкин-1 пункт «А» [Герман, Леонтьев, 2011; Привалихин, 2011].

Список литературы

Герман П.В., Леонтьев С.Н. Работы на острове Сергушкин в Северном Приангарье // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 381–385.

Привалихин В.И. Клад каменных артефактов эпохи неолита стоянки и могильника Сергушкин-1, пункт «А» // Второй век подвижничества. – Красноярск, 2011. – С. 152–162.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГУ – Алтайский государственный университет
АН СССР – Академия наук СССР
АО – Археологические открытия
БАЭ – Богучанская археологическая экспедиция
БГПУ – Барнаульский государственный педагогический университет
БашГПУ – Башкирский государственный университет
БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр СО РАН
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет
ГАКК – Государственный архив Красноярского края
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ГАРА – Государственный архив Республики Алтай
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ДВФУ – Дальневосточный федеральный университет
ИАК – Известия археологической комиссии
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИРГО – Императорское русское географическое общество
ИрГТУ – Иркутский государственный технический университет
ИрГУ – Иркутский государственный университет
ИЭА РАН – Институт этнологии и антропологии РАН
ИЭЧ СО РАН – Институт экологии человека СО РАН
КГКУ ГААК – Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Алтайского края»
КРСУ – Кыргызско-Российский славянский университет
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
МАЭ – Материалы по археологии и этнографии
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НАРБ – Национальный архив Республики Бурятия
НГУ – Новосибирский государственный университет
НПЦ – Научно-производственный центр
ОГИКМ – Омский государственный историко-краеведческий музей

ОмГУ – Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
ПМА – Полевые материалы автора
РА – Российская археология
РАН – Российская академия наук
РАЭСК – Российская археологическая и этнографическая конференция студентов и молодых ученых
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГО – Русское географическое общество
СА – Советская археология
САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства
СО РАН – Сибирское отделение РАН
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
ТГУ – Томский государственный университет
УрО РАН – Уральское отделение РАН
ХГУ – Хакасский государственный университет

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

<i>Анойкин А.А., Борисов М.А.</i> НОВЫЕ ДАННЫЕ О СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ИНДУСТРИЯХ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ РУБАС-1 (по материалам раскопок в 2012 году)	4
<i>Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А., Бердников И.М.</i> НОВЫЙ ЭТАП ИССЛЕДОВАНИЙ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ УСТЬ-БЕЛАЯ (ПРИБАЙКАЛЬЕ)	9
<i>Бобров В.В., Марочкин А.Г.</i> РАСКОПКИ НЕОЛИТИЧЕСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ АВТОДРОМ-1 В 2012 ГОДУ	13
<i>Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю.</i> НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ БОБОРЫКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ	19
<i>Болорбат Ц., Гладышев С.А., Гунчинсүрэн Б., Одсүрэн Д., Табарев А.В., Хаценович А.М.</i> АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В БАССЕЙНЕ РЕКИ АЛТААТЫН-ГОЛ (СЕВЕРНАЯ МОНГОЛИЯ)	25
<i>Гладышев С.А., Гунчинсүрэн Б., Болорбат Ц., Одсүрэн Д., Табарев А.В., Хаценович А.М.</i> АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ДОЛИНЕ РЕКИ ХАРГАНЫН-ГОЛ (СЕВЕРНАЯ МОНГОЛИЯ)	30
<i>Деревянко А.П., Анойкин А.А., Борисов М.А.</i> РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ РУБАС-1 (по материалам работ в 2012 году)	36
<i>Деревянко А.П., Болиховская Н.С., Шуньков М.В.</i> ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ КЛИМАТОСТРАТИГРАФИЧЕСКОГО РАСЧЛЕНЕНИЯ ПЛЕЙСТОЦЕНОВЫХ ОТЛОЖЕНИЙ ПЕЩЕРЫ ТРЛИЦА НА СЕВЕРЕ ЧЕРНОГОРИИ	41
<i>Деревянко А.П., Булатович Л., Бакович М., Агаджанян А.К., Вислобокова И.А., Павленок К.К., Кандыба А.В., Чеха А.М.</i> ИССЛЕДОВАНИЯ СКАЛЬНОГО НАВЕСА БИОЧЕ (ЧЕРНОГОРИЯ) В 2012 ГОДУ	46
<i>Деревянко А.П., Дергачева М.И., Феденева И.Н., Нохрина Т.И.</i> ЭКОЛОГИЯ ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕКА И ПАЛЕОПЕДОГЕНЕЗ В ПОЗДНЕМ ПЛЕЙСТОЦЕНЕ НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОГО ХАНГАЯ (по материалам памятника Орхон-1)	51
<i>Деревянко А.П., Маркин С.В.</i> СТРУКТУРА, СОСТАВ И ОСОБЕННОСТИ ТЕХНОКОМПЛЕКСОВ СИБИРЯЧИХИНСКОГО ВАРИАНТА СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА АЛТАЯ	55

Деревянко А.П., Нгуен Зианг Хай, Нгуен Хак Шу, Цыбанков А.А., Кандыба А.В., Тихонов А.Н., Нгуен За Дой, Фан Тхан Тоан РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПЕЩЕРЫ МАНЧИН (ВЬЕТНАМ) В 2011 ГОДУ	59
Деревянко А.П., Нгуен Зианг Хай, Нгуен Хак Шу, Цыбанков А.А., Кандыба А.В., Тихонов А.Н., Чеха А.М., Нгуен За Дой, Фан Тхан Тоан ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ РОССИЙСКО-ВЬЕТНАМСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО ВЬЕТНАМА В 2010–2011 ГОДАХ	63
Деревянко А.П., Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКА ДАРВАГЧАЙ-ЗАЛИВ-1 В 2012 ГОДУ	68
Деревянко А.П., Шуньков М.В., Булатович Л., Агаджанян А.К., Вислобокова И.А., Ульянов В.А., Аноikin А.А., Живанович М. РАСКОПКИ В ПЕЩЕРЕ ТРЛИЦА, СЕВЕРНАЯ ЧЕРНОГОРИЯ	74
Деревянко А.П., Шуньков М.В., Ульянов В.А., Козликин М.Б., Чеха А.М. ИССЛЕДОВАНИЕ ОТЛОЖЕНИЙ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА В ВОСТОЧНОЙ ГАЛЕРЕЕ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ	78
Зенин В.Н. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ В ЛАНДШАФТАХ ГРЯЗЕВОГО ВУЛКАНИЗМА	83
Кирушин К.Ю., Ситников С.М., Сафронов М.И. ИССЛЕДОВАНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ УСТЬЯНКА-ВОДОПОЙ В 2012 ГОДУ	88
Кривошапкин А.И., Павленок К.К., Шнайдер С.В., Шалагина А.В., Мухтаров Г.А. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГРОТА ОБИ-РАХМАТ В 2012 ГОДУ	94
Кулик Н.А., Шуньков М.В. ЖЕЛВАК БУРОГО ЖЕЛЕЗНЯКА ИЗ ПЛЕЙСТОЦЕНОВЫХ ОТЛОЖЕНИЙ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ	99
Ларичев В.Е. ДРЕВНЕКАМЕННЫЙ ВЕК ЕВРОПЫ: ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЕ ВРЕМЯ (реконструкция календарных систем Крайнего Запада Евразийского континента).....	102
Лобачёв Ю.В., Васильев С.К., Орлова Л.А. ПОЗДНЕПЛЕЙСТОЦЕНОВАЯ ТЕРИОФАУНА С РЕКИ ЧУМЫШ (АЛТАЙСКИЙ КРАЙ) И НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО МЕСТОНАХОЖДЕНИЮ НА РЕКЕ ЧИК (НОВОСИБИРСКАЯ ОБЛАСТЬ)	106
Медведев В.Е., Филатова И.В. РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ОСТРОВЕ СУЧУ (1968 год).....	111
Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Орлова Л.А. УНИКАЛЬНЫЙ ПОГРЕБАЛЬНО-РИТУАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ЭПОХИ НЕОЛИТА В БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ.....	117
Номоконова Т.Ю., Горюнова О.И. ФАУНИСТИЧЕСКИЕ ОСТАТКИ ИЗ МНОГОСЛОЙНОГО ПОСЕЛЕНИЯ САГАН-НУГЭ (ОЗЕРО БАЙКАЛ)	123

Оводов Н.Д. НОВЫЙ ВИД ПЛЕЙСТОЦЕНОВОГО ВОЛКА – CANIS SUBTILIS (N. OV).....	128
Павленок Г.Д., Павленок К.К., Козай С.А. УТОЧНЕНИЕ СТРАТИГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА СТОЯНКЕ УСТЬ-КЯХТА-3 (ЗАПАДНОЕ ЗАБАЙКАЛЬЕ)	133
Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. ИССЛЕДОВАНИЕ ФИНАЛА СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА СТОЯНКИ ДАРВАГЧАЙ-ЗАЛИВ-1 В 2012 ГОДУ	138
Собольникова Т.Н. ПОСЕЛЕНИЕ СОГОМ-41 – НОВЫЙ ПАМЯТНИК ЭПОХИ НЕОЛИТА В НИЖНЕМ ПРИИРТЫШЬЕ	142
Хаценович А.М., Гунчинсүрэн Б., Болорбат Ц., Одсүрэн Д. РАСКОПКИ НОВОГО МНОГОСЛОЙНОГО ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА ХАРГАНЫН-ГОЛ-5 В 2012 ГОДУ (СЕВЕРНАЯ МОНГОЛИЯ).....	146

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Азаренко Ю.А., Комиссаров С.А. О ЗНАЧЕНИИ ТАЙВАНЬСКИХ МЕГАЛИТОВ	152
Асеев И.В., Панюхин М.В. РЕЗУЛЬТАТЫ РЕКОГНОСЦИРОВОЧНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ДОЛИНЕ РЕКИ ИЛИМ В 2010–2012 ГОДАХ.....	156
Ахметов В.В., Алкин С.В. РАЗВЕДОЧНЫЕ РАБОТЫ В РАЙОНЕ УСТЬ-ЧЁРНИНСКОГО ГОРОДИЩА	160
Баранова Н.С., Герасимов Ю.В., Корусенко М.А. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ИЗ СОСТАВА МОГИЛЬНИКА ЧЕРТАЛЫ-4: НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ	164
Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ ДОЛГАЯ-1 НА ЮГЕ НИЖНЕГО ПРИТОМЬЯ (предварительные итоги).....	170
Бородовский А.П., Тишкин А.А., Хаврин С.В. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ СОСТАВА МЕТАЛЛА ИЗДЕЛИЙ ИЮССКОГО КЛАДА (РЕСПУБЛИКА ХАКАСИЯ)	175
Киришин Ю.Ф., Косинцев П.А., Грушин С.П., Палин Д.В. СКОТОВОДСТВО НА АЛТАЕ В ЭПОХУ БРОНЗЫ	180
Киришин К.Ю., Силантьева М.М., Дядьков П.Г., Михеев О.А., Позднякова О.А. МАГНИТОМЕТРИЧЕСКИЕ И БОТАНИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПОСЕЛЕНИИ НОВОИЛЬИНКА III В 2012 ГОДУ	184
Комиссаров С.А., Соловьев А.И., Кудинова М.А., Азаренко Ю.А. КАМЕННАЯ СКУЛЬПТУРА В ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСАХ КИТАЯ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.....	189

Кубарев Г.В.	
ПЕТРОГЛИФЫ СЫРНАХ-ГОЗЫ	195
Кузьмин Я.В., Зольников И.Д., Софеев О.В., Новикова О.И., Глушкова Н.В., Чупина Д.А., Ануфриев Д.Е.	
РЕЗУЛЬТАТЫ ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ВЕНГЕРОВСКОМ РАЙОНЕ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ В 2012 ГОДУ	201
Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Паришков С.Н.	
СЕРАФИМОВ КАМЕНЬ – АСТРОНОМИЧЕСКАЯ ОБСЕРВАТОРИЯ И АСТРОСВЯТИЛИЩЕ ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (боги, Солнце, звезды и Мировая гора в мировоззрении жречества эпохи бронзы Хакасии).....	206
Лбова Л.В., Волков П.В., Батаргина И.А., Митко О.А.	
ГРАВИРОВАННАЯ ГАЛЬКА ТОРГАЖАКСКОЙ ТРАДИЦИИ ИЗ МЕСТНОСТИ АК-ДАГ (РЕСПУБЛИКА ТЫВА)	211
Медведев В.Е.	
ГОРОДИЩА НА РЕКАХ ТУНГУСКА И УССУРИ	216
Молодин В.И., Бортникова С.Б., Матасова Г.Г., Казанский А.Ю., Балков Е.В., Дядьков П.Г., Позднякова О.А., Абросимова Н.А., Карин Ю.Г., Кулешов Д.А.	
РЕЗУЛЬТАТЫ ГЕОФИЗИЧЕСКИХ, ГЕОХИМИЧЕСКИХ И ПЕТРОМАГНИТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКА ВЕНГЕРОВО-2	221
Молодин В.И., Дураков И.А., Софеев О.В., Ненахов Д.А.	
БРОНЗОВЫЙ КЕЛЬТ ТУРБИНСКОГО ТИПА ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ БАРАБЫ.....	226
Молодин В.И., Наглер А., Хансен С., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Новикова О.И., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Васильева Ю.А., Ковырина Ю.Н., Кудинова М.А., Мосечкина Н.Н., Ненахов Д.А., Нестерова М.С., Сальникова И.В.	
РИТУАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ ВОСТОЧНОГО АРЕАЛА ПАХОМОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ПАМЯТНИКЕ ТАРТАС-1 (ОБЬ-ИРТЫШСКАЯ ЛЕСОСТЕПЬ)	231
Молодин В.И., Нестерова М.С., Мыльникова Л.Н., Ефремова Н.С., Борзых К.А.	
ОРГАНИЗАЦИЯ ЖИЛОГО ПРОСТРАНСТВА НОСИТЕЛЯМИ КРОВОТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (на примере поселения Венгерово-2)	237
Мыльников В.П., Быков Н.И., Слюсаренко И.Ю., Тишкин А.А.	
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДЕРЕВЯННЫХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ АЛТАЯ В СВЕТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ПОДХОДА	242
Наглер А., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Молодин В.И., Хансен С.	
АНДРОНОВСКИЕ (ФЕДОРОВСКИЕ) КУРГАНЫ МОГИЛЬНИКА ПОГОРЕЛКА-2 В ЦЕНТРАЛЬНОЙ БАРАБЕ.....	249
Ненахов Д.А.	
К ВОПРОСУ О ТАМГООБРАЗНЫХ ЗНАКАХ НА ТАГАРСКИХ КЕЛЬТАХ	254
Нестерова М.С., Мыльникова Л.Н.	
К РЕКОНСТРУКЦИИ ОЧАЖНЫХ УСТРОЙСТВ ОДИНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (по материалам поселения Старый Тартас-5).....	258

Новиков А.В., Слюсаренко И.Ю., Швец О.Л., Ломов П.К. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ВОЙКАРСКОМ ГОРОДКЕ В 2012 ГОДУ	262
Полосьмак Н.В., Богданов Е.С. КИТАЙСКАЯ КОЛЕСНИЦА ИЗ 22-го НОИН-УЛИНСКОГО КУРГАНА	267
Скобелев С.Г., Рюмишин М.А. СПОСОБЫ ДОРАБОТКИ РЕЛЬЕФА МЕСТНОСТИ ПРИ СОЗДАНИИ ОБЪЕКТОВ ФОРТИФИКАЦИИ НА ЮГЕ ПРИЕНИСЕЙСКОГО КРАЯ В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА	270
Соловьев А.И., Соловьева Е.А. К ВОПРОСУ ОБ «ОДЕВАНИИ» ЖЕНСКИХ СТАТУЭТОК	274
Степанова Н.Ф. АФАНАСЬЕВСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ УЗНЕЗЯ-1 В ГОРНОМ АЛТАЕ	278
Табарев А.В. ДРЕВНИЕ КУЛЬТУРЫ ТИХООКЕАНСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ: ТУМАКО-ЛА-ТОЛИТА	283
Татауров С.Ф., Черная М.П. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ЦЕНТРЕ ГОРОДА ТАРЫ В 2012 ГОДУ	288
Татаурова Л.В. РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РУССКОГО КОМПЛЕКСА АНАНЬИНО I В 2011–2012 ГОДАХ	292
Худяков Ю.С. НАХОДКИ ПРЕДМЕТОВ СЯНЬБИЙСКОЙ ТОРЕВТИКИ В МОНГОЛИИ	296
Худяков Ю.С., Орозбекова Ж. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОРУЖИЯ В ОФОРМЛЕНИИ НАДМОГИЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ КУРГАНОВ ТЯНЬ-ШАНЯ	301
Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Борисенко А.Ю., Акматов К.Т. ИЗУЧЕНИЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ ВОИНОВ НА ПЕТРОГЛИФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ ПРИИССЫККУЛЬЯ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ КЫРГЫЗСТАНА	306
Черемисин Д.В. ПЕТРОГЛИФЫ В СТИЛЕ ОЛЕННЫХ КАМНЕЙ НА АЛТАЕ: НОВЫЕ НАХОДКИ И РАЗМЫШЛЕНИЯ	310
Шульга П.И., Гирченко Е.А., Шульга Д.П. О ХРОНОЛОГИИ МОГИЛЬНИКА ЮЙХУАНМЯО (КИТАЙ)	316

ЭТНОГРАФИЯ

Бадмаев А.А. К ВОПРОСУ О «ДИКОСТИ» ОЛЬХОНСКИХ БУРЯТ В XIX ВЕКЕ	322
Бельгибаев Е.А., Николаев В.В. ВСЕРОССИЙСКАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ 1917 ГОДА КАК ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (НА ПРИМЕРЕ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРИЙ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ)	326

Блинова А.Н.	
НЕМЕЦКАЯ ЭТНИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ.....	330
Болонев Ф.Ф.	
ИЗДЕЛИЯ ИЗ БЕРЕСТЫ В ХОЗЯЙСТВЕННОМ БЫТУ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ	334
Бурнаков В.А.	
СВЯЩЕННАЯ ГОРА <i>ИРТ-ТАҒ</i> – САМОХВАЛ В МИФОРИТУАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ ХАКАСОВ (КОНЕЦ XIX – XX ВЕК).....	338
Голубкова О.В.	
МИФОПОЭТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ОДУХОТВОРЕНИЯ ЛЕСА У СЕТУ И РУССКИХ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ.....	342
Зуев А.С.	
О ВЛАСТНОМ СТАТУСЕ ТУНГУССКОГО КНЯЗЯ ГАНТИМУРА.....	346
Ким Е.В.	
К ВОПРОСУ О ВОЗВРАЩЕНИИ ГРАЖДАН НА КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ: ДВА ПУТИ РЕПАТРИАЦИИ.....	350
Лоенко Е.Е.	
КОЛЛЕКЦИЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ПОЛОТЕНЕЦ И РУШНИКОВ В ФОНДАХ МУЗЕЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ИАЭТ СО РАН	354
Лыгденова В.В., Дашинамжилов О.Б.	
ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1959–1989 годы)	358
Любимова Г.В.	
К ВОПРОСУ О ФОРМАХ МАТЕРИАЛЬНОГО ВОПЛОЩЕНИЯ НАРОДНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: ФЕНОМЕН СВЯТЫХ МЕСТ (на материалах истории Сибири).....	362
Люцидарская А.А.	
ДАРООБМЕН И ПРАКТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА С НАРОДАМИ СИБИРИ	366
Люцидарская А.А., Майничева А.Ю.	
СУДНЫЕ ДЕЛА ТОМСКОЙ СЪЕЗЖЕЙ ИЗБЫ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ АСПЕКТОВ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА	370
Майничева А.Ю.	
ПРОГРАММА ОБСЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТОВЫХ ОБЪЕКТОВ РУССКИХ В СИБИРИ (ЗДАНИЙ, СООРУЖЕНИЙ, МЕСТ СОВЕРШЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБРЯДОВ).....	374
Москвина М.В.	
СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ЮВЕЛИРНЫХ УКРАШЕНИЙ И ОДЕЖДЫ В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ.....	378
Николаев В.В.	
ИНСТИТУТ ДАРЕНИЯ В ТРАДИЦИОННОЙ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДГОРИЙ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ.....	382
Октябрьская И.В.	
ДЖУМАЛИНСКИЙ КЛЮЧ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ ПОЧИТАНИЯ СВЯЩЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ НА АЛТАЕ (по полевым материалам 2012 года).....	386

Понедельченко Л.О.	
ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ФЕСТИВАЛЯ «СЛАВЯНСКОЕ ПОДВОРЬЕ» В Г. НОВОСИБИРСКЕ	390
Сальникова И.В.	
АРХИВ В.А. ТИМОХИНА	394
Самушкина Е.В.	
КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ (НА МАТЕРИАЛАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАРАКОЛЬСКОГО ЭТНОПРИРОДНОГО ПАРКА «УЧ-ЭНМЕК»).....	398
Сураганова З.К., Октябрьская И.В.	
ПОНЯТИЯ «МУШЕЛЬ»И «ЖЛІК» В ТРАДИЦИОННОЙ КАЗАХСКОЙ КУЛЬТУРЕ.....	402
Томилов Н.А., Жигунова М.А.	
СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД ОМСКОЙ ЭТНОГРАФИИ	406
Фурсова Е.Ф.	
ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ КОД И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ СИБИРИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ.....	410
Хлуднева Ю.В.	
ГЕНЕАЛОГИИ НЕМЦЕВ-МЕННОНИТОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ КАК ИСТОЧНИК ПО ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ (по полевым материалам 2011–2012 годов)	414
Цыряпкина Ю.Н.	
ПРОБЛЕМЫ САООПРЕДЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ОБЩИНЫ УЗБЕКИСТАНА	417
Чемчиева А.П.	
ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ АЛТАЙСКИХ СУБЭТНОСОВ В ОБЩЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ	421

ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИАЭТ СО РАН НА ОБЪЕКТАХ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АЗИАТСКОЙ РОССИИ

Богданов Е.С., Бородовский А.П.	
НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО КЕРЕКСУРАМ ГОРНОГО АЛТАЯ.....	426
Выборнов А.В., Котляров А.В., Присекайло А.А.	
ИТОГИ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СТОЯНКИ ГОРА КУТАРЕЙ В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ В 2010–2012 ГОДАХ.....	431
Гаркуша Ю.Н., Гришин А.Е., Марченко Ж.В., Казакова Е.А., Дудко А.А.	
ИССЛЕДОВАНИЕ РАЗНОВРЕМЕННОЙ СТОЯНКИ И НЕОЛИТИЧЕСКОГО МОГИЛЬНИКА УСТЬ-ЗЕЛИНДА-1 (СЕВЕРНОЕ ПРИАНГАРЬЕ)	435
Герман П.В., Савин А.Н., Рыбин Е.П.	
БРОНЗОВЫЙ НОЖ С ОСТРОВА СЕРГУШКИН	440

Кениг А.В., Зайцева Е.А. РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МОГИЛЬНИКА ГОРНОПРАВДИНСКИЙ В 2012 ГОДУ	445
Липнина Е.А., Лохов Д.Н. СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ НА ОБЪЕКТАХ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ УСТЬ-ЁДАРМА II И ДЕРЕВНЯ ЁДАРМА В 2012 ГОДУ	448
Марченко Ж.В., Гаркуша Ю.Н., Гришин А.Е., Казакова Е.А. ИССЛЕДОВАНИЯ НА МОГИЛЬНИКЕ УСТЬ-ЗЕЛИНДА-2 В 2012 ГОДУ	453
Новосельцева В.М., Соколова Н.Б. ГЕОХРОНОЛОГИЯ ГОЛОЦЕНОВЫХ КОМПЛЕКСОВ МНОГОСЛОЙНОГО ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ УСТЬ-КЕУЛЬ-1 В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ	459
Постнов А.В., Басова Н.В. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ ОСТРОВ СОСНОВЫЙ ТУШАМСКИЙ В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ	465
Постнов А.В., Выборнов А.В., Яровой Б.П. ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНОЧНОГО КОМПЛЕКСА УСТЬ-КАТА-2 В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ В 2012 ГОДУ	470
Рыбин Е.П., Славинский В.С., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г. ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ УСТЬ-ТУШАМА-1 В 2012 ГОДУ	473
Савельев Н.А., Тимощенко А.А., Тютрин А.А., Бочарова Е.Н., Быкова М.В. СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ НА МЕСТОНАХОЖДЕНИЯХ ОСТРОВА КАМЕННЫЙ (60 км) И УСТЬ-ЖЕВАКАН В 2012 ГОДУ	478
Савин А.Н., Солодская О.В., Груздева Е.А. ИССЛЕДОВАНИЕ ПОСЕЛЕНЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА УСТЬ-ВЕРЕЯ-2 В 2012 ГОДУ	483
Славинский В.С., Герман П.В., Леонтьев С.Н., Рыбин Е.П. МАТЕРИАЛЫ НЕОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ СТОЯНКИ СЕРГУШКИН-1 ПУНКТ «А» (РАСКОПКИ 2012 ГОДА)	486
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	492

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ,
ЭТНОГРАФИИ, АНТРОПОЛОГИИ СИБИРИ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ**

Материалы Итоговой сессии
Института археологии и этнографии СО РАН 2012 года

ТОМ XVIII

Технический редактор *М.В. Геращенко*
Дизайнер обложки *А.А. Фурсенко*

Подписано к печати 06.12.2012 г. Бумага офсетная. Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 31,38. Уч.-изд. л. 29. Тираж 300 экз. Заказ № 314.

Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17.